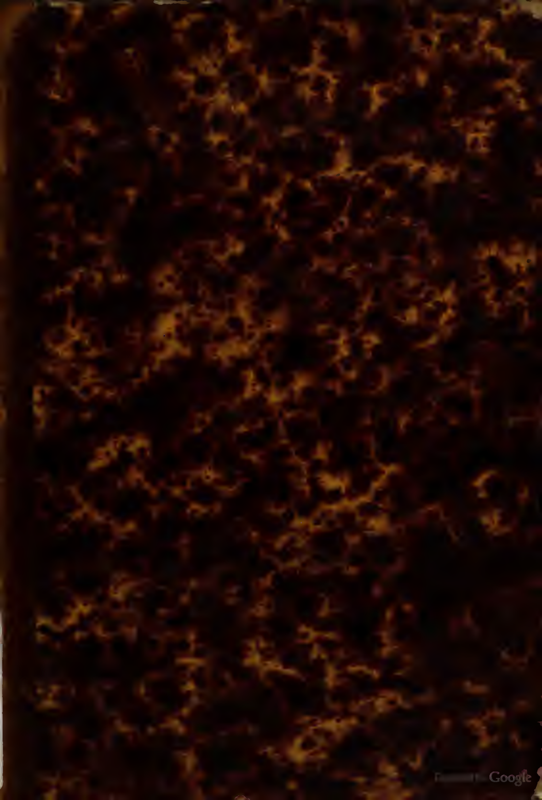


ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ИЗДАНІЕ

В. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 мая 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

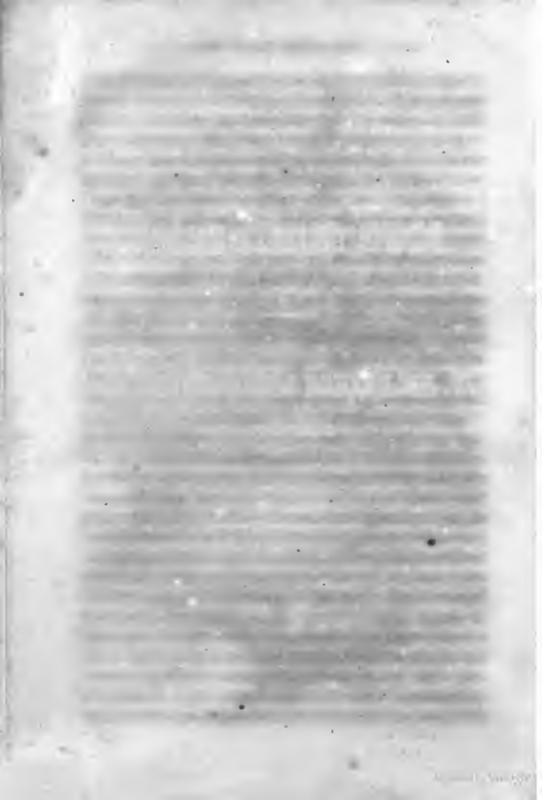
IV. Послѣдняя эпоха среднихъ вѣковъ.

V. Западная Европа во второй половинѣ XIV вѣка.

VI. Италія и Германія отъ папы Урбана V до собора въ Пизѣ.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

IV. ПОСЛѢДНЯЯ ЭПОХА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.



I. ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ И АНГЛІИ,

ОТЪ НАЧАЛА СПОРА МЕЖДУ ФИЛИППОМЪ IV И БОНИФАЦІЕМЪ VIII ДО СМЕРТИ КАРЛА VI И ЭДУАРДА II.

I. Филиппъ IV Красивый.

Во время войны Филиппа IV съ графомъ фландрскимъ (т. VII. стр. 441) возникъ также споръ между французскимъ королемъ и папою Бонифаціемъ VIII, — споръ, перешедшій скоро въ ожесточенную борьбу, имѣвшую громадныя послѣдствія и для Франціи и для римской церкви. Въ январѣ 1296 г. Бонифацій издалъ знаменитую буллу, которою воспрещалъ духовенству платить подати свѣтской власти. Въ отвѣтъ на эту буллу, хотя и не указывая на нее, Филиппъ запретилъ подъ строгимъ наказаніемъ вывозъ за границу оружія, лошадей, металловъ, какъ въ монетѣ, такъ и слиткахъ, и даже трасированіе иностранныхъ векселей французскими деньгами. Съ этой минуты между главою церкви и французскимъ королемъ возникла непримиримая вражда, съ самаго начала возстановившая противъ папы всю Италію: итальянскіе купцы обвиняли его въ подрывѣ ихъ торговли, а лица, пользовавшіяся во Франціи рен-

тами съ предоставленныхъ въ пользу церкви имѣній,—въ пресѣченіи ихъ доходовъ. Бонифацій рѣшился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Онъ отвѣтилъ на королевское повелѣніе новою буллою, въ которой повторялъ воспрещеніе облагать податями духовенство и дѣлалъ строгій выговоръ Филиппу за его распрю съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ I и императоромъ германскимъ Адольфомъ. Новая булла нисколько не испугала французскаго короля. Филиппъ издалъ особый манифестъ. Въ немъ онъ оправдывалъ свои дѣйствія относительно Англіи и Германіи, отвергалъ притязанія духовенства и его главы распространить свою власть на дѣла, въ которыя они не имѣли права вмѣшиваться, и упрекалъ ихъ въ изнѣженности и развратѣ. Упреки эти, въ то время повсюду раздававшіеся противъ духовенства, послужили впослѣдствіи Филиппу поводомъ къ искусному обвиненію тампліеровъ. „Изъ одного ли духовенства состоитъ христіанская церковь“? спрашиваетъ онъ. „Даютъ ли ему его старинныя привилегіи право отнимать у государей средства къ управленію и защитѣ ихъ государствъ? и можно ли оставлять духовенство утопать въ нѣгѣ и сладострастной роскоши, когда отечество нуждается въ ихъ деньгахъ?“

На этотъ разъ папа былъ вынужденъ уступить. Въ 1297 г. онъ отказался отъ своихъ требованій, объявивъ, что булла о налогахъ на духовенство не касается Франціи, а Филиппъ съ своей стороны согласился принять его посредничество въ спорѣ съ Англіею и Фландріею. Но миръ съ папою продолжался не долго. Французскій король, не любившій отдавать назадъ однажды захваченное имъ, остался недоволенъ папскимъ рѣшеніемъ. Вспыльчивый и раздражительный папа увлекся до опрометчивости, считая упорство тѣмъ болѣе возможнымъ, что предметомъ новаго спора былъ вопросъ чисто церковный. Одинъ изъ предшественниковъ Бонифація, безъ согласія французскаго короля, отдѣлилъ отъ тулузской епархіи округъ города Памье и образовалъ изъ него отдѣльное епископство, а Бонифацій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по примиреніи съ Филиппомъ, привелъ въ исполненіе эту мѣру. Онъ назна-

чилъ епископомъ Памье Бернара Саиссетти, человѣка вполнѣ ему преданнаго, но ненавистнаго Филиппу, не признававшаго никакихъ обязанностей относительно свѣтской власти и скоро оскорбившаго самого французскаго короля. Однако и эти новыя недоразумѣнія могли бы уладиться, если бы папа не отправилъ въ 1031 г. ненавистнаго Филиппу епископа легатомъ къ французскому двору. Надменный Саиссетти почти угрожающимъ тономъ потребовалъ отъ короля освобожденія графа фландрскаго, и старинная непріязнь между Филиппомъ и Бонифаціемъ разгорѣлась въ непримиримую вражду.

Противники были вполнѣ достойны другъ друга. Чтобы ни говорили въ наше время въ пользу папы защитники іерархическаго порядка или добродушные и простосердечные историки, шлепающіеся въ своихъ воззрѣніяхъ по избитой колеѣ большинства, но Бонифацій не уступалъ противнику въ жадности, властолюбіи, высокомѣріи и неразборчивости въ средствахъ. Побѣда осталась за королемъ, который, съ свойственной нѣкогда папамъ мѣткостью, съумѣлъ обратить въ свою пользу всѣ юридическія формулы и тонкости ученыхъ законовѣдовъ и заинтересовать споромъ духовенство и свѣтскія сословія Франціи — въ то время, какъ Бонифацій только горячился и увлекался. Епископа Памье, позволившаго себѣ, въ качествѣ папскаго легата, говорить высокомѣрнымъ тономъ на королевской аудіенціи, Филиппъ заставилъ покинуть со стыдомъ французскій дворъ и потомъ велѣлъ его обвинить въ оскорбленіи величества и другихъ преступленіяхъ. Юристы, обратившіе уже въ то время право въ политическое орудіе, оказали въ этомъ дѣлѣ французскому королю большія услуги своими утонченными уловками. Вообще весь образъ дѣйствій Филиппа былъ чрезвычайно схожъ съ образомъ дѣйствій лучшихъ и хитрѣйшихъ министровъ новѣйшаго времени. Изъ наукъ, процвѣтаніе которыхъ во Франціи началось со времени его дѣда, онъ старался извлекать все, что могло принести денежныя выгоды и прямую практическую пользу. Но нельзя, конечно, отвергать и того, что

черезъ это наука выиграла и что въ парижской школѣ того времени господствовало образованіе и научное направленіе, которыя такъ же мало нравились королю, какъ и папѣ. Изъ французскихъ ученыхъ Филиппъ преимущественно покровительствовалъ Петру Флотту, разработывавшему теоретически и практически искусство обогащать королевскую казну, и Гильому Ногаре, умѣвшему своими громадными познаніями и талантами придавать насилію законную форму. Ногаре особенно замѣчателенъ еще тѣмъ, что былъ однимъ изъ немногихъ средневѣковыхъ ученыхъ, втершихся въ баронскую аристократію, подобно многимъ нынѣшнимъ ученымъ профессорамъ, душою и тѣломъ преданнымъ знати. Профессоръ законовѣдѣнія въ Монпеллье, онъ былъ возведенъ въ рыцарское званіе за услуги, оказанныя Филиппу въ его первомъ спорѣ съ Бонифаціемъ, получилъ (1301 — 1303 г.) за содѣйствіе королю баронію и два помѣстья, а въ 1307 г. былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ. При обвиненіи епископа Памье, Флоттъ и Ногаре, которые вели все дѣло, выказали самымъ блистательнымъ образомъ свое искусство примѣнять къ цѣлямъ правительства византійско-римское право. Они составили противъ епископа громкій обвинительный актъ, отвергли требованіе папы представить ему, какъ высшему духовному судьѣ, рѣшеніе этого дѣла и начали процессъ тѣмъ, что, не выслушавъ оправданій епископа, лишили его власти и, какъ преступника, подъ конвоемъ перевезли въ Парижъ.

Разбѣшенный папа прибѣгнулъ къ крайнимъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе необдуманнымъ, что ему нельзя было расчитывать и на поддержку Италіи, гдѣ его также ненавидѣли. Въ декабрѣ 1301 г. онъ отправилъ во Францію буллу, въ которой утверждалъ, что папѣ принадлежитъ верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Это, уже прежде высказанное, притязаніе, въ опроверженіе котораго Данте написалъ впослѣдствіи цѣлую книгу, давно возбуждало неудовольствіе въ Италіи. Петръ Флоттъ, Вильгельмъ Ногаре и другіе законовѣды,—все люди, въ правовѣ-

ріи которыхъ никто не сомнѣвался, — возстали тогда противъ Бонифація, основываясь на духовномъ и свѣтскомъ правѣ. Послѣдняя булла, лишая французскихъ королей всѣхъ преимуществъ, формально подтвержденныхъ за ними граматами прежнихъ папъ — преимуществъ, которыми гордились французы, — сдѣлала съ самаго начала споръ Филиппа съ папою вопросомъ народнымъ. Объявивъ, что папская булла направлена противъ правъ народа и государства, король приказалъ, въ февралѣ 1302 г., публично сжечь ее въ Парижѣ. Но, считаясь помазанникомъ и государемъ милостью божіею и основывая свои права на волѣ Бога, земнымъ представителемъ котораго былъ папа, Филиппъ необходимо долженъ былъ, для успѣшной борьбы съ Бонифаціемъ, опереться на права народа, остававшіяся съ незапамятныхъ временъ безъ дѣйствія, но нисколько не утратившія отъ того своей силы. Въ апрѣлѣ 1302 г. онъ созвалъ въ Парижъ депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ, и прибѣгнулъ, для борьбы съ абсолютизмомъ папъ, къ собранію государственныхъ чиновъ (états généraux), впервые составленному тогда изъ представителей всего народа. Четыреста восемьдесятъ лѣтъ спустя подобное же собраніе начало борьбу съ неограниченною властью королей. Собраніе, созванное Филиппомъ, состояло изъ свѣтскихъ феодаловъ, прелатовъ, депутатовъ отъ капитуловъ, университетовъ, всѣхъ аббатовъ и двухъ депутатовъ отъ каждаго города. Какъ ни виляло, ни интриговало духовенство, чтобы помѣшать собранію объявить себя противъ папы, но Петру Флотту удалось своимъ краснорѣчіемъ возбудить негодованіе противъ посягательствъ Бонифація на права Франціи. Опасаясь сдѣлаться предметомъ всеобщей ненависти, духовенство, волею-неволею, должно было присоединиться къ большинству и отправило посланіе къ Бонифацію, стараясь въ мягкихъ выраженіяхъ склонить его на миръ. Въ то же время въ Римъ были посланы депутаты отъ собранія, въ сопровожденіи королевскаго уполномоченнаго, съ протестомъ противъ дѣйствій папы.

Бонифацій, между тѣмъ, созвалъ въ Римѣ соборъ, на который, не смотря на строгое запрещеніе Филиппа, явилось до сорока французскихъ епископовъ. Впрочемъ духовные, пріѣхавшіе изъ Франціи въ папскую столицу, какъ напр. архіепископъ бордосскій, Бертранъ, считались прямыми подданными не французскаго короля, а англійскаго или другихъ государей. Разсерженный папа, нападая на Филиппа и его подданныхъ, забылъ всякое приличіе: онъ называлъ французское духовенство своею безумною дочерью, Петра Флотта — Ахитофеломъ, поклонникомъ дьявола и Ваала. На посланіе духовенства Бонифацій отвѣтилъ однако довольно умѣренно и держалъ себя очень осторожно относительно короля. Онъ отперся отъ того, будто утверждалъ, что французскій король вассалъ папы, прибавляя, что отлученіе было направлено не собственно противъ Филиппа, а вообще противъ тѣхъ, кто сталъ бы воспрещать епископамъ ѣздить въ Римъ. Переговоры, какъ и слѣдовало ожидать, не привели ни къ чему. Въ ноябрѣ Бонифацій издалъ знаменитую буллу Unam Sanctam, формально предписывая всѣмъ странамъ то, въ чемъ еще такъ недавно отпирался относительно Франціи. Этой новой буллѣ и угрозѣ отлученія Филиппъ противопоставилъ своихъ юристовъ. Весною слѣдующаго года онъ созвалъ французскихъ бароновъ и епископовъ, явившихся впрочемъ въ небольшомъ числѣ. Передъ ними Ногаре, какъ государственный адвокатъ, сталъ въ сильныхъ выраженіяхъ обвинять папу. Согласно принятому порядку, онъ заранѣе апеллировалъ къ слѣдующему собору противъ ожидаемаго отъ папы отлученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обвинялъ Бонифація, какъ преступника, передъ собраніемъ, не имѣвшемъ ни какого права судить его, и потребовалъ, чтобы оно уполномочило короля арестовать папу. Собраніе согласилось на требованія Ногаре.

Папа не уступалъ королю и дѣйствовалъ энергично. Въ апрѣлѣ онъ отлучилъ короля отъ церкви, освободилъ его подданныхъ отъ присяги въ вѣрности и вторично потребовалъ въ Римъ французскихъ епископовъ. Не довѣряя вполнѣ французскому духовенству,

застращенному, но далеко не преданному свѣтской власти, Филиппъ рѣшился снова противопоставить ненависть народа грозившему Франціи клерикальному владычеству, и съ этою цѣлью вновь созвалъ въ Парижъ свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ. На это собраніе, происходившее въ іюнѣ 1303 г., явилось болѣе духовенства, чѣмъ на предъидущее. Самыми рѣшительными противниками папы оказались свѣтскіе представители южной Франціи, лучше другихъ понимавшіе, что̀ означаютъ на папскомъ языкѣ: искорененіе ереси, гоненія на еретиковъ, инквизиціонные суды. На югѣ папство и монашество были ненавистны даже простому народу. Четыре барона, въ томъ числѣ братъ короля, обвиняли папу въ самыхъ гнусныхъ поступкахъ, взводя на него даже смѣшныя, явно выдуманныя обвиненія, какъ напримѣръ обвиненіе въ колдовствѣ. Собраніе постановило созвать немедленно соборъ для суда надъ Бонифаціемъ, какъ надъ беззаконнымъ папою, и протестовало противъ всѣхъ его прежнихъ и будущихъ распоряженій, относившихся до короля и Франціи. По торжественномъ обнародованіи этого постановленія правительство прибѣгло къ системѣ адресовъ, уловкѣ, столь избитой въ наше время: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ королю было прислано со всѣхъ концовъ Франціи болѣе семисотъ адресовъ, выражавшихъ сочувствіе его намѣренію апеллировать на папу.

Филиппъ не замедлилъ воспользоваться обстоятельствами. Войдя еще прежде въ сношенія съ врагами Бонифація въ Италіи, преимущественно съ римскою фамиліею Колонна, и условившись съ ними захватить папу, онъ отправилъ въ Италію Гильома Ногаре съ большими денежными суммами и векселями. Въ сентябрѣ Ногаре и Колонна напали на папу въ Ананьи, его родинѣ, и захватили его въ плѣнъ. Три дня не выпускали они Бонифація изъ его дома, подвергая такому жестокому обращенію, — въ чемъ особенно отличался Шіарра Колонна, — что бѣшенство его дошло почти до сумасшествія. На третій день одному изъ папскихъ кардиналовъ, успѣвшему скрыться, удалось возбудить населеніе Ананьи

противъ Колонны и Ногаре и выгнать ихъ изъ города. Бонифацій отправился въ Римъ и, чтобы не попасть въ руки Колонны, отдался Орсини, державшему его плѣнникомъ въ Ватиканѣ. Тутъ папа окончательно помѣшался и кончилъ свою безпокойную жизнь 11-го октября 1303 г. Его преемникъ, Бенедиктъ XI, кроткій и набожный доминиканецъ, тотчасъ же принялся наружною скромностью и податливостью залечивать раны, нанесенныя церкви Бонифаціемъ въ спорѣ съ Франціею, и всячески старался отклонить предстоявшій грозный соборъ. Шестью быстро слѣдовавшими одна за другою буллами онъ отмѣнилъ всѣ опрометчивыя постановленія своего предшественника, снялъ съ Филиппа отлученіе и уничтожилъ въ оффиціальныхъ актахъ Бонифація все, что въ нихъ было оскорбительнаго для французскаго короля. Этими уступками новый папа хотѣлъ только примириться съ Филиппомъ и вскорѣ не преминулъ вступиться за своего предшественника. Онъ оставилъ въ полной силѣ гнусную буллу Unam Sanctam и поразилъ отлученіемъ Ногаре, Шіарра Колонну и всѣхъ участвовавшихъ въ плѣненіи и оскорбленіи Бонифація. Вырвавшись, съ помощью Орсини, изъ подъ зависимости партій, Бенедиктъ XI удалился въ Перуджію, гдѣ и умеръ въ іюнѣ 1304 г. такъ внезапно, что смерть его даже приписывали отравѣ.

По смерти его французы и приверженцы ихъ употребили всѣ усилія, чтобы выборъ папы, происходившій въ Перуджіи, палъ на преданнаго французскому королю епископа. За несогласіемъ пятнадцати кардиналовъ, избраніе длилось 11 мѣсяцевъ. Уставъ дожидаться, граждане Перуджіи осадили кардиналовъ, сняли крышу съ церкви, въ которой они засѣдали, не давали имъ ѣсть, и грозили еще худшимъ, если кардиналы немедленно не согласятся въ выборѣ новаго папы. На это-то и расчитывалъ хитрый Филиппъ. Зная, что архіепископъ бордосскій Бертранъ, извѣстный за противника французовъ, какъ защитникъ Бонифація, согласится на всякаго рода уступки, если польстить его громадному честолюбію папскою тіарою, онъ указалъ на него кардиналамъ,

принявъ однако мѣры, чтобы извѣстіе о его избраніи пришло не въ Бордо, а въ Парижъ, такъ чтобы Бертранъ узналъ о немъ не прежде, какъ по заключеніи договора съ французскимъ королемъ. Кардиналы, не зная характера тщеславнаго гасконца, вдались въ обманъ и согласились избрать его въ папы (1305 г.). Тогда Филиппъ пригласилъ Бертрана на тайное свиданіе въ аббатствѣ Сенъ-Жанъ-д'Анжели, и объявивъ ему, что въ его власти возвести его на папскій престолъ, взялъ съ него клятвенное обѣщаніе сдѣлать нѣкоторыя уступки. Важнѣйшими изъ нихъ были: отмѣна всѣхъ постановленій, изданныхъ противъ Филиппа, его друзей, подданныхъ и союзниковъ, осужденіе папы Бонифація, предоставленіе королю на пять лѣтъ десятины со всѣхъ духовныхъ имѣній, находившихся во Франціи, и, наконецъ, какъ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ большая часть историческихъ документовъ, уничтоженіе ордена тампліеровъ (храмовниковъ), богатствами которыхъ хотѣлъ воспользоваться корыстный, безстыдный король.

Не желая подвергаться опасностямъ, грозившимъ ему въ Италіи, Бертранъ, названный папою Климентомъ V, предпочелъ выставлять пышность своего новаго сана въ южной Франціи. Вызвавъ къ себѣ изъ Италіи кардиналовъ, онъ нѣкоторое время разъѣзжалъ по городамъ южной Франціи, и наконецъ избралъ своей столицей Авиньонъ (1308) г., принадлежавшій въ то время ёще неаполитанскому королю, какъ графу прованскому, и находившійся подъ верховною властью германскаго императора. Авиньонъ, купленный римскимъ дворомъ только въ 1348 г., оставался резиденціею папъ до 1377 г. Этотъ періодъ длился столько же лѣтъ, сколько продолжалось плѣненіе израильскаго народа при Навуходоносорѣ (т. I стр. 110), и потому время пребыванія папъ въ Авиньонѣ было названо вавилонскимъ плѣненіемъ папъ. Въ ноябрѣ 1305 г. Климентъ былъ торжественно коронованъ въ Ліонѣ, въ присутствіи французскаго короля, и уже тутъ явно выказалъ все свое подчиненіе Филиппу. Онъ снова дозволилъ исключеннымъ Бонифаціемъ братьямъ Колонна присутствовать въ колле-

гіи кардиналовъ, назначилъ нѣсколько новыхъ кардиналовъ по указанію Филиппа, отмѣнилъ изданныя противъ него буллы, публично позволилъ ему пользоваться десятиною со всѣхъ духовныхъ имѣній и, объявивъ, что булла Unam Sanctam сохраняетъ свою силу во всѣхъ государствахъ, кромѣ Франціи, былъ на столько несправедливъ, что освободилъ французовъ отъ позорнаго ига, оставивъ его тяготѣть надъ другими народами. Въ маѣ 1307 г. Филиппъ снова пригласилъ Климента на совѣщаніе, для переговоровъ относительно осужденія папы Бонифація и уничтоженія ордена тампліеровъ—вопросамъ, уже поконченнымъ между ними при свиданіи въ Сенъ-Жанъ-д'Анжели, но теперь вторично подвергнутымъ обсужденію. Климентъ увернулся отъ окончательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, отложивъ его до слѣдующаго собора, но не могъ отказать королю въ позволеніи приступить немедленно къ слѣдствію надъ рыцарскимъ орденомъ.

Преслѣдованіе тампліеровъ имѣло то же основаніе и тотъ же характеръ, какъ и мѣры, принятыя Филиппомъ противъ евреевъ, которыхъ въ томъ же году внезапно и нагло обобрали и выгнали изъ Франціи. Черезъ восемь лѣтъ имъ было позволено вернуться, но лишь только они снова обогатились, какъ ихъ вторично изгнали. Тампліеры владѣли несмѣтными сокровищами и, благодаря своему богатству, а также независимости, которой достигъ ихъ орденъ, составляли духовно-рыцарскую республику, опасную для королевской власти. Властолюбивому и корыстному Филиппу хотѣлось присвоить себѣ эти богатства и уничтожить во Франціи грозный и могущественный орденъ. Отыскать благовидный предлогъ было не трудно. Ведя роскошную, неумѣренную жизнь, тампліеры выказывали большое равнодушіе къ войнѣ съ невѣрными, поддерживаемую съ такимъ рвеніемъ тевтонскимъ орденомъ; наконецъ, принятіе въ ихъ среду сопровождалось тайными обрядами и ходила молва, что на собраніяхъ ордена совершались богохульные обряды. Изъ всего этого легко было вывести противъ нихъ цѣлый рядъ обвиненій, оправдывавшихъ уничтоженіе ор-

дена и истребленіе принадлежавшихъ къ нему фамилій. Филиппъ тѣмъ легче могъ достичь своей цѣли, что отъ него же зависѣло и рѣшеніе папы; духовенство, оскорбленное гордостью ордена, завидовало ему, а юристы, помогавшіе королю противъ Бонифація, служили ему своимъ искусствомъ и въ преслѣдованіи тампліеровъ. Невозможно опредѣлить съ достовѣрностью, на сколько справедливы обвиненія въ атеизмѣ и безнравственности, взводимыя на тампліеровъ. Весь процессъ ихъ былъ веденъ такъ беззаконно, что нельзя безусловно довѣрять ни вынужденнымъ показаніямъ подсудимыхъ, ни полнымъ лжи и преувеличеній обвинительнымъ актамъ. Впрочемъ скульптурныя украшенія на сохранившихся зданіяхъ ордена доказываютъ, что тампліеры вынесли съ Востока постыдные символы и обряды. Если принять также во вниманіе, что одновременно съ ними существовалъ итальянскій орденъ, называвшійся орденомъ веселыхъ братій (Frati gaudenti) и открыто пользовавшійся для мотовства и разврата данными ему церковью привилегіями, то нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій покажутся и не совсѣмъ невѣроятными. Къ какимъ порокамъ праздность и роскошь не могли привести богатое, обеспеченное общество, состоявшее преимущественно изъ холостой молодежи и служащей братіи, общество, главнымъ мѣстопребываніемъ котораго былъ югъ Франціи, гдѣ царствовали развратъ и ненависть къ господствовавшему суевѣрію! Даже члены, стоявшіе во главѣ ордена, ничѣмъ не отличались отъ большинства. Притомъ же рыцари ознакомились на Востокѣ съ тайными атеистическими ученіями смѣлыхъ сектъ ислама (т. VII. стр. 205). Очень можетъ быть, что, по крайней мѣрѣ въ южной и средней Франціи, тампліеры дѣйствительно подражали на своихъ празднествахъ индійскимъ и вавилонскимъ обрядамъ, облагороженнымъ только символикою, — что ихъ собранія сопровождались мистическими церемоніями, а самый орденъ обратился въ тайный союзъ, вступленіе въ который было соединено съ множествомъ заимствованныхъ у Востока символовъ и обрядовъ. Судя по дошедшимъ до насъ, далеко не достовѣрнымъ, документамъ, ихъ обви-

няли главнымъ образомъ: въ грубѣйшемъ развратѣ и сладострастіи, господствовавшихъ на ихъ собраніяхъ; въ томъ, что отъ вступавшаго въ орденъ требовалось, — въ знакъ его безусловнаго повиновенія старшинамъ, а можетъ и потому, что орденъ дѣйствительно слѣдовалъ ученію, противному христіанству, — отреченія отъ Христа, плеванія на крестъ и топтанія его ногами; въ возмутительныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, даже въ принесеніи въ жертву дѣтей, и наконецъ въ томъ, что члены ордена поклонялись идолу, называемому Баффометомъ и изображавшемуся въ разныхъ видахъ. Основательны или нѣтъ эти обвиненія неизвѣстно, но несомнѣнно, что не за пороки, господствовавшіе въ такой же степени и между другими орденами, преслѣдовалъ Филиппъ тампліеровъ. Имъ руководили только корысть и властолюбіе.

Папѣ очень не хотѣлось путаться въ это дѣло, и Филиппъ напрасно осаждалъ его два года просьбами. Наконецъ послѣ вторичнаго свиданія съ королемъ въ Пуатье (августъ 1307 г.), Климентъ, находившійся въ полной зависимости отъ французскаго короля, былъ вынужденъ дать свое согласіе на формальный процессъ противъ тампліеровъ. Въ сентябрѣ 1307 г. Филиппъ разослалъ ко всѣмъ высшимъ должностнымъ лицамъ въ провинціяхъ тайное повелѣніе арестовать, согласно предварительному изслѣдованію инквизиціоннаго судьи, въ одинъ и тотъ же день всѣхъ тампліеровъ, а до времени хранить это дѣло въ глубочайшей тайнѣ. Королевское повелѣніе было выполнено съ точностью, и въ назначенный день рыцари были схвачены врасплохъ. Въ это же время Филиппъ велѣлъ конфисковать всѣ имѣнія ордена. Арестованныхъ подвергли немедленно допросу. По приказанію Филиппа ихъ пытали, обѣщая прощеніе тѣмъ, которые дадутъ требуемыя показанія, и грозя упорнымъ жестокою казнью. Лицамъ, производившимъ слѣдствіе, были присланы отъ короля допросные пункты, которые они должны были дѣлать подсудимымъ. Такимъ образомъ судъ начался процедурой, возможной только по византійско-римскимъ понятіямъ ученыхъ совѣтниковъ короля о правѣ и правиламъ инквизиціоннаго суда.

Подобный способъ веденія дѣла совершенно противорѣчитъ правамъ и законамъ германскихъ народовъ, а по законодательству, существующему теперь у образованныхъ народовъ, весь процессъ, отъ начала до конца, долженъ быть признанъ незаконнымъ. Дальнѣйшій ходъ слѣдствія былъ также рядомъ величайшихъ несправедливостей. Король и судьи — монахи, каноники и епископы,— были между собой въ заговорѣ. Филиппомъ руководили корысть и властолюбіе; остальные судьи были въ высшей степени озлоблены противъ ордена и всегда слыли явными его врагами. Одною изъ несправедливостей было между прочимъ назначеніе главнымъ слѣдователемъ Ногаре, только незадолго передъ тѣмъ освобожденнаго отъ тяжелаго отлученія. Онъ и другіе законовѣды, явно и за сценою дѣйствовавшіе въ этомъ процессѣ такъ же, какъ и въ спорѣ съ Бонифаціемъ, были потомъ награждены мѣстами, имѣніями и высшими феодальными титулами. Вначалѣ папа противился процессу, грубо нарушавшему привилегіи ордена и даже права самой церкви; но, достигнувъ только того, что ему было предоставлено произнесеніе приговора надъ высшими членами ордена, онъ долженъ былъ приказать за то всѣмъ западнымъ государямъ захватить находившихся у нихъ тампліеровъ. Чтобы и въ этомъ дѣлѣ заставить папу подчиниться себѣ, Филиппъ прибѣгнулъ къ средству, употребленному съ такимъ успѣхомъ противъ Бонифація. Въ маѣ 1308 г. онъ созвалъ въ Турѣ государственные чины изъ четырехъ сотъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которымъ были прочтены вынужденныя показанія рыцарей. Добившись отъ этихъ судей полнаго согласія на все, что имъ прочли король и его ученые юристы, онъ сдѣлалъ видъ, что подчиняется голосу народа. Этимъ способомъ Филиппъ хотѣлъ вынудить папу къ созванію собора, на которомъ долженъ былъ послѣдовать окончательный приговоръ ордену и проклятіе Бонифацію. Принужденный наконецъ сдаться, Климентъ созвалъ соборъ, который однако собрался только въ октябрѣ 1311 г.

Филиппъ, между тѣмъ, продолжалъ слѣдствіе и пытки надъ зак-

люченными тампліерами; Климентъ обращался не лучше съ выданными ему высшими членами ордена. Только тщеславный, малодушный и трусливый гасконецъ — папа и корыстолюбивый тираннъ — король были способны предписывать и одобрять такія мѣры, какія были употребляемы тогда противъ сотень людей, изъ которыхъ многіе пользовались общимъ уваженіемъ. Тюрьмою и пыткою добивались они ложнаго сознанія и наполняли цѣлыя кипы протоколовъ вынужденными показаніями. Еще до окончанія слѣдствія, Филиппъ приступилъ къ казнямъ. Въ 1309 г. онъ велѣлъ замучить до смерти на медленномъ огнѣ около Парижа 54 рыцаря, формально отказавшихся отъ вынужденныхъ у нихъ показаній; той же участи подверглись многіе рыцари и въ другихъ частяхъ государства. Когда же эти варварскіе поступки возбудили негодованіе въ народѣ, король разрѣшилъ привезеннымъ въ Парижъ семидесяти четыремъ узникамъ прибѣгнуть къ законной защитѣ генералъ-прокуратора ордена, Петра Булонскаго. Но все это было только пустою формальностью: правильнаго судопроизводства не было при процессѣ и три защитительные акта, составленные Петромъ Булонскимъ, остались безъ всякаго послѣдствія.

Въ октябрѣ 1311 г. собрался наконецъ въ Віеннѣ давно ожидаемый соборъ. На него были приглашены всѣ западные короли; одинъ Филиппъ явился лично, другіе прислали вмѣсто себя уполномоченныхъ. Но за то туда съѣхалось такое множество иностранныхъ епископовъ, что изъ двухъ цѣлей, для которыхъ Филиппъ требовалъ созванія собора, одной — проклятія Бонифація, которому старался помѣшать самъ Климентъ,—онъ вовсе не достигъ, а другой — уничтоженія ордена тампліеровъ — добился не посредствомъ собора, а черезъ подчиненнаго ему папу. Вообще всѣ вопросы. разсматривавшіеся въ Віеннѣ, были такого гнуснаго свойства, что даже приверженцы папъ стыдились этого собора, и большая часть оставшихся отъ него документовъ была впослѣдствіи уничтожена. Къ чести ста сорока епископовъ, составлявшихъ соборъ, слѣдуетъ замѣтить, что между ними нашлось только четыре продажныхъ ду-

ши, безусловно согласившихся съ королемъ и папою. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Филиппъ старался хитростью помѣшать появленію на соборъ тѣхъ епископовъ, противорѣчія которыхъ опасался. Напрасно король и папа настаивали на томъ, чтобы соборъ согласился осудить тампліеровъ, не выслушавъ ихъ оправданій: только четыре голоса поддержали ихъ предложеніе, единодушно отвергнутое остальными. Потерявъ послѣ шестимѣсячныхъ переговоровъ надежду получить согласіе собора, король и папа рѣшили, что Климентъ приметъ на свою отвѣтственность осужденіе ордена. Филиппъ дѣлалъ ему уступку, соглашаясь на оправданіе Бонифація соборомъ и на отмѣну только тѣхъ изъ его постановленій, которыми нарушались права французскаго народа. Первое условіе было выполнено 2 мая 1312 г. буллою Ad providam Christi vicarii, и орденъ былъ уничтоженъ не церковнымъ соборомъ, а единственно произволомъ папы. Все содержаніе буллы ясно показываетъ, что папа старался преимущественно о томъ, чтобы не отдать въ руки свѣтской власти имѣній ордена; но и тутъ его провелъ хитрый король. Согласно папскому предписанію, имѣнія тампліеровъ должны были перейти къ госпиталитамъ (іоаннитамъ). Филиппъ не противился распоряженію папы, но, передъ уступкою имѣній, опуталъ ихъ такими долгами, что, по свидѣтельству одного современнаго историка, орденъ іоаннитовъ обѣднѣлъ отъ такого подарка. Движимое имущество рыцарей осталось все въ рукахъ Филиппа. Дальнѣйшее слѣдствіе и приговоръ надъ тампліерами были предоставлены частнымъ соборамъ государствъ и провинцій, и орденъ былъ уничтоженъ въ однѣхъ странахъ ранѣе и съ большею жестокостью, а въ другихъ съ меньшею жестокостью и позже. Съ имѣніями тампліеровъ было поступлено различно. Въ Англіи двумя третями имѣній завладѣли короли; въ Германіи они были раздѣлены между орденами іоаннитовъ и тевтонскимъ; въ Кастиліи всѣми имѣніями завладѣла корона; въ Арагоніи и Португаліи ими надѣлили туземные ордена. Послѣдній гроссмейстеръ ордена, Жакъ де Молэ, вызванный передъ началомъ слѣдствія съ острова Кипра

во Францію, сидѣлъ въ тюрьмѣ съ 1307 г. и былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію. На публичномъ чтеніи приговора онъ объявилъ всѣ свои показанія вынужденными и протестовалъ противъ незаконнаго веденія процесса. За это Филиппъ приказалъ сжечь его на медленномъ огнѣ, что и было исполнено на слѣдующій же день, въ Парижѣ, на одномъ изъ острововъ Сены. Молэ геройски вынесъ мучительную смерть, до послѣдней минуты подтверждалъ свою невинность, и, умирая, въ присутствіи огромной толпы народа, громко призывалъ на судъ божій короля и его союзника папу (1314 г.).

Филиппъ поступилъ съ двумя папами и могущественнымъ рыцарскимъ орденомъ несправедливо и жестоко, но, судя его, не надо забывать, что только силою возможно было искоренить господствовавшее суевѣріе и вѣками укоренившіяся злоупотребленія. Деспотизмъ Филиппа открылъ слѣдующимъ поколѣніямъ путь къ прогрессу, а съ уничтоженіемъ ордена тампліеровъ усилилось могущество и значеніе правительственной власти. Уже при Филиппѣ королевскіе суды и законы имѣли во Франціи гораздо бо́льшую силу, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, хотя и въ ней, какъ вездѣ въ то время, для охраненія права и законовъ была необходима сильная рука. Процессомъ тампліеровъ вполнѣ обрисовывается характеръ всѣхъ дѣйствій Филиппа. Почти ни одно изъ его распоряженій, за исключеніемъ учрежденія нѣсколькихъ высшихъ судовъ, не можетъ быть названо справедливымъ или законнымъ. Объ учрежденіи судовъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, а сначала разскажемъ, какъ Филиппъ распространилъ и усилилъ королевскую власть и правительственную централизацію по Шельдѣ, Гароннѣ и Ронѣ.

Заключивъ въ темницу графа фландрскаго, Ги (Гвидо) и двухъ его старшихъ сыновей, Филиппъ сдѣлалъ изъ Фландріи французскую провинцію (т. VII стр. 442). Французскіе чиновники и солдаты такъ нагло обращались съ непривыкшимъ къ притѣсненіямъ богатымъ и многочисленнымъ населеніемъ, что уже въ 1302 г. вся

Фландрія поголовно возстала противъ иноземнаго владычества. Движеніе началось съ Брюгге: граждане его подъ предводительствомъ ткача Пьера Леруа умертвили нѣсколько тысячъ французовъ. Оттуда возмущеніе, во главѣ котораго стали младшіе сыновья графа Ги, распространилось по всей Фландріи и вскорѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ были готовы вступить въ борьбу съ французами. Это число не покажется преувеличеннымъ, если вспомнить, что въ то время въ Гентѣ, Брюгге, Ипрѣ, около этихъ городовъ и въ другихъ мѣстечкахъ, снабжавшихъ большую часть Европы сукнами и другими издѣліями своихъ фабрикъ, жили сотни тысячъ работниковъ, существовавшихъ поденною работою. Филиппъ выслалъ противъ возставшихъ фламандцевъ 47 тысячъ войска. Въ борьбѣ съ французскимъ рыцарствомъ фламандцы такъ же искусно и съ такимъ же успѣхомъ воспользовались рвами и болотами, пересѣкающими ихъ страну, какъ нѣкогда фрисландцы (т. VII стр. 370 и 378) и впослѣдствіи швейцарцы мѣстными особенностями своей родины. Граждане Брюгге, которымъ преимущественно хотѣли отмстить французы, выступили на встрѣчу войску и разбили его при Куртрэ (Коортрикъ), въ одномъ изъ самыхъ несчастныхъ сраженій всей французской исторіи (іюль 1302 г.). Эту побѣду слѣдуетъ приписать не столько храбрости раздраженнаго, но неопытнаго въ военномъ дѣлѣ, населенія Фландріи и преимуществамъ, которыя давала ему мѣстность, сколько чрезмѣрной самонадѣянности семи тысячъ французскихъ рыцарей. Считая враговъ слишкомъ ничтожными, они шли заранѣе увѣренные въ побѣдѣ, и къ тому же вели за собою жалкую, никуда негодную пѣхоту, увеличившую только смятеніе. Самое блестящее, храброе рыцарство Франціи и тысячи людей низшихъ сословій сложили безславно головы въ этомъ походѣ и французы были принуждены очистить всю Фландрію. Такъ же неудаченъ былъ и второй походъ, предпринятый вслѣдъ за первымъ подъ начальствомъ самого Филиппа. Могущественная буржуазія фламандскихъ городовъ учредила, сообща съ рыцарствомъ, новое правительство,

избравъ его главою одного изъ сыновей графа Ги. Филиппъ сдѣлалъ еще новую попытку. Онъ отправилъ во Фландрію, на честномъ словѣ, плѣннаго графа, поручивъ ему уничтожить при содѣйствіи французовъ республиканскій союзъ. Но старанія Ги де Дампіерра были напрасны и онъ вернулся во Францію, не достигнувъ цѣли своей поѣздки. Французскій король и послѣ всѣхъ этихъ неудачъ не хотѣлъ отказаться отъ Фландріи, оставивъ ее въ покоѣ только до окончанія распри съ англійскимъ королемъ. Эдуардъ I женился на сестрѣ Филиппа, Маргаритѣ, и, признавъ себя, какъ владѣтеля Гіенни, его вассаломъ, далъ ему возможность отозвать оттуда французскія войска и отправить ихъ снова во Фландрію. Передъ отправленіемъ въ походъ, Филиппъ воспользовался крючкотворствомъ и дипломатическими уловками французскихъ юристовъ для того, чтобы увеличить свое могущество и внутри Франціи владѣніями несчастнаго Ги, который долженъ былъ получить послѣ одного изъ своихъ родственниковъ, павшихъ при Куртрэ, графства ля Маршъ, Ангулемъ, Люзиньянъ и владѣніе Фужеръ. Филиппъ и его законники настроили одну женщину предъявить притязанія на это наслѣдство; оно было присуждено ей пристрастнымъ судомъ. Затѣмъ юристы уладили сдѣлку, по которой всѣ названныя владѣнія перешли къ французской коронѣ.

Между тѣмъ безпокойные фламандцы поссорились съ голландцами, одержавшими надъ ними, съ помощью Филиппа, значительную морскую побѣду. Новый походъ Филиппа (1304 г.), стоившій ему большихъ денегъ, принесъ ему мало выгодъ, но за то много славы. Съ войскомъ изъ 10 тысячъ конницы и 40 тысячъ пѣхоты онъ напалъ при Монсѣ на фламандцевъ, численность которыхъ простиралась, какъ кажется, до 60 тысячъ. Исходъ сраженія долго оставался сомнителенъ, но подъ конецъ французы все таки могли похвалиться побѣдою. Впрочемъ побѣда была такъ нерѣшительна, что хитрый король, видя финансовое разстройство, причиненное войной, счелъ за лучшее начать мирные переговоры черезъ посредство плѣннаго графа. Переговоры, до окончанія которыхъ Ги не

дожилъ, кончились миромъ (іюнь 1305 г.), доставившимъ французскому королю дипломатическимъ путемъ то, чего онъ напрасно добивался оружіемъ. Старшій сынъ графа, Робертъ III, былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими фламандскими рыцарями и получилъ Фландрію. Фламандцы сохранили всѣ старинныя права и привилегіи, но за то должны были уступить часть страны Филиппу, хитростью захватившему ее подъ видомъ залога. По договору фламандцы обязались выплатить ему издержки войны, а до уплаты отдать, въ видѣ залога, города Лилль, Дуэ, Орши и Бетюнь. Филиппъ отперся впослѣдствіи отъ этого условія, и фламандцы сколько разъ ни начинали войны, не могли уже возвратить городовъ, отнятыхъ у нихъ обманомъ.

На югѣ и востокѣ такъ же, какъ и на сѣверѣ, Филиппъ расширилъ границы Франціи въ ущербъ сосѣдямъ. Покупкою, насиліемъ и другими позволенными и непозволенными средствами онъ распространилъ свое владычество на югѣ по Ронѣ и въ нижнемъ Лангедокѣ. Владѣтеля Монпелльe, принца арагонскаго дома, онъ заставилъ признать себя непосредственнымъ вассаломъ французскаго короля, и такимъ образомъ водворилъ французское владычество въ городѣ, процвѣтавшемъ тогда болѣе Ліона. Монпелльe былъ въ то время центромъ всей торговли южной Франціи и разсадникомъ наукъ, преимущественно іудейской и христіанской школьной учености и медицины. Шагъ за шагомъ Филиппъ расширялъ свои владѣнія и въ арелатскомъ или бургундскомъ королевствѣ, гдѣ, въ послѣднее столѣтіе, постоянно слабѣла власть германскихъ императоровъ. Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ на восточной границѣ были графство и городъ Ліонъ. Фридрихъ Барбаросса, умѣвшій поддерживать свою верховную власть въ Бургундіи (т. VI. стр. 461), назначилъ архіепископа ліонскаго на вѣчныя времена экзархомъ или имперскимъ намѣстникомъ графства ліонскаго, предоставивъ ему пользоваться въ городѣ всѣми регаліями или имперскими правами. Это вовлекло епископовъ въ споры съ владѣтельною фамиліею Форе, называвшею себя графами ліонскими, и съ самимъ

городомъ. Германскіе императоры не могли помогать имъ, и они обратились къ французскимъ королямъ, пріобрѣвшимъ со временъ Филиппа Августа родъ протектората надъ Ліономъ. Споръ, возникшій между городомъ и соборнымъ капитуломъ, далъ поводъ, въ концѣ царствованія Людовика Святаго, превратить эти отношенія въ родъ верховной власти французскихъ королей надъ Ліономъ. По просьбѣ капитула, Людовикъ учредилъ временной королевскій судъ, до избранія новаго архіепископа. Братъ и преемникъ Людовика, Филиппъ III, не хотѣлъ потомъ возвращать этого права архіепископу, до тѣхъ поръ, пока онъ формально не призналъ себя его подданнымъ. При коронаціи Климента V въ Ліонѣ, новый споръ далъ властолюбивому Филиппу IV желанный поводъ окончательно порвать слабую нить, соединявшую графство и городъ Ліонъ съ германскою имперіею, и навсегда уничтожить призрачную императорскую власть надъ городомъ. Буйный и развратный племянникъ папы, находившійся въ Ліонѣ, вынудилъ архіепископа прибѣгнуть противъ него къ вооруженной силѣ и былъ убитъ во время свалки. Вслѣдствіе этого папа сдѣлался врагомъ архіепископа, просившаго защиты у французскаго короля. Онъ призналъ надъ собою верховную власть Филиппа, совершенно отдѣлился отъ германской имперіи и получилъ за то отъ короля особенныя привилегіи для себя и капитула. Но уже ближайшій его преемникъ и ліонцы почувствовали, что новая власть не призрачная императорская и что гнетъ ея не легокъ. Архіепископъ отказался отъ присяги, а жители Ліона разрушили близъ лежавшій королевскій замокъ, препятствовавшій и грозившій ихъ торговлѣ и независимости. Такой тираннъ, какъ Филиппъ, былъ очень радъ случаю довершить силою начатое хитростью, и отправилъ въ Ліонъ своего сына Людовика съ войскомъ. Архіепископъ и граждане должны были принять условія, предписанныя именемъ короля, и послѣ переговоровъ по нѣкоторымъ вопросамъ, городъ вмѣстѣ съ графствомъ были окончательно присоединены къ французскому королевству (1313 г.).

Царствованіе Филиппа было жестокою тиранніею; но онъ старался, посредствомъ талантливыхъ и свѣдущихъ людей, не принадлежавшихъ къ привилегированному сословію, основать во Франціи совершенно новый порядокъ вещей, какого не существовало въ то время нигдѣ въ Европѣ. Для этого, какъ при всякомъ переворотѣ, были необходимы насиліе и деспотизмъ. Филиппъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вводить повсюду королевскіе и верховные суды и монархическое, византійско-римское право; подобно Юстиніану и его ближайшимъ предшественникамъ (т. V. стр. 9), онъ старался посредствомъ новыхъ законовъ, издаваемыхъ имъ по всѣмъ отраслямъ управленія, приспособить къ своимъ цѣлямъ безчисленные и разнообразные обычаи старины. Силясь подчинить всю общественную жизнь полицейскому надзору и издавая предписанія, относившіяся даже до удовольствій и покроя платья различныхъ сословій, Филиппъ пошелъ по пути, которому слѣдовали во Франціи до конца XVIII столѣтія. Подобнаго рода распоряженія, какъ и всегда, не достигая цѣли, вели только къ притѣсненіямъ и угнетеніямъ. Напротивъ, другія деспотическія мѣры Филиппа принесли весьма благотворные результаты; это относится преимущественно къ его судебнымъ учрежденіямъ. Онъ преобразовалъ парламенты, собиравшіеся для совѣщаній по государственнымъ дѣламъ, въ верховные суды или королевско-судныя коммисіи. Не только члены этихъ коммисій назначались королемъ, но и вообще во всѣхъ судахъ засѣдали королевскіе чиновники: такимъ образомъ вся судебная власть перешла къ коронѣ. Искусно пользуясь всеобщимъ раздраженіемъ противъ папы и духовенства, Филиппъ придалъ королевской власти болѣе силы и единства. Той же цѣли служили его безстыдные обманы въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ нѣсколько разъ выпускалъ фальшивую монету и, понижая потомъ цѣнность ея, подрывалъ монетные дворы бароновъ, епископовъ и городовъ, пользовавшихся правомъ чеканить монету. Этого-то и хотѣлъ король: насильно пуская и вынимая изъ обращенія свои деньги, цѣнность которыхъ безпрестанно измѣнялась, онъ достигъ

того, что никто не могъ болѣе чеканить монеты, не подвергаясь большимъ убыткамъ. Деспотизмъ и недоброжелательность Филиппа въ этихъ дѣлахъ можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Онъ запретилъ вывозъ золота и серебра, принуждалъ подданныхъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, принимать монету низкой пробы, и однажды заставилъ всѣхъ, кромѣ епископовъ и бароновъ, отдать половину серебряной посуды на его монетные дворы. Выпуски фальшивой монеты и безпрестанныя измѣненія ея цѣнности вынудили Филиппа въ 1295 г. принять мѣры для возстановленія своего кредита у итальянскихъ банкировъ и евреевъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ денежные обороты. Онъ торжественно обѣщалъ вознагражденіе всѣмъ, кто будетъ брать монету низкой пробы, и, заложивъ часть своихъ имѣній, выдалъ на нихъ закладныя за своею и жениною подписью. Все это не помѣшало французскому королю въ слѣдующемъ же году выпустить такое количество фальшивой монеты, что въ 1303 г. епископы предлагали ему десятый процентъ съ ихъ ежегодныхъ доходовъ съ тѣмъ только, чтобы онъ не измѣнялъ болѣе цѣнности монеты; но Филиппъ не согласился на это условіе. Рѣшившись, наконецъ, чеканить монету высшей пробы, онъ и тутъ нашелъ средство къ обману. Монета низкой пробы не была изъята изъ обращенія, ею уплачивались всѣ королевскіе расходы, между тѣмъ какъ подати вносились монетою высшаго чекана. Одна изъ подобныхъ мѣръ вызвала въ Парижѣ возстаніе: народъ разрушилъ домъ главнаго совѣтника короля по этимъ дѣламъ, а его самого едва не уморилъ съ голода, не выпуская изъ зданія, гдѣ онъ находился. Филиппъ спасся притворствомъ, объявивъ что уступаетъ требованію; но вслѣдъ затѣмъ, собравъ шайку наемныхъ жандармовъ, съ варварскимъ звѣрствомъ бросился на народъ. Чтобы предупредить на будущее время подобныя волненія, онъ прибѣгнулъ къ терроризму и велѣлъ повѣсить главныхъ зачинщиковъ на висѣлицѣ, нарочно для того построенной передъ главными городскими воротами. Варварство короля, прибѣгавшаго къ такимъ жестокостямъ, чтобы имѣть возможность безпрепятственно произ-

водить подобные финансовые обороты съ чеканкою денегъ, служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ краснорѣчивымъ панегирикамъ новѣйшихъ романтиковъ, восхваляющихъ религіозность и чувствительность среднихъ вѣковъ. Парижское возстаніе не удержало короля отъ этихъ неблаговидныхъ пріемовъ. Вскорѣ онъ созвалъ представителей государства, чтобы прикрыть свои дѣйствія личиною законности. Положено было выпустить новую монету и понизить курсъ старой. Король велѣлъ выбить небольшое количество монеты высшаго чекана, промѣнять старую по уменьшенной цѣнѣ, и потомъ снова выпустить монету прежняго качества (въ 1310 г.). Филиппъ выпустилъ такую низкую монету, что возбудилъ всеобщее раздраженіе, которое было подавлено только вооруженной силой. Не трудно понять, что, при подобной системѣ произвола и недобросовѣстности, денежными оборотами рѣшались заниматься въ средніе вѣка только евреи и повсюду разсѣянные итальянскіе банкиры, которыхъ называли **ломбардцами**. Это, часто повторявшееся въ средніе вѣка, плутовство съ чеканомъ монеты, обогащая только спекуляторовъ и ростовщиковъ, повергало народъ въ нищету, точно такъ же, какъ нынѣшняя торговля акціями и государственными бумагами. Самъ король терялъ отъ этого болѣе, чѣмъ выигрывалъ. Въ XIV вѣкѣ еще не существовало такъ называемой финансовой науки, съ помощью которой систематически выжимаютъ деньги у бѣдняковъ. Казна Филиппа была постоянно пуста, не смотря на всю его неразборчивость въ выборѣ средствъ, обогащавшую только мѣнялъ и лицъ, служившихъ ему орудіями для притѣсненій.

2. Франція при Людовикѣ X, Филиппѣ V и Карлѣ IV.

Филиппъ IV умеръ (1314 г.) въ то время, когда его деспотизмъ довелъ высшее сословіе до раздраженія, которое очевидно могло кончиться очень плохо для короля. Ему наслѣдовалъ стар-

шій изъ его сыновей, Людовикъ X (1314 — 1316 г.), начавшій царствованіе отмѣною именно тѣхъ изъ отцовскихъ постановленій, которыя способствовали прогрессу и почти утратили свою суровость. Онъ возвратилъ многимъ феодаламъ отнятое у нихъ Филиппомъ право суда и, желая уступками привлечь къ себѣ упрямое дворянство, расширилъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ феодальныя права рыцарства. Опытные министры и чиновники прошлаго царствованія, позволявшіе себѣ, правда, притѣсненія и несправедливости, были удалены отъ должностей. На свое несчастье, Людовикъ наслѣдовалъ начавшуюся незадолго до смерти Филиппа войну съ Фландріею, не найдя при этомъ ни денегъ въ казнѣ, ни средствъ къ ея пополненію, уже совершенно истощенныхъ. О новомъ выпускѣ монеты низкаго достоинства нельзя было и думать; поэтому Людовикъ прибѣгнулъ къ системѣ явнаго насилія. Онъ разослалъ коммисаровъ по всѣмъ провинціямъ, съ приказаніемъ требовать у богатыхъ людей пожертвованій на войну съ Фландріею, началъ иски за право владѣнія съ владѣльцами южной Франціи, чтобы заставить ихъ откупаться деньгами, и потребовалъ, что бы всякій нотаріусъ платилъ ему серебряную марку подати. Впрочемъ, одна изъ его финансовыхъ мѣръ столько же способствовала прогрессу французской цивилизаціи, какъ и деспотизмъ Филиппа. По примѣру отца, позволившаго выкупаться королевскимъ крестьянамъ Лангедока, Людовикъ назначилъ небольшой выкупъ для крестьянъ всѣхъ королевскихъ имѣній. Корыстолюбіе ломбардцевъ и евреевъ послужило ему тоже средствомъ къ обогащенію. Евреямъ было разрѣшено за большія деньги возвратиться во Францію, чтобы еще сильнѣе высасывать изъ нея кровь, а ломбардцы, имѣвшіе до тѣхъ поръ право жить только въ немногихъ городахъ южной Франціи, купили себѣ, также за огромныя деньги, позволеніе селиться во всѣхъ большихъ городахъ. Добывъ подобными средствами денегъ, король предпринялъ походъ во Фландрію, но проливные дожди и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ скоро принудили его къ отступленію. Дядя его, Карлъ Валуа, и многіе феодальные владѣтели, чтобы возна-

градить себя за издержки этого похода, принялись точно такъ же обирать своихъ подданныхъ, какъ прежде Филиппъ грабилъ ихъ самихъ и весь народъ: начеканивъ монеты низкаго достоинства, не имѣвшей ходу за чертою ихъ владѣній, они насильно заставили своихъ подданныхъ брать ее.

Людовику X наслѣдовалъ въ 1316 г. братъ его, Филиппъ V, управлявшій сначала государствомъ какъ регентъ, за сына Людовика, родившагося черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его смерти. Ребенокъ жилъ только четыре дня, и Филиппъ былъ провозглашенъ королемъ. Признавъ его королемъ, парламентъ, созванный, по старинному обычаю, изъ однихъ графовъ, обошелъ дочь Людовика, Іоанну II, хотя во Франціи и не существовало положительнаго закона, исключавшаго женщинъ отъ престолонаслѣдія. Исключеніе женщинъ отъ престолонаслѣдія, на основаніи одной статьи древнихъ салическихъ законовъ (т. V. стр. 314), было тогда впервые объявлено основнымъ закономъ государства. Эти законы, написанные варварскимъ латинскимъ языкомъ монаховъ, вообще чрезвычайно неопредѣленны и неясны, и можно даже доказать, что статья эта относилась совсѣмъ не къ престолонаслѣдію. Но, какъ бы то ни было, на французскій престолъ вступилъ Филиппъ V. Въ замѣнъ того, онъ долженъ былъ отказаться отъ притязаній на Наварру и Шампань, наслѣдованныхъ Людовикомъ X отъ его матери, Іоанны I (т. VII. стр. 439); эти провинціи, по настоянію членовъ королевскаго дома, были признаны наслѣдствомъ дочери Людовика, Іоанны II. Впрочемъ онѣ были предоставлены въ пожизненное владѣніе королю, упрочившему ихъ за своимъ домомъ женитьбою племянника Филиппа IV, Филиппа д'Эврё, на Іоаннѣ.

Во Фландріи Филиппъ былъ счастливѣе своего предшественника, благодаря несогласію графа съ могущественными городами — республиками, интересы которыхъ были совершенно различны. Фламандскіе города, называя графа фландрскаго своимъ государемъ, такъ же какъ германскіе имперскіе города — императора, въ своихъ дѣлахъ обращали на него столь же мало вниманія, какъ

и германскіе города на своего императора. Тяготясь войною, они заставили графа Роберта заключить миръ, подписанный ихъ уполномоченными въ Парижѣ (1320 г.). Этотъ договоръ былъ очень выгоденъ для Франціи, но Филиппъ самъ усилилъ могущество графа фландрскаго, выдавъ дочь за его внука и наслѣдника, Людовика, и давъ ей въ приданое графство Артуа.

Въ продолженіе своего кратковременнаго царствованія, Филиппъ V старался провести многія реформы, но скоро убѣдился, что только страхомъ и насиліемъ можно заставить корпораціи дворянства и духовенство отказаться отъ привилегій и правъ, гибельныхъ для народа. Попытки его, ввести во всемъ государствѣ единство вѣса и монеты и ослабить могущество феодаловъ назначеніемъ въ большіе города королевскихъ намѣстниковъ, были парализованы сопротивленіемъ духовенства, аристократіи и городовъ. Успѣшнѣе были его реформы по судопроизводству, отличавшемуся такимъ произволомъ при его предшественникахъ, и старанія поднять фабричную дѣятельность городовъ южной Франціи. Онъ отправилъ во всѣ провинціи королевскихъ коммисаровъ и принялъ подъ свое покровительство, по просьбѣ тогдашняго владѣтеля Монпеллье, богатѣйшія мануфактуры золотыхъ и серебряныхъ вещей этого города и суконныя фабрики Каркасонны, Нарбонны и другихъ городовъ. Весьма вѣроятно, что, поддерживая фабричную дѣятельность городовъ, король думалъ повредить этимъ своимъ врагамъ фламандцамъ, захватившимъ монополію торговли шерстяными и суконными издѣліями въ Европѣ. Во Флоренціи, напримѣръ, гдѣ было много большихъ суконныхъ фабрикъ, существовалъ особый классъ богатыхъ купцовъ, торговавшихъ исключительно фландрскими сукнами.

Братъ и преемникъ Филиппа V, Карлъ IV Красивый (1322 — 1328 г.), возобновилъ деспотическое правленіе отца. Онъ удержалъ въ своей власти Наварру и Шампань, не обращая вниманія на то, что эти провинціи, по договору, должны были по смерти Филиппа перейти къ Іоаннѣ II. Царствованіе его вообще на-

чалось рядомъ притѣсненій и жестокостей, близко напоминавшихъ времена Филиппа IV. Карлъ IV также выпустилъ фальшивую монету, снова обогатившую только евреевъ и ломбардцевъ. Чтобы отнять у евреевъ весь барышъ, онъ наложилъ на нихъ тяжелую подать, скорѣе походившую на грабежъ, а потомъ велѣлъ имъ удалиться изъ Франціи. Той же участи подверглись итальянскіе купцы и ломбардцы, высасывавшіе лучшія силы страны. Исключеніе было сдѣлано только для генуезцевъ, торговавшихъ необходимыми для продовольствія иностранными припасами. Земледѣліе дошло въ южныхъ провинціяхъ до такого упадка, что, напримѣръ, вина и прованскаго масла, впослѣдствіи главныхъ произведеній Прованса, едва хватало для внутренняго потребленія, не говоря уже о вывозѣ за границу. Когда началась война съ Англіей, Карлъ издалъ новыя стѣснительныя постановленія. Впрочемъ въ тѣ времена, при совершенномъ отсутствіи всякаго понятія о сколько нибудь правильномъ распредѣленіи налоговъ, притѣсненія были неизбѣжно соединены съ войной и предпріятіями, требовавшими чрезвычайныхъ издержекъ. Король наложилъ тогда тяжелую подать не только на своихъ прямыхъ подданныхъ и вассаловъ, но и на тѣхъ, которые не находились въ прямой зависимости отъ него. Эта мѣра произвела особенное неудовольствіе между духовенствомъ, съ котораго и папа Іоаннъ XXII требовалъ дани. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ для подавленія волненія въ южной Франціи. Волненіе это было возбуждено дворянами, не допускавшимися къ отцовскому наслѣдію на томъ основаніи, что за ними, по происхожденію ихъ матерей, не признавалось рыцарское достоинство. Возстаніе было подавлено. Карлъ не преминулъ поживиться и при этомъ случаѣ: онъ велѣлъ своимъ коммисарамъ пересмотрѣть всѣ дипломы, служившіе основаніемъ правъ на владѣніе, и очень дорого бралъ за утвержденіе тѣхъ изъ нихъ, которые были сомнительны. Не только гражданскія, но даже и международныя права не ограждали отъ насильственнаго произвола. Когда во Франціи разнесся ложный слухъ, будто Эдуардъ II приказалъ

умертвить находившихся въ Англіи французовъ, Карлъ велѣлъ арестовать всѣхъ англичанъ, жившихъ во Франціи, и конфисковать ихъ имущества, а потомъ хотя и освободилъ заключенныхъ, но не возвратилъ отнятаго у нихъ.

Въ 1328 г. умеръ Карлъ IV, не оставивъ ни сыновей, ни братьевъ, и на престолъ Франціи вступилъ ближайшій его родственникъ, Филиппъ VI, сынъ Карла Валуа, брата Филиппа IV, такъ какъ женщинъ снова исключили изъ наслѣдія, основываясь на томъ же салическомъ законѣ. Съ Филиппомъ VI началось во Франціи царствованіе второй линіи династіи капетинговъ, дома Валуа, остававшагося на престолѣ до своего пресѣченія (1589 г.).

3. Англія при Эдуардѣ II.

Англійскій король Эдуардъ II, сынъ рыцарски энергическаго короля Эдуарда I, былъ человѣкъ въ высшей степени слабый, совершенно неспособный къ управленію государствомъ, находившійся въ полной зависимости своихъ любимцевъ и соучастниковъ удовольствій, и ко всему этому чуждый англичанамъ по своимъ гасконскимъ нравамъ. Если ужь такой энергическій, до конца ногтей, деспотъ, какъ его отецъ, долженъ былъ допустить англійскій народъ до участія въ управленіи, то легко понять, какой опасности подвергалась королевская власть въ лицѣ физически и нравственно слабаго короля, безусловно подчинившагося ничтожному временщику и, въ угоду ему, легкомысленно насмѣхавшагося надъ правами и предразсудками аристократіи. Любимцемъ Эдуарда былъ Петръ Гэвстонъ, дворянинъ съ береговъ Гаронны, населеніе которой съ незапамятныхъ временъ славится легкомысліемъ, тщеславіемъ и лганьемъ. Товарищъ юности Эдуарда, онъ дѣлилъ безпутную жизнь принца Уэльскаго, заслужившаго уже тогда всеобщее презрѣніе и въ конецъ разстроившаго свое здоровье. Передъ

смертью Эдуардъ I выгналъ этого гасконца изъ Англіи, взявъ съ сына формальное, всенародное обѣщаніе никогда не возвращать его. Но лишь только Эдуардъ I закрылъ глаза, какъ молодой король, не выждавъ даже похоронъ отца, призвалъ къ себѣ Гэвстона, подарилъ ему, принадлежавшее нѣкогда германскому королю Ричарду, богатѣйшее графство корнваллисское и множество другихъ имѣній, даровалъ ему различныя права и поставилъ извѣстнаго одними легкомысленными продѣлками барченка во главѣ англійской аристократіи. Отправившись черезъ полгода въ Булонь, чтобы присягнуть Филиппу IV за французскія владѣнія и жениться на его дочери, Изабеллѣ, Эдуардъ передалъ любимцу, на время своего отсутствія, всю высшую правительственную власть. Также безразсудны и наглы были другія дѣйствія молодаго короля. Онъ удалилъ опытныхъ совѣтниковъ отца, велѣлъ посадить въ тюрьму и лишить имѣній епископа личфильдскаго, который, будучи канцлеромъ казначейства, часто отказывалъ ему въ деньгахъ на удовольствія и дѣлалъ рѣзкія замѣчанія; бросилъ, вскорѣ послѣ брака, свою молодую жену и слѣпо слѣдовалъ во всемъ указаніямъ Гэвстона. Англичане, и безъ того съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на французовъ и гасконцевъ, наполнявшихъ дворъ, возненавидѣли короля. Гэвстонъ, осыпанный патентами, почестями и милостями, занималъ повсюду первое мѣсто и своею надменностью оскорблялъ старинную аристократію. Черезъ семь мѣсяцевъ, по вступленіи на престолъ Эдуарда, двоюродный братъ его, Томасъ Ланкастерскій, соединясь съ другими лордами, заставилъ короля изгнать Гэвстона. Достигнувъ цѣли, аристократы воспользовались впослѣдствіи ничтожествомъ слабоумнаго короля, разлученнаго съ любимцемъ, и превратили монархію въ олигархію.

Заговоръ составился въ февралѣ 1308 г., а въ апрѣлѣ Эдуардъ уже былъ принужденъ парламентомъ уступить требованіямъ аристократіи. Съ Гэвстона взяли клятвенное обѣщаніе оставить Англію и никогда болѣе не возвращаться; епископы грозили ему отлученіемъ въ случаѣ неповиновенія, и Эдуардъ долженъ былъ

утвердить манифестомъ постановленія парламента. Это происходило въ маѣ, а уже въ іюнѣ легкомысленный и слабоумный король, надаривъ изгнаннаго временщика имѣніями въ Англіи и Гіенни, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Ирландіи, умоляя въ письмахъ французскаго короля, папу и кардиналовъ помочь ему отмѣнить принятое противъ Гэвстона рѣшеніе. Напрасно папа въ своемъ отвѣтѣ старался образумить легкомысленнаго короля, убѣждая его не только нравственными доводами, но и политическими соображеніями; Эдуардъ не обращалъ ни на что вниманія. Онъ продолжалъ дарить любимцу королевскія имѣнія и государственныя земли и, передавъ ему завѣдываніе опеками, дозволялъ обкрадывать малолѣтнихъ, права которыхъ былъ обязанъ защищать. Наконецъ въ 1309 г. Эдуардъ вернулъ Гэвстона изъ изгнанія. Эти необъяснимыя глупости короля порождали и поддерживали въ Англіи, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, такіе же безпорядки, такія же преступленія феодальной анархіи и такія же несчастія, какія постигли Германію со временъ Фридриха II. Но съ другой стороны онѣ, подобно дѣйствіямъ Генриха III (т. VII. стр. 416), способствовали развитію политическихъ правъ, изстари свойственныхъ германскимъ народамъ и уже съ той поры все болѣе и болѣе ограничиваемыхъ на материкѣ. Воспользовавшись всеобщимъ неудовольствіемъ и разладомъ короля съ аристократіею, общины сдѣлали, въ маѣ 1309 г., первую попытку выйти изъ своего униженнаго состоянія. Онѣ настойчиво потребовали искорененія злоупотребленій, на которыя справедливо жаловались, и заставили короля формально обѣщать имъ это граматою. Въ слѣдующемъ году нападеніе шотландцевъ принудило Эдуарда созвать парламентъ, потребовавшій уже общей государственной реформы. Изслѣдовать недостатки существовавшаго управленія и представить проекты реформъ было поручено комисіи изъ семи епископовъ, восьми графовъ и шести бароновъ. Король долженъ былъ не только утвердить эту коммисію, называвшуюся коммисіею государственнаго устройства (Ordainers), но и облечь членовъ ея,

на время ихъ занятій, королевскою властью. Въ то время, какъ коммисія работала надъ реформою и составляла новый статутъ, отнимавшій у короля почти всѣ его феодальныя права, Эдуардъ безпечно разъѣзжалъ по шотландской границѣ, предаваясь удовольствіямъ съ своимъ любимцемъ и давая ему возможность выказывать въ борьбѣ съ шотландцами свои рыцарскія доблести.

Въ октябрѣ 1311 г. коммисія окончила, наконецъ, свои работы; бароны и епископы приняли составленный ею проектъ государственныхъ преобразованій, и король долженъ былъ безусловно согласиться съ ними. Чтобы окончательно уронить Эдуарда въ общественномъ мнѣніи, его заставили, при обнародованіи реформы, признать себя какъ будто несовершеннолѣтнимъ. Статьи, утвержденныя королемъ, содержали цѣлый рядъ новыхъ постановленій, совершенно измѣнявшихъ всю систему управленія. Такъ, между прочимъ, было постановлено, что король долженъ ежегодно созывать парламентъ и не имѣетъ права безъ согласія бароновъ замѣщать высшихъ должностей, созывать ополченія и объявлять войну. Всякое отчужденіе королевскихъ имѣній строго воспрещалось; король долженъ былъ содержать себя доходами государственныхъ имуществъ и своихъ имѣній, что давало возможность уменьшить пошлины и отмѣнить чрезвычайные налоги. Такимъ образомъ Эдуарду связывали руки и лишали важнѣйшей изъ прерогативъ короны. Въ средніе вѣка только раздачею леновъ и помѣстій въ награду за военную службу короли могли набирать себѣ войско и пріобрѣтать союзниковъ, дѣлавшихъ ихъ сильнѣе самыхъ могущественныхъ изъ ихъ вассаловъ. Это средство было отнято у Эдуарда вышеприведенною статьею. Сверхъ того, коммисія объявила недѣйствительными всѣ сдѣланные Эдуардомъ дарственные акты и отчужденія королевскихъ владѣній, предписала немедленное удаленіе Гэвстона изъ Англіи и наложила, безъ дальнѣйшаго суда, штрафы на лицъ, преданныхъ королю и его любимцу. Короля заставили также преслѣдовать банкировъ флорентинскаго дома Фрескобальди, еще при Эдуардѣ I державшихъ на откупу подати въ Англіи и Гіенни

и занимавшихся грязными дѣлами Эдуарда I и Гэвстона. Ихъ справедливо обвиняли въ томъ, что они перевели за границу огромное состояніе временщика и давали ему, по приказанію короля, казенныя деньги. Банкиры были такъ благоразумны, что во время удалились изъ Англіи; но бароны принудили короля преслѣдовать ихъ даже въ Римѣ, куда удалились нѣкоторые изъ нихъ.

Въ началѣ слѣдующаго года Эдуардъ опять таки призвалъ въ Англію своего любимца и особымъ рескриптомъ возвратилъ ему прежде пожалованныя помѣстья. Ко всѣмъ шерифамъ было разослано королевское предписаніе, объявлявшее незаконными всѣ распоряженія относительно Гэвстона и требовавшее, что бы они защищали его отъ преслѣдованій бароновъ. Но ни ослѣпленный король, ни его опальный любимецъ не находили нигдѣ помощи и защиты. Эдуарда еще ограждали народныя понятія и уваженіе низшаго дворянства къ памяти его отца; аристократы не смѣли явно возставать противъ него, говоря, что хотятъ только изгнанія Гэвстона. Ссылаясь на постановленія коммисіи, враги Эдуарда призвали къ оружію своихъ вассаловъ и, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, пошли, подъ предводительствомъ Томаса Ланкастера, на Скарборо, гдѣ находились въ то время Эдуардъ и временщикъ. Услыхавъ объ ихъ приближеніи, королъ оставилъ Гэвстона, потому что Скарборо не былъ достаточно снабженъ ни оружіемъ, ни припасами. Ланкастеръ съ главными силами пошелъ противъ Эдуарда, а Пемброкъ окружилъ Скарборо. Голодъ вскорѣ вынудилъ Гэвстона на капитуляцію; онъ сдался на условіи, что ему будетъ сохранена жизнь и плѣнный былъ отправленъ въ имѣніе Пемброка. Вопреки данному обѣщанію, аристократы рѣшились умертвить его и дать другаго совѣтника слабому, нуждавшемуся въ руководителѣ королю, котораго хотѣли прибрать къ рукамъ. Но Пемброка связывало обѣщаніе, и потому бароны условились, чтобы графъ Варвикъ силою захватилъ Гэвстона и привезъ его въ такое мѣсто, гдѣ судебная власть принадлежала Ланкастеру. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Варвикъ велѣлъ, въ присутствіи Лан-

кастера, казнить Гэвстона, на колѣняхъ молившаго о пощадѣ (1312 г.). Голова его была публично выставлена на позоръ. Мы не знаемъ, принималъ ли участіе въ этой низкой интригѣ жестокосердый Ланкастеръ.

Позорная казнь Гэвстона и послѣдовавшая затѣмъ болѣзнь Эдуарда возстановили народъ, такъ же боявшійся теперь произвольнаго и жестокаго владычества аристократовъ, какъ прежде легкомыслія короля. По этому, по смерти Гэвстона, Эдуарду было легко бороться съ баронами: обѣ стороны вступили въ борьбу, длившуюся цѣлый годъ. Примиреніе послѣдовало только въ 1313 г. Эдуардъ даровалъ амнистію, освобождавшую Ланкастера и 483 бароновъ отъ всякой отвѣтственности въ убійствѣ Гэвстона; но ни примиреніе, ни амнистія не уменьшили вражды Ланкастера и другихъ аристократовъ къ королю.

Пора было, хотя на время, прекратить эти внутренніе раздоры; Англіи грозила опасность изъ Шотландіи. Пользуясь междоусобіями, раздиравшими Англію, Робертъ Брюсъ (т. VII. стр. 448) или какъ онъ назывался, сдѣлавшись шотландскимъ королемъ, Робертъ I, выгналъ изъ Шотландіи большую часть англійскихъ гарнизоновъ. Эдуардъ созвалъ противъ него ополченіе, но успѣлъ собрать только неопытную милицію; Ланкастеръ и его партія, цвѣтъ англійскаго рыцарства, отказались участвовать въ этой войнѣ. Самъ король не обладалъ ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для полководца. При такихъ условіяхъ, исходъ войны не трудно было предвидѣть. Англичане были разбиты на голову въ сраженіи въ Баннокборнѣ: шотландцы разсѣяли и перебили все ихъ войско и овладѣли всѣмъ обозомъ и военными снарядами. Въ этой битвѣ погибъ графъ глостерскій, единственный изъ бароновъ, оставшійся по смерти Гэвстона вѣрнымъ королю и неуступавшій Ланкастеру связями, богатствомъ и значеніемъ. Смерть Глостера усилила только ненависть враговъ короля. Вскорѣ по умерщвленіи Гэвстона, Эдуардъ приблизилъ къ себѣ одного молодаго человѣка, который такъ же безусловно подчинилъ его себѣ и такъ же без-

разсудно былъ осыпаемъ милостями, какъ и Гэвстонъ. Но Гуго Спенсеръ или Деспенсеръ, зять Глостера, былъ по крайней мѣрѣ англичанинъ, а не иностранецъ. По смерти Глостера, не оставившаго сыновей, Эдуардъ отдалъ Спенсеру и двумъ другимъ зятьямъ графа не только его огромныя имѣнія, но и предоставленные ему коронные лены. Спенсеръ, надѣленный особенно щедро и сдѣлавшись вдругъ важнымъ лицомъ, возбудилъ противъ себя зависть и вражду аристократовъ.

Воспользовавшись побѣдою, шотландцы стали дѣлать хищническіе набѣги на Англію и проникли во внутрь страны. Для изгнаяні ихъ оттуда былъ установленъ налогъ на духовенство, и даже партія Ланкастера изъявила готовность принять участіе въ войнѣ. Но двухлѣтній голодъ препятствовалъ королю предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ шотландцевъ. Только зная отвратительное состояніе торговой полиціи въ средніе вѣка, можно понять тѣ страшныя бѣдствія, которыми сопровождался голодъ. Даже на многочисленный королевскій дворъ едва доставало хлѣба. Тогда было издано даже особое предписаніе, опредѣлявшее число блюдъ, родъ говядины и рыбы, которые дозволялось имѣть различнымъ сословіямъ, и устанавливавшее таксы на всѣ продукты. Все это только увеличило бѣдствія и заставило отмѣнить эту мѣру. Положеніе Англіи едва ли когда нибудь могло быть хуже тогдашняго. Во главѣ правительства стоялъ тупоумный Эдуардъ; гордый временщикъ былъ въ постоянной враждѣ съ надменной аристократіей; голодъ, неудовольствіе и неурядица господствовали внутри страны; шотландцы разоряли сѣверныя провинціи; въ Уэльсѣ вспыхнуло возстаніе, подавленное съ большимъ трудомъ; наконецъ въ Ирландіи туземное населеніе вступило съ пришельцами англичанами въ кровавую борьбу, которую старался поддерживать шотландскій король, дѣятельно помогая ирландцамъ. Ко всему этому, между Эдуардомъ и Ланкастеромъ вновь возникла непримиримая вражда. Жена Ланкастера вступила въ незаконную связь съ однимъ рыцаремъ и королю приписывали участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ

отмщеніе, Ланкастеръ возстановилъ противъ Эдуарда феодаловъ и, препятствуя всякому мирному соглашенію, отнялъ возможность предпринять походъ противъ шотландцевъ. Перемиріе, заключенное при посредничествѣ папы, было тотчасъ же нарушено шотландцами, не обратившими, разумѣется, никакого вниманія на Іоанна XXII, думавшаго поразить ихъ, проклявъ короля Роберта. Они постепенно завладѣвали всѣми значительными пограничными крѣпостями сѣверной Англіи и проникли бы еще далѣе, если бы ихъ успѣхи не заставили Эдуарда примириться съ феодалами. Король обѣщалъ исполнять въ точности всѣ постановленія коммисіи государственнаго устройства, т. е., другими словами, подчиниться владычеству аристократіи, и тогда былъ предпринятъ новый походъ, начавшійся очень удачно. Пять тысячъ шотландцевъ, отправленныхъ Робертомъ въ Ирландію подъ предводительствомъ его брата, погибли вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, а въ Ирландіи борьба была прекращена. Побѣдители имѣли благоразуміе смягчить притѣснительные для туземцевъ законы, что гораздо вѣрнѣе обезпечило владычество англичанъ, чѣмъ употребляемая ими до тѣхъ поръ грубая сила. Впрочемъ, походъ противъ шотландскаго короля, стоившій англичанамъ большихъ потерь, остался безъ всякихъ послѣдствій, потому что Ланкастеръ и его партія снова покинули короля. Главною причиною новаго разрыва было расположеніе Эдуарда къ Гуго Спенсеру и его отцу, носившему то же имя. Нужно однако замѣтить, что въ началѣ молодой Спенсеръ пользовался своимъ положеніемъ гораздо осторожнѣе Гэвстона, а его отецъ былъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и опытныхъ государственныхъ людей. Ланкастеръ и его друзья покинули Эдуарда при осадѣ Бервика, узнавъ, что король хочетъ отдать этотъ городъ молодому Спенсеру, и этимъ разстроили весь походъ. Поступокъ Ланкастера и бароновъ, участвовавшихъ въ составленіи новаго статута, возстановилъ противъ нихъ народъ. Ходила молва, будто Ланкастеръ вступилъ въ тайныя сношенія съ шотландскимъ королемъ и, что по многимъ причинамъ невѣроятно, получилъ отъ него

большія деньги. По удаленіи Ланкастера было заключено двухлѣтнее перемиріе и предположено начать въ это время переговоры о мирѣ (1319 г.).

Вслѣдъ затѣмъ снова начались внутреннія волненія, почти не прекращавшіяся до самой смерти Эдуарда. На этотъ разъ примѣръ подалъ не Ланкастеръ, а графъ Герфордъ, оба Мортимера и нѣкоторые другіе бароны, сердившіеся на Спенсера, перебившаго у нихъ покупку нѣкоторыхъ сосѣднихъ имѣній. За это они разорили, неслыханнымъ даже въ средніе вѣка образомъ, владѣніе обоихъ Спенсеровъ и, чтобы избѣжать преслѣдованія королевскихъ судовъ, соединились съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ потребовалъ, отъ имени всего высшаго дворянства, изгнанія Спенсеровъ, вся вина которыхъ состояла въ ихъ безграничномъ вліяніи на короля и высокомѣрномъ обращеніи молодаго Спенсера съ придворными. Справедливость очевидно была на сторонѣ короля, требовавшаго, чтобы обвинители судились съ Спенсеромъ законнымъ порядкомъ. Народъ и большинство духовенства, какъ впослѣдствіи оказалось, были возмущены поступками аристократовъ, но слабый король не съумѣлъ и тутъ выказать твердости. Его принудили даровать полную амнистію баронамъ и даже подписать указъ, присуждавшій Спенсеровъ къ изгнанію за то, что, будучи безъ утвержденія парламента совѣтниками короля, они нарушили статутъ коммисіи. Послѣ этого вся правительственная власть перешла въ руки бароновъ. Дальнѣйшій образъ ихъ дѣйствій также не пріобрѣлъ имъ расположенія народа, большинство епископовъ протестовало противъ изгнанія Спенсеровъ, а опытный, восьмидесятилѣтній старикъ Спенсеръ и въ изгнаніи давалъ королю умные совѣты, указывая ему какъ пользоваться положеніемъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по изгнаніи Спенсеровъ, Эдуардъ былъ уже въ силахъ освободиться отъ аристократовъ. Въ маѣ 1321 г. онъ созвалъ въ Іоркѣ парламентъ, изъ нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и представителей городовъ. Этотъ парламентъ объявилъ всѣ ограниченія королевской власти, сдѣланныя комми-

сіею, противорѣчащими основнымъ законамъ государства и потому недѣйствительными. Недовольные бароны не положили однако оружія и выступили защитниками статута коммисіи. Но ихъ произвольныя и насильственныя дѣйствія и оскорбленіе, которое одинъ изъ нихъ нанесъ королевѣ, не позволивъ ей переночевать въ замкѣ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, возстановили противъ нихъ и народъ и низшее дворянство. Такимъ образомъ король получилъ возможность собрать значительное войско и, во главѣ низшаго дворянства, выступилъ противъ бароновъ. Вскорѣ онъ вернулъ въ Англію и обоихъ Спенсеровъ.

Англія сдѣлалась тогда театромъ междоусобной войны. Бароны, опасавшіеся мести короля и Спенсеровъ, присоединились къ Ланкастеру, а буржуазія и низшее дворянство соединились подъ знаменемъ короля. Эдуардъ, возвратившій себѣ все прежнее королевское значеніе и дѣйствовавшій подъ руководствомъ старика Спенсера, съ самаго начала нанесъ противникамъ чувствительный ударъ, объявивъ, что онъ считаетъ статутъ коммисіи столь же обязательнымъ для себя, какъ и великую хартію. Это хитрое объявленіе побудило многихъ бароновъ оставить непріятельскій лагерь. Видя затруднительность своего положенія, главные предводители недовольныхъ прибѣгли къ несчастной мысли вступить въ союзъ съ шотландцами, и подговорили ихъ сдѣлать нападеніе на Нортомберлендъ. Этимъ они дали королю право преслѣдовать ихъ, какъ враговъ отечества. Эдуардъ объявилъ ихъ въ опалѣ и обязалъ всѣхъ подданныхъ при случаѣ арестовать ихъ (мартъ, 1322 г.). Созвавъ затѣмъ народное ополченіе, онъ преслѣдовалъ войско бароновъ, разбилъ его, и взялъ въ плѣнъ Ланкастера и девяносто двухъ бароновъ; остальные спаслись бѣгствомъ изъ Англіи. Враги Гэвстона, попавшіеся тогда въ руки короля, были преданы суду. Предсѣдателемъ суда былъ самъ Эдуардъ, причастный къ дѣлу; судьями назначены братъ короля, Эдмундъ Кентскій, и шесть бароновъ, награжденныхъ потомъ имѣніями Ланкастера. Этотъ пристрастный судъ приговорилъ графа Томаса Ланкастера къ

зорной и варварской казни, которой предавались въ Англіи государственные измѣнники до половины XVIII столѣтія. Не смотря на то, что Ланкастеръ, какъ частный человѣкъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, Эдуардъ привелъ въ исполненіе жестокій приговоръ (май, 1322 г.). Та же участь постигла и пятнадцать приверженцевъ графа. Владѣнія казненныхъ были розданы друзьямъ короля.

Но, съ уничтоженіемъ могущественнѣйшихъ противниковъ короля, борьба не прекратилась; только роль казненнаго Ланкастера взяла на себя жена Эдуарда. Вліяніе обоихъ Спенсеровъ и назначеніе старшаго изъ нихъ графомъ винчестерскимъ, а младшаго графомъ глостерскимъ, не переставали колоть глаза аристократамъ, оскорбленнымъ гордостью временщиковъ. Неудовольствіе ихъ выказалось особенно рѣзко во время похода, предпринятаго въ 1323 г. Эдуардомъ противъ шотландцевъ. Бездѣйствіе феодаловъ заставило короля отступить съ урономъ, а шотландцы возобновили опустошеніе сѣверныхъ границъ Англіи. Наконецъ и жена Эдуарда присоединилась къ партіи, враждебной королю. Выйдя двѣнадцати лѣтъ за мужъ, Изабелла видѣла кругомъ себя только развратъ, пороки и оргіи; все это привилось къ королевѣ, и мужъ, какъ кажется, опротивѣлъ ей. Сверхъ того, она была врагомъ Спенсеровъ, которыхъ ненавидѣла, завидуя ихъ могуществу, и боялась, потому что уговаривала короля согласиться на ихъ изгнаніе. Изабелла съ радостью ухватилась за споръ Эдуарда съ французскимъ королемъ Карломъ IV, какъ за первый представившійся случай отмстить Спенсерамъ и удовлетворить своему властолюбію.

Еще въ 1322 г. Эдуардъ поссорился съ Карломъ, которому долженъ былъ, какъ владѣтель герцогства Гіенни, принести ленную присягу. Пока внутреннія дѣла не позволяли ему начать войны, онъ нѣсколько разъ вступалъ съ Карломъ въ переговоры и часто имѣлъ поводъ жаловаться на лживость и лукавство французскаго кабинета. Вражда королей постоянно усиливалась и дошла до того, что всѣ сношенія между Англіею и Франціею были пре-

рваны; англійскимъ купцамъ и товарамъ былъ запрещенъ доступъ во Францію, а французы, находившіеся въ Англіи, были арестованы или изгнаны. Война казалась неизбѣжной уже потому, что французы завладѣли большей частью англійскихъ леновъ во Франціи. Въ 1324 г. англійское войско и флотъ были готовы къ выступленію, и только сильное броженіе, вызванное въ Англіи ненавистью къ Спенсерамъ, остановило отправленіе войскъ, которымъ король не хотѣлъ ослаблять себя. Народъ и духовенство раздѣляли неудовольствіе бароновъ противъ временщиковъ, видя возобновленіе всѣхъ злоупотребленій, которымъ долженъ былъ положить конецъ статутъ коммисіи. Раздраженіе достигло такихъ размѣровъ, что Ланкастера и повѣшенныхъ съ нимъ бароновъ стали называть мучениками. Разнесся слухъ, что у его могилы и у висѣлицы творятся чудеса. Правительство поставило солдатъ у могилы Ланкастера и велѣло снять трупы, боясь, чтобы изъ нихъ не сдѣлали предметовъ обожанія. Такое положеніе дѣлъ заставило короля согласиться на предложеніе Франціи начать новые переговоры. Это предложеніе было только сѣтью, разставленною англійскому королю его женою и ея братомъ Карломъ. Эдуардъ никакъ не могъ подозрѣвать умысловъ Изабеллы; по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ сохранившихся документовъ видно, что ихъ отношенія не представляли въ то время ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ. Онъ согласился на сдѣланное ему предложеніе отправить жену въ Парижъ, чтобы черезъ нее уладить споръ. Пріѣхавъ во Францію, Изабелла вступила въ сношеніе съ англійскими эмигрантами, врагами короля. Опаснѣйшій изъ нихъ былъ младшій Мортимеръ, бѣжавшій изъ тюрьмы. Съ нимъ-то и съ французскимъ королемъ она начала переговоры о низверженіи Эдуарда. Между тѣмъ незадолго до того дипломатическіе переговоры между Англіею и Франціею приняли такой оборотъ, что Эдуардъ согласился отправить въ Парижъ и старшаго сына, впослѣдствіи короля Эдуарда III, для принесенія присяги французскому королю. Лишь только наслѣдникъ престола былъ въ рукахъ Изабеллы, она

открыто возстала противъ мужа, сдѣлала дружескій пріемъ Мортимеру, съ которымъ стала вскорѣ жить, громко жаловалась на обоихъ Спенсеровъ и собирала около себя недовольныхъ бароновъ, пріѣзжавшихъ изъ Англіи. Узнавъ объ этомъ, Эдуардъ писалъ самыя убѣдительныя письма Изабеллѣ, ея братьямъ, сыну и даже папѣ, говоря, что онъ всегда оказывалъ женѣ уваженіе и вниманіе, и что то же самое она, по ея собственному сознанію, постоянно видѣла и отъ Спенсеровъ. Но ничто не могло удержать Изабеллу отъ преступнаго намѣренія. Она вступала въ заговоръ съ англійскими феодалами, вооружала войско для похода въ Англію и, чтобы пріобрѣсти себѣ сильнаго союзника, помолвила принца уэльскаго съ дочерью графа геннегаускаго. Видя неизбѣжность войны, Эдуардъ рѣшился открытіемъ военныхъ дѣйствій предупредить французскаго короля, и этимъ заставилъ его выслать сестру изъ Франціи. Но Изабелла уже окончила съ помощью графа геннегаускаго приготовленія для нападенія на Англію.

Въ сентябрѣ 1326 г. королева, сопровождаемая сыномъ, братомъ короля, Эдмундомъ, и англійскими эмигрантами, высадилась въ Англіи съ нѣсколькими тысячами рыцарей, навербованныхъ графомъ геннегаускимъ. Вмѣстѣ съ сыномъ и зятемъ она издала прокламацію, объявляя, что пришла на помощь народу и на защиту законовъ отъ безхарактернаго короля и всѣми ненавидимаго временщика. Прокламація имѣла огромный успѣхъ, и покинутый Эдуардъ не могъ даже собрать войска. Но и въ эту критическую минуту онъ былъ такъ слабъ и вмѣстѣ такъ упрямъ, что не соглашался разстаться ни съ Спенсеромъ, ни съ столь же ненавистнымъ англичанамъ канцлеромъ Бальдокомъ. Впрочемъ, никто изъ приставшихъ къ королевѣ не думалъ о лишеніи Эдуарда короны, а тѣмъ менѣе жизни. Изъ Лондона, населеніе котораго приняло сторону Изабеллы, король бѣжалъ въ Уэльсъ, гдѣ Спенсеры считали свое вліяніе очень сильнымъ; но и тутъ его встрѣтили измѣна и опасность. Думая было искать спасенія въ Ирландіи, Эдуардъ не рѣшился однако пуститься въ море, и спрятался въ одномъ аббатствѣ Уэльса.

Вступивъ послѣ него въ Лондонъ, королева заставила избрать своего сына протекторомъ королевства (т. VII. стр. 122), а Эдуардъ былъ такъ безхарактеренъ, что прислалъ черезъ нѣсколько дней посольство къ женѣ и сыну, изъявляя готовность подчиниться всѣмъ ихъ требованіямъ. Между тѣмъ Изабелла отправила злѣйшихъ враговъ короля — графа глостерскаго, юриста Уильяма Трусселя, освобожденнаго ею изъ тюрьмы и назначеннаго верховнымъ судьею, и Генриха графа ланкастерскаго, брата казненнаго, — отыскивать Эдуарда, обѣщая большое денежное вознагражденіе тому, кто откроетъ его убѣжище. Несчастный король былъ выданъ и схваченъ вмѣстѣ съ младшимъ Спенсеромъ и канцлеромъ Бальдокомъ. Старшій Спенсеръ попалъ еще ранѣе, при взятіи Бристоля, въ руки королевы. Она немедленно, безъ всякаго суда, велѣла казнить 90 лѣтняго старика позорною смертью: его повѣсили на висѣлицѣ, предназначенной для воровъ. Той же смерти предали и его сына, подведя его предварительно къ королевѣ и подвергнувъ разнаго рода оскорбленіямъ. Канцлера Бальдока, какъ духовнаго, нельзя было казнить безъ суда; его таскали изъ тюрьмы въ тюрьму и такъ мучили, что онъ умеръ отъ жестокаго обращенія. Остальные друзья короля, между прочими графъ Арондель, были казнены еще прежде. Главными дѣятелями этой отвратительной бойни были: епископъ герфордскій Орльтонъ и законовѣдъ, упомянутый нами уголовный судья, Труссель.

Умертвивъ друзей короля, они подвергли Эдуарда цѣлому ряду жестокихъ оскорбленій. Впрочемъ, самъ Ланкастеръ, подъ надзоромъ котораго онъ находился нѣкоторое время, хорошо обращался съ нимъ. Процессъ начался съ того, что двумъ лицамъ, наиболѣе оскорблявшимъ Эдуарда, было поручено вытребовать у него большую государственную печать. Затѣмъ Изабелла созвала въ Лондонѣ парламентъ, для низложенія мужа и возведенія на престолъ принца уэльскаго, находившагося подъ вліяніемъ матери и Мортимера. Все было сдѣлано по ея желанію и притомъ съ большимъ

эффектомъ (13-го января 1327 г.). Королева притворилась очень огорченною низложеніемъ своего мужа и велѣла сыну отказываться отъ короны, до тѣхъ поръ пока Эдуардъ добровольно не сложитъ ее. Чтобы вынудить у плѣннаго короля отреченіе, прибѣгли къ новымъ жестокостямъ, и парламентъ сдѣлался соучастникомъ въ преступленіи королевы. Онъ назначилъ коммисію, которая отправилась къ Эдуарду и обѣщаніями и угрозами принудила злополучнаго короля подписать манифестъ къ народу. Между членами ея находились также Орльтонъ и Труссель. Самыя оскорбительныя церемоніи при отреченіи было поручено выполнить лицамъ, наиболѣе враждебнымъ Эдуарду. Епископъ Орльтонъ говорилъ рѣчь, Труссель отказался за парламентъ отъ повиновенія королю, а его бывшій первый придворный, измѣнникъ Томасъ Блоунтъ, переломилъ передъ нимъ скипетръ, символъ королевской власти. По совершеніи всѣхъ этихъ церемоній, народу объявили о вступленіи на престолъ несовершеннолѣтняго Эдуарда III и учрежденіи при немъ регентства. Вслѣдъ затѣмъ посыпались милости соучастникамъ королевы, ей самой былъ назначенъ огромный пенсіонъ, а всѣмъ приверженцамъ казненнаго Ланкастера возвращены ихъ имущества.

Дворянство и народъ не были, кажется, довольны этой революціей, и потому виновники ея оправдывали свои дѣйствія въ манифестахъ, придумывая въ то же время какъ бы отдѣлаться отъ низложеннаго короля. Воспользовавшись распространеннымъ въ народѣ слухомъ о святости Ланкастера и всеобщею ненавистью къ Спенсерамъ, они старались увѣрить, что единственною ихъ цѣлью была месть убійцамъ Ланкастера и низверженіе временщиковъ, и придать своему преступленію видъ войны за возстановленіе нарушенныхъ государственныхъ законовъ. Съ тою же цѣлью регентство издало указъ, отмѣнявшій злоупотребленія, вкравшіяся вопреки великой хартіи свободы. Одинъ этотъ указъ и дала позорная революція народу, навсегда сохранившему новопріобрѣтенныя права. Новое правительство воспользовалось переворотомъ только

для гибели Эдуарда. Въ апрѣлѣ онъ былъ взятъ у Ланкастера и переданъ Томасу Беркли и Джону Мальтраверсу, съ тѣмъ чтобы подвергнуть его звѣрствамъ, до которыхъ никогда не унизился бы графъ Ланкастеръ. Несчастнаго очевидно хотѣли нравственными мученіями довести до сумасшествія или извести разнаго рода физическими лишеніями; когда же ни то, ни другое не удалось, злодѣи прибѣгли къ явному насилію. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ Беркли и Мальтраверсъ таскали Эдуарда изъ замка въ замокъ, унижая, оскорбляя его и ругаясь надъ нимъ самымъ подлымъ и пошлымъ образомъ. Однажды, напримѣръ, они велѣли обрить ему бороду среди поля и для этого взять болотной воды. Намъ гадко описывать страшную, мучительную смерть, придуманную злодѣями для того, чтобы скрыть слѣды насилія; но стоны страдальца и искаженныя черты его трупа открыли народу преступленіе. Настоящіе виновники злодѣйства старались возбудить негодованіе противъ лицъ, служившихъ имъ орудіями. Беркли и Мальтраверсъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Беркли былъ схваченъ черезъ три года, въ Кастиліи, по требованію англійскаго правительства. Опасаясь его показаній, ему отрубили голову при переѣздѣ на кораблѣ. Мальтраверсъ, бѣжавшій въ Германію, былъ осужденъ черезъ четыре года по совершеніи преступленія. Но впослѣдствіи, за важныя услуги, оказанныя Эдуарду III въ войнѣ съ Франціей, онъ получилъ сначала дозволеніе пріѣхать въ Англію, для оправданія, а потомъ и полное прощеніе.

II. СѢВЕРНЫЯ И ВОСТОЧНЫЯ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ

ДО ПОЛОВИНЫ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

---

1. Вступленіе.

Въ первыя шесть столѣтій по паденіи западной римской имперіи, культура, возникшая изъ христіанства, остатковъ древне-римскаго образованія и изъ новѣйшей цивилизаціи мухаммеданскихъ государствъ Азіи, Африки, Сициліи и Испаніи, постепенно распространилась по Испаніи, Франціи, Германіи и Англіи. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ она проникла, мало по малу, въ Скандинавію и къ славянскимъ племенамъ, населявшимъ берега Балтійскаго моря. Въ эти страны цивилизація была внесена нѣмцами, находившимися въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Италіей и вошедшими, во время крестовыхъ походовъ, въ близкое соприкосновеніе съ Востокомъ. Нѣмцы способствовали не только переходу скандинавовъ къ ново-германской культурѣ, но и соединенію ихъ съ Германіею, — соединенію, сдѣлавшему Швецію и Данію достояніемъ германскихъ князей, а Норвегію жертвою эгоистической политики Ганзы, отъ которой она заимствовала первыя потребности болѣе развитой гражданской жизни. Въ то время какъ ново-германское образованіе

постепенно прививалось къ скандинавамъ, чуждавшіеся его жители отдаленныхъ береговъ Балтійскаго моря, ливы, куры, эсты и пруссы, были истреблены или порабощены и сдѣланы крѣпостными. Но и въ этихъ отдаленныхъ странахъ нѣмецкіе рыцари и граждане подготовили прочное убѣжище ново-европейской цивилизаціи. Они основали, послѣ страшныхъ битвъ, нѣмецкую, рыцарскую республику, состоявшую, по образцу спартанской, изъ героевъ и гелотовъ (т. I. стр. 285). Одновременно возникли тамъ и нѣмецкія городскія общины, подорвавшія туземную торговлю привозомъ иностранныхъ товаровъ и издѣлій.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, рыцарскіе ордена получили, послѣ крестовыхъ походовъ, такое значеніе для исторіи Германіи и восточной Европы, какого они никогда не имѣли ни въ Англіи, ни во Франціи, центрѣ рыцарства. Съ другой же стороны, торговая дѣятельность, пробудившаяся въ сѣверо-германскихъ городахъ, начала уже съ тринадцатаго столѣтія оказывать рѣшительное вліяніе на развитіе и судьбу сѣвера и востока. Нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, когда произошло соединеніе городовъ, составившихъ такъ называемый ганзейскій союзъ; но обыкновенно начало Ганзы ведутъ отъ договора, заключеннаго между Гамбургомъ и Любекомъ въ 1241 г. (т. VII. стр. 376).

Еще во времена Фридриха II, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, не только нижнесаксонскіе приморскіе и приръчные города, но и города, находившіеся внутри страны, какъ Мюнстеръ, Сестъ, Дортмундъ и Брауншвейгъ, посылали на иностранные рынки произведенія своего края и фабрикъ и составляли такъ называемыя гильдіи. Эти гильдіи были зародышемъ возникшей впослѣдствіи Ганзы или настоящаго союза городовъ, и, по всей вѣроятности, обязаны своимъ происхожденіемъ той же потребности, которая вызвала въ средніе вѣка образованіе рыцарскихъ орденовъ, ученыхъ и неученыхъ корпорацій и цеховъ. Въ началѣ главнымъ предметомъ торговли сѣверо-германскихъ городовъ были хлѣбъ и сукна. Вся торговля сукнами находилась въ рукахъ нѣмцевъ

и нидерландцевъ, а хлѣбъ они дешево скупали у дворянства, всегда нуждавшагося въ деньгахъ, и снабжали потомъ мукою, пивомъ и медомъ сѣверъ — до Дронтгейма, и востокъ — до самаго Новгорода. Торговля съ сѣверомъ потому и была выгодна даже для внутреннихъ городовъ, что они могли скупать хлѣбъ у помѣщиковъ. Кромѣ того, сѣверо-германскіе города извлекали большую прибыль изъ рыболовства, вслѣдствіе частыхъ постовъ въ христіанскихъ странахъ; приготовленіе соленой и сушеной рыбы доставляло имъ выгодный мѣновой товаръ. Всѣ эти различные виды торговли уже издавно производились съ такою дѣятельностью, что нѣмцевъ можно было встрѣтить вездѣ на сѣверѣ, такъ какъ въ тѣ времена купецъ всегда сопровождалъ свой товаръ.

2. Норвегія.

Со временъ Канута Великаго (т. V. стр. 265) Норвегія, если исключить частые морскіе набѣги, военную службу норвежцевъ въ Константинополѣ и незначительное участіе ихъ въ крестовыхъ походахъ, не имѣла никакихъ сношеній съ остальной Европой. Торговая дѣятельность сѣверо-германскихъ городовъ и брачный союзъ, заключенный во второй половинѣ XIII столѣтія между норвежскимъ королемъ Магнусомъ VII и вымершею вскорѣ послѣ того шотландскою династіею (т. VII. стр. 431), вновь придали Норвегіи значеніе въ ряду другихъ европейскихъ государствъ. Для исторіи Европы, послѣ Канута, важны царствованія Магнуса и его сына, Эриха II. При Магнусѣ Норвегія вступила въ союзъ съ германскими городами, а Эрихъ былъ отцомъ Маргариты, извѣстной подъ именемъ дѣвы норвежской, ранняя смерть которой причинила столько бѣдствій Шотландіи, Англіи и Франціи.

Въ то время населеніе Норвегіи было гораздо многочисленнѣе нынѣшняго; оно почти не занималось земледѣліемъ, имѣя въ

изобиліи только рыбу и мясо. Съ прекращеніемъ набѣговъ на земледѣльческія страны, норвежцы стали ощущать недостатокъ въ первыхъ жизненныхъ потребностяхъ, и это-то сдѣлало впослѣдствіи Норвегію главною цѣлью торговли сѣверо-германскихъ городовъ. Въ концѣ XIII стол. пало могущество Норвегіи и на морѣ. Оно было еще очень значительно при отцѣ Магнуса, Гаконѣ VI (1217—1263 г.), и возможность борьбы съ такими могущественными королями, какъ норвежскіе, даетъ самое лучшее понятіе о тогдашнемъ процвѣтаніи нѣмецкихъ городовъ. Негостепріимная Гренландія, съ которою норвежцы поддерживали частыя торговыя сношенія, и еще не обѣднѣвшая въ то время Исландія обогащали норвежскихъ королей; въ войнѣ съ Александромъ III (т. VII. стр. 431) за шетлендскіе острова, Гаконъ могъ выставить весьма значительный флотъ. При немъ Норвегія находилась въ сношеніяхъ даже съ отдаленными, мухаммеданскими странами, какъ видно изъ норвежскихъ лѣтописей, говорящихъ о какомъ-то султанѣ, къ которому Гаконъ отправилъ пословъ съ подарками. Но развитіе внѣшней жизни далеко не соотвѣтствовало такому процвѣтанію морскихъ силъ. Такъ, напримѣръ, Гаконъ, за недостаткомъ обширнаго помѣщенія, долженъ былъ праздновать на кораблѣ свое вступленіе на престолъ. Впрочемъ уже при этомъ королѣ нѣмецкіе приморскіе города начали знакомить сѣверъ съ наслажденіями и удобствами нѣмецкой или, вѣрнѣе, итальянской жизни. Это видно изъ того, что Гаконъ праздновалъ уже на твердой землѣ свадьбу своего сына Магнуса. На пиръ съѣхались издалека иностранные купцы, и въ погребахъ сѣвернаго государя достало вина, чтобы напоить тысячу девять сотъ человѣкъ гостей.

Съ Магнусомъ VII (1263—1281 г.) настала для Норвегіи эпоха новаго рода процвѣтанія, а для нѣмецкихъ купцовъ блистательная пора ихъ торговли на сѣверѣ. Во все продолженіе своего царствованія, Магнусъ стремился гораздо болѣе къ просвѣщенію подданныхъ, чѣмъ къ походамъ и набѣгамъ. Но введенная имъ чужеземная цивилизація и вліяніе духовныхъ, пользовавшихся

покровительствомъ короля, сломили прежнюю крѣпость норвежцевъ и привели къ тому, что при лучшемъ изъ правителей померкла древняя слава Норвегіи. Онъ поощрялъ многочисленныхъ норвежскихъ поэтовъ, изъ пѣсень которыхъ возникли впослѣдствіи норвежскія лѣтописи Торфеуса (т. V. стр. 288), и покровительствовалъ исландскимъ пѣвцамъ, воспѣвавшимъ баснословные подвиги героевъ (т. V. стр. 226 и 228). Но болѣе всего прославился Магнусъ своимъ законодательствомъ, доставившимъ ему почетное названіе Лагабеттера (улучшителя законовъ). Онъ собралъ въ одинъ сводъ старинные уставы и судебные обычаи, наполнивъ пробѣлы новыми постановленіями. Желая упрочить за своею столицею, Бергеномъ, преимущества торговыхъ нѣмецкихъ городовъ, норвежскій король дозволилъ нѣмецкимъ купцамъ устроить въ немъ товарные склады. Эту привилегію онъ ограничилъ однако извѣстнымъ временемъ года, чтобы дать возможность и норвежцамъ сбывать свои товары. Нѣмцы привезли въ Бергенъ своихъ ремесленниковъ, обогатили городъ, ввели полезныя ремесла, и этимъ такъ расположили къ себѣ короля, что онъ далъ имъ вскорѣ новыя привилегіи. Между прочимъ: имъ было разрѣшено строить въ Бергенѣ дома, образовавшіе вскорѣ новый кварталъ. Около 1278 г., нѣмецкая факторія въ Бергенѣ составляла родъ особаго государства въ государствѣ, управляемаго своими выборными и своими законами.

Сыну и преемнику Магнуса, Эриху II (1281 — 1299 г.) пришлось поплатиться за чрезмѣрное покровительство, оказанное его отцомъ торговлѣ и промышленности заграничныхъ купцовъ и мудрой учености духовныхъ. Желая уничтожить въ Норвегіи средневѣковую религію, іерархію и цивилизацію и снова обратить норвежцевъ къ правиламъ и суровости старины, Эрихъ не только былъ вовлеченъ въ борьбу съ духовенствомъ, заслужившую ему названіе врага поповъ, но и безуспѣшно старался вытѣснить изъ государства германскихъ купцовъ. Мы уже говорили прежде (т. VII, стр. 431), какое важное вліяніе имѣлъ на судьбу Шотландіи.

Англіи и Франціи бракъ его съ дочерью и наслѣдницею шотландскаго короля. Умерщвленіе датскаго короля, Эриха VII, вовлекло Эриха II въ войну съ Даніей. Поводъ къ этой войнѣ и способъ ея веденія доказываютъ ясно, что Эрихъ стремился уничтожить въ своемъ государствѣ занесенную въ него чужеземную цивилизацію и пробудить въ норвежцахъ древній нормандскій духъ. Онъ взялъ подъ свою защиту убійцъ датскаго короля, помогалъ ихъ разбойническимъ набѣгамъ на Данію и вступилъ въ союзъ съ однимъ могущественнымъ морскимъ разбойникомъ. Этотъ разбойникъ, подобно африканскимъ пиратамъ XVIII столѣтія, былъ грозою всѣхъ береговъ и такъ прославился своею ловкостью и храбростью, что сѣверные пѣвцы называютъ его въ своихъ пѣсняхъ вторымъ Роллономъ (т. V. стр. 274). Весь сѣверъ пришелъ тогда въ волненіе, и нѣмецкіе города на Везерѣ, Эльбѣ и вендскихъ берегахъ выступили какъ могущественное государство, на ряду съ Англіей и Норвегіей. Поссорившись съ ними еще прежде, Эрихъ конфисковалъ въ Бергенѣ ихъ товары и задержалъ корабли. Нѣмецкіе города, съ своей стороны, всячески препятствовали подвозу въ Норвегію муки и пива, что было очень чувствительно для норвежцевъ, развившихъ у себя въ теченіе столѣтія привычки другихъ странъ. Чтобы парализовать враждебныя дѣйствія нѣмцевъ, Эрихъ старался особыми привилегіями отдѣлить Бременъ отъ другихъ враждебныхъ городовъ. Связь городовъ была въ то время еще такъ непрочна, что бременцы и позднѣе оставались союзниками Норвегіи, въ войнѣ ея съ нѣмецкими городами, снова вспыхнувшей послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ примиренію. Когда споръ возникъ вторично, Эрихъ старался вооружить противъ нѣмецкихъ республикъ сосѣднихъ государей. Онъ примирился съ датскимъ королемъ, обратился къ англійскому королю, Эдуарду I, съ которымъ еще прежде заключилъ договоръ о взаимной защитѣ противъ союза, и шведскому королю, Магнусу I, предоставивъ ему третейскій судъ въ спорѣ съ Ганзою. Но и на этотъ разъ ему пришлось уступить купцамъ. На кальмарскомъ конгрессѣ,

куда каждый изъ ганзейскихъ городовъ отправилъ по два депутата, Магнусъ рѣшилъ, что Эрихъ долженъ возвратить отнятыя суда, уплатить шесть тысячъ марокъ вознагражденія и распространить на города Кампенъ, Стаференъ и Гренингенъ привилегіи, предоставленныя нѣмецкимъ купцамъ въ Бергенѣ. Это рѣшеніе легло въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ договоровъ съ Ганзою; имъ обусловливался характеръ ихъ отношеній къ сѣверу. Въ 1294 г., послѣ новой войны, ганзейцы получили право исключительной торговли предметами первой необходимости и были освобождены отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей въ странѣ, гдѣ оставались только до тѣхъ поръ, пока не наживали себѣ состоянія.

Сынъ Эриха, Гаконъ VII, не только утвердилъ всѣ эти привилегіи, но и добавилъ ихъ новыми. Упадокъ Норвегіи, вслѣдствіе занесенныхъ въ нее чуждыхъ народу потребностей и чужеземной цивилизаціи, сдѣлался неотвратимъ; его ускорили, въ царствованіе Гакона, нѣсколько разъ повторявшіяся землетрясенія и другіе климатическіе перевороты. Особенно пострадала въ то время Исландія отъ страшнаго изверженія Геклы. Это нѣкогда цвѣтущее и важное владѣніе Норвегіи, теряя съ каждымъ десятилѣтіемъ свое значеніе, сдѣлалось наконецъ только тягостью для Даніи, соединившейся съ Норвегіею. По смерти Гакона (1319 г.), исторія Норвегіи сливается съ исторіею Даніи и Швеціи.

3. Данія.

Обширныя завоеванія, сдѣланныя Вальдемаромъ I и обоими его сыновьями по германскому берегу Балтійскаго моря до самой Эстляндіи, были, какъ мы уже говорили (т. VII. стр. 361), внезапно утрачены. Вальдемару II осталось, отъ дальныхъ владѣній датчанъ въ чужихъ краяхъ, только право верховной власти надъ Эстляндіей и небольшимъ пространствомъ Лифляндіи. Но возра-

ставшее вліяніе нѣмецкихъ городовъ въ Эстляндіи и могущество ордена меченосцевъ въ Лифляндіи дѣлали и это право скорѣе бременемъ для датскихъ королей. Уже при Вальдемарѣ II, слѣдовательно еще прежде Норвегіи, Данія почувствовала могущество Ганзы: въ 1234 г. датчане потерпѣли отъ любчанъ сильное пораженіе на морѣ.

По смерти Вальдемара (1241 г.) государство было раздѣлено между его сыновьями, тотчасъ начавшими между собой борьбу; ею воспользовались любчане, окончательно подорвавшіе морскія силы, а вмѣстѣ съ ними и самое значеніе Даніи. Впрочемъ, относительно нападенія любчанъ на Копенгагенъ и прославленнаго впослѣдствіи покоренія этого города, не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ въ то время ничтожнымъ мѣстомъ. Распря между братьями кончилась тѣмъ же, чѣмъ обыкновенно кончались войны въ средніе вѣка: обѣдненіемъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ и увеличеніемъ нищеты страдавшихъ за дворянство крестьянъ. Вслѣдъ затѣмъ старшій изъ братьевъ, Эрихъ VI, получившій по волѣ отца королевскій титулъ и верховную власть надъ всѣми странами, возъимѣлъ несчастную мысль пожертвовать послѣдними силами датчанъ для поддержанія призрачной власти въ Эстляндіи. Приготовленія къ походу окончательно истощили страну. Эрихъ установилъ налогъ на каждый плугъ и этимъ возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что въ насмѣшку былъ прозванъ Плогпеннигомъ (Plogpennig). Онъ былъ убитъ братомъ Авелемъ, не успѣвъ еще окончить всѣхъ приготовленій къ войнѣ. Приглашенный къ брату, Эрихъ дорогою подвергся нападенію подкупленныхъ Авелемъ убійцъ, которые отрубили ему голову и, привязавъ къ трупу свинецъ и камни, утопили его въ рѣкѣ (1250 г.). Это убійство, доказывающее упадокъ просвѣщенія у датчанъ, придало еще болѣе могущества аристократіи, т. е. епископамъ и владѣтельному дворянству. Поселяне не имѣли никакого голоса на сеймахъ и почти также ничтожно было значеніе еще неразвившихся въ то время городовъ. Аристократы стали произвольно распоряжаться престо-

ломъ, сдѣлавшись сильнѣе самого короля, знавшаго, что онъ царствуетъ по ихъ волѣ, а не по праву рожденія. Они избрали Авеля, за поручительствомъ двадцати четырехъ рыцарей, заставивъ ихъ подтвердить присягою его невинность въ умерщвленіи брата.

При вступленіи на престолъ Авеля, города, единственная опора и источникъ доходовъ королей, были заложены; рѣшившись ихъ выкупить, онъ предписалъ чрезвычайный налогъ. Этотъ налогъ, утвержденный сеймомъ, былъ уплаченъ датчанами, какъ кажется, безъ сопротивленія. Свободные же, береговые или сѣверные фрисландцы, жившіе въ Шлезвигѣ, около дитмаршенцевъ, отказались внести его, говоря, что обязались платить только установленную годовую подать, и, въ отвѣтъ на насиліе, взялись за оружіе. Датчане жестоко опустошали ихъ страну, и только въ болотахъ и рвахъ могли они держаться противъ рыцарской конницы. Но однажды, когда войско датчанъ неосторожно расположилось лагеремъ въ такой мѣстности, гдѣ могла дѣйствовать только пѣхота, фрисландцы напали на нихъ и нанесли имъ страшное пораженіе. Пѣхота датчанъ, какъ обыкновенно въ феодальныхъ войскахъ, была самая жалкая; фрисландцы, напротивъ, своеобразно вооруженные, подобно швейцарцамъ и дитмаршенцамъ, отлично дрались въ привычной имъ мѣстности. Замѣтивъ ихъ приближеніе, датчане, не ожидая даже нападенія, поспѣшно бѣжали и понесли значительный уронъ. Король снова собралъ бѣжавшихъ, одержалъ нѣсколько побѣдъ, но вслѣдъ затѣмъ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Сѣверные фрисландцы одержали эту побѣду въ 1252 г., четыре года спустя послѣ того, какъ ихъ одноплеменники, западные фрисландцы, убили Вильгельма Голландскаго въ борьбѣ за свои демократическія права (т. VII. стр. 378). Это благородное племя свободныхъ людей заслуживаетъ бóльшей славы, чѣмъ норманны и швейцарцы. Всегда храбро отстаивая свою независимость, оно никогда не пускалось за моря, для покоренія чужихъ земель, подобно норманнамъ, и никогда не нанималось, какъ это дѣлаютъ швейцарцы, въ

службу иностранныхъ владѣтелей, для лишенія свободы и угнетенія другихъ народовъ.

Авель оставилъ одного сына, который, возвращаясь изъ Парижа, гдѣ онъ учился, былъ взятъ въ плѣнъ архіепископомъ кёльнскимъ, напавшимъ на него по обычаю рыцарей того времени и арабовъ и курдовъ всѣхъ временъ. Германскіе епископы въ средніе вѣка обращали на международныя и человѣческія права такъ же мало вниманія, какъ и датскіе короли. На престолъ Даніи вступилъ братъ Авеля, Христофоръ I, избранный баронами и прелатами, положившими передъ тѣмъ корону на голову братоубійцы. Племяннику, выкупленному изъ плѣна за огромную сумму графомъ гольштинскимъ, король только послѣ кровопролитной борьбы уступилъ герцогство шлезвигское, доставшееся Авелю въ наслѣдство. При Христофорѣ I Данія много терпѣла отъ войскъ съ графомъ гольштинскимъ и его союзникомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, отъ грабежей любчанъ и нападенія соединенныхъ силъ королей шведскаго и норвежскаго. Въ то же время почти окончательно порвалась слабая связь, соединявшая Данію съ Эстляндіей и Лифляндіей, гдѣ, съ ослабленіемъ могущества датчанъ, возрастало вліяніе Ганзы и меченосцевъ, пріобрѣвшихъ новую силу соединеніемъ съ тевтонскимъ орденомъ.

Затруднительнымъ положеніемъ Христофора воспользовался упрямый Іаковъ Эрландсонъ, для того чтобы распространить и на Данію права папы. Назначенный архіепископомъ Лунда въ награду за содѣйствіе, оказанное (т. VII. стр. 278) Иннокентію IV противъ Фридриха II, на ліонскомъ соборѣ, Эрландсонъ сдѣлался черезъ это нѣкоторымъ образомъ патріархомъ всей Скандинавіи. По существовавшему въ Даніи каноническому праву, онъ не могъ принять епископства безъ предварительнаго согласія короля. Но Эрландсонъ не сталъ дожидаться утвержденія Христофора и позволилъ себѣ разнаго рода произвольные поступки, противные датскимъ церковнымъ законамъ. Король жаловался на него сейму, потомъ вторично созвалъ свѣтскихъ бароновъ, уполномо-

чившихъ его силою принудить къ повиновенію дерзкаго епископа, сдѣлавшагося еще наглѣе. Христофоръ прибѣгнулъ противъ него и другихъ соединившихся съ нимъ епископовъ къ средству, употребляемому впослѣдствіи съ успѣхомъ противъ духовенства германскимъ императоромъ и англійскимъ королемъ (т. VII. стр. 408 и 445). Онъ объявилъ, что имѣнія и доходы духовенства не находятся болѣе подъ защитою свѣтской власти, и отдалъ ихъ на жертву грабежу рыцарей и ихъ слугъ. Епископы, со своей стороны, возстановили противъ дворянства грубое, презираемое ими, сословіе поселянъ и произвели такое волненіе, что Христофоръ велѣлъ заключить въ тюрьму архіепископа. Другіе епископы предали его за то отлученію и запретили духовенству совершать богослуженіе. Хотя приказаніе ихъ исполнилось въ немногихъ мѣстахъ, но разрывъ короля съ духовенствомъ постоянно возрасталъ, богослуженіе было пріостановлено и духовные вмѣсто мира проповѣдывали неповиновеніе и возстаніе противъ властей. Одинъ изъ нихъ, думая сдѣлать благородное дѣло, отравилъ короля причастіемъ (1259 г.).

Христофоръ оставилъ малолѣтняго сына, Эриха VII Глиппинга, именемъ котораго управляла нѣкоторое время, въ качествѣ регентши, его мать Маргарита. Соединясь съ сыномъ Авеля, Эрихомъ графомъ шлезвигскимъ, и призвавъ тестя Эриха, князя рюгенскаго Яромира и графовъ гольштинскихъ, епископы поспѣшили воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ осаждаемой со всѣхъ сторонъ женщины. Вскорѣ въ Зеландіи, Шлезвигѣ и Ютландіи возгорѣлась страшная война, бѣдственная въ особенности для несчастныхъ поселянъ. Въ 1261 г. Маргарита освободила архіепископа, но война все-таки не прекратилась. Эрландсонъ уступалъ правительницѣ еще менѣе, чѣмъ ея мужу. Въ то же время графъ Эрихъ требовалъ, чтобы герцогство шлезвигское было признано, по германскому обычаю, его наслѣдственнымъ владѣніемъ. Въ сраженіи при Шлезвигѣ, въ Логайдерской долинѣ (1261 г.), молодой король былъ разбитъ на голову и попалъ, вмѣстѣ съ

матерью, въ руки гольштинскихъ графовъ. Онъ былъ переданъ Оттону III, маркграфу бранденбургскому, требовавшему за оказанныя услуги слишкомъ большаго денежнаго вознагражденія; королева осталась въ рукахъ гольштинцевъ. За обоихъ вступился ихъ близкій родственникъ, герцогъ брауншвейгскій, Альбрехтъ Великій. Съ помощью любчанъ, онъ ворвался въ Гольштинію и, при содѣйствіи папскаго легата, настоялъ на освобожденіи королевы, назначившей его правителемъ государства. Освобожденіе Эриха VII, за котораго маркграфъ потребовалъ огромный выкупъ, послѣдовало цѣлымъ годомъ позже, черезъ бракъ его съ племянницею Оттона. Какъ правитель, Альбрехтъ вовсе не заслужилъ прозванія великаго. Онъ только мстилъ врагамъ королевы, притѣснялъ духовенство и возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что былъ принуждемъ бѣжать изъ Даніи (1263 г.).

По возвращеніи короля, возобновилась борьба съ духовенствомъ. Іакову Эрландсону и тремъ епископамъ было велѣно выѣхать изъ государства, а папскій легатъ снова наложилъ на Данію интердиктъ, соблюдавшійся опять только въ немногихъ мѣстахъ; духовное и свѣтское сословія съ дикимъ буйствомъ дрались между собой; всякій порядокъ былъ нарушенъ и угнетеніе несчастныхъ датскихъ поселянъ завершилось введеніемъ крѣпостнаго права. При всемъ томъ, Эрихъ былъ человѣкъ твердый, энергическій, предпріимчивый и окончилъ борьбу съ духовенствомъ удачнѣе, чѣмъ кто либо изъ европейскихъ королей. Видя, что датчане не обращаютъ вниманія на поднятый имъ гвалтъ, т. е. употребляютъ самое вѣрное средство для усмиренія духовенства, оно, при посредничествѣ папы, примирилось на церковномъ соборѣ съ королемъ, въ пользу котораго былъ оконченъ споръ. Въ Шлезвигѣ Эрихъ также возстановилъ свои права, и пріобрѣлъ себѣ славу въ Швеціи, вмѣшавшись въ ея внутренніе раздоры. Но всѣ его старанія удержать свои права верховной власти надъ Эстляндіей и Лифляндіей и сохранить за датчанами находившуюся въ ихъ рукахъ торговлю между этими странами и Италіею, остались

напрасными. Торговля перешла къ ганзейскимъ городамъ, получившимъ отъ Эриха множество привилегій, льготъ и даже право собственнаго суда.

Измѣненіемъ государственныхъ и церковныхъ законовъ Эрихъ еще болѣе замѣчателенъ, чѣмъ своею воинственностью. Оставляя законовѣдамъ изложеніе и разборъ всего законодательства, мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ его постановленій, чтобы сравнить тогдашнія понятія о правѣ и администраціи съ нынѣ господствующими; предоставивъ судебную власть, за немногими исключеніями и ограниченіями, духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ и уничтоживъ народные суды, Эрихъ лишилъ угнетенный народъ послѣднихъ остатковъ свободы, постепенно исчезавшей въ теченіе XII-го и XIII-го столѣтій. Вообще законы Эриха передали духовенству и дворянству всѣ права народа. Въ 1282 г. дворянство и духовенство получили отъ него замѣчательную грамату, въ которой о народѣ даже не было упомянуто. Этою граматою король обѣщалъ имъ ежегодно созывать государственный сеймъ (такъ называемый Dänenhof), не подвергать никого, безъ судебнаго приговора, заключенію или наказанію, и позволялъ избавляться отъ наказанія добровольнымъ изгнаніемъ. Сверхъ того, онъ обязывался слѣдовать со всею строгостью законамъ Вальдемара II, особенно относящимся до церкви. Въ полицейскихъ предписаніяхъ Эриха видѣнъ тотъ же характеръ, какъ и въ законодательствахъ другихъ государствъ того времени (т. VIII. стр. 21): правительство ведетъ постоянную войну съ модою. На одномъ изъ сеймовъ было, напримѣръ, постановлено, чтобы никто не украшалъ одежды золотомъ или серебромъ, не стыдился носить платья долѣе года, и даже королю запрещено носить разрѣзную одежду. Сеймъ обратилъ также особенное вниманіе на торговлю пивомъ, подчиненную подобнаго же рода постановленіямъ. Эрихъ обязалъ духовенство и монастыри давать пріютъ путешественникамъ и велѣлъ заводить гостинницы. Относительно убійства было постановлено, чтобы убійца вознаграждалъ родственниковъ убитаго наличными день-

гами, а не товаромъ или скотомъ. При этомъ было смутно выражено дозволеніе старинной кровной мести, такъ какъ она допускалась, но только по жизнь убійцы, и даже король не могъ задерживать родственниковъ убійцы для уплаты пени.

Огромныя привилегіи бароновъ, вслѣдствіе которыхъ нѣсколько сотъ человѣкъ составляли государство, а остальные — жалкую, подавленную массу рабовъ, повели за собой требованія еще бóльшихъ правъ, предъявляемыя дворянствомъ при каждомъ новомъ избраніи. Эрихъ сдѣлался также жертвою олигархіи рыцарей и одного изъ ихъ хищныхъ богатырей. Онъ глубоко оскорбилъ маршала Стиго, въ лицѣ его жены, поступивъ съ нею, какъ самый грубый дикарь. Стиго сговорился съ нѣсколькими другими вельможами отмстить королю, и Эрихъ былъ умерщвленъ ими во время сна (1286 г.). Скрывшись на нѣкоторое время въ Даніи, убійцы бѣжали потомъ къ норвежскому королю, принявшему ихъ подъ свою защиту, присоединились къ норвежскимъ пиратамъ и стали дѣлать набѣги на Данію. Стиго основалъ свой притонъ на одномъ островѣ, укрѣпилъ его, и до самой смерти славился страшными разбоями.

Вмѣстѣ съ большинствомъ бароновъ и даже съ первымъ духовнымъ лицомъ государства, въ убійствѣ короля, вѣроятно, принималъ большее или меньшее участіе и ближайшій его родственникъ, Вальдемаръ Шлезвигскій. Оправданный однако судомъ, онъ, какъ ближайшій родственникъ Эриха VIII Мёнведа, одиннадцатилѣтняго сына убитаго короля, былъ избранъ правителемъ государства. Молодой король, вступившій черезъ нѣсколько лѣтъ въ управленіе, выказалъ кроткій и мягкій характеръ. При упадкѣ Даніи, безпрестанные набѣги и разбои норвежцевъ, поддерживаемыхъ убійцами отца Эриха, производили въ ней страшныя потрясенія. Эрихъ VIII просилъ помощи у Швеціи и Германіи. Съ шведскимъ королемъ, Магнусомъ I, онъ заключилъ договоръ и двойной брачный союзъ, а германскимъ городамъ, также терпѣвшимъ отъ пиратовъ, предложилъ дѣй-

ствовать противъ нихъ соединенными силами. Въ то же время датскій король сталъ хлопотать о принятіи его въ ганзейскій союзъ, надѣясь достичь этого тѣмъ скорѣе, что незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ право протекторства надъ Ростокомъ, однимъ изъ союзныхъ городовъ. Но ганзейцы были слишкомъ умны и слишкомъ дорожили независимостью, чтобы сдѣлать его членомъ или главою союза. Верховная власть надъ Ростокомъ втянула короля во всѣ ссоры мекленбургскихъ владѣтелей. Предполагали, что Эрихъ втайнѣ стремится возстановить древнее балтійское государство Вальдемара II, тѣмъ болѣе, что его мать вышла 1293 года за графа гольштейнъ-кильскаго и доставила сыну помощь своего родственника, маркграфа бранденбургскаго и Гольштиніи.

Эриху, и безъ того впутанному въ безконечныя ссоры своими отношеніями къ Германіи, пришлось еще вести борьбу съ духовенствомъ и властолюбивымъ Бонифаціемъ, — борьбу, окончившуюся въ пользу папы, присвоившаго себѣ свѣтскую власть. Архіепископъ Лунда, Іенсъ Грандъ, подозрѣваемый какъ участникъ въ убійствѣ Эриха VII, вступилъ въ управленіе своей епархіей безъ разрѣшенія короля и различнымъ образомъ оскорблялъ его. Поэтому, когда противъ Гранда выступилъ съ показаніями его племянникъ, одинъ изъ заговорщиковъ, Эрихъ, поступилъ съ нимъ со всею жестокостью и несправедливостью того желѣзнаго, варварскаго времени. Онъ велѣлъ обманомъ захватить его, мучить и бросить въ страшную темницу, гдѣ закованный архіепископъ боролся съ голодомъ и нуждою. Хороши должны были быть жестокіе владѣтели, когда самый добродушный изъ нихъ позволялъ себѣ такія мерзости! Поступокъ короля навлекъ на него отлученіе отъ церкви, интердиктъ и требованіе явиться въ Римъ. Архіепископу между тѣмъ удалось бѣжать изъ тюрьмы. Эрихъ продолжалъ варварски обращаться съ духовенствомъ и лундскою церковью, но наконецъ отправилъ-таки своего канцлера въ Римъ, куда явился и Іенсъ Грандъ. Папа назначилъ формальный судъ

надъ датскимъ королемъ. Этимъ борьба однако не кончилась. Она длилась до тѣхъ поръ, пока Эрихъ (хотя датчане по прежнему не обращали большаго вниманія на папскій интердиктъ) не пожертвовалъ правами страны личному интересу и своей ненависти къ архіепископу. Онъ склонился передъ папою, призналъ его своимъ судьею и принялъ (1303 г.) знаменитую буллу Unam Sanctam, подчинявшую свѣтскую власть духовной и возбудившую всеобщій протестъ (т. VIII. стр. 6). Обрадованный подчиненіемъ датскаго короля, Бонифацій удалилъ Гранда изъ Даніи, давъ ему денежное вознагражденіе.

Какъ ни глядѣть на этотъ поступокъ Эриха, но несомнѣнно, что онъ принесъ ему пользу, развязавъ руки и давъ возможность вознаградить себя вдвойнѣ за сдѣланную папѣ уступку. Онъ отнялъ у Вальдемара Шлезвигскаго острова, присвоенные герцогомъ во время регентства, принялъ подъ свою защиту крестьянъ и, воспользовавшись волненіями въ Гольштиніи и Мекленбургѣ, предъявилъ свои верховныя права на эти герцогства и даже на Любекъ. Значеніе императора, хотя слабо, но все еще сохранявшееся въ южной и средней Германіи, было окончательно утрачено въ сѣверной; города, графы и владѣтели Гольштиніи и Мекленбурга не боялись болѣе своего верховнаго судьи, но за то и не могли надѣяться на его защиту. Вслѣдствіе того мелкія государства раздробленной Германіи вели между собой безконечныя войны, которыми пользовался сосѣдній датскій король, чтобы навязывать имъ свое покровительство. Въ особенности демократическое устройство дитмаршенцевъ, дѣлавшихъ частые набѣги на сосѣдей, и постоянно возраставшее могущество и богатство городовъ были бѣльмомъ на глазу у графовъ и бароновъ, угнетавшихъ крестьянъ подъ крѣпостнымъ правомъ. Въ 1289 г. гольштинскіе графы, поссорившись съ своимъ рыцарствомъ, выгнали его изъ своихъ владѣній. Изгнанные вассалы мстили опустошительными набѣгами, сдѣлавшими опасными всѣ дороги и превратившими страну между Биллемъ и Травою въ совершенную пустыню. Вынужденный этими обстоятельствами вмѣ-

шаться въ опасную войну, Любекъ долженъ былъ, подобно Флоренціи, незадолго передъ тѣмъ признавшей верховное владычество Неаполя (т. VII. стр. 354), признать своимъ покровителемъ датскаго короля. Вскорѣ графы гольштинскіе и герцогъ Генрихъ Мекленбургскій также признали верховное владычество Эриха VIII, и казалось, что прежнее датское государство по сю сторону Балтійскаго моря было близко къ своему возстановленію. Эрихъ могъ даже надѣяться возвратить утраченныя въ Эстляндіи и Лифляндіи права, не смотря на то, что былъ замѣшанъ въ споры шведовъ и велъ борьбу съ своимъ властолюбивымъ братомъ, впослѣдствіи королемъ Христофоромъ II, и съ возставшимъ ютландскимъ дворянствомъ. Но возраждавшійся блескъ Даніи продолжался недолго; для поддержанія королевскаго значенія и вліянія внутри государства были нужны средства, обогащавшія только германскихъ князей и рыцарей. По смерти Эриха оказалось, что коронныя владѣнія, доходы съ которыхъ назначались на издержки по управленію и на содержаніе двора, были почти всѣ заложены германскимъ князьямъ и рыцарямъ, помогавшимъ Эриху блистать на берегахъ Балтійскаго моря.

Въ 1319 г. умеръ Эрихъ Мёнведъ, и датскіе бароны, еще болѣе своевольные и грубые, чѣмъ германскіе, присвоили себѣ власть избирать королей по собственному желанію. Нескончаемыя войны Христофора II съ Эрихомъ дали имъ поводъ не допускать его до престолонаслѣдія до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился уступить новыхъ привилегій дворянству и духовенству, въ ущербъ королевской власти и народу. Послѣ двухъ-мѣсячныхъ переговоровъ, они признали наконецъ Христофора королемъ, а его сына Эриха соправителемъ, но заставили короля подписать предварительно капитуляцію или, какъ теперь выразились бы, дворянскую конституцію. Не обращая вниманія на то, что почти всѣ коронныя владѣнія находились въ чужихъ рукахъ, бароны, составлявшіе этотъ договоръ, запретили королю всякій налогъ на нихъ, — условіе, о которомъ можно было заранѣе сказать, что оно невыполнимо. Содержаніе

этой конституціи, въ связи съ событіями ближайшаго времени, доказываетъ, какъ легко дѣлать какія угодно постановленія, давать самыя прочныя ручательства, и какъ трудно, почти невозможно, выполнять даже сотую ихъ часть. Новое датское уложеніе, хотя въ немъ и не было упомянуто о бѣдныхъ крестьянахъ, заключало въ себѣ превосходныя постановленія. Вмѣстѣ съ свободою торговли и привилегіями высшаго дворянства и духовенства, оно обезпечивало также права купцовъ, извѣстнаго класса свободныхъ гражданъ и низшаго дворянства. Въ немъ было ясно опредѣлены весь ходъ судопроизводства и подвѣдомственность различныхъ судебныхъ инстанцій; всякій зналъ, какимъ судомъ его можно судить и былъ увѣренъ, что гласное судопроизводство ограждаетъ его личность и собственность. Подсудимому было предоставлено—хотя, быть можетъ, и не изъ совсѣмъ чистыхъ побужденій—апеллировать къ королю и сейму. За сеймомъ, который долженъ былъ ежегодно собираться, была сохранена безграничная свобода преній и король не имѣлъ права требовать у членовъ отчета въ ихъ словахъ.

Папа также не упустилъ случая извлечь выгоды изъ тогдашняго положенія Даніи. Пользуясь обстоятельствами, онъ старался поставить коронованіе датскихъ королей, подобно коронованію германскихъ императоровъ, въ зависимость отъ каприза архіепископовъ и жадности Рима. Христофоръ и его сынъ были коронованы только тогда, когда удовлетворили корыстолюбивымъ требованіямъ датскаго архіепископа и папскаго легата (1322 г.). Папа объявилъ сейму, что не признаетъ коронаціи, которая не будетъ совершена или одобрена архіепископомъ. Чтобы оградить себя отъ своеволія датскихъ феодаловъ, Христофоръ прибѣгнулъ къ союзу съ сосѣдними германскими князьями; но эта помощь дорого обошлась ему. Желая оторвать отъ Германіи герцогство шлезвигское и снова присоединить его къ Даніи, онъ заключилъ договоръ съ Людовикомъ Баварскимъ, который, нуждаясь въ союзникахъ для борьбы за императорскій престолъ, помолвилъ своего сына Людовика

Бранденбургскаго съ дочерью Христофора Маргаритою (1325 г.). Виды датскаго короля на Гольштинію вовлекли его въ несчастную войну съ графомъ гольштинскимъ Гергардомъ, пріобрѣвшимъ себѣ названіе Великаго въ войнѣ съ двумя другими гольштинскими графами и союзниками ихъ дитмаршенцами. Въ Гольштиніи, съ упадкомъ ослабленнаго разъединеніемъ Шауэнбургскаго дома (т. VII. стр. 362), возвысились три воинственныхъ и сильныхъ князя: Іоаннъ Кроткій Вагрійскій, Іоаннъ Штормарнскій и Гергардъ Великій Рендсбургскій. Небогатый графъ рендсбургскій храбростью и счастіемъ достигъ богатства и могущества, прославился въ войнѣ съ своими противниками и увеличилъ свою славу побѣдою (1317 г.) надъ дитмаршенцами, производившими опустошительные набѣги на Гольштинію. Эта побѣда побудила все рыцарство того края соединиться противъ ненавистной имъ крестьянской республики, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ они соединились противъ штедингов (т. VII. стр. 370). Гергардъ Великій, Іоаннъ Штормарнскій, Генрихъ Мекленбургскій и одиннадцать бароновъ ворвались въ республику. Превосходство непріятельскихъ силъ воодушевило дитмаршенцевъ къ отчаянному сопротивленію и они одержали такую же побѣду, какъ незадолго передъ тѣмъ швейцарцы при Моргартенѣ. Благопріятствуемые сухою погодой, рыцари овладѣли всей страною, непроходимою во время дождей, и, разбивъ поселянъ при новой встрѣчѣ, казалось, нанесли имъ рѣшительный ударъ. Дома, построенные въ этой болотистой странѣ на холмахъ, и церкви, стоящія на возвышеніяхъ, были обращены въ крѣпости. Главною крѣпостью была ольденвюрденская церковь. Запертые въ этомъ укрѣпленіи, дитмаршенцы предлагали капитуляцію, но рыцари отвергли ихъ просьбу, намѣреваясь сжечь крестьянъ въ церкви. Пропустивъ удобное время для исполненія своего намѣренія, они дали возможность собраться крестьянамъ этой мѣстности, окружившимъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ прошло и благопріятное для рыцарей время года. Воспользовавшись тогда погодою и своимъ положеніемъ, крестьяне, вооруженные приспособлен-

нымъ къ мѣстности оружіемъ, нанесли дворянамъ страшное пораженіе, перебивъ до двухъ тысячъ человѣкъ; изъ четырнадцати предводителей только двое осталось въ живыхъ (1322 г.).

Счастливѣе дѣйствовалъ Гергардъ въ войнѣ съ Христофоромъ, съ самаго начала царствованія возбудившимъ неудовольствіе дворянства неисполненіемъ подписанной имъ конституціи. По смерти Эриха Шлезвигскаго (1325 г.), Христофоръ присвоилъ себѣ это герцогство, но Гергардъ, какъ дядя Вальдемара, сына Эриха, принявъ опеку надъ нимъ, выступилъ противъ датскаго короля и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Недовольные бароны присоединились къ побѣдителю короля; противъ него возстали и поселяне, выведенные изъ терпѣнія нѣмецкими наемниками и тяжелою податью, наложенною на нихъ Христофоромъ послѣ понесеннаго имъ пораженія. Крестьяне напали на его сына Эриха и заключили его въ тюрьму; самъ король съ двумя другими сыновьями бѣжалъ въ Германію, и Гергардъ сдѣлался властителемъ Даніи. Христофоръ пытался возстановить свою власть съ помощью германскихъ князей; но напрасно: попытка его неудалась вслѣдствіе измѣны его зятя Вратислава, герцога Помераніи. Датчане возвели на престолъ питомца Гергарда, Вальдемара III. Но настоящимъ правителемъ оставался Гергардъ, воспользовавшійся этой революціей вмѣстѣ съ Кнудомъ Порзе, маршаломъ Людовикомъ Альбертсономъ Эберштейнскимъ и Лаурицомъ Іонсономъ. Эти лица выиграли болѣе другихъ отъ ослабленія королевской власти при подписаніи конституціи. Кнуду Порзе, получившему при вступленіи на престолъ Христофора титулъ герцога, даваемый только принцамъ королевскаго дома, достались Зюдгаландъ, Самсё и Каллундборгъ; Альбертсону — Кольдингъ и Рипенъ; Іонсону — Лангеландъ и Аррё. Гергардъ вытребовалъ себѣ у Вальдемара южную Ютландію въ вѣчное потомственное владѣніе.

Христофоръ, между тѣмъ, продолжалъ бродить вокругъ Даніи, прося помощи и у своихъ родственниковъ, и у эстовъ, все

еще признававшихъ надъ собою верховную власть датскихъ королей. Наконецъ, онъ обратился къ любчанамъ и другимъ нѣмецкимъ ганзейскимъ городамъ и привлекъ ихъ на свою сторону обѣщаніемъ новыхъ торговыхъ привилегій. Для возвращенія Христофору Даніи, любчане образовали огромный союзъ, въ который вступили Іоаннъ Гольштинскій, сводный братъ короля, и два мекленбургскихъ герцога. Неудовольствіе, возбужденное въ Даніи противъ гольштинскаго рыцарства, приведеннаго Гергардомъ и Вальдемаромъ, содѣйствовало успѣху этого предпріятія. Вынужденный предварительно обѣщать бывшія владѣнія своему корыстолюбивому брату, Христофоръ высадился съ союзниками въ Ютландіи, и былъ признанъ Гергардомъ и Вальдемаромъ датскимъ королемъ по договору, заключенному при посредничествѣ любчанъ (1329 г.). Договоръ этотъ былъ вскорѣ нарушенъ, и только въ слѣдующемъ году установился окончательный миръ. Іоаннъ Гольштинскій и Гергардъ заключили миръ въ ущербъ тѣмъ, кому покровительствовали: Вальдемаръ сложилъ королевскій титулъ, а Христофоръ, лишенный средствъ даже прилично содержать себя, былъ возстановленъ на престолѣ. Положеніе короля было такъ печально, что однажды два разбойника, забравшись въ домъ Христофора, увели его. Данія, казалось, на нѣкоторое время совершенно распалась: Гергардъ получилъ по мирному договору сѣверную Ютландію, сѣверную Фрисландію и Фіонію; фамилія Кнуда Порзе владѣла Галландомъ, подъ покровительствомъ Швеціи; сводный братъ короля владычествовалъ въ Зеландіи и Лаландѣ, а Шонія, отданная ему Христофоромъ, перешла, подобно Блекингену, въ подданство шведскаго короля, чтобъ только избавиться отъ нѣмецкаго ига. Христофоръ умеръ въ 1333 г.

4. Швеція.

Исторіи Швеціи, въ разсматриваемый нами періодъ, мы коснемся только въ самыхъ краткихъ словахъ, потому что она не связана, какъ исторія Даніи, съ исторіею сѣверной Германіи и, слѣдовательно, съ европейскими событіями. Эпоха до конца XIV столѣтія относится еще къ области миѳовъ, хотя событія ея и принадлежатъ исторіи. Поэтому исторію Швеціи этого періода можно излагать совершенно различно, смотря потому, какъ смотрѣть на событія. Съ поэтической точки зрѣнія все представится въ героическомъ, рыцарскомъ, геніальномъ и трогательно-набожномъ видѣ; съ прозаической, напротивъ, всѣ явленія окажутся дикими, грубыми, жестокими, кровожадными, изувѣрными, фанатическими и суевѣрными.

Шведскія лѣтописи временъ крестовыхъ походовъ и ближайшей за ними эпохи разсказываютъ только о постоянно смѣнявшихся правителяхъ, объ ихъ умерщвленіи, о возстаніяхъ знати и жестокостяхъ дикихъ, сладострастныхъ, еще не вышедшихъ изъ природнаго состоянія людей, для которыхъ христіанство было пустою формою. Эта формальная сторона христіанства впервые утвердилась въ народѣ при королѣ Сверкерѣ I (1133—1155 г.) и преимущественно при его преемникѣ Эрихѣ IX, снискавшемъ себѣ прозваніе Святаго за рвеніе къ водворенію іерархическаго порядка. До царствованія его преемника короля Карла VII или I (1160—1167 г.), Швеція принадлежала къ лундской эпархіи, архіепископъ которой былъ патріархомъ всего сѣвера. При Карлѣ было учреждено архіепископство упсальское (1163 г.), и въ Швеціи явился собственный глава духовенства. Но прошло еще цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ шведы ознакомились съ понятіями, сдѣлавшимися закономъ въ другихъ странахъ съ XI столѣтія. Только въ 1248 г., на соборѣ въ Скениге, стараніями папскаго легата былъ воспрещенъ бракъ духовенству, вмѣнено въ обязанность

изученіе каноническаго права и постановлено, чтобы назначеніе въ епископы совершалось помимо всякаго вліянія свѣтской власти. Но и эти постановленія еще долго не прививались къ жизни народа.

Въ 1222 г. пресѣкся родъ Сверкера и на престолъ былъ призванъ Эрихъ Эриксонъ, съ трудомъ поддерживавшій свою власть среди кровавыхъ междоусобій. Въ 1229 г. онъ былъ изгнанъ изъ Швеціи, но, по прошествіи пяти лѣтъ, снова вернулся и оставался королемъ до самой смерти (1250 г.). Могущественнѣе короля является въ этотъ періодъ шведской исторіи фамилія Фолькунговъ, стоявшая во главѣ аристократіи. Представитель ея, носившій титулъ ярла или герцога, управлялъ дѣлами государства и предводительствовалъ въ войнахъ. Эти войны, направленныя противъ язычниковъ финновъ, назывались крестовыми походами, что придавало имъ религіозный характеръ. Всемогущая аристократія старалась отнять права у другихъ сословій, и потому почти всѣ изданные ею законы были расчитаны на угнетеніе свободы своевольнаго народа. По смерти Эриха на престолъ была избрана фамилія Фолькунговъ, въ лицѣ Вальдемара, сына Биргера, послѣдняго изъ ярловъ. Подъ именемъ сына управлялъ государствомъ Биргеръ до 1266 г. Его правленіе, такъ же какъ и предшествовавшее, было временемъ кровавыхъ сценъ, и могущественная знать по прежнему враждовала съ королемъ. Чтобы упрочить престолъ въ своей фамиліи, Биргеръ прибѣгалъ къ хитрости и насилію. Онъ надѣлилъ особыми герцогствами двухъ младшихъ сыновей, Магнуса и Эриха, надѣясь дать въ нихъ опору королю, но возбудилъ только ненависть и вражду между братьями. Многіе изъ членовъ фамиліи Фолькунговъ, не желая повиноваться Биргеру, еще при жизни его взялись за оружіе; всѣ они были побѣждены. Биргеръ соединилъ браками новую династію съ древнимъ родомъ датскихъ королей и заключилъ договоры съ нѣмецкими ганзейскими городами и колоніями ихъ на островѣ Готландѣ. По этимъ договорамъ были даны большія привилегіи

не только ихъ торговлѣ, но и ремесламъ, которыми исключительно они занимались.

По смерти Биргера Вальдемаръ, занимавшійся только волокитствомъ и любовными похожденіями, поссорился съ Магнусомъ и Эрихомъ. Королева, дочь датскаго короля Эриха Плогпеннига, гордостью и насмѣшками разжигала вражду между братьями. Вальдемаръ далъ своимъ противникамъ опасное оружіе противъ себя, завязавъ интригу съ невѣсткою. Сестра королевы, монахиня, пріѣхавъ въ Швецію, гдѣ ее встрѣтили какъ слетѣвшаго съ неба ангела, не устояла противъ соблазна красиваго, сладострастнаго короля. Это возстановило духовенство и народъ противъ короля, безуспѣшно старавшагося потушить неудовольствіе путешествіемъ на богомолье въ Римъ. Братья Вальдемара не упустили случая воспользоваться настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Заключивъ союзъ съ датскимъ королемъ Эрихомъ Глиппингомъ и получивъ отъ него помощь войскомъ, они начали въ 1275 г. междоусобную войну, въ которой ихъ легкомысленный братъ былъ побѣжденъ и нѣсколько разъ попадалъ къ нимъ въ плѣнъ. Вальдемаръ умеръ въ плѣну въ 1302 г.

Ему наслѣдовалъ его братъ, Магнусъ I, принявшій корону еще въ 1279 г. и женатый на дочери Гергарда Великаго Гольштинскаго. Магнусъ призвалъ въ Швецію тестя и многихъ нѣмецкихъ рыцарей, пользовавшихся при немъ огромнымъ вліяніемъ. Это раздражило шведовъ, въ особенности родственниковъ короля, и нѣкоторые изъ старшихъ членовъ фамиліи Фолькунговъ, напавъ на Гергарда, заключили его въ тюрьму. Чтобы освободить тестя, Магнусъ пустилъ въ дѣло притворство, а потомъ утвердился на престолѣ, истребивъ соединившихся противъ него родственниковъ. Онъ заманилъ ихъ къ себѣ ласкою и, овладѣвъ ими, однихъ умертвилъ, а другихъ лишилъ владѣній. Въ то же время ему удалось утвердить престолонаслѣдіе за старшимъ сыномъ. Насильственно присвоивъ себѣ власть, Магнусъ старался строгими законами оградить нажитое тяжелымъ трудомъ добро крестьянина отъ

грабежей своевольнаго, грубаго рыцарства. Онъ повѣсилъ, какъ говорили тогда, замо́къ передъ амбарами поселянъ. Это увѣковѣчило за нимъ странное прозвище амбарнаго замка̀ (Ладулосъ). Введя въ Швеціи упражненія, воспитаніе и обычаи другихъ европейскихъ странъ, онъ однако всѣми средствами боролся съ кулачнымъ правомъ. Новая цивилизація повлекла за собою, какъ и въ наше время, установленіе правильной системы налоговъ. Подати, до тѣхъ поръ насильственно сбираемыя съ крестьянъ, обратились въ правильную и потому менѣе обременительную, хотя болѣе продолжительную тягость, а шведское духовенство было освобождено отъ всякихъ налоговъ, чего оно постоянно добивалось, но никогда не достигало законнымъ путемъ. При всемъ томъ Магнусъ не ввелъ, какъ ему приписываютъ, правильной податной системы. Мы уже говорили (т. VIII. стр. 49), какую важную роль игралъ онъ во время кальмарскаго мира, избранный судьею въ спорѣ нѣмецкихъ городовъ съ норвежскимъ королемъ.

Умирая (1290 г.), Магнусъ назначилъ маршала Торкеля Кнутсона опекуномъ старшаго своего сына, девятилѣтняго Биргера, и его братьевъ, Эриха и Вальдемара. Правленіе Торкеля представляется, при тогдашнемъ положеніи Швеціи, прошедшей черезъ столько междоусобій, жестокостей и кровопролитій, явленіемъ отраднымъ въ эту эпоху среднихъ вѣковъ. Въ то время, какъ въ Европѣ царствовалъ хаосъ, Швеція наслаждалась спокойствіемъ; границы страны расширялись, а цивилизація постепенно пускала корни въ народѣ.

Торкель довершилъ покореніе и обращеніе финновъ и распространилъ шведское владычество, вмѣстѣ съ христіанствомъ, на Карелію. Это пріобрѣтеніе, упроченное основаніемъ Выборга, привело Швецію въ непосредственное соприкосновеніе съ Русью. Населявшій ее сѣверославянскій народъ, уже не разъ терпѣвшій нападенія отъ датскихъ вассаловъ Эстляндіи, сдѣлался тогда цѣлью предпріятій скандинавскаго и германскаго племенъ. Впрочемъ, походы противъ русскихъ, не принеся Швеціи никакихъ положи-

тельныхъ выгодъ, стоили ей только большихъ потерь въ людяхъ. При Торкелѣ и Биргерѣ шведское рыцарство потеряло болѣе тысячи двухсотъ человѣкъ въ войнѣ съ русскими; повидимому, это и возбудило его неудовольствіе противъ короля и его опекуна. Народъ также роптал, потому что Биргеръ, вовлеченный въ излишніе расходы своимъ бракомъ съ датскою принцессою, сестрою Эриха Мёнведа, и содержаніемъ многочисленнаго двора, установилъ новые налоги, распространившіеся даже на духовенство и монастыри. Эрихъ и Вальдемаръ, не ладившіе и прежде съ Торкелемъ, поссорились также и съ старшимъ братомъ. Съ помощью норвежскаго короля, они два года вели съ нимъ войну; Биргеръ купилъ миръ постыднымъ образомъ, пожертвовавъ Торкелемъ. Вопреки нѣсколько разъ подтвержденному письменному увѣренію, что у него никогда не потребуютъ отчета въ управленіи, Торкель былъ заключенъ въ тюрьму и варварски умерщвленъ.

Освободившись отъ опекуна, Эрихъ и Вальдемаръ захватили всю власть въ свои руки и уже черезъ восемь мѣсяцевъ по смерти Торкеля король вмѣстѣ съ женою и дѣтьми были заключены въ тюрьму. Только старшему его сыну, Магнусу, удалось, съ помощью вѣрнаго слуги, бѣжать въ Данію, къ тестю Эриху Мёнведу. Датскій король, не смотря на то, что былъ занятъ войною въ Германіи, поспѣшилъ на помощь зятю, но и тутъ, какъ всегда, старался достигнуть цѣли болѣе переговорами и союзами, чѣмъ оружіемъ. Онъ два раза заключалъ съ братьями Биргера перемирія, которыми они умѣли искусно пользоваться. При вторичномъ перемиріи было условлено освободить Биргера; но Эрихъ и Вальдемаръ привлекли на свою сторону аристократію и такъ ограничили королевскую власть, что Биргеръ, получивъ свободу, былъ принужденъ искать защиты и помощи у Даніи. Тогда, съ участіемъ нѣмецкихъ наемниковъ возгорѣлась такая же война за Швецію, какая велась въ то время за Миланъ, Римъ, Неаполь и другія итальянскія государства. Эрихъ Мёнведъ вторгнулся въ Швецію съ нѣмецкимъ войскомъ, а герцоги призвали изъ Германіи

цѣлыя толпы наемниковъ. Наемники до того неистовствовали, что герцоги, желая поскорѣе отдѣлаться отъ союзниковъ, снова предложили брату примиреніе. Слѣдствіемъ мира былъ новый дѣлежъ между братьями (1310 г.), и несчастная Швеція очутилась съ трехъ сторонъ въ разныхъ тискахъ. Болѣе всѣхъ обиралъ ее герцогъ Эрихъ, разъѣзжая изъ города въ городъ, занимаясь охотою, задавая блестящіе турниры и угощая иностранныхъ владѣтелей, съ удовольствіемъ пріѣзжавшихъ ко двору, гдѣ было такое раздолье. Взглядъ одного лѣтописца на эту жалкую жизнь докажетъ читателямъ, что встарину простой, здравый смыслъ вѣрнѣе понималъ и изображалъ событія, чѣмъ вся геніальная поэзія, искусство и софистика нашего времени. „Оба герцога", говоритъ Эрихъ Олай, „различнымъ и ужаснымъ образомъ угнетали насильно захваченную ими Швецію. Они задавали праздникъ за праздникомъ, маршировали взадъ и впередъ со своими наемниками, поѣдали насущный хлѣбъ бѣдняковъ, войнами и раздорами отдали страну на разграбленіе иностранцевъ и установили такіе тяжелые налоги, что каждый крестьянинъ долженъ былъ платить три раза въ годъ по маркѣ (т. е. вдвое болѣе, чѣмъ стоила корова). Эти люди, разумѣется, были и назывались набожными, но блескъ ихъ велъ къ бѣдствію и гибели бѣднаго народа."

Когда оба брата промотали наконецъ свое и чужое достояніе и перессорились между собою, слабый Биргеръ нашелъ, что наступила удобная минута для давно задуманной имъ мести. Съ помощью жены онъ заманилъ къ себѣ обоихъ братьевъ, угощалъ ихъ съ самымъ коварнымъ радушіемъ и помѣстилъ въ своемъ ничёпингскомъ замкѣ. Ночью они были схвачены, закованы и брошены въ подземную темницу. Ихъ приковали ногами къ стѣнѣ, руками къ столбу и мучили самыми ужасными, почти неслыханными пытками. Этотъ фактъ, буквально взятый изъ одной лѣтописи, бросаетъ вмѣстѣ съ почти одновременною смертью Уголино, увѣковѣченною Данте, яркій свѣтъ на духъ и нравы того времени. Биргеру не удалось однако достичь своей цѣли. Онъ надѣялся присвоить себѣ

владѣнія братьевъ, но слухъ о его гнусномъ злодѣйствѣ возстановилъ противъ него не только всѣхъ друзей и вассаловъ его братьевъ, но даже гражданъ Стокгольма и населенія цѣлыхъ областей. Окруженный со всѣхъ сторонъ въ Ничёпингѣ, Биргеръ струсилъ и бѣжалъ, захвативъ однако ключи отъ темницы и бросивъ ихъ въ рѣку. Братья его, послѣ четырехъ мѣсяцевъ страшныхъ мученій, умерли голодной смертью. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ голода на третій день, другой жилъ восемь дней безъ пищи (1318 г.). Сынъ Биргера привелъ отцу изъ Даніи 800 всадниковъ. Разбитый въ первой же стычкѣ съ возставшими подданными, король продолжалъ еще нѣкоторое время войну съ помощью наемниковъ, страшно разорявшихъ страну. Онъ былъ прогнанъ на островъ Готландъ извѣстнымъ намъ изъ исторіи Даніи Кнудомъ Порзе, избраннымъ шведами въ предводители. Изгнанный Биргеръ вымолилъ или купилъ помощь у немцевъ; но они были разбиты, а всѣ приверженцы короля преданы жестокой казни. Его сынъ Магнусъ также попался въ руки враговъ, а самъ Биргеръ бѣжалъ въ Данію за новою помощью. Смерть Эриха Мёнведа отняла у него и эту послѣднюю надежду потому, что вслѣдъ затѣмъ въ Даніи возникли такія же смуты, какъ и въ Швеціи. Братъ и наслѣдникъ Эриха, Христофора II, не желавшій впутываться въ дѣла сестры и зятя, надѣлилъ ихъ только небольшимъ имѣніемъ, незначительными доходами котораго они должны были существовать. Въ этомъ имѣніи Биргеръ и его жена вскорѣ умерли въ нуждѣ и нищетѣ. Съ двадцатилѣтнимъ Магнусомъ шведы поступили такъ же несправедливо и жестоко, какъ Биргеръ съ братьями. Хотя Магнусъ не былъ даже въ Швеціи, въ то время какъ его отецъ мучилъ братьевъ, и не сдѣлалъ ровно ничего, что могло бы лишить его формально утвержденнаго за нимъ права престолонаслѣдія, но за преступленіе отца осудили и сына. Онъ былъ приговоренъ къ смерти и публично казненъ.

По низверженіи Биргера, исторія Швеціи становится въ тѣс-

ную связь съ исторіей Даніи и Норвегіи, а къ концу столѣтія всѣ три государства соединяются въ одно.

5. Эстляндія, Лифляндія, Курляндія и Пруссія до конца тринадцатаго столѣтія.

Народы, жившіе въ началѣ среднихъ вѣковъ по берегамъ Балтійскаго моря, отъ Вислы до устьевъ Невы, эсты, ливы (или летты), куры, литовцы и пруссы — за исключеніемъ эстовъ, отрасли финновъ — принадлежали къ многочисленному литовскому племени. Всемірно-историческое значеніе этихъ народовъ начинается только съ XIII столѣтія, когда они вступили въ сношеніе съ нѣмцами и скандинавами, которые принудили ихъ принять христіанско-германскую цивилизацію и, порабощая, сдѣлали орудіемъ поддержанія и распространенія этой цивилизаціи.

Пруссы, жившіе на границахъ Польши, первые изъ этихъ народовъ пришли въ соприкосновеніе съ христіанско-германской культурой. Принятіе христіанства и учрежденіе епископствъ сопровождалось у нихъ, какъ повсюду, подчиненіемъ верховной власти германскаго императора и законамъ папы и установленіемъ церковной десятины. Естественно, что они такъ же возненавидѣли христіанство, какъ нѣкогда саксонцы (т. V. стр. 374). Въ концѣ X столѣтія пруссы умертвили епископа Адальберта, перваго своего проповѣдника (т. VI. стр. 132). Впослѣдствіи, когда христіанство уже распространилось по всей Помераніи и прилегавшему къ ней берегу Балтійскаго моря, они старались не допускать къ себѣ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ миръ и подчиненіе чужеземнымъ законамъ. Но прогрессъ цивилизаціи одолѣлъ варварство. Христіанское ученіе пустило корни въ западной Пруссіи, и вскорѣ, по примѣру всѣхъ странъ и временъ, природному состоянію и перво-

бытной религіи пришлось и здѣсь подчиниться гражданственности и рыцарству среднихъ вѣковъ и господству церкви.

Къ остальнымъ, названнымъ нами народамъ, эстамъ, курамъ, ливамъ и литовцамъ, христіанство было впервые занесено торговавшими съ ними иностранцами. Смѣлые, предпріимчивые жители незначительныхъ городковъ Вестфаліи и Нижней Саксоніи, разъѣзжавшіе на своихъ ладьяхъ не только по Эльбѣ, Везеру и Эмсу, но и по Нѣмецкому и Балтійскому морямъ, вели торговлю въ Лифляндіи, Эстляндіи и даже въ Новгородѣ еще за долго до основанія на островѣ Готландіи колоніи Висби, сдѣлавшейся сборнымъ и складочнымъ мѣстомъ сѣверо-германскихъ купцовъ. Пока нѣмецкіе купцы и ремесленники ограничивались торговыми сношеніями и не говорили объ обращеніи, епископахъ и десятинѣ, они встрѣчали у этихъ народовъ самый радушный пріемъ. Такъ, напримѣръ, въ Эстляндіи около 1158 г. у нихъ уже были основаны факторіи, а впослѣдствіи они заложили Кирхгольмъ и Икскюль на Западной Двинѣ и получили дозволеніе укрѣпить свои факторіи. Но лишь только нѣмцы основали торговыя колоніи, какъ приступили къ обращенію ливовъ. Найдя въ этихъ закаленныхъ на войнѣ чужеземцахъ помощь противъ своихъ враговъ, литовцевъ, и учась у нихъ ремесламъ и военному искусству, ливы вначалѣ не очень противились попыткамъ обращенія. Вскорѣ однако они убѣдились, по нѣкоторымъ примѣрамъ, что новое ученіе должно подчинить ихъ иноземному игу. Первый проповѣдникъ ливовъ, Майнгардъ, хотя и оставался до конца жизни ихъ епископомъ, но никогда не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности; первый же его преемникъ, Бертольдъ, былъ вскорѣ убитъ язычниками. Преемникъ Бертольда, бременскій каноникъ, Альбрехтъ фонъ Апельдернъ, былъ назначенъ епископомъ лифляндскимъ въ годъ созванія христіанскаго рыцарства папою Иннокентіемъ III къ крестовому походу противъ ливовъ. Нѣмецкое дворянство, занимавшееся только войною и охотою, съ удовольствіемъ приняло вызовъ папы, видя въ травлѣ людей пріятное препровожденіе времени и средство получить отпущеніе

грѣховъ. Сѣверо-германскіе купцы и новый епископъ значительно облегчили рыцарямъ ихъ предпріятіе: фонъ Апельдернъ — введеніемъ обычая, чтобы, по истеченіи года службы, рыцари возвращались на родину, а на ихъ мѣсто являлись другіе; нѣмецкіе купцы — помогая деньгами и судами, которыя они давали съ увѣренностью, что прибыльная торговля въ этихъ странахъ вознаградитъ ихъ съ лихвою. Съ этихъ поръ германское рыцарство, повсюду искавшее приключеній, добычи и завоеваній, начало и въ Лифляндіи такъ называемую войну за вѣру; бѣдные ливы были такъ же безсильны противъ этихъ желѣзныхъ людей, съ дѣтства привыкшихъ драться, какъ три столѣтія спустя слабые американскіе индѣйцы въ борьбѣ съ испанцами.

Вскорѣ по прибытіи въ Лифляндію, Альбрехтъ фонъ Апельдернъ основалъ городъ Ригу, учредивъ въ то же время (1201 г.), по примѣру крестоносцевъ Палестины и Испаніи, духовный рыцарскій орденъ. То былъ родъ постояннаго войска, которое матеріальною силою должно было придавать значеніе словамъ слабыхъ архипастырскихъ устъ. Рыцари этого ордена, называвшіеся **божьими рыцарями** или **меченосцами** (также рыцарями Маріи), были душою и тѣломъ преданы епископству и крѣпости Ригѣ. Иннокентій III утвердилъ орденъ и объявилъ несчастныхъ язычниковъ лишенными покровительства законовъ, а императоръ Оттонъ IV, распоряжаясь ихъ страною, какъ своею собственностью, отдалъ ее въ ленное владѣніе рижскому епископу. Нѣмецкіе рыцари, стремившіеся со всѣхъ сторонъ въ новый германскій ленъ, дѣйствовали на берегахъ Балтійскаго моря согласно принципу Мухаммеда, обрекавшему невѣрующихъ на смерть или уподоблявшему ихъ собакамъ и нечистымъ животнымъ (т. V. стр. 36). Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи ордена меченосцы призвали къ себѣ могущественнаго датскаго короля, Вальдемара II (т. VII. стр. 257 и 362). Онъ покорилъ Эстляндію и основалъ городъ Ревель, но съ трудомъ могъ удерживать свои завоеванія. Эсты вскорѣ свергнули съ себя тяжкое иго, а вмѣстѣ съ тѣмъ у Вальдемара возникли раздоры съ

меченосцами, которые постоянно ссорились съ рижскимъ епископомъ и вели частыя войны съ литовцами и русскими. Будь въ то время у варваровъ болѣе единства, они отразили бы нападеніе рыцарей и ганзейскихъ городовъ, заключившихъ въ 1229 г. первый торговый договоръ съ Ригою и новгородскимъ княземъ. Но дѣвственнымъ племенамъ недоставало внутреннихъ условій, лежавшихъ въ основаніи остальной цивилизованной Европы, недоставало того узла, которымъ все стягивалось въ монархическо-христіанскомъ мірѣ. У западныхъ христіанъ граждане, епископы и рыцарство составляли повсюду могущественную аристократію; народъ былъ угнетенъ; свѣтская монархія уступила мѣсто іерархіи; папа сдѣлался императоромъ.

Въ то время какъ меченосцы и датчане насильственно распространяли христіанство между Мемелемъ и Невою и подчиняли себѣ населеніе Лифляндіи и Эстляндіи, то же самое происходило и въ странѣ пруссовъ. Въ обращеніи этого племени особенно усердствовали герцогъ мазовецкій Конрадъ (т. VII. стр. 221) и нѣмецкій монахъ монастыря Оливы, Христіанъ, сдѣлавшійся въ 1215 г. первымъ епископомъ пруссовъ. Пруссы такъ неохотно слушали проповѣди о необходимости установленія десятины, о построеніи христіанскихъ монастырей и церквей и о подчиненіи чужеземнымъ законамъ, что Христіанъ уже черезъ три года сталъ проповѣдывать противъ упорныхъ язычниковъ крестовый походъ, т. е. убійство и кровопролитіе. Папа, разумѣется, поддерживалъ епископа и, отправивъ почти въ то же время сѣверо-германскихъ рыцарей истреблять свободныхъ и набожныхъ христіанъ штединговъ (т. VII. стр. 370), потребовалъ отъ германскаго рыцарства, чтобы оно ополчилось на пруссовъ. Воинственные нѣмцы явились многочисленной толпой и оружіемъ обратили въ христіанство населеніе кульмской земли, присоединенной къ владѣніямъ герцога мазовецкаго. Герцогъ предоставилъ пользоваться этимъ пріобрѣтеніемъ задорнымъ просвѣтителямъ и епископу. Съ тѣхъ поръ епископство стало называться кульмскимъ, отъ возстановленнаго замка Кульмъ. Но, чтобы

сохранить новое пріобрѣтеніе, нужно было, какъ въ Лифляндіи, имѣть постоянное войско; это же было возможно только при учрежденіи новаго рыцарскаго ордена, члены котораго содержали бы всадниковъ доходами съ отданныхъ имъ имѣній. Около 1225 г. Христіанъ основалъ, по образцу меченосцевъ, орденъ, называвшійся, по главному мѣстопребыванію его членовъ, орденомъ добринскихъ рыцарей. Этотъ орденъ погибъ въ самомъ зародышѣ. Пруссы перебили первыхъ его членовъ, и Христіанъ увидѣлъ, что въ нижней Германіи и Помераніи, гдѣ его орденъ вербовалъ рекрутъ, дворянствомъ совершенно овладѣли ордена іоаннитовъ, тевтонскій и меченосцевъ. Оставалось привлечь одинъ изъ нихъ къ войнѣ за вѣру въ Пруссіи; выборъ епископа палъ на тевтонскій орденъ. Рыцари приняли приглашеніе явиться въ Пруссію, не надѣясь, подобно ордену іоаннитовъ, прочно утвердиться въ Палестинѣ; впрочемъ часть рыцарей и братіи оставалась при великомъ командорѣ въ Акрѣ. Съ разрѣшенія императора и папы, великій магистръ тевтонскаго ордена, Германъ фонъ Зальца, заключилъ съ кульмскимъ епископомъ договоръ (1226 г.), на основаніи котораго рыцари этого ордена обязывались воевать съ пруссами, за что получали въ собственность Кульмъ и всѣ земли, которыя они завоюютъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, Конрадъ Мазовецкій утвердилъ особою граматою переходъ Кульмской земли во владѣніе тевтонскаго ордена; съ нимъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, слилась (1234 г.) и уцѣлѣвшая часть добринскихъ рыцарей. Съ этихъ поръ нѣмецкое рыцарство увидѣло, что гораздо удобнѣе пріобрѣтать себѣ мечомъ славу, богатство и спасеніе души въ ближней Пруссіи, чѣмъ отправляться на дальній востокъ, гдѣ его ожидала неминуемая гибель. Горожане и свободные поселяне охотно пристали къ рыцарству, которое дозволяло первымъ основывать свободные города, а послѣднимъ предлагало въ собственность земли на довольно умѣренныхъ условіяхъ. Подобно испанцамъ XVI столѣтія въ Америкѣ, рыцари убивали, жгли, грабили и свирѣпствовали въ покоренной странѣ, какъ звѣри. Пруссы защищались мужественнѣе и

упорнѣе мехиканцевъ и перуанцевъ, но также не устояли передъ могуществомъ культуры и мечами опытныхъ въ дракахъ рыцарей. Медленно, но неотразимо проникали средневѣковыя искусства и образованіе въ самую глубь страны. Завоеватели вырубали ея лѣса, осушали топи, вытѣсняя дикое, природное состояніе, свободу и фетишизмъ туземцевъ. Они перенесли въ Пруссію свои обычаи, языкъ, образованіе, основали города, замки, монастыри, и учредили, по германскому образцу, епископства и лены. Языкъ, нравы, свобода и національность туземцевъ должны были уступить новымъ элементамъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не было истреблено. Цивилизація обошлась Пруссіи еще дороже и стоила больше крови, чѣмъ совершившееся въ началѣ нынѣшняго столѣтія возрожденіе Франціи. Но, при всемъ томъ, тевтонскіе рыцари едва ли достигли бы своей цѣли, если бы папа не повторялъ призывовъ къ крестовымъ походамъ, безпрестанно наводнявшимъ Пруссію нѣмецкими воинами и поселенцами.

Въ 1237 г. страшное пораженіе, грозившее гибельными послѣдствіями, заставило ливонскихъ меченосцевъ соединиться съ тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи. Расчитывая на помощь эстовъ, ливовъ и пришедшихъ изъ Германіи крестоносцевъ, они предприняли въ 1236 г., при послѣднемъ великомъ магистрѣ Фолькуинѣ, походъ противъ Литвы. Но тутъ ихъ ожидало жестокое пораженіе, послѣ котораго имъ разомъ стали грозить литовцы, датчане и русскіе. Видя неминуемую гибель, они рѣшились соединиться съ тевтонскимъ орденомъ. Папа утвердилъ это соединеніе и старался спасти честь меченосцевъ, объявивъ, что только послѣднее пораженіе принудило ихъ къ слiянію.

Съ этихъ поръ начались еще болѣе многочисленныя переселенія изъ Германіи. Нѣмецкіе купцы и ремесленники селились по морскому берегу и судоходнымъ рѣкамъ Пруссіи, Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, основывая тутъ, какъ и въ Германіи, города-республики. Исторія прусскихъ городовъ ясно показываетъ, что все ихъ устройство было основано на торговлѣ и полной незави-

симости различныхъ корпорацій, на которыя дѣлилось тогда все городское населеніе. Расположенные на далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, германскіе города основывали, изъ коммерческихъ цѣлей или по случайнымъ причинамъ, колоніи въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Любекъ, напримѣръ, торговавшій янтарными издѣліями, старался завести колоніи въ той части Пруссіи, гдѣ добывался янтарь, а для Дортмунда, находившагося внутри Германіи, было чрезвычайно выгодно имѣть поселеніе на Мемелѣ.

Ливы, не хотѣвшіе отречься отъ своего языка и нравовъ, сдѣлались гелотами завоевателей. Впрочемъ, въ первыя два столѣтія ихъ порабощенія, пока цивилизація допускала еще разнообразіе отношеній, они сохраняли многія изъ своихъ правъ. Въ Пруссіи участь туземцевъ была различна. Подобно сѣверо-американскимъ дикарямъ, они были раздѣлены на такое множество племенъ и до того далеки отъ всякой мысли единодушнаго сопротивленія иностранцамъ, что нѣмцы могли истреблять или покорять одно племя за другимъ. Духъ времени, праздность дворянства, суевѣріе и фанатизмъ рыцарей доставляли завоевателямъ постоянныя подкрѣпленія. Папа поддерживалъ ихъ всѣми силами, пользуясь въ то время въ лѣсахъ и топяхъ Пруссіи, Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи большею свѣтскою властью, чѣмъ въ чудныхъ долинахъ Италіи. Его легаты, по собственному произволу, дѣлили въ этихъ странахъ земли и людей, рѣшали споры между епископами и рыцарями; мирили рыцарей, ссорившихся за награбленную добычу, и безусловно распоряжались собственностью язычниковъ, какъ въ завоеванныхъ, такъ и въ непокоренныхъ еще мѣстностяхъ. Они учредили въ пользу нѣмецкаго дворянства, между Мемелемъ и Ревелемъ, три епископства, содержаніе которыхъ было новымъ бременемъ для туземцевъ. Побѣжденные должны были давать земли и платить десятину, а нѣмецкое дворянство составляло капитулъ, изъ котораго избирались епископы. Впрочемъ, до половины XIII столѣтія религіозныя войны нѣсколько отличались отъ другихъ за-

воевательныхъ войнъ. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, рыцарями руководили искренность вѣры и наивное, фанатическое убѣжденіе, что Богу можно служить и мечомъ, убѣжденіе съ дѣтства вбитое рыцарямъ, такъ же какъ и послѣдователямъ ислама. Но съ конца XIII столѣтія религіозное рвеніе, поднимавшее германскія племена противъ сарациновъ, турокъ и славянскихъ язычниковъ прибалтійскихъ странъ, стало постепенно ослабѣвать. Крестовые походы въ Пруссію были исключительно дѣломъ папъ и дворянскихъ фамилій, расчитывавшихъ надѣлить своихъ сыновей имѣніями, доходами и должностями, доступными только людямъ знатнаго происхожденія. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что дворянство составляло въ то время постоянное войско и цвѣтъ народной силы; такимъ оно и является въ войнахъ на берегахъ Балтійскаго моря.

Описаніе походовъ, рыцарскихъ подвиговъ и пораженій, въ которыхъ также не было недостатка, принадлежитъ исторіи тевтонскаго ордена и покоренныхъ имъ странъ. Мы упомянемъ только о двухъ пораженіяхъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія, потому что они грозили нѣмецкому владычеству серьезной опасностью. Въ одномъ изъ нихъ побѣдителемъ былъ литовскій князь, въ другомъ — русскій князь, Александръ Невскій, столь же славный въ лѣтописяхъ Россіи, какъ Арминій въ исторіи Германіи. Спустя два года послѣ того какъ новгородскій князь Александръ одержалъ, при рѣкѣ Невѣ, побѣду надъ шведами, давшую ему названіе Невскаго, онъ разбилъ (1242 г.) тевтонскихъ рыцарей на Чудскомъ озерѣ, и этою побѣдою навсегда отразилъ ихъ отъ русскихъ границъ. Другое пораженіе рыцарство потерпѣло отъ литовскаго князя Миндовга или Мендога, отрекшагося отъ христіанской вѣры. Соединившись съ русскими и курами, онъ одержалъ при Дурбенѣ 1250 г. полную побѣду надъ рыцарями и подвластными имъ христіанскими ливами и пруссами. Но, не смотря на эти пораженія, построенные нѣмцами замки и города сохраняли за ними владычество надъ Литвою, грубые

туземцы не умѣли осаждать укрѣпленій, а къ нѣмцамъ ежегодно прибывали свѣжія толпы воиновъ и колонистовъ. Вскорѣ послѣ сраженія при Дурбенѣ рыцари подверглись большой опасности и въ самой Пруссіи. Средства, употребляемыя римскою церковью для своей пропаганды, перешли уже всякія границы: вслѣдствіе особаго папскаго предписанія у пруссовъ отнимали дѣтей, окрещивали ихъ въ христіанскую вѣру и потомъ удерживали заложниками. Подобныя мѣры довели язычниковъ до отчаянія: угнетенный народъ (1261 г.) возсталъ для истребленія нѣмцевъ и ихъ церквей. Нѣмецкое духовенство не преминуло, разумѣется, чрезвычайно ярко изобразить весь ужасъ язычества и заслугу борьбы съ дикимъ варварствомъ. Проповѣди его имѣли блистательный успѣхъ. Сострадание къ мученической смерти единовѣрцевъ привлекло изъ Германіи новыя толпы крестоносцевъ и Пруссія снова сдѣлалась театромъ долголѣтней, кровопролитной борьбы. По судьбѣ суданскаго племени мы можемъ судить о страданіяхъ и бѣдствіяхъ народа и страны. Къ концу XIII столѣтія цвѣтущій край, населенный этимъ племенемъ, былъ обращенъ въ пустыню; на мѣстѣ селеній и воздѣланныхъ полей явились лѣса и болота, а жители были перебиты, разсѣяны или принуждены удалиться въ Литву. Послѣ этого послѣдняго, повсемѣстнаго возстанія, рыцари рѣшились построить въ Пруссіи большой укрѣпленный городъ, для мѣстопребыванія магистра ордена. Въ 1274 г. они построили Маріенбургъ, куда въ 1312 г. великій магистръ ордена, Конрадъ фонъ Фейхтвангенъ, перенесъ свою резиденцію изъ Марбурга. Кёнигсбергъ былъ основанъ еще ранѣе, послѣ того какъ рыцари покорили Замландъ, съ помощью многочисленнаго войска крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Оттокара II Богемскаго (1255 г.).

6. Польша, Пруссія, Литва, Курляндія, Лифляндія и Эстляндія до половины XIV столѣтія.

Подвиги тевтонскаго ордена въ отдаленныхъ, славянскихъ земляхъ придали германскому рыцарству такой блескъ и военное значеніе, какого не имѣло ни одно дворянство. Значеніе это особенно возрасло съ тѣхъ поръ, какъ папа отмѣнилъ постановленіе, которымъ ограничивалось право тевтонскихъ рыцарей произвольно распоряжаться своимъ имуществомъ, а орденъ далъ почувствовать свою силу и сосѣднимъ герцогамъ Польши и Помераніи. Въ то время какъ старшіе сыновья знатныхъ фамилій наслѣдовали на родинѣ владѣнія отцовъ, ихъ младшіе братья пріобрѣтали себѣ оружіемъ славу, власть и богатство въ славянскихъ земляхъ. Они владычествовали сообща отъ Эльбы до Новгорода и Гродно и отъ Балтійскаго моря до Познани и Силезіи. Они не обратили никакого вниманія на папскую буллу, изданную въ пользу польскаго герцога Куявіи, съ которымъ враждовали; ихъ права основывались на такихъ же буллахъ, да къ тому же не пергаментъ, а мечъ сдѣлалъ ихъ властителями этихъ странъ. Могущество рыцарской аристократіи тевтонскаго ордена и соединенныхъ съ нею городовъ-республикъ выказалось во всей силѣ, когда раздробленная на множество мелкихъ княжествъ Польша получила единство управленія, законовъ и администраціи.

Въ Польшѣ королевскій титулъ или первенство одного изъ многихъ герцоговъ утратилъ всякое дѣйствительное значеніе со смертью Конрада Мазовецкаго. Герцоги вели между собою опустошительныя войны, великій князь литовскій Витольдъ нѣсколько разъ врывался въ страну и страшно свирѣпствовалъ въ ней, а чехи, король которыхъ, Венцеславъ II, былъ женатъ на польской принцессѣ, овладѣли на нѣкоторое время значительною частью

Польши (т. VII. стр. 412). Наконецъ, въ началѣ XIV стол., внуку Конрада Мазовецкаго, герцогу Владиславу, прозванному Локтекомъ, удалось овладѣть всею страною, за исключеніемъ Силезіи. Возстановитель польскаго государства тотчасъ же поссорился съ маркграфомъ бранденбургскимъ за право владѣнія Поммерелью, гдѣ пресѣкся владѣтельный домъ. Будучи не въ силахъ бороться съ герцогомъ безъ посторонней помощи, онъ обратился къ тевтонскому ордену. Рыцари овладѣли страною, но потребовали за свою поддержку такого вознагражденія, что Владиславу пришлось отдать имъ въ залогъ Поммерель. Вслѣдъ затѣмъ орденъ заплатилъ деньги маркграфу бранденбургскому за отказъ отъ притязаній на Поммерель, и Владиславъ безуспѣшно старался поддержать свои права оружіемъ. Не смотря на всѣ неудачи этой войны, борьба съ рыцарями пріобрѣла, какъ кажется, польскому герцогу славу и значеніе между славянами; по крайней мѣрѣ ни одна распря восточныхъ государствъ Европы не обходилась безъ вмѣшательства Владислава. За услуги, оказанныя папѣ въ спорѣ съ Людовикомъ Баварскимъ, Владиславъ получилъ отъ него (1320 г.) титулъ польскаго короля, чего не могъ бы добиться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, отъ императора. Римскій дворъ умѣлъ и въ то время, какъ всегда, въ особенности же во время пребыванія въ Авиньонѣ, продавать свои пергаменты на вѣсъ золота. Папа наложилъ на всю Польшу постоянный налогъ въ пользу римской церкви; этому налогу, называвшемуся динаріемъ Петра, долженъ былъ подчиниться даже тевтонскій орденъ, долго уклонявшійся отъ него.

Новаго польскаго короля окружали страшные враги — герцоги шлезвигскіе, король чешскій, литовскіе язычники и тевтонскіе рыцари. Для огражденія себя отъ ордена, Владиславъ вступилъ въ союзъ съ дикими литовцами, безпрестанно вторгавшимися въ его владѣнія. Великій князь литовскій Витольдъ былъ убитъ, не задолго передъ тѣмъ, однимъ изъ придворныхъ, Гедиминомъ, захватившимъ власть въ свои руки. Чтобы привязать къ себѣ сво-

ихъ дикихъ подданныхъ, Гедиминъ ежегодно водилъ ихъ опустошать сосѣднія страны. Всѣ окружныя племена сдѣлались добычею литовцевъ, исключая тевтонскаго ордена, занимавшагося только войною и охотою. Рыцари его, хотя и считались христіанами, даже духовными, но умѣли отплачивать жестокостью за жестокость, грабежомъ за грабежъ, и не уступали литовцамъ въ грубости и варварствѣ. Впрочемъ Гедиминъ старался также вводить западную цивилизацію въ своей лѣсистой и болотистой странѣ, основалъ нѣсколько городовъ и призвалъ изъ Германіи ремесленниковъ и колонистовъ. Владиславъ привлекъ на свою сторону литовскаго князя надеждою, что его потомство будетъ царствовать въ Польшѣ: онъ женилъ своего сына и наслѣдника, Казиміра Великаго, на дочери Гедимина, получившей при крещеніи имя Анны. Съ этихъ поръ литовцы щадили Польшу, направляя свои страшные набѣги съ одной стороны на Лифляндію и Пруссію, а съ другой во владѣнія русскихъ и татаръ. Мало по малу Гедиминъ расширилъ завоеваніями свое государство на востокъ и югъ до Владиміра и Кіева. По смерти его, государство вновь распалось. Раздѣливъ его между сыновьями, Гедиминъ далъ поводъ къ такимъ-же междоусобіямъ, какія происходили въ сосѣдней Руси, распавшейся на удѣльныя княжества. Скоро однако верховная власть сосредоточилась въ рукахъ самаго способнаго изъ братьевъ Ольгерда, которому наслѣдовалъ (1381 — 1434 г.) сынъ его, Ягайло или Ягелло, родоначальникъ династіи Ягеллоновъ. Ягелло принялъ впослѣдствіи христіанскую вѣру и соединилъ Польшу съ Литвою.

Въ 1330 г. Владиславъ Локтекъ, отказавшись отъ притязаній на Поммерель, заключилъ перемиріе съ тевтонскимъ орденомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ уступилъ сѣверныя, пограничныя владѣнія государства своему сыну, Казиміру Великому. Не смотря на заключенный договоръ, тевтонскіе рыцари, призванные на помощь возставшимъ польскимъ воеводою Замотулей, напали на Казиміра, ухватясь за первый представившійся случай расширить свои владѣнія въ ущербъ Польшѣ. Война съ рыцарями продолжа-

лась и по смерть Владислава, хотя папа за большія деньги рѣшилъ споръ въ пользу новаго короля Казиміра (1333 г.). Орденъ, не привыкшій возвращать завоеваннаго, не подчинился рѣшенію папы и его легатовъ, приводя законныя возраженія. Только въ 1343 г. удалось наконецъ папскому двору склонить противниковъ къ миру, заключенному въ Калишѣ. По калишскому миру,— имѣвшему громадное значеніе для всей послѣдующей исторіи Польши и Пруссіи,— польскій король и его магнаты признали законными владѣніями ордена завоеванныя имъ мѣста и земли: Поммерель, Кульмъ и Мехелау, а рыцари возвратили Польшѣ Куявію и Добринъ.

Тевтонскій орденъ, получившій по калишскому миру часть польскихъ земель, въ томъ-же году нашелъ возможность расширить свои владѣнія и въ Эстляндіи, гдѣ, какъ и въ Пруссіи, были повсюду разсѣяны германскіе колонисты. Изъ нихъ состояли магистратура, буржуазія, духовенство, рыцарство, собственники, и все это произвольно распоряжалось угнетенными туземцами, охотно предоставляя Даніи призракъ верховной власти. Зависѣть отъ далекаго и слабаго короля было гораздо удобнѣе, чѣмъ отъ близкой и сильной военной республики. Въ 1329 г. нѣмцы купили даже у Христофора II грамату, обязывавшую его не уступать никому своихъ правъ на Эстляндію. Съ тѣхъ поръ постоянно возрастали злоупотребленія необузданной аристократіи, а вмѣстѣ съ ними становились съ каждымъ годомъ тяжелѣе притѣсненія несчастныхъ туземцевъ. Наконецъ чаша страданій переполнилась и произвела страшный взрывъ (1343 г.). Раздраженные эсты возстали на притѣснителей и, перебивъ болѣе тысячи восьмисотъ рыцарей, ихъ женъ, дѣтей и слугъ, осадили Ревель. Видя, что приходится поплатиться за всѣ угнетенія, эстляндское рыцарство обратилось къ тевтонскому ордену, приславшему войско. Чтобы дать понятіе объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ несчастныхъ эстовъ, мы приведемъ слова одного писателя. Изъ этого простаго разсказа очень хорошо видно, съ какой стороной христіанства знакомились тогда

эсты и ливы, и какую участь готовило вездѣ въ Европѣ рабочему населенію, къ сожалѣнію слишкомъ опоэтизированное, вдохновенное и вдохновлявшее геройствомъ и славою рыцарство. Вотъ что говоритъ историкъ Гіернъ: „Эсты выслали депутатовъ на встрѣчу магистру и его семи-стамъ рыцарямъ, изъявляя готовность покориться ордену и даже платить ему дань, но съ уговоромъ, чтобы ихъ освободили отъ дворянъ, деспотизма и тиранніи которыхъ они не въ силахъ переносить далѣе. Магистръ не принялъ этого предложенія и, напустивъ рыцарей на поселянъ, перебилъ почти всѣхъ ихъ, въ числѣ до десяти тысячъ человѣкъ. Главные зачинщики возстанія были жестокимъ образомъ замучены до смерти, и Ревель избавленъ отъ опасности. Датскій намѣстникъ съ жаромъ благодарилъ магистра и его рыцарей за такое благодѣяніе и удержалъ ихъ при себѣ просьбою помочь ему также въ войнѣ съ финнами.“ За свои услуги орденъ потребовалъ отъ датскаго намѣстника такого-же вознагражденія, какъ отъ польскаго короля Владислава Локтека. Датскій король Вальдемаръ Аттердагъ уступилъ въ 1346 г. тевтонскому ордену всѣ свои права на Эстляндію, находя эту провинцію слишкомъ обременительною для датской короны.

Рига, до тѣхъ поръ независимая, должна была также подчиниться ордену, соединявшему въ себѣ цвѣтъ воинственнаго германскаго рыцарства и столь же могущественному отъ береговъ Одера до Невы, какъ Венеціанская республика въ Средиземномъ морѣ и по берегамъ его. Покореніе Риги характеризуетъ состояніе средневѣковаго общества; изъ него мы видимъ, что въ тѣ времена одинъ городъ отваживался вступать въ борьбу съ такою сильною европейскою державою, какъ тевтонскій орденъ. Исходъ этой борьбы показываетъ, что̀ грозило свободнымъ нѣмецкимъ городамъ при подчиненіи ихъ рыцарству, и объясняетъ, почему они впослѣдствіи такъ мужественно защищались противъ него. Еще прежде, при ссорѣ гражданъ Риги съ ихъ архіепископомъ, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена грозилъ отнять у нихъ всѣ права,

предоставленныя имъ рыцарями. Когда притѣсняемые жители снова поссорились съ орденомъ, имъ не помогъ и союзъ съ сѣверо-германскими городами. Принужденные сдать городъ, они лишились независимости и всѣхъ привилегій. Орденъ построилъ даже около Риги рыцарскій замокъ, чтобы слѣдить за всѣми движеніями гражданъ и держать ихъ въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ въ первой половины XIV столѣтія тевтонскій орденъ является рыцарскою республикою, грозною для Польши, Россіи, Литвы и другихъ восточныхъ странъ, и единственнымъ европейскимъ государствомъ, — за исключеніемъ Венеціи и Неаполя, — въ которомъ внутреннее устройство соединялось съ внѣшнимъ могуществомъ. Его огромныя богатства давали ему возможность скупать за ничтожныя суммы города и земли у нуждавшихся въ деньгахъ сосѣдей.

Въ царствованіе Казиміра Польша снова пріобрѣтаетъ большое значеніе. Казиміръ (1333 — 1370 г.), вынужденный калишскимъ миромъ уступить прусскимъ рыцарямъ часть своихъ владѣній, вознаградилъ себя за эту уступку завоеваніями съ другой стороны. Червоной Русью или Галиціею владѣлъ тогда Болеславъ Мазовецкій, женатый на сестрѣ Казиміра (впрочемъ этотъ бракъ не вполнѣ доказанъ). Жестокое обращеніе и принужденія къ переходу въ католическую вѣру довели его подданныхъ до такого озлобленія, что Болеславъ, опасаясь возстанія, наималъ иностранцевъ и вступилъ въ союзъ съ Польшею и Венгріею. Въ 1340 г. онъ умеръ отъ пьянства, а можетъ быть и отравленный на попойкѣ. Предполагая отравленіе, Казиміръ предпринялъ походъ для отмщенія за смерть близкаго родственника. Онъ завладѣлъ всею Галиціею, но, подобно предшественнику, долженъ былъ бороться съ ненавистью русскихъ къ владычеству католиковъ и безпрестанно воевать съ сосѣдними татарами, оспаривавшими у него Галицію. Это и заставило его сдѣлать въ Калишѣ уступки ордену. Воспользовавшись раздорами литовскихъ князей, наслѣдниковъ Гедимина, Казиміръ присвоилъ себѣ и Волынь.

Названіе Великаго, Казиміръ заслужилъ своими стараніями

улучшить администрацію и судопроизводство и введеніемъ единства законодательства въ странѣ, управлявшейся до тѣхъ поръ различными законами и найденной имъ въ совершенно дикомъ состояніи. Казиміръ нерѣдко дѣйствовалъ съ самымъ жестокимъ и варварскимъ произволомъ, но всегда былъ готовъ принимать подъ свою защиту угнетаемыхъ другими. По тогдашнему обычаю, перешедшему въ Германію изъ Италіи, онъ милостями и деньгами поощрялъ ученыхъ къ распространенію новыхъ наукъ, строилъ города, вызывалъ изъ Германіи ремесленниковъ и купцовъ, учреждалъ больницы и богадѣльни для бѣдныхъ и больныхъ и съ твердостью противодѣйствовалъ властолюбивымъ притязаніямъ духовенства. Подражая Германіи, гдѣ всякая, сколько нибудь значительная, деревня была окружена стѣною и называлась городомъ, онъ велѣлъ окружить такими-же стѣнами польскія мѣстечки, и потому называется основателемъ польскихъ городовъ. Казиміръ защищалъ поселянъ отъ притѣсненій магнатовъ и рыцарей, разбойничавшихъ и въ Польшѣ, какъ въ Германіи, по селамъ и большимъ дорогамъ. За это онъ получилъ почетное названіе крестьянскаго короля.

Въ царствованіе Казиміра произошли два событія, часто упускаемыя изъ виду, но имѣвшія огромное и рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу Польши: возникновеніе полновластія магнатовъ и поселеніе въ Польшѣ евреевъ. Рабски подражая учрежденіямъ нѣмцевъ, онъ ввелъ въ Польшѣ германскіе законы и суды, позволилъ своимъ подданнымъ подавать въ Магдебургъ апелляціи на постановленія польскихъ судовъ и считалъ націею только одни привилегированныя сословія. По обычаю нѣмцевъ, онъ ничего не предпринималъ безъ согласія магнатовъ и, созывая въ опредѣленное время сеймы, не допускалъ къ участію въ нихъ ни настоящаго народа, ни даже низшаго дворянства. Такимъ образомъ тотчасъ по возстановленіи польскаго государства, возникла олигархическо-аристократическая форма правленія позднѣйшей республиканской монархіи, которая и была впослѣдствіи причиною

паденія Польши. Поселеніе въ Польшѣ евреевъ имѣло такое-же пагубное вліяніе на ея внутренній бытъ, какъ введеніе аристократической олигархіи на ея политическую судьбу. Желая мгновенно создать торговлю и промышленность, Казиміръ старался привлечь въ Польшу людей и капиталы. Повсюду тѣснимые въ то время, евреи первые отозвались на его призывъ, и онъ поощрялъ ихъ переселеніе. Сначала имъ было позволено селиться только въ новой провинціи, Червоной Руси или Галиціи, но впослѣдствіи это дозволеніе распространилось на всю Польшу. Евреи наводнили страну, завладѣли всѣми прибыльными промыслами, не требовавшими тяжелаго физическаго труда, и образовали среднее или мѣщанское сословіе между дворянствомъ и крѣпостными крестьянами, составлявшими польскую націю. Мало по малу число евреевъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ, увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Польшѣ ихъ менѣе ненавидѣли за лихоимство, чѣмъ въ Германіи, а они охотно предоставляли другимъ славу и почетъ, лишь-бы только на ихъ долю выпадалъ барышъ. Когда вошла въ употребленіе пагубная для народной нравственности водка, евреи, соблюдая сами умѣренность, воспользовались прирожденной славянамъ страстью къ опьяняющимъ напиткамъ, чтобы поставить народъ еще въ бóльшую зависимость отъ себя. Этимъ средствомъ они вытягивали послѣднюю копѣйку у крестьянина, глядѣвшаго на нихъ, какъ на благодѣтелей и защитниковъ, и ихъ грязныя корчмы скоро сдѣлали съ единственнымъ прибѣжищемъ путешественника въ негостепріимномъ краѣ.

7. Венгрія при первыхъ короляхъ анжуйскаго дома.

Первый венгерскій король анжуйскаго дома, Карлъ Робертъ (т. VII. стр. 411), достигъ престола съ большимъ трудомъ, только благодаря усиленнымъ стараніямъ римскаго двора. При коронованіи, онъ долженъ былъ присягнуть конституціи, сильно огра-

ничивавшей королевскую власть въ пользу папы, духовенства и дворянства. Папѣ и духовенству предоставлялось огромное вліяніе на свѣтскія дѣла, а за дворянствомъ были формально утверждены присвоенныя имъ права. Народъ также оградили отъ произвола. Король обязался заботиться всѣми силами о благѣ ввѣреннаго ему народа и не осуждать на смерть ни одного венгра безъ правильнаго суда. Папа, какъ верховный повелитель Неаполя, включилъ въ присягу, принятую Карломъ Робертомъ при коронованіи, обязательство безусловно подчиниться завѣщанію его дѣда, неаполитанскаго короля Карла II. По этому завѣщанію Венгрія и Неаполь никогда не должны были соединяться подъ однимъ скипетромъ.

Избраніе Карла Роберта въ венгерскіе короли сблизило Венгрію съ самымъ цивилизованнымъ изъ европейскихъ государствъ. Это сближеніе могло-бы способствовать распространенію образованія между дикими мадьярами и куманами (половцами), одичавшими отъ тридцатилѣтней войны за престолъ, и введенію у нихъ соотвѣтствовавшаго тогдашнему времени устройства, если-бы они поняли всѣ выгоды итальянской цивилизаціи, а новый король умѣлъ-бы показать имъ ея свѣтлую сторону. Но мадьяры стояли еще на слишкомъ низкой степени развитія, а молодой, легкомысленный и развратный Карлъ Робертъ совершенно предался удовлетворенію необузданныхъ страстей. Климентъ V, содѣйствію котораго онъ былъ обязанъ венгерскимъ престоломъ, получалъ безпрестанныя жалобы на короля, нарушавшаго христіанскіе законы о бракѣ. Даже къ торжественному созванію сеймовъ и признанію правъ венгерскаго народа приходилось принуждать Карла Роберта силою.

Страшнымъ врагомъ Карла Роберта, съ самаго его вступленія на престолъ, явился одинъ изъ магнатовъ, графъ Маттіасъ Тренчинъ. Тренчинъ не призналъ новаго короля, сохранилъ независимость, не смотря на войну, начатую противъ него Карломъ Робертомъ, и до самой смерти владычествовалъ въ сѣверо-запад-

номъ краю Венгріи. Венгерскій король нашелъ себѣ союзника въ австрійскомъ герцогѣ Фридрихѣ Красивомъ, владѣнія котораго граничили съ мѣстностью, гдѣ господствовалъ Тренчинъ. Съ своей стороны Карлъ Робертъ отправилъ впослѣдствіи вспомогательное войско герцогу, воевавшему съ Людовикомъ Баварскимъ. Войско грубыхъ клмановъ не принесло большой пользы союзникамъ. Союзъ съ Австріей навлекъ венгерскому королю вражду Іоанна, короля чешскаго. Іоаннъ предпринялъ опустошительный походъ въ Венгрію и поддерживалъ Тренчина до тѣхъ поръ, пока Карлъ Робертъ не женился на его сестрѣ. Этимъ бракомъ король примирился съ венграми, опасавшимися новыхъ войнъ за престолонаслѣдіе, такъ какъ у короля не было дѣтей отъ перваго брака. Въ томъ-же году умеръ Маттіасъ Тренчинъ, и владѣнія его были присоединены къ Венгріи (1318 г.).

Пользуясь родствомъ съ чешскимъ королемъ, Карлъ Робертъ старался придать своему королевству между европейскими государствами, преимущественно относительно Польши и Германіи, такое значеніе, какого оно еще никогда не имѣло. Впослѣдствіи онъ заключилъ даже тѣсный союзъ съ Іоанномъ (1327 г.), отказавшись только помогать чешскому королю противъ своихъ старинныхъ друзей, австрійскихъ герцоговъ, которымъ онъ остался вѣренъ и не переставалъ оказывать помощь. Замѣшанный въ борьбу этихъ герцоговъ, онъ не упустилъ однако случая воспользоваться ею для обогащенія и расширенія своего государства. Карлъ Робертъ старался также возвратить Венгріи нѣкогда принадлежавшія ей сосѣднія земли, преимущественно далматскій берегъ; но ему не удалось вытѣснить оттуда венеціанцевъ, которые овладѣли этимъ берегомъ, пользуясь волненіями въ Италіи и Германіи. Чтобы сравнять Венгрію съ другими европейскими государствами, Карлъ Робертъ содѣйствовалъ образованію рыцарства турнирами и раздачею гербовъ, а для усовершенствованія земледѣлія призвалъ нѣмецкихъ колонистовъ. Хорошо должно было быть положеніе швабскихъ и баварскихъ крестьянъ, если они бѣжали въ Венгрію отъ

притѣсненій, грабежа и дракъ рыцарства, точно такъ же, какъ теперь ихъ заставляетъ переселяться въ Америку усовершенствованная и богатая послѣдними научными выводами политическая экономія!

Карлъ Робертъ добился деньгами того, чего не могъ достичь оружіемъ. Въ его царствованіе венгры принялись за разработку золотыхъ и серебряныхъ рудъ, приносившихъ имъ до тѣхъ поръ мало выгодъ. Деньги дали ему возможность играть роль третейскаго судьи въ распряхъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, и даже рѣшать споры польскаго и чешскаго королей, находившихся съ нимъ въ равной степени родства, такъ какъ третьей его женой была дочь Владислава Локтека. Карлъ Робертъ накопилъ огромныя богатства, потребовавъ отъ магнатовъ третьей части прибыли съ каждой золотой или серебряной руды, открытой въ ихъ владѣніяхъ. Въ Венгріи добывалось благородныхъ металловъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ европейскомъ государствѣ, съ тѣхъ поръ какъ ея рудники стали разработываться поселившимися въ ней саксонцами и чехами. Можно себѣ представить какимъ блескомъ окружалъ себя Карлъ Робертъ, пользовавшійся такими огромными доходами и перенесшій въ Венгрію итальянскую роскошь. При его дворѣ сходились двѣ крайности — утонченность итальянскихъ рыцарей и городовъ и первобытная простота дикихъ охотниковъ и воиновъ кумановъ. Исторія Феліціана Цаха, напоминающая сцены африканскихъ дворовъ, показываетъ, до чего доходило при дворѣ Карла Роберта звѣрство, соединенное съ восточно-итальянскою роскошью и утонченностью. Дочь Феліціана, одного изъ первыхъ придворныхъ, была насильно отдана въ жертву скотской страсти пріѣхавшаго въ Венгрію польскаго принца, впослѣдствіи Казиміра Великаго. Сама королева, женщина механически набожная, помогала брату. Феліціанъ жестоко отмстилъ за оскорбленіе и еще съ большею жестокостью былъ наказанъ. Онъ бросился на королевскую семью во время пира, ранилъ

короля въ правую руку, отрубилъ у королевы четыре пальца, и перебилъ бы ихъ всѣхъ, еслибы одному изъ придворныхъ не удалось ударомъ сзади повалить его на землю. Его тутъ-же добили до смерти, четвертовали трупъ и куски его выставили на позоръ въ разныхъ городахъ королевства. Уже одно это, не говоря о дальнѣйшихъ преслѣдованіяхъ, доказываетъ, что даже въ законахъ и судахъ Венгріи выражались варварство и дикость того времени. Сеймъ приговорилъ къ самымъ жестокимъ наказаніямъ не только всѣхъ знавшихъ намѣреніе Фелиціана, но даже его дальнихъ родственниковъ и потомковъ. Его несчастной дочери отрубили носъ и руки, и въ такомъ изуродованномъ видѣ возили на лошади по городамъ и селамъ. Сынъ его былъ разорванъ лошадьми и брошенъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Всѣхъ остальныхъ родственниковъ и потомковъ до третьяго колѣна сеймъ епископовъ и магнатовъ осудилъ на кровавое преслѣдованіе.

За два года до этого отвратительнаго происшествія умеръ единственный сынъ неаполитанскаго короля Роберта, дяди Карла Роберта. Карлъ Калабрійскій оставилъ двухъ новорожденныхъ дочерей, Іоанну I и Марію. Смерть его неожиданно открыла путь къ неаполитанскому престолу Карлу Роберту, сыну старшаго брата неаполитанскаго короля. Дядя венгерскаго короля, по соглашенію съ неаполитанской аристократіей и Іоанномъ XXII, назначилъ наслѣдницею свою внучку Іоанну, и папа твердо рѣшился препятствовать всѣми силами соединенію Венгріи съ Неаполемъ. Это рѣшеніе навело его на несчастную мысль упрочить права наслѣдницы, помолвивъ ее за втораго сына Карла Роберта, Андрея, также еще ребенка. Планъ папы, выполненный 1332 г., былъ пагубенъ для обоихъ дѣтей уже по одному тому, что они были ровесниками, а это совершенно несообразно съ обычаями и физіологическими условіями жителей южныхъ странъ. Карлъ Робертъ повезъ сына въ Неаполь (1333 г.), чтобы дать ему итальянское воспитаніе. Пріѣздъ венгерскаго короля и его сына въ Италію былъ

торжествомъ для тамошнихъ гвельфовъ. Но пребываніе Андрея въ Неаполѣ и полученное имъ воспитаніе соединили только въ юношѣ природную грубость съ итальянскою чувственностью. Воспитаніе Іоанны было совершенно въ духѣ Петрарки; оно представляло какую-то смѣсь фантастическихъ, поэтическо-философскихъ мечтаній съ педантизмомъ и риторикою ученыхъ химеръ.

III. ФРАНЦІЯ, АНГЛІЯ, ГЕРМАНІЯ, И ИТАЛІЯ

ОТЪ СМЕРТИ АЛЬБРЕХТА I ДО ПАПЫ УРБАНА V.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

---

1. Германія и Швейцарія до римскаго похода Генриха VII.

Три первобытные кантона Швейцаріи, Швицъ, Ури и Унтервальденъ, соединенные между собой старинною дружбой, были населены простыми пастухами, сохранившими независимость и свободу. Находясь подъ верховною ленною властью императора, представителемъ котораго былъ имперскій фогтъ, судившій уголовныя преступленія, они, со временъ Оттона IV, избрали графовъ габсбургскихъ своими покровителями. Рудольфъ и Адольфъ дѣйствительно защищали права швейцарцевъ. Но при Альбрехтѣ I у нихъ возникла съ императоромъ и сосѣднимъ рыцарствомъ борьба, имѣвшая важныя послѣдствія не только для Швейцаріи и Германіи, но и для Италіи и Франціи. Альбрехтъ хотѣлъ подчи-

нить свободныхъ пастуховъ деспотической, военно-монархической власти, введенной имъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Дворянство, жившее въ первобытныхъ кантонахъ и окрестностяхъ ихъ, надѣялось, подобно германскому рыцарству, отнять у рабочаго населенія его права и обратить независимыхъ швейцарцевъ въ подвластныхъ германскихъ крестьянъ. Къ счастью, въ швейцарскихъ кантонахъ, такъ-же какъ въ деревняхъ фрисланцевъ и дитмаршенцевъ, было много землевладѣльческихъ фамилій, не принадлежавшихъ и не желавшихъ присоединиться къ рыцарству. Они соединились съ самыми вліятельными изъ пастуховъ, чтобы общими силами противодѣйствовать императору и чужеземному рыцарству, поселившемуся въ ихъ долинахъ. Старинная дружба трехъ кантоновъ способствовала образованію союза, а неприступная природа страны облегчила борьбу съ императоромъ и рыцарствомъ. Въ горахъ Швейцаріи началась такая же борьба за свободу, какая почти въ то же время шла у дитмаршенцевъ и, пятьдесятъ лѣтъ спустя, у сѣверныхъ фрисланцевъ, среди ихъ непроходимыхъ топей (т. VIII. стр. 50). И тутъ, какъ тамъ, надменное рыцарство легло подъ мощною рукою храбрыхъ пастуховъ и крестьянъ. Всемірно-историческое значеніе швейцарскія войны пріобрѣли потому, что продолжительная война съ тяжело-вооруженною, рыцарскою конницею образовала изъ плохо вооруженныхъ поселянъ искусную и храбрую пѣхоту. Уничтоживъ рыцарство и обезпечивъ независимость Швейцаріи, эта пѣхота сдѣлалась притѣснительницей другихъ народовъ, предлагая за деньги свои услуги иностранцамъ.

Вступивъ на престолъ, Альбрехтъ не подтвердилъ правъ первобытныхъ кантоновъ и впослѣдствіи не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Съ угрозами требовалъ онъ отъ свободныхъ пастуховъ, чтобы они признали себя подданными габсбургскаго дома и, отправивъ въ Швейцарію фогтовъ, предоставилъ имъ произвольно притѣснять народъ и поселившееся среди его дворянство. Швейцарское дворянство не отдѣлилось отъ народа, какъ занимавшееся только войною и охотою рыцарство другихъ германскихъ земель; оно,

напротивъ, старалось снискать себѣ уваженіе въ другихъ сословіяхъ и черезъ него пріобрѣсти значеніе. Насильственные поступки императора и его фогтовъ возбудили въ 1307 г. народное возстаніе, въ то время, какъ Альбрехтъ былъ занятъ чешскою войною и не успѣлъ еще оправиться отъ нанесеннаго ему въ Тюрингіи пораженія (т. VII. стр. 414). Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ событій въ первобытныхъ кантонахъ, на сколько это возможно опредѣлить съ достовѣрностью. Преданіе сохранило много подробностей, подлежащихъ большому сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, разсказы о Вильгельмѣ Теллѣ (т. V. стр. 260) и тираніи фогтовъ Германа Гесслера фонъ Брунека и Берингера фонъ Ланденберга очевидно принадлежатъ къ области историческаго эпоса. Преданіе говоритъ, что въ ноябрѣ 1307 г. трое самыхъ вліятельныхъ швейцарцевъ изъ первобытныхъ кантоновъ, Вальтеръ Фюрстъ изъ Ури, Вернеръ Штауффахеръ изъ Швица и Арнольдъ анъ деръ Гальденъ изъ Мельхталя въ Унтервальденѣ, приведя съ собой каждый по десяти поселянъ, пользовавшихся значеніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, заключили союзъ въ долинѣ Грютли, у Фирвальдштедтскаго озера (четырехъ кантоновъ), и поклялись прогнать фогтовъ и усмирить дерзкое рыцарство. Къ нимъ присоединилось много дворянъ, притѣсняемыхъ фогтами за сопротивленіе австрійскому владычеству. Эти люди предводительствовали впослѣдствіи неопытными въ военномъ дѣлѣ поселянами при нападеніяхъ на замки враговъ свободы. Въ первый день 1308 г., какъ было условлено между заговорщиками, народъ окружилъ замки и прогналъ фогтовъ и рыцарей. Черезъ семь дней былъ возобновленъ старинный союзъ кантоновъ, — такъ называемая конфедерація, — для защиты и поддержанія древнихъ законовъ.

Между тѣмъ Альбрехтъ прибылъ въ Швабію, готовясь къ новому походу противъ чеховъ. Онъ рѣшился тотчасъ же и жестоко наказать гордыхъ швейцарцевъ, но отказомъ въ ленѣ и объявленіемъ войны базельскому епископу возстановилъ противъ себя звѣрское и хищное рыцарство Швабіи, помогавшее ему во всѣхъ вой-

нахъ. Недовольные присоединились къ молодому Іоанну Швабскому, сыну умершаго Рудольфа, брата Альбрехта. Іоаннъ ненавидѣлъ дядю и опекуна, не отдававшаго ему, не смотря на всѣ просьбы, отцовскаго наслѣдія въ Швабіи. Рыцари, приставшіе къ Іоанну, составили заговоръ и рѣшились умертвить императора, если онъ снова откажется удовлетворить племянника. Изъ заговорщиковъ намъ извѣстны имена только четырехъ молодыхъ людей— Конрада фонъ Тегерифельда, Вальтера фонъ Эшенбаха, Ульриха фонъ деръ Бальма и Рудольфа фонъ деръ Варта. Предупрежденный объ угрожавшей ему опасности однимъ изъ заговорщиковъ, сознавшимся духовнику на исповѣди, Альбрехтъ продолжалъ однако беззаботно вооружаться для отмщенія швейцарцамъ. Старанія его примириться съ племянникомъ были напрасны. Пылкій молодой человѣкъ былъ слишкомъ сильно раздраженъ противъ дяди, утѣшавшаго его въ потерѣ швабскаго наслѣдства надеждою пріобрѣсти Мейссенъ. Императоръ не обратилъ также никакого вниманія на ходатайство за Іоанна майнцскаго архіепископа, Петра Айхшпальтера, находившагося, какъ кажется, въ сношеніяхъ съ врагами Альбрехта. Заговорщики рѣшились наконецъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, хотя и не ожидали благопріятныхъ послѣдствій. Перваго мая 1308 г. Альбрехтъ отправился изъ Бадена въ Рейнфельденъ. Когда онъ сошелъ на паромъ, для переправы черезъ Рейссу, заговорщики спрыгнули за нимъ, отчаливъ отъ берега, отдѣлили императора отъ свиты и, переѣхавъ на другую сторону, умертвили его въ полѣ. Они спаслись отъ преслѣдованія бѣгствомъ и умерли въ изгнаніи. Одному Рудольфу, не принимавшему участія въ убійствѣ, но остававшемуся зрителемъ его, не удалось спастись. Онъ былъ схваченъ, преданъ жестокимъ мученіямъ и умеръ черезъ три дня. Главный виновникъ, Іоаннъ Швабскій, долго прятался переодѣтый, пока не нашелъ себѣ убѣжища въ Пизѣ. Онъ умеръ монахомъ августинскаго монастыря. Набожная венгерская королева Агнеса (т. VII. стр. 411), дочь Альбрехта, и его сынъ Леопольдъ I, въ отмщеніе за смерть отца, велѣли

перебить не только всѣхъ родственниковъ убійцъ, но ихъ ратниковъ и слугъ, то есть нѣсколько сотъ совершенно невинныхъ людей.

По смерти Альбрехта Австрія и Швабія достались его сыновьямъ: двое старшихъ, Фридрихъ Красивый и Леопольдъ I, взяли въ свои руки управленіе государствомъ за младшихъ братьевъ, Альбрехта, Генриха и Оттона, хотя всѣ пятеро считались владѣтельными князьями. Императорскій титулъ не былъ предоставленъ ни одному изъ нихъ. Альбрехтъ былъ слишкомъ могущественъ для германскихъ князей, и оба архіепископа имперіи, Петръ Айхшпальтеръ Майнцскій и Балдуинъ Трирскій, изъ дома графовъ люксембургскихъ, объявили себя противъ кандидатуры Фридриха и Леопольда, находившихся къ тому же въ распрѣ съ Богеміею, Вюртембергомъ и Баваріею. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ германскіе князья искали императора въ другихъ фамиліяхъ. Этой неурядицей и возникшими спорами старались воспользоваться папа Климентъ V, французскій король Филиппъ IV, гвельфы, анжуйскій домъ въ Италіи и мелкіе германскіе князьки. Къ счастью Германіи, обоимъ архіепископамъ удалось соединенными силами возвести въ императоры, черезъ полгода по смерти Альбрехта, графа Генриха Люксембургскаго. Фамилія графовъ люксембургскихъ пользовалась такимъ же значеніемъ по Маасу, Мозелю и на нижнемъ Рейнѣ, какъ габсбургская на верхнемъ Рейнѣ, по Рейссѣ, Аару и въ Эльзасѣ; личными качествами и рыцарскими подвигами графъ Генрихъ не уступалъ Рудольфу Габсбургскому; наконецъ, новый императоръ былъ братомъ архіепископа трирскаго и другомъ Айхшпальтера, его прежняго вассала. Большія дипломатическія способности и уживчивая совѣсть заставили архіепископа майнцскаго стараться объ избраніи Генриха; впослѣдствіи онъ дѣйствительно оказалъ императору большія услуги въ дипломатическихъ переговорахъ. Свои таланты Айхшпальтеръ выказалъ еще прежде. Получивъ базельское епископство, онъ былъ посланъ во Францію графомъ Генрихомъ, чтобы выхлопотать упразднившееся майнцское епископство его

брату, Бальдуину, двадцатилѣтнему юношѣ, учившемуся въ Парижѣ. Петръ умѣлъ устроить дѣло такъ, что это епископство было отдано ему, а для молодаго Бальдуина онъ купилъ у папы трирское епископство. Участіе Айхшпальтера въ убійствѣ Альбрехта и формальное обвиненіе, принесенное новому императору женою Альбрехта, въ томъ, что Петръ зналъ о замышляемомъ преступленіи, доказываютъ, что архіепископъ не былъ очень разборчивъ на средства. Впрочемъ хлопоты архіепископовъ при избраніи Генриха были далеко не безкорыстны. Генрихъ обязался наградить ихъ имперскими владѣніями и уплатить папѣ за архіепископа майнцскаго долгъ, остававшійся на немъ за трирское епископство. Климентъ, поддерживавшій избраніе графа люксембургскаго, дѣйствовалъ однако очень осторожно, потому что Филиппъ IV, проча на германскій престолъ своего брата Карла Валуа, требовалъ, чтобы папа помогалъ ему. Нисколько не желая усиливать могущество французскаго короля, но находясь въ полной его зависимости, папа прибѣгнулъ къ притворству, обѣщая Филиппу дѣйствовать въ пользу его брата и въ то же время тайно убѣждая курфюрстовъ поспѣшить избраніемъ Генриха. Таково было положеніе дѣлъ въ Германіи въ ноябрѣ 1308 г., когда графъ люксембургскій вступилъ на императорскій престолъ подъ именемъ Генриха VII.

Первымъ стремленіемъ новаго императора было доказать германцамъ благотворное дѣйствіе законной монархической власти въ странѣ, гдѣ владѣтели и рыцари обратились въ разбойниковъ, а города сдѣлались республиками. Обладая, не менѣе Рудольфа Габсбургскаго, личными достоинствами, на которыя въ то время было обращаемо особенное вниманіе, Генрихъ умѣлъ своими рыцарскими качествами и внѣшними пріемами поднять императорское значеніе. Вслѣдъ за коронованіемъ онъ предпринялъ путешествіе вверхъ по Рейну, черезъ Швабію и Франконію. Во время этого путешествія Генрихъ могъ убѣдиться въ процвѣтаніи Страсбурга и Цюриха (они были населеннѣе чѣмъ теперь) и въ ожив-

ленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Италіею Ульма, Аугсбурга и Нюрнберга, не уступавшихъ итальянскимъ городамъ благосостояніемъ и устройствомъ. Напротивъ, швабскіе города были угнетаемы графами вюртембергскимъ и баденскимъ. Генрихъ старался возстановить повсюду законы и справедливость. Городамъ онъ напомнилъ, что они имперскіе города, а первобытные кантоны Швейцаріи снова привязалъ къ имперіи, возвративъ имъ прежнія права. Но болѣе всего хотѣлось ему доказать свое могущество графу швабскому Эбергарду, уже нѣсколько лѣтъ опустошавшему Швабію разбоями (т. VII. стр. 394). Созвавъ сеймъ въ Шпейерѣ, онъ потребовалъ туда Эбергарда на судъ, а герцоговъ австрійскихъ для дарованія имъ ленныхъ правъ. На этотъ первый сеймъ Генриха (1309 г.) съѣхались не только нѣмцы, но и множество итальянскихъ гвельфовъ и гибеллиновъ, добивавшихся помощи императора. Эбергардъ Вюртембергскій, явившійся въ Шпейеръ въ сопровожденіи товарищей своихъ разбоевъ, поссорился съ императоромъ и былъ объявленъ опальнымъ. Герцоговъ австрійскихъ, обиженныхъ его избраніемъ, Генрихъ старался расположить въ свою пользу милостями, не забывая впрочемъ и собственныхъ выгодъ. Онъ отдалъ имъ въ ленное владѣніе земли габсбургскаго дома и, нарушивъ законы справедливости, позволилъ преслѣдовать несчастныхъ, замѣшанныхъ въ убійствѣ Альбрехта. Это и вызвало тѣ страшныя, кровавыя сцены, о которыхъ мы говорили. Герцоги, съ своей стороны, отказались отъ притязаній на Богемію, заплатили Генриху значительную сумму денегъ и обѣщали, что одинъ изъ нихъ будетъ сопровождать его въ римскомъ походѣ съ 200 рыцарей. Въ числѣ итальянцевъ, пріѣхавшихъ въ Шпейеръ просить императора ускорить походомъ въ Римъ, находились послы гибеллина Матвѣя Висконти и его противника Гвидо делла Торре, а также изгнанный изъ Брешіи гвельфъ Тебальдо ди Бруссати. Генрихъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе, очень довольный представлявшимся случаемъ поддержать

блескъ императорскаго достоинства золотомъ богатѣйшей изъ европейскихъ странъ.

Второй сеймъ, созванный Генрихомъ (1310 г.) во Франкфуртѣ на Майнѣ, послѣ вторичнаго путешествія по Швабіи и Франконіи, далеко превзошелъ блескомъ первый. Во Франкфуртѣ обсуждались преимущественно богемскія дѣла. Герцогъ каринтійскій Генрихъ, женатый на старшей сестрѣ Венцеслава III, овладѣлъ чешскою короною (т. VI. стр. 414) и жестоко угнеталъ народъ. Онъ во всемъ отдавалъ преимущество своимъ нѣмецкимъ рыцарямъ передъ славянами, переводилъ въ Каринтію золото и серебро, добываемое изъ богатыхъ богемскихъ рудниковъ, и силою хотѣлъ выдать свою свояченицу, энергическую Елисавету, за человѣка, который не могъ быть ему опасенъ. Елисавета противилась, была заключена въ темницу, бѣжала оттуда и призвала на помощь недовольныхъ чешскихъ дворянъ. Не рѣшаясь вступить въ борьбу съ рыцарями Генриха, чехи просили помощи у императора. Они предложили руку Елисаветы и чешскую корону его сыну Іоанну. Генрихъ хотѣлъ сначала принять это предложеніе не для сына, а для брата Вальрама, потому что Іоанну едва минуло 14 лѣтъ, а Елисаветѣ, управлявшей впослѣдствіи мужемъ, какъ мальчикомъ, было уже 19, да къ тому же она пользовалась двусмысленной репутаціей. Послушавшись однако совѣта Айхшпальтера, императоръ заключилъ во Франкфуртѣ договоръ съ чешскими дворянами и объявилъ, отъ имени сейма, герцога Генриха лишеннымъ чешской короны. Вслѣдъ затѣмъ (1 сентября 1310 г.) молодой Іоаннъ, получившій отъ отца переименованное тогда въ герцогство графство люксембургское, обвѣнчался въ Шпейерѣ съ Елисаветою. Отпраздновавъ съ блескомъ свадьбу сына, Генрихъ отправился въ Бургундію, чтобы оттуда, въ томъ же году, выступить въ Италію. Еще не дойдя до Альповъ, онъ рѣшился предпринять два новые похода: одинъ—противъ Генриха Каринтійскаго, другой—противъ Эбергарда Вюртембергскаго. Намѣстнику Швабіи, Конраду фонъ Вейнсбергу, было поручено приве-

сти въ исполненіе приговоръ, уже давно произнесенный надъ Эбергардомъ. Конрадъ поднялъ жителей Эсслингера и другихъ городовъ, разрушилъ всѣ замки, за исключеніемъ трехъ, и принудилъ Эбергарда бѣжать къ маркграфу баденскому, гдѣ онъ и оставался до смерти Генриха. Богемскимъ походомъ руководили графъ фонъ Геннебергъ и Айхшпальтеръ, занимавшійся только дипломатическими переговорами. Герцогъ каринтійскій не могъ бороться съ нѣмецкимъ войскомъ и недовольными чехами; онъ бѣжалъ въ Каринтію и болѣе не оставлялъ ее. Въ февралѣ 1311 г. Петръ Айхшпальтеръ торжественно короновалъ Іоанна чешскимъ королемъ.

2. Италія до и во время римскаго похода Генриха VII.

Намъ пришлось бы разсказывать цѣлый рядъ отдѣльныхъ исторій, еслибы мы захотѣли обозрѣвать каждое изъ итальянскихъ государствъ. Для знакомства съ состояніемъ Италіи во время похода Генриха VII достаточно указать на Римъ, Неаполь, Флоренцію и Миланъ.

Отношеніе папъ Бонифація VIII, Бенедикта XI и Климента V къ французскимъ королямъ (т. VIII. стр. 7) уже бросаетъ свѣтъ на тогдашнее состояніе Рима и папства. Колонна, Орсини и другія фамиліи достигли такого могущества, что папамъ Бонифацію и Бенедикту пришлось выѣхать изъ Рима. Но вражда и споры этихъ фамилій дали возможность искусному уполномоченному Филиппа доставить, по смерти Бенедикта, папскій престолъ архіепископу бордосскому, Бертрану, бывшему орудіемъ французской политики. Бертранъ, названный папою Климентомъ V, переѣхалъ въ Авиньонъ, остававшійся въ теченіе почти семидесяти лѣтъ столицею папства. Съ его переселеніемъ во Францію исчезло въ Италіи политическое значеніе папы и императора, а итальянцы пріобрѣли

полную свободу. Независимость вызвала высшее умственное развитіе, процвѣтаніе искусствъ и ремеслъ, повсемѣстное благосостояніе, но вмѣстѣ съ нимъ и страшную распущенность нравовъ. Все это превосходно изображено Данте въ его великомъ твореніи. Въ то же время онъ написалъ и свою книгу о монархіи или о духовной и свѣтской власти, стараясь доказать въ ней, что истинная свобода итальянцевъ можетъ быть спасена только тогда, когда свѣтская власть императора и духовная — папы будутъ проявляться въ свойственныхъ имъ предѣлахъ.

Съ упадкомъ церкви увеличились симонія (т. VI. стр. 238) и злоупотребленія духовной власти. Развращеніе нравовъ прикрывалось религіею, а схоластика и церковныя учрежденія служили не только для отпущенія грѣховъ, но и для позволенія грѣшить. Такое состояніе общества, рядомъ съ писателями, выставлявшими, какъ Данте въ своей „Божественной комедіи", вопіющій контрастъ нравственныхъ міровыхъ законовъ съ существовавшими уставами церкви, вызвало во всѣхъ странахъ реформаторовъ, стремившихся, подобно Арнольду Брешіанскому (т. VI. стр. 445), произвести радикальный, соціальный переворотъ. При господствовавшемъ въ то время фанатизмѣ, эти революціонеры должны были то же быть фанатиками и, противопоставляя слѣпому преслѣдованію слѣпое ожесточеніе, естественно погибали отъ численнаго превосходства враговъ. Самымъ замѣчательнымъ и сильнымъ изъ нихъ былъ Дульчино или Дульцинъ. Незаконорожденный сынъ священника, онъ былъ ученикомъ Гергарда Сегарелли, мечтателя, жившаго въ половинѣ XIII в. и проповѣдывавшаго свое ученіе не только изустно, но и въ письмахъ, писанныхъ сжатымъ и общедоступнымъ языкомъ, или, какъ сказали бы теперь, въ брошюрахъ. Подобнаго рода письма ученыхъ и духовныхъ, чрезвычайно распространенныя въ средніе вѣка, замѣняли нынѣшніе журналы и брошюры. Главное содержаніе проповѣдей Дульчино состоитъ въ томъ, что онъ противопоставляетъ евангельскую простоту — пышности римской церкви, а общность имуществъ первыхъ христіанъ — владѣтель-

нымъ правамъ епископовъ, аббатовъ и рыцарской аристократіи, основанной на исключительномъ владѣніи землею и людьми. Найдя много послѣдователей въ восточной Ломбардіи и въ странахъ, гдѣ уже болѣе столѣтія господствовала свобода мнѣній (т. VI. стр. 338 и т. VII. стр. 275), Дульчино предложилъ имъ учредить христіанскую или скорѣе мечтательную республику, чтобы разомъ освободиться отъ свѣтскаго и духовнаго ига. Попытка его не удалась по той же причинѣ, какъ и подобная же попытка мюнстерскихъ и нижне-саксонскихъ фанатиковъ XVI столѣтія: всѣ эти мечтатели хотѣли согласить противорѣчія. Но Дульчино, такъ же какъ и предводители нѣмецкихъ анабаптистовъ, обезсмертилъ себя настойчивостью и упорствомъ. Онъ возстановилъ противъ себя духовенство, богачей и задорное рыцарство, грозя всѣмъ имъ гибелью за притѣсненія бѣдныхъ и слабыхъ. Преслѣдуемый и гонимый силою, Дульчино, собравъ болѣе шести тысячъ человѣкъ, удалился съ своею умной, энергичной и красивой женой Маргаритою въ горы Новары и Верчелли, три четверти года покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Прокармливаясь грабежомъ въ этой неприступной мѣстности, онъ восемь лѣтъ (съ 1300 г.) защищался противъ регулярныхъ войскъ, отправляемыхъ противъ него епископами окружныхъ земель. Наконецъ фанатизмъ господствовавшей церкви нашелъ средство подавить фанатизмъ еретика, проповѣдывавшаго уничтоженіе ея. Противъ него возвѣстили крестовый походъ, и Дульчино погибъ со всѣми приверженцами.

Эта война за вѣру началась и кончилась безъ участія папы. Но, чтобы хоть сколько нибудь поддержать свое свѣтское значеніе, Климентъ V отправилъ въ Италію войско подъ предводительствомъ хитраго и воинственнаго кардинала, Наполеона Орсини. Куда ни обращался кардиналъ, онъ повсюду встрѣчалъ неудачу, потому что порядокъ вещей совершенно измѣнился; въ Италіи давно позабыли и о папѣ, и объ императорѣ. Нисколько не желая возстановленія императорской власти въ Италіи, Климентъ былъ все-таки доволенъ предстоящимъ римскимъ походомъ Генриха. Присутствіе

императора въ Италіи естественно должно было привлечь на сторону папы одну изъ партій.

Почти одновременно съ избраніемъ въ императоры Генриха Люксембургскаго произошла и въ Неаполѣ перемѣна правительства. По смерти Карла II (1309 г.) на неаполитанскій престолъ вступилъ его сынъ Робертъ. Карлъ принадлежалъ къ лучшимъ правителямъ своего времени; при немъ значеніе императора въ церковной области, Флоренціи и во многихъ ломбардскихъ городахъ перешло къ анжуйскому дому. Онъ подчинилъ себѣ папъ и римскую аристократію, былъ признанъ въ сѣверной Италіи главою гвельфовъ, заставилъ уважать себя даже князей, болѣе расположенныхъ къ германской имперіи, чѣмъ къ Франціи; завладѣлъ частью Пьемонта и оспаривалъ у Филиппа, графа савойскаго, его права на Монферратъ и владѣнія, доставшіяся по наслѣдству его женѣ въ Мореи. Умирая, Карлъ завѣщалъ престолъ младшему сыну Роберту, обойдя ближайшаго наслѣдника, Карла Роберта, внука отъ старшаго сына. Карлъ Робертъ былъ возведенъ еще ранѣе, при помощи папы, на венгерскій престолъ (т. VIII. стр. 89), и его дѣдъ считалъ невозможнымъ соединеніе подъ однимъ скипетромъ венгерскаго и неаполитанскаго королевствъ. Покровительствуя новому неаполитанскому королю, папа освободилъ его отъ дани, платимой ему, какъ верховному повелителю Неаполя, каждымъ новымъ королемъ, и простилъ долгъ, сдѣланный при Карлѣ I анжуйскимъ домомъ римской коронѣ. Этотъ долгъ былъ впрочемъ такъ великъ, что Робертъ никогда не уплатилъ бы его. Увѣренный, что Робертъ не въ состояніи изгнать Фридриха II изъ Сициліи, которою онъ завладѣлъ при Карлѣ II (т. VII. стр. 310), папа старался примирить обоихъ королей. Но Робертъ никакъ не хотѣлъ отказаться отъ Сициліи и, отъ времени до времени, предпринималъ походы для покоренія острова.

При вступленіи на престолъ Роберта, партія гвельфовъ и французовъ имѣла въ Италіи рѣшительный перевѣсъ. Флорентинцы, заклятые враги имперіи и гибеллиновъ, выступили противъ нихъ

съ значительными силами. Робертъ отправилъ на помощь флорентинцамъ храбрыхъ наемниковъ, которые, принадлежа къ различнымъ національностямъ, нанимались подъ именемъ каталонцевъ и арагонцевъ въ службу по островамъ и берегамъ Средиземнаго моря. Въ Генуѣ и Венеціи господствовали сильные внутренніе безпорядки. Въ Феррарѣ принцы дома Эсте оспаривали другъ у друга владычество; одинъ изъ нихъ продалъ впослѣдствіи городъ венеціанцамъ, и феррарцы, чтобы избавиться отъ нихъ, передались папѣ. Это вовлекло венеціанцевъ въ войну съ римскою церковью. Венеціанцы не уступали города, и Климентъ V произнесъ надъ властолюбивою республикою неслыханно грозное и дерзкое проклятіе. Онъ наложилъ на венеціанцевъ интердиктъ, предалъ ихъ отлученію отъ церкви, объявилъ лишенными чести и права исполнять до четвертаго колѣна какую бы то ни было духовную или свѣтскую должность и предоставилъ всякому грабить имущества венеціанцевъ и брать ихъ въ рабство. Вначалѣ венеціанцы не обратили, разумѣется, никакого вниманія на папскій гнѣвъ. Чтобы придать значеніе своимъ словамъ, Климентъ велѣлъ проповѣдывать противъ нихъ крестовый походъ, назначивъ предводителемъ собравшейся толпы одного изъ кардиналовъ. Венеціанцы были вытѣснены изъ Феррары, но жители, осажденные ими и притѣсняемые папскою сволочью, снова призвали къ себѣ фамилію Эсте. Не будучи въ силахъ бороться ни съ нею, ни съ венеціанцами, папа обратился къ неаполитанскому королю, назначивъ его своимъ намѣстникомъ въ Феррарѣ и Романьѣ. Робертъ, находившійся въ то время въ Провансѣ (1310 г.), явился въ Италію, еще прежде чѣмъ императоръ перешелъ Альпы.

Во Флоренціи, быстро достигшей процвѣтанія и могущества (т. VII. стр. 354) и служившей въ описываемое время оплотомъ гвельфовъ, продолжалась старинная борьба и вражда партій. Бѣлые, изгнанные изъ Флоренціи (т. VII. стр. 356), соединились съ гибеллинами, и этимъ союзомъ отрѣзали себѣ возвращеніе въ городъ, преданный исключительно гвельфамъ. Кроткій и миролюбивый папа,

Бенедиктъ XI отправилъ въ 1304 г. во Флоренцію кардинала Николая ди Прато примирить враждовавшія партіи: но его усилія разбились о непримиримую ненависть враговъ. Вынужденный покинуть городъ, духовный миротворецъ, уѣзжая, изрекъ въ сильномъ гнѣвѣ проклятіе противъ флорентинцевъ. Но громы церкви, уже давно переставшіе пугать итальянцевъ, не потрясли стѣнъ города. По отъѣздѣ кардинала, возобновилась борьба; слѣдствіемъ ея былъ пожаръ, истребившій до 1700 домовъ. Расчитывая на содѣйствіе папы, бѣлые и гибеллины, поддержанные пистойцами, рѣшились силою завладѣть городомъ. Они ворвались во Флоренцію, но были тотчасъ же выгнаны, а большинство ихъ погибло. Рѣшившись отмстить Пистоіи, флорентинцы обложили ее осадою, отразившей въ себѣ характеръ эпохи и страны. Робертъ Неаполитанскій, посланный отцомъ на помощь флорентинцамъ, оказалъ имъ большія услуги каталонской конницей, но вернулся въ Неаполь, когда Климентъ V принялъ сторону осажденныхъ. Доведенные до послѣдней крайности недостаткомъ средствъ, пистойцы, чтобы избавиться отъ всѣхъ неспособныхъ носить оружіе, отдали женъ и дѣтей на жертву ожесточеннымъ врагамъ. Сами они не сдавались даже и тогда, когда, по истребленіи всѣхъ лошадей, имъ рѣшительно нечѣмъ было питаться. Осаждавшіе не уступали имъ въ настойчивости. Они твердо переносили суровую погоду, боролись съ неудобствами мѣстности, наложили на себя огромныя подати и не обращали никакого вниманія на проклятія, посылаемыя имъ папою черезъ своихъ легатовъ. Непоколебимое упорство и жестокость обѣихъ сторонъ доказываютъ, до какого ожесточенія доходила вражда партій въ итальянскихъ городахъ. Флорентинцы отрѣзывали всѣмъ плѣннымъ носы, руки и ноги; пистойцы подобнымъ же образомъ замучивали до смерти тѣхъ, кто попадалъ въ ихъ руки. Когда въ городѣ осталось съѣстныхъ припасовъ только на день, пистойцы наконецъ сдались на извѣстныхъ условіяхъ, заключивъ, при посредничествѣ одного монаха, слывшаго святымъ, договоръ, скрѣпленный страшными клятвами (1306 г.). Не смотря

на клятвы, послѣдствія этой войны были тѣ же, какими кончаются всѣ междоусобицы, особенно у страстныхъ жителей южныхъ странъ. Побѣдители, вопреки договору, обобрали побѣжденныхъ, разрушили городскую стѣну и сломали всѣ дворцы и замки бѣлыхъ и гибеллиновъ. Подобный образъ дѣйствій раздражилъ итальянскихъ гибеллиновъ и вообще всѣхъ, читавшихъ стихи, прозу, письма и историческіе очерки Дино Компаньи и Данте (т. VII. стр. 356), изображавшихъ жалобы угнетенныхъ и сожалѣніе объ упадкѣ свѣтской власти императора и духовной папы. Папскій легатъ, Наполеонъ Орсини, явившись въ Италію въ началѣ 1306 г., повторилъ въ болѣе сильной формѣ проклятіе противъ флорентинцевъ. Флорентинскіе изгнанники искали, вмѣстѣ съ своими друзьями, убѣжища и защиты въ Германіи. Владычествовавшіе во Флоренціи гвельфы также отправили къ императору пословъ, подкупившихъ Петра Айхшпальтера. Но Генрихъ, узнавъ о подкупѣ архіепископа, не послушался его совѣта отложить походъ въ Италію.

Низверженіе Матвѣя Висконти (т. VII. стр. 361) снова возвысило въ Миланѣ фамилію делла Торре. Глава гвельфовъ, Гвидо делла Торре, избранный народомъ, пользовался болѣе неограниченною властью, чѣмъ Матвѣй Висконти, которому приходилось щадить аристократію. Изгнанные Висконти старались возвратить себѣ господство надъ Миланомъ; но попытки ихъ оставались безплодными и забытый Матвѣй поселился въ своемъ помѣстьи на Гардскомъ озерѣ. Избраніе Генриха снова пробудило въ немъ угасшія надежды. Онъ вступилъ въ сношенія съ новымъ императоромъ, отправивъ посломъ къ нему одного изъ замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ ученыхъ, Франческо Гарбаньята изъ Павіи, восторженнаго поклонника Данте и древняго міра. Гарбаньята съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе императора, сопровождалъ его во время итальянскаго похода и парализовалъ вліяніе Тебальдо ди Бруссати и другихъ гвельфовъ, находившихся также въ свитѣ Генриха.

Осенью 1310 г. Генрихъ двинулся въ Италію, черезъ Ло-

занну и Сузу, съ 2000 рыцарей, расчитывая на поддержку французскаго короля и на положеніе дѣлъ на полуостровѣ. По формально-заключенному, дружественному договору, Филиппъ IV долженъ былъ препятствовать враждебнымъ дѣйствіямъ неаполитанскаго короля. Папа обязался прислать легата, для сопровожденія императора по Италіи, и заранѣе обѣщалъ короновать его въ Римѣ. Наконецъ въ свитѣ Генриха, — объявившаго итальянцамъ, что онъ является къ нимъ примирителемъ и не связанъ ни съ одной изъ партій узами крови или дружбы, — находились и гвельфы, и гибеллины. Но на все это нельзя было расчитывать. Гибеллины дѣйствительно нашли выгоднымъ для себя тѣсно соединиться съ императоромъ. Гвельфы и партіи папская и французская хотѣли воспользоваться Генрихомъ для достиженія собственныхъ цѣлей, были даже готовы помочь ему деньгами, но возстановленіе законовъ и правосудія вовсе не входило въ ихъ планы. Послу Генриха, явившемуся возвѣстить о его прибытіи, они отвѣчали ничего не значившими фразами; папа также не высылалъ на встрѣчу обѣщаннаго легата. Монархисты и гибеллины, только того и желавшіе, стали вооружаться. Данте издалъ противъ гвельфовъ, республиканцевъ и Флоренціи знаменитый манифестъ, написанный поэтическою прозою; Матвѣй Висконти, проскользнувъ переодѣтый черезъ гвельфскія владѣнія, явился къ императору въ Асти; пизанцы, стѣсненные союзомъ Гвидо делла Торре съ Неаполемъ и Флоренціею, послали императору 60 тысячъ золотыхъ флориновъ для ускоренія похода. Сопровождаемый Матвѣемъ Висконти и владѣтелями городовъ Лоди и Павіи, Генрихъ двинулся въ Миланъ. Какъ другъ владѣтелей Лоди и Павіи, Гвидо долженъ былъ принять императора и своего злѣйшаго врага Висконти. Скрывая кипѣвшую злобу, онъ встрѣтилъ императора съ выраженіемъ покорности и подчиненія. При въѣздѣ Генриха въ городъ, Гвидо не велѣлъ преклонять своихъ знаменъ передъ императорскимъ орломъ, какъ обыкновенно дѣлали; оскорбленные нѣмцы вырвали изъ рукъ знаменщика знамя и бросили его на землю. Самъ императоръ, напро-

тивъ, былъ очень ласковъ, и съ обычнымъ добродушіемъ сказалъ Гвидо, ставшему на колѣни, чтобы поцѣловать его ноги: „храни только миръ и вѣрность, Гвидо, и не отрекайся отъ своего государя.„

Увѣренность, что все можно уладить добротою, была главною ошибкою Генриха. Онъ разослалъ во всѣ города пословъ съ извѣстіемъ о примиреніи гвельфовъ и гибеллиновъ, и старался постоянно держаться несчастной середины, способъ, которымъ рѣдко чего нибудь достигнешь, а въ Италіи — никуда не годный. Императоръ не зналъ итальянцевъ, какъ справедливо сказалъ одинъ изъ итальянскихъ писателей того времени. Скоро ему пришлось убѣдиться, что они принимаютъ его доброту за глупость и слабость.

Чтобы не давать перевѣса ни одной изъ партій, Генрихъ не отдалъ Милана ни Гвидо, ни Висконти. Оба они вскорѣ ловко провели его. Недостатокъ въ деньгахъ вынудилъ императора, кромѣ разныхъ налоговъ, потребовать у миланцевъ еще такъ называемую добровольную дань. Матвѣй сказалъ ему, что 60 тысячъ золотыхъ флориновъ нисколько не обременятъ жителей, а Гвидо съ умысломъ посовѣтовалъ увеличить контрибуцію до 100 тысячъ. Это возбудило страшное неудовольствіе гражданъ, хотя для такого торговаго города, какъ Миланъ, и 100 тысячъ не составляли большаго расчета. Когда затѣмъ Генрихъ потребовалъ, чтобы оба предводителя партій отправились съ нимъ въ Римъ, какъ заложники за спокойствіе Милана, они сговорились произвести внезапное возстаніе и выгнать нѣмцевъ изъ города. Попытка ихъ не удалась, и хитрый Висконти, съ самаго начала возстанія предвидѣвшій дурной исходъ, покинулъ союзниковъ, вмѣстѣ съ Гвидо, чтобы, погубивъ ихъ, возвыситься самому. Удаленный изъ Милана вмѣстѣ съ Гвидо, онъ лицемѣріемъ добился отъ императора разрѣшенія вернуться въ городъ, тогда какъ Гвидо остался въ изгнаніи.

Императоръ, коронованный желѣзною короною въ первыхъ

числахъ января, промедлилъ въ Миланѣ четыре мѣсяца (до половины апрѣля 1311 г.). Вступи онъ въ Тоскану тотчасъ по короновании, какъ утверждаетъ Данте, Болонья и Флоренція, главные города гвельфской партіи, едвали оказали бы ему сопротивленіе. Медленность его дала время гордымъ республиканцамъ приготовиться къ отпору, и Генриху предстояло помѣриться съ ними по дорогѣ въ Римъ. Изъ Милана онъ двинулся къ Кремонѣ, принявшей изгнаннаго Гвидо и, по наущенію флорентинцевъ, оскорбившей императорскихъ пословъ. Но съ приближеніемъ императора, кремонцы упали духомъ, послали ему ключи отъ города и, когда разбѣшенный Генрихъ не принялъ ихъ пословъ, добровольно согласились на униженіе, которому за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ только послѣ отчаянной борьбы и упорнаго сопротивленія подчинились миланцы (т. VI. стр. 464). Сто знатнѣйшихъ гражданъ вышли босоногіе, съ непокрытыми головами и веревками на шеяхъ, на встрѣчу императору, и на колѣняхъ, со слезами молили его пощадить городъ. Но Генрихъ не удовольствовался этимъ униженіемъ и поступилъ такъ жестоко съ добровольно подчинившейся ему Кремоной, что другимъ городамъ не оставалось ничего болѣе, какъ защищаться до послѣдней крайности. Онъ позволилъ солдатамъ въ продолженіе трехъ дней грабить Кремону, заключилъ нѣсколько сотъ знатнѣйшихъ гражданъ въ страшную темницу, гдѣ они вскорѣ умерли, и потребовалъ отъ опустошеннаго города 100 тысячъ золотыхъ флориновъ, сумму, показавшуюся слишкомъ тяжелою даже миланцамъ. По его приказанію были разрушены городская стѣна и стоившія огромныхъ денегъ величественныя произведенія искусствъ, служившія доказательствомъ богатства, дѣятельности и вкуса кремонцевъ. Неудивительно, что такіе варварскіе поступки вызвали самое упорное сопротивленіе Брешіи, осаду которой началъ Генрихъ.

Брешію защищалъ Тебальдо ди Бруссати, убѣждавшій императора въ Шпейерѣ предпринять походъ въ Италію. Осада длилась отъ іюня до сентября, въ самое неблагопріятное для нѣмцевъ время

года. Климатъ, непривычный образъ жизни и кровопролитная война истребляли лучшихъ воиновъ Генриха; въ одной изъ битвъ погибъ его братъ Вальрамъ. Потери были такъ велики, что подъ стѣнами Брешіи осталось подъ конецъ не болѣе четверти императорскаго войска. Не смотря на всѣ контрибуціи и приношенія ломбардскихъ городовъ, денежныя средства Генриха были истощены. Кромѣ содержанія огромнаго войска, приведеннаго къ Брешіи, ему приходилось платить ежемѣсячно шпейерскимъ рыцарямъ отъ трехъ до четырехъ марокъ, тогда какъ поденная плата наемникамъ не превышала шести или восьми геллеровъ, да выдачи кой-какихъ припасовъ. Брешіацевъ не устрашили ни огромное войско императора, созвавшаго противъ нихъ всѣ военныя силы ломбардскихъ городовъ, ни варварская казнь ихъ предводителя Тебальдо, который, попавшись въ плѣнъ, былъ зашитъ въ бычачью шкуру и разорванъ четырьмя волами. Доведенные до послѣдней крайности нуждою и голодомъ, осажденные рѣшились наконецъ сдаться. Папскій легатъ предложилъ имъ свое посредничество и обѣщалъ снисходительныя условія, не имѣя на то никакого полномочія. Генрихъ, не обративъ никакого вниманія на это обѣщаніе, варварски поступилъ съ побѣжденными, срылъ большую часть городской стѣны и потребовалъ 10 тысячъ золотыхъ флориновъ контрибуціи. Перепись всѣмъ брешіанцамъ, способнымъ носить оружіе, сдѣланная по повелѣнію Генриха, можетъ дать понятіе о могуществѣ и населенности тогдашнихъ итальянскихъ городовъ-республикъ и вмѣстѣ объяснить огромныя потери императорскаго войска. Въ брешіанскихъ владѣніяхъ оказалось сто тридцать шесть тысячъ человѣкъ отъ 18 до 60 лѣтъ, способныхъ носить оружіе. Получивъ эти свѣдѣнія, Генрихъ, говорятъ, воскликнулъ: „Брешія не городъ, а цѣлое королевство.“

Послѣ жестокихъ поступковъ съ Кремоной и Брешіей, Генрихъ не могъ уже продолжать прямаго пути черезъ Флоренцію въ Римъ. Во всѣхъ покоренныхъ имъ городахъ стало обнаруживаться волненіе противъ насильственнаго выжиманія у нихъ денегъ, а собраніе уполномоченныхъ отъ ломбардскихъ городовъ,

созванное въ Павіи, разошлось очень недовольное императоромъ. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Геную и остался въ ней съ октября до января. Огромныя обѣщанія, данныя Генрихомъ генуэзцамъ, только возстановили противъ него среднее и низшее сословія. Подобно флорентинцамъ, раздѣленнымъ на двѣ гвельфскія партіи, генуэзцы были также раздѣлены на двѣ враждебныя партіи гибеллиновъ. Императоръ старался и тутъ примирить соперничавшія партіи. Въ Генуѣ онъ приговорилъ Флоренцію къ строгому наказанію, и это сначало обрадовало генуэзцевъ, завидовавшихъ богатству и торговлѣ флорентинцевъ. Но они скоро убѣдились, что Флоренція столько же выиграла отъ союза съ недовольными ломбардскими городами и неаполитанскимъ королемъ Робертомъ, сколько Генуя проиграла черезъ дружбу съ Генрихомъ и невыгодное для ея торговли пребываніе въ городѣ германскаго императора. Посольство, отправленное къ Генриху въ Геную неаполитанскимъ королемъ, очевидно имѣло цѣлью только вывѣдать его дальнѣйшіе планы. Робертъ еще прежде послалъ въ Римъ своего брата Іоанна (называвшаго себя принцемъ ахайскимъ), чтобы предъявить свои права на званіе имперскаго намѣстника Романьи и Тосканы и съ оружіемъ въ рукахъ оспаривать у императора каждый шагъ. Посолъ его, какъ воръ, ускользнулъ изъ Генуи ночью, узнавъ, что Генрихъ заключилъ союзъ съ королемъ Сициліи Фридрихомъ и рѣшился дождаться въ Пизѣ прибытія изъ Германіи новаго, многочисленнаго войска. Изъ Генуи императоръ отправился моремъ въ Пизу и, не дождавшись вспомогательнаго войска, двинулся по пути въ Римъ.

Въ Римѣ, гдѣ братъ Роберта, Іоаннъ, и союзники его Орсини успѣли завладѣть почти всѣмъ городомъ, Генрихъ встрѣтилъ большее сопротивленіе, чѣмъ ожидалъ. Изъ одного сочиненія епископа ботронтскаго, отправленнаго императоромъ въ Римъ для предварительныхъ переговоровъ, можно видѣть, какъ потѣшались итальянцы и французы надъ простодушіемъ нѣмцевъ, наивностью императора и надъ всѣми его итальянскими друзьями. Дѣйствительно,

Генрихъ долго думалъ, что Робертъ его другъ и дѣйствуетъ, какъ императорскій намѣстникъ, а Іоаннъ Ахайскій занялъ тибрскій мостъ, соборъ Петра и всѣ большія зданія, чтобы передать ихъ нѣмцамъ. Удивленіе его было очень велико, когда передъ самымъ вступленіемъ въ Римъ, его послу объявили войну. Въ маѣ 1312 г. Генрихъ вступилъ въ Римъ. Нѣмцы нашли мостъ не занятымъ, но лишь только вступили на него, какъ на нихъ посыпался градъ стрѣлъ изъ близьлежащей башни. Весь городъ обратился въ поле битвы; дома, башни, церкви, даже колоссальные остатки древности, какъ Колизей, обратились въ осаждаемыя и обороняемыя крѣпости. Кровопролитная борьба и связанное съ ней разореніе города длились нѣсколько недѣль. Генрихъ не могъ овладѣть соборомъ Петра, а присланные папою кардиналы, надѣясь дотянуть до тѣхъ поръ, пока нѣмцы будутъ вынуждены очистить города, отказывались короновать его въ другомъ мѣстѣ. Генрихъ старался возстановить народъ противъ Іоанна Ахайскаго и упрямыхъ кардиналовъ, но не могъ вытѣснить враговъ изъ собора. Поддержанный римлянами, онъ потребовалъ, чтобы кардиналы короновали его въ Латеранѣ, папскомъ приходѣ. При этомъ опять повторилось явленіе, встрѣчаемое во всѣ эпохи въ жизни и судебной процедурѣ германскаго народа. Ссылаясь на папское повелѣніе, кардиналы завели длиннѣйшія систематическія пренія по вопросу о мѣстѣ коронованія, разсмотрѣли его происхожденіе, права и древній порядокъ, справляясь съ законами Юстиніана и церковными уставами. Эти пренія, какъ вообще все, что дѣлалось въ тѣ времена, доказываютъ, весьма наглядно и ясно, что весь средневѣковый порядокъ основывался только на кулакѣ и надувательствѣ духовенства и что схоластическій педантизмъ лицъ, упражнявшихся въ законахъ, былъ такъ же великъ, какъ мерзости грубаго насилія и неурядицы. Рѣшившись покончить съ безконечною борьбою, разорявшею ихъ городъ, римляне взялись за оружіе. Они ворвались въ императорскій дворецъ, гдѣ находились всѣ кардиналы, и, вѣроятно, перебили бы ихъ, если

бы Генрихъ не успокоилъ раздраженной толпы, взявъ съ кардиналовъ формальное обѣщаніе короновать его 20 іюня въ Латеранѣ. Въ назначенный день коронованіе было наконецъ совершено. Послѣдовавшій за нимъ пиръ былъ разстроенъ приверженцами Іоанна и Орсини, бросавшими изъ сосѣднихъ домовъ каменья и стрѣлы въ пировавшихъ враговъ. Но эта шалость противной партіи не имѣла важныхъ послѣдствій. Къ несчастью, императоръ самъ связалъ себѣ руки при коронованіи и лишилъ себя возможности дѣйствовать въ пользу римской церкви такъ, какъ отъ него ожидали Римъ и лучшіе изъ итальянцевъ, и какъ возвѣщалъ Данте въ своихъ манифестахъ и поэмахъ. Вмѣсто того, чтобы вырвать церковь и папу изъ рукъ французовъ, возстановить старинный порядокъ церкви и снова перенести въ Римъ резиденцію папы и кардиналовъ, Генрихъ принялъ Климента подъ свое покровительство и объявилъ въ манифестѣ, что уйметъ оружіемъ всякую попытку, враждебную римскому двору. Этимъ неосторожнымъ объявленіемъ воспользовались впослѣдствіи, чисто по-римски, противъ его преемника, Людовика Баварскаго.

Только въ началѣ осени, когда уже всѣ сопровождавшіе его нѣмцы вернулись на родину, Генрихъ выступилъ изъ Рима. Онъ двинулся въ Тоскану противъ могущественной республики, расчитывая на поддержку озлобленныхъ флорентинскихъ изгнанниковъ. Расчетъ его оказался вѣренъ: враги Флоренціи стекались со всѣхъ сторонъ въ Ареццо, гдѣ императоръ былъ встрѣченъ съ восторгомъ господствовавшими тамъ гибеллинами. Личный характеръ Генриха очевидно внушалъ такое же уваженіе итальянцамъ, какъ и нѣмцамъ, и удерживалъ многихъ отъ измѣны справедливому дѣлу, защитникомъ котораго онъ являлся. Не упусти онъ вторично удобной минуты, ему удалось бы — это утверждаютъ и Данте, и флорентинскій историкъ Виллани—застать флорентинцевъ врасплохъ. Союзники Флоренціи не успѣли еще подоспѣть на помощь городу, а знатнѣйшіе изъ гражданъ находились въ замкѣ Анчизѣ. Но Генрихъ опоздалъ восемью днями и, подступя къ Флоренціи,

встрѣтилъ сильный отпоръ. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о численности гвельфскихъ войскъ, собравшихся тогда во Флоренцію, можно составить приблизительное понятіе объ отношеніи силъ отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ къ имперскому войску. Лукка и Сіена отправили каждая 600 всадниковъ и 2,000 пѣшихъ воиновъ, Болонья 400 всадниковъ и 1,000 пѣшихъ, Пистоія 100 всадниковъ и 500 пѣшихъ, Равенна, Римини, Фаенца и Чезена каждая 300 всадниковъ и 1,500 пѣшихъ и т. д. Такимъ образомъ Флоренція могла выставить 4,000 всадниковъ и многочисленную пѣхоту противъ императорскаго войска, состоявшаго изъ 800 нѣмецкихъ и 1,000 итальянскихъ рыцарей. Заболѣвъ по прибытіи къ Флоренціи опасною болѣзнью, Генрихъ не терялъ однако мужества. Вынужденный господствовавшими въ войскѣ болѣзнями и лишеніями снять въ октябрѣ осаду, онъ вскорѣ опять возобновилъ ее. Но овладѣть городомъ не было возможности. Весною 1313 г. Генрихъ заключилъ въ Пизѣ союзъ съ королемъ Сициліи Фридрихомъ, отъ котораго еще прежде получилъ большія деньги для изгнанія французовъ изъ Неаполя. Въ Пизѣ онъ опять разыгралъ комедію формальнаго суда надъ неаполитанскимъ королемъ и флорентинцами, приговоривъ ихъ, какъ измѣнниковъ и виновныхъ въ оскорбленіи величества, къ строжайшимъ наказаніямъ. Подобный образъ дѣйствія былъ совершенно въ духѣ того времени и сопровождался утонченной казуистикой, формальностями, страшными прокламаціями и новыми постановленіями. Эти постановленія, дополняя законодательство Юстиніана, вытѣснившее, вмѣстѣ съ каноническимъ правомъ, древніе, народные обычаи, служатъ поэтому предметомъ удивленія и похвалъ новѣйшихъ писателей, такъ называемой, исторической школы. Генрихъ очень хорошо понималъ, что всѣ эти церемоніи и узаконенія не имѣютъ никакого смысла безъ выразительнаго подтвержденія кулакомъ. Въ августѣ онъ съ значительнымъ войскомъ выступилъ изъ Пизы противъ короля Роберта, а союзники его, пизанцы, генуезцы и король Сициліи, снарядили флотъ. Войско императора состояло изъ 2,500 нѣмец-

кихъ и 1,500 итальянскихъ всадниковъ, слѣдовательно изъ смѣшанной толпы, не находившейся въ полной его зависимости. Легко представить себѣ, какъ трудно было поддерживать въ такомъ войскѣ дисциплину. Вообще, при болѣе глубокомъ анализѣ всѣхъ отношеній и обстоятельствъ, многое изъ того, что передано о Генрихѣ и его итальянскомъ походѣ, представится въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ оно выставлено у историковъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ императора итальянскихъ историковъ обвиняетъ его въ упрямствѣ и дурной привычкѣ дѣлать всегда по своему; но, при внимательномъ изслѣдованіи, легко убѣдиться, что эти свойства заслуживаютъ лучшаго названія. Впрочемъ, тотъ же историкъ говоритъ и о благородныхъ качествахъ Генриха, указывая на нихъ не только краснорѣчивыми фразами, но и приводя въ доказательство факты. Такъ онъ разсказываетъ, что, принудивъ однажды къ безусловной сдачѣ за́мокъ, гдѣ заперлись многія изъ знатнѣйшихъ флорентинокъ и ихъ дѣтей, императоръ, пренебрегая выгодою, которую можно было извлечь изъ этого обстоятельства, отпустилъ плѣнницъ подъ охраною надежныхъ людей.

Новый походъ, предпринятый съ цѣлью привести въ исполненіе приговоръ, произнесенный надъ Робертомъ въ Пизѣ, поссорилъ Генриха съ Климентомъ, считавшимся верховнымъ леннымъ повелителемъ Неаполя. До этихъ поръ императоръ дѣйствовалъ очень осторожно относительно папы, нуждаясь въ немъ для своихъ цѣлей въ Италіи. Поссорясь съ нимъ, онъ слѣдовалъ принципамъ, развитымъ Данте въ его книгѣ о монархіи (т. VIII. стр. 101), и опирался на новую, педантическую теорію права, оказавшую ему въ этомъ случаѣ большую пользу. Еще во время пребыванія германцевъ въ Римѣ, Климентъ держалъ сторону Роберта, а впослѣдствіи старался всѣми силами препятствовать сначала приговору надъ неаполитанскимъ королемъ, а потомъ его исполненію. Генрихъ обратился тогда къ законовѣдамъ, проповѣдывавшимъ съ итальянскихъ каѳедръ о непогрѣшимости законодательства Юстиніана, противопоставляя его непогрѣшимости папы. Видя, что

Генрихъ не поддается обычнымъ уловкамъ римскаго двора, Климентъ формально запретилъ, подъ страхомъ отлученія, походъ въ Неаполь. Эти угрозы не остановили императора, отвѣтившаго Клименту, что если Богъ за него, то ему не страшны ни папа, ни то, что онъ называетъ церковью. Но судьба опять благопріятствовала болѣе папѣ и іерархіи, чѣмъ императору и монархіи. Когда войско и флотъ были готовы выступить въ походъ и Генрихъ перешелъ уже Сіену, смерть похитила императора въ цвѣтѣ лѣтъ. Его здоровая организація вынесла смертельную болѣзнь при осадѣ Флоренціи, но неосторожность и изнурительный походъ при самыхъ сильныхъ жарахъ, въ мѣстахъ, зараженныхъ болотными испареніями, свели Генриха въ могилу. Онъ умеръ въ Буонконвенто въ 1313 г., выпивъ холодной воды послѣ утомительнаго перехода. Всѣ эти обстоятельства достаточно объясняютъ его внезапную смерть; потому мы не хотимъ безъ доказательствъ обвинять въ ней папу и его вѣрную милицію — доминиканцевъ, этихъ средневѣковыхъ іезуитовъ. Современники говорили, что Генриха отравилъ причастіемъ доминиканскій монахъ.

3. Война Людовика Баварскаго съ Фридрихомъ Австрійскимъ за императорскій престолъ до битвы при Мюльдорфѣ.

Смерть Генриха VII внезапно разрушила надежды всѣхъ истинныхъ патріотовъ въ Италіи. Къ нимъ мы прежде всего причисляемъ философа и поэта Данте, противопоставлявшаго идею монархіи при двухъ руководящихъ принципахъ, свѣтскомъ и духовномъ, анархіи владычества рыцарей и духовенства. Поэтъ пророчилъ, что еще въ его время изъ среды сѣверо-итальянскихъ гибеллиновъ явится герой, который возстановитъ сильною рукою законъ и правосудіе въ свѣтскихъ дѣлахъ, возвратитъ христіан-

ству утраченное имъ значеніе, а папѣ—нравственную силу, и положитъ предѣлъ хищничеству корыстолюбивыхъ бароновъ и богохульственному торгу святынею алчныхъ монаховъ. Къ несчастью, пророчество Данте не сбылось. Лишь только Климентъ узналъ о смерти Генриха, какъ не только освободилъ Роберта отъ послѣдствій приговора, но и передалъ ему — гвельфу, французу и папскому вассалу—императорскія права. Онъ назначилъ неаполитанскаго короля имперскимъ намѣстникомъ въ Италіи; а въ своей буллѣ съ наглостью присвоивалъ себѣ, на время междуцарствія, свѣтскую императорскую власть. Послѣдовавшая вскорѣ (1314 г.) смерть Климента и двухлѣтніе споры объ избраніи ему преемника представляли императору возможность уничтожить всѣ папскія притязанія. Но императорская корона была еще долго яблокомъ раздора.

Передъ описаніемъ спора за наслѣдіе Генриха въ Германіи, необходимо ознакомиться съ положеніемъ баварскаго и австрійскаго герцогствъ, между которыми собственно и шла борьба. Исторія этихъ герцогствъ ясно доказываетъ, какъ было гибельно для Германіи наслѣдственное владѣніе княжествами, въ силу котораго земля, люди и правительственная власть считались собственностью одной фамиліи и, на основаніи этого понятія, дѣлились между потомствомъ перваго владѣльца. Этотъ злополучный обычай и соединенное съ нимъ раздробленіе герцогствъ затрудняютъ изученіе внутренней жизни нѣмецкаго народа. При безпрестанныхъ раздѣлахъ и возникновеніи множества мелкихъ государствъ и княжескихъ домовъ, общее обозрѣніе событій отъ XII до XVI столѣтій становится необыкновенно труднымъ, тѣмъ болѣе, что не рѣдко родные и двоюродные братья княжили вмѣстѣ или мѣнялись владѣніями.

Въ Австріи пять сыновей императора Альбрехта владѣли наслѣдственными землями сообща (т. VIII. стр. 98). Три младшихъ были еще слишкомъ молоды для того, чтобы принимать личное участіе въ управленіи въ такое время, когда правителю была

необходима крѣпость мышцъ; потому старшіе управляли именемъ всѣхъ братьевъ: Фридрихъ Красивый — собственной Австріей, а Леопольдъ I — владѣніями ихъ дома въ Эльзасѣ, Швабіи и Швейцаріи. Оба герцога славились храбростью, оба старались подчинить себѣ слабыхъ сосѣдей — Фридрихъ несовершеннолѣтнихъ, баварскихъ герцоговъ, Леопольдъ первобытные швейцарскіе кантоны — и оба потерпѣли неудачу въ своихъ предпріятіяхъ. Баварское герцогство, сдѣлавшееся, съ присоединеніемъ рейнскаго Палатината или нижняго Пфальца, самымъ обширнымъ изъ германскихъ княжествъ, раздѣлилось по смерти Оттона Сіятельнаго (1253 г.) на Нижнюю и Верхнюю Баварію. Первая досталась вмѣстѣ съ Пфальцомъ Людовику Строгому, вторая — его брату Генриху (т. VII. стр. 384). По смерти обоихъ братьевъ обѣ части были вновь раздѣлены. Сыновья Людовика Строгаго, Рудольфъ и младшій его братъ, впослѣдствіи германскій императоръ, Людовикъ Баварскій, управляли, среди постоянныхъ войнъ, Верхней Баваріей то врозь, то сообща, но всегда такъ, что Рудольфъ, съ званіемъ курфирста владѣлъ большею частью Палатината. Баварцы страшно страдали отъ этихъ нескончаемыхъ междоусобій; при этомъ всѣхъ болѣе звѣрства выказалъ Людовикъ, съ дикою радостью истреблявшій огнемъ и мечомъ своихъ подданныхъ. Онъ значительно расширилъ свои владѣнія въ Нижней Баваріи, въ ущербъ своимъ двоюроднымъ братьямъ и родственникамъ, находившимся подъ его опекою, тогда какъ легкомысленный Рудольфъ продалъ многія изъ своихъ наслѣдственныхъ земель. Въ Нижней Баваріи герцогу Генриху наслѣдовали три сына. Средній умеръ въ молодости, не оставивъ наслѣдниковъ; старшій, Оттонъ Венгерскій (т. VII. стр. 412), оставилъ сына, умершаго вслѣдъ за отцомъ, а младшій, Стефанъ, двухъ сыновей, Генриха и Іоанна. Оттонъ и Стефанъ умерли одинъ вслѣдъ за другимъ, оставивъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Опасаясь могущественнаго сосѣда, Фридриха Австрійскаго, Оттонъ завѣщалъ опеку надъ сыномъ и обоими племянниками,

вмѣстѣ съ управленіемъ страною, сильнѣйшему изъ родственниковъ, Людовику Верхнебаварскому. Защиту правъ трехъ принцевъ онъ сверхъ того поручилъ городамъ Штраубингу и Ландсгуту, заинтересованнымъ въ сохраненіи спокойствія и порядка въ странѣ (1312 г.). Это распоряженіе очень не нравилось хищному нижнебаварскому рыцарству, желавшему прибрать къ своимъ рукамъ опеку надъ принцами, вмѣсто того, чтобы предоставлять ее ненавистнымъ городамъ и страшному для нихъ Людовику. Оно отвергнуло духовное завѣщаніе Оттона, назначило опекуномъ Фридриха Австрійскаго, и подъ его предводительствомъ взялось за оружіе. Во главѣ верхнебаварскаго рыцарства и городовъ, Людовикъ разбилъ на голову нижнебаварцевъ при Гамельсдорфѣ (въ ноябрѣ 1313 г.). Эта побѣда снова поссорила Людовика съ его братомъ Рудольфомъ, тайно поддерживавшимъ австрійцевъ. Но съ другой стороны она заставила признать Людовика опекуномъ и правителемъ Нижней Баваріи, вскорѣ, на неопредѣленное время, присоединенной имъ къ своимъ владѣніямъ, и открыла ему путь къ императорскому престолу. Незадолго передъ тѣмъ умеръ Генрихъ VII. Сынъ его, Іоаннъ Чешскій, братъ Бальдуинъ Трирскій, и другъ ихъ дома, Петръ Айхшпальтеръ, стали искать, кого бы противопоставить Фридриху Австрійскому, потому что, добиваясь императорской короны, Фридрихъ заключилъ тѣсный союзъ съ изгнаннымъ чешскимъ королемъ Генрихомъ Каринтійскимъ (т. VIII. стр. 102), изъявляя вмѣстѣ съ тѣмъ притязанія и на Богемію. Іоаннъ, Бальдуинъ и Петръ обратили взоры на воинственнаго и предпріимчиваго Людовика, сдѣлавшагося, послѣ гамельсдорфской битвы и соединенія Нижней и Верхней Баваріи, однимъ изъ сильнѣйшихъ германскихъ князей, и обѣщали возвести его на императорскій престолъ. Людовикъ, искавшій, по обычаю рыцарей, величія въ обширныхъ владѣніяхъ и внѣшнемъ блескѣ, съ жадностью принялъ ихъ предложеніе. За обѣщанную ими поддержку онъ заранѣе долженъ былъ обѣщать тремъ курфирстамъ земли и права въ имперіи, еще не принадлежавшей ему.

19 октября 1314 г., въ день, назначенный для избранія императора, явились во Франкфуртъ оба претендента и всѣ курфирсты, кромѣ архіепископа кёльнскаго, передавшаго свой голосъ курфирсту пфальцскому. Въ числѣ избирателей находились также Генрихъ Каринтійскій, претендовавшій на право голоса за Богемію, Рудольфъ Саксенъ-виттенбергскій и Іоаннъ Саксенъ-лауэнбургскій, оспаривавшіе другъ у друга право голоса за Саксонію. Генрихъ Каринтійскій, Рудольфъ Саксенъ-виттенбергскій и братъ Людовика, Рудольфъ Пфальцскій, поддерживавшіе Фридриха Австрійскаго, расположились вмѣстѣ съ нимъ на лѣвомъ берегу Майна. Приверженцы Людовика Баварскаго, Бальдуинъ Трирскій, Петръ Айхшпальтеръ, Вальдемаръ Великій, маркграфъ бранденбургскій и Іоаннъ герцогъ саксен-лауэнбургскій заняли поле въ предмѣстіи Франкфурта, на которомъ должно было происходить избраніе. На слѣдующій день обѣ стороны выбрали своихъ кандидатовъ. Большинство оказалось за Людовика. Изъ князей, избравшихъ Фридриха Красиваго, Генрихъ Каринтійскій не имѣлъ собственно права голоса. Тотчасъ послѣ выборовъ, Людовикъ былъ торжественно провозглашенъ императоромъ во Франкфуртѣ и поспѣшилъ короноваться въ Ахенѣ.

Но споръ между обоими противниками и ихъ приверженцами могъ рѣшить только мечъ, и междоусобная война сдѣлалась неизбѣжной. Германія снова стала жертвою анархіи, продолжавшейся до самой смерти Людовика, т. е. тридцать три года. Исторія этой войны показываетъ, между прочимъ, что въ XIV столѣтіи рыцарство, вслѣдствіе многихъ причинъ, утратило свое прежнее могущество, а города, напротивъ, пріобрѣли новое значеніе. Большинство городовъ смотрѣло на Людовика—и не безъ основанія—какъ на своего защитника отъ духовенства, хищныхъ рыцарей и владѣтельныхъ князей; на Фридриха же, какъ на представителя дворянства. Это доказалъ въ войнѣ съ швейцарскими кантонами (1315 г.) братъ Фридриха, Леопольдъ, бывшій душою австрійской партіи. Кантоны признали императоромъ Людовика, принявъ

шаго ихъ подъ свою защиту противъ австрійцевъ. Фридрихъ наложилъ на нихъ опалу, велѣлъ двумъ прелатамъ отлучить ихъ отъ церкви и рѣшился силою подчинить себѣ гордыхъ пастуховъ и крестьянъ. Въ этомъ ему съ радостью готово было помогать рыцарство южной Швабіи, снова поссорившееся съ швейцарцами. Огромному войску рыцарей, подъ предводительствомъ Леопольда, швейцарцы могли противопоставить только 1,300 человѣкъ. Рыцари вѣроятно остались бы побѣдителями, если бы приняли въ соображеніе мѣстныя условія, а не явились вооруженными, какъ на турниръ, въ страну, гдѣ едва можно было употреблять вьючныхъ лошадей. Они хотѣли вторгнуться въ древніе кантоны черезъ Моргартенское ущелье, а часть войска направилась къ непроходимому для тяжелой конницы Брюнигскому проходу, чтобы напасть на непріятеля съ тыла. Швейцарцы перебили ихъ при Моргартенѣ, скатывая съ высотъ обломки скалъ и ворвавшись съ бердышами и дубинами въ средину неповоротливой, тяжеловооруженной конницы, для которой отступленіе было отрѣзано близъ лежавшимъ Эгерійскимъ озеромъ. Въ нѣсколько часовъ рыцари потерпѣли страшное, рѣшительное пораженіе, навсегда упрочившее славу швейцарской пѣхоты (ноябрь 1315 г.). Впрочемъ, особенно гибельно для австрійскихъ герцоговъ было не столько самое пораженіе, сколько его послѣдствія. Вскорѣ послѣ моргартенской побѣды, древніе кантоны привлекли въ демократическій союзъ своихъ сосѣдей, бывшихъ до тѣхъ поръ друзьями Австріи, а слѣдующей весной, Людовикъ Баварскій подтвердилъ за кантонами ихъ старинныя льготы и права, предалъ опалѣ австрійскихъ герцоговъ и конфисковалъ въ пользу имперіи ихъ швейцарскія владѣнія.

Война за императорскій престолъ, состоявшая почти исключительно въ разбояхъ, пожарахъ и опустошеніяхъ, длилась нѣсколько лѣтъ безъ всякаго рѣшительнаго перевѣса для какой нибудь изъ партій. Страшно гибельная для сельскаго населенія, она была въ высшей степени полезна для воинственной части націи, то есть

для рыцарства и средняго класса городскаго населенія. Леопольдъ, Людовикъ и ихъ друзья занимались войною какъ охотою и смотрѣли на нее какъ на развлеченіе, щеголяя другъ передъ другомъ звѣрствомъ и великодушіемъ. Но, осаждая города, пріучавшіеся давать имъ отпоръ, они пробуждали въ гражданахъ сознаніе собственной силы. Помощь державшихъ ихъ сторону князей, являвшихся на выручку, недостатокъ денегъ, не позволявшій рыцарямъ долго осаждать одинъ городъ, и организація городской милиціи давали городамъ возможность противодѣйствовать рыцарскимъ войскамъ. Послѣ тяжелаго пораженія, нанесеннаго швабскому дворянству швейцарцами, австрійскіе герцоги занялись формированіемъ новаго войска. Этимъ временемъ воспользовался Людовикъ, чтобы избавиться отъ брата и присвоить себѣ его земли. Болѣе энергическій и способный, онъ принудилъ слабаго и вялаго Рудольфа заключить съ нимъ договоръ, по которому онъ отдавалъ ему, до окончанія войны съ Австріей, всѣ свои владѣнія (1317 г.). Этотъ договоръ, заключенный въ Мюнхенѣ, дѣлалъ Людовика владѣтелемъ всего древняго баварскаго герцогства. Рудольфъ удалился въ Австрію, гдѣ и умеръ въ 1319 г.

Между тѣмъ австрійскіе герцоги формировали новое войско и, черезъ два года по заключеніи мюнхенскаго договора, война возобновилась съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Фридрихъ вторгнулся въ Баварію, Леопольдъ двинулся съ огромными силами въ прирейнскія земли. Во всѣхъ отношеніяхъ самый опасный изъ враговъ Людовика, Леопольдъ, собралъ въ верхнерейнскихъ странахъ такое огромное войско, что свидѣтельства лѣтописей о числительности его показались бы невѣроятнымъ, если бы не подтверждались оффиціальными документами. Приступая къ осадѣ Шпейера, онъ имѣлъ подъ начальствомъ войска 91 владѣтеля и 60 городовъ. Не смотря на эти страшныя силы, Шпейеръ устоялъ противъ осады, длившейся около года. Одинъ этотъ примѣръ доказываетъ, какими средствами располагали нѣкоторые города, какою защитою служили имъ стѣны и какъ велико было мужество гражданъ въ тѣ

времена, когда война, хотя и считалась ремесломъ и удовольствіемъ, велась безъ всякихъ научныхъ пріемовъ.

Нападеніе Леопольда на Баварію со стороны Швабіи и Форальберга (1322 г.) грозило Людовику серьозной опасностью. Но Фридриху вдругъ пришла безразсудная мысль покончить борьбу одимъ ударомъ, не соединившись предварительно съ братомъ. Сосредоточивъ все свое войско, состоявшее изъ австрійцевъ и венгровъ подъ своимъ начальствомъ, онъ выбралъ для нападенія на Баварію самое удобное для противника время. Людовику не задолго передъ тѣмъ удалось отдачею имперскихъ владѣній привлечь на свою сторону двухъ старшихъ членовъ люксембургскаго дома, остававшихся послѣдиее время нейтральными и относившихся къ нему скорѣе враждебно, чѣмъ дружелюбно. Архіепископу трирскому Бальдуину и его епископству Людовикъ даровалъ новыя привилегіи и права, а Іоанну Чешскому отдалъ имперскія земли, остававшіяся по смерти маркграфа бранденбургскаго, Вальдемара Великаго, и его племянника, Генриха Ландсбергскаго, добычею того, кто былъ сильнѣе или хитрѣе. Вальдемаръ и Генрихъ были послѣдними потомками ангальтскаго или асканскаго дома въ Бранденбургіи (т. VI. стр. 441). По пресѣченіи этого дома (1320 г.), владѣнія его были тотчасъ же разобраны по частямъ множествомъ претендентовъ, нуждавшихся въ императорскихъ дипломахъ для утвержденія своихъ захватовъ или сомнительныхъ правъ. Въ числѣ претендентовъ на наслѣдство находился и Іоаннъ Чешскій. Нуждаясь въ его помощи, Людовикъ даровалъ ему граматы на всѣ имперскія земли Лузаціи и на маркграфства Каменцъ и Бауценъ, принадлежавшія Вальдемару. Этимъ онъ привлекъ на свою сторону Іоанна и получилъ отъ него и Бальдуина вспомогательныя войска. Другимъ благопріятнымъ для Людовика обстоятельствомъ было то, что его противникъ не могъ вступить въ Баварію ранѣе конца лѣта. Его венгерскія и куманскія войска, а за одно съ ними и австрійцы, не прежде перешли границу, какъ натѣшившись грабежомъ и убійствами во владѣніяхъ своего предводителя. Такимъ

образомъ Людовикъ имѣлъ возможность сосредоточить свои силы и дождаться вспомогательныхъ войскъ Іоанна и Бальдуина. Леопольдъ, неизвѣстно почему, тоже медлилъ выступленіемъ изъ Эльзаса и Швабіи. Онъ появился у Леха, когда Фридрихъ уже стоялъ на Иннѣ, готовый начать бой съ баварцами. Но сообщеніе между братьями было отрѣзано и баварцы перехватывали ихъ пословъ.

28 сентября 1322 г. произошло рѣшительное сраженіе близъ Мюльдорфа и Ампфинга. Австрійскими войсками начальствовалъ самъ Фридрихъ и братъ его Генрихъ; лѣвымъ крыломъ баварцевъ — Іоаннъ Чешскій и его зять, молодой Генрихъ Нижнебаварскій, правымъ — бургграфъ нюрнбергскій Фридрихъ. Главное начальство надъ войскомъ Людовикъ передалъ одному мелкому дворянину изъ Нюрнберга, старику Зигфриду Швепперману, довѣряя ему болѣе, чѣмъ себѣ. Изучивъ въ совершенствѣ военное искусство, Швепперманъ не отличался изяществомъ одежды, утонченностью манеръ и тому подобными принадлежностями вельможъ. Тогдашняя баварская аристократія, точно такъ же, какъ и теперешняя, презирала всякія познанія и, ставя выше всего внѣшній лоскъ и роскошь, естественно не обращала ни малѣйшаго вниманія на человѣка, которому Баварія была обязана побѣдою. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ чести Людовикъ, что онъ, не смотря на насмѣшки надутыхъ дворянъ, предоставилъ старику полное начальство надъ войсками. Превосходныя распоряженія Швеппермана и безтолковыя, безпорядочныя дѣйствія австрійцевъ вполнѣ объясняютъ пораженія, нанесенныя презиравшему военное искусство рыцарству при Моргартенѣ и подъ стѣнами различныхъ городовъ. Побѣдѣ баварцевъ много способствовали также близость рѣки и патріотическое содѣйствіе фюрстенфельдскихъ монаховъ, отнявшихъ лошадей у двухъ гонцовъ Леопольда, который могъ бы подоспѣть на помощь брату; Иннъ препятствовалъ бѣгству разбитыхъ австрійцевъ, и большинство ихъ попалось въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими предводителями. Фридрихъ Красивый и его братъ Генрихъ были также захвачены баварцами. Генриха Людовикъ отдалъ

чешскому королю Іоанну, державшему его два мѣсяца закованнымъ въ одномъ изъ своихъ замковъ, чтобы стянуть съ него большой выкупъ. Фридрихъ былъ сначала отданъ заложникомъ регенсбургцамъ за занятыя у нихъ деньги, а потомъ отправленъ Людовикомъ въ замокъ Траусницъ, около Наббурга, гдѣ, какъ и въ Регенсбургѣ, съ нимъ обращались хорошо. Почти нестоило бы и упоминать о томъ, что одинъ гнусный баварскій монахъ, Фолькмаръ, разсказывая со всею низостью рабской души о современныхъ ему событіяхъ, говоритъ, что оба герцога съ воплями и слезами падали въ ноги Людовику, умоляя его пощадить ихъ жизнь. У того же монаха, старавшагося такъ подло льстить своему князю, хватило однако откровенности сознаться, что Людовикъ, боясь встрѣчи съ Леопольдомъ въ открытомъ полѣ, отступилъ къ Эттингену. Впрочемъ опасеніе было совершенно излишнее; Леопольдъ, узнавъ объ исходѣ сраженія, поспѣшилъ удалиться въ Швабію.

4. Италія и папы, отъ смерти Генриха VII до окончательнаго разрыва между Іоанномъ XXII и Людовикомъ Баварскимъ.

Во время борьбы за императорскій престолъ между итальянскими государствами были прерваны всякія сношенія; каждое государство, каждый городъ управлялись сами собою или находились подъ гнетомъ одного или нѣсколькихъ тиранновъ. Робертъ Неаполитанскій, владѣвшій, кромѣ Неаполя, Провансомъ и частью Пьемонта, хотя и считался, какъ глава гвельфовъ и хранитель правъ отсутствовавшаго папы, имперскимъ намѣстникомъ Рима, Тосканы и Ломбардіи, но ни онъ, ни папа не могли предупредить страшной неурядицы, господствовавшей во всей Италіи — въ то время самой богатой изъ европейскихъ странъ. Это анархическое

состояніе и безграничная свобода способствовали необыкновенному развитію и процвѣтанію торговли, промышленности, наукъ, искусства и поэзіи. Денежные обороты и торговля произведеніями всего Востока сосредоточивались исключительно въ рукахъ итальянцевъ; южные нѣмцы учились въ Миланѣ, Генуѣ, Венеціи и Брешіи торговымъ дѣламъ, выдѣлкѣ суконъ, зеркалъ, стекла, шелка и золотыхъ и серебряныхъ вещей. Желая возвысить Мюнхенъ и оказать особенную милость нюрнбергцамъ и аугсбургцамъ, Людовикъ Баварскій не нашелъ ничего лучшаго, какъ своимъ вліяніемъ доставить имъ бо́льшее участіе въ торговлѣ итальянцевъ. Флорентинцы были банкирами королей, князей и прелатовъ, торговали шелкомъ во всей Европѣ и находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ фламандцами, превзошедшими ихъ въ выдѣлкѣ суконъ. Мы не станемъ распространяться о процвѣтаніи въ Италіи поэзіи, прозы и изящныхъ искусствъ въ эти вѣка, столь же замѣчательные звѣрствомъ, жестокостью, войнами, измѣнами и тиранніей, какъ и свободой, энергіей, вдохновеніемъ, стремленіемъ къ справедливости и патріотизмомъ. Достаточно назвать имена Данте, Петрарки, Виллани и Боккаччіо и указать на произведенія зодчества — эти безсмертные памятники XIII и XIV столѣтій.

Въ Сициліи продолжалъ царствовать Фридрихъ II, не смотря на безпрестанныя нападенія могущественнаго сосѣда, не хотѣвшаго ни признавать его законнымъ владѣтелемъ острова, ни заключать съ нимъ мира. Сильный своимъ флотомъ и владѣя многими приморскими городами по сю сторону Мессинскаго пролива, сицилійскій король, по смерти Генриха, все-таки не могъ одинъ предпринять походъ въ Неаполь. Въ средней Италіи во главѣ двухъ враждебныхъ партій, раздѣлявшихъ весь полуостровъ, стояли Флоренція и Пиза. Пиза была вѣрной союзницей императора; Флоренція, — гдѣ еще не возвышалось, какъ въ ломбардскихъ городахъ, ни особой фамиліи, ни отдѣльнаго человѣка, мечтавшихъ о присвоеніи себѣ неограниченной власти, — совершенно отдѣлилась отъ имперіи и ея представителя.

Въ первое десятилѣтіе по смерти Генриха VII, фамилія Висконти положила основаніе монархической власти въ Миланѣ, самомъ могущественномъ и богатомъ изъ ломбардскихъ городовъ. Противникъ Гвидо делла Торре, Матвѣй Висконти, мастерски воспользовался обстоятельствами для утвержденія своей власти. Немногіе изъ основателей владѣтельныхъ династій, обязанные возвышеніемъ лести или скоро-проходящему демократическому упоенію и охраняемые потомъ наемною толпою солдатъ, полицейскихъ и шпіоновъ, были счастливѣе или ловче Матвѣя. Перехитривъ Гвидо делла Торре и проведя Генриха, Матвѣй возстановилъ свое вліяніе въ Миланѣ (т. VIII. стр. 110), продолжая выказывать необыкновенную преданность императору, которому былъ особенно полезенъ при осадѣ Брешіи. Въ награду за эти услуги Генрихъ назначилъ Матвѣя имперскимъ намѣстникомъ (1311 г.), званіе, которое онъ носилъ при императорахъ Адольфѣ и Альбрехтѣ. Чтобы подчинить себѣ Ломбардію и города, не хотѣвшіе ему повиноваться, онъ употребилъ орудіемъ своей политики Вернера фонъ Гомберга, оставленнаго императоромъ въ качествѣ генералъ-губернатора Ломбардіи. Рубака и грубый солдатъ, Вернеръ не имѣлъ ни о чемъ понятія, не умѣлъ обращаться съ итальянцами и былъ ненавидимъ въ Италіи. Матвѣй, смотря по обстоятельствамъ, относился къ нему то дружелюбно, то враждебно и такимъ способомъ достигъ того, чего не могъ добиться Вернеръ. Соединясь съ своимъ сыномъ, Галеаццо I, бывшимъ сначала императорскимъ намѣстникомъ въ Піаченцѣ, а потомъ заставившимъ гражданъ города избрать себя правителемъ, Матвѣй разбилъ гвельфовъ Лоди, Павіи и другихъ городовъ, взялъ въ плѣнъ Альберта Скотто, виновника его прежняго паденія (т. VII. стр. 361), и коварнымъ образомъ уничтожилъ однимъ ударомъ всѣхъ тайныхъ друзей фамиліи делла Торре. Заманивъ въ предмѣстья Милана вспомогательное войско, посланное Робертомъ Неаполитанскимъ, онъ истребилъ его и всѣхъ приверженцевъ фамиліи делла Торре, сбросившихъ маску и взявшихся за оружіе. Въ другихъ частяхъ Ломбардіи и даже въ Тосканѣ гибеллины также торжествовали надъ

гвельфами и ихъ главою, Робертомъ. Владѣтель Вероны, Канъ делла Скала (т. VII. стр. 357), отнялъ у падуанцевъ Виченцу. Изгнанная изъ Лукки гибеллинская фамилія Интерминелли вернулась туда въ 1314 г. съ помощью пизанцевъ; флорентинцы, поддерживаемые Робертомъ, сдѣлали нападеніе на городъ, но были совершенно разбиты. Одинъ изъ членовъ этого дома, начавшій свою карьеру, какъ многіе итальянскіе и нѣмецкіе рыцари, грабежами на большой дорогѣ, а потомъ прославившійся въ службѣ Людовика, Каструччіо Кастракани, — его обезсмертилъ Маккіавелли, выставивъ за образецъ истиннаго итальянскаго патріота, — захватилъ власть въ Луккѣ и лучше чѣмъ кто нибудь умѣлъ поддерживать ее военной силой. Мантуя и Модена тоже повиновались въ то время гибеллинамъ, и Матвѣй, изгнавъ изъ гвельфскихъ пьемонтскихъ городовъ намѣстника Роберта, занялъ Павію, Комо, Бергамо и Алессандрію.

Въ то самое время, какъ въ верхней Италіи гибеллины почти всюду одерживали верхъ надъ гвельфскою, французскою и папскою партіями, окончился споръ, возникшій изъ-за Феррары, между Римомъ и Венеціанскою республикою (т. VIII. стр. 107). Эта борьба замѣчательна тѣмъ, что можетъ служить примѣромъ, какъ пользовались папы присвоенной ими свѣтской властью и какъ торговая и богатая республика, не довѣряя, подобно добродушнымъ нѣмцамъ, трогательнымъ рѣчамъ и пышной внѣшности, противопоставляла силу и благоразуміе притязаніямъ и хитрости римскаго двора. Мы считаемъ тѣмъ болѣе полезнымъ подтвердить нашу мысль фактами, что кропотливые, мечтательные ученые, ломая себѣ голову надъ пергаментами и постановленіями, рѣчами и письмами монаховъ, поэтическими произведеніями, судебными процессами и всей декораціонной обстановкой того времени, до сихъ поръ создаютъ какіе-то идеальные, романтическіе и теоретическіе средніе вѣка, никогда не существовавшіе въ дѣйствительности. Еще съ конца XIII столѣтія римскій дворъ пробовалъ обращаться съ Венеціей такъ же, какъ съ другими государствами, но

венеціанцы всегда давали ему сильный отпоръ. Аристократическое правительство всегда дѣйствовало согласно, когда дѣло касалось торговли, денегъ и политическаго значенія республики; тогда какъ въ остальной Европѣ странное смѣшеніе права, насилія и религіи и взаимное противодѣйствіе гражданскихъ, рыцарскихъ, клерикальныхъ и монархическихъ интересовъ мѣшали единодушнымъ дѣйствіямъ. Въ 1285 г. папа Мартинъ IV прогремѣлъ проклятіемъ надъ республикой, отказавшейся поддерживать его любимца Карла II (т. VII. стр. 309). Видя, что громы церкви не потрясаютъ твердой республики, мудрый римскій дворъ, подъ благовидимымъ предлогомъ, который онъ всегда умѣлъ отыскивать, когда того требовали обстоятельства, — отступился отъ своихъ требованій и снялъ отлученіе. Черезъ двадцать четыре года, при вновь возникшемъ спорѣ за владѣніе Феррарой, Климентъ V снова отлучилъ отъ церкви республику, подвергнувъ отлученію не только ея правительство, но и весь народъ до послѣдняго нищаго. На этотъ разъ папскій гнѣвъ излился въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, постыдныхъ даже для свѣтскаго властителя, не говоря уже о главѣ церкви и представителѣ духовнаго міра. Климентъ велѣлъ прекратить въ республикѣ отправленіе богослуженія, объявилъ всѣ распоряженія правительства и судовъ недѣйствительными, а должностныхъ лицъ безчестными и стоящими внѣ законовъ; дозволилъ всякому обращать венеціанцевъ въ рабовъ, захватывать ихъ товары, прибавляя, что, относительно ихъ, убійство и грабежъ не только законны, но составляютъ заслугу. Своими постановленіями онъ преслѣдовалъ венеціанскихъ купцовъ и ихъ товары до самой Арменіи, а папская милиція, — монахи всѣхъ цвѣтовъ и покроевъ — необыкновенно дѣятельно шныряла по востоку, развозя его посланія. На этотъ разъ расчетъ Климента оказался вѣренъ: корысть и зависть генуезцевъ, пизанцевъ и другихъ соперниковъ Венеціи придали его проклятію необыкновенную силу; а всякій разбойникъ радовался, что глава церкви объявлялъ его ремесло не только дозволеннымъ, но и похвальнымъ. Не смотря на все это, венеціанскій

сенатъ нѣсколько лѣтъ держалъ себя съ достоинствомъ и никогда не уступилъ бы, еслибы народъ, видя повсюду подрывъ своей торговли и не находя нигдѣ личной безопасности, настоятельно не потребовалъ примиренія съ папою. Венеціанцы предложили папѣ вступить въ переговоры, и Климентъ, обрадованный успѣхомъ своей дерзости, согласился въ 1313 г. снять съ нихъ отлученіе за 100 тысячъ золотыхъ флориновъ (что составитъ, по тогдашней относительной цѣнности денегъ, приблизительно 6 милліоновъ руб. сер.). Эти деньги перешли въ Авиньонъ къ алчнымъ французамъ. Вскорѣ туда же была отправлена другая, еще болѣе значительная сумма, собранная папскими легатами въ Италіи, служившей въ то время такимъ же золотымъ дномъ французскимъ папамъ, какъ Германія и Голландія въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскимъ маршаламъ. Впрочемъ, эти деньги не дошли по назначенію. Ими овладѣли нѣсколько гибеллинскихъ князей, убивъ въ моденскихъ владѣніяхъ сопровождавшаго ихъ маркграфа анконскаго, родственника папы, и сорокъ его рыцарей. Въ этомъ случаѣ папа поступилъ точно такъ же, какъ въ спорѣ съ Венеціей: онъ отлучилъ отъ церкви не только разбойниковъ, но и все населеніе Модены, заставивъ безвинныхъ гражданъ страдать за преступленіе нѣсколькихъ рыцарей.

По смерти Климента V, избраніе новаго папы длилось цѣлыхъ два года. Итальянскіе кардиналы, не смотря на то, что двое родственниковъ умершаго папы подожгли ихъ дома и едва не умертвили ихъ самихъ, рѣшительно отказывались подать голоса въ пользу французскихъ епископовъ. Заманенные въ Ліонъ однимъ французскимъ принцемъ, гарантировавшимъ имъ полную безопасность, кардиналы были заперты и вынуждены согласиться на предложеніе Наполеона Орсини избрать минорита Іакова Кагорскаго, креатуру и канцлера царствовавшей въ Неаполѣ французской династіи (7 августа 1316 г.). Французъ по рожденію, столько же скупой и алчный, сколько свѣдущій въ каноническомъ правѣ и богословіи, новый папа, Іоаннъ XXII, съ самаго начала выказалъ слѣпое повиновеніе

Франціи и неаполитанскому королю. Первыми его дѣйствіями были: назначеніе Роберта римскимъ сенаторомъ или представителемъ императора въ Римѣ (т. VII. стр. 284) и изданіе нѣкоторыхъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью упрочить за церковью, т. е. за гвельфами и французами, владычество надъ Италіей. Іоаннъ объявилъ уничтоженнымъ приговоръ императора надъ Робертомъ и требовалъ отъ нѣмцевъ и испанцевъ подчиненія дерзкимъ постановленіямъ и учрежденіямъ его предшественника, или такъ называемымъ климентинамъ. Другіе народы соединились съ своими государями противъ папы и противопоставили происками духовныхъ гордость рыцарей и городовъ. Основнымъ положеніемъ этихъ постановленій, вошедшихъ впослѣдствіи въ римское каноническое право или іерархическое законоположеніе, было присвоеніе папамъ, на время междуцарствія, всей свѣтской императорской власти. По климентинамъ присяга, даваемая императоромъ при коронованіи его папою, была присягою въ вѣрности, вассальною присягою. Преемникъ божественнаго миротворца, которому сатана напрасно предлагалъ земныя блаженства и блескъ, вмѣсто труда, лишеній и страданій, присвоивалъ себѣ верховную власть надъ Германіею и ея свѣтскими правителями, чтобы произвольно распоряжаться ею вмѣстѣ съ своими французскими и итальянскими кардиналами. Этого не могли вынести даже такіе набожные смиренники, какъ нѣмцы. Возникъ споръ, длившійся, какъ мы увидимъ, почти полстолѣтія, споръ, который даже рабъ папы, императоръ Карлъ IV, старался, изданіемъ основнаго государственнаго закона, покончить такимъ образомъ, чтобы папскія притязанія были по крайней мѣрѣ отклонены, если уже не совершенно отвергнуты.

Въ силу основнаго положенія, передававшаго папѣ, по смерти императора, свѣтскую власть, Іоаннъ велѣлъ лицамъ, получившимъ отъ Генриха VII какую нибудь власть, сложить ее, угрожая отлученіемъ тѣмъ, которые останутся при своихъ должностяхъ безъ папскаго утвержденія. Объявивъ о своемъ вступленіи на папскій престолъ обоимъ императорамъ и назвавъ ихъ только рим-

скими королями, чтобы потомъ избрать того, кто выкажетъ ему болѣе униженія, онъ отослалъ обратно присланныхъ ими пословъ. Почти въ то же время Іоаннъ сдѣлалъ строгій оффиціальный выговоръ французскому королю за то, что онъ разговариваетъ въ церкви и безъ благоговѣнія слушаетъ обѣдню. Каковъ же долженъ былъ быть гнѣвъ этого дерзкаго папы, считавшаго себя въ правѣ обращаться такъ съ королями и князьями, когда онъ увидѣлъ, что итальянскіе гибеллины не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на всѣ его повелѣнія, посланія и проклятія! Не желая защитою правъ германской имперіи подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ папскаго раздраженія, Матвѣй Висконти сложилъ, согласно повелѣнію папы, званіе имперскаго намѣстника. Но, не спрашивая согласія Іоанна, онъ провозгласилъ себя властителемъ Милана и, соединившись съ другими князьями противъ неаполитанскаго короля, отправилъ значительную помощь гибеллинамъ, изгнаннымъ изъ Генуи своими согражданами гвельфами, передавшими Роберту верховную власть надъ городомъ. Возвѣстивъ крестовый походъ, Іоаннъ собралъ значительное войско и отправилъ его въ Миланъ подъ начальствомъ французскаго принца, впослѣдствіи короля Филиппа VI, назначеннаго имъ намѣстникомъ вмѣстѣ съ Робертомъ. Филиппъ, вѣроятно подкупленный, очень скоро вернулся во Францію, въ то время, какъ сицилійскій король, Фридрихъ, появился съ флотомъ передъ Генуей, чтобы помочь осаждавшимъ ее гибеллинамъ. Тогда Іоаннъ разразился противъ Матвѣя Висконти такимъ же грознымъ проклятіемъ, какому Климентъ V предалъ Венецію. Вся фамилія и подданные Висконти были объявлены еретиками и, подобно сарацинамъ, отдавались, вмѣстѣ съ имуществами, въ собственность всякому желающему. Понимая очень хорошо, какъ смѣшонъ подобный приговоръ безъ подтвержденія его вооруженной силой, Іоаннъ обратился къ наемникамъ и передалъ начальство надъ папскимъ войскомъ Раймунду ди Кардона, пріобрѣвшему извѣстность въ службѣ Роберта. Съ своей стороны гвельфы наняли за 100 тысячъ флориновъ брата Фридриха Красиваго, который привелъ къ

нимъ двѣ тысячи рыцарей. Но и онъ скоро вернулся въ Германію, призванный братомъ для войны съ Людовикомъ, а гибеллины ускорили его отъѣздъ, подаривъ ему 60 тысячъ флориновъ.

Вслѣдъ затѣмъ (іюнь 1322 г.) умеръ Висконти, и, что удивительно въ такомъ человѣкѣ, умеръ, мучась папскимъ проклятіемъ. Правительственная власть надъ Миланомъ перешла къ его старшему сыну, Галеаццо I. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Галеаццо принужденъ былъ бѣжать изъ города, потому ли что миланцы хотѣли во чтобы то ни стало избавиться отъ папскаго проклятія, или же потому, что жители сманили находящихся въ его службѣ наемниковъ. Раймундъ и папскій кардиналъ-легатъ, Бертранъ ди Поджетто, вступили въ Миланъ и возстановили республику. Въ томъ же году миланцы снова призвали Галеаццо, находя монархическое правленіе сноснѣе папско-республиканскаго. Соединивъ всѣ свои силы и призвавъ Роберта, только что занявшаго Геную, папа и гвельфы рѣшились подчипить себѣ не только Миланъ, но и всю Ломбардію. Главное начальство надъ сорока тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ гвельфовъ, каталонскихъ, нѣмецкихъ и швейцарскихъ наемниковъ, было поручено Раймунду. Нѣмцы вербовались охотно, потому что военная служба была самымъ выгоднымъ ремесломъ для свободнаго человѣка. Дѣйствительно, изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній видно, что во время римскаго похода Генриха VII знаменщикъ получалъ тридцать, а всадникъ двадцать марокъ или 140 золотыхъ гульденовъ; Эдуардъ III, при осадѣ Кале, платилъ каждому нѣмецкому рыцарю за лошадь, сѣдло и вооруженіе, кромѣ жалованья, по восьмидесяти, а каждому наемнику по шестидесяти талеровъ, хотя волъ стоилъ въ то время не дороже талера. Папское войско заняло Алессандрію, Тортону и Піаченцу, разбило миланцевъ въ открытомъ полѣ и конечно снова овладѣло бы Миланомъ, еслибы Раймундъ воспользовался своей вторичной побѣдой (1323 г.). Изгнаніе фамиліи Висконти изъ Милана казалось тогда неизбѣжнымъ; уже самые вліятельные изъ гибеллиновъ, какъ фамилія Канъ делла Скала и Эсте, вѣрныя

итальянской политикѣ, отдѣлились отъ Галеаццо и купили или, по крайней мѣрѣ, искали примиренія съ папою, какъ вдругъ Людовикъ Баварскій неожиданно лишилъ папу плодовъ стольких хлопотъ и издержекъ. Доведенный до крайности, Галеаццо обратился къ Людовику, только что выигравшему ампфингскую битву. Императоръ отправилъ въ Италію трехъ германскихъ князей, поручивъ имъ прекратить споръ между Галеаццо и папою. Кардиналъ-легатъ отвергъ ихъ посредничество, объявивъ, что папа ведетъ войну не съ имперскимъ вассаломъ, а съ еретикомъ и невѣрнымъ и надѣется, что Людовикъ не станетъ заступаться за него. Тогда императоръ отправилъ въ Италію графа фонъ Нейффена и нѣсколько сотъ рыцарей. Появленіе уполномоченнаго совершенно возстановило значеніе императора и большинство гибеллиновъ, уже перешедшихъ на сторону папы, тотчасъ объявили кардиналу, что они обязаны исполнить повелѣніе императора и отстоять Миланъ. Усиленный ихъ войсками, графъ фонъ Нейффенъ отправился въ Миланъ и, чтобы отнять у кардинала всякій предлогъ къ сопротивленію, на время удалилъ Галеаццо отъ управленія. Принявъ затѣмъ главное начальство, онъ обратилъ въ бѣгство папское войско.

Разбѣшенный неудачнымъ окончаніемъ войны, стоившей такихъ издержекъ, папа обратилъ противъ Людовика свое духовное оружіе. Въ октябрѣ 1323 г. на авиньонскомъ соборѣ Іоаннъ объявилъ повелѣніе Людовику явиться къ нему для объясненія, по какому праву онъ осмѣливается, безъ папскаго утвержденія, называть себя германскимъ и римскимъ императоромъ, грозя въ случаѣ неповиновенія отлученіемъ отъ церкви. Основывая свое неудовольствіе на различныхъ софистико-догматическихъ аргументахъ, пылкій монахъ не постыдился упомянуть и о Миланѣ. Но, стараясь обратить важнѣйшіе политическіе вопросы въ духовные, Іоаннъ, въ то же время, своимъ вмѣшательствомъ въ глупые монашескіе споры возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть и былъ заподозрѣнъ въ ереси. Часть францисканскихъ монаховъ, отдѣлившись отъ ордена, уста-

новила у себя болѣе строгія правила. Эта партія, названная м и н о р и т а м и, утверждала, что орденъ ихъ, какъ орденъ нищенствующихъ братій и строжайшихъ послѣдователей союза Христа съ апостолами, не долженъ владѣть никакою собственностью; имущество же его и все, что ему будетъ завѣщано или подарено, принадлежитъ папѣ и церкви, которые должны выдавать ордену столько, сколько нужно на самыя необходимыя потребности. Руководствуясь такими взглядами, минориты, разумѣется, сильно возставали противъ образа жизни и даже одежды другихъ, менѣе строгихъ орденовъ. Папа объявилъ воззрѣнія миноритовъ ложными и еретическими въ то время, когда начиналъ религіозную войну съ Людовикомъ и его придворными богословами. Скоро, однако, ему пришлось убѣдиться, какихъ непримиримыхъ враговъ онъ пріобрѣлъ въ людяхъ, которые могли оказать въ этой борьбѣ громадныя услуги папству. Минориты, по многимъ причинамъ, стояли къ народу ближе другихъ монаховъ и всего развращеннаго духовенства; они же были самыми замѣчательными богословами и утонченными схоластиками. Въ началѣ Людовикъ былъ также ихъ врагомъ, и въ первомъ своемъ манифестѣ, объясняя Европѣ причину спора съ папою, обвинялъ, между прочимъ, Іоанна въ покровительствѣ миноритамъ, называя это потворствомъ врагамъ истинной вѣры. Но когда Іоаннъ отрѣшилъ настоятеля ордена, Михаила Чезенскаго, и окончательно поссорился съ миноритами, императоръ соединился съ ними противъ папы. Замѣчательные талантами и ученостью, уважаемые народомъ, считавшимъ ихъ святыми, сильные бѣдностью, энергическіе и смѣлые какъ апостолы, минориты оказали впослѣдствіи огромныя услуги Людовику.

Первыя дѣйствія Людовика въ этой борьбѣ далеко не отличались той строгой послѣдовательностью, какъ дѣйствія Іоанна. Онъ видимо впадалъ въ противорѣчія, отправивъ въ ноябрѣ (1323 г.) трехъ уполномоченныхъ въ Авиньонъ униженно просить папу обратить вниманіе на его оправданіе, а въ декабрѣ торжественно протестуя на нюрнбергскомъ сеймѣ противъ поступковъ папы, отстаивая

права имперіи и даже взывая къ будущему вселенскому собору. Протестъ его былъ выраженъ въ аппелляціи или манифестѣ, о которомъ мы только что говорили. Папа до тѣхъ поръ не соглашался выслушать уполномоченныхъ, пока не развѣдалъ, что эти добродушные нѣмцы были предъ нимъ полны благоговѣнія и суевѣрнаго страха. Сдѣлавъ имъ строгое поученіе и поощренный ихъ покорностью, онъ велѣлъ прибить къ дверямъ авиньонскаго собора вторичное объявленіе, гдѣ грозно повторялъ императору приказаніе сложить, не позже двухъ мѣсяцевъ, присвоенный имъ титулъ. Дѣйствуя съ такою неслыханною дерзостью, Іоаннъ расчитывалъ на Роберта и гвельфовъ, желавшихъ вытѣснить императора изъ Италіи, — на французскаго короля Карла IV, мечтавшаго объ ослабленіи германской имперіи и о присоединеніи къ Франціи арелатскихъ провинцій, — и наконецъ на Леопольда Австрійскаго, не хотѣвшаго считать дѣла Людовика, державшаго его брата въ плѣну, вопросомъ, касающимся имперіи и германскаго народа. Безпокойный, расточительный чешскій король Іоаннъ, недовольный вознагражденіемъ, полученнымъ отъ Людовика, также отдѣлился отъ него послѣ ампфингской битвы и, казалось, былъ готовъ пристать къ врагамъ императора. Онъ присвоилъ себѣ всю Лузацію, хотя ему была уступлена только часть ея, освободилъ за десять тысячъ марокъ Генриха Австрійскаго, и, когда австрійскіе герцоги отказались отъ притязаній на Богемію, не хотѣлъ болѣе помогать Людовику. Разсерженный на императора, онъ вступилъ въ союзъ съ Карломъ IV Французскимъ, Робертомъ Неаполитанскимъ, даже съ папою, и разъѣзжалъ по Европѣ, мотая деньги, ища приключеній и дѣлая долги. Женившись на дочери Карла IV онъ отвезъ своего сына Венцеслава, котораго тогда назвалъ Карломъ, воспитываться въ Парижъ, а самъ, строя воздушные планы, отправился на совѣщаніе съ врагами Людовика. Но безхарактерность дѣлала его такимъ же ненадежнымъ другомъ, какъ и неопаснымъ противникомъ. Повздоривъ съ приверженцами папы, Іоаннъ, по совѣту брата своего Бальдуина, отсталъ отъ союза. Властолюбіе Людовика и стремленіе къ присвоенію земель

вооружили противъ него и другихъ германскихъ князей. Дитя своего вѣка, онъ трепеталъ при мысли объ адѣ, молясь Богу и угождая монахамъ для избѣжанія его, но не отступалъ ни передъ какою несправедливостью и насиліемъ, когда хотѣлъ овладѣть тѣмъ, чего не могъ достигнуть законнымъ путемъ. Присвоивъ себѣ еще прежде владѣнія Рудольфа, Людовикъ распоряжался, какъ собственностью, нижнебаварскими землями своихъ двоюродныхъ братьевъ и подопечныхъ, и, не обращая вниманія на притязанія многихъ князей, объявилъ Бранденбургъ упраздненнымъ леномъ, передавъ его (1324 г.) старшему сыну, Людовику, котораго помолвилъ на дочери датскаго короля, Христофора II. Обиженные произвольными поступками Людовика, король чешскій и родственники асканскаго дома въ Саксоніи, Ангальтѣ и другихъ странахъ взялись за оружіе противъ императора, присвоивавшаго себѣ право судьи въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ заинтересованнымъ лицомъ.

По окончаніи срока, назначеннаго Людовику для исполненія папскаго повелѣнія, Іоаннъ XXII не привелъ въ исполненіе своихъ угрозъ, видя, что онѣ вообще не произвели ожидаемаго впечатлѣнія, что законовѣды не одобряютъ его дѣйствій съ юридической точки зрѣнія и что даже датскій король совѣтуетъ ему поступать впередъ болѣе по христіански. Онъ назначилъ новый срокъ и, по истеченіи его, въ іюлѣ 1324 г., торжественно осудивъ и отлучивъ императора отъ церкви, съ притворнымъ снисхожденіемъ далъ ему еще время, до 1-го октября, на раскаяніе и покаяніе. Католическая уловка — толковать о любви, проклиная и отлучая и прикрывать кротостью, религіозностью и справедливостью взрывы бѣшенства — не обманула даже добродушныхъ нѣмцевъ, вообще легко поддающихся на всякій обманъ. Суровые минориты такъ настроили умы, что, за исключеніемъ епископовъ майнцскаго, страсбургскаго и пассаускаго, ни одинъ изъ духовныхъ не осмѣливался повиноваться папѣ; архіепископъ майнцскій за свою преданность папѣ былъ убитъ взволнованнымъ народомъ. Города всѣ приняли сторону императора, а князья, даже поссорившіеся

съ Людовикомъ, не рѣшались навлекать на себя народную ненависть. И не въ одной Германіи встрѣтилъ папа энергическихъ противниковъ: противъ него рѣшительно возстали знаменитые богословы болонскаго и парижскаго университетовъ, считавшихся первыми христіанскими училищами. Впрочемъ лучшіе друзья и совѣтники Людовика въ спорѣ съ папою, Марсилій изъ Падуи, Іоганъ фонъ Яндунъ и знаменитый секретарь императора Ульрихъ Гангёръ, были не минориты. Но второе его возраженіе противъ папы писалъ миноритъ. Эта вторая аппелляція Людовика къ собору была прочитана имперскому сейму, созванному въ октябрѣ, во Франкфуртѣ, послѣ буллы проклятія и отлученія (1 октября), разосланной папою повсюду свѣту. Одинъ изъ миноритовъ, по вызову сейма, лично вручилъ папѣ императорскій манифестъ.

Однако папа, не смотря на то, что даже Іоаннъ Чешскій громко осуждалъ его поступокъ, не ошибся въ расчетѣ. Людовикъ могъ серьозно расчитывать только на поддержку горожанъ и миноритовъ, но никакъ не на имперскихъ князей и епископовъ; послѣдствія доказали, что его положеніе было очень затруднительно по окончательномъ разрывѣ съ папою. Это видно изъ его послѣдующихъ отношеній къ Іоанну XXII и изъ странныхъ условій, на которыхъ онъ примирился съ Фридрихомъ Австрійскимъ. Людовикъ притворился несогласнымъ съ воззрѣніями своихъ канониковъ и законовѣдовъ и отправилъ къ папѣ унизительное, плаксивое письмо, гдѣ просилъ прощенія за все, что, какъ онъ утверждалъ, было, безъ вѣдома его, сдѣлано его именемъ. Съ Фридрихомъ онъ примирился въ мартѣ 1325 г. Всѣ попытки Леопольда освободить брата изъ плѣна оставались безуспѣшными; химерическій планъ союза съ Іоанномъ Чешскимъ, Карломъ IV Французскимъ, Робертомъ Неаполитанскимъ и папою, для передачи французамъ императорской короны, былъ только бредомъ воображенія. Но, во главѣ своихъ рыцарей-разбойниковъ, онъ страшно опустошалъ верхнюю Баварію и разбилъ Людовика при Бургау. Это навело императора на мысль примириться съ своимъ плѣнникомъ и сдѣлать для него воп-

росомъ личной выгоды свою борьбу съ папою. Скучая въ плѣну, Фридрихъ вздумалъ спасать свою душу. Жизнь его, проходившая въ дикомъ развратѣ и безпечной лѣни, была тогда посвящена покаянію и молитвѣ; онъ жилъ по уставу картезіанцевъ, избравъ своимъ духовникомъ картезіанскаго монаха Готтфрида. Готтфридъ убѣдилъ его отказаться отъ земнаго царства и, сблизясь съ духовникомъ Людовика, старался добиться черезъ него освобожденія Фридриха. Въ мартѣ 1325 г. Людовикъ внезапно самъ пріѣхалъ въ Трауницъ и заключилъ съ Фридрихомъ договоръ, который они скрѣпили, пріобщившись вмѣстѣ. По этому договору Фридрихъ получалъ свободу безъ выкупа, но за то обязывался отказаться отъ притязаній на корону, возвратить захваченныя имъ и его братьями имперскія земли, поддерживать Людовика противъ всѣхъ его враговъ, помолвить свою дочь за его сына и, въ случаѣ неисполненія обязательствъ, вернуться въ плѣнъ. Послѣднее условіе очевидно доказываетъ, что Людовикъ предвидѣлъ невыполнимость договора, тѣмъ болѣе, что въ заключеніи его не участвовали ни имперскіе князья, ни братья Фридриха, хотя онъ касался и тѣхъ, и другихъ. Дѣйствительно, Фридрихъ не могъ выполнить принятыхъ на себя обязательствъ. Папа, которому онъ тотчасъ же объявилъ о своемъ отреченіи, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, разрѣшилъ его отъ клятвы, признавъ ее недѣйствительною и, видя, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ, обратился къ Леопольду. Леопольдъ, разумѣется, легко убѣдился доводами папы и отвергъ весь договоръ, а Фридрихъ въ маѣ того же года вернулся въ Мюнхенъ. Здѣсь онъ подружился съ Людовикомъ, вмѣстѣ съ нимъ жилъ, ѣлъ и даже спалъ на одной постели, въ то время, какъ его братъ Леопольдъ дѣйствовалъ, заключивъ уже въ іюлѣ союзъ противъ императора съ нѣкоторыми епископами и графомъ вюртембергскимъ, Ульрихомъ. Въ сентябрѣ былъ заключенъ въ Мюнхенѣ новый договоръ, составленный такимъ образомъ, что даже Леопольдъ, настаивавшій на томъ, чтобы за его братомъ былъ сохраненъ императорскій титулъ, остался доволенъ.

Фридрихъ и Леопольдъ сохраняли оба, съ равными правами, императорскую власть, каждый въ тѣхъ земляхъ и городахъ, которыми былъ избранъ. Естественно, что подобный договоръ не могъ никогда осуществиться уже по одному тому, что не имѣлъ никакого значенія безъ согласія имперскихъ князей. Онъ не былъ даже обнародованъ, и одинъ слухъ о немъ приводилъ въ негодованіе германскій народъ. не утратившій еще тогда національнаго чувства. Достовѣрно однако, что Фридрихъ принялъ императорскій титулъ и подписывался на указахъ римскимъ императоромъ. Кажется также, что обѣ партіи, убѣдившись въ невозможности раздѣлить власть по округамъ, рѣшили, что одинъ императоръ будетъ царствовать въ Германіи, а другой—въ Италіи. По всей вѣроятности, весь договоръ былъ дѣломъ хитрой политики законовѣдовъ Людовика; увѣренные, что, достигнувъ римской императорской короны, Людовикъ упрочитъ верховную власть надъ всей имперіей, они старались только пріобрѣсти содѣйствіе и расположеніе австрійскаго дома. Какъ бы то ни было, но, по новому договору, заключенному въ январѣ 1326 г., Людовикъ, предпринимая походъ въ Италію, передалъ Фридриху, на время своего отсутствія, правительственную власть въ Германіи, получивъ за то обѣщаніе, что воинственный Леопольдъ будетъ сопровождать его со своимъ войскомъ. Но Леопольдъ, вытребовавшій это условіе въ пользу брата, умеръ черезъ мѣсяцъ, и договоръ уничтожился самъ собой. Съ тѣхъ поръ Людовикъ, несвязанный болѣе никакими условіями, завладѣлъ одинъ императорскою властью въ цѣлой имперіи. Впрочемъ Фридрихъ, вообще не любившій заниматься государственными дѣлами, сохранялъ императорскій титулъ до самой смерти (1330 г.). Въ 1327 г. Людовикъ двинулся въ Италію; имперскій сеймъ, съ которымъ онъ не могъ сговориться относительно римскаго похода, не поддерживалъ его своими войсками.

Прежде чѣмъ мы послѣдуемъ за Людовикомъ въ Италію, бросимъ взглядъ на тогдашнее положеніе Германіи. Неурядица, безпорядки, беззаконіе и несправедливость достигли такихъ размѣ-

ровъ, что хаотическое состояніе несчастной страны походило на современное положеніе Курдистана, какъ его описываютъ путешественники. Насиліе всюду замѣняло право; императоръ, даже желая, не могъ воспрепятствовать рыцарскимъ или вѣрнѣе разбойничьимъ грабежамъ, опустошавшимъ прирейнскія провинціи, Тюрингію и другія части имперіи; а тѣхъ, кто сражался подъ его знаменами для поддержанія порядка, папа предавалъ проклятію, какъ дѣтей Ваала. Чтобы поддержать хоть тѣнь порядка и безопасность по большимъ дорогамъ, города, князья, владѣтели и рыцари должны были заключать союзы противъ своихъ соотечественниковъ, и тайное судилище, фемгерихтъ, этотъ остатокъ независимаго древнегерманскаго волостнаго суда Вестфаліи, былъ неизбѣжнымъ зломъ, подобно звѣздной палатѣ въ Англіи при Тюдорахъ и Стюартахъ. Только оно могло схватывать и казнить тѣхъ, кому не были страшны безсильные суды отдѣльныхъ государствъ. Для характеристики тогдашняго состоянія имперіи вполнѣ достаточно взглянуть хоть на подвиги Леопольда и на событія въ Бранденбургіи. Леопольдъ буйствовалъ съ своими союзниками въ Швабіи, Эльзасѣ и вообще по Рейну до Оппенгейма, грабя и разоряя повсюду крестьянъ и горожанъ. Его исторія показываетъ, что нерѣдко отдѣльныя рыцарскія предпріятія рѣшали судьбу всей имперіи. Такъ, напримѣръ, слѣдствіемъ пораженія Людовика при Бургау былъ траусницкій договоръ, а смерть Леопольда, совершенно измѣнившая порядокъ вещей въ государствѣ, была слѣдствіемъ его смѣлаго и безумнаго нападенія на одинъ эльзаскій замокъ. Пресѣченіе асканскаго дома повергло Бранденбургію въ хаосъ, превышающій всякое вѣроятіе. На маркграфство или на отдѣльныя его части предъявили притязанія три линіи асканскаго дома, саксенъ-виттенбергская, саксенъ-лауэнбургская и ангальтская, Іоаннъ Чешскій, духовные капитулы Гальберштадта и Магдебурга, герцогъ брауншвейгскій, Генрихъ, герцогъ яуерскій (въ Шлезвигѣ), Генрихъ Левъ Мекленбургскій, герцогъ Помераніи и жена предпослѣдняго маркграфа бранденбургскаго; города и

рыцари заключали союзы въ пользу то одного, то другаго изъ претендентовъ. Даже язычники литовцы, высланные Владиславомъ Локтекомъ (т. VIII. стр. 82), буйствовали въ Бранденбургіи съ такимъ же неистовствомъ, какъ дикіе куманы, нападавшіе, отъ времени до времени, на Австрію и Баварію. Но гибельнѣе всего для страны были все-таки хищные дворяне, смотрѣвшіе на убійство и грабежъ, какъ на свое ремесло. Въ теченіе полустолѣтія, первыя фамиліи маркграфства нисколько не стыдились названія домашнихъ синицъ или разбойниковъ большихъ дорогъ, которымъ ихъ тогда называли. Подробное сравненіе тогдашняго состоянія Бранденбургіи съ нынѣшнимъ показало бы лучше всего разницу между дѣйствительными средними вѣками и романтико-поэтическимъ ихъ изображеніемъ. Впрочемъ, достаточно и сдѣланныхъ нами указаній, чтобы понять, что отдачею сыну маркграфства и соединеннаго съ нимъ званія курфирста Леопольдъ упрочилъ за своимъ домомъ невыгодное пріобрѣтеніе. Соправителемъ мальчика, помолвленнаго на дочери датскаго короля, былъ назначенъ Бертольдъ фонъ-Геннебергъ.

5. Римскій походъ Людовика Баварскаго и положеніе Италіи въ ближайшее послѣ того время.

На итальянскій походъ Людовика можно смотрѣть какъ на попытку, подъ благовиднымъ предлогомъ, прекратить на время споры въ Германіи, или же какъ на средство извлечь изъ богатой страны деньги, для продолженія борьбы съ папою. Гибеллины настойчиво звали Людовика въ Италію. Сопровождаемый незначительнымъ войскомъ, императоръ отправился въ Тріентъ для совѣщанія съ ними, и этимъ ясно высказалъ, что весь его расчетъ основывается только на помощи итальянскихъ союзниковъ. Въ Тріентѣ къ нему явились Маркъ Висконти изъ Милана, Пассерино Бона-

косса изъ Мантуи, маркграфъ д'Эсте, Канъ делла Скала изъ Вероны, епископы Ареццо и послы пизанцевъ, сицилійскаго короля Фридриха и владѣтеля Лукки Каструччіо Кастракани, назначеннаго Людовикомъ еще въ 1324 г. императорскимъ намѣстникомъ Лукки и Пистоіи. Они обѣщали дать императору въ Миланѣ 150 тысячъ золотыхъ флориновъ, и вѣсть о такой добычѣ приманила къ нему изъ Германіи не мало рыцарей и воиновъ. Людовикъ велѣлъ составить собраннымъ въ Тріентѣ императорскимъ богословамъ рѣзкій манифестъ, обвинявшій Іоанна XXII въ ереси и въ маѣ 1327 г. во главѣ многочисленнаго войска вступилъ въ Миланъ, владѣтель котораго, Галеаццо I, былъ въ ссорѣ съ своимъ братомъ Маркомъ. Коронованный ломбардскою короною тремя отлученными отъ церкви епископами, Людовикъ велѣлъ заключить въ тюрьму Галеаццо и его сына, принявъ сторону его брата, потому что Марко и его друзья обѣщали ему большія деньги, а Галеаццо далъ только 50 тысячъ золотыхъ флориновъ, собравъ ихъ насиліемъ, возбудившимъ въ миланцахъ ненависть къ Людовику. Съ плѣнниками императоръ поступилъ по правамъ и обычаямъ среднихъ вѣковъ, когда короли пользовались абсолютною властью. Обвиненный въ произволѣ и деспотизмѣ Маркомъ и другими передъ судомъ, походившимъ на судъ пэровъ, Галеаццо былъ признанъ виновнымъ и отправленъ въ заточеніе въ Монцу. За это враги партіи Галеаццо подарили 200 тысячъ золотыхъ флориновъ Людовику, нуждавшемуся въ деньгахъ для содержанія многочисленнаго, блистательнаго рыцарства и множества наемныхъ искателей приключеній. Правителями возстановленной миланской республики были назначены императорскій верховный судья и императорскій намѣстникъ, взявшіе къ себѣ на службу нѣмецкихъ наемниковъ Галеаццо. Въ Монцу были также отправлены комендантъ нѣмецъ и нѣмецкій гарнизонъ. Такимъ образомъ первымъ распоряженіемъ Людовика въ Италіи было введеніе военнаго деспотизма нѣмецкихъ намѣстниковъ, мало подходившаго къ идеалу монархіи, представленному Данте въ его знаменитомъ твореніи. Опираясь

только на физическую силу, Людовикъ хотѣлъ упрочить свое владычество въ странѣ, гдѣ ему не принадлежало ни одной пяди земли. Но безъ денегъ нельзя было ничего сдѣлать и силою, а онъ могъ быть каждую минуту покинутъ союзниками и остаться съ горстью рыцарей. Легко себѣ представить, каково должно было быть итальянцамъ при королѣ, не имѣвшемъ ни законныхъ и опредѣленныхъ доходовъ, ни прямаго участія въ управленіи! Какимъ произвольнымъ насиліемъ должно было казаться имъ всякое требованіе съ его стороны! Съ какимъ презрѣніемъ должны были смотрѣть на Людовика жители страны, въ которую стекались богатства цѣлаго міра! Стоитъ только вспомнить, что Италія была въ то время центромъ торговли, промышленности и денежныхъ оборотовъ всей Европы, что частныя лица въ Италіи держали на откупу таможенные сборы и часть доходовъ съ государственныхъ имуществъ Англіи, что они устроивали всѣ займы европейскихъ государствъ, управляли капиталами англійскихъ и французскихъ королей и ихъ любимцевъ и доставляли папамъ вытягиваемыя ими у Европы деньги и доходы съ иностранныхъ имѣній, предоставленныхъ въ пользу церкви. Во Флоренціи, напримѣръ, одинъ торговый домъ ссудилъ англійскому королю, Эдуарду III, полтора милліона золотыхъ флориновъ. На шерстяныхъ фабрикахъ Флоренціи работали тридцать тысячъ человѣкъ, а ея таможенные сборы приносили до 300 тысячъ золотыхъ флориновъ ежегоднаго дохода, — сумма, превосходившая все, что Людовикъ собралъ съ Германіи въ теченіе десяти лѣтъ. Но, по свидѣтельству историка Виллани, императору не хватало даже на содержаніе войска всѣхъ денегъ, полученныхъ или насильно взятыхъ въ Италіи. Виллани же говоритъ, что флорентинцы обѣщались платить ежегодно 200 тысячъ золотыхъ флориновъ за тысячу всадниковъ, присланныхъ имъ Карломъ Калабрійскимъ на помощь противъ Людовика, а потомъ въ девятнадцать мѣсяцевъ уплатили до 400 тысячъ.

Въ концѣ августа Людовикъ выступилъ изъ Милана въ Тоскану. Недостатокъ въ деньгахъ вынудилъ его наложить контрибу-

цію даже на Пизу, постоянно преданную императорамъ и считавшуюся императорской вотчиной; даже самое управленіе городомъ было продано имъ Каструччіо Кастракани, возведенному въ званіе герцога Лукки. Изъ Пизы императоръ отправился короноваться въ Римъ по совѣту окончательно разошедшихся съ папою миноритовъ. Церковная область находилась въ то время почти въ такомъ же жалкомъ положеніи, какъ и Германія; когда Людовикъ подступалъ къ столицѣ, войско кардинала Бертрана стояло около Болоньи и Фаэнцы. Въ самомъ Римѣ произошли важныя перемѣны. Установивъ родъ республики подъ управленіемъ Шіарры Колонны, римляне отправили къ папѣ депутацію, требуя его возвращенія въ Римъ. Хитрый Іоаннъ принялъ очень благосклонно эту грозную, при всей наружной униженности, республиканскую депутацію и обѣщалъ удовлетворить ея желаніямъ. Такъ всегда дѣйствовалъ римскій дворъ, когда противники его прибѣгали къ энергическимъ мѣрамъ. Однако римляне, по настоянію Шіарры Колонны, отправили къ Людовику приглашеніе явиться въ Римъ. Разумѣется, это произошло не съ единодушнаго согласія; въ городѣ была довольно сильная французская партія, поддерживаемая Робертомъ Неаполитанскимъ, и Шіарра Колонна поссорился даже съ родными братьями за расположеніе къ Людовику. По недостатку въ деньгахъ, императоръ прибѣгнулъ въ Витербо къ такимъ-же мѣрамъ, какія въ новѣйшее время часто употреблялъ Бонапарте. Епископа витербскаго, хотя папскаго вассала и приверженца, но встрѣтившаго императора со всевозможнымъ почетомъ, онъ велѣлъ заключить въ темницу и пытать, чтобы вывѣдать отъ него, гдѣ хранятся принадлежащія ему тридцать тысячъ золотыхъ флоновъ. 7 января 1328 г. Людовикъ вступилъ въ Римъ среди ликующаго народа. Римлянамъ очень польстило, что онъ не только принялъ отъ нихъ званіе римскаго сенатора, дарованное папою Роберту, но и, не обращая вниманія на Іоанна, короновался въ соборѣ Петра, принявъ корону отъ Шіарры Колонны и другихъ представителей народа. Этимъ Людовикъ показалъ, что приз-

наетъ, нѣкоторымъ образомъ, новую республику за древне-римскую и противопоставляетъ ея значеніе — значенію папы. При короновании присутствовали только два епископа, да и то отлученные отъ церкви.

Событія въ Италіи приводили папу въ бѣшенство. Онъ объявилъ коронованіе недѣйствительнымъ, повторилъ отлученіе и старался всѣми средствами возстановить противъ императора въ Германіи народъ и князей. Вмѣсто ожидаемаго результата, папа своими дѣйствіями только пробудилъ даже въ набожныхъ, терпѣливыхъ и покорныхъ нѣмцахъ сознаніе того, что давно пора стать на сторону свѣтской власти противъ папскихъ притязаній. Въ апрѣлѣ 1327 г. Іоаннъ отвѣтилъ на изданный противъ него богословскій манифестъ такъ называемымъ пятымъ процессомъ, объявлявшимъ Людовика лишеннымъ всѣхъ императорскихъ и духовныхъ леновъ, даже баварскаго герцогства, и потребовалъ отчета въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ еретикамъ миноритамъ. Видя, что усилія отдѣлить Германію отъ императора остаются безуспѣшными, папа принялся возбуждать волненія и кровопролитія и убѣдилъ архіепископовъ майнцскаго и кёльнскаго приступить къ избранію новаго императора. Бальдуинъ Трирскій и Іоаннъ Чешскій успѣли помѣшать этому, и бѣдное населеніе Майнца поплатилось за то, что его архіепископъ ставилъ церковные интересы выше національныхъ правъ. Вскорѣ (1328 г.) архіепископъ умеръ, и Іоаннъ, съ свойственнымъ ему деспотизмомъ, назначилъ на его мѣсто Генриха фонъ Фирнебурга, брата архіепископа кёльнскаго. Майнцскій соборный капитулъ рѣшился противопоставить папскимъ притязаніямъ энергическую, невиданную мѣру: онъ передалъ управленіе майнцскимъ епископствомъ Бальдуину Трирскому. Спустя годъ, Бальдуинъ пріобрѣлъ еще епископства шпейерское и вормское, просившія у него защиты противъ папы. Такимъ образомъ Іоаннъ сохранялъ вліяніе на Германію только черезъ Кёльнъ, а энергическій, преданный національнымъ интересамъ Бальдуинъ былъ могущественнѣе папы и императора взятыхъ вмѣстѣ. Поло-

женіе архіепископа кёльнскаго сдѣлалось наконецъ такъ затруднительно, что папа не могъ вполнѣ расчитывать и на него.

Но если у Іоанна было немного приверженцевъ въ Германіи, за то въ Италіи Людовикъ со всѣми своими юристами, канониками, богословами и минoритами не могъ склонить высшее духовенство помогать ему противъ папы. Не смотря на то, первымъ его дѣйствіемъ, какъ императора римскаго, былъ процессъ противъ Іоанна. Онъ два раза торжественно судилъ отсутствовавшаго папу, объявилъ его еретикомъ за распространеніе ложнаго ученія о нищетѣ Христа и, ссылаясь на римское или, вѣрнѣе, византійское право и на примѣры Карла Великаго, Оттоновъ и двухъ послѣднихъ салическихъ императоровъ, низложилъ его съ папскаго престола, какъ преступника противъ императора, церкви и города Рима (апрѣль 1328 г.). Представивъ потомъ народу минорита, назвавшаго себя Николаемъ V, Людовикъ велѣлъ провозгласить его папою. Конечно, для Николая было дурнымъ предзнаменованіемъ, что его посвятили въ папы только тѣ немногіе епископы, съ которыми остальное духовенство прекратило всѣ сношенія. Все это также ни мало не повредило Іоанну: удары императора не достигали его; антипапа, не имѣя опредѣленныхъ доходовъ, не могъ долго удержаться въ Римѣ, а на денежную помощь Людовика нечего было расчитывать. Восторгъ римлянъ прошелъ, когда избранный ими императоръ потребовалъ такъ называемую коронную подать. Робертъ, въ союзѣ съ римской знатью, готовился изгнать Людовика и его папу изъ Рима, а возникшія въ Тосканѣ волненія и отнятіе флорентинцами Пистоіи у Каструччіо, приверженца императора, не позволяли ему долго противодѣйствовать враждебнымъ дѣйствіямъ неаполитанскаго короля и недовольныхъ римлянъ. Къ довершенію неудачъ, Каструччіо, обиженный назначеніемъ нѣмецкаго графа правителемъ Пизы, уѣхалъ изъ Рима подъ предлогомъ нападенія на флорентинцевъ. Наконецъ, братья Шіарра Колонна вернулись въ Римъ и призвали войско Роберта. Видя невозможность оставаться долѣе въ Римѣ, Людовикъ, въ августѣ,

вышелъ вмѣстѣ съ Николаемъ изъ города. Народъ, еще такъ недавно боготворившій его, бросалъ теперь каменьями въ выступавшихъ нѣмцевъ, ругая ихъ и называя еретиками.

Съ этихъ поръ начался для Людовика рядъ неудачъ. Вѣрный его приверженецъ, Пассерино Бонакосса Мантуанскій былъ убитъ Людовикомъ Гонзагою. Фамилія Гонзага овладѣла Мантуей, и Людовикъ вмѣстѣ съ маркграфомъ д'Эсте отложились отъ императора и его папы. Черезъ нѣсколько недѣль умеръ и Каструччіо, оставшійся до конца жизни, по крайней мѣрѣ по наружности, преданнымъ императору. Въ Пизѣ у Людовика опять не оказалось денегъ, не смотря на то, что онъ постыднымъ образомъ торговалъ правами и владѣніями имперіи, продавая ихъ тому, кто предлагалъ болѣе денегъ, и вытянулъ у Пизы и Лукки нѣсколько сотъ тысячъ золотыхъ флориновъ. Все это не удовлетворяло корыстныхъ нѣмецкихъ наемниковъ и вскорѣ отъ него отдѣлились 800 человѣкъ. Они укрѣпились въ особомъ лагерѣ, и когда императоръ прислалъ имъ часть платы съ своимъ другомъ Маркомъ Висконти, удержали Марка заложникомъ, до уплаты всей суммы. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался сынъ Галеаццо, Аццо, чтобы избавиться отъ полицейскаго надзора, подъ которымъ его держали. По просьбѣ гибеллиновъ онъ былъ освобожденъ изъ заточенія, вмѣстѣ съ отцомъ, вскорѣ потомъ умершимъ, но удержанъ при дворѣ Людовика. Аццо далъ императору денегъ для удовлетворенія недовольныхъ солдатъ, обѣщавъ выслать вчетверо болѣе, если ему и его дядѣ Іоанну, находившемуся въ такомъ-же положеніи, будетъ позволено отправиться въ Миланъ. Людовикъ согласился, но при этомъ былъ безстыдно обманутъ бургграфомъ Конрадомъ, которому поручилъ выкупить Марка. Взявъ у императора деньги, Конрадъ нанялъ солдатъ, помогъ Аццо утвердиться въ Миланѣ и, утаивъ деньги, полученныя отъ Аццо, уѣхалъ прямо въ Германію. Въ Миланѣ оба Висконти слѣдовали политикѣ, возведенной въ то время у итальянцевъ въ науку, — политикѣ, которую Маккіавелли развивалъ въ своихъ классическихъ сочиненіяхъ и прилагалъ къ госу-

дарственной жизни. Висконти держались обѣихъ сторонъ. Они вели переговоры съ папою Іоанномъ XXII, добиваясь примиренія, состоявшагося въ слѣдующемъ году, изгнали изъ Милана должностныхъ лицъ, назначенныхъ императоромъ, и отняли у нѣмцевъ Монцу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Висконти признали папою Николая, назначившаго даже Іоанна кардиналомъ, и, когда Людовикъ явился въ Миланъ, сдѣлали ему богатые подарки, чтобы скорѣе спровадить его изъ Италіи.

Императоръ былъ покинутъ даже нѣмцами. Подкупленные Аццо, намѣстникъ и верховный судья Милана уѣхали въ Германію, не спросясь Людовика; нѣмецкіе вассалы и наемники каждый день оставляли войско и уходили изъ Италіи. Стѣсненное положеніе Людовика дало наконецъ возможность его племянникамъ, сыновьямъ Рудольфа Пфальцскаго, возвратить себѣ наслѣдственныя права и земли. Рудольфъ, какъ извѣстно, уступилъ брату свои владѣнія, до окончанія войны съ Австріей. Но Людовикъ и по смерти брата не отдавалъ ихъ законнымъ наслѣдникамъ, двумъ сыновьямъ Рудольфа, Рудольфу II, Рупрехту I и внуку отъ третьяго, умершаго сына, Рупрехту II. Одинъ изъ племянниковъ Людовика старался еще прежде мстить ему, и даже началъ переговоры съ папою. Но только теперь, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, рѣшился императоръ удовлетворить законнымъ требованіямъ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Въ августѣ 1329 г. былъ заключенъ въ Павіи знаменитый семейный договоръ, постоянно служившій впослѣдствіи основнымъ закономъ для баварскаго и пфальцскаго владѣтельныхъ домовъ. На основаніи этого договора, наслѣдники Рудольфа получили Пфальцъ на Рейнѣ и часть Верхней Баваріи, названной съ того времени Верхнимъ Пфальцомъ. Кромѣ того было постановлено, что званіе курфирста должны носить поочередно принцы ихъ дома и потомки Людовика, старшіе владѣтельные князья въ обѣихъ линіяхъ, что въ случаѣ пресѣченія одной изъ линій, владѣнія ея переходятъ къ другой, и что ни одно изъ баварскихъ или пфальцскихъ владѣній,

какъ общее родовое достояніе всего дома, не можетъ быть ни заложено, ни подарено, ни отчуждено. Въ 1340 г. Нижняя Баварія, перейдя къ Людовику, по пресѣченіи нижнебаварской отрасли виттельсбахскаго дома, подпала также подъ условія семейнаго договора. Съ тѣхъ поръ всѣ баварскія земли, не смотря на множество развѣтвленій двухъ главныхъ линій, баварской и пфальцской, господствовавшаго въ нихъ до новѣйшаго времени дома, составляли постоянно одно нераздѣльное цѣлое. Заключеніе павійскаго договора было послѣднимъ важнымъ событіемъ во время римскаго похода. Въ декабрѣ Людовикъ вернулся въ Германію.

Но и по удаленіи императора Италія страдала не менѣе Германіи отъ притѣсненій и постоянной неурядицы. Въ Германіи, при отсутствіи единодушія и порядка, безопасность большихъ дорогъ могла обезпечиваться только союзами городовъ, вызвавшими противъ нихъ союзы рыцарей; въ Италіи города были угнетаемы жестокими тираннами и ихъ дикими наемниками. Мы опять возвращаемся къ злодѣйствамъ и съ умысломъ настаиваемъ на этой прозаической сторонѣ среднихъ вѣковъ. Въ наше время всѣ занимаются выставленіемъ и разукрашиваніемъ поэтической и назидательной ихъ стороны. Но, для полноты нашего взгляда, прибавимъ однако, что только близорукій поклонникъ новѣйшей цивилизаціи не отдастъ справедливости тѣмъ преимуществамъ, которыя были общи среднимъ вѣкамъ съ эпохою греческихъ республикъ. Рядомъ съ дикимъ варварствомъ и воинственной кровожадностью, мы повсюду встрѣчаемъ у отдѣльныхъ личностей характеръ, силу воли, энергію, сознаніе правъ гражданина. Въ средніе вѣка мы видимъ все то, чего не достаетъ нашему времени, что выдохлось и поблѣднѣло подъ вліяніемъ новѣйшей цивилизаціи.

Передъ возвращеніемъ въ Германію Людовикъ формально призналъ Аццо Висконти владѣтелемъ Милана. Аццо, въ слѣдующемъ же году, примирился съ Іоанномъ XXII и, какъ папскій намѣстникъ, сталъ управлять Ломбардіею. Скоро вернулся въ Миланъ и Маркъ, находившійся въ Тосканѣ въ плѣну у нѣмцевъ. Чтобы

избавиться отъ дяди, возбуждавшаго его опасенія, Аццо умертвилъ его самымъ возмутительнымъ образомъ. Сговорившись съ двумя другими дядями, Іоанномъ и Луккино, онъ выманилъ Марка изъ его укрѣпленнаго дворца приглашеніемъ на праздникъ и велѣлъ въ своемъ присутствіи задушить его, а потомъ устроилъ великолѣпныя похороны. Не смотря на этотъ поступокъ, всѣ современные Аццо историки такъ восхваляютъ его, что остается только пожалѣть народъ, эпоху и правителя, считавшихъ, что государственныя соображенія допускаютъ такое жестокое злодѣйство. Аццо примирилъ церковь съ собою и съ Миланомъ посредствомъ золота. Дядя его, Іоаннъ уже давно сложившій съ себя званіе кардинала, дарованное ему Николаемъ V, также подчинился папѣ и получилъ за то епископство новарское, бывшее въ то время свѣтскимъ княжествомъ. Жалкій антипапа, оставленный Людовикомъ въ Тосканѣ, скрывался нѣсколько времени; отысканный и взятый въ плѣнъ, онъ служилъ французскому папѣ средствомъ торжественно выставлять передъ Европою Людовика и всѣхъ противниковъ авиньонскихъ папъ врагами Бога и церкви. Получивъ отъ Николая самое униженное письмо, Іоаннъ XXII отвѣтилъ на него очень благосклонно и устроилъ все такъ, что Николай отрекся, повидимому, добровольно отъ своихъ заблужденій, разыгралъ въ Пизѣ роль кающагося грѣшника и безъ сопротивленія былъ отвезенъ въ Авиньонъ. Тутъ бѣднякъ долженъ былъ еще разъ послужить зрѣлищемъ въ назиданіе вѣрующимъ и въ посрамленіе враговъ французскаго папства (1330 г.). Его публично выставили съ веревкою на шеѣ, — что не было еще особенно суровымъ наказаніемъ для монаха строжайшаго изъ орденовъ, — а потомъ помѣстили въ папскомъ дворцѣ, гдѣ онъ прожилъ три года подъ надзоромъ, впрочемъ не терпя лишеній. По удаленіи Людовика изъ Рима, неаполитанскій король Робертъ былъ признанъ имперскимъ намѣстникомъ всей средней Италіи и распространилъ свою власть даже на верхнюю Италію; Болонья, Анкона и другіе города на границахъ церковной области были также заняты папскими войсками подъ

начальствомъ Бертрана ди Поджетто и Іоанна Орсини. Такой оборотъ дѣлъ давалъ папѣ основательный поводъ предполагать, что его цѣль — преобладаніе въ Италіи папской власти надъ императорской — была уже достигнута. Но едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ политическое могущество папы въ Италіи снова рушилось.

Между тѣмъ, Іоаннъ Чешскій сдѣлалъ верхнюю Италію театромъ своихъ рыцарскихъ похожденій. Мы уже говорили о его переговорахъ съ Робертомъ Неаполитанскимъ, папою и Карломъ IV; извѣстно также, что онъ отсталъ отъ нихъ по совѣту Бальдуина. Безпокойный характеръ Іоанна, заставлявшій его постоянно бросаться изъ стороны въ сторону, возбуждалъ большое неудовольствіе въ Богеміи; чехамъ приходилось платить за его мотовство и безконечныя путешествія. Во время пребыванія Людовика въ Италіи Іоаннъ вмѣшался въ споры австрійскихъ герцоговъ, вторгнулся въ ихъ владѣнія и прекратилъ свои грабежи только тогда, когда они купили его удаленіе значительной суммой. По возвращеніи Людовика Іоаннъ старался прежде всего сдѣлаться посредникомъ между нимъ и папою. Потомъ онъ сталъ приводить въ исполненіе давно задуманный планъ расширенія владѣній своего дома. Прежній владѣтель Богеміи, герцогъ каринтійскій Генрихъ, которому принадлежали также Тироль и Крайна (Карніолія), не имѣя сыновей, желалъ передать свои земли двумъ дочерямъ. Этимъ воспользовался Іоаннъ для осуществленія своихъ цѣлей. Онъ помолвилъ своего старшаго сына, Іоанна Генриха, со старшей дочерью герцога, Маргаритою, прозванной Маульташъ за огромный ротъ или по имени одного тирольскаго замка. Не смотря на неравенство лѣтъ (сынъ Іоанна былъ еще ребенкомъ) и на безобразіе Маргариты, бракъ состоялся, потому что отецъ невѣсты обѣщалъ завѣщать ей тирольское графство. Это распоряженіе держали въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока императора не уговорили объявить дочерей Генриха законными его наслѣдницами. По изданіи указа (1330 г.), Іоаннъ убѣдилъ герцога каринтійскаго позволить ему принять отъ тирольцевъ, именемъ ихъ буду-

щихъ владѣтелей, присягу въ подданствѣ. Пріобрѣтя такимъ образомъ Тироль, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ призванъ въ верхнюю Италію, чтобы остановить успѣхи неаполитанскаго короля, и охотно принялъ приглашеніе, получивъ на то, какъ кажется, согласіе императора. Папскія войска находились въ то время въ стѣсненномъ положеніи, а потому и папа смотрѣлъ на его походъ довольно благосклонно.

Предпріятіе Іоанна началось очень удачно. Хорошо принятый и гвельфами, и гибеллинами, онъ занялъ Брешію, Бергамо, Парму и другіе города и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, двинулся въ Тоскану. Но императоръ вдругъ измѣнилъ свои отношенія къ нему и подвергъ его наслѣдственныя владѣнія большой опасности, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Австріей. Это заставило искателя приключеній поспѣшить (1331 г.) на защиту Богеміи, куда уже вторглись австрійцы и короли венгерскій и польскій. Въ Италіи онъ оставилъ старшаго своего сына Карла и 800 рыцарей. Освободивъ Богемію, Іоаннъ отправился въ Парижъ для переговоровъ съ Филиппомъ VI, старавшимся вовлечь его въ свои планы. Расчитывая на распрю папы съ императоромъ, французскій король задумалъ отнять у Германіи остатокъ древняго бургундскаго королевства, и Іоаннъ XXII содѣйствовалъ ему въ этомъ. Іоаннъ Чешскій также присталъ къ французамъ, надѣясь найти въ Филиппѣ опору противъ короля неаполитанскаго, который враждебно смотрѣлъ на планы французскаго короля, опасаясь, чтобы его притязанія на права германской имперіи не распространились и на Италію. Изъ Парижа Іоаннъ вернулся въ Италію, гдѣ встрѣтилъ сильное и единодушное сопротивленіе, уничтожившее всѣ его мечты и надежды. Грозный союзъ французовъ, папы и наемнаго чешскаго короля соединилъ, хотя на одинъ разъ, всѣхъ мелкихъ верхнеитальянскихъ правителей. Висконти, Эсте, делла Скала, Гонзага, не обращая вниманія на различіе интересовъ и партій, соединились съ неаполитанскимъ королемъ. Іоаннъ и его сынъ,

были изгнаны изъ Италіи, остававшейся потомъ до смерти Роберта (1343 г.) подъ властью исключительно туземныхъ правителей.

6. Германія послѣ римскаго похода Людовика Баварскаго до его смерти.

Продолжительная борьба съ папою не сдѣлала Людовика Баварскаго ни просвѣщеннымъ, какъ императоръ Фридрихъ II, ни хитрымъ, какъ король Филиппъ Красивый, ни даже защитникомъ правъ имперіи въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понималъ Данте и императорскіе богословы; за эти права онъ не пожертвовалъ бы ни одною денежною выгодою, ни единымъ клочкомъ земли. Видя, что папа гордо отвергаетъ всякое примиреніе и неуклонно продолжаетъ церковную войну, Людовикъ, чтобы имѣть опору въ имперскихъ князьяхъ, старался привлечь ихъ къ себѣ утвержденіемъ за ними насильственно присвоенныхъ ими правъ, раздачею имъ различныхъ мѣстъ въ ущербъ политической организаціи страны и расширеніемъ ихъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1330 г. онъ отдалъ австрійскимъ герцогамъ, Альбрехту II Хромому и Оттону (изъ пяти братьевъ остались въ живыхъ только эти двое), даже такія права и владѣнія, которыми не имѣлъ права распоряжаться, и сверхъ того обѣщалъ двадцать тысячъ марокъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими въ войнѣ съ нимъ. Эту сумму онъ уплатилъ имперскими городами. Воспользовавшись присвоеннымъ императорами правомъ отдавать подъ залогъ своихъ долговъ имперскіе города, онъ передалъ австрійскимъ герцогамъ Цюрихъ, Шаффгаузенъ и другіе города, предоставивъ имъ въ слѣдующемъ году и имперское намѣстничество въ Швейцаріи. Но Цюрихъ и первобытные кантоны отстояли свою независимость, доказавъ, что въ Германіи право и законъ обороняли противъ сильныхъ только того, кто

самъ умѣлъ защищать свою кожу. Въ 1322 г. Люцернъ присоединился къ союзу трехъ первобытныхъ кантоновъ и нашелъ въ нихъ сильную поддержку, когда австрійцы стали пользоваться, во вредъ ему, дарованными ими привилегіями. Слѣдуя примѣру задорнаго рыцарства, остальные города старались заключать между собою оборонительные союзы противъ насилія феодаловъ.

Примѣру рыцарства и городовъ послѣдовалъ и Людовикъ въ борьбѣ съ папою, организовавъ огромный оборонительный союзъ противъ всякаго духовнаго или свѣтскаго нарушителя общественнаго спокойствія. Тотчасъ по возвращеніи изъ Италіи, онъ убѣдилъ швабскіе города заключить союзъ между собою и въ то же время пожизненный союзъ съ нимъ на сеймѣ въ Ульмѣ, императоръ привлекъ къ этому союзу всѣхъ баварскихъ владѣтелей, а Бальдуинъ Трирскій организовалъ такой же союзъ между верхнерейнскими городами. Будучи епископомъ Майнца, Вормса и Шпейера, Бальдуинъ самъ былъ правителемъ своего рода духовной монархіи, простиравшейся отъ Бельгіи до Эльзаса, и проклятія папы не могли нарушить общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ ко времени нюрнбергскаго сейма, созваннаго Людвигомъ въ 1331 г., сильнѣйшіе города и владѣтели южной Германіи составляли уже прочный союзъ для поддержанія порядка и спокойствія. Послѣ долгаго времени можно было наконецъ надѣяться, что повсюду возстановится миръ. Но при всемъ наружномъ спокойствіи Германіи, при всеобщемъ отвращеніи къ папѣ,—славившемуся только войною, притѣсненіями и пронырливой юридической и богословской ученостью,—представитель Германіи долженъ былъ переносить всѣ папскія продѣлки; иначе простодушные нѣмцы, отличающіеся болѣе туманными мудрствованіями, мечтательностью и суевѣріемъ, чѣмъ простымъ, здравымъ смысломъ, сочли бы его еретикомъ. Страшась ада, Людовикъ и его имперскіе князья унижались передъ папою, высасывавшимъ деньги Германіи, тогда какъ патріотическое единодушіе и законы предохраняли Италію, Францію и въ особенности Англію отъ чужеземнаго духовенства и ея верховнаго главы. Бѣглое

указаніе на факты подтвердить нашу мысль. Іоаннъ XXII прославился между папами преимущественно своими смѣлыми спекуляціями и выдумками, доставившими папской казнѣ новые источники доходовъ. Въ наше время, конечно, сказали бы, что онъ отличается опытностью, огромными финансовыми способностями и познаніями въ политической экономіи. Изобрѣтатель извѣстныхъ таксъ въ пользу римской церкви, Іоаннъ XXII собралъ такъ называемыми аннатами или доходами, получаемыми епископами въ первый годъ ихъ епископства, и разными другими поборами такія огромныя богатства, что, по свидѣтельству одного его родственника, онъ оставилъ послѣ себя въ папской казнѣ 17 милліоновъ золотыхъ флориновъ, а по другимъ свѣдѣніямъ еще на 7 милліоновъ серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ. И, не смотря на все это, папа осмѣливался безнаказанно насмѣхаться надъ нѣмцами. Не довольствуясь тѣмъ, что проклялъ императора, довелъ до отчаянія всѣхъ набожныхъ и слабыхъ людей и высасывалъ жизненныя силы Германіи, онъ потребовалъ еще, чтобы преемникъ Карла Великаго формально призналъ надъ собою власть сына кагорскаго ростовщика. Даже не задолго до своей смерти Іоаннъ XXII отвѣчалъ презрѣніемъ на всѣ униженныя посольства нѣмцевъ. Въ Германіи духовенство пользовалось несравненно бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ въ Италіи, Франціи и Англіи; была минута, когда Людовикъ уже соглашался, по крайней мѣрѣ наружно, подчиниться папѣ. Но Іоанну было мало наружнаго подчиненія и признанія его правъ; онъ требовалъ, чтобы Людовикъ точно такъ же повергнулъ къ его ногамъ имперію, какъ Николай V папство. Подобное требованіе возмутило даже нѣмцевъ.

Въ послѣднихъ переговорахъ Людовика съ Іоанномъ XXII, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ опять король чешскій. Вернувшись изъ Италіи, онъ уже затѣвалъ новые планы, предпринималъ новыя путешествія и, примирясь съ Людовикомъ, по прежнему сдѣлался курьеромъ между Авиньономъ, Парижемъ и Мюнхеномъ. Папа требовалъ, чтобы Людовикъ сложилъ съ себя

императорскій титулъ въ пользу своего двоюроднаго брата Генриха Нижнебаварскаго, женатаго на одной изъ дочерей чешскаго короля. Убѣжденный услужливымъ курьеромъ Іоанномъ чешскимъ, Людовикъ сдался на безстыдныя требованія папы и согласился, не спросясь имперскаго сейма, на время передать императорскую корону Генриха (1333 г.). Обрадованный папа не замедлилъ отправить въ Германію двухъ легатовъ. Папскіе послы скоро убѣдились, что чешскій король поторопился возвѣстить о томъ, что ему казалось только возможнымъ, что императоръ никогда серьёзно не думалъ передавать короны, и все это возбудило въ нѣмцахъ страшное неудовольствіе. Дѣйствительно, раздраженіе было такъ велико, что Людовикъ былъ принужденъ запираться даже передъ своими лучшими друзьями вь данномъ имъ обѣщаніи сложить съ себя императорское званіе. У него хватило даже энергіи отказать на шпейерскомъ сеймѣ папѣ, требовавшему съ Германіи десятины подъ предлогомъ крестоваго похода, и охранять твердой рукой общественное спокойствіе отъ знаменитыхъ разбойниковъ. Черезъ годъ послѣ мнимаго отреченія Людовика умеръ 90 лѣтній Іоаннъ XXII (1334 г.). На его мѣсто былъ избранъ набожный, безкорыстный монахъ изъ Тулузы, Бенедиктъ XII. Это событіе, казалось, открывало дорогу къ примиренію имперіи съ церковью. Людовикъ немедленно отправилъ въ Авиньонъ блистательное посольство, выразившее новому папѣ готовность императора подчиниться всѣмъ требованіямъ, относящимся лично до него, но не до имперіи. Бенедиктъ принялъ императорскихъ пословъ въ торжественной аудіенціи и старался уговориться съ ними относительно условій примиренія. Интриги французскаго короля Филиппа VI разстроили все дѣло.

Однимъ изъ виновниковъ такого несчастнаго исхода переговоровъ былъ опять Іоаннъ Чешскій. Его обвиняли въ томъ, что изъ ненависти къ Людовику онъ убѣдилъ французскаго короля помѣшать совершенно улаженному свиданію папы съ императоромъ. Причиною ненависти Іоанна была несбывшаяся надежда пріобрѣсти

своему дому земли герцога каринтійскаго. Генрихъ Каринтійскій умеръ въ апрѣлѣ 1335 г.; его владѣнія, согласно указу, изданному Людовикомъ по возвращеніи изъ Италіи, должны были перейти къ единственной оставшейся въ живыхъ дочери, Маргаритѣ, женѣ младшаго сына Іоанна. Но на наслѣдство герцога еще прежде предъявляли притязанія его племянники, австрійскіе герцоги, сыновья его сестры. Людовикъ, снова поссорившійся съ Іоанномъ, предоставилъ рѣшеніе этого спора третейскому суду изъ семи судей, постановившихъ, по обычаю новѣйшихъ дипломатовъ, двусмысленный приговоръ. Вопреки данному Генриху обѣщанію признать его дочерей наслѣдницами; Людовикъ отдалъ Каринтію, Крайну и часть Тироля австрійскимъ герцогамъ, Альбрехту II и Оттону, остальную же часть Тироля присоединилъ къ Баваріи. Іоанну, задержанному въ Парижѣ раною, полученною на турнирѣ, Людовикъ объявилъ, что обѣщалъ признать наслѣдницами дочерей Генриха въ такомъ только случаѣ, если его оффиціально извѣстятъ объ ихъ замужствѣ, чего не было сдѣлано при помолвкѣ Маргариты съ чешскимъ принцемъ Іоанномъ Генрихомъ. Каринтія и Крайна перешли во владѣніе австрійцевъ, но Тироль остался за Маргаритою; присягнувшій ей тирольскій сеймъ не хотѣлъ и слушать о раздѣленіи графства. Чтобы отстоять права своего сына Іоанна Генриха, чешскій король и его старшій сынъ Карлъ, заключивъ союзъ съ нѣсколькими итальянскими владѣтелями и королями польскимъ и венгерскимъ, начали въ 1336 г. войну съ Австріей.

Эта война разомъ уничтожила все, что было сдѣлано для примиренія Людовика съ церковью. Бенедиктъ, чувствуя себя въ Авиньонѣ въ полной зависимости французскаго короля и надѣясь съ помощью Людовика возвратиться въ Римъ, самъ искренно желалъ мира. Но примиреніе не могло совершиться безъ содѣйствія кардиналовъ, большинство которыхъ были французы, помогавшіе своему королю возвышать Францію въ ущербъ Германіи. Такимъ образомъ папа былъ вынужденъ поступить противъ соб-

ственнаго желанія. Понуждаемый Филиппомъ и кардиналами, онъ предъявилъ Людовику такія требованія, какихъ не могъ выполнить ни одинъ императоръ, не дѣлаясь измѣнникомъ своему народу. Людовикъ долженъ былъ формально признать притязанія Филиппа на Бургундію и справедливость дѣйствій неаполитанскаго короля относительно нѣмецкихъ вассаловъ въ Италіи. Чтобы смягчить враговъ, императоръ рѣшился сдѣлать всевозможныя уступки. Онъ отказался отъ всего, что было предпринято со временъ Генриха VII противъ гвельфовъ и Роберта Неаполитанскаго, раскаявался во всемъ, что было писано и дѣлаемо его именемъ противъ папы Іоанна XXII, обѣщалъ взять клятву съ германскихъ князей и епископовъ въ томъ, что они будутъ преслѣдовать его войною, если онъ не выполнитъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ имъ папѣ, и наконецъ былъ на столько слабъ, что поручилъ уполномоченнымъ, отправленнымъ къ Бенедикту, вести переговоры не только съ папою, но и съ французскимъ королемъ. Это порученіе было въ особенности постыдно потому, что въ то же время Филиппъ старался чрезъ посредство папы разстроить переговоры, начатые между Людовикомъ и англійскимъ королемъ. Императоръ отрекался чрезъ своихъ пословъ отъ лучшихъ союзниковъ, объявивъ, что строгіе каноники и набожные богословы, писавшіе за него различные протесты, не только обманывали его, простодушнаго солдата, но и составляли подложные документы. Не такъ важно было бы, еслибы Людовикъ измѣнилъ только умершимъ друзьямъ, вѣроятно довольно равнодушныхъ къ папскимъ проклятіямъ; дурно то, что онъ отдавалъ на жертву врагамъ живыхъ, которыхъ они хотѣли уничтожить. И всѣ эти униженія остались совершенно безплодными. Французскіе кардиналы, дѣйствовавшіе изъ патріотизма противъ императора и папы, заставили Бенедикта подвергнуть довѣрчивыхъ, терпѣливыхъ и простодушныхъ нѣмцевъ слишкомъ тяжелому испытанію, пробудившему наконецъ и въ нихъ патріотическія чувства.

Узнавъ тайные замыслы Филиппа, послы Людовика, пфальц-

графъ Рупрехтъ и маркграфъ Вильгельмъ Юлихскій, прося императора отозвать ихъ, уговаривали его продолжать переговоры съ Англіею. Бенедиктъ угадалъ ихъ намѣренія, понялъ, что его не будутъ болѣе просить и умолялъ французскаго короля позволить ему сдѣлать императору уступки. Но Филиппъ не хотѣлъ вѣрить, что и нѣмцы могутъ быть проницательны и смѣлы. Событія вскорѣ доказали, что Бенедиктъ не ошибался (1337 г.). Людовикъ вдругъ перемѣнилъ политику: онъ прервалъ переговоры съ папою, снова принялъ императорскій титулъ, который за годъ передъ тѣмъ сложилъ съ себя въ угоду папѣ, заключилъ союзъ съ Эдуардомъ III и сдѣлалъ воззваніе къ народу. Англійскій король, находившійся въ войнѣ съ Франціею, также искалъ опоры въ Германіи, желая черезъ союзъ съ императоромъ воспользоваться нидерландскимъ рыцарствомъ. Нидерландское рыцарство, владѣя тоже и французскими ленами, избѣгало обвиненія въ нарушеніи присяги Филиппу VI только въ такомъ случаѣ, еслибы Эдуардъ III былъ назначенъ Людовикомъ имперскимъ намѣстникомъ Нидерландовъ и призвалъ на войну рыцарей, какъ вассаловъ имперіи. Англійскому королю былъ нуженъ собственно только титулъ, и онъ добился его, благодаря грязной продажности свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей Германіи. Самъ императоръ получилъ отъ Эдуарда за назначеніе его имперскимъ намѣстникомъ и за обѣщаніе ему помощи въ войнѣ съ Франціей 80 тысячъ золотыхъ гульденовъ; сверхъ того Эдуардъ обязался уплатить впослѣдствіи еще 240 тысячъ. По заключеніи договора произошло въ Кобленцѣ (1338 г.) торжественное свиданіе между Людовикомъ и Эдуардомъ. Глупыя и пустыя церемоніи этого свиданія, по обычаю нѣмцевъ и обыкновенію нынѣшнихъ нѣмецкихъ газетъ, описаны до мельчайшихъ подробностей въ германскихъ хроникахъ. Въ Кобленцѣ Эдуардъ былъ торжественно возведенъ въ званіе намѣстника, и затѣмъ разыгралась такая же комедія заочнаго суда, какъ при Генрихѣ VII надъ Робертомъ Неаполитанскимъ. Французскій король былъ осужденъ за неисполненіе обязанностей, лежавшихъ на немъ, какъ на ленномъ

вассалѣ имперіи. Филиппъ смотрѣлъ, разумѣется, очень равнодушно на всю эту комедію, ни мало не помѣшавшую ему вербовать за деньги нѣмецкихъ наемниковъ. Впрочемъ, новые союзники разстались втайнѣ недовольные другъ другомъ. Эдуардъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что отъ него требовали выраженія особаго почтенія императору; Людовикъ былъ задѣтъ затмившимъ его блескомъ англійскаго короля и неисполненіемъ Эдуардомъ нѣкоторыхъ условій этикета, до котораго вообще такіе охотники педантичные нѣмцы.

За исключеніемъ чешскаго короля, всѣ германскіе князья приняли участіе въ дѣлѣ Людовика, считая его вопросомъ, касавшимся всего народа. Даже самый отъявленный противникъ императора, епископъ страсбургскій, объявилъ себя въ его пользу, а курфирстъ майнцскій, Генрихъ фонъ Фирнебургъ, обязанный нѣкоторымъ образомъ Іоанну XXII званіемъ курфирста, изъ поборника папской власти обратился въ горячаго патріота. Обращеніе это произошло вслѣдствіе того, что Людовикъ уговорилъ Бальдуина Трирскаго уступить майнцское архіепископство Генриху; съ тѣхъ поръ онъ присоединился къ императору и сталъ дѣйствовать противъ подчиненнаго французамъ папы. Въ мартѣ 1338 г. созвавъ, епископовъ своего округа, онъ условился съ ними принять посредничество между императоромъ и папою, получивъ отъ Людовика обѣщаніе сдѣлать съ своей стороны все, что не будетъ противно правамъ имперіи. Собраніе отправило къ папѣ посольство, объявившее ему именемъ майнцскихъ епископовъ и примаса Германіи, что если онъ не сниметъ съ императора интердикта, то они должны будутъ рѣшить между собой, что имъ слѣдуетъ предпринять для поддержанія правъ и чести германской имперіи. Нижнерейнское духовенство, кромѣ одного епископа люттихскаго, подкупленное Людовикомъ англійскими деньгами, которыми они всѣ болѣе или менѣе поживились, приняло также сторону императора, привлекшаго къ себѣ и архіепископа кёльнскаго. По примѣру верхнерейнскихъ епископовъ, они тоже стали совѣщаться о своихъ будущихъ дѣй-

ствіяхъ. Въ маѣ 1338 г. Людовикъ созвалъ большой имперскій сеймъ во Франкфуртѣ. Здѣсь былъ объявленъ сейму результатъ поѣздки майнцскихъ епископовъ въ Авиньонъ. Бенедиктъ со слезами сказалъ имъ, что не смѣетъ снять съ императора отлученія, потому что не можетъ дѣйствовать по собственному желанію, находясь въ полной зависимости постоянно угрожающаго ему французскаго короля. Не будучи даже въ состояніи найти на французской землѣ болѣе надежныхъ проводниковъ германскимъ посламъ, папа долженъ былъ отослать ихъ чрезъ Альпы въ Лозанну подъ охраною владѣтеля Дофинэ. На блистательный и многочисленный франкфуртскій сеймъ, которому предстояло опредѣлить разъ навсегда границы свѣтской и духовной власти въ Германіи, было приглашено множество юристовъ и богослововъ. Чтобы публично заявить чистоту своей вѣры и свою набожность, императоръ прочелъ „Отче нашъ“, „Богородицу“ и „Символъ вѣры“. Послѣ того каноники, юристы и епископы оправдали образъ его дѣйствій относительно папы. Сеймъ рѣшилъ, что императоръ выполнилъ всѣ свои обязанности къ церкви и папѣ, призналъ незаконными и недѣйствительными мѣры, принятыя противъ него Іоанномъ XXII, и объявилъ, что тотъ изъ духовныхъ, кто подчинится несправедливымъ требованіямъ интердикта, будетъ наказанъ какъ врагъ отечества. Такимъ образомъ сеймъ сдѣлалъ споръ Людовика съ папою вопросомъ національнымъ. Разсмотрѣніе высказаннаго папою притязанія на распоряженіе римскою императорскою короною было предоставлено курфирстамъ. Сопровождаемые императоромъ, они всѣ, за исключеніемъ чешскаго короля, отправились въ Кёнигштуль, находящійся возлѣ мѣстечка Рензе, недалеко отъ Боппарда, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ избирались германскіе короли. Въ Кёнигштулѣ курфирсты постановили весьма энергическія рѣшенія и заключили первый встрѣчающійся въ исторіи Германіи союзъ курфирстовъ. Они объявили папскія притязанія незаконными, клятвенно обязались защищать права имперіи и свое избирательное право и единодушно под-

держивать другъ друга. По принятіи такого рѣшенія, императоръ снова вернулся во Франкфуртъ, хотя зналъ, что сеймъ уже разошелся, и, прочитавъ рѣшеніе курфирстовъ франкфуртцамъ, обнародовалъ его въ Германіи, какъ постановленіе сейма. Изъ Франкфурта онъ отправился въ Кобленцъ на упомянутое нами свиданіе съ Эдуардомъ III. Курфирсты же отправили отъ себя посольство къ Бенедикту съ объявленіемъ, что они не признаютъ ни процесса Іоанна XXII, ни другихъ приговоровъ надъ императоромъ, присланныхъ изъ Авиньона.

Постановленія императора и курфирстовъ были введены въ дѣйствіе въ большей части имперіи силою. Духовенству городовъ и монастырей, отказывавшемуся совершать богослуженія по установленному порядку, давалась недѣля на размышленіе; по истеченіи ея тѣ изъ нихъ, которые продолжали упорствовать, должны были удалиться изъ своего мѣстопребыванія и не могли возвратиться туда ранѣе десяти лѣтъ, даже еслибы перемѣнили свой образъ мыслей. При этомъ, какъ постоянно со временъ Генриха IV, всего болѣе патріотизма выказали германскіе города, центры народнаго благосостоянія, цивилизаціи, просвѣщенія и поэзіи, бѣжавшей изъ рыцарскихъ замковъ, какъ вертеповъ разбойниковъ. Буржуазіи нерѣдко приходилось отстаивать императорскія постановленія не только противъ духовенства, но и противъ аристократіи, занимавшей въ нѣкоторыхъ городахъ судебныя должности. Въ началѣ духовенство стояло за папу и покинуло свои мѣста, но, пошатавшись безъ мѣстъ и узнавъ нужду, большинство раскаялось въ своемъ фанатизмѣ, хотя ихъ услугъ и не приняли впослѣдствіи. Одни монахи, преимущественно доминиканцы, остались вѣрны папѣ; они срывали съ церквей постановленіе сейма, снимавшее съ императора интердиктъ и, по своему обыкновенію, осыпали страшнѣйшими ругательствами остальное духовенство. Также мало вниманія обращалъ на императора и его права Іоаннъ Чешскій, продолжавшій покровительствовать французамъ изъ Люксембурга и взявшій подъ свою защиту епископа люттихскаго. Онъ

и нищенствующіе монахи съ своими креатурами могли безнаказанно продолжать свои подвиги, потому что въ Германіи тогда, какъ и теперь, гораздо больше писали и приказывали, чѣмъ дѣйствовали и приводили въ исполненіе. Не смотря на новыя постановленія, въ точности опредѣлявшія отношенія папы къ имперіи, Людовикъ продолжалъ тайно сноситься съ Бенедиктомъ и готовъ былъ пожертвовать за расположеніе папы всѣми защитниками своихъ правъ. Какую пользу могъ бы онъ принести имперіи, еслибы, вмѣсто всѣхъ просьбъ и переговоровъ, заключивъ союзъ съ Англіей, началъ войну съ французскимъ королемъ и, вопреки его интригамъ, примирился съ папою! Но Людовикъ не умѣлъ воспользоваться, какъ мы увидимъ изъ исторіи Франціи и Англіи, тогдашнимъ политическимъ положеніемъ Европы; стремленіе нѣмцевъ и его собственныя были мелочны и направлены исключительно къ гнуснымъ корыстнымъ интересамъ. Къ чему могъ послужить, при такихъ условіяхъ, вторичный большой сеймъ, собранный во Франкфуртѣ и продолжавшійся отъ марта до мая 1339 г. На немъ были только повторены послѣ болѣе длинныхъ переговоровъ прежнія положенія и постановленія, тогда какъ нужно было дѣйствовать, а не проводить время въ развитіи системъ, словопреніяхъ и посланіяхъ.

Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ сеймовъ были старанія Людовика обогатить свое семейство и система управленія Германіей, возбудившая противъ него и друзей и недруговъ. Нѣмцы перестали желать ему успѣха, убѣдясь, что для своихъ личныхъ выгодъ императоръ готовъ поправить всѣ свѣтскія и духовныя права. Образъ дѣйствій Людовика показываетъ, въ какомъ состояніи находилось въ то время въ Германіи правосудіе и какъ легко было императору, — не смотря на множество ученыхъ, устремившихъ въ XIV вѣкѣ всю свою премудрость на германское, римское и каноническое права, писавшихъ трактаты и принимавшихъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, — не смотря на безконечно длинное судопроизводство и на бездну формальностей въ судахъ и про-

цессахъ, — поставить произволъ, насиліе и деспотизмъ вмѣсто закона и права. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Однажды граждане Верта прислали къ Людовику депутатовъ съ жалобою на несправедливое распредѣленіе обременительныхъ налоговъ, которые онъ требовалъ отъ нихъ. Императоръ велѣлъ ослѣпить депутатовъ, рѣзко высказавшихъ ему правду, а одного изъ нихъ приказалъ зашить въ мѣшокъ и бросить въ Дунай. Регенсбургцамъ пришлось бы, вѣроятно, еще хуже, еслибы они не отразили силой насилія. Граждане Регенсбурга поссорились съ своимъ епископомъ, другомъ императора, наложившаго на нихъ за то пеню въ 40 тысячъ марокъ. Они отказались уплатить ее, повѣсили на городской стѣнѣ измѣнниковъ, хотѣвшихъ впустить въ городъ высланныхъ противъ нихъ солдатъ Людовика, и отразили военную экзекуцію. Въ 1340 г., по пресѣченіи нижнебаварской линіи, Людовикъ, вопреки правамъ своихъ племянниковъ, сыновей Рудольфа Пфальцскаго, завладѣлъ всѣмъ этимъ краемъ, заставивъ наслѣдниковъ удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и нѣкоторыми привилегіями, включенными въ павійскій договоръ. Ему очень хотѣлось также создать несправедливыми мѣрами особое герцогство швабское для своего сына Стефана, назначеннаго фогтомъ въ Швабію; но швабы были на сторожѣ, зная изъ его поступковъ съ Тиролемъ, что̀ означаетъ этотъ титулъ.

Руководствуясь исключительно жадностью къ пріобрѣтенію, Людовикъ, въ своихъ дѣйствіяхъ относительно Тироля, не обратилъ никакого вниманія на права, признававшіяся божескими. Въ 1336 г. Іоаннъ Чешскій заключилъ миръ съ герцогами австрійскими, уступивъ имъ Каринтію и Крайну, взамѣнъ признанія Людовикомъ Маргариты и его сына Іоанна Генриха законными владѣтелями Тироля. Вскорѣ его сына постигло новое несчастье. Выйдя замужъ за ребенка, сладострастная Маргарита жила съ нимъ въ постоянномъ несогласіи. Тирольцы приняли сторону своей принцессы, изгнали Іоанна Генриха и его брата Карла, поспѣшившаго къ нему

на помощь и страшно буйствовавшаго, затѣмъ обратились къ императору и втайнѣ условились съ нимъ, что его сынъ Людовикъ Бранденбургскій, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, женится на Маргаритѣ. Увѣренный, что папа никогда не согласится развести ее съ первымъ мужемъ, Людовикъ рѣшился покончить этотъ вопросъ императорской властью. Такой поступокъ былъ до того противенъ обычному церковному праву, что Бенедиктъ приказалъ патріарху аквилейскому отлучить отъ церкви Маргариту и Людовика Бранденбургскаго, еслибы они заключили этотъ прелюбодѣйственный — какъ онъ выражался — бракъ. Но объ этомъ не заботились императорскіе юристы и каноники. Они придумали теорію, предоставлявшую императору и учрежденному имъ суду изслѣдованіе дѣйствительности брачныхъ узъ, а епископу право развода. Основываясь на этой теоріи, Людовикъ созвалъ торжественный судъ и, не обращая вниманія на то, что Іоаннъ Генрихъ, не признававшій за нимъ права распоряжаться его судьбою, не явился по его требованію, объявилъ бракъ Маргариты недѣйствительнымъ. Мы не знаемъ были ли они разведены епископомъ фрейзингенскимъ, но на блестящей свадьбѣ Людовика и Маргариты, праздновавшейся въ тирольскомъ замкѣ Меранѣ (февраль 1342 г.), присутствовали многіе епископы.

Такой поступокъ въ болѣе прямодушное, чуждое всякихъ софизмовъ время, долженъ былъ доказать мыслящему меньшинству, что папская власть еще необходима для ограниченія императорскаго произвола. Людовикъ позволялъ себѣ и другія нарушенія правъ. Желая окружить себя царскимъ блескомъ, но не имѣя въ Тиролѣ ни владѣній, ни доходовъ, молодой Людовикъ жаловался на свое положеніе отцу. Императоръ, по свидѣтельству лѣтописей, посовѣтовалъ сыну то же, что, по словамъ Геродота, сказалъ нѣкогда милетскій тираннъ — коринѳскому (т. III. стр. 177), съ тою разницею, что символическій намекъ грековъ былъ направленъ противъ жизни, а баварскій противъ имущества аристократовъ. Людовикъ посовѣтовалъ сыну подрѣзать длинную одежду свѣт-

скихъ феодаловъ и сдѣлать прорѣхи въ слишкомъ широкихъ мантіяхъ духовныхъ. Давая такіе совѣты, самъ императоръ въ то же время силою навязывалъ аугсбургцамъ епископа, который не только, подобно многимъ другимъ, занимался разбойничьимъ ремесломъ, но, уже будучи епископомъ, отличался самымъ дикимъ сладострастіемъ и систематически грабилъ духовныя и свѣтскія владѣнія. Такими произвольными поступками Людовикъ далъ противъ себя сильное оружіе преемнику Бенедикта, новому папѣ, пошедшему по слѣдамъ Іоанна XXII.

Въ апрѣлѣ 1342 умеръ кроткій, набожный Бенедиктъ XII, и на папскій престолъ вступилъ расточительный французскій дворянинъ Климентъ VI. Онъ съ ожесточеніемъ возобновилъ споръ съ императоромъ, не смотря на то, что Людовикъ до конца жизни Бенедикта не переставалъ умолять его о прощеніи и къ новому папѣ немедленно отправилъ посольство. Климентъ VI съ презрѣніемъ отослалъ его пословъ, отклонивъ даже посредничество французскаго короля, которое два ли впрочемъ было серьозно, и возобновилъ грозное отлученіе Іоанна XXII. Людовикъ, повидимому всего болѣе расчитывавшій на имперскіе города, находившіеся въ постоянной войнѣ съ князьями и рыцарствомъ, изъ угожденія имъ снова возвѣстилъ земскій міръ. Феодалы, раздраженные его стремленіемъ присвоивать себѣ чужія владѣнія и деспотическими поступками въ тирольскомъ дѣлѣ, все болѣе и болѣе отдалялись отъ него. Король чешскій по прежнему оставался главнымъ союзникомъ папы и французскаго короля, назначившаго его въ 1338 г. главнокомандующимъ своихъ войскъ и намѣстникомъ Лангедока; но непостоянный Іоаннъ, почти совсѣмъ ослѣпшій, не пользовался большимъ вліяніемъ въ Германіи. Чехи презирали его за мотовство и постоянное шатанье по свѣту, разстроившія его финансы до такой степени, что всѣ его богемскіе замки обратились въ негодныя для жилья развалины. Альбрехтъ Австрійскій оставался другомъ папы и хранилъ благоразумный нейтралитетъ. Архіепископъ Трирскій Бальдуинъ открыто разошелся съ императоромъ и

присоединился къ папѣ. Пфальцграфъ рейнскій, ближайшій родственникъ Людовика, былъ въ ссорѣ съ его новымъ союзникомъ Генрихомъ Майнцскимъ. Всѣмъ этимъ отлично съумѣлъ воспользоваться Климентъ; по его предложенію, курфирсты уже въ іюнѣ 1343 г. обсуживали въ Рензе вопросъ объ избраніи новаго императора. Людовикъ обнаружилъ при этомъ странное малодушіе. Онъ самымъ недостойнымъ образомъ умолялъ французскаго короля взять на себя посредничество, старался отклонить избраніе новаго императора униженіями передъ Климентомъ, и подобно Генриху IV (т. VI стр. 281) обязался передъ имперскими князьями добиться къ опредѣленному сроку папскаго прощенія. Императоръ нѣсколько разъ посылалъ къ папѣ своихъ знаменитыхъ юристовъ и канониковъ, Рандегга и Гангёра, для удовлетворенія всѣмъ формальностямъ, и, принявъ въ Ландсгутѣ депутатовъ папы, подписалъ, въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей, всѣ ихъ повелительныя требованія. Своею уступчивостью онъ даже поставилъ въ смущеніе папу и кардиналовъ, что не помѣшало ему отправить въ январѣ 1344 г. новое посольство въ Авиньонъ, согласившееся на новыя папскія требованія.

Мы не беремся рѣшать, серьозно ли дѣйствовалъ при этомъ папа, и не были ли всѣ поступки Людовика внушены ему его совѣтниками, не уступавшими хитростью и умѣньемъ надувать самой папской канцеляріи. Не съ умысломъ ли подстрекали они папу уступками на новыя притязанія, чтобы вывести наконецъ изъ терпѣнія ослѣпленныхъ нѣмцевъ? Очевидно только, что папа заблуждался относительно господствовавшаго въ Германіи настроенія. Не безъ условій однако онъ согласился и на послѣднія предложенія, которыми императоръ обязывался на гораздо большее, чѣмъ отъ него вначалѣ требовали. Заставивъ пословъ дожидаться отвѣта съ января по апрѣль, Климентъ объявилъ имъ условія, касавшіяся не столько императора, просившаго отпущенія, сколько всего государства, не нуждавшагося въ прощеніи. Людовикъ и тутъ притворился готовымъ испить до дна горькую чашу, подносимую ему папой. Въ сен-

тябрѣ 1344 г. онъ созвалъ во Франкфуртѣ сеймъ, чтобы сообщить націи ультиматумъ папы, заранѣе увѣдомивъ о немъ курфирстовъ. Собравшись въ Кёльнѣ, курфирсты объявили, что не могутъ согласиться на папскія требованія, потому что этимъ нарушили бы присягу основнымъ положеніямъ, принятымъ ими за нѣсколько лѣтъ до того въ Рензе. Рѣшеніе курфирстовъ, объявленное во Франкфуртѣ, куда стараніями императора собралось много депутатовъ отъ городовъ, было единодушно принято сеймомъ. Къ сожалѣнію, нѣмецкая щепетильность и педантичность помѣшали рѣшительному приговору сейма надъ папскими притязаніями. Окончательное рѣшеніе только для соблюденія одной формальности было отложено до новаго съѣзда курфирстовъ въ Рензе, которое, собравшись пустилось въ безконечныя пренія. Союзники папы и французскаго короля, Іоаннъ Чешскій и его сынъ Карлъ, присутствовавшіе на этомъ собраніи, жаловались здѣсь на дѣйствія императора; остальные курфирсты были въ ссорѣ между собой и сердились на Людовика за его злоупотребленія. Условившись наконецъ въ опредѣленіи правъ, принадлежащихъ императору, вопреки всѣмъ притязаніямъ папы, они отправили въ Авиньонъ посольство. Это посольство передало папѣ отвѣтъ сейма относительно сдѣланныхъ имъ императору условій, прибавивъ, что по этому вопросу не можетъ быть даже никакихъ переговоровъ. Пораженый неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Климентъ высказалъ, что удивляется, какъ могъ Людовикъ перехитрить его. Но уже въ слѣдующемъ году (1345 г.) старый, слѣпой и окончательно разорившійся чешскій король снова сталъ дѣйствовать въ пользу папы противъ императора. На этотъ разъ Людовикъ отвѣчалъ ему не однимъ дипломатическимъ оружіемъ, но и выказалъ много энергіи и дѣятельности. Онъ повелъ переговоры черезъ Бальдуина и, убѣдившись въ ихъ безплодности, сталъ во главѣ многочисленнаго войска. Такимъ образомъ спокойствіе въ Германіи было упрочено, и французскій король не рѣшился поддерживать люксембургскій домъ. Во то же время императоръ сталъ искать союзниковъ внѣ

Германіи и началъ черезъ своего сына переговоры съ Англіей. Эдуардъ III прислалъ въ Германію двухъ уполномоченныхъ въ то самое время, когда Іоаннъ Чешскій повелъ войско на помощь французамъ противъ англичанъ.

Въ это время Людовикъ охотно примирился бы съ папою, потому что представлялась возможность присоединить къ своимъ родовымъ владѣніямъ одну изъ значительныхъ провинцій имперіи. Мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на это событіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о Голландіи, коснувшись уже болѣе или менѣе подробно исторіи остальныхъ нѣмецкихъ провинцій. Людовикъ былъ женатъ во второй разъ на сестрѣ Вильгельма IV, владѣтеля Голландіи, Зеландіи, Утрехта и Фрисландіи. Человѣкъ вспыльчивый и безпокойный, Вильгельмъ своими угнетеніями довелъ Утрехтъ и Фрисландію до отпаденія. Ища приключеній, онъ предпринималъ въ послѣдніе годы жизни походы противъ турокъ и противъ язычниковъ Пруссіи и Литвы, а по возвращеніи въ Голландію рѣшился отмстить Утрехту и съ звѣрскою жестокостью сталъ опустошать города и села. Позабывъ о судьбѣ своего предшественника (т. VII. стр. 378), онъ напалъ на храбрыхъ, свободныхъ и свободолюбивыхъ фризовъ. Вильгельмъ III по крайней мѣрѣ воспользовался зимними морозами для нападенія на страну, непроходимую отъ болотъ и топей; Вильгельмъ IV не принялъ даже и этой предосторожности, начавъ походъ въ сентябрѣ. Тяжело вооруженное голландское рыцарство не годилось для борьбы съ фризами, вооруженіе которыхъ было приспособлено къ мѣстнымъ условіямъ. Избравъ удобную для себя позицію, фризы нанесли голландцамъ рѣшительное пораженіе (1345 года). Вильгельмъ палъ въ битвѣ вмѣстѣ съ большею частью войска. Смотря на пораженіе голландцевъ, какъ на побѣду надъ тиранномъ, фризы положили праздновать всегда этотъ день, стыдясь въ тоже время смерти Вильгельма, убитаго коварнымъ образомъ. Впрочемъ, впослѣдствіи они снова присягнули въ вѣрности графу голландскому. Съ Вильгельмомъ IV пресѣклась мужская линія авенскаго дома (т. VII. стр.

409) и на графство предъявили притязанія три его сестры: старшая, бывшая замужемъ за императоромъ Людовикомъ, вторая—за Эдуардомъ III Англійскимъ и третья жена графа юлихскаго Вильгельма VII. Вторая и младшая требовали, по обычаю и преданіямъ страны, раздѣла отцовскаго наслѣдія; но императорскіе юристы придумали основанія, дѣлавшія старшую сестру и ея сына единственными наслѣдниками. По ихъ совѣту Людовикъ объявилъ владѣнія Вильгельма имперскимъ леномъ и, отдавъ его своему, еще несовершеннолѣтнему, сыну отъ Маргариты, Вильгельму V, отправилъ его съ матерью въ Нидерланды. Новая наука права послужила въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ тирольскомъ, явной неправдѣ. Нидерландскія государственныя сословія, подобно тирольскимъ, предупредили волю императора, не желая допускать раздѣленія соединенныхъ провинцій. Они съ восторгомъ приняли мать молодаго графа и признали ее опекуншею сына. Вильгельмъ V владѣлъ Нидерландами до тѣхъ поръ, пока окончательно не сошелъ съ ума. Ему наслѣдовалъ его братъ Альбрехтъ.

Такимъ образомъ Людовику удалось доставить своему дому три важнѣйшихъ владѣнія. Казалось, что и Австріи грозила подобная же участь, послѣ того какъ Людовикъ Бранденбургскій, вступивъ во владѣніе Тиролемъ, принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ герцога Каринтіи и Крайны. Насильственные поступки Людовика естественно должны были пріобрѣсти новыхъ друзей его неумолимому противнику—папѣ, въ которомъ видѣли оплотъ противъ деспотизма императора. Въ то время какъ Людовикъ былъ занятъ Нидерландами, Климентъ VI неутомимо трудился надъ организаціей тайнаго союза и, найдя себѣ орудіе въ старшемъ сынѣ Іоанна Чешскаго, простиравшемъ свои честолюбивые виды на германскую корону, приступилъ къ энергическимъ мѣрамъ. Въ январѣ 1346 г. папа розослалъ ко всѣмъ епископамъ Германіи, Италіи, Сициліи и Франціи посланіе, предававшее императора самому страшному проклятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ составить длинный, написанный въ духѣ римскаго двора, манифестъ, назы-

вавшійся конечнымъ приговоромъ, обнародовалъ его вмѣстѣ съ анаѳемою маранаѳа, т. е. со всѣми обрядами и формулами іудейскаго проклятія (т. VI. стр. 45,), въ страстной четвергъ, т. е. въ день страданій Спасителя, преемникомъ котораго онъ считалъ себя, снова разрѣшилъ отъ клятвы всѣ имперскіе города и требовалъ отъ нихъ избранія другаго императора, говоря, что и новому императору они должны повиноваться только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ оставаться послушнымъ сыномъ католической церкви (13 апрѣля 1346 г.).

Но прежде, чѣмъ указать нѣмцамъ на кого долженъ пасть ихъ новый выборъ, папѣ было необходимо удалить германскаго примаса, Генриха фонъ Фирнебурга, болѣе преданнаго отечеству, чѣмъ интересамъ французскаго папы. Съ самаго вступленія на папскій престолъ, Климентъ старался угрозами заставить его отдѣлиться отъ императора, а впослѣдствіи, чтобы оскорбить Генриха, объявилъ независимою богемскую церковь, до тѣхъ поръ подчиненную архіепископу майнцскому, и подчинилъ архіепископа пражскаго непосредственно папѣ. Теперь Климентъ рѣшился дѣйствовать и противъ него крайними мѣрами. И въ этомъ случаѣ папа нашелъ себѣ орудіе въ потомкѣ одного изъ княжескихъ домовъ, Герлахѣ Нассаускомъ, внукѣ императора Адольфа. Съ Генриха было, безъ всякихъ разсужденій, снято званіе епископа, а майнцскимъ архіепископомъ назначенъ Герлахъ. Архіепископа кёльнскаго и бѣднаго курфирста Рудольфа Саксонскаго Климентъ привлекъ на свою сторону подкупомъ. Когда все было такимъ образомъ подготовлено, курфирсты трирскій, кёльнскій, богемскій и саксонскій и Герлахъ Нассаускій сошлись въ Рензе, и на мѣсто Людовика, переставшаго, какъ они выражались, царствовать со времени указовъ Іоанна XXII, избрали императоромъ Карла IV, сына Іоанна Чешскаго (іюль 1346 г.). Этого избранія не признали ни Людовикъ Бранденбургскій, ни Рудольфъ Пфальцскій, ни Генрихъ фонъ Фирнебургъ, не думавшій оставлять своего епископства.

Узнавъ объ избраніи Карла, Людовикъ, готовившійся въ

Тиролѣ къ новому походу въ Италію, поспѣшилъ на Рейнъ. Онъ немедленно созвалъ сеймъ въ Шпейерѣ, а потомъ другой, еще болѣе блистательный, во Франкфуртѣ, и отправился внизъ по Рейну, въ то время какъ его жена высылала изъ Нидерландовъ войска противъ Карла и его приверженцевъ. Между тѣмъ Карлъ, не впущенный въ Ахенъ, удалился изъ Германіи и вмѣстѣ съ отцомъ присоединился къ французскому войску, выступившему противъ англичанъ. Вслѣдъ затѣмъ (августъ 1346 г.) послѣдовала несчастная для французовъ битва при Кресси, стоившая жизни Іоанну Чешскому. Карлъ, не смотря на свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, по всей вѣроятности, не принималъ никакого участія въ этомъ сраженіи. Смерть безпокойнаго чешскаго короля не принесла пользы нѣмцамъ, но была большимъ счастьемъ для чеховъ. Имъ не приходилось болѣе платить за мотовство короля, а Карлъ, менѣе отца привязанный къ Люксембургу и не надѣясь извлечь большихъ выгодъ изъ императорскаго званія, въ теченіе всей своей жизни старался возвести Богемію на степень могущественнаго государства. Избраніе новаго императора почувствовали особенно ощутительно Баварія и Тироль, угнетаемые Людовикомъ, нуждавшимся въ деньгахъ для поддержанія войны съ Карломъ и для покрытія политическихъ и дипломатическихъ поѣздокъ. Въ остальной Германіи отсутствіе верховной единодержавной власти не было такъ чувствительно, вслѣдствіе разрозненности страны, независимости всякаго отдѣльнаго города, князя и рыцаря, а отчасти и сельскаго населенія, тамъ гдѣ общины сохранили прежнее самоуправленіе. Впрочемъ, не все-ли равно было большинству, Карломъ или Людовикомъ назывался человѣкъ, подписывавшій за деньги и услуги какія угодно граматы и указы.

Послѣ битвы при Кресси Карлъ вернулся на Рейнъ и, вторично не впущенный ахенцами, короновался въ Боннѣ (ноябрь 1346 г.). Оттуда онъ отправился въ Вѣну, чтобы отклонить отъ союза съ баварской партіей самаго благороднаго и умнаго изъ германскихъ князей, Альбрехта Австрійскаго, не задолго передъ тѣмъ

безуспѣшно предлагавшаго папѣ свое посредничество въ спорѣ съ Людовикомъ. Для той же цѣли явился въ Вѣну, вмѣстѣ съ Карломъ, и венгерскій король Людовикъ; но Альбрехтъ не принялъ ихъ предложеній. Затѣмъ Карлъ вступилъ въ сношенія съ итальянцами, испуганными приготовленіями Людовика къ новому походу, и въ то же время старался возстановить швабовъ, думавшихъ, что Людовикъ не шутя прочитъ имъ въ герцоги своего сына Стефана. Но и тутъ его ожидала неудача. Едва прибывъ въ Тріентъ, онъ тотчасъ же долженъ былъ удалиться въ Богемію, покинутый друзьями при приближеніи баварско-тирольскаго войска. Заключивъ между собою союзъ, швабы возстали противъ Людовика. Карлъ двинулся къ нимъ на помощь, но явился только затѣмъ, чтобы поспѣшно отступить, потому что войсками городовъ Стефанъ скоро подавилъ возстаніе швабовъ. Значеніе германской націи падало вмѣстѣ съ значеніемъ императорства, въ чемъ легко убѣдиться, бросивъ взглядъ на положеніе имперіи. Пользуясь борьбою двухъ императоровъ, князья и рыцари старались пріобрѣтать себѣ отъ каждаго изъ нихъ привилегіи, дававшія имъ право на всякія насилія и мерзости. Патентами и пергаментами они думали оправдать въ глазахъ потомства отнятіе правъ у согражданъ и лишали имущества и свободы всякаго, кто не могъ защищаться оружіемъ или крѣпкими стѣнами. Такимъ образомъ, ловя рыбу въ мутной водѣ, графы вестербургскій и изенбургскій, обогатились на счетъ гражданъ Трира, а владѣтели гессенскій, мейссенскій и геннебергскій на счетъ майнцской церкви, подъ предлогомъ борьбы за папу и Герлаха Нассаускаго.

Среди этой всеобщей неурядицы, умеръ скоропостижно Людовикъ (11 октября 1347 г.). Почувствовавъ себя дурно во время попойки, онъ поѣхалъ на охоту и упалъ съ лошади умирающій въ ту минуту, какъ напалъ на слѣдъ медвѣдя. Съ его смертью войны и междоусобіе не только не прекратились, но еще увеличились. Возстановленіе согласія между церковью и государствомъ обошлось нѣмцамъ слишкомъ дорого. Впослѣдствіи всѣ удивлялись, что

разрывъ церкви съ имперіей, о которомъ плакались тридцать лѣтъ, оказался гораздо спасительнѣе для нѣмцевъ, чѣмъ могло бы быть примиреніе съ папою.

7. Италія до римскаго похода Карла IV.

По удаленіи изъ Италіи Людовика Баварскаго, прежнее значеніе папы, казалось, возстановилось во всей силѣ. Его вѣрный союзникъ и вассалъ, Робертъ Неаполитанскій, владычествовалъ въ верхней и средней Италіи; Висконти заключили съ церковью миръ; кардиналы Бертранъ ди Поджетто и Іоаннъ Орсини заняли своими войсками Романью и другія части полуострова. Но это возстановленное зданіе папскаго могущества продержалось очень не долго. Дружба Висконти скоро исчезла, оказавшись только дипломатическимъ расчетомъ. Фамиліи делла Скала, Эсте и Гонзага, даже Венеція, рѣшились противодѣйствовать папскому владычеству, увидѣвъ, что духовная сила его подкрѣпляется деньгами и оружіемъ. Оба кардинала были вытѣснены изъ всѣхъ занятыхъ ими городовъ. Наконецъ, Робертъ Неаполитанскій въ послѣдніе годы жизни предался почти исключительно изученію вновь воскресшей древности. Съ паденіемъ императорскаго и папскаго значенія въ Италіи возвратилась прежняя анархія. Этой анархіей воспользовались Висконти, венеціанцы и флорентинцы для основанія и упроченія новой государственной власти, не признававшей ни папы, ни императора. Въ Римѣ только по формѣ признавали еще папу главою церкви, а Роберта Неаполитанскаго сенаторомъ и имперскимъ намѣстникомъ; но ни тотъ ни другой не имѣли почти никакого вліянія на управленіе и общественныя дѣла города. Въ одной изъ исторій Рима, написанной на народномъ языкѣ, чрезвычайно ясно охарактеризовано тогдашнее положеніе. Авторъ ея, современникъ описываемыхъ имъ событій, заботясь гораздо болѣе о вѣрномъ

изображеніи духа и характера своихъ соотечественниковъ, чѣмъ о краснорѣчивомъ изложеніи, представилъ намъ всю самобытность и оригинальность этого народа, не столько развитаго образованіемъ и наукою, сколько богато одареннаго отъ природы. Народъ избиралъ членовъ совѣта, судей, должностныхъ лицъ и, повидимому, пользовался неограниченной свободой, но въ дѣйствительности оставался рабомъ знатныхъ, былъ бѣденъ и лѣнивъ. Вся власть находилась въ рукахъ фамилій Колонна и Орсини, владѣвшихъ самыми большими имѣніями и укрѣпленными замками въ городѣ и его окрестностяхъ. Большинство римлянъ представляло изъ себя сбродъ людей, подвластныхъ этимъ двумъ фамиліямъ. Выборныя должностныя лица были слугами мелкихъ деспотовъ, на большихъ дорогахъ не было почти проѣзда, грабежъ, убійство, похищеніе и насилованіе женщинъ были явленіями обыденными, власти оставались равнодушными зрителями, потому что не хотѣли, а большей частью и не могли препятствовать безпорядкамъ.

Переходя отъ этихъ сценъ варварства и неурядицы къ тогдашнему состоянію итальянской поэзіи и литературы, мы видимъ, что человѣческій умъ достигалъ своего высшаго и лучшаго развитія среди кипучаго упоенія страстей, въ водоворотѣ анархической свободы. Тоже явленіе замѣчается и въ исторіи древней Греціи. Данте, Петрарка, Боккаччіо, оба Гвидо (Гвиничелли и Кавальканти), историки Дино Компанья и Джіованни Виллани занимаютъ мѣсто на ряду съ величайшими геніями древности. Они воскресили былое величіе Рима и энтузіазмъ къ древнимъ писателямъ сдѣлался всеобщимъ бредомъ, модою, обуявшею даже глубоко павшій, но все еще оригинальный и умный римскій народъ. Представителемъ умственнаго развитія этой свободной и въ тоже время необузданной эпохи былъ П е т р а р к а, страстный поклонникъ древняго Рима. Подобно Сенекѣ при дворѣ Нерона (т. IV. стр. 335), онъ проповѣдывалъ добродѣтель среди пороковъ авиньонскаго двора, и, окруженный чувственнымъ развратомъ, воспѣвалъ чистую, неземную любовь, какъ Пиндаръ, создавшій добродѣтель изъ пороковъ сво-

ихъ боговъ. Одушевляемый вдохновеннымъ энтузіазмомъ и чистою любовью къ отечеству, которой не понять нашему промышленному, естествоиспытательному времени и нашему сѣверному хладнокровію, Петрарка, какъ поэтъ и ораторъ, идеализировалъ древній Римъ, стараясь возстановить чистоту римскаго языка и процвѣтаніе литературы въ эпоху, когда этотъ городъ изъ столицы христіанскаго міра обратился въ разбойничій вертепъ. Народъ чтилъ въ немъ представителя своей древности, князья смотрѣли на него, какъ на мудреца, всѣ, понимавшіе значеніе умственнаго развитія, обращались къ нему, какъ къ оракулу. Все это пріобрѣло ему европейское значеніе, сдѣлало изъ него могущество, равно уважаемое и папою и императоромъ. Въ апрѣлѣ 1341 г. Петрарка, какъ царь образованнаго міра и поэтовъ, былъ коронованъ въ Капитоліи, въ присутствіи огромной толпы народа. Сенаторы и высшіе сановники римской республики возложили на его голову лавровый вѣнокъ. Это еще невиданное торжество не только увеличило славу поэта, но и должно было пробудить гордость римлянъ. Петрарка предпочелъ короноваться въ городѣ, славномъ своимъ прошедшимъ, а не въ Неаполѣ, какъ предлагалъ ему неаполитанскій король. Впрочемъ торжество коронованія было потомъ повторено съ восточнымъ великолѣпіемъ Робертомъ, горячимъ поклонникомъ возраждавшихся наукъ и искусствъ.

Энтузіазмъ, вызвавшій коронованіе Петрарки, усилившійся и распространившійся вслѣдствіе этого торжества, доставилъ одному изъ друзей и почитателей увѣнчаннаго поэта политическое значеніе, дважды дѣлавшее его властелиномъ Рима. Николай Лаурентій или, какъ его называли въ народѣ, Кола Ріенци, принадлежалъ къ многочисленному въ то время классу адвокатовъ, старавшихся блистать краснорѣчіемъ, заимствованнымъ у древнихъ. Только этому таланту и былъ обязанъ Ріенци чести участвовать въ римскомъ посольствѣ, гдѣ находился и Петрарка, отправленномъ въ Авиньонъ поздравить Климента VI съ избраніемъ въ папы и настоятельно просить его вернуться въ Римъ. Ріенци, говорившій

именемъ посольства, остался въ Авиньонѣ, когда Климентъ обѣщалъ исполнить желаніе римлянъ, и вмѣстѣ съ Петраркою старался убѣдить папу возвратиться въ древнюю столицу міра. Но ни онъ, ни Петрарка, написавшій тогда въ поэтической формѣ приглашеніе, сдѣланное папѣ и изобразившій въ стихахъ римскія святыни, ничего не добились отъ Климента. Четыре года оставался Ріенци въ Авиньонѣ, почти совсѣмъ забытый и только по прошествіи этого времени былъ обратно посланъ въ Римъ, гдѣ сталъ играть такую замѣчательную роль.

Между тѣмъ въ средней и нижней Италіи анархія и безпорядки возрасли въ такой же степени, какъ и въ верхней. Въ 1343 г. умеръ Робертъ, и часть полуострова, находившаяся подъ его королевской и отеческой властью, сдѣлалась добычею хищныхъ рыцарей или легкомысленныхъ и преступныхъ правителей. Италія уже давно была сборнымъ мѣстомъ буйныхъ искателей приключеній всѣхъ европейскихъ странъ. Кондоттьеры составляли дружины или банды, по примѣру каталонцевъ и арагонцевъ, сражавшихся за сицилійскихъ королей противъ анжуйскаго дома, и часто, безъ разбора происхожденія, также назывались арагонцами. Слѣдуя за своими вождями, они служили то тому, то другому изъ государствъ и тиранновъ, смотря потому, кто платилъ больше денегъ. Малатеста, принадлежавшій къ владѣтельному дому въ Римини, былъ первымъ итальянцемъ, образовавшимъ такую дружину; а первымъ нѣмецкимъ предводителемъ кондоттьеровъ былъ графъ или, какъ его называли, герцогъ Вернеръ, собравшій въ Швабіи нѣсколько тысячъ человѣкъ конныхъ и пѣхотинцевъ. Окруженные женщинами и всякой сволочью, эти наемники разлились по Романьи опустошительнымъ потокомъ, распространяя повсюду ужасъ. Въ виду грозившей опасности мелкіе владѣтели, Эсте, делла Скала и другіе, забывъ на время завистливое соперничество, заключили между собой союзъ противъ нѣмецкихъ разбойниковъ. Но только деньгами могли они избавиться отъ этого сброда, и то на весьма непродолжительное время.

Въ послѣдніе годы жизни Робертъ Неаполитанскій задумалъ покорить Сицилію, гдѣ, по смерти короля Фридриха II (1337 г.), вступилъ на престолъ его сынъ, слабый Петръ II. Вскорѣ (1342 г.) умеръ и онъ, оставивъ наслѣдникомъ четырехлѣтняго сына Людовика. Смерть (1343 г.) помѣшала восьмидесятилѣтнему Роберту довершить задуманный планъ, и Неаполь сдѣлался послѣ него жертвою шаекъ, терзавшихъ остальную Италію. Единственный сынъ Роберта умеръ еще въ 1328 г. и Неаполь перешелъ тогда къ старшей внучкѣ умершаго короля, Іоаннѣ I, женѣ венгерскаго принца Андрея, сына Карла Роберта (т. VIII. стр. 91). Одаренная отъ природы блестящими качествами, развитая воспитаніемъ и образованіемъ, Іоанна не имѣла ни одного достоинства хорошей женщины, матери и жены. Андрея, нарочно для нее воспитаннаго въ Неаполѣ, она презирала еще прежде, чѣмъ сдѣлалась его женой. Предвидя бѣдствія, грозившія отъ этого государству, Робертъ завѣщалъ, чтобы Іоанна и Андрей оставались до двадцатипятилѣтняго возраста подъ опекою его вдовы и совѣта регентства. Но лишь только онъ умеръ, какъ легкомысленная Іоанна, не обращая никакого вниманія на его завѣщаніе и презирая мужа, начала распутную, безпорядочную жизнь, раздаривала и предписывала все, что ей взбродило на умъ, оскорбляла венгровъ, окружавшихъ Андрея, и предоставила главныя роли при дворѣ какой-то прачкѣ и другимъ подобнымъ личностямъ. Эти раздоры и безпорядки дали папѣ возможность предъявить свои притязанія на верховную власть надъ Неаполемъ, пробудивъ въ тоже время честолюбіе членовъ королевскаго дома, принцевъ Тарента и Дураццо, потомковъ братьевъ Роберта. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Дураццо, похитилъ сестру королевы, Марію, назначавшуюся, по завѣщанію Роберта, въ жены или венгерскому королю Людовику Великому, старшему брату Андрея, или сыну и наслѣднику французскаго короля. Карлъ обвѣнчался съ ней и этимъ поступкомъ оскорбилъ и вооружилъ противъ себя и венгерскую партію и приближенныхъ Іоанны. Папа еще прежде издалъ буллу, объявлявшую недѣйстви-

тельными всѣ, сдѣланныя безъ его согласія, посмертныя распоряженія Роберта и всѣ награды, розданныя Іоанною. Анжуйскій домъ обратился тогда къ французскому королю съ просьбою запретить папѣ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла Неаполя. Климентъ VI съ своей стороны потребовалъ отъ легкомысленной королевы изданія указа, подтверждавшаго его права на Неаполь, а потомъ, подкупленный венгерскимъ золотомъ, велѣлъ короновать Андрея, чему до тѣхъ поръ препятствовала Іоанна. Коронованіе Андрея испугало королеву и ея партію тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ пріѣхала въ Неаполь мать Андрея, Елисавета, привезя съ собой много денегъ и венгровъ, совершенно завладѣвшихъ управленіемъ. Коронованіе Андрея, носившаго до тѣхъ поръ только титулъ герцога калабрійскаго, естественно должно было придать большое значеніе и ему и венгерской партіи. Приверженцы королевы рѣшились предупредить грозившую имъ опасность убійствомъ Андрея. Вопреки всѣмъ опроверженіямъ Петрарки, мы положительно утверждаемъ, что Іоанна была участницею въ преступленіи. Поэтъ, котораго она была ученицею и почитательницею, ставилъ всегда краснорѣчіе и поэтическія прикрасы выше жесткой истины и цѣнилъ образованіе болѣе добродѣтели. Да это и не удивительно. Опытъ и исторія дворовъ, большихъ столичныхъ городовъ и южныхъ народовъ доказываютъ, что женщина, потерявъ однажды чувство стыда и чести, способна на всякаго рода преступленія, особенно если она одарена талантами, развита и избалована поклоненіемъ поэтовъ и ученыхъ. Андрей былъ заманенъ въ одинъ замокъ, около Аверсы, и тамъ умерщвленъ. По свидѣтельству многихъ историковъ, современниковъ этого событія, королева находилась въ сосѣдней комнатѣ, когда убивали Андрея и, не смотря на его продолжительное сопротивленіе, крики и стоны, не сдѣлала ни одного движенія, чтобы спасти мужа или позвать кого нибудь на помощь. Она не только не позаботилась о его погребеніи и не преслѣдовала убійцъ, но даже не хотѣла воспитывать, какъ наслѣдника престола, сына, прижитаго ею съ Андреемъ. Только гром-

кій ропотъ народа заставилъ ее назначить слѣдствіе и приговорить нѣсколько человѣкъ къ казни. Но казненные были не болѣе, какъ орудія преступленія, или даже совершенно невинныя лица, которыхъ приговорили къ наказанію для того, чтобы воспользоваться ихъ имуществами. Общественное мнѣніе считало Іоанну, принца тарентскаго и Карла Дураццо главными виновниками убійства Андрея. Населеніе главнаго города Прованса, возмущенное преступленіемъ своей королевы, требовало у папы назначенія надъ ней уголовнаго суда, а венгерскій король готовилъ войско, чтобы начать войну въ отмщеніе за брата. Въ Неаполѣ царствовала дикая анархія.

Въ то же самое время произошла революція и въ Римѣ. Поклонникъ древняго Рима, Кола Ріенци, сблизился съ Петраркою, а черезъ него сошелся съ кардиналомъ Джіованни Колонною, смотрѣвшимъ на нихъ обоихъ, какъ на орудіе для подчиненія Рима владычеству своей фамиліи. Когда Климента стали осаждать жалобами на безсиліе властей въ Римѣ, на отсутствіе порядка и правосудія, Колонна посовѣтовалъ ему отправить въ Римъ, въ качествѣ папскаго коммисара, Ріенци, этого оригинальнаго оратора и патріота, съ тѣмъ чтобы онъ расположилъ народъ въ пользу папы и противодѣйствовалъ вліянію новой аристократіи. Климентъ послушался совѣта и послалъ Ріенци въ Римъ (1346 г.). Пользуясь своимъ оффиціальнымъ значеніемъ, мечтатель задумалъ планъ возрожденія прежней свободы и величія Рима. Собирая народъ въ церквахъ и на площадяхъ, Ріенци возбуждалъ въ немъ ненависть къ грабителямъ, надменнымъ аристократамъ и льстилъ ему преувеличенными изображеніями подвиговъ и правъ древнихъ римлянъ и значенія простаго народа даже во времена императоровъ (т. IV. стр. 251). Онъ велѣлъ расписать стѣны Капитолія аллегорическими картинами изъ исторіи Рима, Трои, Кареагена, Вавилона и Іерусалима, чрезвычайно оригинально объяснялъ ихъ народу, указывалъ ему на злоупотребленія и обманы въ управленіи государственными финансами, и старался съ помощью папскаго легата

осуществить свой планъ государственной реформы. Аристократія сначала принимала все это за шутку и смотрѣла на Ріенци, какъ на геніальнаго паяца; одинъ изъ представителей ея, Стефанъ Колонна, даже часто приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Но серьезная сторона дѣйствій скоро обнаружилась. Въ апрѣлѣ (1347 г.) Ріенци созвалъ народъ въ Капитолій, чтобы объяснить ему тамъ въ присутствіи папскаго легата, свой проектъ новаго государственнаго устройства. Это собраніе происходило во время жатвы, когда большинство дворянства находилось въ помѣстьяхъ, поддерживая вооруженной силой спокойствіе въ своихъ имѣніяхъ. Въ этотъ разъ римскій демагогъ сказалъ сильную и длинную рѣчь. По окончаніи ея, одинъ графъ, принадлежавшій къ партіи Ріенци, прочелъ пятьдесятъ статей новаго уложенія, встрѣченныхъ общими криками одобренія. Самодержавіе народа было провозглашено, а Ріенци, какъ его представителю или народному трибуну, поручили осуществить принятыя собраніемъ государственныя реформы. Помощникомъ его былъ назначенъ папскій легатъ, тѓже объявленный народнымъ трибуномъ.

Аристократія была безсильна противъ этой революціи. Раздѣленная партіями и враждой фамилій, она не могла соединиться противъ общаго врага; тогда какъ давно образовавшейся демократіи не доставало только энергическаго человѣка, способнаго соединить въ своихъ рукахъ народную силу. Узнавъ объ этихъ событіяхъ, глава аристократіи, Стефанъ Колонна, поспѣшилъ въ Римъ съ своими всадниками и разорвалъ высланное ему на встрѣчу письменное приказаніе удалиться изъ города. Народный трибунъ велѣлъ ударить набатъ, и Колонна долженъ былъ отступить передъ собравшейся толпой. Остальное дворянство было вынуждено признать власть трибуновъ законною и дать имъ клятву въ повиновеніи.

Первыя дѣйствія Ріенци были полезны народу. Онъ привелъ въ порядокъ судопроизводство, ввелъ чрезвычайно строгіе уголовные законы, прогналъ изъ Рима хищное рыцарство, казнилъ, какъ

вора, одного изъ аристократовъ, сформировалъ себѣ для охраненія общественнаго порядка милицію изъ тысячи трехъ сотъ человѣкъ пѣхоты и трехъ сотъ всадниковъ, и разрушилъ укрѣпленные дворцы въ городѣ и загородные зàмки. Этими мѣрами ему удалось произвести благодѣтельныя перемѣны, къ великой радости народа. Но предоставленная ему неограниченная власть скоро превратила его въ деспота; тщеславіе сдѣлало его высокомѣрнымъ. Онъ давалъ себѣ громкіе титулы, важно дѣлалъ распоряженія именемъ народа и своимъ собственнымъ, писалъ къ папѣ, императору, итальянскимъ князьямъ и республикамъ и ко всѣмъ королямъ. Эсте, делла Скала и другіе итальянскіе аристократы выказывали плебею гордое презрѣніе, но императоръ Людовикъ и венгерскій король отвѣчали на его письма учтиво и дружелюбно, а неаполитанская королева даже прислала женѣ трибуна богатые подарки. Черезъ четыре мѣсяца по назначеніи его трибуномъ, Ріенци былъ совершенно опьяненъ своимъ счастьемъ; его поведеніе сдѣлалось смѣшнымъ и презрѣннымъ. Желая окружить себя блескомъ и пышною обстановкою аристократовъ, онъ своею глупостью самъ приготовилъ свое паденіе. 1-го августа Ріенци принялъ съ торжественною церемоніею рыцарское достоинство, а потомъ въ многочисленномъ собраніи народа потребовалъ въ Римъ къ суду папу, кардиналовъ, императора и германскихъ курфирстовъ, посягнувшихъ на права римскаго народа произвольнымъ избраніемъ императора. Въ заключеніе, онъ провозгласилъ громкимъ голосомъ и символическимъ движеніемъ меча на всѣ четыре стороны, что міръ принадлежитъ римскому народу и его представителямъ. Все это поссорило его съ другимъ трибуномъ. Но когда папскій легатъ хотѣлъ протестовать въ народномъ собраніи, Ріенци велѣлъ трубить въ трубы и бить въ литавры, и народъ не слышалъ ни одного слова протеста, читаннаго нотаріусомъ.

Послѣ всѣхъ этихъ шутовскихъ дѣйствій, Ріенци ничего не оставалось какъ совершенно уничтожить аристократію и при помощи демократіи сдѣлаться тиранномъ. Къ этой цѣли онъ, казалось,

и стремился; но для осуществленія ея у него не хватило ни энергіи, ни послѣдовательности. Вскорѣ, по его приказанію, были заключены въ темницу представители знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій; но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ случаемъ для истребленія высшей знати, онъ удовольствовался ея униженіемъ и черезъ нѣсколько времени выпустилъ заключенныхъ, какъ будто для того, чтобы заставить ихъ забыть минутно свою вражду и соединиться противъ общаго врага. Дѣйствительно, дворянство и аристократія вооружились и соединенными силами напали на Римъ. Но подъ стѣнами города они потерпѣли сильное пораженіе и вѣроятно окончательно потеряли бы всякое значеніе, если бы тщеславный трибунъ обладалъ хоть какимъ нибудь политическимъ тактомъ или хоть самыми обыкновенными военными способностями. Причиною его паденія было его неблагоразуміе. Легатъ Бертранъ, посланный папою въ Неаполь произвести слѣдствіе надъ убійцами короля, поѣхалъ оттуда въ Римъ и сталъ тайно интриговать противъ трибуна, надоѣвшаго народу своими глупостями. Въ то же время аристократіи удалось произвести въ городѣ голодъ задержкою подвоза съѣстныхъ припасовъ. Тогда легатъ предалъ Ріенци проклятію, велѣлъ монахамъ волновать народъ и нанялъ въ свою службу одного неаполитанскаго графа, приговореннаго Робертомъ къ пожизненному заключенію. Графъ устроилъ въ городѣ нѣсколько баррикадъ, въ то время какъ аристократы осадили Римъ. Трибунъ съ ужасомъ увидѣлъ, что народъ его оставилъ; онъ приказалъ одному еврею цѣлые сутки бить набатъ, истощилъ свое краснорѣчіе; но все было напрасно, народъ не брался за оружіе. Ріенци бѣжалъ изъ Рима (декабрь 1347 г.) и нашелъ убѣжище у венгерскаго короля Людовика, повелѣвавшаго тогда въ Неаполѣ. Вернувшись въ Римъ, аристократія принялась свирѣпствовать по прежнему, притѣсняя народъ и выказывая ему свое презрѣніе. Чтобы дать понятіе о правосудіи этого сословія, достаточно сказать, что по приказанію дворянъ на стѣнахъ Капитолія были нарисованы портреты Ріенци и его друзей повѣшенными за ноги. Все это

заставило народъ раскаяться въ холодности къ трибуну и страстно желать его возвращенія и возстановленія демократіи. Ріенци вскорѣ вернулся, снова ограничилъ власть легата и рыцарства и грозилъ сдѣлаться страшнѣе прежняго, когда герцогъ Вернеръ съ своей разбойничьей шайкой предложилъ ему свои услуги. Но, получивъ приглашеніе отъ королевы Іоанны, Вернеръ отправился въ Неаполь, находя это предложеніе болѣе выгоднымъ. Тогда римскій трибунъ поѣхалъ въ Прагу, къ императору Карлу IV, расчитывая на него, какъ на друга Петрарки; но Карлъ, по требованію папы, велѣлъ схватить его и отвезти въ Авиньонъ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Оправданный судомъ, Ріенци снова былъ посланъ въ Римъ, гдѣ владычествовалъ еще нѣкоторое время.

Въ то время какъ Ріенци выкидывалъ въ Римѣ свои политическіе фарсы, въ Неаполѣ разыгрывалась отвратительнѣйшая трагедія. Папа, какъ мы уже сказали, послалъ туда своего легата произвести слѣдствіе надъ убійствомъ Андрея. Чтобы спасти главныхъ виновниковъ преступленія, королеву и принцевъ крови, легатъ велѣлъ пытать и казнить множество другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло. Папскій судъ еще сильнѣе озлобилъ венгерскаго короля, рѣшившагося предпринять походъ въ отмщеніе за брата. Не смѣя отправить венгровъ въ такое далекое предпріятіе, онъ нанялъ наемниковъ; эта толпа, проходя черезъ Италію, постоянно увеличивалась новыми искателями приключеній. Только въ церковной области встрѣтилъ Людовикъ нѣкоторое препятствіе со стороны Бертрана; но серьезнаго сопротивленія не могло быть. Къ венгерскому королю присоединились знаменитый кондоттьеръ Малатеста и мелкіе владѣтели средней Италіи, а на проклятіе папскаго легата онъ, разумѣется, не обратилъ никакого вниманія. Въ самомъ Неаполѣ Людовикъ имѣлъ союзника въ предводителѣ партіи недовольныхъ, графѣ ди Фонди. Іоанна, хотя и оградила себя съ одной стороны формальною уступкою острова Сициліи царствовавшему тамъ арагонскому дому, но за то своими легкомысленными поступками усилила неудовольствіе и волненіе въ странѣ. Не спрося согласія

папы, она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, Людовика Тарентскаго, и этимъ такъ озлобила ближайшаго претендента на престолъ, принца Дураццо, мужа своей сестры Маріи, что онъ вступилъ въ сношенія съ венгерскимъ королемъ. При такомъ положеніи дѣлъ и доказанной вѣковымъ опытомъ неспособности неаполитанцевъ защищать отечество, исходъ борьбы не трудно было предвидѣть. Послѣ непродолжительнаго сраженія, Людовикъ былъ разбитъ при Капуѣ (январь 1348 г.) и это сраженіе рѣшило участь государства. Съ приближеніемъ венгерскаго войска всѣ принцы королевскаго дома покинули королеву, Неаполь выслалъ къ Людовику Венгерскому депутацію, привѣтствовавшую его законнымъ государемъ; Іоанна съ мужемъ должны были поспѣшно бѣжать. Принцъ тарентскій искалъ убѣжища въ Тосканѣ. Іоанна удалилась въ Провансъ, гдѣ была заключена въ темницу баронами, какъ убійца мужа, въ дѣйствительности же за то, что хотѣла продать эту провинцію французскимъ королямъ. Она отдѣлалась отъ бароновъ граматою, въ которой давала обѣщаніе никогда не продавать Прованса и ввѣрять мѣстную администрацію только туземцамъ. Потомъ она подкупила папу, продавъ ему за незначительную сумму (приблизительно за 360 тысячъ на наши деньги) городъ Авиньонъ съ графствомъ Венессенъ. Съ согласія императора Карла IV папа присоединилъ эти владѣнія къ Провансу и Дофинэ, составлявшихъ часть бургундскаго королевства. Вслѣдъ затѣмъ Іоанна вмѣстѣ съ мужемъ, пріѣхавшимъ изъ Италіи, торжественно вступила въ Авиньонъ. Въ Авиньонѣ она потребовала отъ папы формальнаго суда надъ убійствомъ Андрея, разыграла трогательную комедію, произнесла защитительную рѣчь въ стилѣ Петрарки и была объявлена невинною.

Въ Неаполѣ скоро произошли новыя перемѣны. Одержавъ рѣшительную побѣду, Людовикъ Венгерскій пригласилъ на пиръ принцевъ королевскаго дома, и тутъ, въ своемъ присутствіи, велѣлъ умертвить принца Карла на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ задушенъ Андрей. Другіе принцы и сынъ Іоанны, вскорѣ умершій въ плѣну,

были отправлены въ Венгрію. Отистивъ такимъ образомъ за смерть брата, Людовикъ грозно вступилъ въ Неаполь и объявилъ себя владѣтелемъ всего государства. Но недостатокъ въ деньгахъ для платы наемникамъ и положеніе дѣлъ въ Венгріи скоро заставили его оставить Италію. Онъ вернулся въ іюнѣ 1348 г., назначивъ вездѣ нѣмецкихъ и венгерскихъ намѣстниковъ. Почувствовавъ наконецъ всю тягость чужеземнаго ига, неаполитанцы отправили въ Авиньонъ депутатовъ пригласить Іоанну въ Неаполь. Королева наняла войско и корабли, и Климентъ VI, незадолго передъ тѣмъ дѣлавшій венгерскому королю самые строгіе упреки за то, что онъ принялъ къ себѣ въ службу Вернера, не нашелъ ничего дурнаго, когда Іоанна и ея мужъ призвали тѣ же самыя шайки. Вступивъ въ Неаполь, Людовикъ Тарентскій былъ посвященъ въ рыцарское званіе Вернеромъ, котораго папа въ одномъ изъ своихъ писемъ называлъ хищнымъ звѣремъ. Уѣзжая, Людовикъ Венгерскій поручилъ защиту страны нѣмецкимъ наемникамъ подъ начальствомъ двухъ рыцарей фонъ Вольфарта, и такимъ образомъ нѣмцы дрались теперь и за и противъ Іоанны. Кромѣ нѣмцевъ за нее храбро сражались и провансальскіе рыцари, привлеченные перспективой добычи. Сами неаполитанцы приносили мало пользы, терпя пораженіе всякій разъ, когда являлись на поле битвы. Впрочемъ, весь вопросъ заключался въ томъ, у кого было больше денегъ, у Іоанны или у венгерскаго короля, потому что нѣмцы служили только тому, кто лучше платилъ. Вернеръ тотчасъ перешелъ на сторону венгровъ, когда Людовикъ отправилъ въ Неаполь изъ Трансильваніи Стефана съ войскомъ и большими деньгами (1349 г.). Дикія шайки наемниковъ вели войну съ варварскимъ ожесточеніемъ. Цѣлые города, населенные и процвѣтавшіе, совершенно исчезли, чудная Терра ди Лаворо обратилась въ пустыню. Хищные предводители нѣмецкихъ войскъ выказывали каннибальское звѣрство, походя въ этомъ отношеніи на французскихъ генераловъ наполеоновскаго времени. Нѣмецъ, ставящій, подобно французамъ и англичанамъ, военную выправку и дикую храбрость выше всего осталь-

наго, найдетъ въ этой войнѣ довольно случаевъ, чтобы прославлять рыцарскія качества своихъ соотечественниковъ, заклеймившихъ себя убійствами, пожарами и клятвопреступленіемъ. Въ 1350 г. венгерскій король вторично явился съ войскомъ въ Италію, нанявъ корабли для переѣзда у ордена іоаннитовъ, обязаннаго ему уступкою одного далматскаго замка. Сопровождавшій Людвига пріоръ этого ордена прославился, подъ именемъ Фра Моріалиса, какъ въ этотъ походъ, предводительствуя провансальскими рыцарями, такъ и позднѣе, сдѣлавшись атаманомъ знаменитой шайки наемниковъ.

Прибывъ въ Италію, венгерскій король тотчасъ занялъ часть неаполитанскаго королевства. Впрочемъ, многіе укрѣпленные города долго и упорно защищались, а войско Людовика постоянно уменьшалось отъ болѣзней и лишеній. Положеніе Іоанны было также очень затруднительно. Она уже была въ дурныхъ отношеніяхъ и со вторымъ мужемъ, генуезцы измѣнили ей, а Райнальдъ де Бо, призванный ею съ небольшимъ флотомъ изъ Прованса, чтобы имѣть возможность въ случаѣ крайности перебраться въ Марсель, дѣйствовалъ не лучше другихъ наемниковъ. Онъ торговался то съ Іоанною, то съ венгерскимъ королемъ, бралъ въ Неаполѣ пошлины съ приходившихъ кораблей, похитилъ вдову принца Дураццо, сестру королевы, и насильно выдалъ ее за своего сына Карла. Личные переговоры съ Іоанною по поводу этого насилія кончились тѣмъ, что Людовикъ Тарентскій собственноручно убилъ Райнальда и заключилъ въ темницу его сына. Марія велѣла въ своемъ присутствіи умертвить мужа и выбросить трупъ его въ море. Но, не смотря на все это, венгерскій король скоро очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ бывали германскіе императоры, отправлявшіеся въ Италію. Сверхъ того дѣла въ Польшѣ, его будущемъ наслѣдіи, которому угрожали литовцы, требовали немедленнаго возвращенія Людовика въ Венгрію. При такихъ обстоятельствахъ онъ очень желалъ, чтобы посредничество папы, отвергнутое имъ спачала, дало ему возможность выпутаться безъ позора

изъ неаполитанской войны. Это посредничество могло быть тѣмъ легче принято, что Людовикъ постоянно объявлялъ цѣлью своей войны месть за брата, а не покореніе Неаполя. Въ октябрѣ 1350 г. было заключено перемиріе на полгода. Папа долженъ былъ начать слѣдствіе надъ убійствомъ Андрея, подъ условіемъ, что если королева окажется виновною, то Неаполь останется за венгерскимъ королемъ, въ противномъ же случаѣ возвращается Іоаннѣ. Такимъ образомъ рѣшеніе судьбы Неаполя предоставлялось Клименту VI. Уѣзжая изъ Италіи, Людовикъ оставилъ въ занятыхъ имъ укрѣпленныхъ мѣстахъ неаполитанскаго государства венгерскія и нѣмецкія войска подъ начальствомъ фонъ Вольфарта и Фра Моріалиса.

Вскорѣ событія вновь приняли угрожающій для Іоанны оборотъ. Съ одной стороны, нарушеніе обязательствъ относительно Прованса произвело въ немъ волненія, съ другой папа, раскаяваясь передъ смертью въ несправедливомъ судѣ, рѣшился наконецъ основательно изслѣдовать убійство Андрея. Провансальцевъ она успокоила уступками, отъ процесса ее и себя спасли кардиналы, призвавъ на помощь дьявола. Они научили ее объявить, что она ненавидѣла мужа подъ вліяніемъ чародѣйства, и была особенно околдована въ ту ночь, когда совершилось убійство. Основываясь на этомъ оправданіи, судьи — объявили ее невинною. Венгерскій король согласился съ рѣшеніемъ кардиналовъ, стараясь сохранить за собой хоть какія нибудь выгоды, и въ октябрѣ 1351 г. онъ заключилъ политическій договоръ съ папою, а черезъ семь мѣсяцевъ послѣдовалъ формальный миръ. По этому договору, онъ получилъ въ частное владѣніе городъ Салерно и замокъ Сантъ-Анджело, взамѣнъ королевства неаполитанскаго. Іоанна и ея мужъ были коронованы въ Неаполѣ папскимъ легатомъ, но отъ Людовика Тарентскаго Климентъ потребовалъ обязательства, что въ случаѣ бездѣтной смерти Іоанны корона перейдетъ къ наслѣдникамъ Маріи. Отъ Фра Моріалиса и нѣмецкихъ гарнизоновъ, находившихся въ нѣкоторыхъ городахъ и замкахъ отдѣлались деньгами.

Людовикъ Тарентскій оставался на престолѣ до самой смерти (1362 г.), не смотря на то, что и послѣ всѣхъ этихъ происшествій въ Неаполѣ продолжалась вражда и волненія аристократовъ и принцевъ. Важнѣйшимъ событіемъ его царствованія было нападеніе на Сицилію, гдѣ по смерти короля Людовика (1355 г.) царствовалъ его братъ, Фридрихъ III. Воспользовавшись возстаніемъ мессинцевъ, неаполитанцы завладѣли частью острова, и Іоанна короновалась въ Мессинѣ. Но вскорѣ одно кровавое пораженіе разрушило всѣ ея надежды. Въ Провансѣ неаполитанскому престолу грозила опасность со стороны наемныхъ дружинъ, буйствовавшихъ въ южной Франціи и въ Италіи подъ предводительствомъ двухъ вождей, такъ называемаго короля кондоттьеровъ, Сегена де Бардесоля и Арнольда де Серволя, извѣстнаго подъ именемъ верженскаго протопопа. Шайки грабителей разбивали всѣ войска, высылаемыя противъ нихъ Людовикомъ Тарентскимъ. Даже папа долженъ былъ унижаться передъ ними. Онъ принялъ разбойника протопопа, угрожавшаго Авиньону, какъ принца крови, посадилъ его за одинъ столъ съ собой и кардиналами, отпустилъ ему всѣ грѣхи и откупился отъ него за сорокъ тысячъ.

Всѣми этими смутами воспользовался Климентъ, признанный верховнымъ леннымъ повелителемъ неаполитанскаго королевства. Въ Германіи побѣда также осталась за нимъ: преемникъ Людовика Баварскаго, Карлъ IV, былъ креатурою папы. Онъ утвердилъ какъ король Арелата, покупку Авиньона и согласился на послѣдовавшее въ то время присоединеніе Дофинэ къ Франціи. Самъ Климентъ былъ рабомъ своей любовницы, виконтессы де Тюреннь, и дворъ главы церкви служилъ для всего духовенства образцомъ разврата и нарушенія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Петрарка и другіе набожные приверженцы римской церкви, свидѣтели о жизни папы, описываютъ авиньонскій дворъ и образъ жизни, развратъ и роскошь папы такими же красками, какими іудейскіе пророки описывали то, что дѣлалось въ Вавилонѣ. При Климентѣ VI допускались въ папскій дворецъ и жен-

щины; Іоанна Неаполитанская и ея безнравственная свита одержали много побѣдъ надъ сладострастными кардиналами. Въ Авиньонѣ толпился весь праздный народъ, всѣ распутныя женщины южной Франціи; пышность и сладострастіе папскаго двора вошли въ поговорку. Въ то же время угасалъ блескъ древней столицы міра, и римляне съ двойнымъ вниманіемъ слушали краснорѣчивыя элегіи Петрарки и Ріенци о паденіи города, назначеннаго быть столицей духовнаго повелителя людей. Климентъ VI отнялъ у римлянъ даже часть выгодъ, получаемыхъ ими отъ спекуляціи, выдуманной Бонифаціемъ VIII. Бонифацій установилъ въ первый разъ такъ называемые юбилейные годы и объявилъ, что тотъ, кто въ теченіе 1300 года будетъ посѣщать римскія церкви, получитъ полное прощеніе грѣховъ. Тысячи вѣрующихъ стекались въ Римъ со всѣхъ концевъ Европы, оставляя въ немъ золото и серебро. Климентъ велѣлъ своимъ богословамъ доказать, на основаніи книгъ Моисея, что папа имѣетъ право назначать юбилейные годы черезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ, тогда какъ Бонифацій объявилъ, что они должны повторяться только черезъ сто лѣтъ. Въ 1350 г. Климентъ сталъ приглашать всѣхъ вѣрующихъ въ Римъ. Онъ разослалъ свои посланія по всему свѣту, отправилъ легатовъ ко всѣмъ князьямъ и привлекъ въ Римъ такое множество народу, что трудно повѣрить свидѣтельству лѣтописей о числѣ ежедневно прибывавшихъ богомольцевъ. Безъ сомнѣнія, свѣдѣнія, доводящія эту цифру до милліона, значительно преувеличены; все-таки несомнѣнно, что народу скопилось очень много. Дома обратились въ гостинницы, сотни людей были принуждены ночевать подъ открытымъ небомъ, ежедневно нѣсколько человѣкъ бывало задавлено тѣснотою и цѣнность жизненныхъ припасовъ возрастала съ каждымъ днемъ. Всего болѣе стекалось въ Римъ наивныхъ нѣмцевъ и дикихъ венгровъ. Итальянцы, находя уже въ то время смѣшною искреннюю набожность этихъ двухъ народовъ, говорятъ о ней въ своихъ хроникахъ съ замѣтною ироніею. Папа, представляемый кардиналомъ Ганнибаломъ ди Чеккано во время церемоніи

отпущенія грѣховъ, обратилъ въ свою пользу большую часть приношеній вѣрующихъ, прежде достававшихся римлянамъ. Богомольцы посѣщали всѣ или по крайней мѣрѣ значительныя римскія церкви и въ каждой оставляли деньги. Эти пожертвованія были раздѣлены, по приказанію папы, на три части: одна оставлялась церквамъ, другая отсылалась въ Авиньонъ, а третья назначалась на издержки войны, начатой Климентомъ въ Романьи. Такія распоряженія далеко не могли внушить римлянамъ большаго уваженія къ легату, тѣмъ болѣе, что послѣдовавшая за изгнаніемъ Ріенци анархія не могла принести пользу папѣ. Легату не разъ приходилось испытывать республиканскую гордость римлянъ; въ него даже бросали каменьями. Жалуясь на эту гордость нищихъ, онъ съ наивностью говорилъ, что едва ли все-это внушитъ святому отцу желаніе вернуться, что лучше быть послѣднимъ духовнымъ въ Авиньонѣ, чѣмъ первымъ прелатомъ въ Римѣ. Кончилось тѣмъ, что Ганнибала отравили.

По окончаніи юбилейнаго года, въ Римѣ и во всей церковной области снова водворилась полнѣйшая анархія. Въ городѣ дрались приверженцы Колонны и Орсини, въ окрестностяхъ мелкіе деспоты вели войну между собой и съ папскими солдатами. Они призвали на помощь Малатесту, Фра Моріалиса, страшнаго Вернера и другихъ кондоттьеровъ съ ихъ шайками. Вернеръ завелъ себѣ въ то время знаменитый костюмъ, съ надписью: „Я герцогъ Вернеръ, предводитель великой дружины, врагъ Бога, сострадапія и жалости.“ Въ 1353 г., когда страшная дороговизна увеличила безпорядки въ Италіи, разнесся слухъ, что правящіе Римомъ сенаторы, Стефанелло Колонна и Бертольдъ Орсини, скупаютъ хлѣбъ. Народъ возсталъ, и цѣлые шесть мѣсяцевъ на загороженныхъ баррикадами улицахъ происходили ежедневныя кровопролитныя схватки. Но и тутъ, какъ всегда, народъ служилъ сначала только орудіемъ честолюбивой знати, пока наконецъ не понялъ этого и не сталъ дѣйствовать въ свою пользу. Демократія была возстановлена и трибуномъ избранъ

Барончелли. Иннокентій VI; вступившій на папскій престолъ по смерти Климента (1352 г.), рѣшился во чтобы то ни стало прекратить въ Римѣ анархію и господство рыцарства и отправилъ туда легата съ большими деньгами и съ необыкновеннымъ полномочіемъ въ духовныхъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Испанецъ по рожденію, легатъ Эгидій Альборносъ, еще до вступленія въ духовное званіе, долго и съ большою славою велъ борьбу съ сарацинами. Назначенный впослѣдствіи архіепископомъ толедскимъ и кардиналомъ, онъ продолжалъ съ такимъ же счастьемъ преслѣдовать невѣрныхъ, и кастильскій король потерялъ въ немъ лучшаго воина. Собравъ войско и получивъ поддержку отъ тосканскаго союза, Альборносъ началъ войну съ римскими тираннами, прогналъ Малатесту и заставилъ римлянъ уничтожить у себя демократію и снова подчиниться папѣ. Но все это не могло возстановить въ Римѣ значенія Иннокентія. Тогда Альборносъ рѣшился употребить противъ римской знати Ріенци, вызваннаго папою въ Авиньонъ и снова посланнаго въ Италію. Ріенци былъ сдѣланъ сенаторомъ, собралъ шайку и вступилъ въ Римъ при восторженныхъ крикахъ черни, истиннымъ представителемъ которой онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Авиньонѣ и Прагѣ Ріенци привыкъ къ роскоши, разжирѣлъ, разцвѣлъ какъ роза, по выраженію своего біографа, и вмѣстѣ съ званіемъ сенатора усвоилъ себѣ всѣ сенаторскія замашки. Въ новой роли онъ опирался уже не на расположеніе народа, а, подобно всѣмъ итальянскимъ тираннамъ, на наемную силу. Но бывшій трибунъ, воспитанный владѣть перомъ, а не мечомъ, не могъ подобно другимъ лихимъ рыцарямъ внушить почтеніе и уваженіе своимъ драбантамъ. Наемники содержались на счетъ римлянъ, и человѣкъ народа, призванный защищать его, долженъ былъ притѣснять народъ, чтобы сохранить за собой власть. За то въ новой роли Ріенци не продержался и года (1354 г.). Съ самаго начала онъ потерпѣлъ неудачу при нападеніи на Стефанелло Колонну, укрѣпившагося въ Палестринѣ и съ презрѣніемъ смотрѣв-

шаго на новаго сенатора. Въ борьбѣ съ храбрымъ врагомъ Ріенци возбуждалъ энергію своихъ наемниковъ хвастливыми декламаціями, а не примѣромъ, и потому черезъ недѣлю долженъ былъ со стыдомъ снять осаду и отступить отъ стѣнъ Палестрины. По возвращеніи въ Римъ затруднительныя денежныя обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ мѣрѣ, пріобрѣвшей ему ненависть и мщеніе самыхъ страшныхъ людей. Грозный Фра Моріалисъ явился въ Римъ, гдѣ находились двое братій ордена іоаннитовъ, обвинилъ трибуна въ томъ, что онъ отнялъ у нихъ и у него много денегъ и грозилъ раздѣлаться съ нимъ по своему. Подъ предлогомъ покушенія на жизнь Ріенци, пріоръ былъ схваченъ, брошенъ въ темницу и, послѣ жестокихъ пытокъ, казненъ. Фра Моріалисъ, конечно, заслужилъ такое наказаніе за всѣ свои злодѣйства, но оно постигло его за преступленіе, о которомъ онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не помышлялъ. Ріенци овладѣлъ его сокровищами и употребилъ ихъ на образованіе постояннаго войска. Вслѣдъ затѣмъ онъ предпринялъ новый походъ противъ Палестрины, кончившійся такъ же неудачно, какъ и первый. Не зная, что̀ дѣлать, что̀ предпринять, Ріенци велъ самую жалкую жизнь. По словамъ одного изъ его біографовъ, онъ только и заботился о прокормленіи своихъ солдатъ, и для этого долженъ былъ обременять налогами предметы первой необходимости. При такомъ положеніи не было недостатка въ заговорахъ, вызывавшихъ тюремныя заключенія, казни и другія подобныя мѣры, къ какимъ прибѣгали самовластные деспоты. Наконецъ, онъ палъ жертвою своего безсилія и неспособности. Ріенци хотѣлъ удалить изъ Рима нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, возбуждавшихъ его недовѣріе. Тѣ взбунтовали народъ, и въ одно утро трибунъ былъ внезапно разбуженъ шумомъ толпы. Народъ окружилъ его дворецъ, при крикахъ: „Да здравствуетъ свобода! Смерть измѣннику!“ крикахъ, раздававшихся въ то время во всѣхъ итальянскихъ городахъ, при всякой революціи. Ріенци старался своимъ краснорѣчіемъ, своимъ площаднымъ остроуміемъ унять волновавшуюся толпу, но все было напрасно; его не хотѣли

слушать. Не будучи въ состояніи проникнуть въ укрѣпленный дворецъ, народъ зажегъ его со всѣхъ сторонъ. Ріенци хотѣлъ бѣжать переодѣтымъ, но былъ узнанъ и палъ подъ ударами кинжаловъ (8 сентября 1354 г.). Когда безтолковому трибуну не удалось ничего сдѣлать въ Римѣ для папы, Иннокентій и Петрарка стали дѣйствовать чрезъ императора Карла IV, креатуру одного и друга другаго. Но предпріятія Карла въ Италіи находятся въ тѣсной связи съ исторіей Германіи и потому мы будемъ говорить о нихъ впослѣдствіи. Теперь разскажемъ, какимъ образомъ фамилія Висконти упрочила свою монархическую власть въ Миланѣ.

Упроченію своего владычества надъ Миланомъ фамилія Висконти обязана преимущественно Аццо, утвердившему могущество своего дома деньгами, оружіемъ и хитростью или, какъ говорятъ его соотечественники, удачною и дальновидною политикою (т. VIII. стр. 152): Власть его распространилась и на Ломбардію и даже по ту сторону Аппениновъ, до самой Тосканы. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что онъ былъ чуждъ хищничества и жестокости, свойственныхъ итальянскимъ и древнегреческимъ деспотамъ, хотя и принималъ участіе въ убійствѣ своего дяди Марка. Ему наслѣдовали (1339 г.) двое его дядей: Луккино и Іоаннъ. Іоаннъ, будучи епископомъ новарскимъ, получилъ еще въ 1342 г. миланскую епархію, но раздѣлялъ съ братомъ свѣтскую власть только по имени. Не многіе изъ деспотовъ превзошли Луккино жестокостями, подлостью, низостью, дикимъ распутствомъ и утонченнымъ варварствомъ. И, не смотря на все это, онъ, подобно тираннамъ древней Греціи и пашѣ Мегемету-Али Египетскому, нашелъ себѣ краснорѣчивыхъ апологистовъ, пользующихся громкою извѣстностью въ наукѣ, поэзіи и ораторскомъ искусствѣ. Луккино, какъ Фаларидъ (Фаларисъ) и оба Діонисія (т. I. стр. 258, т. II. стр. 311), занимался философіею, поэзіею, искусствами и щедро дарилъ поборниковъ возраждавшейся въ то время въ Италіи древности. Сравнивъ факты изъ жизни этого тиранна съ софистическими раз-

сужденіями льстецовъ, прославляющихъ въ немъ великодушнаго покровителя наукъ и дѣятельнаго, осторожнаго правителя, подивишься, вмѣстѣ съ Руссо, ученымъ и ихъ премудрости. Луккино обладалъ всѣми способностями хитраго государственнаго человѣка и геніальнаго, философски образованнаго правителя, не останавливавшагося ни передъ какими нравственными законами и общественными условіями. Его ужасная строгость и восточное правосудіе обезпечили безопасность дорогъ и сообщеній, обуздали самоуправство и разбои рыцарей, оградили матеріальное благосостояніе подданныхъ, — все это было, конечно, въ то время рѣдкостью въ Европѣ. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить этого прославленнаго политика и его управленіе, достаточно только припомнить его поступки съ Франческо ди Постерла и съ родными племянниками, или указать хоть на то, что онъ, подобно Фаларнду и Діонисію Старшему, окружалъ себя стражею въ своемъ кабинетѣ и всегда ходилъ въ сопровожденіи двухъ собакъ, разрывавшихъ на части тѣхъ, кто ему не правился. Франческо ди Постерла, совершившій правда не мало убійствъ и преступленій, былъ женатъ на женщинѣ, славившейся красотою. Луккино потребовалъ у нея удовлетворенія своей чувственности, отъ которой не была ограждена ни одна женщина въ Миланѣ, и, получивъ отказъ, употребилъ противъ нея дикое насиліе. Рѣшившись отмстить за жену, Франческо составилъ заговоръ, но, выданный измѣнникомъ, бѣжалъ въ Авиньонъ. За нимъ были отправлены шпіоны и убійцы, и, чтобы заманить его въ Италію, Луккино посылалъ къ нему подложныя письма отъ имени делла Скалы, владѣтеля Вероны, уговоривъ въ то же время пизанское правительство обѣщать Франческо безопасное убѣжище въ Пизѣ. Франческо дался въ обманъ, но лишь только пріѣхалъ въ Пизу, какъ былъ выданъ грязными торгашами, заключившими съ Луккино выгодный договоръ. Франческо и всѣ его родственники были казнены. Еще возмутительнѣе поступилъ тираннъ съ сыновьями своего брата Стефана, неучаствовавшими ни въ какихъ заговорахъ. Опасаясь найти въ племянникахъ соперниковъ своимъ

дѣтямъ въ наслѣдіи Миланомъ, Луккино преслѣдовалъ ихъ съ страшною жестокостью. Климентъ VI помогалъ ему въ этомъ, изъ мести къ Стефану, бывшему другомъ Людовика Баварскаго. Одного изъ нихъ, Матвѣя, женатаго на дочери Филиппа Гонзага, Луккино не смѣлъ трогать, опасаясь его тестя. Но Варнава и Галеаццо II должны были бѣжать изъ Италіи и скрываться подъ другими именами; бѣдность и страхъ быть открытыми заставили ихъ жить вдали другъ отъ друга, въ страшной нищетѣ. Изъ ненависти къ ихъ отцу, папа отлучилъ обоихъ братьевъ отъ церкви, объявивъ, что если они вступятъ въ браки, то онъ не признаетъ ихъ дѣйствительными, и заранѣе отказалъ имъ въ погребеніи.

Въ 1349 г. умеръ Луккино, по всѣмъ вѣроятностямъ отравленный женою. Оскорбивъ его своимъ распутствомъ во время поѣздки въ Венецію, она поспѣшила предупредить его месть. Луккино наслѣдовалъ его братъ Іоаннъ Висконти, управлявшій до тѣхъ поръ одними духовными дѣлами. Іоаннъ сталъ преслѣдовать дѣтей Луккино, изъ которыхъ впрочемъ только двухлѣтній сынъ былъ законорожденнымъ, и напротивъ покровительствовалъ сыновьямъ Стефана, обращаясь съ ними какъ съ наслѣдниками фамиліи Висконти. Варнава былъ женатъ на дочери Мастина делла Скалы, а Галеаццо на знаменитой красавицѣ Бланкѣ, дочери графа савойскаго. Луккино расширилъ владѣнія дома Висконти, и его преемнику досталась въ наслѣдство богатѣйшая и лучшая изъ европейскихъ странъ. Онъ владычествовалъ отъ Верчелли, Альбы и Алессандріи до Пармы и Брешіи, а черезъ годъ по смерти брата пріобрѣлъ Болонью, и такимъ образомъ соединилъ подъ своимъ скипетромъ европейскіе города, бывшіе въ то время центромъ науки, искусства, просвѣщенія и торговли. Въ Болоньи, по изгнаніи кардинала Бертрана ди Поджетто (т. VIII. стр. 77), власть перешла къ фамиліи Пеполи; неудачныя войны и нужда въ деньгахъ заставили ее въ 1350 г. тайно продать городъ Іоанну Висконти. Узнавъ объ этомъ, болонцы подняли крикъ; но Пеполи, пользовавшіеся вліяніемъ въ городѣ, настояли на томъ,

что правителемъ Болоньи былъ избранъ Іоаннъ. Висконти передалъ управленіе одному изъ дальнихъ родственниковъ своего дома, Джіованни д'Оледжіо, явившемуся въ Болонью съ значительнымъ войскомъ. Папа, разбѣшенный такимъ произвольнымъ распоряженіемъ относительно собственности церкви, скоро успокоился. Іоаннъ былъ очень богатъ и хорошо зналъ продажность авиньонскаго двора, а папа нуждался въ то время въ деньгахъ, отправивъ не задолго передъ тѣмъ Альборноса въ Италію. Подкупивъ дворъ и выдавъ папѣ 200 тысячъ золотыхъ флориновъ, Іоаннъ получилъ отъ него грамату на владѣніе Болоньей.

По соглашеніи съ папою содержаніе наемниковъ въ Романьи сдѣлалось лишнимъ и потому Висконти отправилъ ихъ въ Тоскану, для новыхъ завоеваній. Тоскана была единственною итальянскою страною, гдѣ еще господствовали гвельфы. Флоренція, — чтобы ни говорилъ Данте, — была обязана гвельфамъ своимъ могуществомъ и величіемъ. Испуганные движеніемъ наемниковъ Висконти, флорентинцы обратились за помощью къ императору и предлагали ему огромныя суммы, убѣждая предпринять римскій походъ; ихъ просьбу поддерживалъ Петрарка своими реторико-поэтическими письмами. Такой шагъ со стороны флорентинцевъ, заклятыхъ враговъ имперіи, объясняется дружбою ихъ соотечественника Петрарки съ тогдашнимъ императоромъ Карломъ IV, рабомъ папы. Карлъ IV не походилъ на идеалъ Данте, Кана делла Скала, пренебрегавшаго богатствомъ и золотомъ для истины и добродѣтели (т. VII. стр. 357), а напротивъ, былъ готовъ промѣнять и свою честь и права имперіи на богатство и золото. Союзъ флорентинцевъ съ императоромъ и ничтожный результатъ разорительной войны заставили Джіованни д'Оледжіо заключить въ началѣ 1353 г. миръ съ тосканскими республиками. Вскорѣ ему и Висконти представился лучшій случай употребить въ дѣло наемниковъ. Обстоятельства давали надежду присоединить и Геную къ владѣніямъ фамиліи Висконти.

Съ тѣхъ поръ какъ флорентинцы затмили блескъ Пизы,

Генуя оставалась единственнымъ городомъ, который могъ оспаривать у Венеціи морское и торговое значеніе. Генуя имѣла большія корабельныя верфи и снабжала оснащенными судами Францію, нерѣдко даже Англію, Неаполь и другія государства; генуэзскіе стрѣлки славились въ Европѣ; ей принадлежали Корсика, часть острова Сардиніи, цвѣтущія колоніи и факторіи на Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Но могущественная республика уже нѣсколько лѣтъ вела разорительную морскую войну. Ея соперники, венеціанцы, вступивъ въ союзъ съ греками и каталонцами, страшными на всемъ Средиземномъ морѣ (т. VIII. стр. 105), угрожали торговлѣ и колоніямъ Генуи. Огромное число людей и кораблей и громадныя суммы, употреблявшіяся ежегодно генуэзскою республикою для поддержанія своего морскаго значенія, возбуждаютъ невольное удивленіе. Одержавъ блистательную побѣду близъ береговъ Греціи, генуэзцы рѣшились перенести борьбу въ самыя лагуны Венеціи. Венеціанцы соединились тогда съ королемъ арагонскимъ, Петромъ IV, расчитывавшимъ отнять у генуэзцевъ Сардинію; ихъ флотъ, подъ предводительствомъ Николо Пизани, появился у сардинскихъ береговъ, чтобы вмѣстѣ съ арагонскимъ флотомъ аттаковать генуэзцевъ. Генуэзцы выставили противъ нихъ шестьдесятъ большихъ военныхъ судовъ и призвали къ оружію всю молодежь и цвѣтъ дворянства своей республики. Но непріятельскій флотъ былъ вдвое сильнѣе, а генуэзскій адмиралъ, по недостатку мужества или по неспособности, не исполнилъ своего долга. Въ самомъ началѣ сраженія (августъ 1353 г.) онъ обратился въ бѣгство съ девятнадцатью кораблями и генуэзцы потерпѣли рѣшительное пораженіе. Венеціанцы захватили тридцать кораблей и нѣсколько тысячъ гражданъ; остальныя суда были потоплены. Ударъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что въ то же время возникли въ Генуѣ внутреннія волненія. Вслѣдъ затѣмъ городъ подчинился владѣтелю Милана, Іоанну Висконти. Мы не можемъ сказать съ достовѣрностью какъ произошелъ этотъ переворотъ, потому что сохранившіяся до насъ свѣдѣнія объясняютъ его

различно. Всѣ согласны только въ томъ, что генуэзскіе гибеллины первые рѣшились призвать изъ Милана Висконти и что содѣйствовавшіе этому генуэзскіе аристократы были имъ подкуплены. Впрочемъ, Генуя подчинилась архіепископу и владѣтелю Милана на извѣстныхъ условіяхъ. Миланскій гарнизонъ спасъ Геную отъ внѣшняго врага и отъ внутреннихъ безпорядковъ, а Іоаннъ Висконти далъ городу взаймы большую сумму денегъ и продовольствовалъ его съ сухаго пути, такъ какъ подвозъ съ моря былъ отрѣзанъ. Постоянное расширеніе владѣній дома Висконти и соединеніе его наемниковъ съ морскими силами генуэзцевъ заставили венеціанцевъ стараться объ организованіи союза всѣхъ верхнеитальянскихъ князей противъ Милана. Въ іюнѣ 1354 г., по заключеніи союза, начались непріязненныя дѣйствія. Но въ октябрѣ того же года умеръ Іоаннъ Висконти и его смерть внезапно измѣнила положеніе дѣлъ.

8. Умственное развитіе и литература конца среднихъ вѣковъ, начало новой образованности.

---

1. Послѣднія попытки средневѣковой культуры на старомъ пути.

А. Исторіографія на сѣверъ отъ Альповъ.

Мы нарочно не распространялись до сихъ поръ о состояніи итальянской образованности въ средніе вѣка, имѣя въ виду показать въ настоящемъ отдѣлѣ, какимъ образомъ Италія, прежде всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, проложила путь къ новой цивилизаціи. Изъ остатковъ древне-римской культуры, хри-

стіанства и востока, изъ церковнаго культа и поэзіи германскихъ, кельтійскихъ, скандинавскихъ и арабскихъ племенъ образовалось нѣчто цѣлое, окончательно завершенное въ XV столѣтіи. Поэтому мы должны указать теперь на возникновеніе этой новой образованности. Но, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію вліянія крестовыхъ походовъ, сношеній съ Константинополемъ и съ цѣлымъ востокомъ и изученія древности въ Италіи, необходимо сказать о томъ, что̀ было сдѣлано европейскими народами, безъ итальянской помощи, въ столѣтіе, разсматриваемое нами въ этомъ томѣ.

Въ предъидущей книгѣ мы говорили, что въ XIII столѣтіи рыцарская поэзія, достигнувъ въ Германіи своего высшаго развитія, перешла въ пѣсни мейстерзенгеровъ. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, слѣдя только за прогрессомъ культуры. Такимъ образомъ развитіе поэзіи остановилось, потому что то, что не подвигается впередъ, необходимо идетъ назадъ. Средневѣковая исторія и философія сдѣлали однако еще нѣкоторые успѣхи, хотя философія постоянно сохраняла свой схоластическій характеръ. Въ XIV столѣтіи только въ Германіи, да развѣ въ Англіи, исторія еще облекалась въ латинскую одежду; въ другихъ странахъ она уже излагалась на народномъ языкѣ и потому сдѣлалась національной. Попытки писать на народномъ языкѣ были дѣланы и въ Германіи, но онѣ могутъ интересовать однихъ ученыхъ.

Мы не рѣшаемся говорить нашимъ читателямъ о безчисленныхъ хроникахъ и компиляціяхъ на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ составляется исторія Германіи съ половины XIII столѣтія. Впрочемъ, не трудно доказать, что всѣ монахи и юристы, писавшіе жалкія нѣмецкія лѣтописи, не имѣли ни малѣйшаго понятія о настоящемъ значеніи и цѣли исторіи, какъ образовательной науки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить то, что говорятъ нѣмцы объ императорахъ Генрихѣ VII, Людовикѣ Баварскомъ и Карлѣ IV, съ тѣмъ, что пишутъ о нихъ же итальянцы.

Со времени глубокаго философа и талантливаго историка (т. VII. стр. 316), Оттона фонъ Фрейзингена, мы не находимъ въ

нѣмецкихъ лѣтописяхъ никакого основнаго характера; событія являются голыми фактами, безъ всякой внутренней связи. Въ свѣдѣніяхъ, замѣткахъ, документахъ недостатка нѣтъ, но въ нихъ замѣчается полное отсутствіе яснаго, критическаго взгляда. Это замѣчаніе относится не только къ латинскимъ хроникамъ, но и къ единственнымъ двумъ книгамъ, писаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ; о нихъ нельзя умолчать, говоря объ исторіи Германіи. Обѣ эти книги появились въ концѣ XIV столѣтія; на нихъ часто ссылаются, хотя никто почти ихъ не читаетъ. Одна изъ нихъ имѣетъ неоспоримое достоинство для изслѣдователей исторіи германскихъ городовъ, ихъ устройства и междоусобій, и для любителей свѣдѣній и замѣтокъ по части исторій провинцій и біографій. Но для того, кто ищетъ въ исторіи людей, а не колбасниковъ, не буржуазію, эта книга не удовлетворительна. Мы говоримъ о страсбургской и эльзасской хроникѣ Якова Твингера фонъ Кёнигсгофена и объ исторіи императора Сигизмунда, написанной въ XV столѣтіи рыцаремъ Эбергардомъ фонъ Виндекомъ. Обѣ книги такъ же важны для изслѣдователя нѣмецкаго языка и исторіи, какъ какая нибудь лимбургская и бернская хроники того времени. Но для народнаго образованія онѣ лишены всякаго значенія, не представляя ни философскихъ, ни поэтическихъ красотъ. Составители ихъ имѣли въ виду: одинъ — только мѣщанскіе, а другой — исключительно рыцарскіе интересы своего вѣка и личностей, около которыхъ онъ вертѣлся.

Въ Испаніи, уже съ XIII столѣтія, возникаетъ стремленіе возвратить исторіи ея древній характеръ и вырвать ее изъ рукъ монаховъ. Король Альфонсъ X, прозванный современниками мудрымъ, но котораго мы скорѣе назовемъ ученымъ, хотѣлъ сдѣлаться творцомъ новой исторіи, какъ онъ безспорно былъ творцомъ новой астрономіи и первымъ изъ новѣйшихъ правителей, давшимъ своей странѣ національное уложеніе. Альфонсъ задумалъ составить подъ своимъ руководствомъ всемірную исторію и исторію Кастиліи, предполагая самъ работать надъ ними вмѣстѣ съ находившимися у него

на жалованьи учеными, такъ же какъ онъ работалъ надъ знаменитыми астрономическими таблицами. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о томъ (т. V. стр. 208), съ какими неслыханными на западѣ издержками и стараніями онъ собралъ около себя ученыхъ, преимущественно мавровъ и евреевъ, содержалъ и награждалъ ихъ и снабжалъ всѣми пособіями, для составленія астрономическихъ таблицъ, носящихъ его имя. Безъ этихъ таблицъ Тихо-де-Браге, Коперникъ, Кеплеръ и Галлилей не могли бы положить основанія новѣйшей астрономіи. Собраніе испанскихъ лѣтописей и составленіе всемірной исторіи, носящихъ также имя Альфонса, стоили не меньшихъ трудовъ и денегъ. Коммисія ученыхъ занималась подъ руководствомъ короля разборомъ, приведеніемъ въ порядокъ, провѣркою и сличеніемъ всѣхъ собранныхъ матеріаловъ, отбирая самые важные и достовѣрные изъ нихъ. Альфонсъ самъ написалъ предисловіе къ лѣтописи, носящей его имя, хотя положительно извѣстно, что оба произведенія принадлежатъ не ему, а его исторіографамъ. Но результатъ этихъ историческихъ трудовъ, какъ бываетъ при всякомъ трудѣ, не проникнутомъ живою мыслью, нисколько не соотвѣтствовалъ огромнымъ издержкамъ и шуму, поднятому панегиристами короля. Мы произносимъ надъ ними такой приговоръ не потому, что трудъ не конченъ, — объ этомъ никакъ нельзя жалѣть по дошедшимъ до насъ образчикамъ, — но потому, что выбранные для него ученые были далеко не такъ свѣдущи, какъ астрономы, составлявшіе таблицы. Какъ-бы то ни было, но Альфонсъ далъ испанской исторіографіи древне-классическое направленіе, принесшее въ Испаніи, какъ и въ Италіи, обильные плоды. Испанскія лѣтоипси Альфонса были изданы впослѣдствіи великимъ лѣтописцемъ Арагоніи, Суритою, котораго мы причисляемъ къ лучшимъ историкамъ новѣйшаго времени; Флоріанъ д'Окампо вторично издалъ ихъ, какъ важнѣйшій памятникъ отечественной исторіи. О всеобщей исторіи, носящей имя Альфонса, и объ его исторіи похода западныхъ христіанъ въ Палестину, можно совершенно умолчать въ нашихъ очеркахъ

умственной жизни человѣчества. Плодомъ математическихъ и астрономическихъ трудовъ кастильскаго короля были знаменитыя морскія предпріятія и открытія, сдѣланныя испанцами и португальцами въ XV столѣтіи; результатомъ его историческихъ работъ были классическія, историческія произведенія XIV и XV столѣтій, писанныя на народномъ языкѣ.

Говоря объ испанской исторіографіи конца среднихъ вѣковъ, мы также не намѣрены слѣдить за нею шагъ за шагомъ. Укажемъ только какимъ образомъ попытка подражать исторической манерѣ древнихъ грековъ и римлянъ, неудавшаяся въ началѣ, была впослѣдствіи достигнута съ полнымъ успѣхомъ. Мы избираемъ для этого двухъ писателей, одного изъ начала, другаго изъ конца XV столѣтія, а потомъ сдѣлаемъ замѣтку объ одномъ историкѣ XVI столѣтія. Намъ кажется, что великій канцлеръ Кастиліи, Педро Лопесъ-де-Айала, познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ историческимъ способомъ изложенія древнихъ переводомъ на испанскій языкъ Ливія, потому что созналъ необходимость придать исторіи практическое значеніе и болѣе сильное дѣйствіе на пламенные умы испанцевъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать разборъ этого перевода; но оригинальные труды переводчика, драгоцѣнные какъ историческіе источники, доказываютъ, что ему не удалось подражать Ливію. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, — исторіи Петра Жестокаго, Генриха II, Іоанны I и Генриха III, — замѣтно неудавшееся стремленіе быть историкомъ-философомъ или, по крайней мѣрѣ, изящнымъ народнымъ историкомъ. Чего не удалось Лопесу, того достигъ Фернандо дель Пульгаръ, писавшій въ концѣ XV столѣтія. Его мы ставимъ гораздо выше Гвиччардини. Конечно, событія и блестящіе подвиги испанцевъ временъ Фердинанда и Изабеллы были способны воодушевить и образовать національнаго историка, но и самая задача оказась по силамъ Пульгара. Его исторія признана классическою и до сихъ поръ обращается въ народѣ, чего нельзя сказать ни объ одной исторіи Германіи. Кромѣ достоинствъ изложенія, живаго изображенія событій и фактовъ, за Фернандомъ

дель-Пульгаромъ всѣ признаютъ неподкупную искренность и правдивость. До сихъ поръ еще въ Испаніи являются новыя изданія его книги, и память объ этомъ историкѣ свѣжа у испанцевъ, называющихъ его своимъ Ливіемъ. По слѣдамъ Пульгара пошелъ впослѣдствіи Діего Гуртадо де Мендоса, названный, за свой сжатый слогъ и дидактическій способъ изложенія, испанскимъ Саллюстіемъ (т. IV. стр. 161). Онъ описалъ войну Филиппа II въ Гранадѣ и сочиненіе его до сихъ поръ сильно читается. Въ новѣйшее время оно переведено въ Германіи, какъ образцовое произведеніе испанской литературы. Впрочемъ Гуртадо де Мендоса, жившій цѣлымъ столѣтіемъ позже, принадлежитъ другой эпохѣ.

Въ XIV столѣтіи историкомъ Англіи и Франціи, гдѣ при дворѣ, въ судахъ и въ дворянскомъ кругу употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, былъ Фруассаръ. Его оригинальная манера писать ближе подходитъ къ повѣствовательной рыцарской поэзіи, чѣмъ къ историческому изложенію древнихъ. Книга Фруассара сдѣлалась настольною книгою французовъ, и потому національная исторія Франціи образовалась не по классическимъ образцамъ. Французскую исторію послѣдующаго времени должно искать у писателей, слѣдовавшихъ по пути, проложенному Виллыгардуэномъ и Жуанвиллемъ (т. VII. стр. 319). Хроника Фруассара (Histoire et Chronique de Messire Jean Froissart) заключаетъ всѣ современныя автору событія въ Англіи, Франціи, Бельгіи и Кастиліи. Она начинается 1326 г. и кончается 1400 г., годомъ смерти Фруассара. Оригинальность и наивность изложенія, повсюду сквозящій духъ позднѣйшаго рыцарства и личныя свойства автора рыцарскихъ романовъ, всего болѣе читавшихся въ то время, дѣлаютъ книгу Фруассара главнымъ историческимъ памятникомъ XIV столѣтія, по сю сторону Альповъ. Языкъ его, также совершенно оригинальный, не такъ устарѣлъ, какъ языкъ Жуанвилля, непонятный безъ перевода, но все-таки менѣе доступенъ, чѣмъ языкъ писателей XVI столѣтія. Относительно способа изложенія Фруассаръ придерживается середины между критическимъ

историкомъ и занимательнымъ разскащикомъ въ кругу рыцарей и дамъ. Дитя своего вѣка, онъ даетъ возможность скорѣе по себѣ самому составить понятіе объ этомъ времени, чѣмъ потому, что онъ говоритъ; короче, ему нельзя ни вѣрить безусловно, ни смотрѣть на вещи его глазами. Чтобы вѣрно понять Фруассара, необходимо прослѣдить самую жизнь его; онъ поэтически слился съ описываемыми имъ событіями и похожденіями, и вмѣсто того, чтобы оцѣнивать ихъ холоднымъ разсудкомъ, всюду высказываетъ свои личныя ощущенія. Каноникъ и казначей церкви въ Шимэ, Фруассаръ любилъ въ то же время веселое общество, гдѣ онъ много пилъ и мастерски разсказывалъ. Въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ онъ бывалъ, говорили о современныхъ событіяхъ, пѣли рыцарскіе романсы, читали рыцарскіе романы и вовсе не заботились о библіи и церкви. Уже на 19 году Фруассаръ такъ отличался своимъ повѣствовательнымъ талантомъ, что графъ намюрскій поручилъ ему собрать матеріалы для современной исторіи, начиная съ битвы при Пуатье или Мопертюи (1356 г.), и составить изъ нихъ романтическій разсказъ. Фруассаръ исполнилъ это и поднесъ книгу англійской королевѣ, урожденной француженкѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ книга доставила бы ей удовольствіе, потому что въ Англіи, какъ и въ Бельгіи, французскій языкъ былъ придворнымъ и оффиціальнымъ языкомъ. Фруассаръ былъ знатокомъ безчисленныхъ рыцарскихъ романовъ, въ духѣ которыхъ написалъ свою исторію, и кромѣ того сочинялъ рыцарскія пѣсни. Все это доставило ему мѣсто частнаго секретаря англійской королевы. Съ этихъ поръ Фруассаръ былъ посвященъ во всѣ тайны написанной имъ исторіи, сталъ прилежно собирать свѣдѣнія и распрашивать всякаго о событіяхъ и обстоятельствахъ, которыя намѣревался описать. Занимаясь современною исторіей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разыгрывалъ роль придворнаго поэта, и чтобы вѣрнѣе обозначать мѣстности и получать свѣдѣнія отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, ѣздилъ въ тѣ мѣста и къ тѣмъ лицамъ, которыя встрѣчаются въ его исторіи. При дворахъ и въ рыцарскихъ домахъ его прини-

мали радушно, находя въ немъ веселаго монаха, искуснаго разсказщика, завлекательнаго пѣвца и здороваго питуха. Въ 1367 и 1368 г. Фруассаръ объѣхалъ итальянскіе дворы и долго пробылъ въ Савоіи и Миланѣ. По смерти англійской королевы, онъ вернулся въ Шимэ, но, наскучивъ церковными занятіями, скоро уѣхалъ оттуда къ Венцеславу Люксембургскому. Венцеславъ былъ также минестрелемъ; Фруассаръ составилъ изъ его пѣсенъ романъ „Меліадоръ или Рыцарь Солнца". Любитель приключеній, онъ не усидѣлъ и въ Люксембургѣ и отправился въ южную Францію, сначала въ Блуа и Берри, а потомъ въ Фуа и далѣе. Тутъ, говоритъ Фруассаръ, онъ встрѣтилъ рыцаря, сообщившаго ему важныя свѣдѣнія. Этотъ рыцарь участвовалъ во всѣхъ войнахъ, происходившихъ на югѣ Франціи, и указалъ лѣтописцу всѣ мѣстности, города и замки, замѣчательные по какимъ нибудь историческимъ воспоминаніямъ. Все это придаетъ его разсказамъ форму и характеръ рыцарскихъ романовъ, гдѣ страшныя свалки и чудесныя приключенія вызываютъ громкіе возгласы слушателей, роль которыхъ большей частью исполняетъ самъ Фруассаръ. Подобные возгласы и выраженія удивленія встрѣчаются особенно часто въ первыхъ главахъ третьей книги, гдѣ Фруассаръ буквально приводитъ разсказы упомянутаго рыцаря. Онъ говоритъ, что каждый разъ, какъ ему случалось ночевать съ этимъ рыцаремъ, онъ записывалъ все, что тотъ ему разсказывалъ. Находясь въ Ортезѣ у графа Фуа, Фруассаръ читалъ и комментировалъ по вечерамъ отрывки изъ Меліадора. Своими объясненіями онъ посвящалъ въ тайны рыцарской поэзіи графа Фуа, разсказывавшаго ему въ свою очередь о войнахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Герцогъ Ланкастерскій, находившійся въ то время по близости Ортеза, сообщалъ Фруассару свѣдѣнія о войнахъ англійскаго рыцарства, Бастоде Мобіонъ, отличавшійся въ испанскихъ войнахъ, описалъ ему войны Іоанна Кастильскаго и Діонисія Португальскаго.

Фруассаръ придавалъ большое значеніе тому, что всѣ его раз-

сказы почерпнуты изъ словъ самихъ дѣйствовавшихъ лицъ, хвалился тѣмъ, что собраніе матеріаловъ стоило ему большихъ денегъ, и выражалъ надежду, что все это доставитъ ему славу въ потомствѣ (aussi ai-je fait mainte histoire, dont il sera parlé dans la postérité). Человѣкъ въ высшей степени подвижной, онъ вѣчно находился въ разъѣздахъ, отправляясь всюду, гдѣ только надѣялся встрѣтить кого нибудь изъ лицъ, дѣйствующихъ въ его исторіи. Такъ, напримѣръ, находясь однажды внутри Франціи и узнавъ, что въ Нидерланды пріѣхалъ рыцарь, отъ котораго можно получить подробныя свѣдѣнія о португальской войнѣ, Фруассаръ немедленно ѣдетъ въ Миддельбургъ и шесть дней слушаетъ разсказчика. По заключеніи мира между Англіей и Франціей (1398 г.), тотчасъ же отправляется въ Англію, для полученія точныхъ свѣдѣній о послѣдней войнѣ между Англіей и Ирландіей.

Вся романтическая исторія его времени, какъ мы назовемъ поэтическую лѣтопись въ прозѣ Фруассара, распадается на четыре отдѣла, каждый отдѣлъ на главы. Первая глава каждой книги имѣетъ еще особое назначеніе: лѣтописецъ провѣряетъ въ ней разсказанное въ предъидущемъ отдѣлѣ или дополняетъ болѣе точными свѣдѣніями, собранными имъ позже. Первая книга доводитъ событія до 1379 г., вторая до 1383 г., третья до 1389 г., четвертая до 1400.

Рыцарскій романъ не выходитъ изъ головы Фруассара, какъ миѳологія и эпическая поэзія у Геродота (т. II. стр. 190). Каждая книга начинается у французскаго лѣтописца поэтическимъ вступленіемъ, по образцу бардовъ и минестрелей. Съ самаго начала лѣтописи онъ въ общихъ чертахъ обозначаетъ своихъ читателей и указываетъ на свою цѣль (pour tous nobles coeurs encourager et leur donner exemple et matière d'honneur, je Jean Froissart etc). Въ тринадцатой главѣ четвертой книги онъ опять съ наивностью говоритъ о себѣ: „Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе говорить и разсказывать (mettre en avant) такія вещи; не подстрекай меня это удовольствіе, мнѣ никогда не удалось бы

изслѣдовать и записать (à dicter et à l'enquerre) столько свѣдѣній". Фруассаръ, какъ хорошій романтическій разскащикъ, передаетъ различныя событія со всѣми ихъ побочными обстоятельствами согласно манерѣ эпическихъ поэтовъ, отъ данной точки возвращается назадъ къ началу; поэтому онъ часто впадаетъ въ противорѣчіе съ хронологіей. Свои понятія о значеніи исторіи и исторіографіи онъ ясно высказываетъ при разсказѣ о лимузенскомъ рыцарѣ, Америго Марселѣ. Фруассаръ извиняется передъ читателями въ томъ, что слишкомъ распространился о такомъ разбойникѣ, наказанномъ смертью за свои злодѣянія. Вотъ его подлинныя слова: „Я потому такъ много и долго разсказывалъ объ Америго Марселѣ, чтобы, приведя факты, дать точное понятіе объ его жизни и смерти (embellir son âme et sépulture). Въ такой подробной исторіи, какъ моя, необходимо подробно говорить какъ о хорошемъ, такъ и о дурномъ, чтобы представить потомству примѣры и поощреніе къ добрымъ дѣламъ (pour donner action et matière de bien faire). Обрати Америго Марсель свои таланты и способности на добро (eust tourné ses voyes et argus en bonnes vertus), изъ него вышелъ бы воинъ, славный дѣлами и подвигами, но, сдѣлавъ противное, онъ имѣлъ дурной конецъ (en vint à male fin).

Фруассаръ заставляетъ, какъ въ романахъ, говорить дѣйствующихъ лицъ своей лѣтописи и безпрестанно повторяетъ слово „разсказываютъ" (or dit le conte), какъ Геродотъ „говорятъ" (т. II. стр. 190). Вообще, въ его манерѣ изложенія много общаго съ романами. Описывая, напримѣръ, чью нибудь несчастную смерть, онъ почти всегда прибавляетъ избитую фразу: „но этому нельзя помочь (mais amender ne se peut)". Фраусcаръ такъ же безпокоенъ, живъ и пылокъ, какъ мастерски изображенные имъ нравы и обычаи того времени. Міръ рыцарства нарисованъ у него живыми красками; церковныя отлученія и проклятія, осада и защита замковъ, система укрѣпленія, вылазки, схватки, сраженія, корабли, мореходство и морскія битвы и способъ вооруженія описаны съ

истинно гомеровскою легкостью и отчетливостью. При описаніи вызововъ, обѣтовъ, поединковъ на жизнь и смерть, метанія копій, турнировъ, въѣздовъ государей, пышныхъ празднествъ, баловъ, нарядовъ и т. п. Фруассаръ приводитъ такія же подробности, какія встрѣчаются въ его романахъ и пѣсняхъ, писанныхъ для дамъ. Но Геродоту рыцарства не достаетъ серьезнаго, соотвѣтственнаго его времени, философскаго взгляда. Среди веселыхъ, часто трогательныхъ любовныхъ исторій у него является, какъ и у Геродота, религія, только въ другой формѣ, чѣмъ у греческаго историка. Что у Геродота называется "завистливымъ божествомъ", то у Фруассара „дьяволомъ и его сообщниками".

Мы нарочно остановились такъ долго на Фруассарѣ, потому что его произведеніе представляетъ собой совершенство и заканчиваетъ наивный родъ мемуаровъ, начатый Виллыгардуэномъ и развитый Жуанвиллемъ. Послѣ этихъ трехъ писателей мемуары сдѣлались политическимъ родомъ литературы, а собственно исторія и во Франціи снова облеклась въ латинь.

В. ФИЛОСОФІЯ.

Въ нашихъ очеркахъ умственной жизни мы не стали бы говорить о школьныхъ философахъ XIII столѣтія и спорахъ ѳомистовъ съ скотистами, если бы застой схоластики и то, что было положительнаго въ направленіи доминиканской и францисканской школъ, не вызвали уже въ XIII столѣтіи особаго рода идеализма. Со времени Бонавентуры и основанія сенъ-викторской школы мистическая и созерцательная, мечтательная и поэтическая философія становится въ такое же отношеніе къ господствовавшимъ ученіямъ ѳомистовъ и скотистовъ, какъ чистый піетизмъ Спенсера и Арнда къ сухой догматикѣ и консисторіальной религіи XVII и XVIII столѣтій. Мистическое и созерцательное ученіе XIV столѣтія имѣло большое вліяніе не только на образованность, но и на политическую

исторію того времени, тѣсно слившуюся съ исторіей церкви. По этому, мы не можемъ умолчать о людяхъ, бывшихъ представителями этого направленія: у нѣкоторыхъ изъ нихъ итальянскіе поэты заимствовали философское содержаніе своихъ произведеній, а другіе повсюду вызвали сильное противодѣйствіе извращенному ученію западной церкви. Борьба философскихъ школъ съ мистицизмомъ и мечтательностью, занесенными въ церковь святымъ Бернаромъ, способствовали тому, что меньшинство вѣрующихъ, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, еще отстаивало поэзію христіанства отъ прозы Аристотеля. Чтобы прослѣдить за ходомъ развитія философіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ, на сколько это соотвѣтствуетъ нашей цѣли, достаточно ознакомиться съ направленіемъ францисканской и доминиканской школъ и потомъ бросить взглядъ на созерцательное ученіе сенъ-викторской школы и платоническое — Бонавентуры.

Школьная философія преподавалась только францисканцами и доминиканцами. За основаніе своего ученія каждый орденъ признавалъ книги, написанныя однимъ изъ братій ордена: доминиканцы книги Ѳомы Аквинскаго, ихъ философы называли себя ѳомистами, францисканцы — Дунса Скота, его послѣдователи назывались скотистами. Ученикъ Альберта Кёльнскаго (т. VII. стр. 327), Ѳома Аквинскій, занимался исключительно спекулятивной философіей и діалектическими тонкостями. Съ глубиной воззрѣній онъ соединялъ основательность, и орденъ доминиканцевъ держался того мнѣнія, что тотъ, кто прочелъ его книги, поглотилъ всю человѣческую премудрость. Дѣйствительно, еслибы вопросъ шелъ только о количествѣ матеріаловъ и преодолѣніи трудностей, то чтеніе Ѳомы Аквинскаго могло бы занять цѣлую жизнь человѣка. Его произведенія, еще въ XVIII столѣтіи прилежно изучавшіяся въ католическихъ университетахъ, были изданы нѣсколько разъ. Изданіе 1572 г. заключаетъ въ себѣ семнадцать фоліантовъ, изданіе 1612 г. восемнадцать, парижское 1660 г. двадцать три фоліанта, а послѣднее, 1751 — 60 г., in 4^0, двадцать восемь томовъ.

Не чувствуя ни особаго желанія, ни даже достаточно способности въ себѣ слѣдовать за этимъ великимъ діалектикомъ въ лабиринтѣ его идеальнаго міросозерцанія, мы не можемъ не восхищаться въ немъ силѣ человѣческаго ума, способнаго возводить такія же чудесныя зданія творчествомъ разума, какія создаетъ поэтъ творчествомъ фантазіи. По отзывамъ самыхъ глубокомысленныхъ философовъ умъ его былъ до такой степени сродни уму Аристотеля, что въ то время, когда греческаго философа никто не понималъ и всякій перетолковывалъ по своему, Θома Аквинскій своимъ врожденнымъ тактомъ вѣрнѣе опредѣлилъ настоящій его смыслъ, чѣмъ арабскіе и греческіе комментаторы, извѣстные въ школахъ по плохимъ переводамъ. Θома Аквинскій объяснялъ Аристотеля совершенно въ духѣ церковнаго ученія, и потому папа, смотрѣвшій на него, какъ на свою опору, старался облегчить его трудъ. Онъ далъ ему въ помощники весьма ограниченнаго, но хорошо знавшаго языки, доминиканца, брабантца Вильгельма фонъ Мёрбеке. Этотъ монахъ дѣлалъ подстрочный переводъ, изъ котораго Θома Аквинскій угадывалъ или, какъ теперь говорятъ, воспроизводилъ настоящаго Аристотеля. Этотъ переводъ появился въ 1273 г. Мёрбеке перевелъ впослѣдствіи такимъ же механическимъ способомъ и другихъ греческихъ философовъ.

Въ школахъ θомистовъ, гдѣ произведенія Θомы Аквинскаго были въ такомъ же употребленіи, какъ библія въ церквахъ, господствовало убѣжденіе, что философско-богословская наука исчерпана имъ. Учитель, вступая въ пренія, долженъ былъ сражаться оружіемъ святаго Θомы, а философы упражнялись въ то время въ діалектическихъ спорахъ, пріобрѣтая въ нихъ такую же славу аргументаціями, какъ рыцарь на турнирѣ копьемъ. Изъ этого можно видѣть, что въ XIV столѣтіи въ школахъ доминиканцевъ все подводилось подъ условные формы и формулы, вопросы и возможные отвѣты. Философія выучивалась наизусть и превратилась въ механическое искусство составлять опредѣленія и заключенія. Навыкъ и изворотливость стали на первомъ планѣ, самостоятельность мысли

исчезла. При всемъ этомъ нельзя не подивиться чистотѣ языка утонченнѣйшаго изъ схоластиковъ; одинъ бѣглый взглядъ на произведенія святаго Ѳомы показываетъ неисчерпаемое обиліе матеріаловъ и цѣлый міръ отвлеченныхъ понятій, выведенныхъ одно изъ другаго. У него различенія сопоставлены вмѣстѣ, опредѣленія сгруппированы и вопросы связаны одинъ съ другимъ. Тамъ, гдѣ простой умъ не находитъ никакихъ затрудненій, философъ завязываетъ цѣлый рядъ узловъ и переноситъ насъ въ особый міръ, существующій только для школы и не имѣющій никакой связи съ остальнымъ міромъ. Этотъ школьный міръ на томъ и стоялъ, что бы затруднять себя и другихъ подобными фокусами, поражая новичковъ діалектикою. Ѳома Аквинскій оставилъ своимъ ученикамъ цѣлый запасъ вопросовъ, которые стоило только заучить, чтобы сразу озадачить противника, и на всѣ вопросы приготовилъ множество отвѣтовъ. У него, какъ въ арсеналѣ, собрано три тысячи спорныхъ вопросовъ и пятнадцать тысячъ аргументовъ.

Основатель школы францисканцевъ, Дунстанъ или Дунсъ, названный по имени своей родины Скотомъ (шотландцемъ), извѣстенъ намъ менѣе Ѳомы Аквинскаго. Повидимому, онъ былъ еще богаче утонченностями діалектики, опредѣленіями, различеніями, вопросами и отвѣтами. Его даже называютъ тонкимъ мыслителемъ (doctor subtilis). Но языкъ Скота таковъ, что отъ него отвернется всякій, хоть сколько нибудь знакомый съ хорошею латинью. И въ то самое время, когда въ Италіи снова принялись за древнихъ классиковъ, стараясь подражать ихъ слогу, нѣмецкія школы, гдѣ учили скотисты, приняли этотъ варварскій языкъ (Дунсъ Скотъ умеръ 1308 г.). Онъ написалъ немного менѣе Ѳомы, но все же его оригинально варварская латинь наполнила двѣнадцать толстыхъ фоліантовъ ліонскаго изданія 1639 г. Дунсъ училъ въ Парижѣ, а своею славою обязанъ преимущественно искуснымъ діалектическимъ фокусамъ, дававшимъ ему возможность огромнымъ запасомъ тонкостей побѣждать воиновъ слова, боровшихся на диспутахъ, какъ рыцари на турнирахъ. Споры ѳомистовъ съ скоти-

стами, привлекавшіе, какъ споры философскихъ школъ XVIII столѣтія въ Германіи, весь міръ, всѣхъ, даже ничего въ нихъ не понимавшихъ, касались такихъ вопросовъ, о которыхъ можно было спорить безъ конца. Любимымъ и обычнымъ предметомъ публичныхъ состязаній было непорочное зачатіе Богородицы. Надъ этимъ вопросомъ упражнялись самые искусные бойцы. Обыкновенно, хотя и ошибочно, приписываютъ Дунсу Скоту введеніе обычая, чтобы въ парижскомъ университетѣ одинъ разъ въ недѣлю, цѣлый день, находился скотистъ, готовый всякую минуту защищать скотистскую теорію непорочнаго зачатія Маріи. Этотъ обычай былъ введенъ ученикомъ Скота, Франсуа де Майрони, умершимъ въ 1325 г. Онъ первый изъ францисканцевъ завелъ въ Сорбоннѣ обыкновеніе, оставаясь цѣлый день безъ пищи и питья, быть каждую минуту на готовѣ дать отпоръ всякому, желавшему вступить съ нимъ въ споръ. А охотниковъ спорить было не мало.

Философія діалектики и анализа понятій и богословіе положительныхъ, враждебныхъ чувствительности и созерцательности учителей, — аристотелевская мудрость которыхъ была вдѣлана въ рамки христіанскихъ воззрѣній учителемъ рѣшительныхъ опредѣленій (magister sententiarum) Петромъ Ломбардомъ (т. VII. стр. 331), находили, со временъ Абеляра и Росцелина, противодѣйствіе со стороны чисто созерцательнаго направленія только въ монастыряхъ духовныхъ орденовъ. Борьбу съ школьнымъ богословіемъ началъ мистикъ Отло; но особенное значеніе получила она при св. Бернарѣ, возставшемъ противъ діалектическихъ тонкостей богослововъ. Его нерѣдко даже называютъ послѣднимъ отцомъ церкви. Оттонъ фонъ Фрейзингенъ и Лютеръ сильно нападаютъ на Бернара: первый за недостатокъ философскаго и критическаго воззрѣнія, второй за пренебреженіе къ ученымъ истолкованіямъ священнаго писанія и за убѣжденіе, что живъ только духъ писанія, а слово мертво. Оттонъ фонъ Фрейзингенъ говоритъ о немъ: „Этотъ святой былъ проникнутъ такимъ пламеннымъ рвеніемъ къ христіанскому ученію, а самоуниженіе, вошедшее у него въ привычку, сдѣлало

его до того легковѣрнымъ, что онъ ненавидѣлъ всякаго учителя, придававшаго вѣсъ человѣческой мудрости, и искренно считалъ еретиками всѣхъ мыслящихъ людей". Лютеръ пишетъ: „святой Бернаръ былъ великою, возвышенною душою, и я готовъ предпочесть его всѣмъ древнимъ и новѣйшимъ церковнымъ писателямъ; но взгляните какъ онъ уклоняется отъ истины, какъ онъ играетъ священнымъ писаніемъ и его такъ называемымъ отвлеченнымъ смысломъ".

Мечтательному ученію Бернара были приданы впослѣдствіи діалектическія формы; изъ него возникъ, въ противоположность ученію Аристотеля, родъ христіанскаго платонизма или неоплатизмъ. Это новое ученіе спиритуалистовъ имѣло практическо-библейскую и поэтическо-мечтательную сторону. Первая получила особенное развитіе въ парижскомъ университетѣ. Ее изучали и преподавали тамъ въ монастырѣ св. Виктора. Трое изъ учителей сенъ-викторской школы достойны вниманія даже въ настоящее время, хотя, конечно, многое въ ихъ ученіи совершенно несообразно съ нашими понятіями, чуждыми созерцательности. Самыми замѣчательными проповѣдниками этого практически-созерцательнаго религіознаго ученія, возбуждавшаго такой энтузіазмъ въ Нидерландахъ и во многихъ частяхъ Германіи, были Гуго, Ришаръ и Вальтеръ. Ѳома Аквинскій и Таулеръ также принадлежали къ сенъ-викторской школѣ.

Совсѣмъ другаго свойства была мистическая философія знаменитаго послѣдователя Аристотеля, Бонавентуры, ученика Александра Гэльса (умершаго въ 1245 г.) и школьнаго товарища темнаго Іоанна Дунса Скота. Обладая громадною ученостью, онъ въ такой же степени былъ одаренъ истиннымъ вдохновеніемъ и платоническою силою творчества. Передъ нимъ склонялись и діалектики, и созерцательные мечтатели, и рыцарскіе пѣвцы, воспѣвавшіе романическую любовь. Въ школахъ его, не безъ основанія, называли учителемъ ангельской премудрости (doctor angelicus). Бонавентура придалъ христіанскому ученію философско-поэтическую

форму, которая такъ восхищаетъ насъ въ великой поэмѣ Данта, располагая къ ней даже тѣхъ, кто находитъ популярное истолкованіе божественнаго откровенія слишкомъ чувственнымъ и грубымъ. Арабскіе поэты, какъ мы уже говорили (т. V. стр. 201), облекали исламъ въ мистическій покровъ. Вся индійская мудрость выражалась въ такихъ же формахъ, а въ Персіи былъ даже особый родъ поэтовъ, называвшихся софистами и занимавшихся исключительно философіей религіи. Мы думаемъ, что Бонавентура, изучавшій, какъ всѣ философы того времени, арабскіе комментаріи Аристотеля, заимствовалъ свою идеальную философію у арабскихъ богослововъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не зачѣмъ читать арабскихъ писателей; стоитъ только прочесть въ Восточной библіотекѣ Гербелô главу Акль или Акленъ, Разумъ, познаніе. Тамъ находится извлеченіе изъ книги познаній (Litab al Acb.).

Бонавентура пользуется въ церкви такимъ же значеніемъ, какимъ Ѳома Аквинскій. Его сочиненія занимаютъ восемнадцать фоліантовъ римскаго изданія 1588 г. и тринадцать томовъ, in 4°, венеціанскаго 1751 г. Въ первыхъ шести томахъ содержатся проповѣди и обыкновенная школьная философія. На седьмомъ и восьмомъ мы нѣсколько остановимся, чтобы показать, какъ Бонавентура и другіе великіе люди Италіи до XVI столѣтія одухотворяли религію только для себя и себѣ подобныхъ, щадя суевѣріе народа, котораго никогда не надѣялись возвысить до себя. Цѣль нашихъ очерковъ не позволяетъ намъ подробно анализировать содержаніе этихъ томовъ; мы не беремся также дѣлать ихъ философскаго разбора для философовъ, а хотимъ только сказать, какъ диллетанты для диллетантовъ, какимъ представляется въ нихъ Бонавентура. Намъ кажется, что его душа, одаренная глубокимъ чувствомъ и великимъ поэтическимъ талантомъ, закаленная діалектикой того времени, утонченною философіей школъ и ожесточенными диспутами, испытываетъ въ нихъ, что она можетъ воспроизвести изъ самой себя. По временамъ Бонавентура возвышается надъ всѣмъ земнымъ и конечнымъ не столько мыслью, сколько внутреннимъ самосозер-

цаніемъ. Относительно формы изложенія онъ не гоняется, подобно латинистамъ своего времени, за классическими выраженіями; но чуткое ухо скоро замѣчаетъ, что языкъ мастерски принаравливается къ поэтическому содержанію. Современный читатель конечно не послѣдуетъ за нимъ въ разсужденія о погруженіи души въ первобытное естество или о глубокомъ философскомъ самосозерцаніи. Но всякій съ изумленіемъ остановится передъ этимъ глубокимъ умомъ и пожалѣетъ, что того времени монахи не руководствовались его совѣтами. Это замѣчаніе относится къ небольшой книгѣ о преуспѣяніи монашествующей братіи въ познаніи божества, преимущественно къ одной изъ ея главъ, названной: „О семеричномъ способѣ восхваленія Бога", Антверпенъ, карманное изданіе, стр. 339 (Vom siebenfachen Stoff zum Lobe Gottes).

Кто не имѣетъ охоты или времени заняться сочиненіями этого необыкновеннаго человѣка, тому мы совѣтуемъ прочесть его книгу „Путь души къ Богу". Основная ея мысль покажется, быть можетъ, нашему времени пантеистической. Онъ говоритъ, что божество и мудрость собственно содержатся въ каждомъ пріобрѣтенномъ познаніи, въ каждомъ понятіи, развитомъ въ насъ созерцаніемъ чего либо существующаго и что, слѣдовательно, всякое истинное знаніе есть познаніе божества. Просвѣтляющій путь, проложенный Богомъ человѣку, такъ широкъ, что всякое ощущеніе, если оно не бываетъ исключительно внѣшнимъ, вноситъ божество въ человѣческую душу, или, вѣрнѣе, пробуждаетъ его въ ней. Въ мірѣ всѣ ощущенія и представленія находятся въ таинственной связи между собой; ключомъ этой цѣпи, этого цѣлаго служатъ священныя числа три и семь. Вся тайна конечнаго и безконечнаго бытія заключается въ двойной троицѣ и въ присовокупленной единицѣ. Низшая жизнь имѣетъ три ступени, высшая столько же; для седьмой единицы, соединяющей эту двойную троицу, нѣтъ на человѣческомъ языкѣ ни названія, ни соотвѣтствующаго состоянія, потому что она въ Богѣ. Такимъ образомъ, Бонавентура дѣлитъ всѣ человѣческія познанія, подобно жизни,

на три части, и при этомъ ссылается на святое писаніе. По его мнѣнію, священное писаніе также заключаетъ въ себѣ троякій смыслъ: буквальный, мистическій или духовный и нравственный или анагогическій (символико-библейскій). Изъ этого трояка его смысла возникаетъ тройственность ученія. Первая часть касается предвѣчнаго рожденія Іисуса отъ Бога и его воплощенія, вторая — порядка человѣческаго бытія, третья — соединенія души съ Богомъ.

2. Начало новой образованности въ Италіи. Преобразованіе средневѣковой культуры изученіемъ древнихъ классиковъ.

А. Итальянская образованность и литература до начала XIV столѣтія.

Предполагая, что наши читатели достаточно знакомы съ развитіемъ цивилизаціи древняго міра и съ тѣми формами, какія она приняла въ послѣднія три столѣтія въ Европѣ, что они поняли, изъ политическаго отдѣла исторіи, причины, вызвавшія раннее процвѣтаніе всей образованной жизни въ средневѣковыхъ итальянскихъ государствахъ, — мы ограничимся здѣсь указаніемъ только тѣхъ явленій умственной жизни, которыми обозначается постепенное развитіе культуры. Независимо отъ лирической поэзіи, раннее процвѣтаніе образованности въ Италіи было, по нашему мнѣнію, слѣдствіемъ ранняго развитія церковной и гражданской жизни. Церковная жизнь вызвала музыку и зодчество; гражданская—все то, что находится въ связи съ ремеслами, мореходствомъ, торговлей, политикой и дипломаціей. Общій характеръ нашего труда не позволяетъ намъ развить подробно этихъ выводовъ. Мы хотимъ только провести историческую нить чрезъ всѣ отдѣльныя явленія

и послѣдствія итальянской цивилизаціи по ту и по сю сторону Альповъ.

Музыка и церковное пѣніе, очевидно, были еще со временъ Карла Великаго занесены изъ Италіи въ Германію. Въ XI столѣтіи монахи помпозскаго монастыря, Михаилъ и Гвидо, оказали музыкѣ большія услуги; они, если и не изобрѣли сольфеджіо, то все-таки учили музыкѣ въ Испаніи (т. VI. стр. 165). Врачебнымъ искусствомъ уже въ XI и XII столѣтіяхъ занимались въ Италіи съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Монпеллье, а салернская школа славилась своей діететикой, изложенной латинскими виршами. Такія вирши были поднесены герцогу Роберту Нормандскому, когда онъ проѣзжалъ чрезъ Салерно, возвращаясь изъ крестоваго похода (впрочемъ не рѣшено, онъ ли тотъ rex Anglorum, которому посвящены эти стихи). Въ Болоньи процвѣтало римское право. Ирнерій или Вернеръ (т. VI. стр. 326), Мартинъ Гозія и Бульгаръ (т. VI. стр. 465), Іоаннъ Бозіанъ, Аццо и потомъ въ XIII столѣтіи Аккурсій и Одофредъ, знаменитые корыстолюбіемъ, низостью и отвратительною латинью, пріобрѣли извѣстность подъ именемъ глоссаторовъ. Одинъ изъ ученыхъ XV столѣтія (Лауренцій Вала) справедливо замѣтилъ, что нельзя не пожалѣть о томъ, что какіе нибудь Бартолы, Бальдусы, Аккурсій и другіе подобные гуси заняли мѣсто римскихъ лебедей права, Сульпиція, Сцеволы, Павла и Ульпіана. Бартоло и Бальдо, юристы самаго жестокаго изъ Висконти, жили нѣсколько позже. Они основали въ XIV столѣтіи новую школу варварскихъ правовѣдовъ, которые занялись примѣненіемъ къ праву схоластическаго искусства, не желая болѣе оставаться только словоистолкователями (глоссаторами).

Реальныя науки, находившіяся въ связи съ мореходствомъ и другими потребностями пробуждавшейся жизни, въ XII и XIII столѣтіяхъ также получили въ Италіи большое развитіе. Монахъ Константинъ, уже во времена Роберта Гискара, до того изумлялъ своихъ современниковъ геометрическими вычисленіями, ариѳ-

метическими выкладками и нѣкоторыми познаніями въ физикѣ, что едва не былъ приговоренъ къ казни за чародѣйство. Впрочемъ о результатахъ всѣхъ стремленій къ развитію искусствъ и наукъ, необходимыхъ въ гражданской жизни, мы скажемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о прогрессѣ искусствъ и наукъ въ Италіи въ XIV столѣтіи. Здѣсь мы умолчимъ даже о дѣятельности на поприщѣ реальныхъ наукъ Гергарда Кремонскаго, жившаго въ концѣ XII столѣтія и считаемаго нѣкоторыми за испанца изъ Кармоны.

Послѣ всего сказаннаго нами о цвѣтущемъ, хотя и анархическомъ состояніи Италіи въ XIII столѣтіи, не покажется удивительнымъ то, почти невѣроятное, рвеніе, съ какимъ въ началѣ XIV столѣтія, во всей верхней и нижней Италіи, занимались изученіемъ положительнаго духовнаго и свѣтскаго права, поэзіей и изящными искусствами, т. е. всѣмъ, что тогда называли граматикой. Въ одной Болоньѣ собиралось до десяти тысячъ студентовъ. Если это число даже преувеличено, все-таки положительно извѣстно, что въ Парму, Пизу, Падую, Виченцу и Модену стекались тысячи для изученія изящныхъ наукъ. Фридрихъ II, основавшій школу правовѣдѣнія въ Неаполѣ, запретилъ своимъ подданнымъ посѣщать болонскій университетъ (т. VII. стр. 263), сдѣлавъ однако исключеніе для граматическихъ наукъ. Изъ одной лѣтописи, за статистику которой мы впрочемъ не ручаемся, можно видѣть, какъ велико было число лицъ, обязанныхъ, по своему положенію, получать школьное образованіе. Она насчитываетъ въ одномъ Миланѣ двѣсти юристовъ (judices), четыреста городскихъ и шестьсотъ императорскихъ нотаріусовъ, двѣсти докторовъ и восемьдесятъ учителей высшихъ школъ. Иннокентій III и его кардиналъ Робертъ Курсонъ со славою подвизались на научномъ поприщѣ. Папа и чиновники его канцеляріи писали чистымъ и хорошимъ латинскимъ языкомъ, а кардиналъ-легатъ принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ объ Аристотелѣ (т. VII. стр. 327). Фридрихъ II былъ обязанъ Иннокентію III своимъ превосход-

нымъ образованіемъ; онъ обладалъ свѣдѣніями по всѣмъ наукамъ того времени и владѣлъ языками арабскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ и неаполитанскимъ или сицилійскимъ нарѣчіемъ, изъ котораго образовалось тосканское. Другомъ и товарищемъ его занятій былъ канцлеръ Петръ де Винь; оба блистали въ кругу провансальскихъ и лимузенскихъ поэтовъ, собиравшихся при дворѣ Фридриха. Судя по дошедшимъ до насъ образчикамъ, Фридрихъ II, пробовавшій свои силы во всѣхъ отросляхъ поэзіи, былъ скорѣе одаренъ прозаическими качествами своего жестокаго отца, чѣмъ героическою душою дѣда. Канцлеръ, произведенія котораго встрѣчаются между стихотвореніями Фридриха, далеко превосходилъ короля способностями.

Среди нескончаемой борьбы партій, въ городахъ — за власть, а въ церкви — за вопросъ, которое изъ двухъ богословій, императорское или папское, есть истинно христіанское, возникаетъ, рядомъ съ мрачнымъ суевѣріемъ, смѣлый анализъ догматовъ вѣры. Мы приписываемъ это, главнымъ образомъ, изученію въ Италіи, въ концѣ XIII столѣтія, сочиненій Ѳомы Аквинскаго и Бонавентуры и знакомству съ настоящимъ смысломъ ученія Аристотеля. Мы не вѣримъ, чтобы Фридрихъ дѣйствительно велѣлъ перевести всего Аристотеля прямо съ греческаго, но достовѣрно извѣстно, что Бартоломей Мессинскій перевелъ, если и не хорошо, то вѣрно, мораль (этику) греческаго философа.

Смѣлую философію Данте, не щадившую ни догматовъ, ни людей и презиравшую адъ, раздѣляли, по словамъ поэта-философа, тысячи людей того времени. Когда Данте, находясь въ той части „Ада“, гдѣ въ огненныхъ гробахъ лежатъ смѣлые скептики, спрашиваетъ благороднаго Фаринату, кто находится въ его сообществѣ, тотъ отвѣчалъ:

„Со мной лежатъ болѣе тысячи. Здѣсь и Фридрихъ II и папскій кардиналъ. О другихъ я умалчиваю“.

Передъ тѣмъ Данте говоритъ, что Фарината съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всѣ претерпѣваемыя имъ въ „Аду“ страданія:

„Онъ гордо воздымалъ чело и грудь, дѣлая видъ, что презираетъ муки ада.“

Еще менѣе думалъ объ адѣ богословъ Кавальканте Кавальканти, отецъ Гвидо Кавальканти, друга и ровесника Данте.

Астрологія, мореходство, торговля и политическое развитіе общества вызвали въ XIII столѣтіи политическія, географическія, математическія и астрономическія науки. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ прогресса цивилизаціи въ Италіи, мы не станемъ много распространяться о развитіи всего того, что непосредственно относится къ потребностямъ внѣшней жизни. О переводѣ Эвклида, сдѣланномъ по однимъ Кампаномъ Новарскимъ, по другимъ Аделяромъ, скажемъ только, не вдаваясь въ разборъ его, что онъ составлялъ эпоху въ XII столѣтіи. Услуги, оказанныя математикѣ Фибоначчи, мы предоставляемъ оцѣнивать математикамъ; но нельзя умолчать о томъ, что онъ распространилъ въ Италіи современную систему счисленія и нынѣшній способъ опредѣлять значеніе цифръ по мѣсту, занимаемому ими въ послѣдовательномъ порядкѣ, заимствованные Гербертомъ (Сильвестромъ II) у аравитянъ. Фибоначчи пользуется большимъ значеніемъ у новѣйшихъ итальянскихъ математиковъ. О его книгахъ очень пространно говорится въ двухъ томахъ исторіи введенія алгебры въ Италіи, Коссати, и въ исторіи математическихъ наукъ, Либри, появившейся въ 1838 г.

Тринадцатый вѣкъ уже представляетъ знаменитыя историческія и поэтическія произведенія на тосканскомъ нарѣчіи, образовавшимся изъ сицилійскаго. Съ неменьшимъ удовольствіемъ читались провансальскіе и лимузенскіе поэты. Итальянскій патріотъ, Сорделло изъ Мантуи, былъ провансальскимъ поэтомъ. Онъ извѣстенъ намъ по своимъ одиннадцати стихотвореніямъ, находящимся въ знаменитомъ собраніи провансальской поэзіи Эсте, но еще болѣе по стихамъ Данте. Поэтъ говоритъ о немъ въ шестой пѣсни „Чистилища“:

„Взгляни на ту тѣнь, что стоитъ отдѣльно отъ другихъ и

глядитъ на насъ: она укажетъ намъ кратчайшій путь. Мы подошли къ ней. О ломбардская тѣнь, какъ гордо стоишь ты и какъ презрительно смотришь на насъ! Съ какою медленностью, исполненною достоинства, вращаются зрачки твоихъ глазъ! Тѣнь молчала. Мы прошли мимо. Она глядѣла на насъ, какъ покоящійся левъ. Виргилій приблизился къ ней и попросилъ показать намъ, гдѣ легче взойти на верхъ. Но тѣнь, не отвѣчая на его вопросъ, и спросила названіе страны, гдѣ мы жили. Мой дорогой вожатый началъ: Мантуа.... Взволнованная тѣнь, бросившись къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, воскликнула: „Мантуанецъ, я Сорделло, твой соотечественникъ", и они упали въ объятія другъ друга".

Мы могли бы привести цѣлый рядъ отличныхъ поэтовъ, писавшихъ на всѣхъ итальянскихъ нарѣчіяхъ, но для краткости ограничимся именами трехъ предшественниковъ Данте, писавшихъ также тосканскимъ нарѣчіемъ и съ такою же философскою глубиною, какъ онъ. Это были: Гвиттоне, извѣстный менѣе другихъ, Гвидо Гвиничелли и Гвидо Кавальканти. Гвидо Гвиничелли представленъ въ маленькой книгѣ Данте „О тосканской поэзіи" пѣвцомъ идеальной любви, т. е. Венеры Ураніи, а не кипрской богини. Въ ней приведены два стиха Гвидо Гвиничелли: „Любви не существовало, пока не явилось возвышенныхъ сердецъ, а пока не явилась любовь, не существовало высшей человѣческой природы". Въ „Чистилищѣ" Данте радостно привѣтствуетъ тѣнь Гвидо Гвиничелли, восклицая:

„Пока раздается тосканскій языкъ, твои сладостныя пѣсни (detti vostri) не перестанутъ внушать любви и уваженія къ писавшему ихъ перу".

Маттео Спинелли многіе считаютъ первымъ итальянскимъ историкомъ, начавшимъ разсказывать исторію, какъ образовательную науку, народу и на народномъ языкѣ, а не ученымъ по латини; но это мнѣніе несправедливо. Прежде Спинелли съ тою же цѣлью писалъ Рикордано Маласпини, котораго нерѣдко буквально цитируетъ въ своемъ сочиненіи Виллани, самый

подробный изъ историковъ слѣдующаго столѣтія. Уже Рикордано Маласпини понялъ, что исторія должна быть не собраніемъ документовъ, а средствомъ народнаго образованія. Онъ написалъ исторію своего роднаго города до 1281 г., продолженную его племянникомъ до 1286 г. У него совершенно не преднамѣренно встрѣчаются на каждомъ шагу прелестно разсказанныя сказочки, приводимыя Виллани въ его исторіи очевидно съ цѣлью занять флорентинцевъ. Маласпини сообщаетъ много свѣдѣній объ Адамѣ, знаетъ сколько лѣтъ протекло между Адамомъ и Нииомъ (Нимвродомъ) и говоритъ о построеніи Фіезоле Аполлономъ Астрологомъ.

Съ особеннымъ рвеніемъ занимались въ XIII вѣкѣ граматическими и риторическими науками, поощряемыми канцлеромъ Фридриха, Петромъ де Винемъ. Онѣ процвѣтали въ большихъ и малыхъ свободныхъ городахъ и тамъ, гдѣ владычествовали мелкіе тиранны. Каждый стремился занять какую нибудь государственную должность, а для этого было необходимо быть стилистомъ. Учителя риторики нерѣдко соединяли съ наставленіями въ риторикѣ и эстетикѣ энциклопедическій курсъ всѣхъ реальныхъ и философскихъ наукъ. Они издавали книги, заключавшія въ себѣ всю премудрость того времени, которую тогда еще не трудно было осилить. Въ XIII столѣтіи, по сю сторону Альповъ, Венсанъ де Бове составилъ подобный трудъ, хотя и бездарно, но старательно и подробно. Три свои огромные фоліанта, напичканные свѣдѣніями по естественнымъ, нравственнымъ, философскимъ и историческимъ наукамъ, онъ назвалъ Зеркаломъ.

Учитель Данте, Брунетто Латини, составилъ съ несравненно бо̀льшимъ умомъ, философіей и поэзіей такую же энциклопедію, или вѣрнѣе двѣ: одну подробную, названную полнымъ (thesaurus thesaurorum), и — другую сокращеннымъ изданіемъ всего, достойнаго изученія (tesoretto). Первые изъ названныхъ нами сочиненій, по странному стеченію обстоятельствъ, написано на древне-французскомъ языкѣ, бывшемъ въ то время языкомъ поэтовъ и двора. Брунетто училъ до 1260 г. во Флоренціи, но по

прибытіи туда Манфреда, уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 1284 г., потомъ снова вернулся на родину и до 1295 г. продолжалъ учить во Флоренціи. Какую важность имѣла его книга доказывается лучше всего множествомъ ея рукописей, находящихся въ библіотекахъ. Лучшая изъ нихъ въ Женевѣ; въ одномъ Парижѣ ихъ двѣнадцать. Книга эта была напечатана, но всѣ ея изданія очень рѣдки теперь; лучшее изъ нихъ венеціанское въ 1533 г.

Брунетто Латини раздѣлилъ весь свой трудъ на три большихъ отдѣла, распадающихся на книги. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ пять книгъ. Первая книга содержитъ исторію вѣтхаго завѣта, вторая новый завѣтъ и всю исторію до времени Брунетто. Въ нихъ говорится также о стихіяхъ и небѣ. Третья книга учитъ географіи и естественной исторіи. Двѣ послѣднія книги заимствованы, какъ говоритъ авторъ, у Плинія и Солина (т. IV. стр. 350). Второй отдѣлъ распадается на двѣ книги. Первая содержитъ этику Аристотеля, вторая разсужденія о добродѣтеляхъ и порокахъ. Въ третьемъ отдѣлѣ также двѣ книги. Въ первой говорится о краснорѣчіи Цицерона и Аристотеля, во второй о государственной наукѣ, съ ссылками на Платона. Чтобы судить о значеніи такого учителя, достаточно назвать его ученика Данте, соединявшаго съ величайшимъ поэтическимъ геніемъ глубокія, универсальныя познанія. Поэтъ съ благодарностью говоритъ, что обязанъ своими свѣдѣніями Брунетто Латини. Виллани превозноситъ его въ девятой главѣ восьмаго тома своей исторіи Флоренціи, прибавляя, что Брунетто Латини былъ первымъ учителемъ, образовавшимъ флорентинцевъ (il primo a degrossare i Fiorentini) и учившимъ ихъ хорошо говорить и руководствоваться истинными политическими принципами въ государственномъ управленіи.

Въ пятнадцатой пѣсни „Ада", Данте, встрѣчаясь съ Брунетто, старается выразить ему всю глубину своего уваженія и благо-

дарности. Онъ совѣстится, что долженъ итти нѣсколько выше своего уважаемаго учителя, чтобы не попасть въ раскаленный песокъ:

„Я не посмѣлъ сойти съ возвышеннаго пути, чтобы итти возлѣ него; но наклонилъ голову, какъ человѣкъ, преисполненный самаго глубокаго уваженія.“

Разговоръ съ нимъ Данте заключаетъ словами:

„Еслибы мои теплыя мольбы были услышаны, вы не были бы еще изгнаны изъ предѣловъ человѣческаго бытія. Въ моей душѣ, преисполненной теперь скорбью, неизгладимо запечатлѣнъ вашъ милый, добрый, отеческій образъ, когда вы ежечасно учили меня, какъ пріобрѣтается безсмертіе“.

Можно бы привести и другихъ писателей, подготовившихъ, въ половинѣ XIII столѣтія, переворотъ въ литературѣ, распространившійся въ XIV вѣкѣ изъ Италіи по всей Европѣ. Но, согласно принятому нами порядку и послѣдовательности, мы упомянемъ о нихъ въ слѣдующемъ томѣ, когда будемъ говорить объ итальянской образованности второй половины XIV вѣка.

B. Развитіе новой итальянской образованности въ первой четверти XIV столѣтія.

Богатство итальянской литературы XIV столѣтія и тѣсная ея связь съ литературою XV вѣка, разсѣявшей въ Европѣ мрачный туманъ іерархіи феодализма, заставляютъ насъ соединить въ IX томѣ нашей Всемірной исторіи подробное обозрѣніе замѣчательныхъ литературныхъ произведеній XIV столѣтія съ обзоромъ культуры XV вѣка. Здѣсь мы только ограничимся нѣсколькими вступительными словами. Съ этою цѣлью прежде всего укажемъ на нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, способствовавшія развитію въ Италіи образованности, а потомъ перейдемъ ко всемірно-историческому значенію твореній Данте, разлившихъ своимъ появленіемъ новый свѣтъ по всей Европѣ. Главною причиною процвѣтанія изящныхъ наукъ

въ Италіи было то, что правительства, враждебныя теперь всякому свободному умственному движенію, всякому возвышенному стремленію, всякой игрѣ фантазіи, всякому выводу чистаго разсудка, короче всему, что не относится непосредственно до матеріальныхъ потребностей и внѣшнихъ условій жизни, въ то время старались покровительствовать развитію свободныхъ искусствъ. Правители того времени слѣдовали совсѣмъ иной системѣ, чѣмъ теперь; они понимали, что создавать науки и искусства не такъ легко, какъ строить себѣ увеселительные дворцы. Покровительствовать наукамъ и искусствамъ считалось тогда политическою мудростью; каждый мелкій дворъ, каждый свободный городъ старался блистать кружкомъ ученыхъ и художниковъ. Поэты, художники и ученые нерѣдко переѣзжали изъ одного города въ другой, но самая вражда и зависть ихъ были побужденіемъ къ жизни и движенію. У каждаго города была своя знаменитость, которою онъ хвалился передъ другими. Одинъ перечень городовъ, гдѣ свободныя науки находили покровительство въ одно и то же или различныя времена, покажетъ, съ какимъ рвеніемъ занимались тогда науками въ свободныхъ, хотя и анархически свободныхъ, или въ деспотически управляемыхъ странахъ Италіи.

Въ Миланѣ, какъ делла Торре, такъ и Висконти, даже тиранія своихъ согражданъ, покровительствовали наукамъ, искусствамъ и изученію древности. Въ слѣдующемъ столѣтіи намъ часто придется упоминать о фамиліи Висконти. Со времени Аццо VIII свободнымъ искусствамъ точно также покровительствовали и владѣтели Феррары изъ фамиліи Эсте, которымъ повиновались Модена, Ровиго и Реджіо. Въ Піаченцѣ фамилія Скотти, въ Лоди — Физирага, въ Комо — Руска, въ Павіи — Лангоски, въ Верчелли — Авокати, въ Новарѣ — Бруссати, въ Брешіи — Маджи, въ Пармѣ — Корреджески, въ Веронѣ — Скалигери или делла Скала, въ Мантуи — Бонакосси и графы монферратскіе сыпали деньгами, что бы прослыть покровителями поэзіи или наукъ. Въ Церковной области соперничали съ названными владѣтельными фамиліями:

въ Равеннѣ—фамилія Полента, въ Форли — Орделаффи, въ Римини — Малатеста. Исторія могущественной болонской республики почти вся вертится на исторіи ея университета, куда стекались изъ всей Европы тысячи учащихся. Отъ внѣшнихъ враговъ Болонья умѣла защищаться, но внутренніе раздоры повели къ основанію падуанскаго университета, такъ же какъ въ слѣдующемъ столѣтіи слѣдствіемъ раздоровъ въ пражскомъ университетѣ было основаніе лейпцигскаго университета. Фридрихъ Австрійскій, находясь съ своимъ войскомъ въ Болоньи, поссорился съ ректоромъ университета. Профессоры и студенты взялись за оружіе, Фридрихъ былъ опасно раненъ, и этимъ, кажется, дѣло на первый разъ покончилось. Но когда папа Климентъ V прислалъ кардинала Наполеона Орсини разобрать въ Болоньи внутренніе раздоры, и болонцы выгнали его за вмѣшательства въ ихъ дѣла, то это повело къ отлученію отъ церкви цѣлаго города вмѣстѣ съ университетомъ и всѣми студентами. Тогда былъ основанъ университетъ въ Падуи, куда перешли всѣ болонскіе профессоры и студенты. Въ слѣдующемъ году они снова вернулись въ Болонью, но падуанскій университетъ продолжалъ процвѣтать и соперничать съ болонскимъ. Въ 1316 г. болонскій университетъ, поссорившись съ городомъ, перебрался сначала въ Арджеиту, потомъ въ Имолу. Чтобы переманить его къ себѣ, Сіена предлагала 6 тысячъ флориновъ на выкупъ заложенныхъ книгъ, принимала на себѣ издержки переѣзда и обѣщала профессорамъ по триста флориновъ годоваго жалованья, а студентамъ даровыя квартиры на годъ и четыре мѣсяца. Но городу не удалось выхлопотать у папы и коллегіи кардиналовъ обѣщанныхъ университету привилегій. Профессоры и студенты разбрелись въ разныя стороны, и тогда возникли два новыя училища, даже собственно не университеты. Большинство студентовъ и профессоровъ вернулись въ Болонью, другіе остались въ Сіенѣ или отправились во Флоренцію и Падую, куда переселился и знаменитый профессоръ медицины Дино.

Біографія Петрарки служитъ доказательствомъ, что въ Неа-

полѣ, при королѣ Робертѣ, процвѣтали поэзія и краснорѣчіе, хотя произведенія этого рода и не всегда отличались большимъ вкусомъ. Увлеченные общимъ энтузіазмомъ, пизанцы возъимѣли счастливую мысль потребовать отъ духовенства десятую часть ихъ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ въ пользу своего университета, основаннаго въ 1330 г. Папа рѣшительно возсталъ противъ этого, и въ 1339 г. университетъ былъ на время закрытъ. Во всѣхъ этихъ университетахъ не было богословскаго факультета, потому что для открытія его было необходимо папское разрѣшеніе. Галеаццо II Висконти основалъ потомъ въ Павіи новый университетъ, получившій отъ императора Карла IV привилегію на изученіе римскаго права, декреталіевъ, физики, хирургіи, нотаріатства и стилистики. Впослѣдствіи этотъ университетъ былъ перенесенъ на нѣкоторое время въ Піаченцу. Въ 1399 г. въ немъ считалось 76 профессоровъ; изъ нихъ варварскій юристъ Бальдо получалъ ежемѣсячно 164 лиры, декреталистъ Марсилій ди санта Софіа 170 лиръ, другіе профессоры 22 лиры, а нѣкоторые не болѣе четырехъ. Сіена и Флоренція возстановили свои университеты. Совершенно упавшему университету въ Ареццо императоръ Фридрихъ III далъ въ 1446 г. новыя привилегіи. Въ Луккѣ, Фермо, Феррарѣ, Брешіи, Бергамо и даже въ Римѣ были также основаны университеты. Въ Моденѣ и Реджіо находились спеціальныя школы юриспруденціи и медицины.

Чтобы судить о характерѣ и высокомъ процвѣтаніи итальянской культуры въ тѣ два столѣтія, когда лучшія произведенія рыцарской поэзіи и высшая философія христіанства сливались съ древне-классическимъ образованіемъ, — достаточно указать на творенія Данте. Данте или собственно Дуранте Алигіери былъ творцомъ новой литературы, основанной на изученіи древнихъ, христіанской и рыцарской поэзіи и философіи. Поэтъ такъ тѣсно связалъ свое великое твореніе съ важнѣйшими событіями своей жизни, что для пониманія его поэмы потомство должно было изслѣдовать въ подробностяхъ всѣ обстоятельства жизни ея творца Мы не станемъ дѣлать подробнаго разбора „Божественной

Комедіи" (Divina Comedia). Наша цѣль опредѣлить только дѣятельность поэта въ области науки, вѣры, поэзіи, исторіи и философіи, а для этого достаточно указать на нѣкоторыя событія его жизни, отмѣтить нѣсколько годовъ. Данте родился въ 1265 г., и стараніями своей матери Беллы получилъ отличное образованіе: онъ былъ знакомъ со всѣми отраслями наукъ и искусствъ и владѣлъ нѣсколькими древними и новыми языками. Мы уже приводили собственныя слова поэта, выражающія его благодарность Брунетто Латини. Любимымъ товарищемъ Данте, прославляемымъ имъ за красоту поэтическихъ выраженій (la gloria della lingua), былъ поэтъ-философъ Гвидо Кавальканти, доставившій тосканскому нарѣчію первенство въ Италіи. Болѣе всѣхъ поэтовъ Данте любилъ и уважалъ Виргилія, котораго долго изучалъ (con lungo studio e grande amore) съ большою любовью; ему, какъ говоритъ самъ поэтъ, онъ былъ обязанъ своимъ вдохновеніемъ и поэтическимъ талантомъ (il mio maestro e il mio autore). Данте думаетъ, что его другъ Гвидо не снискалъ себѣ на землѣ и подъ землей, въ чистилищѣ и на небѣ, такой славы, какъ онъ, только потому, что предпочиталъ строгую философію обольстительной поэзіи Виргилія. Когда отецъ Гвидо спрашиваетъ Данте въ „Аду":

„Если ты, силою своего генія, проникъ въ эту мрачную темницу, почему же мой сынъ не съ тобой?" онъ отвѣчаетъ:

„Не собственною властью проникъ я сюда, меня ведетъ Виргилій, дожидающійся тамъ. Твой сынъ можетъ быть мало цѣнилъ его."

Данте умѣлъ вѣрно понимать и цѣнить искусство и уважалъ талантъ Джіотто, давшаго новое направленіе возрождавшейся живописи. Пѣніе Казеллы, не смотря на предостереженія стража „Чистилища", приковывало на нѣкоторое время его, Виргилія и всѣ тѣни къ подошвѣ горы умилостивленія, замедляя ихъ очищеніе. Онъ изучилъ философію Аристотеля и богословіе схоластиковъ, „чтобы возвыситься надъ поэтами, бредящими одной любовью" (per essa usci della vulgara schiera). На родинѣ, до изгнанія,

и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Данте является искуснымъ государственнымъ человѣкомъ и опытнымъ юристомъ. Изъ его поэмы видно, что онъ основательно зналъ астрономію, географію, древнюю и новую исторіи и миѳологію, а физіологію и анатомію даже лучше, чѣмъ можно было ожидать въ его время. Система кровообращенія сдѣлалась извѣстной по сю сторону Альповъ только со времени Гарвея, а Данте въ самомъ началѣ своей поэмы указываетъ на пульсъ и кровеносныя жилы (le vene ed i polsi). Точно также, еще задолго до Колумба онъ говоритъ объ антиподахъ. Въ то время какъ партіи гвельфовъ и гибеллиновъ раздѣляли всю Италію, въ Пистоіи, а вслѣдъ затѣмъ и во Флоренціи возникли еще при гвельфахъ партіи бѣлыхъ и черныхъ. Всѣ высшія флорентинскія фамиліи были раздѣлены между этими двумя партіями. Во главѣ бѣлыхъ стоялъ Фіеро Черки, во главѣ черныхъ — Корсо Донати. Подозрѣвали, что и Данте, бывшій членомъ совѣта пріоровъ (de Priori) республики, принадлежалъ къ партіи бѣлыхъ. Отправленный въ 1302 г. по дѣламъ республики въ Римъ къ папѣ Бонифацію VIII, онъ былъ замѣшанъ по интригамъ въ участь бѣлыхъ и приговоренъ къ двухлѣтнему изгнанію и пени въ восемь тысячъ лиръ. Раздраженный противъ папы, который покровительствовалъ его врагамъ и хотѣлъ передать его родину французамъ, Данте присоединился въ изгнаніи къ партіи бѣлыхъ и гибеллиновъ, рѣшившихся силою вторгнуться во Флоренцію. Они потерпѣли страшное пораженіе въ 1304 г. Послѣ того Данте былъ изгнанъ навсегда, а имѣніе его конфисковано. Поэтъ нашелъ убѣжище и покровительство у гибеллиновъ, владычествовавшихъ въ верхней Италіи. Фамиліи: делла Скала въ Веронѣ, Папафави въ Падуи, Бозони въ Губбіо, Маласпина въ луниджіанской мархіи, Сальватичи въ казентинской области, Фоджиноло въ Урбино оказывали ему самое радушное гостепріимство. Подъ конецъ жизни Данте жилъ въ Равеннѣ у фамиліи Полента. Онъ умеръ въ 1321 г. Въ своей великой поэмѣ поэтъ увѣковѣчилъ память всѣхъ тѣхъ, кто оказалъ ему гостепріимство. Въ домѣ делла Скала Данте, осно-

вываясь на пророчествѣ астролога Микеле Скотто, предсказалъ одному ребенку владычество надъ всей страною, отъ Урбино до Тревизо (la sua nazione sarà tra Feltro e Feltro). Онъ восхваляетъ всѣхъ своихъ покровителей, сознаваясь однако, „что солонъ хлѣбъ на чужомъ столѣ и тяжело обивать чужіе пороги“. Его ученые труды на латинскомъ языкѣ, написанные совершенно по образцу древнихъ, только въ нѣсколько высокопарномъ тонѣ, связаны съ его политическою дѣятельностью для возстановленія императорскаго значенія, а поэтическая слава съ первою любовью, предметъ которой онъ идеализируетъ, какъ всѣ провансальскіе поэты. Беатриче Данте, какъ Лаура Петрарки, идеалъ чувственный, — поэтъ хотѣлъ, чтобы пѣснь о небесной любви не оставалась только въ области поэзіи, но была обращена въ дѣйствительности на опредѣленный предметъ. Впрочемъ, самый предметъ любви не имѣетъ тутъ особеннаго значенія.

Въ ученой дѣятельности Данте, его письма или, какъ мы назовемъ ихъ, прокламаціи и манифесты, писанные для Генриха VII во время пребыванія его въ Италіи, имѣютъ историческое и политическое значеніе. Но еще замѣчательнѣе, какъ памятникъ философской государственной науки, его книга „о монархіи.“ Она была нѣсколько разъ издаваема въ собраніи историческихъ памятниковъ Германіи, потому что въ ней защищается свѣтская власть императора, безъ желанія уменьшить чисто духовное значеніе папы. Данте требуетъ, чтобы сила императорской власти поддерживала единство независимыхъ итальянскихъ государствъ. Въ Германіи, не смотря на существованіе союза, до сихъ поръ ощущается недостатокъ въ единствѣ управленія, которое одно могло бы обуздывать въ интересахъ народа тираннію отдѣльныхъ правительствъ. Что Данте думалъ не о деспотическомъ самодержцѣ, руководящемся произволомъ, фантазіями и капризами, а объ императорѣ, повинующемся законамъ, онъ ясно высказалъ въ своей поэмѣ, идеализируя Юстиніана и выхваляя его законы. Ту же мысль онъ выразилъ еще яснѣе въ книгѣ „о монархіи“ (de monarchia), которую

мы назвали бы книгой объ императорской власти въ Италіи. Вотъ что въ ней, между прочимъ, сказано: „Наши слова, что весь человѣческій родъ долженъ быть управляемъ однимъ государемъ, ни какъ не слѣдуетъ объяснять, будто мы полагаемъ, что устройство, законы и управленіе всѣхъ отдѣльныхъ государствъ должны исходить отъ этого государя. Народы и страны имѣютъ особенности, которыя должны подчиняться совершено различнымъ законамъ". Что идеаломъ Данта не была какая нибудь турецкая имперія, видно изъ однихъ его словъ, что „не народъ существуетъ для государя, а государь для народа" (non enim gens propter regem, sed e converso rex est propter gentem). Это приводитъ къ заключенію, что законы, не приносящіе пользы тѣмъ, для кого они писаны, не заслуживаютъ названія законовъ.

Поэтическая и богословско-философская дѣятельность Данте совершенно сливается съ исторіей его перехода отъ чисто чувственной любви къ небесной, отъ благоговѣнія передъ божествомъ въ человѣческомъ образѣ къ чистѣйшему внутреннему созерцанію божественнаго естества. Все это слишкомъ мудрено, тяжело для насъ и многимъ покажется смѣшно, даже сумасбродно; но Данте жилъ въ другое время. Кто знакомъ съ философіей сенъ-викторской школы, съ богословіемъ Бонавентуры, съ неподражаемой поэзіей Гвидо Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, Петрарки и произведеніями всѣхъ романскихъ нарѣчій, тотъ будетъ судить иначе. Аллегорія и мистика, символика и созерцательность были свойственны во времена Данта всѣмъ образованнымъ итальянцамъ уже по однимъ церковнымъ церемоніямъ, праздникамъ и духовному пѣнію. Когда неподражаемый Данте,— поэтически пользуясь исторіей вѣтхаго и новаго завѣта, исторіей древности и своего времени, философіей и религіей, воздухомъ и туманомъ, даже чистымъ и радужнымъ свѣтомъ рая, — изображаетъ постепенный переходъ отъ созерцанія человѣческаго въ божественномъ къ отрѣшенію отъ всего человѣческаго въ созерцаніи божества, онъ самъ сознаетъ, что изъ тысячей только не многіе будутъ въ силахъ слѣдовать за нимъ.

Въ пятнадцати первыхъ стихахъ второй пѣсни „Рая“ поэтъ говоритъ непосвященнымъ читателямъ:

„О вы, которые, влекомые любопытствомъ, послѣдовали въ легкой ладьѣ за кораблемъ, несущимъ поэта по морямъ, вернитесь къ вашимъ берегамъ, не довѣряйтесь морскимъ волнамъ, потому что разъ потерявъ меня изъ виду, вы никогда болѣе не отыщите дороги. Тѣ воды, которыя я намѣренъ переплыть, не переплывалъ еще ни одинъ человѣкъ. Мудрость всемогущаго отца надуваетъ мой парусъ (Minerva spira), сила его божественнаго сына руководитъ моимъ рулемъ (conducemi Apollo), мой кормчій ихъ святой духъ (nuove muse), а не языческая муза, онъ указываетъ мнѣ полярную звѣзду вѣчной жизни (mi dimonstran l'orse). Только вы не многіе, рано пожелавшіе ангельскаго хлѣба, можете смѣло пускаться по страшной соленой волнѣ; но слѣдуйте бороздѣ, оставляемой на морѣ моимъ кораблемъ, пока она не успѣетъ еще сгладиться“.

Въ „Vita Nuova“ и въ „Divina Comedia“ проведена одна и та же идея. Оба творенія связаны мыслью, что чистая любовь облагораживаетъ чувственную природу человѣка, а познаніе бренности чувственнаго блаженства приближаетъ человѣка къ Богу. Но „Vita Nuova“ только рядъ лирическихъ стихотвореній, тогда какъ „Divina Comedia“ представляетъ цѣлую поэму въ трехъ частяхъ, заключающихъ до ста пѣсенъ, а каждая изъ пѣсенъ содержитъ около ста сорока стиховъ. Любовь къ Беатриче, дочери Фулько Портинари, которую поэтъ зналъ и любилъ, когда она была еще ребенкомъ и за развитіемъ которой онъ постоянно слѣдилъ, даетъ ему возможность воспѣвать въ „Vita Nuova“ свое исцѣленіе отъ чувственной любви. Его возлюбленная заболѣваетъ, онъ считаетъ ее умершей, но узнаетъ о ея выздоровленіи. На восемнадцатомъ году она умираетъ и, оплакивая ея смерть, поэтъ разсказываетъ исторію своей любви. Всю эту исторію можно бы считать однимъ поэтическимъ вымысломъ, если бы Данте не связалъ ее такъ тѣсно съ своей внутренней и внѣшней жизнью. Сонеты и

канцоны, составляющія „Vita Nuova“ (проза, служащая въ ней объясненіемъ стиховъ, не только скучна, но и совершенно лишняя, потому что стихи яснѣе прозы), изображаютъ переходъ души поэта отъ волненій страстей къ созерцательному покою. Лирическія стихотворенія этой поэмы, распространенныя сначала по Италіи отдѣльными отрывками, доставили поэту огромную славу. Достаточно было одного стихотворенія (voi ch'avete l'intelletto d'amore), чтобы поставить его на такую недосягаемую высоту, передъ которой умолкала всякая завнсть. Съ самаго начала литературной дѣятельности Данте былъ признанъ величайшимъ геніемъ своего времени такимъ умнымъ народомъ, какъ итальянцы. Въ своихъ лирическихъ изліяніяхъ истиннаго, сильнаго чувства, онъ начинаетъ съ того, что проводитъ насъ черезъ всѣ ступени чисто чувственной любви, черезъ всѣ чередующіеся моменты страха и надежды, черезъ всѣ степени страданій отъ долгой разлуки и невозможности обладанія любимымъ предметомъ. При ложномъ извѣстіи о смерти Беатриче мы еще разъ слышимъ вздохи глубокой тоски, но поэтъ уже предчувствуетъ утѣшеніе, которое ниспошлетъ ему небо. Внутренно онъ уже созерцаетъ хоръ ангеловъ и, когда его возлюбленная дѣйствительно умираетъ, любовь къ земному предмету, испарившись во вздохахъ тоски, переходитъ въ любовь къ безтѣлесному существу. По смерти Беатриче онъ видитъ въ ней только преобразившагося ангела.

Тяжелое исцѣленіе отъ чувственной страсти было для поэта духовнымъ крещеніемъ. Въ „Божественной комедіи“ отражается его душевное исцѣленіе, его взглядъ на настоящее и прошедшее, на свою жизнь и на жизнь друзей, на искусство, науку, поэзію, на гвельфовъ и гибеллиновъ, на черныхъ и бѣлыхъ; въ ней онъ высказалъ какъ смотритъ на все это сравнительно и относительно къ вѣчному нравственному принципу вещей. Въ „Аду“ и „на Горѣ умилостивленія“ (тутъ не идетъ слово „Чистилище“) Данте разсматриваетъ всѣ явленія только со стороны ихъ внѣшняго проявленія, съ точки зрѣнія государственной мудрости, олицетворенной

имъ въ Виргиліи, т. е. точки зрѣнія права, порядка и закона. Въ „Раю“ всѣ явленія неба и земли представляются въ духѣ созерцанія божества или постепеннаго преобразованія души, которымъ конечный духъ сливается съ безконечнымъ естествомъ вещей. Преобразованная Беатриче, символъ божественной любви, вѣчнаго милосердія и истиннаго богопознанія, ведетъ его изъ одной сферы въ другую и приводитъ къ Богу, гдѣ нѣтъ болѣе ограниченнаго пространства. Такая поэзія могла бы показаться чисто богословскимъ трактатомъ, если бы Данте не усѣялъ своего путешествія въ мірѣ идей живыми образами. Кому нужна одна поэзія, тотъ найдетъ только лица, исторіи и картины; но мыслителя не остановитъ христіанская обстановка. Проницательный умъ легко проникнетъ сквозь эти покровы, а другой можетъ безъ вреда понимать такъ буквально все, что тамъ находится, потому что поэтъ точно такъ же горячо, какъ и Лютеръ, возстаетъ противъ христіанства, преподававшагося папою и монахами. Смыслъ „Божественной комедіи“, гдѣ описанъ и изображенъ міръ и всѣ его явленія, а проведенная аллегорія обозначена только слегка, очень часто перетолковывали, и подъ явно аллегорическими образами понимали то борьбу гвельфовъ и гибеллиновъ, то политику или извращеніе римской церкви, или вообще событія современной исторіи. Это лучше всего доказываетъ, какъ далеко былъ Данте отъ пустой игры фантазіи и какъ онъ остерегался заглушить поэзію подъ аллегоріей. Желательно, чтобы его комментаторы были такъ же осмотрительны, какъ онъ самъ.

Все содержаніе и цѣль великой поэмы Данта высказаны слѣдующими словами Виргилія, въ первой пѣсни „Ада“:

„Я думаю и рѣшаю, что для твоего блага ты долженъ послѣдовать за мной. Я стану указывать путь и поведу тебя черезъ страны вѣчности, гдѣ ты услышишь вопли отчаянія, увидишь скорбныя тѣни, прежде тебя жившія на землѣ, призывающія смерть души послѣ смерти тѣла. Потомъ ты увидишь также и другихъ, ликующихъ среди очистительнаго пламени, потому что они

надѣются выстрадать себѣ доступъ въ жилище блаженныхъ. Если же ты пожелаешь вознестись и въ это жилище, то туда проведетъ тебя душа, которая достойнѣе моей. Она останется при тебѣ, когда я удалюсь. Волею верховнаго владыки мнѣ, никогда незнавшему его законовъ, не дано указывать пути въ его градъ. Ему повинуется вся вселенная, но царство его тамъ. Тамъ его избранный градъ (sua citta), тамъ стоитъ его надоблачный престолъ. О, блаженны взысканные имъ!"

По словамъ Виргилія, Данте предстоитъ познать въ „Аду", не на словахъ, а на дѣлѣ, все бѣдствіе человѣка, отпавшаго отъ Бога, и увидѣть всю тщету земнаго величія и честолюбія. Для этого поэтъ изображаетъ живое, подземное царство, гдѣ онъ соединяетъ все, что ему извѣстно изъ миѳологіи, исторіи и собственнаго опыта о нарушеніи человѣкомъ нравственнаго закона. Онъ населяетъ это царство людьми, никогда не стремившимися достигнуть трудомъ и борьбой чистаго и духовнаго бытія, и раздѣляетъ ихъ на круги, показывающіе своимъ относительнымъ отдаленіемъ другъ отъ друга различныя степени грѣховъ. Эти круги, какъ онъ самъ говоритъ въ одиннадцатой пѣсни, олицетворяютъ нравственное ученіе (этику) Аристотеля объ уклоненіи человѣка отъ божественнаго закона. Уклоненіе отъ божественнаго закона начинается съ дикой чувственности и кончается преднамѣреннымъ зломъ, преступленіемъ противъ Бога, отечества и благодѣтелей. Степени грѣховъ одного и того же рода опредѣляются разстояніемъ между концентрическими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно углубляющимися кругами. Различные роды грѣховъ разграничены въ свою очередь, что бы указать на ихъ происхожденіе. Топи, гробы, стѣны, ворота, ужасы Медузы и фурій отдѣляютъ въ царствѣ Плутона пытливыхъ философовъ отъ мѣста казни тѣхъ, кто потворствовалъ плоти и жертвовалъ разумомъ чувственности (al talento). Необозримое ущелье, по которому пролетаютъ на страшилищѣ подземнаго міра гиппогрифѣ, символѣ лжи, отдѣляетъ преднамѣренно злоупотреблявшихъ разумомъ, отъ тѣхъ кто грѣшилъ вслѣдствіе дерзкой

отваги. Въ преисподнюю Виргилія и Данта приноситъ одинъ изъ великановъ, нѣкогда осаждавшихъ Олимпъ и боровшихся съ богами. Пространство ада раздѣлено еще рѣками, символически изображающими всѣ степени тайнаго угрызенія совѣсти, раздирающія душу при пробужденіи сознанія, что цѣль жизни была избрана ложная. Тѣ, которые не по собственной винѣ никогда не знали высшаго человѣческаго назначенія, отдѣлены отъ настоящихъ грѣшниковъ рѣкою, называвшеюся у древнихъ безрадостной (Ахеронъ). Пространство, гдѣ заключены тѣ, которые, надѣясь на свой разумъ, презирали нравственное ученіе, окружено рѣкою ненависти и ужаса (Стиксъ); передъ ней содрогаются сами боги. Въ огненной рѣкѣ (Флегетонъ) томятся беззаконники, позволявшіе себѣ насиліе, вмѣсто того чтобы рыцарски отстаивать право, — возмездіе за зло равнымъ зломъ, за насильственное самоудовлетвореніе — вѣчнымъ неутолимымъ огнемъ страстныхъ желаній. Въ нижней сферѣ ада струится каплями, глухо журча Коцитъ; во льду его замерзаетъ человѣчество. Въ глубинѣ льда подлѣ ангела, лишеннаго неба за эгоизмъ, поэтъ находитъ измѣнниковъ отечества и между ними Карлино, предавшаго пизанцамъ Піано, и Бокка дельи Аббати, бывшаго виновникомъ пораженія бѣлыхъ въ 1304 г. Символъ эгоистическаго грѣшника, Люциферъ, злоупотребившій противъ Бога божественнымъ разумомъ, образуетъ глубочайшую точку ада. Отъ нея идетъ вверхъ путь покаянія, такъ какъ видъ Люцифера и всего его окружающаго пробуждаютъ въ душѣ чувства глубокаго раскаянія.

Вторая часть поэмы нѣсколько радостнѣе, но, по свойству содержанія, въ ней менѣе внѣшности, менѣе осязаемаго. Она гораздо труднѣе для тѣхъ, кто не признаетъ необходимости божественной благодати, необъяснимой помощи свыше, чтобы очиститься отъ страстей и извращенія природы, неизбѣжныхъ послѣдствій цивилизаціи, и отъ животной грубости, слѣдствія утраты нравственнаго достоинства. Руссо искалъ первобытнаго человѣка у дикихъ и варваровъ; Данте, напротивъ, доказываетъ, что ди-

кость отнимаетъ у человѣка человѣческое достоинство и дѣлаетъ его звѣроподобнымъ. Кто позналъ слѣдствія нравственнаго паденія, тотъ долженъ стремиться къ первобытной свободѣ души, по этому высота горы, на вершинѣ которой живетъ въ раю идеальный человѣкъ, должна соотвѣтствовать углубленію, просверленному діаволомъ при паденіи съ неба. Террасы горы глубокаго раскаянія расположены по аристотелевской этикѣ, которой соотвѣтствуютъ большіе отдѣлы и мелкіе круги ада. На каждой изъ террасъ находятся по три ряда фигуръ изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, миѳологіи и современной исторіи, наглядно осуществляющія ученіе Виргилія о томъ, что человѣческая душа только тяжелымъ трудомъ и борьбою достигаетъ побѣды надъ всякой извращенной наклонностью и что страданія исправляютъ. Террасы горы покаянія и истиннаго обращенія раздѣлены, подобно адской безднѣ, на три большихъ пространства. Они идутъ отъ подошвы, омываемой очистительнымъ моремъ, гдѣ растетъ водяная фіалка смиренія и которое стережетъ герой свободы и добродѣтели (Катонъ), до пространства, окруженнаго стѣной и охраняемаго ангеломъ съ пылающимъ мечомъ. Это второе пространство имѣетъ семь террасъ. Третье пространство составляетъ преддверіе земнаго рая, совершенно отличнаго отъ небеснаго, высшей точки, гдѣ обитаетъ чистѣйшій идеалъ человѣка. Сцены на семи террасахъ призываютъ душу очиститься отъ семи главныхъ пороковъ человѣчества, называемыхъ церковью семью смертными грѣхами. Они изображаются семью латинскими Р, которыя ангелъ, какъ символъ церковной власти, чертитъ огненнымъ мечомъ на челѣ поэта, сдувая пепелъ, символъ скорби о грѣхахъ. На каждой изъ террасъ исчезаетъ по одному Р, и поэтъ чувствуетъ, что всякій разъ ему становится гораздо легче. Пространство, охраняемое ангеломъ, какъ въ преисподней Citta de Dite, окружено стѣной; въ этой стѣнѣ находятся замкнутыя ворота, отворяемыя только небесною благодатью, символомъ которой служитъ его Беатриче. Когда Виргилій и

Данте приблизился къ этимъ воротамъ, ангелъ, охраняющій ихъ съ пламеннымъ мечомъ, воскликнулъ:

„Скажите мнѣ, что вамъ нужно, гдѣ вашъ вожатый? Берегитесь, чтобы восходъ солнца не принесъ вамъ погибели!“ — „Объ этомъ печется ангельская женщина“, отвѣчалъ мой учитель“. Ангелъ не далъ ему кончить и сказалъ: „Ступайте туда, тамъ есть ворота, да направитъ эта женщина ваши стопы къ спасенію“! Потомъ онъ прибавилъ: „Всходите по этимъ ступенямъ“!

Ступени эти изображаютъ понятіе церкви о церковныхъ средствахъ духовнаго исправленія; гдѣ есть смиренное сознаніе грѣховъ и покаяніе, горькое раскаяніе и суровое самоистязаніе, тамъ разрѣшаетъ грѣхи не пастырь, а самъ Богъ; пастырь только утѣшаетъ, говоря именемъ церкви, что совершено достаточно. На порогѣ воротъ лежитъ адамантъ, на которомъ Христосъ основалъ истинную церковь, ведущую къ Богу смиреніемъ и страданіемъ, возвышенными стремленіями и правыми дѣлами, а не пустыми обрядами и механическими молитвами. Данте говоритъ:

„Мы стали всходить. Первая ступень была изъ бѣлаго мрамора, такая гладкая и блестящая, что я отражался въ ней, какъ въ зеркалѣ. Вторая была темная, изъ грубаго, горнаго ломкаго камня, истрещеннаго вдоль и поперегъ. Третья, могучая твердыня, показалась мнѣ огненнымъ порфиромъ, похожимъ на кровь, текущую изъ жилы. На эту ступень опирался подошвами божественный ангелъ, сидѣвшій на порогѣ воротъ, показавшихся мнѣ адамантовыми“.

Освобожденный отъ грѣховъ, поэтъ достигаетъ въ двадцать седьмой пѣсни до преддверія земнаго рая, гдѣ ему предстоитъ познать небесное блаженство посредствомъ духовнаго посвященія, прозрѣнія въ смыслъ церковныхъ символовъ и отличіе небесной церкви отъ земной черезъ познаніе упадка церкви въ томъ видѣ, какой она приняла при Бонифаціи VIII и Филиппѣ Красивомъ. При этомъ онъ долженъ пить изъ рѣки забвенія, Леты, и изъ противоположной ей рѣки возвышенныхъ стремленій, Эвное. Поэту дано откро-

веніе относительно истиннаго и мнимаго счастія человѣка,— откровеніе, почерпнутое изъ глубины христіанскихъ воззрѣній и облеченное всею роскошью поэзіи, всѣмъ блескомъ символики культа. Въ двадцать седьмой пѣсни „Чистилища“ ему объявляется, что въ слѣдующихъ шести пѣсняхъ онъ узнаетъ и увидитъ все, что можетъ подготовить его къ созерцанію божества въ раю, куда его ведетъ Беатриче. Въ сто двадцать пятомъ стихѣ говорится сначала:

„Сладкій плодъ блаженства, котораго смертные ищутъ на столькихъ деревьяхъ, утолитъ сегодня вполнѣ твою жажду“.

Потомъ (стихъ 128) Виргилій говоритъ:

„Теперь, сынъ мой, ты видѣлъ губительный огонь тлѣнности и спасительное пламя вѣчности; ты достигъ мѣста, гдѣ я не могу болѣе служить тебѣ путеводителемъ. До сихъ поръ я водилъ тебя моимъ человѣческимъ разумомъ, далѣе слѣдуй тому руководителю, котораго найдешь въ самомъ себѣ. Ты уже болѣе не на тѣсномъ и крутомъ пути. Вотъ солнце, золотящее первымъ лучомъ твое чело. Вотъ трава, цвѣты, кусты, производимые безъ посѣва и ухода этой первобытной землей. Здѣсь ты можешь отдохнуть, пока не явятся прекрасныя очи, побудившія меня своими слезами служить тебѣ путеводителемъ, или гуляй, любуясь цвѣтами. Не ожидай болѣе, чтобы я позвалъ тебя или знакомъ указалъ тебѣ путь. Отнынѣ свободна и разумна твоя собственная воля; грѣшно было бы не слѣдовать ее указаніямъ. Поэтому я короную и вѣнчаю тебя повелителемъ надъ самимъ собою“.

Въ „Рай“ ведетъ поэта его Беатриче, символъ божественной любви, вѣчной благости и богопочитанія, не достигаемаго человѣческой мудростью. Играя наукой, воздухомъ, свѣтомъ, красками и огнемъ, поэтъ ведетъ душу къ предчувствію той мудрости, которую человѣчество можетъ предчувствовать, но не познавать мыслію и созерцаніемъ. Къ ней поэтому душа приближается только издали. Семь извѣстныхъ въ то время планетъ представляютъ у поэта семь твердыхъ сферъ; восьмая сфера—неподвижная

звѣзда, стоящая надъ всѣми движущимися сферами. Въ огненномъ небѣ становится видимымъ то, что на землѣ было только предчувствіемъ. Всѣ сферы населены живыми существами, оживлены движеніемъ и дѣйствіемъ; самое глубокое созерцаніе, самая пытливая и туманная мысль принимаютъ тамъ образы; божественное естество становится ощутительнымъ для души. Поэту предстояла трудная задача не вдаться въ крайній мистицизмъ или крайнюю реальность. Но, воспѣвая божественное и небесное, Данте удачнѣе нежели Мильтону, Клопштоку и другимъ христіанскимъ поэтамъ удалось слить человѣческое и земное съ божественнымъ и небеснымъ, не дѣлая божественнаго человѣческимъ. Какъ далекъ поэтъ отъ того, чтобы смѣшивать земное съ божественнымъ, видно изъ одиннадцатой пѣсни „Чистилища", гдѣ онъ поэтически излагаетъ первыя слова молитвы „Отче нашъ".

„Отче нашъ, мы говоримъ, что твое жилище на небесахъ, не потому, чтобы ихъ пространствомъ ограничивалось твое царство, но потому, что высшія сферы, первоначально созданныя тобой, болѣе другихъ полны твоей любовью! Да святится имя твое каждымъ созданнымъ тобою существомъ, потому что всякая хвала подобаетъ твоему духу, оживляющему насъ".

Мы не послѣдуемъ за полетомъ Беатриче, ведущей поэта изъ одной сферы въ другую, гдѣ блаженство, наполняющее его душу, постепенно возрастаетъ, гдѣ онъ проникаетъ въ чистое знаніе, въ науку, въ поэтическое предчувствіе, въ глубину выводовъ Іоанна, Петра и Іакова относительнаго истиннаго смысла евангелія и основаній, на которыхъ оно зиждется, гдѣ онъ видитъ святыхъ, и наконецъ созерцаетъ самого Бога. Поэтъ самъ чувствовалъ, что не всякій будетъ въ силахъ слѣдовать за нимъ и высказалъ это въ приведенныхъ уже нами стихахъ „Рая". Тоже самое Данте говоритъ и въ началѣ первой пѣсни, объясняя, почему и самъ онъ не можетъ вполнѣ выразить своихъ ощущеній:

„Приближаясь къ желанной цѣли, силы нашей души такъ ослабѣваютъ, что способность памяти совершенно измѣняетъ намъ;

поэтому предметомъ моихъ пѣснопѣній будетъ впредь только то, что сохранилось во мнѣ отъ впечатлѣній въ царствѣ святыхъ".

Онъ повторяетъ, что его радость, при познаніи божества, при созерцаніи вѣчнаго въ конечномъ, неосязаемаго въ осязаемомъ, была для него, не смотря на страданія изгнанія, предвкушеніемъ вѣчнаго блаженства. Въ пятой пѣсни, души, находящіяся въ сферѣ Меркурія, говорятъ ему:

„О, ты рожденъ для блаженства, если тебѣ еще при жизни была дарована благодать увидѣть торжество побѣдоносной церкви".

Свѣтъ, краски и тоны, всего лучше изображающіе безтѣлесное, безпрестанно встрѣчаются въ поэмѣ. Такъ, въ двадцать первой пѣсни Данте очень удачно выражаетъ достигнутую имъ высоту, говоря, что его смертный глазъ не можетъ болѣе видѣть ослѣпительной прелести улыбки Беатриче, а смертное ухо не въ силахъ уже внимать музыкѣ сферъ. На вопросъ, почему эта музыка замолкла, ему отвѣчаютъ:

„Твое ухо и око смертны, оттого ты не слышишь музыки сферъ и не видишь улыбки Беатриче".

Въ слѣдующей пѣсни онъ высказываетъ чувство души, сознавшей свое божественное естество, символически облекая его въ ощущеніе при взглядѣ на землю съ высоты неподвижной звѣзды.

„Взглядъ мой обозрѣвалъ всѣ семь сферъ и вмѣстѣ нашъ земной шаръ. О, какъ онъ казался мнѣ малъ! Я смѣялся, видя его ничтожество".

Въ двадцать седьмой пѣсни, гдѣ поэтъ впервые посвящается въ небесныя тайны, какъ на высотѣ горы очищенія, въ земномъ раю, онъ былъ посвященъ въ земныя. Вотъ его слова:

„Слава и хвала на небесахъ отцу, сыну и святому духу"! запѣли сладостные голоса обитателей рая, и я въ упоеніи внималъ имъ. То, что я видѣлъ, казалось мнѣ улыбкой вселенной, упоительнымъ восторгомъ, проникавшимъ мнѣ въ душу черезъ очи и уши. О радость, о неизъяснимое блаженство, о жизнь, исполненная

мира и любви! О вѣчное довольство, не оставляющее никакихъ желаній!“

Лирическія стихотворенія Данте (rime) проникнуты тѣмъ же духомъ, какъ и его великая поэма. Новыя стихотворенія, педантически, темно, сбивчиво и растянуто объясненныя имъ въ его странной книгѣ, „Пиръ“ (Convito), — пріобрѣли бы ему безсмертіе, еслибы онъ и не написалъ ничего другаго. Но ихъ не нужно смѣшивать съ прозаическимъ текстомъ, никуда не годнымъ.

III. ФРАНЦІЯ, АНГЛІЯ, ГЕРМАНІЯ И ИТАЛІЯ

ОТЪ СМЕРТИ АЛЬБРЕХТА I ДО ПАПЫ УРБАНА V.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

1. Франція и Англія при Филиппѣ VI и Эдуардѣ III до начала войны между ними.

Въ 1328 г. на престолъ Франціи вступилъ Филиппъ VI, изъ дома Валуа. Въ этой странѣ, со временъ Людовика Святаго, сдѣланы были попытки противодѣйствовать, посредствомъ самодержавія, феодальной системѣ, воздвигавшей препятствія успѣхамъ цивилизаціи, которая распространялась тогда на Европу изъ Италіи. Отъ старинныхъ пэрствъ, подобнымъ германскимъ курфиршествамъ, уцѣлѣли только Фландрія, Бургундія, Гіеннь и Бретань; пэры, даже изъ членовъ королевской фамиліи, не походили болѣе на независимыхъ владѣтелей. Сверхъ того, со временъ Сугерія (т. VII. стр. 4) духовенство служило во Франціи, и только въ ней

одной, интересамъ королевской власти, а незадолго до того и самъ папа очутился въ такой зависимости отъ нея, что, при Филиппѣ VI, радъ былъ случаю купить Авиньонъ, чтобы только не жить на французской землѣ. Издавна уже начавшееся расширеніе этого государства, въ ущербъ сосѣдямъ и преимущественно Германіи (т. VIII. стр. 20), не остановилось и при Филиппѣ VI. Онъ даже, такъ сказать, открылъ этимъ свое царствованіе, заключивъ въ 1328 г. договоръ, по которому ему были уступлены, за годовую ренту, французскія владѣнія Іоанны II, королевы наваррской, Шампань и Бри (т. VIII. стр. 25). Но по этому дѣлу часто возникали впослѣдствіи споры и оно было окончательно улажено только при Карлѣ VI.

Черезъ два мѣсяца послѣ коронаціи, Филиппъ долженъ былъ предпринять дорого стоившій ему походъ въ графство фландрское, владѣтель котораго, графъ Людовикъ, обратился къ нему за помощью противъ сильной, демократической буржуазіи фландрскихъ городовъ (т. VIII. стр. 25). Филиппъ созвалъ войско, не взирая на то, что рыцарство, уже однажды проученное во Фландріи, не высказывало ни малѣйшаго расположенія къ этому походу. Рѣшительная битва произошла въ іюлѣ 1328 г. при Касселѣ. Напавъ ночью на французское войско, которое расположилось лагеремъ, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности, фламандцы подвергли его большой опасности; но днемъ и въ открытомъ полѣ, тяжелая пѣхота фламандцевъ, страшная только своею многочисленностью, не могла тягаться съ французскимъ рыцарствомъ и испытала полное пораженіе. Города были заняты французами и нѣсколько сотенъ гражданъ уведены за французскимъ войскомъ во Францію, въ качествѣ заложниковъ. Слѣдуя совѣту французскаго короля, графъ Людовикъ употребилъ противъ непокорныхъ гражданъ военную строгость и дошелъ до того, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ казнилъ до десяти тысячъ человѣкъ. Но онъ ошибся въ расчетѣ, подобно всѣмъ, кто думаетъ, что одною грубою силою можно надолго внушить пови-

новеніе цѣлому народу; черезъ девять лѣтъ онъ былъ, какъ мы ниже увидимъ, изгнанъ изъ страны вновь возмутившимися подданными.

Важнѣйшимъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ царствованія Филиппа VI была война съ Англіею, которая длилась, съ различными перерывами, болѣе ста лѣтъ. Послѣ позорнаго убійства Эдуарда II (т. VIII. стр. 42), Англіею правила жена его Изабелла, вмѣстѣ со своимъ любовникомъ Мортимеромъ. Они доказали совѣту регентства, назначенному управлять страной до совершеннолѣтія Эдуарда III, что англійская аристократія ошибалась въ расчетѣ, если думала послѣ убійства Эдуарда водворить въ Англіи олигархію. Изабелла и Мортимеръ отправились, со всѣмъ дворомъ, на сѣверъ, гдѣ безпокоилъ границы государства шотландскій король Робертъ I. Они провели тамъ цѣлый годъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, и кончили тѣмъ, что въ началѣ слѣдующаго года (1328 г.) подписали постыдный миръ. Англія отказалась отъ притязаній на Шотландію и сынъ Роберта, Давидъ II, наслѣдовавшій черезъ годъ отцу, былъ помолвленъ на дочери Изабеллы и за это уплатилъ Англіи извѣстную сумму денегъ. Деньги эти достались Мортимеру, который растратилъ ихъ на удовлетвореніе своей безразсудной гордости и на поддержку своей оскорбительной для другихъ роскоши. Молодой король Эдуардъ до восемнадцатаго года находился въ неволѣ у матери и ея любовника, являясь королемъ только при торжественныхъ случаяхъ. Въ немъ еще дремали пока его великія качества, но своими рыцарскими талантами онъ успѣлъ уже превзойти всѣхъ соотечественниковъ. Когда французскій король потребовалъ къ себѣ Эдуарда для того, чтобы тотъ далъ ему присягу на подданство за Гіеннь, Изабелла гордо отвѣтила ему, что сынъ короля не унизитъ себя передъ сыномъ графа. Но вскорѣ потомъ, когда Филиппъ показалъ, что онъ не намѣренъ шутить и назначилъ срокъ для явки, королева нашлась вынужденною отправить сына въ Аміенъ для личнаго принесенія присяги Филиппу. При этомъ

случаѣ, Эдуардъ впервые выказалъ рыцарскую гордость, съ которою онъ потомъ, всю свою жизнь, относился къ Франціи. Онъ явился въ Аміенъ съ такою огромною свитою и такимъ блескомъ и роскошью, что вассалъ затмилъ своего сюзерена; при этомъ Эдуардъ всячески уклонялся отъ исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ присяги и предъявилъ формальную жалобу на короля по поводу своихъ французскихъ владѣній. Впрочемъ, положеніе англійскаго правительства дало впослѣдствіи Филиппу случай унизить своего вассала, потребовавъ его къ суду.

Осенью 1330 г., позорное правительство, тяготѣвшее надъ Англіей и ея рыцаремъ-королемъ, было наконецъ ниспровергнуто. Братъ Эдуарда II, Эдмундъ Кентскій, вступилъ въ заговоръ съ Генрихомъ Ланкастерскимъ и другими вельможами, чтобы вырвать племянника изъ рукъ Мортимера и Изабеллы; заговоръ этотъ былъ открытъ. Мортимеръ простилъ за деньги графа ланкастерскаго, а Эдмунда велѣлъ заключить въ темницу и потомъ казнить съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей законнаго, хотя и несправедливаго суда пэровъ. Это судебное убійство дяди короля пробудило наконецъ спящаго льва. Молодой Эдуардъ вступилъ въ тайный заговоръ съ Ланкастеромъ и энергическимъ лордомъ Монтэкьютомъ, велѣлъ тѣмъ самымъ людямъ, которые изрекли приговоръ надъ Эдмундомъ, схватить своевольнаго Мортимера и приговорить его къ позорной смерти. Жестокій деспотъ былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ. Эдуардъ началъ было преслѣдовать судебнымъ порядкомъ и мать, но папа Іоаннъ XXII отклонилъ его отъ этого. Года черезъ два, Эдуардъ совершенно помирился съ ней, подарилъ ей богатыя помѣстья и доходы, ежегодно посѣщалъ ее въ ея вдовьихъ владѣніяхъ и, когда она скончалась, устроилъ ей пышныя похороны.

Получивъ нераздѣльную власть надъ государствомъ, Эдуардъ III началъ свое геройское поприще, сдѣлавшее его идоломъ и образцомъ рыцарства цѣлой Европы. Первою жертвою его завоевательныхъ стремленій были шотландцы, которыхъ Эдуардъ

не переставалъ безпокоить во все царствованіе, не смотря на то, что молодой король ихъ, находившійся еще подъ опекою, былъ помолвленъ на его сестрѣ. Поводомъ къ войнѣ была сдѣланная по распоряженію шотландскаго регента конфискація находившихся въ Шотландіи леновъ нѣкоторыхъ англійскихъ бароновъ, хотя Эдуардъ не вмѣшивался въ раздоры своихъ вассаловъ съ шотландскимъ регентомъ и война эта имѣла нѣкоторое время чисто частный характеръ. Эдуардъ выказалъ, при этомъ случаѣ, удивительную хитрость. Англо-шотландскіе вассалы завлекли въ войну съ Шотландіею проживавшаго въ Нормандіи Эдуарда Балліоля, сына бывшаго короля Іоанна Балліоля (т. VII. стр. 431 и 443), и когда тотъ пріѣхалъ въ Англію, Эдуардъ далъ ему пропускъ, но въ то же время, запретивъ своимъ вассаламъ воевать съ шотландскимъ королемъ, потребовалъ отъ регента возвращенія отнятыхъ у нихъ владѣній. Покоряясь королевской волѣ, вассалы Эдуарда вторглись въ Шотландію не съ сухаго пути, а моремъ. Собравъ цвѣтъ англійскаго рыцарства, къ которому присоединились и опытные въ войнѣ французскіе авантюристы, пріѣхавшіе съ Балліолемъ, англійскіе бароны, не смотря на то, что при нихъ было всего три тысячи человѣкъ, легко побѣдили сорокатысячное ополченіе шотландцевъ (1331 г.). Побѣдители проникли въ страну до Скона (т. VII. стр. 444) и, поддерживаемые партіею Эдуарда Балліоля, короновали его шотландскимъ королемъ. Но черезъ десять мѣсяцевъ, новый король былъ изгнанъ. Англійскій король, съ которымъ Эдуардъ Балліоль уже вступилъ въ переговоры, примѣнилъ въ этомъ случаѣ отличную тактику, которой постоянно держался и впослѣдствіи, стараясь дѣлать всѣ свои войны національными, такъ чтобы вся нація считала его личную славу своею собственною и, не колеблясь, приносила въ ея пользу неслыханныя жертвы. Продолжая запрещать своимъ подданнымъ враждебныя дѣйствія противъ Шотландіи, Эдуардъ настоятельно требовалъ отъ регента возвращенія отнятыхъ у его вассаловъ владѣній, но, въ то же самое время, велъ переговоры съ

Эдуардомъ Балліолемъ и заключилъ съ нимъ, въ ноябрѣ 1332 г., договоръ, по которому призналъ его законнымъ королемъ Шотландіи, подъ условіемъ признать это государство леномъ англійскаго короля. Послѣ того, Эдуардъ началъ войну съ своею сосѣдкою, придравшись къ набѣгамъ шотландскаго рыцарства на сѣверную Англію. У древнихъ шотландцевъ разбой, грабежъ, убійство и презрѣніе ко всякому мирному труду считались добродѣтелью; не удивительно, что при такомъ характерѣ націи, поразительно вѣрно, хотя и поэтически, изображенномъ у Вальтера Скотта, регентъ не могъ препятствовать своимъ баронамъ дѣлать набѣги на Англію. Это было очень хорошо извѣстно Эдуарду, но тѣмъ не менѣе онъ ухватился за этотъ поводъ къ войнѣ съ Шотландіею, предварительно поставивъ Балліоля въ полную зависимость отъ Англіи. Эдуардъ выступилъ въ походъ и въ большомъ сраженіи при Галлидонгиллѣ, не далеко отъ Бервика, одержалъ надъ шотландцами блистательную побѣду, которая, по смѣшнымъ, хвастливымъ свидѣтельствамъ англійскихъ лѣтописцевъ, стоила англичанамъ всего одного рыцаря и десяти человѣкъ пѣхотинцевъ (августъ 1333 г.). Самъ регентъ палъ въ этой битвѣ. Съ той поры молодой король Давидъ бродилъ въ изгнаніи, а Эдуаръ Балліоль заступилъ его мѣсто на шотландскомъ престолѣ, въ качествѣ вассала Англіи. Новый король долженъ былъ уступить сосѣду южную часть Шотландіи, то есть самыя богатыя провинціи королевства, и подчиниться многимъ другимъ стѣснительнымъ условіямъ. Вообще онъ могъ держаться на тронѣ только съ помощью Англіи и притѣсняя своихъ подданныхъ. Высшее духовенство обратилось къ папѣ, а могущественные бароны бѣжали во Францію и, вернувшись оттуда съ французскими подкрѣпленіями, начали войну съ королемъ. Воинственные горцы возобновили тогда безпрерывные набѣги на низменную часть страны, которую не могъ оборонять безсильный король. Всѣ эти обстоятельства почти ежегодно вызывали Эдуарда въ Шотландію, гдѣ онъ

вмѣстѣ со своимъ рыцарствомъ всегда покрывалъ себя новой славой, но не пріобрѣталъ ни малѣйшихъ выгодъ.

2. Франція и Англія отъ начала войны Филиппа VI съ Эдуардомъ III до смерти Филиппа.

Вскорѣ по вступленіи Балліоля на шотландскій престолъ въ качествѣ англійскаго вассала, къ Эдуарду III явился одинъ французскій бѣглецъ и далъ ему случай отмстить Франціи за помощь, оказанную ею шотландцамъ и королю ихъ Давиду: Это былъ Робертъ III, внукъ Роберта II графа Артуа, умершаго въ 1302 г. Робертъ II пережилъ сына и наслѣдницею графства сдѣлалась дочь его Матильда. Но племянникъ ея, достигнувъ совершеннолѣтія, сталъ оспаривать у нея ея права на владѣнія; французскій король и судъ пэровъ рѣшили споръ въ пользу Матильды, однако чрезъ нѣсколько времени молодой Робертъ снова предъявилъ свои притязанія, употребивъ для этого ложныя свидѣтельства какихъто негодяевъ и подложные манифесты. Процессъ снова возникъ въ 1329 г., но обманъ былъ открытъ и лжесвидѣтели были осуждены на жестокую казнь. Самъ Робертъ, не отступавшій отъ своихъ притязаній, былъ потребованъ къ суду пэровъ и, за ослушаніе, объявленъ опальнымъ. Онъ бѣжалъ въ Брабантъ и принялся интриговать тамъ противъ Филиппа VI; говорятъ даже, что онъ хотѣлъ отравить его и преслѣдуемый слугами Филиппа, спасся бѣгствомъ въ Англію (1334 г.). Эдуардъ III, желавшій отмстить Филиппу VI за помощь шотландцамъ, только что передъ тѣмъ вступилъ въ переговоры съ французскими вассалами въ Нидерландахъ, поэтому Робертъ, имѣвшій въ этой странѣ обширныя связи, былъ для Эдуарда самымъ желаннымъ гостемъ, для котораго онъ не скупился на деньги, привилегіи и земли. Эдуардъ уже въ 1335 г. заключилъ противъ французскаго короля договоры со

многими изъ нидерландскихъ владѣтелей; нѣкоторые изъ германскихъ прелатовъ-владѣтелей между Маасомъ и Рейномъ также пристали, за деньги, къ врагамъ Филиппа. Между тѣмъ отношенія Эдуарда къ Фландріи были нѣкоторое время почти враждебны, потому что при немъ, благодаря строгому соблюденію конституціоннаго образа правленія, въ Англіи развились торговля и мореходство, грозившія опасностью монополіи Фландріи въ торговлѣ шерстью и шерстяными тканями. Эдуардъ вызвалъ въ Англію, на выгодныхъ условіяхъ, ткачей, фабрикантовъ и даже работниковъ; но всего болѣе подорвалъ онъ торговлю фламандцевъ запрещеніемъ вывоза шерсти. Однако, передъ разрывомъ съ Франціею, Англія измѣнила свою политику относительно Фландріи, и Филиппъ VI внезапно лишился и безъ того весьма ненадежной опоры въ лицѣ графа Людовика Фландрскаго. Людовикъ вывелъ фламандцевъ изъ терпѣнія своимъ военнымъ деспотизмомъ, и въ Гентѣ вспыхнуло возстаніе, распространившееся вскорѣ и на другіе республиканскіе города Фландріи (1337 г.). Во главѣ этого движенія стоялъ Жакъ д'Артевелль, уроженецъ Гента, котораго романтическій и рыцарскій лѣтописецъ Фруассаръ презрительно называетъ медоваромъ. Впрочемъ это названіе слѣдуетъ понимать точно такъ же, какъ и прозвище кожевникъ, которымъ Аристофанъ клеймитъ аѳинскаго демагога Клеона (т. I. стр. 450). Во Фландріи, какъ и въ сѣверо-германскихъ городахъ (т. VIII. стр. 45), процвѣтала тогда торговля пивомъ и медомъ и существовали значительныя пивоварни, и Артевелль былъ однимъ изъ фабрикантовъ, которые вели эту торговлю оптомъ. Пользуясь всеобщей любовью и уваженіемъ, имѣя дѣла со множествомъ землевладѣльцевъ и купцовъ, у которыхъ онъ скупалъ хлѣбъ и, въ то же время, давая дѣло тысячамъ работниковъ и промышленниковъ, онъ, благодаря демократическому устройству Фландріи, былъ гораздно могущественнѣе ея бѣднаго и ненавистнаго графа. Онъ отнялъ у него свой родной городъ Гентъ, принялъ на себя въ немъ роль демагогическаго правителя, сталъ преслѣдовать при-

верженцевъ графа и въ другихъ городахъ, потомъ выгналъ изъ страны его самого, со многими аристократами, и окружилъ себя, подобно рыцарямъ, наемною стражею, которая охраняла его домъ, сопровождала его всюду и, по примѣру наемниковъ Ріенци, немедленно раздѣлывалась съ каждымъ, кто имѣлъ несчастіе не понравиться ея повелителю. Артевелль съ самаго начала своего демократическаго владычества вступилъ въ сношенія съ Англіею, стараясь, посредствомъ тѣснаго союза съ ней, возвратить своимъ согражданамъ всѣ тѣ преимущества, которыхъ они лишились вслѣдствіе союза ихъ графа съ Франціею.

Съ этого времени, между Франціею и Англіею начались непріязненныя дѣйствія, которыхъ впрочемъ еще нельзя назвать открытою войною. Они возникли первоначально въ Гіенни и Нидерландахъ. Тогда Эдуардъ впервые предъявилъ притязанія на французскую корону, основываясь на правахъ своей матери Изабеллы, дочери Филиппа Прекраснаго и своей бабки Маргариты, какъ сестры его. Конечно, самъ Эдуардъ очень хорошо сознавалъ невозможность соединенія Франціи съ Англіею; каковъ-бы ни былъ салическій законъ (т. VIII. стр. 25), въ силу котораго царствовалъ Филиппъ VI, но французскій король опирался на права болѣе дѣйствительныя, чѣмъ двусмысленныя слова обветшалаго закона: утвердившійся обычай, воля націи и благосостояніе феодальнаго государства, которымъ могла управлять только рука мущины, требовали удаленія женщинъ отъ престолонаслѣдія. Тѣмъ не менѣе, притязанія англійскаго короля, однажды выраженныя, дали поводъ къ кровопролитной войнѣ, которой суждено было длиться цѣлое столѣтіе. Заключивъ, въ 1340 г., договоръ съ фламандцами противъ Филиппа VI, Эдуардъ торжественно принялъ титулъ французскаго короля, успокоивъ этимъ совѣсть своихъ французскихъ подданныхъ и вассаловъ. Передъ тѣмъ онъ старался, какъ мы уже сказали выше (т. VIII. стр. 162), пріобрѣсть титулъ имперскаго намѣстника на западѣ отъ Рейна; этотъ планъ истощилъ его казну и корыстолюбіе германскихъ князей и прелатовъ вынудило его

заложить даже корону своей жены и свою собственную. Дорого купленные союзники не принесли ему ни малѣйшей пользы, но онъ извлекъ изъ этого ту выгоду, что ближе сошелся со своимъ народомъ, который призналъ его честолюбивый замыселъ своимъ національнымъ дѣломъ. Правда, что субсидіи, которыя онъ выдавалъ не только нидерландскимъ и рейнскимъ князьямъ и императору, но и вьеннскому дофину, женевскому графу, адмираламъ и вельможамъ сицилійскаго короля и генуезскимъ аристократамъ, повели къ установленію обременительныхъ налоговъ, но за то эти налоги Эдуардъ устанавливалъ не иначе, какъ съ разрѣшенія парламента, въ противоположность обычаю своего дѣда Эдуарда I.

Получивъ, въ 1338 г., титулъ имперскаго намѣстника, Эдуардъ объявилъ Франціи войну, явился въ 1339 г. передъ Камбрэ и послѣ мѣсячной безуспѣшной осады этого города, отправился далѣе, опустошая на пути всю страну. Филиппъ VI выступилъ ему на встрѣчу, но осторожно уклонялся отъ сраженія, и Эдуардъ долженъ былъ наконецъ удалиться изъ Франціи съ значительною потерею. При этомъ нельзя не упомянуть одного событія, въ которомъ вполнѣ выражаются странныя понятія того времени: графъ Вильгельмъ IV, владѣтель Геннегау, Голландіи и Зеландіи, сдѣлался въ самое короткое время изъ друга Эдуарда его врагомъ. Въ началѣ онъ помогалъ ему осаждать Камбрэ, когда тотъ, въ качествѣ имперскаго намѣстника, хотѣлъ возвратить этотъ городъ имперіи, — а чрезъ нѣсколько времени, когда Филиппъ призвалъ вассаловъ къ оружію для защиты страны отъ англичанъ, Вильгельмъ явился въ рядахъ французскаго войска съ 500 человѣкъ. Ни Филиппъ, ни Эдуардъ не имѣли права жаловаться на это и послѣдній долженъ былъ удовольствоваться объясненіемъ графа, который объявилъ, что сталъ подъ знамена Англіи только для того, чтобы возвратить имперіи завоеванный у ней городъ. Не желая раздражать Германіи, Филиппъ не преслѣдовалъ англичанъ при отступленіи ихъ изъ Франціи. Заключивъ, въ слѣдующемъ году, договоръ съ фламандцами, Эдуардъ вернулся

въ Англію, гдѣ нація снова напрягла всѣ свои силы для поддержанія его славы, которую считала своею собственною. Онъ сталъ снаряжать сильный флотъ и многочисленное войско для вторичнаго похода во Францію, но Филиппъ еще заранѣе нанялъ военные корабли у генуезцевъ, которыхъ Эдуардъ тщетно старался отклонить деньгами отъ этой выгодной сдѣлки; Филиппъ послалъ этотъ флотъ, вмѣстѣ съ нормандскими кораблями, къ берегу Фландріи на встрѣчу англичанамъ. Въ іюнѣ 1340 г. оба флота встрѣтились при Слюйсѣ и французы потерпѣли рѣшительное пораженіе въ самомъ кровавомъ изъ бывшихъ въ средніе вѣка морскихъ сраженій, хотя лѣтописцы явно преувеличиваютъ, говоря, что въ этомъ дѣлѣ погибло около тридцати тысячъ человѣкъ и что у французовъ было отнято до двухсотъ кораблей, а остальные потоплены. Кровавое пораженіе французовъ слѣдуетъ приписать преимущественно искусству легкихъ фламандскихъ кораблей и превосходству англійскихъ стрѣлковъ надъ генуезскими. Не смотря на эту блистательную побѣду, осада Турнэ кончилась для Эдуарда такъ же неудачно, какъ и осада Камбрэ; онъ терпѣлъ недостатокъ сначала въ деньгахъ, а потомъ и въ союзникахъ. Поэтому для него было какъ нельзя болѣе кстати, что его теща, вдовствующая графиня Іоанна Геннегауская, приняла на себя посредничество между нимъ и своимъ братомъ французскимъ королемъ.

Враги заключили перемиріе, въ сентябрѣ 1340 г., а въ этотъ промежутокъ времени Эдуардъ нашелъ себѣ полезнаго союзника противъ Франціи въ лицѣ претендента на бретанское герцогство, Іоанна де Монфора. Братъ его, герцогъ бретанскій съ согласія Франціи и Эдуарда III назначилъ наслѣдницею свою дочь; но когда онъ умеръ (въ 1341 г.), Іоаннъ протестовалъ противъ этого распоряженія и явился въ Бретань, прежде чѣмъ поспѣлъ туда племянникъ Филиппа, Карлъ де Блуа, женатый на наслѣдницѣ умершаго герцога. Потомъ Іоаннъ отправился въ Англію, въ намѣреніи привлечь на свою сторону Эдуарда. Филиппъ убѣдилъ судъ пэровъ утвердить герцогство за его племянникомъ и отпра-

вилъ своего сына Іоанна Добраго занять Бретань. Монфоръ былъ осажденъ Іоанномъ въ Нантѣ и, узнавъ, что граждане собираются измѣнить ему, сдался на капитуляцію. Но французы не выполнили ея условій и отправили побѣжденнаго въ Парижъ, какъ плѣнника. Героическая жена его, Іоанна Фландрская, продолжала оспаривать у французовъ каждый шагъ земли, а Эдуардъ III, которому Іоаннъ де Монфоръ, немедленно послѣ своего освобожденія, присягнулъ, какъ законному французскому королю, не только прислалъ ему помощь, но и лично явился съ войскомъ въ Бретань. Впрочемъ едва онъ успѣлъ начать войну, какъ легаты папы Климента VI,э нергически возстававшаго противъ этой войны, устроили новое перемиріе (январь 1343 г.). Условія, на которыхъ оно было заключено, допускали продолженіе непріязненныхъ дѣйствій между приверженцами Карла де Блуа и Іоанна де Монфора и это дало поводъ къ новому, еще большему гнѣву Эдуарда на Филиппа. Узнавъ, что Эдуардъ тайно привлекъ на свою сторону самыхъ значительныхъ рыцарей Бретани, Филиппъ велѣлъ схватить десятерыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Оливье дю Клиссона (отца знаменитаго впослѣдствіи коннетабля), привезти ихъ въ Парижъ и казнить безъ всякаго суда. Эдуардъ прервалъ перемиріе (1345 г.) и отправилъ во Францію два отряда войскъ: одинъ подъ предводительствомъ графа Нортгемптона въ Бретань, а другой подъ начальствомъ храбраго и щедраго графа Генриха Дерби, впослѣдствіи герцога ланкастерскаго, въ Гіеннь. Дерби былъ такъ щедръ, что предоставлялъ всю добычу своимъ воинамъ и даже содержалъ ихъ на свой счетъ, когда у короля не достало на это средствъ. Самъ Эдуардъ отправился съ третьимъ отрядомъ во Фландрію. Изъ этихъ трехъ корпусовъ, только одинъ отрядъ графа Дерби снискалъ себѣ славу, разбивъ французовъ въ рѣшительномъ сраженіи и овладѣвъ всѣми укрѣпленными замками Гіенни, за исключеніемъ Блэ.

По прибытіи Эдуарда во Фландрію, союзъ его съ вольными городами едва не былъ расторгнутъ. Жакъ д'Артевелль, впродол-

женіе девяти лѣтъ произвольно управлявшій Фландріею, убѣждалъ фламандцевъ избрать своимъ графомъ принца уэльскаго, чтобы еще тѣснѣе сблизиться съ Англіею. Это произвело противъ него сильное раздраженіе, потому что фламандцы ненавидѣли англичанъ и давно подозрѣвали Артевелля въ слишкомъ большомъ расположеніи къ нимъ. Одинъ суконный фабрикантъ, Жираръ Дени, пользовавшійся такимъ же вліяніемъ какъ и Артевелль, сталъ во главѣ его противниковъ въ Гентѣ, и когда Артевелль, опираясь на своихъ наемниковъ и на помощь англійскаго короля, прибѣгнулъ къ силѣ, Дени осадилъ его домъ и убилъ его самого (1345 г.) Разсерженный и оскорбленный Эдуардъ немедленно вернулся въ Англію; но другіе города отправили къ нему депутацію, съ выраженіемъ своего негодованія по поводу поступка жителей Гента. Они впрочемъ прибавили, что намѣрены сохранять вѣрность своему графу, не смотря на то, что онъ былъ французомъ по образу жизни и по характеру, но изъявили при этомъ желаніе, чтобы сынъ и наслѣдникъ его былъ женатъ на англійской принцессѣ. Наконецъ, они предложили ему войско изъ граждaнъ Гента, Брюгге, Ипра и другихъ городовъ, готовое выступить въ походъ подъ предводительствомъ одного изъ англійскихъ принцевъ, въ то время какъ самъ онъ вторгнется во Францію съ другой стороны. Эдуардъ примирился съ ними и лѣтомъ 1346 г. выслалъ войско, которое повидимому направлялось въ Гіеннь, но, сверхъ всеобщаго ожиданія, высадилось въ Нормандіи и начало разорять эту провинцію. Вслѣдъ за этимъ несообразнымъ поступкомъ, нанесшимъ вредъ не Филиппу, а только населенію богатой провинціи, Эдуардъ двинулся съ огнемъ и мечомъ вдоль по лѣвому берегу Сены и прошелъ до самаго Пуасси вблизи Парижа, не имѣя возможности переправиться черезъ рѣку, потому что на правомъ берегу стояли войска Филиппа. Переправившись наконецъ черезъ Сену, Эдуардъ разорилъ деревни и поля между Сеною и Соммою, но внезапно очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, когда въ тылу у него показалось превосходное силами французское

войско, которое, по явно преувеличенному свидѣтельству лѣтописцевъ, состояло изъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Оно двигалось противъ него форсированнымъ маршемъ, а спереди ему преграждала путь Сомма, мостъ на которой былъ занятъ французами. Англичанамъ грозила неминуемая гибель; къ счастью, нашелся какой-то плѣнный, согласившійся, за большія деньги, показать Эдуарду бродъ на рѣкѣ, такъ что, во время отлива, ему удалось переправиться съ войскомъ на другой берегъ, а начавшійся вслѣдъ затѣмъ приливъ заставилъ Филиппа вернуться къ мосту.

Переправившись черезъ Сомму, Эдуардъ рѣшился занять выгодную позицію и дожидаться французовъ, которые отыскивали его слѣды. Онъ имѣлъ время выбрать мѣстность и расположился на высотахъ при городѣ Кресси. Здѣсь въ августѣ 1346 г. произошелъ рѣшительный бой, въ которомъ французы, по собственной винѣ, были разбиты и совершенно истреблены. Люди разсудительные совѣтовали не дѣлать нападенія, потому что во время движенія французовъ къ Кресси шелъ безпрерывный дождь и размочилъ тетивы на лукахъ генуезскихъ стрѣлковъ, къ довершенію всего утомленныхъ переходомъ; но пылкіе и упрямые бароны не согласились откладывать битвы и до того спѣшили дать сраженіе, что одинъ изъ знатнѣйшихъ вассаловъ и его свита позорили свою собственную пѣхоту за то, что она, уставъ и промокнувъ до костей, не рѣшилась итти въ бой. У французовъ, король не былъ единственнымъ главнокомандующимъ, какъ Эдуардъ въ своемъ войскѣ. Англійскій король, вмѣстѣ съ сыномъ и наслѣдникомъ, пятнадцатилѣтнимъ Эдуардомъ, выказали въ этой битвѣ изумительное мужество и замѣчательное военное искусство. Молодой Эдуардъ прославившійся впослѣдствіи подъ именемъ Чорнаго Принца, прозвище, данное ему отъ цвѣта его доспѣховъ, былъ однимъ изъ величайшихъ героевъ среднихъ вѣковъ. Какъ онъ, такъ и отецъ его были искусными военачальниками, что доказывается тактикою и дисциплиною, введенною ими въ войскѣ. Враги ихъ выказали одно мужество, не руководимое разсудительностью,

и это-то и было собственно причиною ихъ пораженія при Кресси и неслыханнаго истребленія ихъ рыцарства. По увѣренію всѣхъ лѣтописцевъ, перевѣсъ остался за англичанами, благодаря искусству и превосходству ихъ стрѣлковъ. Фруассаръ пишетъ, что у французовъ пало въ этой битвѣ тридцать тысячъ рядовыхъ, тысяча двѣсти рыцарей и двѣнадцать князей. Но эти данныя явно преувеличены и мы охотнѣе сошлемся на современное свидѣтельство одного священника изъ Дофинэ, говорящаго, что у французовъ осталось на полѣ битвы десять тысячъ простыхъ воиновъ и тысяча семьсотъ шестнадцать рыцарей. Во всякомъ случаѣ, пораженіе французовъ было страшное и добыча англичанъ громадна; кромѣ того, Эдуардъ получилъ потомъ значительный выкупъ за множество знатныхъ плѣнниковъ. Въ числѣ убитыхъ остался слѣпой король чешскій или богемскій, Іоаннъ (т. VIII. стр. 175), присутствовавшій при этой битвѣ, сидя на конѣ, къ которому съ обѣихъ сторонъ было привязано по двѣ лошади. Его знамя, украшенное страусовыми перьями и съ девизомъ „служу", было помѣщено Чорнымъ Принцемъ въ свой гербъ и донынѣ сохраняется въ гербѣ принцевъ уэльскихъ. По свидѣтельству историка Виллани, въ битвѣ при Кресси были употреблены въ дѣло пушки; но во всякомъ случаѣ, не онѣ рѣшили сраженіе. О пушкахъ упоминается уже, и то не въ первые, при описаніи одного сраженія, происходившаго въ 1338 г.

Послѣ побѣды при Кресси, англичане совершенно опустошили сѣверныя провинціи Франціи. По увѣренію одного англійскаго лѣтописца, собранная ими добыча была такъ велика, что даже произвела перемѣну въ ихъ нравахъ и образѣ жизни. Но начатая вскорѣ послѣ того осада Кале стоила Эдуарду гораздо болѣе денегъ, чѣмъ сколько досталось ему отъ грабежей во Франціи и отъ выкупа плѣнныхъ. Онъ началъ эту осаду, потому что, не расчитывая на прочность завоеваній во Франціи, желалъ пріобрѣсть тамъ по крайней мѣрѣ твердую точку опоры, приморскій портъ, гдѣ онъ могъ бы безопасно высаживаться всякій разъ, какъ предпри-

нималъ набѣги на Францію. Кале представлялъ для этого всѣ удобства; но былъ сильно укрѣпленъ и населенъ храбрыми французами, пользовавшимися особенными льготами. Они выдержали самую упорную осаду, претерпѣвая въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, неслыханныя бѣдствія. Мы приводимъ здѣсь простой, прозаическій разсказъ этого событія, но у рыцарски-поэтическаго Фруассара оно изображено съ животрепещущимъ интересомъ романтической драмы. Фруассаръ особенно превозноситъ одного изъ гражданъ Кале, Евстафія де Сенъ Пьера, представляя его образцомъ французскихъ патріотовъ. Городъ, съ геройскимъ мужествомъ одиннадцать мѣсяцевъ выдерживалъ всѣ бѣдствія жестокой осады и только при послѣдней крайности предложилъ сдаться на капитуляцію. Но раздраженный Эдуардъ отвергъ всѣ условія и потребовалъ, чтобы, по обычаю того времени, самые значительные изъ гражданъ босые и съ веревками на шеѣ явились къ нему умолять о пощадѣ. Фруассаръ говоритъ, что эти депутаты должны были поплатиться жизнью за всю общину. Они добровольно вызвались на это и находившійся въ числѣ ихъ Евстафій де Сенъ Пьеръ подалъ первый примѣръ самоотверженія. Эдуардъ велѣлъ было обезглавить ихъ, но былъ умилостивленъ мольбами жены, бросившейся передъ нимъ на колѣни. Впрочемъ, послѣ такого трогательнаго патріотическаго разсказа покажется нѣсколько страннымъ, что Евстафій остался жить въ городѣ, который сталъ англійскимъ и позабылъ о своей родинѣ, сдѣлавшись англійскимъ подданнымъ. Англичане цѣлыхъ два столѣтія владѣли Кале. Изгнавъ оттуда многихъ жителей, Эдуардъ замѣстилъ ихъ англичанами, которымъ отдалъ покинутые дома и земли. Фламандцы были очень полезны англичанамъ при осадѣ Кале. Вообще, уже въ ту пору, слухъ о богатой добычѣ, пріобрѣтаемой на англійской службѣ, привлекалъ къ Эдуарду толпы рыцарей изъ Фландріи, Брабанта, Германіи и другихъ странъ. Послѣ взятія Кале (сентябрь 1347 г.), папскимъ легатамъ, въ томъ числѣ и Аннибалу ди Чеккано (т. VIII. стр. 93), удалось устроить кратковременное перемиріе, которое было потомъ

продолжено до 1351 г. Англичане обратили Кале въ англійскую крѣпость, сдѣлали егоскладочнымъ мѣстомъ своихъ товаровъ и покорили не только всю Гіеннь, но и всю страну между Луарою и Гаронною. Въ Бретани, гдѣ война имѣла характеръ соперничества между французскимъ и англійскимъ рыцарствомъ, или вѣрнѣе характеръ огромнаго, кровопролитнаго турнира, Карлъ де Блуа былъ взятъ въ плѣнъ англичанами. Фландрія оставалась союзницею Англіи, не смотря на то, что, при заключеніи перемирія, права молодаго графа Людовика III, отецъ котораго, Людовикъ II, палъ при Кресси, были положительно признаны.

Въ продолженіе осады Кале, ирландцы сдѣлали тщетную попытку свергнуть съ себя англійское иго, а шотландцы, поддерживаемые Филиппомъ VI, вторглись въ сѣверныя провинціи Англіи, разорили ихъ и проникли до Доргэма; но мужественная жена Эдуарда, Филиппа Геннегауская, собрала войско, напала на шотландцевъ при Невильсъ Кроссѣ близъ Ньюкэстля и одержала блистательную побѣду (октябрь 1347 г.). Большинство шотландцевъ осталось на полѣ битвы, а король ихъ, Давидъ, вмѣстѣ съ другими вождями, попался въ плѣнъ. Это однако не улучшило жалкой судьбы шотландскаго претендента Эдуарда Балліоля, который никогда не могъ утвердиться въ Шотландіи и былъ только орудіемъ англичанъ, существуя жалкою годовою пенсіею, назначенною ему Эдуардомъ.

Война обходилась страшно дорого и англичанамъ, и французамъ; оба короля платили баронамъ огромныя деньги для того, чтобы удерживать ихъ въ войскѣ. Филиппъ, не будучи въ состояніи расплатиться съ графомъ де Фуа и его вассалами, которымъ задолжалъ жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ, на сумму до сорока девяти тысячъ пяти сотъ ливровъ, долженъ былъ уступить за это графу одинъ замокъ и два имѣнія. Войско Эдуарда стоило ему, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ продолженіе цѣлаго года, ежемѣсячно по тридцати одной тысячѣ фунтовъ; 4,022 человѣкамъ платилось по одиннадцати шиллинговъ, 15,430 стрѣлкамъ по три и каждому всаднику по два пенса въ сутки. Изъ этого можно

видѣть въ какой несоразмѣрности были феодальныя войны среднихъ вѣковъ съ чистыми доходами государствъ и цѣнностью первыхъ потребностей жизни. По этому не мудрено, что финансовое положеніе, какъ Филиппа, такъ и Эдуарда, было чрезвычайно запутанно. Оба они были вынуждены прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ, особенно Филиппъ, такъ какъ его мѣры были менѣе прибыльны и большинство полученныхъ денегъ доставалось не казнѣ (т. VIII. стр. 23), а ломбардцамъ и евреямъ, черезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ. Филиппъ установилъ знаменитый во французской исторіи налогъ на соль, изобрѣлъ новыя пошлины, сталъ взимать подать съ промысловъ, наложилъ на духовенство десятину и послѣдовалъ примѣру своего предшественника, Филиппа IV, начавъ выпускать въ обращеніе фальшивую монету. Не взирая на повторяемыя имъ клятвенныя обѣщанія, каждый разъ покупаемыя государственными чинами цѣной новыхъ налоговъ, монету портили примѣсью или обрѣзали, потомъ извлекали изъ обращенія и переплавляли, смотря потому какъ было удобнѣе для ростовщиковъ, съ которыми тогдашніе министры находились въ такихъ же отношеніяхъ какъ и нынѣшніе съ евреями и банкирами. Наконецъ Филиппъ прибѣгнулъ къ методѣ азіатскихъ деспотовъ и сталъ по временамъ силою отнимать у ростовщиковъ, министровъ и чиновниковъ нажитое ими всякими неправдами.

Въ эти печальныя времена, на всемъ пространствѣ отъ Кале до Средиземнаго моря, и отъ Пиринеевъ до Вара установилось единство французскаго языка и нравовъ, единство, благодаря которому французы, какъ нація, всегда стояли выше нѣмцевъ, раздѣленныхъ на отдѣльныя государства. Сами англичане были нѣкоторымъ образомъ пріобщены къ этой французской національности; ихъ дворъ, законы и суды говорили и писали на французскомъ языкѣ, а нравы и образъ жизни высшаго сословія, начиная съ покроя платья и мебели, были чисто французскіе. Не смотря на то, Франціи, уже съ перемирія 1347 г., грозила потеря многихъ провинцій, которыя, спустя тринадцать лѣтъ, дѣйствительно

отошли къ Англіи; но національность такъ тѣсно связывала ихъ съ Франціею, что, рано или поздно, онѣ неизбѣжно должны были вновь присоединиться къ ней. Въ замѣнъ этихъ провинцій, Франція расширила свои владѣнія на югѣ, уничтоживъ въ Монпеллье наслѣдственную власть арагонскаго дома, а въ Бургундіи, послѣднюю тѣнь германскаго владычества. Филиппъ освободилъ всю южную Францію, за исключеніемъ Руссильона и Серданя, отъ иноземной власти. Это расширеніе и округленіе страны тѣмъ замѣчательнѣе, что оно было въ связи съ прекращеніемъ двухъ самостоятельныхъ династій, арагонской въ Монпеллье и Дофиновъ въ Віеннѣ.

Арагонскій домъ раздѣлился, въ тринадцатомъ вѣкѣ, на три линіи. Іаковъ I Арагонскій отдалъ старшему сыну, Петру III, Арагонію и Каталонію, а младшему, Іакову, маіоркское или мальоркское королевство, т. е. Балеарскіе острова съ Руссильономъ, Монпеллье и другими французскими провинціями, принадлежавшими Арагоніи. По смерти отца (1276 г.) они вступили въ управленіе, каждый своимъ удѣломъ. Черезъ шесть лѣтъ Петръ III овладѣлъ Сициліею, вслѣдствіе сицилійскихъ вечерень, и по смерти оставилъ этотъ островъ своему младшему сыну, Фридриху II, а Арагонію старшему сыну Іакову II (т. VII. стр. 305 и 309). Такимъ образомъ возникла третья вѣтвь арагонскаго дома. Одна изъ этихъ линій имѣла мѣстопребываніе въ Сарагоссѣ и Барселонѣ; другая въ Палермо, а третья въ Монпеллье и на островѣ Маіоркѣ. Эта послѣдняя династія лишилась владѣній уже въ третьемъ поколѣніи. Маіоркскій король былъ вынужденъ, еще при Филиппѣ Красивомъ, приносить за Монпеллье присягу на подданство французскому королю, а третій король Маіорки, Іаковъ II, лишился и французскихъ владѣній и балеарскихъ островов. Онъ поссорился со своимъ родственникомъ, арагонскимъ королемъ Петромъ IV, и когда Петръ отнялъ у него силою Руссильонъ, Сердань и Балеарскіе острова, хитрый Филиппъ VI Французскій, съумѣлъ извлечь для себя всевозможныя выгоды изъ безпомощнаго

положенія Іакова. Онъ помогъ ему деньгами въ борьбѣ съ арагонскимъ королемъ, получивъ за это Монпеллье и другія владѣнія, еще остававшіяся у Іакова во Франціи (1349 г.). Вслѣдъ за тѣмъ, Іаковъ высадился на Маіорку съ наемнымъ войскомъ, но разбитый на голову, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ по приказанію Петра IV.

Такимъ же образомъ былъ присоединенъ къ Франціи и Дофинэ. Эта до тѣхъ поръ самостоятельная, или вѣрнѣе подчиненная Германіи провинція, простиралась отъ Монпеллье почти до Женевы и Ліона и правители ея съ незапамятныхъ временъ восили, неизвѣстно почему, титулъ дофиновъ или дельфиновъ. Этою страною владѣли одна за другою три династіи; послѣдняя, властвовавшая съ 1279 по 1349 г., происходила изъ фамиліи де ла Туръ и поддерживала, подобно двумъ предъидущимъ, номинальную связь съ имперіею, находясь въ то же время, подобно предшествовавшей линіи, въ ленныхъ отношеніяхъ къ французскому королю по своимъ обширнымъ владѣніямъ во Франціи. Послѣдній дофинъ изъ дома де ла Туръ, Губертъ II, былъ человѣкъ чрезвычайно тщеславный и суевѣрный, и именно потому страшно расточительный. Онъ подолгу проживалъ въ Авиньонѣ, предпринималъ крестовый походъ, дѣлалъ подарки церкви, строилъ монастыри и кончилъ тѣмъ, что совершенно разорился. Огромные долги вынудили его наконецъ не только обременить подданныхъ тяжелыми налогами, но и продать свои владѣнія. Онъ продалъ сначала свои имѣнія въ Оверни, Нормандіи и другихъ провинціяхъ Франціи, и не имѣя силъ воздержаться отъ мотовства, долженъ былъ наконецъ продать Филиппу Французскому и все свое герцогство. Въ 1343 г., они заключили между собою договоръ, по которому наслѣдникомъ Дофинэ былъ назначенъ второй сынъ французскаго короля, Филиппъ Орлеанскій, за что Губертъ получилъ 120,000 золотыхъ экю и ежегодную пенсію въ 10,000 ливровъ. При этомъ Губертъ не только остался до самой смерти вѣренъ императору, но и позаботился обезпечить въ договорѣ независимость своего маленькаго

государства и права подданныхъ. Въ договорѣ было сказано, что Филиппъ Орлеанскій и его потомство получатъ титулъ дофиновъ, но съ обязательствомъ добросовѣстно сохранять и защищать права и обычаи страны, которая должна оставаться самостоятельною и присоединиться къ Франціи только тогда, когда титулъ германскаго императора перейдетъ къ французскому королю.

Но, спустя годъ, новыя денежныя затрудненія заставили Губерта, въ благодарность за помощь французскаго короля, измѣнить условія договора: вмѣсто Филиппа Орлеанскаго, наслѣдникомъ Дофинэ былъ объявленъ старшій братъ его, будущій французскій король Іоаннъ Добрый, что уже заставляло предъугадывать будущее присоединеніе Дофинэ къ Франціи. Вслѣдъ за тѣмъ Губертъ предпринялъ крестовый походъ противъ турокъ, стоившій очень много денегъ, но окончившійся неудачно. Возвратясь съ этого похода, онъ вздумалъ снова вступить въ бракъ, вѣроятно наведенный на эту мысль своими приближенными, которымъ не хотѣлось сдѣлаться французскими подданными. Онъ остановилъ свой выборъ на дочери герцога Бурбона и уже вступилъ съ нимъ въ переговоры, какъ Филиппу удалось выгодными предложеніями отклонить герцога отъ этого союза. Въ то же время Филиппъ принялся дѣйствовать на слабаго Губерта посредствомъ папы и духовенства, чтобы уговорить его отказаться отъ свѣта и удалиться въ монастырь, послѣ оскорбленія, нанесеннаго ему герцогомъ Бурбономъ. Филиппъ былъ готовъ пожертвовать еще значительныя суммы, для того чтобы поскорѣе осуществить этотъ планъ и присоединить Дофинэ къ Франціи еще при жизни Губерта. Это ему удалось. Губертъ отказался отъ владѣній въ пользу старшаго сына наслѣдника французскаго престола, будущаго короля Карла V, и постригся въ монахи. Но прежде, чѣмъ онъ отрекся отъ своихъ правъ, окружающіе его позаботились о томъ, чтобы онъ составилъ письменный актъ, формально утвержденный Филиппомъ VI, какъ государственный статутъ Дофинэ, и обезпечившій на будущія времена всѣ права жителей этой страны. Впослѣдствіи,

въ царствованіе внука Филиппа, Карла V, установился обычай, чтобы одинъ изъ принцевъ царствующаго дома, именно младшій сынъ короля, принималъ титулъ и гербъ Дофина. Черезъ годъ по пріобрѣтеніи Дофинэ, Филиппъ VI скончался (1350 г.).

3. Англія и Франція при Эдуардѣ III и при Іоаннѣ Добромъ до мира въ Бретиньи.

Новый французскій король, Іоаннъ Добрый, гораздо ревностнѣе своего отца старался поддерживать миръ съ Англіею, въ чемъ содѣйствовалъ ему всѣми силами папа Иннокентій VI. Но усилія обоихъ были совершенно тщетны, потому что Эдуардъ хотѣлъ освободиться отъ своихъ ленныхъ обязанностей къ Франціи, а Іоаннъ не могъ уступить существенныхъ правъ своей націи. Между ними могло состояться только кратковременное перемиріе, и въ 1355 г. война снова возгорѣлась. Впрочемъ и во время перемирія, обѣ стороны не прекращали враждебныхъ дѣйствій: Англія поддерживала въ Бретани Монфоровъ, а Франція волновала шотландцевъ. Король ихъ все еще находился въ плѣну у англичанъ и шотландцы мстили имъ за это безпрестанными набѣгами, которые Эдуардъ вымещалъ потомъ на невинныхъ жителяхъ низменной части Шотландіи. Впрочемъ вспыльчивость, слабость и опрометчивая строгость Іоанна доставили Эдуарду въ самой Франціи гораздо болѣе полезныхъ друзей, нежели какихъ имѣли французы въ хищныхъ шотландцахъ. Іоаннъ поссорился разомъ съ государственными чинами, графомъ де Фуа, съ наваррскимъ королемъ и находившеюся въ союзѣ съ послѣднимъ нормандскою фамиліею де Гаркуръ. Мы коснемся прежде всего его распрей съ Наваррою, имѣющихъ отношеніе ко внутреннимъ событіямъ въ Кастиліи.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, Кастилія сдѣлалась сильнѣйшимъ изъ государствъ Испаніи. Король ея, Фердинандъ III Святой, сдѣ-

лалъ большія завоеванія и пріобрѣтенія, упрочивъ вмѣстѣ съ тѣмъ нераздѣльность кастильскихъ провинцій. Сынъ его, Альфонсъ X Мудрый, продолжалъ расширять предѣлы Кастиліи; но повредилъ странѣ не только своимъ тщеславіемъ и стремленіемъ добыть себѣ титулъ германскаго императора, стоившій ему невѣроятно дорого, (т. VII. стр. 379), но и самымъ своимъ законодательствомъ, отмѣнивъ старинный испанскій законъ о престолонаслѣдіи и замѣнивъ его новымъ. По прежнимъ постановленіямъ, въ случаѣ смерти старшаго принца, при жизни отца, корону наслѣдовалъ не сынъ, а братъ умершаго принца, Альфонсъ же постановилъ, что потомство старшаго принца имѣетъ преимущество передъ его братьями. Но это распоряженіе никогда не имѣло законнаго дѣйствія, потому что не было имъ обнародовано. Еще при его жизни, по смерти его старшаго сына, Фердинанда де ла Серда, кортесы, сообразуясь со стариннымъ закономъ, назначили наслѣдникомъ престола втораго сына короля, Санчо IV, обойдя потомковъ Фердинанда, Альфонса и Фердинанда, и Альфонсъ X оффиціально обнародовалъ ихъ постановленіе. Мать принцевъ де ла Серда, Бланка, дочь французскаго короля Людовика XI, протестовала противъ этой мѣры и обратилась къ содѣйствію своего брата Филиппа III и къ брату своего покойнаго мужа, по матери, Петру III Арагонскому. Такимъ образомъ въ Кастиліи возникли междоусобія и война съ сосѣдними государями, кончившіяся въ слѣдующемъ вѣкѣ тѣмъ, что фамилія де ла Серда отказалась отъ притязаній на престолъ и удовольствовалась леномъ отъ кастильской короны. Одинъ изъ принцевъ этого дома, Карлосъ де ла Серда, съ дѣтства жившій во Франціи, былъ другомъ и любимцемъ французскаго короля Іоанна.

Безразсудный и увлекавшійся, и въ дружбѣ, и въ ненависти, король Іоаннъ осыпалъ милостями кастильскаго принца, точно такъ же какъ Эдуардъ II Гэвстона (т. VIII. стр. 29) и, какъ и тотъ возбудилъ неудовольствіе вельможъ предпочтеніемъ, оказываемымъ иностранцу. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Іоаннъ подарилъ своему фавориту множество помѣстій и въ

томъ числѣ даже тѣ, изъ доходовъ съ которыхъ, по распоряженію Филиппа VI, уплачивалась ежегодная рента наваррскимъ королямъ (т. VIII. стр. 249). Но особенно раздражены были французы на то, что Іоаннъ, по одному подозрѣнію и съ нарушеніемъ всѣхъ законныхъ формальностей, осудилъ на казнь коннетабля Рауля де Бріенна, графа д'Э и де Гинь, и передалъ должность его, высшую въ государствѣ, ненавистному кастильцу. Вслѣдъ за тѣмъ, Іоаннъ женилъ новаго коннетабля на дочери Карла де Блуа, ближайшаго родственника королевской фамиліи. Эти чрезмѣрныя милости встревожили даже самого де ла Серду и онъ, какъ человѣкъ болѣе дальновидный, чѣмъ безразсудный король, старался отклонить ихъ. Событія доказали, что опасенія коннетабля были основательны и что Іоаннъ напрасно расчитывалъ на внушаемый имъ страхъ.

Наваррскій король, Карлъ Злой, наслѣдовавшій, въ 1349 г., отъ своего отца Филиппа д'Эврё и матери Іоанны II (т. VIII. стр. 25), незначительное наваррское королевство и многія другія владѣнія во Франціи, и помолвленный, въ 1351 г., на восьмилѣтней дочери Іоанна Добраго, вступилъ въ заговоръ со своимъ братомъ Филиппомъ Наваррскимъ, тремя графами де Гаркуръ и многими другими вельможами, съ цѣлью погубить ненавистнаго коннетабля. Они предательски умертвили его въ постели, и по всѣмъ вѣроятіямъ, въ присутствіи самого короля (1354 г.). Іоаннъ немедленно рѣшился отмстить за смерть любимца и началъ съ того, что отнялъ у графовъ де Гаркуръ ихъ обширныя владѣнія въ Нормандіи. Но Карлъ Злой обратился за помощью къ Генриху, герцогу ланкастерскому, который находился во Фландріи, и это до того перепугало слабаго французскаго короля, что онъ, черезъ нѣсколько недѣль, заключилъ съ Карломъ постыдный договоръ, обязавшись не только простить убійство коннетабля, но и дать удовлетвореніе за взятыя у него прежде имѣнія. Однако, черезъ мѣсяцъ наваррскій король снова сталъ грозить Іоанну; оставшись въ союзѣ съ Англіей, онъ отправился въ Авиньонъ, чтобы возбудить противъ Іоанна самого папу и, для достиженія этой цѣли, не отступалъ ни предъ какими про-

исками. Іоаннъ и въ этомъ случаѣ выказалъ опрометчивость и слабость; отдавъ сначала повелѣніе конфисковать всѣ владѣнія Карла Злаго, онъ снова помирился съ нимъ на прежнихъ условіяхъ, когда тотъ, соединясь со всѣми своими друзьями и вассалами и опираясь на помощь Англіи, рѣшился отражать силу силою.

Въ 1355 г. снова возгорѣлась война съ Англіею. Эдуардъ отправилъ своего храбраго сына, Чорнаго Принца, въ Гіеннь, а самъ переправился въ Кале и сталъ опустошать оттуда Артуа и Пикардію, но вскорѣ былъ отозванъ въ Англію новымъ вторженіемъ шотландцевъ. Онъ отмстилъ имъ за набѣгъ разореніемъ ихъ страны; это только усилило ихъ ненависть къ Англіи и сдѣлало войну еще кровопролитнѣе, но нисколько не помогло англичанамъ овладѣть Шотландіею. Въ то же время принцъ Эдуардъ сдѣлалъ не менѣе славный и опустошительный, но и не болѣе рѣшительный по результатамъ, походъ въ Лангедокъ. Съ огнемъ и мечомъ проникъ Чорный Принцъ до Каркассоны и Нарбонны и готовился продолжать путь до Монпелльe и Авиньона, но былъ остановленъ вспыхнувшимъ вокругъ него возстаніемъ рыцарей и народа и вынужденъ вернуться въ Гіеннь.

Разореніе богатѣйшихъ провинцій сѣверной и южной Франціи заставило французскаго короля обратиться за денежною помощью къ государственнымъ чинамъ. Во Франціи государственные чины были двойственные, потому что, по языку и законодательству, она дѣлилась на двѣ половины. Меньшая, южная часть страны, именовавшаяся, по своему нарѣчію, Лангедокомъ, руководилась римскимъ правомъ и, подобно сѣверной, имѣла свое отдѣльное собраніе государственныхъ сословій; вторая, или Langue d'oil, имѣла такъ называемые общіе государственные чины или штаты (états généraux), и въ ней, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, имѣло силу словесное право, т. е. юридическій обычай. Кругъ дѣйствій собранія лангедокскихъ сословій ограничивался мѣстными вопросами: защитою края, опредѣленіемъ налоговъ и надзоромъ за ихъ употребленіемъ. Чтобы побудить ихъ къ большимъ

пожертвованіямъ, Іоаннъ обѣщалъ прислать къ нимъ дофина, и лангедокскія сословія выставили, на свой счетъ, войско противъ англичанъ. Государственные чины были созваны королемъ въ Парижъ къ 30 ноября 1355 г. Но собравшись, они приняли самыя рѣшительныя и неожиданныя мѣры противъ короля. Чтобы объяснить себѣ значеніе этихъ мѣръ, надо знать, что въ дѣлѣ притѣсненія подданныхъ и чекана фальшивой монеты, Іоаннъ Добрый вполнѣ слѣдовалъ примѣру дѣда и безъ суда заключалъ въ темницы или предавалъ казни значительнѣйшихъ лицъ страны. Постоянная вражда между тремя сословіями, составлявшими государственные чины, благопріятствовала произвольнымъ поступкамъ государя; но теперь, когда для него настала нужда въ содѣйствіи націи, всѣ три сословія соединились для единодушнаго сопротивленія насильственно установившемуся самодержавію. Разсудокъ и патріотизмъ не позволяли государственнымъ чинамъ отказать королю въ назначеніи необходимыхъ средствъ, но они рѣшились предупредить злоупотребленіе ими. Впрочемъ мѣры, принятыя для этого собраніемъ доказываютъ, что вліятельные члены собранія могли быть скорѣе хорошими юристами, чѣмъ политико-экономами и финансистами. Сословія выбрали изъ своей среды коммисію для надзора за взиманіемъ установленныхъ или чрезвычайныхъ налоговъ, и за тѣмъ, чтобы эти суммы были употребляемы единственно для предназначенной цѣли. Этотъ комитетъ былъ облеченъ значительными правами и даже отчасти королевской властью, разумѣется только на время войны, для издержекъ которой и былъ учрежденъ чрезвычайный налогъ. Но этотъ налогъ былъ установленъ только на одинъ годъ, что вынуждало короля ежегодно созывать сословія, а они, пользуясь этимъ, вымогали у него новыя уступки, которыя вели къ совершенному измѣненію правительственной системы. Король, его сыновья и канцлеръ должны были дать торжественное обязательство не измѣнять болѣе цѣнности монеты, и всякій чиновникъ, способствовавшій этой спекуляціи, подвергался немедленному отрѣшенію отъ должности. Злоупотребленіе,

состоявшее въ томъ, что король, принцы, полководцы и всѣ королевскіе слуги брали безплатно, повсюду гдѣ находились, хлѣбъ, вино, подводы, лошадей и все что желали, было не только воспрещено, но гражданамъ и крестьянамъ было дозволено противиться силою этимъ требованіямъ, а генералъ-прокурору было подъ присягою вмѣнено въ обязанность преслѣдовать уголовнымъ судомъ всякаго, кто отнималъ у нихъ что нибудь силою. Уплата долговъ ломбардцамъ была отсрочена на десять лѣтъ, а рыцарямъ и чиновникамъ, которые занимались тѣмъ, что принимали на себя ихъ иски и потомъ силою требовали по нимъ удовлетворенія, были строжайше запрещены подобныя спекуляціи и всѣ вообще торговые обороты. Замѣчательно, что при этомъ случаѣ короля заставили дать клятву отмѣнить въ администраціи и судопроизводствѣ нѣкоторыя мѣры, которыя продолжали примѣняться впослѣдствіи даже при Людовикѣ XV и его внукѣ. Напримѣръ, Іоаннъ долженъ былъ постановить, чтобы всякій былъ судимъ своимъ непосредственнымъ судьею и чтобы судебная власть высшихъ должностныхъ лицъ ограничивалась ихъ округомъ. Наконецъ рыцарство, терпѣвшее отъ безпрестанныхъ, безъ нужды повторяемыхъ призывовъ къ оружію, добилось того, что у короля было отнято право созывать поголовное ополченіе безъ предварительнаго разрѣшенія государственныхъ чиновъ, если только какія нибудь особенныя обстоятельства не препятствовали ихъ созванію.

Какъ однако ни были необходимы улучшенія въ государственномъ устройствѣ и администраціи и какъ торжественно ни обязался король подчиниться постановленіямъ сословій, но, съ одной стороны, обѣщанія короля были не надежны, а съ другой, самыя эти мѣры были плохо задуманы и совершенно непримѣнимы на практикѣ. Новые налоги были несоразмѣрны съ ихъ цѣлью и оказались недостаточны; они повели только къ произволу и притѣсненіямъ. Коммисары сословій или встрѣчали презрѣніе къ своимъ требованіямъ, или сами злоупотребляли, въ ущербъ народу, возложенною на нихъ властью. Король такъ мало стѣснялся

клятвами, что при второмъ же собраніи чиновъ рѣшился на неслыханное насиліе противъ первѣйшихъ лицъ государства. Дѣло касалось наваррскаго короля и его друзей. По всѣмъ вѣроятіямъ, Карлъ Злой и послѣ вторичнаго примиренія съ Іоанномъ, продолжалъ сношенія съ англичанами; кромѣ того, онъ старался возбудить дофина противъ отца и произвесть возстаніе въ Нормандіи, по поводу новыхъ налоговъ. Король рѣшился обезпечить себя отъ этого врага, овладѣвъ имъ. Однажды, когда Карлъ, приглашенный на праздникъ къ дофину, отправился въ Руанъ, король тайно явился въ этотъ городъ и, ворвавшись съ вооруженными людьми въ комнату, гдѣ происходило пиршество, велѣлъ схватить Карла, графа Жана де Гаркура и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, участвовавшихъ въ убійствѣ де ла Серды. Четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ и графъ де Гаркуръ, были немедленно обезглавлены. Карла Злаго король отвезъ съ собою въ Парижъ, гдѣ его полтора года перевозили изъ темницы въ темницу, замки его были осаждены и король приказалъ своимъ войскамъ занять Наварру. Но братъ Карла, Филиппъ Наваррскій, и остальные графы де Гаркуръ защищали его владѣнія и вступили въ союзъ съ англійскимъ королемъ противъ Іоанна.

Пока французскій король былъ занятъ осадою замковъ Карла, Чорный Принцъ внезапно выступилъ изъ Гіенни и проникъ чрезъ Руэргъ, Овернь и Лимузенъ до самой Луары. Походъ его былъ рядомъ опустошеній; болѣе пятисотъ мѣстечекъ были въ конецъ разрушены англичанами. Даже этотъ великодушный рыцарь былъ вынужденъ подчиняться обычаямъ того времени и обращать въ пустыню завоеванный край. По многимъ причинамъ эти жестокости были неизбѣжнымъ зломъ среднихъ вѣковъ. Въ тѣ времена войну вели не короли и регулярное войско, какъ нынѣ, а масса народа и рыцарство; по этому въ непріятельской странѣ прежде всего старались разорить и подвергнуть всякимъ бѣдствіямъ населеніе, принимавшее непосредственное участіе въ войнѣ. Къ тому же непріятелямъ можно было вредить только опустошеніями, потому

что безъ прочныхъ доходовъ и постояннаго войска, государи не имѣли возможности удерживать за собою завоеванныя земли. Грозное нападеніе Чорнаго Принца повергло простоватаго и вспыльчиваго Іоанна въ сильнѣйшую ярость. Наскоро собравъ войско, въ которомъ находились четверо сыновей его и знатнѣйшіе французскіе вассалы, онъ выступилъ съ нимъ къ Луарѣ, намѣреваясь немедленно дать врагу сраженіе. Прибывъ въ Пуатье, онъ не сталъ выжидать, какъ ему совѣтовали, нападенія Чорнаго Принца, который, имѣя передъ собою армію короля, а въ тылу войско Лангедока, могъ бы быть поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе, если бы сумасбродная горячность его противника не испортила всего дѣла. Іоаннъ выступилъ изъ Пуатье и напалъ на англичанъ (19 сентября 1356 г.) въ двухъ часовомъ разстояніи отъ этого города, при Мопертюи, на холмистой мѣстности, гдѣ всѣ условія битвы благопріятствовали его противнику и были невыгодны для него самого. Чтобы аттаковать непріятеля, его войска, привыкшія сражаться только на лошадяхъ, должны были спѣшиться и проходить по узкой тропинкѣ, гдѣ ихъ, совершенно беззащитныхъ, осыпали градомъ стрѣлъ искусные англійскіе стрѣлки. Если войско французовъ дѣйствительно состояло, какъ говоритъ Фруассаръ, изъ пятидесяти, или шестидесяти тысячъ человѣкъ, а по другимъ даннымъ изъ сорока тысячъ, то со стороны Іоанна было вдвойнѣ безразсудно вести эту плохо организованную массу въ такое мѣсто, гдѣ именно ея многочисленность грозила ей неминуемой бѣдою. Войско принца уэльскаго состояло всего изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ; но имъ начальствовалъ храбрѣйшій рыцарь и искуснѣйшій полководецъ того времени, и въ этомъ войскѣ большинство составляли храбрые, гасконскіе бароны и цвѣтъ англійскаго рыцарства, добровольно явившагося состязаться въ мужествѣ съ первыми. Сверхъ того, въ англійскомъ войскѣ была введена образцовая дисциплина, потому что всѣ безусловно довѣряли принцу и величайшему герою послѣ него, его товарищу Джону Чандосу. Во французскомъ же войскѣ каждый распоряжался

аттакою по своему, ни одинъ принцъ, ни одинъ феодалъ не хотѣлъ подчиняться королю, котораго всѣ презирали. Всѣ эти обстоятельства, въ соединеніи съ искусствомъ и отличнымъ расположеніемъ англійскихъ стрѣлковъ и опрометчивою пылкостью французовъ, доставили небольшему отряду англичанъ полную побѣду. Число убитыхъ было хотя и не велико, потому что англичане остерегались далеко преслѣдовать бѣгущихъ, а Дофинъ съ большею частью войска рано покинулъ поле битвы; но въ этомъ сраженіи палъ или былъ взятъ въ плѣнъ цвѣтъ французскаго рыцарства, и Франція понесла черезъ это весьма ощутительную потерю. Шесть тысячъ французовъ были взяты въ плѣнъ, или перебиты; большинство изъ нихъ принадлежало къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства, такъ что, послѣ этой битвы, въ сѣверной Франціи не было ни одной семьи, которая не имѣла бы кого нибудь изъ своихъ членовъ въ числѣ убитыхъ или плѣнныхъ. Между послѣдними находился самъ король Іоаннъ, его младшій сынъ Филиппъ, получившій впослѣдствіи прозваніе Смѣлаго, архіепископъ санскій, восемнадцать графовъ и виконтовъ, двадцать баннеретовъ и восемьсотъ рыцарей. При Мопертюи были также и пушки, но незамѣтно, чтобы онѣ имѣли большое вліяніе на исходъ битвы.

И французскіе и англійскіе лѣтописцы хоромъ восхваляютъ рыцарски вѣжливое обращеніе Чорнаго Принца съ плѣннымъ королемъ. Они разсказываютъ, что когда вечеромъ, послѣ битвы, Іоаннъ сѣлъ за ужинъ, то принцъ не садился за столъ, а стоялъ позади стула короля и отказался сѣсть, даже по его приглашенію. Одинъ французъ разсказываетъ, что Чорный Принцъ до того простеръ свое великодушіе, что готовъ былъ освободить Іоанна, узнавъ о возникшихъ во Франціи безпорядкахъ, и уже заключилъ съ нимъ по этому предмету договоръ, который былъ однако уничтоженъ англійскимъ королемъ, желавшимъ видѣть плѣннаго Іоанна въ Англіи. Но побѣдитель могъ везти своего плѣнника въ Англію только по совершеніи формальной купчей съ тѣми, кто взялъ его въ плѣнъ. Относительно плѣнныхъ французовъ, тотчасъ послѣ

битвы завязался жаркій споръ, потому что гасконцы непремѣнно желали удержать за собою тѣхъ, кого они захватили; это и было однимъ изъ поводовъ, заставившихъ принца, какъ можно поспѣшнѣе удалиться отъ Луары въ Бордо. Въ мартѣ слѣдующаго года было заключено перемиріе на два года; англичане охотно согласились на него, такъ какъ плѣнъ Іоанна и его феодаловъ давалъ имъ возможность предписать самыя выгодныя для себя условія. Они не могли бы упрочить за собою своихъ завоеваній на материкѣ, тѣмъ болѣе, что шотландцы дѣлали имъ много хлопотъ и дома, тогда какъ во время перемирія они могли извлечь всевозможныя выгоды, держа въ плѣну короля Іоанна и его вельможъ. По заключеніи договора, Чорный Принцъ отправился съ плѣнникомъ въ Англію, и даже пріѣхавъ въ Лондонъ не измѣнилъ своего вѣжливаго обращенія съ нимъ; отецъ его также оказалъ всевозможное вниманіе плѣнному королю.

На время плѣна короля правителемъ Франціи сдѣлался девятнадцатилѣтній дофинъ Карлъ, котораго Іоаннъ назначилъ своимъ намѣстникомъ или lieutenant général du royaume. Спустя мѣсяцъ послѣ битвы при Мопертюи, или при Пуатье, Карлъ созвалъ государственные чины: это было уже въ третій разъ въ теченіе года. На этотъ разъ Карлъ встрѣтилъ въ нихъ твердую рѣшимость, пользуясь трудными обстоятельствами, силою установить то, что отецъ его трижды обѣщалъ и не исполнялъ. Государственные чины настаивали не только на устраненіи предметовъ своихъ жалобъ и на допущеніи ихъ къ участію въ управленіи, но и на удаленіи всѣхъ министровъ и чиновниковъ плѣннаго короля. Поэтому Карлъ вскорѣ распустилъ ихъ и рѣшился выйти изъ затрудненій посредствомъ пониженія внутренней цѣнности монеты и другихъ подобныхъ мѣръ; однако, не далѣе какъ въ февралѣ 1357 г., онъ долженъ былъ снова созвать чины и безусловно согласиться на всѣ ихъ требованія, потому что парижскій муниципалитетъ вмѣстѣ съ магистратами другихъ городовъ, энергически и рѣшительно возстали противъ регента; къ тому же у собранія явилось трое пред-

водителей, неуклонно ведшихъ ихъ впередъ по однажды избранному ими пути. Это были первое должностное лицо парижскаго магистрата парижскій купеческій голова (prevôt des marchands), Этьенъ Марсель, въ третьемъ сословіи, епископъ ланскій Лёкокъ во второмъ, и намѣстникъ Артуа, Жанъ де Пекиньи, въ первомъ. Собравшись, въ февралѣ, въ Парижѣ, государственные чины начали съ того, что отрѣшили отъ должности двадцати двухъ королевскихъ министровъ и совѣтниковъ, вынудили цѣлый рядъ постановленій для улучшенія администраціи и заставили принять въ составъ государственнаго совѣта тридцать шесть членовъ, избранныхъ изъ среды собранія. Но и эти мѣры не привели къ желанной цѣли. Никто не довѣрялъ новымъ учрежденіямъ; новые члены совѣта имѣли очень мало вліянія на правительство; отставленные министры остались въ сношеніяхъ съ регентомъ и продолжали втайнѣ дѣйствовать по прежнему; наконецъ, судьи всего государства были обижены справедливыми жалобами государственныхъ чиновъ на дурное состояніе судопроизводства. Кромѣ того, безтолковыя, республиканскія стремленія сословій и преобладающее вліяніе средняго сословія возбудили повсюду сопротивленіе деспотизму государственныхъ чиновъ и насмѣшки на вернувшихся домой депутатовъ. Духовенство дѣйствовало двусмысленно и назначило въ государственный совѣтъ всего четырехъ членовъ изъ своей среды; дворянство, пользуясь анархіею, безстыдно угнетало крестьянъ и довело ихъ, въ слѣдующемъ же году, до возстанія, извѣстнаго подъ именемъ Jacquerie, отъ выраженія Jacques bonhomme (Жакъ-простякъ), которымъ дворянство презрительно называло сельское сословіе.

По заключеніи перемирія съ Англіею, король Іоаннъ, вѣроятно по настоянію сына, объявилъ недѣйствительными всѣ уступки, сдѣланныя Карломъ собранію сословій. Но дофинъ ошибся въ расчетѣ: вскорѣ онъ долженъ былъ взять назадъ протестъ отца противъ новаго порядка. Отъ этого волненія въ государствѣ еще болѣе усилились безпорядки: новымъ постановленіямъ никто не

повиновался, правительство и комитетъ изъ депутатовъ противодѣйствовали другъ другу, и въ мартѣ уже въ самомъ собраніи обнаружилось несогласіе. Но три человѣка, пріобрѣвшихъ на нихъ вліяніе, продолжали дѣйствовать единодушно. Изъ нихъ въ особенности Марсель и Лёкокъ изображаются у французскихъ писателей монархической партіи самыми черными красками; но не слѣдуетъ, однако, смѣшивать, по обычаю рабскихъ льстецовъ, хорошее дѣло съ личностью его защитниковъ. Если бы въ ту пору французское дворянство, подобно англійскому, энергически поддержало среднее сословіе, то стараніями этихъ трехъ предводителей партій, разумѣется не безупречныхъ въ нравственномъ положеніи, Франція получила бы новое государственное устройство, которое обезпечило бы за націею новыя политическія права; но дѣйствуя единственно отъ своего лица, эти три человѣка были не болѣе какъ простыми революціонерами. Вообще, только люди, понимающіе дурныя страсти и умѣющіе направлять ихъ, могутъ безъ насильственныхъ мѣръ вести толпу къ добру или ко злу. Таковы-то именно были Марсель и Лёкокъ. Подобно Робеспьеру, Камбасересу, Рёбелю, Бруму и Линдгёрсту, они были искусными адвокатами, — и потому были честолюбивы, великодушны, тщеславны и хитры, однимъ словомъ созданы быть предводителями партій. Изъ адвокатовъ, Марсель достигъ высшихъ, гражданскихъ должностей въ Парижскомъ муниципалитетѣ, а Лёкокъ, носившій по своей ланской эпархіи титулъ герцога, также занималъ, до вступленія въ духовное званіе, гражданскія должности и прошелъ до конца карьеру адвоката.

По распущеніи штатовъ, парижская буржуазія очутилась въ странномъ положеніи. Распри рыцарства, угнетенія, совершаемыя имъ противъ поселянъ и духовенства, набѣги наемныхъ отрядовъ, нападенія враговъ короля, бывшихъ въ союзѣ съ Англіею, — все это уничтожило въ странѣ всякую безопасность. Всѣ стремились въ Парижъ искать защиты. Горожане, хотя и имѣвшіе свое собственное управленіе, опасались однако не только внѣшнихъ враговъ и хищнаго дворянства, но и самого дофина съ его прибли-

женными, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они благопріятствуютъ анархіи для того, чтобы возбудить въ народѣ ненависть къ парижанамъ и государственнымъ чинамъ. По этому магистратъ началъ укрѣплять городъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и тогда впервые жители Парижа построили баррикады, впослѣдствіи являвшіяся на сцену при всѣхъ внутреннихъ безпорядкахъ. Это случилось въ то время, когда дофинъ, находясь во власти горожанъ, былъ вынужденъ ими снова созвать государственные чины (ноябрь 1357 г.). Однако всѣ надежды на нихъ рушились, потому что трое предводителей, вздумавъ подкрѣпить себя приверженцами Карла Наваррскаго, силою освободили его изъ заключенія. Съ той поры, истинные патріоты стали смотрѣть на этихъ трехъ человѣкъ, желавшихъ улучшенія въ правительствѣ, какъ на предводителей вредной партіи. По этому, большинство собранія отказалось допустить Карла Наваррскаго въ Парижъ, для оправданія, и когда онъ, вопреки этому, явился и сталъ передъ толпой народа, большинство депутатовъ уѣхало изъ Парижа. Съ этого времени всѣ событія принимаютъ революціонный характеръ. Самъ дофинъ долженъ былъ выслушать оправданія Карла Злаго. Какъ онъ, такъ и Марсель ввели обычай обращаться съ рѣчью къ народу, и дофину пришлось послѣдовать ихъ примѣру. По настоянію Карла Злаго тюрьмы были открыты, и выпущенные изъ нихъ преступники смѣшались съ народомъ. Наконецъ дофинъ былъ вынужденъ демократическою партіею возвратить наваррскому королю отнятыя у него владѣнія, но намѣстники короля, не признававшіе за дофиномъ власти дѣйствовать по собственному произволу, отказали ему въ повиновеніи, и Карлъ Злой уѣхалъ изъ Парижа, въ намѣреніи овладѣть своими зáмками силою оружія. Въ его отсутствіе, анархія достигла въ Парижѣ высшей степени; депутаты сословій, созванные на Рождество, явились въ самомъ ограниченномъ числѣ, а представители дворянства вовсе не пріѣхали. Парижане раздѣлились на три партіи: дворъ и небольшая часть буржуазіи безусловно стояли за дофина; огромное

большинство горожанъ подчинялось градскому главѣ Марселю, а третья партія признавала своимъ предводителемъ наваррскаго короля. Приверженцы Марселя, чтобы узнавать своихъ въ толпѣ, стали носить двуцхвѣтныя шапки. Всѣ три партіи открыто враждовали между собою и совершали множество убійствъ. Наконецъ, въ февралѣ 1358 г., Марсель собралъ вокругъ себя дикую чернь и велѣлъ ей умертвить въ глазахъ дофина двухъ главныхъ его совѣтниковъ, маршаловъ Шампаньи и Нормандіи. При этомъ злодѣйствѣ, яростная толпа заставила принца отдать ей свой беретъ и надѣть на голову шапку національныхъ цвѣтовъ.

Вскорѣ однако дофинъ придалъ дѣлу другой оборотъ. Отъ природы слабый и малодушный, онъ въ эти послѣдніе годы усовершенствовался, не въ мужествѣ и военномъ искусствѣ, а въ дипломатической увертливости, которая состоитъ въ искусствѣ подставлять ногу сильному врагу. За это качество его и прозвали мудрымъ. Достигнувъ двадцати одного года, онъ замѣнилъ титулъ намѣстника титуломъ регента, а потомъ, удалясь подъ какимъ-то предлогомъ изъ Парижа, нѣсколько разъ собиралъ провинціальные сеймы и затѣмъ уже созвалъ въ Компьенѣ государственные чины. Дворянство и высшее духовенство, преимущественно отозвавшееся на этотъ призывъ, назначило ему субсидіи, которыя было дозволено взимать ему самому; Лекокъ былъ исключенъ, по требованію собранія, изъ государственнаго совѣта и регентъ, ободренный его содѣйствіемъ, объявилъ, что не вернется въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ наказаны главные виновники смутъ. Это было объявленіемъ войны; но парижане не испугались и стали немедленно готовиться къ отпору. У дофина не было войска, а только что вспыхнувшая Jacquerie препятствовала дворянству оказать ему энергическую поддержку. Впрочемъ, не смотря на свое вѣрноподданничество, компьенскіе чины не взяли назадъ ни одного изъ постановленій 1355 и 1356 гг.; все, что было выговорено тогда относительно чекана монеты и взиманія налоговъ, было подтверждено и тогда въ протоколахъ постановленій, при-

нятыхъ государственными чинами. Но королевскіе юристы искусно помѣстили въ этотъ протоколъ два условія, которыя совершенно уничтожили значеніе всего остальнаго, такъ что, когда, въ слѣдующемъ году, буржуазія и поселяне были снова усмирены, то принцъ могъ возстановить на ихъ прежнихъ мѣстахъ отставленныхъ совѣтниковъ, которые, втайнѣ, никогда не переставали помогать ему своими совѣтами.

Война, извѣстная подъ именемъ Jacquerie, началась въ 1358 г. съ Иль де Франса и оттуда распространилась на нѣкоторыя другія провинціи сѣверо-восточной Франціи. Она была вызвана страшными злоупотребленіями и насиліями, которыя позволяло себѣ гордое дворянство, занимавшееся только военными упражненіями, войнами и пирами. Доведенные до отчаянія крестьяне собрались огромными толпами и, подобно тому, какъ дѣлали это спустя два вѣка швабскіе поселяне, стали вымѣщать свои долго переносимыя молча страданія безчеловѣчными жестокостями надъ виновными и невинными, за что рыцарство платило имъ точно такими же жестокостями. Крестьяне обратили въ груды пепла болѣе сотни зàмковъ и, ловя бѣжавшихъ со своими семьями рыцарей, предавали и мужчинъ и женщинъ самой мучительной смерти. Такой грозный врагъ заставилъ всѣ партіи забыть на время свою вражду; приверженцы дофина соединились съ приверженцами наваррскаго дома, и въ этихъ общихъ усиліяхъ снова наложить ярмо на возставшихъ поселянъ къ нимъ примкнуло даже дворянство Лангедока, такъ что мѣсяца черезъ полтора возстаніе было совершенно подавлено. Въ числѣ бароновъ юга, принявшихъ участіе въ этой войнѣ, находились графъ де Фуа и графъ или капталь де Букъ, только что вернувшіеся изъ Пруссіи, гдѣ они помогали германскому рыцарству сражаться съ язычниками. Эти двое рыцарей явились, съ своею свитою, въ Мо въ то самое время, когда жена регента и множество знатныхъ женщинъ были осаждены крестьянами въ одномъ укрѣпленномъ домѣ. Они напали на плохо воору-

женную чернь и безъ труда разогнали ее, положивъ на мѣстѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Главныя мѣры дофина противъ парижанъ состояли въ томъ, что онъ отрѣзалъ подвозъ къ нимъ продовольствія и сталъ стѣснять ихъ торговлю и промышленность. Большинство народа, всегда скоро низвергающаго своихъ идоловъ, было отвлечено отъ Марселя сторонниками противной партіи, а Марсель, предложивъ парижанамъ назначить главнокомандующимъ Карла Наваррскаго, этимъ предложеніемъ возбудилъ въ нихъ величайшее недовѣріе къ себѣ, потому что враги его старались увѣрить народъ, что Карлъ, какъ членъ аристократіи, естественный врагъ средняго сословія. Марселя обвинили даже, что онъ, вмѣстѣ съ наваррскимъ королемъ, союзникомъ англичанъ, замышляетъ тайно ввести въ Парижъ и этихъ враговъ націи. Это дало поводъ одному изъ вѣрнѣйшихъ дотолѣ помощниковъ городскаго главы, Жану Мальяру, раздробить ему голову въ ночь на 1-е августа 1358 г. Враги Марселя распустили слухъ, что въ ту минуту, какъ его умертвили, онъ держалъ въ рукахъ ключъ отъ городскихъ воротъ, намѣреваясь впустить англичанъ, а королевскіе приверженцы превозносили Мальяра, какъ спасителя отечества, за это убійство и за казни, которыя онъ совершилъ потомъ надъ многими изъ приверженцевъ Марселя. Но убійство, совершенное для достиженія законной цѣли, точно такъ же преступно, какъ и революціонное, и Мальяръ со своею партіею сдѣлались единственными виновниками того, что Франція ничего не выиграла отъ трехлѣтней, кровавой революціи и утратила всѣ льготы, выговоренныя было государственными чинами. Черезъ три дня послѣ убійства Марселя, регентъ вернулся въ Парижъ, и народъ со свойственнымъ ему непостоянствомъ сдѣлалъ принцу восторженную встрѣчу. Карлъ вскорѣ привлекъ къ себѣ всѣхъ видимымъ великодушіемъ, кротостью и громкими рѣчами противъ Карла Наваррскаго и враговъ націи, англичанъ, а потомъ, воспользовавшись съ дипломатическою ловкостью благопріятными обстоятельствами, возстановилъ деспотическое правительство.

Парижане рабски подчинились регенту, а граждане мелкихъ городовъ и поселяне снова должны были ощущать на себѣ ярмо и кулакъ дворянства, или погибать какъ дикіе звѣри, преслѣдуемые охотниками; наконецъ, наваррскій король, заключивъ въ августѣ формальный договоръ съ англичанами, началъ, при содѣйствіи этого непримиримаго врага Франціи, открытую войну со своими соотечественниками. Тогда дофинъ могъ уже сбросить личину либерализма. Онъ провозгласилъ всѣ собранія государственныхъ чиновъ, начиная съ 1355 г., сборищами измѣнниковъ и демагоговъ, домогавшимися низверженія монархіи, и съумѣлъ даже заставить сословія сѣверной Франціи согласиться на отмѣненіе всѣхъ сдѣланныхъ имъ уступокъ. За то лангедокскія сословія ревниво охраняли свои права и даже добились расширенія ихъ. Тотчасъ по вступленіи въ Парижъ регентъ велѣлъ казнить предводителей противной партіи, но главные товарищи Марселя, Лёкокъ и де Пекиньи, спаслись бѣгствомъ къ наваррскому королю, а впослѣдствіи, какъ мы вскорѣ увидимъ, имъ, какъ членамъ аристократіи, удалось легко выйти изъ бѣды.

Черезъ годъ по уничтоженіи партіи Марселя, регентъ помирился съ Карломъ Злымъ: онъ долженъ былъ сдѣлать это во чтобы то ни стало, потому что Эдуардъ III грозилъ нарушить перемиріе. Съ своей стороны и Карлъ Злой имѣлъ основательныя причины желать мира, потому что Эдуардъ, не совсѣмъ довѣряя ему, очень слабо его поддерживалъ, а наемные солдаты, наводнявшіе въ то время Францію и извѣстные подъ именемъ дружинъ (compagnies), хотя и помогали ему, но были для него обременительнѣе самихъ враговъ, истощая его финансы. Все это привело къ заключенію мирнаго договора между дофиномъ и наваррскимъ королемъ (августъ 1359 г.). Незадолго до того дофинъ со свойственною ему хитростью уклонился отъ исполненія мирнаго договора, заключеннаго королемъ Іоанномъ, который за свое освобожденіе уступалъ Англіи почти половину Франціи. Чтобы не показаться жестокимъ относительно отца, не утверждая этого договора, и чтобы, въ то

же время, добыть денегъ на продолженіе войны, дофинъ снова сдѣлался либеральнымъ. Онъ заставилъ собраніе сословій отвергнуть этотъ договоръ, какъ пагубный и позорный для Франціи, и задумалъ воспользоваться для своей цѣли парижанами, какъ нѣкогда Людовикъ Баварскій употребилъ для того же франкфуртцевъ (т. VIII. стр. 164). Онъ собралъ горожанъ во дворѣ своего дворца и прочелъ ей договоръ съ Англіею, заранѣе позаботившись, чтобы условія его были встрѣчены толпою съ шумными выраженіями неудовольствія. Эти искусныя мѣры имѣли тотъ результатъ, что и государственные чины и народъ сдѣлали новыя усилія для продолженія войны.

Осенью Эдуардъ III переправился въ Кале для возобновленія военныхъ дѣйствій. Къ нему немедленно стеклось со всѣхъ сторонъ такое множество искателей приключеній, жаждавшихъ славы и добычи, что онъ самъ былъ встревоженъ ихъ многочисленностью и объявилъ, что не въ состояніи платить имъ жалованья, но не препятствуетъ имъ содержать себя на счетъ французовъ грабежомъ, рѣзней и пожарами. Уничтожая все на пути, Эдуардъ двинулся чрезъ Пикардію и Шампань и въ январѣ 1366 г. ворвался въ Бургундію. Опекуны молодаго герцога бургундскаго удалили англичанъ не оружіемъ, а договоромъ, по которому обязались уплатить Эдуарду двѣсти тысячъ золотыхъ экю въ продолженіе двухъ лѣтъ и не поддерживать Франціи ни деньгами, ни войсками. Изъ Бургундіи, Эдуардъ направился на Парижъ, потому что возвращаться тою же дорогою, которою онъ проникъ въ Бургундію, значило бы подвергать свои войска голодной смерти. Онъ цѣлый мѣсяцъ осаждалъ Парижъ, производя страшныя опустошенія и насмѣшливо вызывая принца на поединокъ въ открытомъ полѣ. Но хитрый и трусливый дофинъ не принималъ вызова и прятался за стѣнами Парижа, гдѣ онъ былъ безопасенъ отъ Эдуарда. Наконецъ, уступая увѣщаніямъ папскихъ легатовъ, поддерживаемыхъ герцогомъ ланкастерскимъ, Эдуардъ согласился на миръ. Герцогъ ланкастерскій, только что передъ тѣмъ выдавшій един-

ственную дочь свою за Іоанна, сына Эдуарда III, и присоединившій такимъ образомъ свое герцогство ко владѣніямъ королевскаго дома, очень основательно представилъ королю, что отъ неслыханныхъ опустошеній, которымъ онъ подвергалъ Францію, выигрывали только его рыцари и чужеземные авантюристы, самъ же онъ терялъ, не смотря на всѣ свои побѣды. Дѣйствительно, въ то время какъ англійское рыцарство богатѣло отъ добычи и жалованья, король, не взирая на контрибуціи и выкупы плѣнныхъ, постоянно нуждался въ деньгахъ; это происходило собственно отъ того, что онъ долженъ былъ не только платить жалованье своимъ рыцарямъ, какъ скоро кончался краткій срокъ ихъ ленной службы, но и доставлять имъ содержаніе и фуражъ, потому что разоренная страна не представляла никакихъ средствъ къ прокормленію такого множества людей и лошадей. Въ первый походъ, по обстоятельному описанію Фруассара, за нимъ слѣдовало не менѣе шести тысячъ подводъ со съѣстными припасами, ручными мельницами, пекарнями и прочею утварью.

8 мая 1360 г., въ мѣстечкѣ Бретиньи, близь Шартра, было заключено перемиріе, а вслѣдъ затѣмъ и самый миръ. Эдуардъ отказался отъ притязаній на французскую корону и получилъ за то. кромѣ Гіенни и Гаскони, которыми владѣлъ уже прежде, въ качествѣ вассала Франціи, Пуату, Сентонжъ, Аженуа, Перигоръ, Лимузенъ, Ангумуа, Руэргъ, Кале и другія провинціи со всѣми правами верховнаго владѣтеля. Іоаннъ Добрый былъ освобожденъ изъ плѣна, но только за громадный для того времени выкупъ въ три милліона экю, а до уплаты его представить вмѣсто себя заложниковъ. Сверхъ того онъ обѣщалъ не вмѣшиваться ни подъ какимъ предлогомъ въ шотландскія дѣла и дозволить фламандцамъ оставаться въ союзѣ съ Англіею. Бретань была оставлена пока молодому графу де Монфору, отецъ котораго, незадолго умершій, спорилъ за обладаніе этимъ герцогствомъ съ Карломъ де Блуа; но послѣднему разрѣшалось продолжать войну пока короли французскій и англійскій не рѣшатъ по общему соглашенію за кѣмъ

должна остаться Бретань. Владѣнія Готтфрида де Гаркура, убитаго въ 1357 г., были предоставлены англійскому королю, который подарилъ ихъ Джону Чандосу. Такимъ же образомъ и всѣмъ друзьямъ Эдуарда, измѣнившимъ французскому королю, были возвращены конфискованныя у нихъ имѣнія. Іоаннъ долженъ былъ примириться и съ Карломъ Злымъ, включивъ въ число помилованныхъ друзей Эдуарда триста приставшихъ къ нему измѣнниковъ. Между ними находился и Лёкокъ, удалившійся впрочемъ въ Испанію, гдѣ онъ получилъ калагоррскую эпархію, и Жанъ де Пекиньи, снова занявшій мѣсто въ первыхъ рядахъ французской аристократіи. Таковы были важнѣйшія условія мира въ Бретиньи, подписаннаго и утвержденнаго въ Кале, за исключеніемъ впрочемъ двѣнадцатаго пункта, касавшагося размѣна обоюдныхъ отреченій. Это дало впослѣдствіи поводъ дофину возвратить въ составъ Франціи уступленныя провинціи, а позднѣйшимъ французскимъ историкамъ доказывать, что отреченіе короля Іоанна отъ ленной власти надъ перешедшими къ Англіи ленами никогда не было дѣйствительнымъ, потому что отреченіе Эдуарда отъ притязаній на французскую корону было выражено не въ предписанной мирными условіями формѣ. Уплата выкупа за короля была новымъ бременемъ для Франціи, и безъ того уже истощенной; къ какимъ мѣрамъ ни прибѣгало правительство для того, чтобы достать эти деньги, такой страшной суммы нельзя было уплатить во все царствованіе Іоанна. Заложникъ за короля, второй сынъ его, Людовикъ Анжуйскій, потерявъ наконецъ терпѣніе, убѣжалъ изъ плѣна. Іоаннъ долженъ былъ вернуться на его мѣсто. Онъ возвратился, въ январѣ 1364 г., въ Лондонъ, и спустя три мѣсяца заболѣлъ тамъ и умеръ (апрѣль 1364 г.).

Побѣды Эдуарда III въ Шотландіи и Франціи и миръ въ Бретиньи поставили Англію на степень первой европейской державы; но уже при Эдуардѣ, а въ особенности по его смерти, Англія доказала своимъ примѣромъ, какъ непрочно бываетъ рыцарское и военное преобладаніе и какъ дорого обходится всякому

народу чрезмѣрная слава, богатство и блескъ его высшаго и средняго сословій. Эдуардъ могъ удерживать за собой завоеванія только наемными авантюристами, или своими рыцарями, не обязанными нести во время мира никакой службы, а во время войны являвшимися на службу только на самый короткій срокъ; въ тѣ времена, незнакомыя съ нашею финансовою системою, и то и другое истощало совершенно всѣ источники доходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно бросить бѣглый взглядъ на тогдашнее состояніе Гіенни, Шотландіи и Ирландіи. Въ Гіенни и Гаскони, Чорный Принцъ, которому отецъ его ввѣрилъ управленіе французскими провинціями, долженъ былъ привлекать къ себѣ рыцарство пышностью своего двора. Это поставило его въ страшныя финансовыя затрудненія и вынудило прибѣгнуть къ такимъ притѣсненіямъ, что подданные, доведенные до отчаянія, обратились наконецъ къ своему прежнему сюзерену французскому королю. Въ Шотландіи, не смотря на побѣды англичанъ, старинная ненависть къ насильственно навязаннымъ государямъ не ослабѣвала, и пограничныя, англійскія провинціи постоянно были театромъ вторженій шотландцевъ. Эдуардъ счелъ за лучшее купить у несчастнаго короля Эдуарда Балліоля за жалкую ежегодную пенсію его права на шотландскій престолъ (1355 г.). Вскорѣ онъ убѣдился, что для него было выгоднѣе возвратить свободу и власть плѣнному королю Давиду, не перестававшему домогаться ихъ, и извлечь изъ этого какъ можно болѣе выгодъ для своей казны, чѣмъ содержать постоянное войско на границахъ Шотландіи. По этому, въ 1357 г. онъ заключилъ съ шотландцами договоръ, обязавъ ихъ уплатить ему, за освобожденіе короля, весьма значительную сумму. Такимъ образомъ король получилъ свободу, а бѣдная, разоренная Шотландія, преданная на жертву полной анархіи, должна была въ продолженіе многихъ годовъ испытывать страшныя бѣдствія для того, чтобы заплатить за него выкупъ. Еще несчастнѣе была Ирландія. Она должна была терпѣть, подъ владычествомъ англичанъ, иго, несравненно болѣе тяжкое, чѣмъ всѣ

бѣдствія войны. Туземцы и англійскіе поселенцы находились въ постоянной враждѣ между собою, такъ что никто изъ англичанъ не смѣлъ показаться въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были исключительно населены ирландцами. Англійскія должностныя лица видѣли въ своемъ назначеніи только средство къ наживѣ. Эдуардъ издалъ даже, въ 1359 г., постановленіе, которымъ ирландцы были исключены отъ занятій всѣхъ должностей, не исключая и самыхъ низшихъ; такимъ образомъ съ ними, на ихъ родинѣ, обращались точно такъ же, какъ поступаютъ нынѣ съ неграми въ свободной сѣверной Америкѣ. Обыкновенное вліяніе подобныхъ мѣръ на неиспорченныя поколѣнія не преминуло обнаружиться и въ этомъ случаѣ. Ирландцы возмутились и Эдуардъ долженъ былъ употребить деньги, полученныя за выкупъ двухъ королей, на войну съ своими собственными подданными.

Бретань, участь которой осталась не рѣшенною по мирному договору въ Бретиньи, также испытывала много бѣдствій отъ войны между претендентами. Часть страны, которою владѣлъ Карлъ де Блуа, была въ конецъ разорена огромнымъ выкупомъ, который онъ долженъ былъ уплатить за себя англичанамъ (1355 г.). Эта сумма была собрана только черезъ десять лѣтъ. Война между претендентами продолжалась до самой смерти Карла (1364 г.), когда французскій король согласился признать бретанскимъ герцогомъ молодаго Монфора, женатаго на дочери Эдуарда III.

4. Германія при Карлѣ IV до изданія государственнаго уложенія въ 1356 г.

По смерти Людовика Баварскаго, противникъ его, Карлъ IV, немедленно отправился изъ Богеміи въ Германію, съ намѣреніемъ пріобрѣсть себѣ тамъ друзей на счетъ государства; но на Рейнѣ онъ убѣдился въ нерасположеніи къ нему общественнаго мнѣнія.

Въ немъ видѣли креатуру папы и питомца духовныхъ французовъ. Онъ разсыпалъ на пути манифесты и граматы, награждая своихъ приверженцевъ государственными имѣніями, привилегіями и правами верховной власти; но не смотря на это, его вездѣ принимали дурно. Жители Майнца впустили его въ городъ только подъ условіемъ не читать папскихъ буллъ и не привозить съ собою Герлаха, сдѣланнаго папою нассаускимъ архіепископомъ на мѣсто Генриха фонъ Фирнебурга (т. VIII. стр. 174). Ѣхать далѣе Карлъ не рѣшился и вернулся въ Богемію. На обратномъ пути, ему снова пришлось испытать какъ мало расположены были города къ нему самому, его спутникамъ — друзьямъ папы и каноническому праву, которымъ они думали замѣнить здравый смыслъ гражданъ и библейскую религію. Въ началѣ, первыми приближенными Карла были названный выше Герлахъ и герцогъ Рудольфъ Саксенъ-Виттенбергскій, не пользовавшійся особеннымъ значеніемъ въ имперіи. Двое другихъ курфирстовъ его партіи, двоюродный дѣдъ его Бальдуинъ Трирскій, уже удалившійся, за старостью, отъ дѣлъ, и архіепископъ кёльнскій, также были для него весьма слабою опорою. Партія прежняго императора безспорно была тогда, если немногочисленнѣйшею, то могущественнѣйшею. Самыми вліятельными членами ея были Генрихъ фонъ Фирнебургъ, Рудольфъ II, или Слѣпой, Пфальцскій, Людовикъ Бранденбургскій и Эрихъ Саксен-Лауэнбургскій, оспаривавшій у Рудольфа курфиршество саксонское. Собравшись въ Оппенгеймъ, въ ноябрѣ 1347 г., эти князья условились предложить германскую корону Эдуарду III и на вторичномъ собраніи въ Оберланштейнѣ, въ январѣ слѣдующаго года, формально избрали его въ императоры. Эдуардъ былъ очень расположенъ принять это предложеніе, но его отклонили отъ этого приближенные и самъ Карлъ IV, разумѣется, окольнымъ путемъ. Соединяя въ себѣ врожденное лукавство славянъ, которыми онъ повелѣвалъ, и дипломатическое искусство французовъ, среди которыхъ онъ взросъ, съ эгоистическими и политическими уловками итальянцевъ, которые его образовали, Карлъ IV отклонилъ дипломатическимъ

путемъ опасное соперничество предпріимчиваго Эдуарда, пославъ къ нему его близкаго родственника, Вильгельма VIII Юлихскаго, съ обѣщаніемъ поддерживать какъ его, такъ и Вильгельма въ спорахъ о престолонаслѣдіи въ Голландіи (т. VIII стр. 172), съ устраненіемъ правъ имперіи и наслѣдниковъ Людовика Баварскаго. Вильгельмъ обратился преимущественно къ женѣ Эдуарда, Филиппѣ Геннегауской, знавшей лучше своего мужа ничтожное значеніе германскаго императора.

Когда Эдуардъ Англійскій отказался отъ германской короны, ее предложили Фридриху, маркграфу Тюрингіи и Мейссена, женатому на дочери Людовика Баварскаго и происходившему по своему отцу, Фридриху Укушенной Щекѣ, отъ Гогенштауфена Фридриха II (т. VII. стр. 397). Маркграфъ тюрингскій былъ также не прочь принять предложеніе, но и его, какъ Эдуарда, отклонили родственники, черезъ которыхъ косвенно дѣйствовалъ Карлъ IV. Онъ откупился отъ кандидатуры Фридриха десятью тысячами марокъ, которые, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, были для Фридриха гораздо необходимѣе императорскаго титула; потомъ Карлъ новымъ денежнымъ подаркомъ купилъ даже союзъ Фридриха, при чемъ однако Фридрихъ для вида выговорилъ для себя право не являться на войну противъ баварскихъ герцоговъ. Карлъ съумѣлъ привлечь на свою сторону и герцога австрійскаго, Альбрехта II. Этотъ справедливѣйшій и умнѣйшій государь своего времени долго соблюдалъ благоразумный нейтралитетъ. Карлъ началъ съ того, что принялъ относительно его угрожающее положеніе, сталъ возбуждать противъ него вассаловъ и предъявилъ на него нѣкоторыя притязанія; но все это дѣлалось единственно для того, чтобы скорѣе привлечь его къ себѣ своими предложеніями. Потомъ онъ вдругъ сталъ выказывать ему расположеніе, помолвилъ дочь за его сына Рудольфа IV и надавалъ ему привилегій и имперскихъ городовъ. Связанный такимъ образомъ съ интересами Карла, герцогъ сталъ хлопотать о примиреніи его съ баварскими герцогами и устроилъ, въ Пассау, свиданіе императора съ

Людовикомъ Бранденбургскимъ, который хотя и управлялъ герцогствомъ сообща съ братомъ, но въ дѣйствительности распоряжался одинъ его именемъ. Въ началѣ обѣ стороны, казалось, намѣревались предоставить споръ рѣшенію Альбрехта, но въ Пассау Людовикъ узналъ объ обѣщаніяхъ, сдѣланныхъ Карломъ англійскому королю и графу юлихскому относительно Голландіи, и это еще сильнѣе раздражило его противъ Карла. Противники разстались такими врагами, что баварскіе подданные позволили себѣ закидать грязью императорскаго орла на домѣ, гдѣ помѣщался Карлъ. Вмѣсто того, чтобы въ качествѣ императора, устанавливать повсюду миръ и порядокъ, Карлъ отмстилъ противнику тѣмъ, что поддерживалъ своимъ авторитетомъ волненія, возникшія въ Бранденбургѣ. Ничто не даетъ намъ лучшаго понятія о безсовѣстности этого человѣка, какъ способъ, какимъ онъ поддерживалъ и даже нѣкоторымъ образомъ возбуждалъ междоусобія въ этой странѣ.

Въ Бранденбургѣ, какъ и повсюду, хищное рыцарство, для поддержанія ремесла, которымъ оно занималось, какъ нынѣшніе курды и туркменцы, составило между собою союзъ, цѣль котораго выражается уже въ самомъ его названіи. Этотъ союзъ бранденбургскихъ разбойниковъ принялъ названіе „Союза Синицъ" (Bund der Stellmeisen) (т. VIII. стр. 144), а швабское рыцарство, соединившееся въ 1367 г. въ такой же союзъ, назвалось „Корольками", по дню своего учрежденія, и Рыцарями Булавы, по знакамъ своего ордена. Никакой императоръ, никакой судъ не смѣли приводить въ исполненіе приговоровъ надъ этими рыцарями-разбойниками, а въ сѣверной Германіи дошло даже до того, что Людовикъ Бранденбургскій, герцоги брауншвейгскіе и архіепископъ магдебургскій признали законными грабежи и разбои рыцарей. Въ такихъ обстоятельствахъ, городамъ, не защищаемымъ ни имперіею, ни феодальными владѣтелями, оставалось только обороняться крѣпкими стѣнами, упражненіемъ гражданъ въ военномъ искусствѣ и союзомъ съ другими городами. Въ Вестфаліи, въ ниж-

ней Саксоніи, въ вендскихъ провинціяхъ, на Рейнѣ и въ Швабіи такіе союзы существовали уже цѣлое столѣтіе. Альтмаркскіе города также соединились, въ 1344 г., противъ рыцарей, которыхъ совершенно справедливо назвали въ своемъ союзномъ договорѣ врагами отечества. Въ то самое время какъ составился этотъ союзъ и анархія въ Бранденбургѣ дошла до крайней степени, распространился слухъ, что маркграфъ Вальдемаръ, умершій и торжественно погребенный въ 1319 г., находится еще въ живыхъ и вернулся изъ путешествія къ св. мѣстамъ и что весь обрядъ его погребенія былъ преднамѣреннымъ обманомъ. Толпа, разумѣется, повѣрила этоту слуху, потому именно, что онъ былъ невѣроятенъ, а Оттонъ Бранденбургскій, бывшій повидимому творцомъ этой басни, и король Іоаннъ Чешскій съ сыномъ и друзьями воспользовались ею для низверженія Людовика Бранденбургскаго. Они нашли человѣка, который согласился играть эту роль и получалъ отъ нихъ всѣ нужныя наставленія. Впрочемъ исторія этого Лже-Вальдемара еще нѐ вполнѣ разъяснена и даже можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ какой-то мельникъ по имени Ребокъ; но кто бы онъ ни былъ, несомнѣнно, что во всемъ этомъ дѣлѣ скрывался грубый обманъ. Лже-Вальдемаръ былъ признанъ почти всѣми бранденбургскими городами и сосѣдними князьями, такъ что Людовикъ, возвращаясь изъ Пассау въ Бранденбургъ, былъ схваченъ во Франкфуртѣ на Одерѣ и посаженъ въ темницу друзьями его воскресшаго противника, или вѣрнѣе, своими врагами, которые ненавидѣли баварскаго маркграфа и хотѣли погубить его посредствомъ обмана. Императоръ Карлъ, возбудившій противъ Людовика имперскихъ вассаловъ, поспѣшилъ, при этомъ случаѣ, во Франкфуртъ и въ лагерѣ подъ этимъ городомъ провозгласилъ Лже-Вальдемара законнымъ маркграфомъ. Дѣло Людовика было бы совершенно проиграно, еслибы позднее время года не заставило императора распустить войска, какъ это обыкновенно дѣлалось въ тѣ времена (1348 г.).

Чтобы отмстить Карлу за признаніе Лже-Вальдемара, Людовикъ и его братья провозгласили другаго императора, но этотъ императоръ былъ такимъ же орудіемъ какъ и Вальдемаръ для ихъ противниковъ. Они избрали въ императоры, въ январѣ 1349 г., графа Гюнтера Шварцбургскаго, или вѣрнѣе поручили ему принять на время роль императора. Гюнтеръ былъ первымъ рубакою того времени и считалъ войну своимъ ремесломъ. Современники изображаютъ его намъ предводителемъ и образцомъ рыцарей-авантюристовъ и мелкихъ владѣтелей; принявъ на себя роль подставнаго императора, онъ могъ только прославиться и во всякомъ случаѣ потерять только весьма немногое. Гюнтеръ былъ человѣкъ прямодушный, одаренный громадною физическою силою и опытный въ рыцарскихъ упражненіяхъ; кромѣ того въ войнахъ и политическихъ дѣлахъ императора Людовика и его сына, онъ доказалъ, что соединяетъ дипломатическую ловкость съ прозорливостью и талантами полководца. Выборъ такого человѣка въ противники Карлу былъ очень хорошо расчитанъ, и главная цѣль этого плана была немедленно достигнута. Карлъ не имѣлъ привычки рѣшать дѣла по рыцарски, въ открытомъ полѣ, и всегда предпочиталъ дѣйствовать, не подвергаясь опасности, посредствомъ денегъ и интригъ; онъ и на этотъ разъ уклонился отъ открытой борьбы съ Гюнтеромъ. Рыцари, радуясь случаю противопоставить сильнымъ защитникамъ городовъ, — Людовику Баварскому и Карлу IV, — императора, обѣщавшаго поддерживать блескъ ихъ ремесла, немедленно стали на сторону Гюнтера и начали стекаться къ нему цѣлыми толпами со всѣхъ сторонъ, даже изъ Тюрингіи и Веттерау, гдѣ было особенно много этихъ хищниковъ. Имъ не было дѣла до того, что императору ихъ былъ прегражденъ путь въ Ахенъ и что онъ не былъ ни коронованъ, ни помазанъ. Расположившись съ нимъ передъ Франкфуртомъ, они вступили въ него, когда горожане, видя, что Карлъ не является, отперли ворота города Гюнтеру; изъ Франкфурта этотъ императоръ, получивъ помощь отъ горожанъ, отправился вмѣстѣ со своимъ рыцарствомъ разъѣзжать по

Тюрингіи и Рейну, принимая повсюду хвастливый и высокомѣрный тонъ.

Карлъ, съ своей стороны, поспѣшилъ выступить изъ Богеміи, но избѣгалъ сраженія съ Гюнтеромъ и вывернулся изъ затрудненія, переманивъ на свою сторону Рудольфа Слѣпаго. Для того онъ воспользовался плѣномъ племянника Рудольфа; Карлъ возвратилъ ему свободу и потерявъ черезъ годъ первую жену, обручился съ дочерью Рудольфа. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ себѣ новаго союзника въ пфальцграфѣ. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ имѣлъ свиданіе съ Лудовикомъ Бранденбургскимъ и, чтобы побѣдить Гюнтера безъ войны, обѣщалъ какъ Людовику, такъ и другимъ баварскимъ герцогамъ значительныя выгоды. Собравъ друзей, Карлъ отправился въ Майнцъ, откуда папскій архіепископъ Герлахъ вытѣснилъ своего противника Генриха фонъ Фирнербурга. Гюнтеръ двинулся на встрѣчу, но передъ выступленіемъ изъ Франкфурта опасно занемогъ. Карлъ уклонился отъ сраженія, а болѣзнь вынудила Гюнтера запереться въ Эльфельдѣ, въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Майнца внизъ по Рейну. Внезапная болѣзнь его почти единодушно приписывается яду, который по инымъ былъ данъ ему курфирстами, избравшими его своимъ орудіемъ и желавшими отъ него отдѣлаться, а по другимъ, — Карломъ. Обвинители Карла утверждаютъ, что онъ обѣщалъ врачу Гюнтера, одному франкфуртскому священнику, шпейерскую эпархію, если онъ поднесетъ больному ядъ. Но будто бы Гюнтеръ, подозрѣвая врача, заставилъ его попробовать лекарства. Достовѣрно извѣстно, что этотъ врачъ умеръ прежде его. Но кто бы ни былъ виною болѣзни Гюнтера, ему, покинутому самыми могущественными изъ своихъ друзей и запертому въ Эльфельдѣ, пришлось вступить въ переговоры съ Карломъ. Не смотря на тяжкую болѣзнь противника и его стѣсненное положеніе въ Эльфельдѣ, Карлъ даровалъ ему самыя почетныя и выгодныя условія въ договорѣ, заключенномъ въ маѣ 1349 года, по которому Гюнтеръ отказался отъ императорскаго достоинства. Карлъ обѣщалъ ему двадцать тысячъ марокъ, а до

уплаты ихъ уступилъ ему нѣкоторые поземельные доходы въ Тюрингіи, Веттерау и на Рейнѣ и принялъ на себя уплату долга въ тысячу двѣсти марокъ, который Гюнтеръ сдѣлалъ, будучи императоромъ. Генрихъ фонъ Фирнербургъ былъ принесенъ въ жертву Герлаху, котораго назначили майнцскимъ архіепископомъ. Какъ ему, такъ и баварскимъ герцогамъ было обѣщано прощеніе папы, но императоръ не добился этого. Людовикъ Бранденбургскій также призналъ Карла императоромъ, но вынудилъ у него обѣщаніе воспрепятствовать противникамъ Людовика въ Бранденбургѣ поддерживать Вальдемара. Императоръ долго не хотѣлъ обнародовать этого договора, боясь оскорбить Ангальтъ и Саксенъ-Виттенбергъ, и только позднею осенью отправилъ въ маркграфство манифестъ за своею печатью. Особенно обезчестилъ себя Карлъ манифестомъ, изданнымъ по случаю отреченія Гюнтера, скрывъ отъ народа подъ хвастливою ложью почетныя условія, выговоренныя Гюнтеромъ. Впрочемъ Гюнтеръ умеръ во Франкфуртѣ спустя три недѣли по заключеніи договора.

Вскорѣ послѣ того Карлъ вернулся въ родовое владѣніе Богемію, возбудивъ въ Германіи анархію своими дѣйствіями и манифестами. Такимъ образомъ, жертвуя этою страною своей итальянской политикѣ, онъ оказалъ Богеміи величайшія услуги распространеніемъ просвѣщенія и учрежденіемъ въ этой странѣ благоустроенной, полу-германской, полу-славянской монархіи. Здѣсь онъ шелъ къ цѣли не только энергически, но даже деспотически, тогда какъ въ Германіи выказалъ себя самымъ слабымъ государемъ. Въ Богеміи онъ пекся объ общественной безопасности, которую помогалъ нарушать и уничтожать въ Германіи, призвалъ туда нѣмецкихъ ученыхъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и купцовъ; дарилъ нѣмцамъ лѣса и незаселенныя земли, подъ условіемъ заводить на нихъ колоніи и хлѣбопашество, и вызвалъ изъ Италіи и Авиньона работниковъ, каменьщиковъ, архитекторовъ и другихъ мастеровъ. Онъ украсилъ грязную Прагу и увеличилъ ее цѣлымъ кварталомъ, постаравшись застроить его по

образцу видѣннаго имъ въ Парижѣ и въ Италіи. Правда, что, пробуждая умственную дѣятельность своихъ славянъ, онъ имѣлъ въ виду собственно латинскую, итальянскую и французскую цивилизацію; но все же онъ заботился и объ усовершенствованіи національнаго языка. Въ 1348 г. Карлъ основалъ пражскій университетъ и этимъ привлекъ въ столицу тысячи лицъ духовнаго званія, готовившихся быть служителями церкви, законовѣдами или докторами и нуждавшихся для этого въ университетскомъ образованіи, или по крайней мѣрѣ въ свидѣтельствѣ, что они прослушали въ университетѣ установленный курсъ наукъ. При учрежденіи пражскаго университета, Карлъ имѣлъ въ виду умственныя потребности, возбужденныя въ Италіи и уже удовлетворенныя тамъ Данте, Петраркою, Боккаччіо и ихъ друзьями. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обезпечилъ новое училище весьма значительными доходами съ нѣкоторыхъ земель и деревень и даровалъ ему родъ республиканскаго управленія. Иностранцы, особенно нѣмцы, пользовались преимуществомъ передъ чехами. Императоръ самъ получилъ нѣкоторое научное образованіе: онъ хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ и всѣми реторическими науками. Петрарка, льстецъ сильныхъ, въ посвященныхъ Карлу напыщенныхъ стихахъ осыпаетъ похвалами его ученость; но эти пышныя фразы не ослѣпятъ серьезныхъ друзей истины, такъ же какъ и велеречивыя письма Вольтера и д'Аламбера къ Фридриху Великому и Екатеринѣ II.

Какъ германскій императоръ, Карлъ слѣдовалъ своекорыстной, узкой политикѣ, расширяя свою наслѣдственную Богемію въ ущербъ Германіи, жертвуя въ угоду приближеннымъ значительною частью императорской власти и вмѣсто того, чтобы отстаивать права націи передъ деспотами и хищниками, предавая ее на жертву ихъ корысти и властолюбію. Все это можно доказать примѣрами. Карлъ женился во второй разъ на дочери пфальцграфа Рудольфа II, отъ хищничества котораго самъ защищалъ незадолго передъ тѣмъ города Шпейеръ и Вормсъ, и назначилъ намѣстникомъ Швабіи самаго отъявленнаго разбойника южной Германіи,

герцога Эбергарда Вюртембергскаго, котораго даже въ тѣ времена, когда разбой считался рыцарскимъ ремесломъ, а угнетеніе безсильныхъ славою, прозвали Сварливымъ, а потомъ Брюзгливымъ (Rauschebart). Эбергардъ, въ соединеніи съ нѣсколькими другими рыцарями, опустошилъ богатые швабскіе города, а императоръ, къ которому они обращались за помощью, издавалъ только манифесты, надъ которыми грабители смѣялись, потому что въ ту пору внушала уваженіе одна грубая сила. Не болѣе результатовъ имѣлъ и вызовъ знатныхъ разбойниковъ на судъ имперскаго сейма. Они были наконецъ разбиты чешскимъ войскомъ Карла и имперскими войсками подъ предводительствомъ пфальцграфа Рупрехта I. Но въ этомъ случаѣ императоръ уступилъ ходатайствамъ рыцарей и духовныхъ, опасавшихся перевѣса буржуазіи, и оставилъ всѣ дѣла въ прежнемъ положеніи (1360 г.).

Баварскіе герцоги и рейнскіе пфальцграфы, будучи плохими домохозяевами, помогали императору расширять свою Богемію въ ущербъ германской имперіи. Первые распорядились своимъ наслѣдіемъ очень странно: Людовикъ Бранденбургскій и двое его младшихъ братьевъ, Людовикъ Римскій и Оттонъ, владѣли сообща верхнею Баваріею, а трое остальныхъ братьевъ, Стефанъ, Вильгельмъ V и Альбрехтъ, нижнею. Примирившись съ императоромъ, въ 1351 г. Людовикъ Бранденбургскій предложилъ своимъ двумъ братьямъ, Оттону и Людовику, новую сдѣлку: онъ отдалъ имъ бранденбургскую мархію и получилъ взамѣнъ того въ исключительное владѣніе верхнюю Баварію, что было для него гораздо удобнѣе, такъ какъ она лежала ближе къ Тиролю, который онъ получилъ въ приданое за женою. Людовику Римскому и Оттону пришлось вести нѣсколько лѣтъ войну за обладаніе Бранденбургомъ, потому что сосѣдніе князья воевали съ ними подъ предлогомъ защиты правъ Лже-Вальдемара, а самъ императоръ, подъ разными увертками, медлилъ изгонять этого самозванца до тѣхъ поръ, пока баварскіе принцы не уступили ему верхней Лузаціи. Тогда только высказался онъ открыто противъ обманщика; но

прошло еще три года прежде чѣмъ разными уступками ему удалось успокоить владѣтелей Саксоніи, Магдебурга и Ангальта. Вслѣдъ за тѣмъ (1355 г.) Лже-Вальдемаръ удалился со сцены, передавъ своихъ приверженцевъ и подданныхъ Людовику и Оттону, и потомъ до самой своей смерти, случившейся въ слѣдующемъ году, жилъ у своихъ мнимыхъ родственниковъ, принцевъ ангальтскихъ. Императоръ прибралъ также къ рукамъ и значительную часть Оберпфальца. Женясь на единственной дочери одного изъ пфальцграфовъ, онъ по этому брачному договору и посредствомъ покупки у двухъ другихъ пріобрѣлъ право наслѣдовать удѣлъ своего тестя въ пфальцграфствѣ. Жена его умерла прежде своего отца, такъ же какъ и рожденный ею отъ Карла сынъ, но императоръ уже успѣлъ убѣдить сыновей Людовика Баварскаго заранѣе отказаться отъ притязаній на эту часть пфальцграфства, а по смерти Рудольфа II (1353 г.) купилъ у его брата и племянника и ихъ права на наслѣдіе вмѣстѣ съ ихъ родовыми владѣніями въ Оберпфальцѣ. При этомъ случаѣ онъ убѣдилъ германскихъ курфирстовъ предоставить ему въ собственность нѣкоторыя изъ имперскихъ земель въ Оберпфальцѣ, заложенныхъ Богеміи Людовикомъ Баварскимъ; взамѣнъ того Карлъ объявилъ, что курфирсты могутъ быть судимы только лично императоромъ. Со стороны Польши, Карлъ еще передъ тѣмъ нашелъ случай расширить свое государство, женясь на дочери герцога швейдницскаго и яуерскаго. Когда по смерти Людовика, владѣтеля верхней Баваріи и Тироля (1361 г.), братъ его Стефанъ воспользовался слабоуміемъ его единственнаго сына, Мейнгарда IV, чтобы овладѣть верхнею Баваріею, императоръ не упустилъ и этого случая къ поживѣ. Поступки Мейнгарда возбудили въ странѣ сильное неудовольствіе, которое Стефанъ старался поддерживать и увеличивать, вступивъ въ союзъ съ возставшими владѣтелями и городами верхней Баваріи. Наконецъ Мейнгардъ долженъ былъ бѣжать въ Тироль, гдѣ и умеръ бездѣтнымъ въ 1363 г. По его смерти, Стефанъ завладѣлъ верхнею Баваріею, не заботясь о братьяхъ, Людовикѣ Римскомъ и Оттонѣ,

Это дало поводъ алчному императору немедленно занять Тироль и Бранденбургъ, но онъ достигъ цѣли только въ послѣднемъ. Карлъ основывалъ свои притязанія на Тироль на правахъ брата своего Іоанна Генриха, который былъ женатъ на Маргаритѣ (т. VIII. стр. 160); но Маргарита, при содѣйствіи мѣстныхъ сословій отстояла свои владѣнія отъ императора. Чтобы предохранить ихъ отъ императорскаго корыстолюбія, она, еще въ 1359 г. женивъ своего сына Мейнгарда на дочери австрійскаго герцога Альбрехта II, завѣщала, что, въ случаѣ смерти Мейнгарда бездѣтнымъ, Тироль долженъ вновь соединиться съ Каринтіею, которая принадлежала тогда Австріи. По этому, тотчасъ по смерти Мейнгарда, старшій изъ его зятьевъ, Рудольфъ IV, поспѣшилъ въ Тироль, гдѣ и былъ немедленно признанъ законнымъ владѣтелемъ страны, какъ сословіями графства, такъ и самой Маргаритой, которая переѣхала изъ Тироля въ Вѣну и умерла тамъ въ 1369 г. Такимъ образомъ Карлъ обманулся въ надеждѣ овладѣть Тиролемъ, но за то добился по крайней мѣрѣ того, что австрійскіе герцоги, тогда всѣ бездѣтные, вступая въ ленное владѣніе Тиролемъ, обязались дать императорскому дому право наслѣдовать ихъ владѣнія. Въ Бранденбургѣ Карлъ былъ счастливѣе. Пользуясь раздраженіемъ двухъ маркграфовъ, Людовика Римскаго и Оттона, противъ ихъ брата Стефана, императоръ присоединилъ къ Богеміи всю Лузацію и помолвилъ за Оттона одну изъ своихъ дочерей на условіяхъ, подготовившихъ переходъ Бранденбурга во владѣнія богемскаго дома. Людовикъ и Оттонъ согласились, въ 1363 г., дать императорской фамиліи участіе въ ихъ наслѣдствѣ и даже позволили Карлу и его сыну Венцеславу немедленно принять титулъ бранденбургскихъ маркграфовъ. Тщетно ангальтская и саксенъ-виттенбергская фамиліи и баварскіе герцоги протестовали противъ этого, ссылаясь на павійскій фамильный договоръ (т. VIII. стр. 151), сдѣлка эта была изложена въ особой граматѣ, и Карлъ скрѣпивъ ее, немедленно отправился въ Берлинъ, чтобы торжественно принять тамъ присягу отъ своихъ новыхъ вассаловъ.

Вообще Карлъ былъ счастливъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ дѣло ограничивалось перепискою и рѣчами и гдѣ ему могли служить его врожденныя хитрость и пронырливость. Даже его богословіе и слѣпое религіозное суевѣріе служили ему могущественнымъ средствомъ для достиженія низкихъ цѣлей; но душа этого ученаго, набожнаго педанта была совершенно неспособна къ чему нибудь возвышенному. Въ его набожности не было ни малѣйшаго нравственнаго убѣжденія, какъ это видно уже изъ того, что онъ назначилъ патріархомъ аквилейскимъ грубаго Николая, своего побочнаго брата или племянника, не обращая вниманія на его безнравственность и незаконное рожденіе, которое, по средневѣковому праву, не позволяло ему даже быть причисленнымъ къ какому либо изъ ремесленныхъ цеховъ. О чести германской имперіи и о поддержаніи императорскаго достоинства онъ такъ же очень мало заботился, какъ это показываютъ его поступки, когда Цюрихъ, Бернъ, Цугъ и Гларусъ присоединились къ конфедераціи четырехъ кантоновъ, образовавъ такимъ образомъ въ Швабіи новое государство въ ущербъ германской имперіи.

Въ Цюрихѣ, вслѣдствіе одной изъ революцій, обыкновенныхъ въ тѣ времена въ германскихъ городахъ, низшее дворянство и промышленный классъ овладѣли (1335 г.) правительственною властью, изгнавъ аристократію, и избрали въ пожизненные бургомистры предводителя движенія Рудольфа Бруна. Этотъ энергическій демагогъ, какъ и всѣ ему подобные, драпировался свободою для того, чтобы деспотически, насильственно и кровожадно властвовать именемъ народа, и управлялъ республиканскимъ городомъ самодержавнѣе всякаго государя того времени. Онъ съ величайшею жестокостью подавилъ реакціонную попытку, сдѣланную изгнанными аристократами при содѣйствіи графа Іоанна Габсбургскаго и другихъ сосѣднихъ феодаловъ. Намѣреніе аристократіи было открыто, и когда заговорщики собрались въ Цюрихъ, Брунъ одержалъ надъ ними верхъ въ отчаянной ночной битвѣ, извѣстной подъ названіемъ цюрихской, ночной рѣзни. Побѣжденные были брошены въ

темницы или преданы мучительной смерти. Въ числѣ заключенныхъ находился и графъ Іоаннъ. Его братья и друзья грозились отмстить за него и, чтобы предупредить ихъ, Брунъ напалъ, въ одну холодную, зимнюю ночь, на принадлежавшій графу городъ Рапперсвиль, разорилъ и сжегъ его до тла, а жителей перерѣзалъ или разогналъ по полямъ, гдѣ они перемерли отъ голода и стужи. Безсильная имперія и ея императоръ не думали наказывать подобныхъ злодѣяній; но Альбрехтъ II Австрійскій и многіе рыцари рѣшились отмстить Бруну. Узнавъ объ этомъ, цюрихскій тираннъ предложилъ горожанамъ присоединиться къ четыремъ кантонамъ, побѣдившимъ при Моргартенѣ то самое рыцарство, которое грозило теперь цюрихцамъ, и городъ дѣйствительно присоединился къ конфедераціи, довольной пріобрѣтеніемъ самаго богатаго и промышленнаго города южной Швабіи (май 1351 г.). Союзъ цюрихцевъ съ врагами Австріи удвоилъ необходимость похода, задуманнаго австрійскими герцогами. Альбрехтъ рѣшился лично вести рыцарей въ Швейцарію и издалъ прокламацію, призывая къ оружію всѣхъ своихъ подданныхъ, но кантонъ Гларусъ, который такъ же, какъ и Цугъ признавалъ Альбрехта своимъ государемъ, но ненавидѣлъ австрійское владычество за своеволіе и насиліе рыцарства, отказался отъ повиновенія. Альбрехтъ думалъ силою принудить его къ покорности, но это повело только къ пораженію рыцарей, послѣ чего и Гларусъ присоединился къ конфедераціи. Вскорѣ, въ 1352 г., его примѣру послѣдовалъ Цугъ, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1353 г., и Бернъ, еще незадолго до того находившійся въ союзѣ съ Австріей. Одинъ изъ австрійскихъ вождей былъ разбитъ цюрихцами, подъ начальствомъ Рюдгера Манессе при Тетвилѣ, и рыцари трижды тщетно осаждали Цюрихъ. Альбрехтъ заключилъ наконецъ съ цюрихцами перемиріе и обратился за помощью къ имперіи. Его дѣло было, во всякомъ случаѣ, дѣломъ имперіи, такъ какъ въ ущербъ ея въ Швейцаріи образовалось новое государство, хотя цюрихцы и увѣряли, что, не смотря на присоединеніе къ конфедераціи, они остаются вѣрными подданными императора. Швейцарцы, восхваляемые

лѣтописцами за прямодушіе, которое просто было извѣстною хитростью простаго народа, прикрытою тономъ прямодушія, конечно, имѣли право отдѣлиться отъ имперіи, переставшей быть государствомъ; но, съ своей стороны, имперія была обязана защищать личность и права своихъ членовъ въ лицѣ Альбрехта Австрійскаго.

Карлъ обѣщалъ Альбрехту помощь, но эта помощь ограничивалась долгое время одними словами и перепискою. Императоръ прибылъ въ Цюрихъ, чтобы попробовать тамъ дѣйствіе своихъ рѣчей. Цюрихцы охотно впустили его, съ небольшою свитою, въ городъ, не видя въ этомъ опасности, и оказали ему величайшій почетъ, такъ какъ пышность его двора доставляла поживу мелкимъ промышленникамъ, управлявшимъ городомъ, но все-таки продолжали упорствовать. Ссылаясь на граматы и манифесты, о которыхъ ни передъ тѣмъ, ни потомъ не бывало и рѣчи, они дали наконецъ императору приличный поводъ удалиться, не рѣшивъ дѣла. Всеобщее неудовольствіе и раздраженіе Альбрехта заставили Карла слѣдующею весною снова отправиться въ Цюрихъ (1354 г.), чтобы вторично попытаться убѣдить его жителей. Но какъ и въ первый разъ хитрые цюрихцы прикинулись прямодушными, покорными, преданными, изъявили готовность подчиниться его волѣ, но въ главныхъ пунктахъ настояли на своемъ. Оттуда Карлъ отправился къ Альбрехту, уже прибывшему въ Швейцарію, и предложилъ ему свою обычную итальянскую методу,—уладить дѣло деньгами; но благородный герцогъ отвѣтилъ, что считаетъ недостойнымъ себя торговать своими правами и княжескою честью. Тогда Карлъ созвалъ княжескій сеймъ въ Регенсбургѣ, считая это лучшимъ средствомъ продлить германскую неурядицу, но Альбрехтъ понялъ его намѣреніе и не явился въ Регенсбургъ, что заставило наконецъ Карла сдѣлать видъ, что онъ имѣетъ серьезное намѣреніе покончить съ этими безпорядками. Онъ созвалъ имперскія войска, но вступилъ съ ними въ Швейцарію только къ концу лѣта, когда Альбрехтъ уже успѣлъ истощить свою казну, въ продол-

женіе двухъ мѣсяцевъ, на содержаніе войска. Наконецъ императоръ соединился съ Альбрехтомъ и обложилъ Цюрихъ; но здѣсь въ союзномъ войскѣ возникъ споръ за передовое мѣсто во время приступа. Швабы покинули императорское войско, а потомъ самъ Карлъ объявилъ, что не станетъ держать войско долѣе шести недѣль, т. е. установленнаго срока феодальной службы, а наконецъ и хитрые цюрихцы помогли ему разъигрывать комедію, выставивъ въ знакъ подчиненія имперіи имперскіе орлы на своихъ башняхъ и выславъ депутацію просить о мирѣ. Послѣ этого Карлъ увелъ свои войска, предоставивъ себѣ рѣшить вопросъ о Цюрихѣ на слѣдующемъ сеймѣ, что, при извѣстной растянутости нѣмецкихъ совѣщаній, было то же, что обѣщать вознагражденіе въ день страшнаго суда. Съ той поры война приняла характеръ частной феодальной войны, пока наконецъ недостатокъ въ деньгахъ не заставилъ Альбрехта вернуться въ Австрію. Карлъ, между тѣмъ, отправился въ Италію разъигрывать и тамъ такую же роль, какъ въ Цюрихѣ. По возвращеніи оттуда, онъ созвалъ въ Регенсбургѣ обѣщанный сеймъ и, нуждаясь тогда въ дружбѣ Австріи, постановилъ приговоръ по цюрихскому дѣлу въ пользу Альбрехта (1355 г.). Но этотъ приговоръ, какъ и всѣ приговоры того времени, нисколько не измѣнилъ положенія дѣла, потому что никто не обращалъ вниманія на императора и сеймы, да къ тому же и некому было приводить въ дѣйствіе ихъ постановленій. Австрія со Швейцаріею сами собой уладили кое-какъ свой споръ. Пять кантоновъ: Цюрихъ, Цугъ, Гларусъ, Бернъ и Люцернъ, перешли къ новой республики, нарушившей цѣлость германской имперіи, но сохранили наружную связь съ нею, и Карлъ, всегда готовый жертвовать существомъ дѣла внѣшности, если только не былъ замѣшанъ его личный интересъ, удовлетворился этимъ рѣшеніемъ вопроса.

Узкая, итальянская политика Карла возбудила и въ сѣверной Германіи цѣлый рядъ волненій и междоусобій, въ продолженіе многихъ лѣтъ опустошавшихъ страну между Эльбою и Везеромъ.

Сыновья Оттона Дитяти (т. VII. стр. 269), перваго герцога брауншвейгскаго, Оттонъ и Іоаннъ, основали двѣ династіи, брауншвейгскую и люнебургскую, раздѣливъ между собой отцовское наслѣдіе. Люнебургъ достался впослѣдствіи двумъ внукамъ Іоанна, Вильгельму и Оттону, которые владѣли имъ сообща. Такъ какъ Оттонъ былъ бездѣтенъ, а Вильгельмъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за принцемъ саксонскаго дома, а другая за Людовикомъ Брауншвейгскимъ, то они положили передать послѣ себя Люнебургъ мужу первой. Но по смерти Оттона, Вильгельмъ перемѣнилъ завѣщаніе въ пользу другаго зятя. Саксонскіе князья обратились къ императору и Карлъ рѣшилъ это дѣло въ ихъ пользу, потому что герцогъ саксенъ-виттенбергскій былъ его лучшимъ другомъ, а брауншвейгскіе герцоги всегда стояли за Людовика Баварскаго. Чтобы придать законную силу этому несправедливому приговору, императорскимъ юристамъ пришлось начать процессъ противъ Вильгельма и приговорить его къ опалѣ. Но и въ этомъ случаѣ переписка, процессы, указы были такъ же безполезны, какъ манифесты императора противъ Цюриха. Вильгельмъ, нисколько не тревожась всѣмъ этимъ, назначилъ (1369 г.) наслѣдникомъ брата своего зятя, умершаго прежде него, Магнуса съ цѣпью, который также находился въ опалѣ и, будучи жестокимъ тиранномъ, долженъ былъ бороться не только съ лауэнбургскими и виттенбергскими князьями, но и съ подданными. Война за Люнебургъ опустошала, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, всю нижнюю Саксонію, а примиреніе враждовавшихъ сторонъ (1373 г.) имѣло еще худшія послѣдствія. Претенденты и сыновья ихъ условились управлять Люнебургомъ поочереди; разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей не было недостатка въ поводахъ къ спорамъ, и спустя четырнадцать лѣтъ война возгорѣлась снова. На этотъ разъ брауншвейгскіе герцоги одержали при Винзенѣ на Аллерѣ рѣшительную побѣду, заставившую саксонскихъ герцоговъ отказаться отъ своихъ притязаній и удовольствоваться только признаніемъ ихъ правъ на наслѣдство (1389 г.).

Вся неутомимая правительственная дѣятельность Карла ограничивалась, какъ и въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, рѣчами, перепискою и переговорами; невозможно перечислить всѣхъ мѣнъ, покупокъ и договоровъ о наслѣдствахъ, подписанные имъ въ Богеміи и Германіи. Все это большею частью клонилось къ обогащенію его фамиліи; но его эгоистическіе расчеты рушились при его сыновьяхъ. Только одинъ изъ множества манифестовъ этого императора, скрѣпленныхъ золотою печатью, остается до сихъ поръ замѣчательнымъ историческимъ документомъ. Это такъ называемая золотая булла (bulla aurea), изданная въ 1356 г. и составляющая главное основаніе нынѣшняго разъединенія Германіи. Этотъ законъ, какъ и всѣ дѣйствія Карла, обязанъ своихъ происхожденіемъ его личнымъ расчетамъ, но по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ при этомъ неоспоримо-похвальную цѣль, во чтобы то ни стало оградить имперію отъ притязаній папъ назначать императоровъ. Золотая булла есть собственно уставъ, опредѣляющій порядокъ избранія и коронаціи императора и отношеній курфирстовъ какъ къ нему, такъ и къ имперіи. Карлъ имѣлъ при этомъ въ виду: во первыхъ, дать своей славянской странѣ первое мѣсто въ ряду нѣмецкихъ, избирательныхъ государствъ; во вторыхъ, доставить избирательный голосъ тѣмъ изъ владѣтелей, которые были съ нимъ за одно и навсегда отнять его у своихъ противниковъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ споръ о саксонскомъ курфиршествѣ (т. VIII. стр. 122) между Лауэнбургомъ и Виттенбергомъ, въ пользу послѣдняго, удалилъ баварскихъ герцоговъ отъ пфальцскаго курфиршества (т. VIII. стр. 151), которое они считали общимъ достояніемъ всего дома Виттельсбаховъ и предоставилъ бранденбургскимъ герцогамъ избирательный голосъ только при владѣніи самимъ маркграфствомъ и занятіи высшей имперской должвости. Такимъ образомъ Людовикъ, герцогъ верхнебаварскій и тирольскій, уступившій Бранденбургъ своимъ братьямъ, Людовику Римскому и Оттону, и хотѣвшій удер-

жать за собой избирательный голосъ, лишился званія курфирста, которое перешло къ Людовику Римскому.

Новое законоположеніе состояло изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна была принята князьями и обнародована въ январѣ 1356 г. на нюрнбергскомъ сеймѣ, а другая,—въ декабрѣ того же года, на собраніи въ Мецѣ. Несомнѣнно, что безчисленныя подробности относительно церемоніала, одежды, торжествъ и пр., помѣщенныя въ буллѣ, были дѣломъ самого императора; пышный этикетъ былъ для него предметомъ серьезнаго изученія и онъ ничего такъ не любилъ какъ рядиться въ золото и пурпуръ. Все остальное содержаніе буллы было, вѣроятно, трудомъ Іоанна фонъ Неймарка и Рудольфа фонъ Фридберга. Въ Мецѣ немедленно были испробованы на практикѣ нововведенные византійско-славянскіе внѣшніе знаки отличій для императора, императрицы и курфирстовъ. На подробное описаніе всѣхъ этихъ негерманскихъ церемоній не стоитъ тратить времени; замѣтимъ только, что богословъ императоръ избралъ священную цифру с е м ь для числа курфирстовъ, и вѣрный ученію своего мистическаго друга Петрарки, самъ говоритъ въ буллѣ, что избралъ это число вслѣдствіе аналогіи нѣмецкихъ курфирстовъ съ семью святильниками Откровенія Іоанна. Такія важныя лица, разумѣется, должны были пользоваться большими преимуществами. Эти преимущества означаются въ цѣлыхъ двѣнадцати пунктахъ золотой буллы. Главное изъ нихъ заключалось въ томъ, что курфирсты, какъ коллегія, составляли, такъ сказать, одно лицо съ императоромъ, такъ же какъ коллегія кардиналовъ одно лицо съ папою,—и поэтому оскорбленіе курфирста подлежало равному наказанію съ оскорбленіемъ императора.

Впрочемъ въ золотой буллѣ, какъ и вообще въ германскихъ законахъ, есть много дѣльныхъ и мудрыхъ постановленій; но ей недоставало того же, чего недостаетъ и всѣмъ имперскимъ законамъ: еслибы даже и существовала организованная власть, которая могла приводить ихъ въ дѣйствіе, то у нея не было бы въ распоряженіи военной силы, на которую она могла опереться

въ случаѣ надобности. Разумѣется, это относится не къ церемоніаламъ, формальностямъ и табели о рангахъ, которыя и безъ того строго соблюдаются въ Германіи, а къ тѣмъ изъ постановленій золотой буллы, которыя имѣли цѣлью облегчить участь бѣдствовавшаго безотвѣтно-терпѣливаго народа. Къ такимъ благодѣтельнымъ постановленіямъ, осуществившимся только черезъ нѣсколько вѣковъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ развитіемъ Европы, мы причисляемъ статьи о союзахъ городовъ и рыцарей и о допущеніи рыцарей, жившихъ въ своихъ замкахъ и имѣніяхъ, въ сословіе горожанъ, или о такъ называемыхъ пфальбюргерахъ. Другою разумною, хотя и не приведенною въ исполненіе статьею новаго закона, — воспрещалось дѣлать частныя нападенія и грабежи безъ предварительнаго объявленія войны и отказываться на время отъ ленной зависимости для того, чтобы имѣть право безнаказанно воевать съ своимъ сюзереномъ. Нельзя также не назвать дѣльными законовъ объ общественной безопасности, которые издавались еще со временъ Фридриха II и постоянно нарушались даже спустя два вѣка послѣ Карла IV, и закона о злоупотребленіи правомъ чекана монеты и о произвольномъ учрежденіи таможенъ. Какъ мало законъ этотъ обезпечивалъ общественную безопасность можно видѣть уже изъ того, что въ самой буллѣ дѣлается различіе между дозволенными и не дозволенными союзами рыцарства и городовъ и изъ разрѣшенія частныхъ войнъ, если только онѣ были объявляемы за три дня до начала непріязненныхъ дѣйствій. Но какъ ни мало было надежды на приведеніе въ дѣйствіе новыхъ постановленій, одна уже попытка водворить порядокъ возбудила неудовольствіе и въ городахъ, и между князьями и рыцарями. Народу золотая булла причинила особенный вредъ. Педанты юристы составили изъ ея избирательныхъ постановленій родъ новаго замысловатаго и мудренаго государственнаго права, которое повлекло за собой утвержденіе въ имперіи римскаго права; это привело наконецъ къ тому, что честный, нѣмецкій бюргеръ или крестьянинъ потерялъ всякое пониманіе какъ своихъ простыхъ правъ и обязанностей, такъ и гражданскихъ законовъ.

Онъ долженъ былъ признавать правомъ то, что ему проповѣдывали юристы на своемъ варварскомъ языкѣ и, находясь предъ судомъ, не могъ понимать ни того, что говорилъ въ его защиту адвокатъ, ни того, что произносилъ противъ него судья.

• Папа былъ въ высшей степени недоволенъ направленными противъ него законами; но онъ зналъ, что Карлъ такой же хитрецъ и эгоистъ, какъ и авиньонское правительство, и потому не противился явно новымъ постановленіямъ, чтобы не побудить императора послушаться совѣтовъ истинныхъ друзей отечества изъ числа своихъ юристовъ и теологовъ, требовавшихъ, чтобы императоръ настаивалъ на уничтоженіи Иннокентіемъ VI всѣхъ позорныхъ или невыгодныхъ для имперіи постановленій его предшественниковъ, и чтобы въ Германіи, такъ же какъ во Франціи и Англіи, духовенству было запрещено платить папѣ установленную имъ десятину. Папа легко согласился съ императоромъ, такъ какъ оба они умѣли извлекать для себя пользу изъ народнаго суевѣрія. Кромѣ того, богословскій другъ Петрарки былъ такъ набоженъ, что придавалъ величайшее значеніе привилегіи императоровъ, по торжественнымъ днямъ читать за дьякона евангеліе, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и вообще былъ весьма суевѣренъ. Карлъ сошелся съ папою въ томъ, чтобы онъ не возражалъ на золотую буллу, за что богословъ императоръ обязался не давать ходу всеобщимъ требованіямъ реформъ въ германской церкви. Германскіе архіепископы отказались въ 1359 г. платить Иннокентію установленную десятину; но Карлъ намекнулъ ему на другое средство поживиться изъ нѣмецкаго кошелька, и на основаніи буллы Бенедикта XII они установили, чтобы церкви и монастыри платили извѣстную сумму за визитаціи.

5. Италія со времени перваго похода въ Римъ Карла IV до возвращенія въ Италію папы Урбана V.

Вскорѣ послѣ изданія золотой буллы, Карлъ IV предпринялъ свой первый римскій походъ. Время и обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали возстановленію въ Италіи императорскаго вліянія; но, разумѣется, не Карлу можно было выполнить то, чего Данте ожидалъ отъ его дѣда. Изъ своего прославленнаго Генриха VII поэтъ дѣлаетъ идеальнаго монарха, который долженъ былъ мощною рукою возстановить павшую церковь, избавивъ ее отъ изгнанія и грѣховъ Вавилона, и освободить угнетенные города Италіи отъ ложнаго либерализма и насилія тиранновъ. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ Божественной Комедіи, Данте награждаетъ благонамѣренность, выказанную честнымъ рыцаремъ-императоромъ въ продолженіе своей — къ сожалѣнію — кратковременной жизни, неувядаемымъ вѣнкомъ, уже ожидающимъ его на приготовленномъ для него въ раю мѣстѣ. Для практическаго и дипломатическаго ума Карла все это было слишкомъ идеально, слишкомъ отвлеченно; это видно изъ отвѣта, который онъ передъ вступленіемъ въ Римъ далъ гибеллинамъ, призывавшимъ его на помощь. „Осторожная обдуманность, говоритъ онъ, скорѣе ведетъ къ цѣли, и чѣмъ долѣе обдумываешь, тѣмъ обыкновенно скорѣе и легче выполняешь; императоръ Августъ показалъ государямъ, что все, что дѣлается спокойно и тихо, совершается достаточно быстро". Походъ Карла былъ самымъ позорнымъ изъ итальянскихъ походовъ германскихъ императоровъ.

Верхне - итальянскіе государи только что передъ тѣмъ заключили такъ называемый ломбардскій союзъ съ Венеціею (т. VIII. стр. 202) противъ миланскаго герцога и архіепископа Іоанна Висконти и послали противъ него войско подъ предводительствомъ

Франческо Каррарскаго, который вскорѣ передалъ начальство одному принцу изъ дома Гонзага. Іоаннъ Висконти вскорѣ умеръ (1354 г.). Сыновья его брата Стефана, Матвѣй II, Варнава и Галеаццо II, раздѣлили герцогство такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ получилъ на свою долю отдѣльные города, а собственно правительственная власть и города Миланъ и Генуя, оставшіеся центромъ и главнымъ источникомъ ихъ могущества, сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ троихъ братьевъ. Еще до этихъ перемѣнъ въ Миланѣ, Карлъ, находившійся въ то время предъ Цюрихомъ, получилъ депутацію отъ Іоанна, ломбардцевъ и папскаго легата и главнокомандующаго Альборноса (т. VIII. стр. 195). Всѣ они настоятельно звали его въ Италію, обѣщая ему большія выгоды. Считая время благопріятнымъ для того, чтобы, на скоро собравъ съ Италіи контрибуцію, короноваться въ Римѣ, онъ рѣшился перейти Альпы, но не какъ воинственный, безпристрастный судья, а какъ купецъ-дипломатъ, имѣющій въ виду одинъ личный расчетъ. Онъ далъ слово папѣ не приводить въ Италію войска и пробыть всего одинъ день въ Римѣ, и Иннокентій VI немедленно сдѣлалъ нужныя распоряженія для его коронаціи. Въ октябрѣ 1354 г. Карлъ перешелъ черезъ Альпы въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ сотъ всадниковъ и поспѣшно пробрался въ Мантую, гдѣ пробылъ два мѣсяца, обдумывая что̀ для него выгоднѣе: пристать-ли къ ломбардскому союзу, или къ тремъ братьямъ Висконти? Изъ нихъ Варнава былъ самымъ жестокимъ деспотомъ, но въ то же время самымъ энергическимъ, хитрымъ и начитаннымъ государемъ и, подобно Карлу, другомъ Петрарки. Послѣдній уже давно былъ между нимъ посредникомъ, что возбуждало опасенія ломбардскаго союза, хорошо знакомаго съ политикою Карла и недовѣрявшаго ему. Петраркѣ удалось наконецъ склонить его на принятіе позорныхъ предложеній миланскихъ владѣтелей. Они дали Карлу ничтожную сумму денегъ и приняли на себя издержки похода, дозволивъ императору короноваться въ Миланѣ или въ Монцѣ ломбардскою короною, но подъ тѣмъ усло-

віемъ, что онъ вступитъ въ Миланъ какъ гость, безъ сопровожденія войска. Петрарка, этотъ поэтъ, исключительно преданный, какъ полагали, созерцательной жизни, не скупился на лесть императору, точно такъ же какъ и папа, надѣявшійся, что походъ Карла возстановитъ въ Римѣ все по старому. Тщеславіе манило Петрарку, какъ и всѣхъ риторовъ, софистовъ и мистиковъ, къ блестящимъ дворамъ, гдѣ какой нибудь деспотъ разглагольствовалъ о наукѣ. Онъ былъ другомъ развратной Іоанны Неаполитанской, жестокаго Варнавы, плутоватого Карла и, всю жизнь воспѣвая созерцательность и презрѣніе ко всему земному, неутомимо заискивалъ милостей государей, такъ что даже на краю гроба хвалился удачею въ этомъ, какъ высочайшимъ счастіемъ и благословеніемъ небесъ. Тщеславіе привлекло его и ко двору Висконти, и къ императору въ Мантую, гдѣ онъ разсыпался въ декламаціяхъ и панегирикахъ Карлу и Италіи. Онъ оставилъ много вычурныхъ писемъ объ этомъ путешествіи. Карлъ послѣдовалъ совѣту льстиваго флорентинца и выказалъ при этомъ гораздо болѣе знакомства съ представляемыми ему за образецъ героями древняго Рима, чѣмъ хотѣлось ихъ поклоннику. Показывая императору монету съ изображеніемъ Августа, Петрарка краснорѣчиво представлялъ ему его обязанность подражать этому первому римскому императору, и послушный ученикъ, къ великому огорченію учителя, вполнѣ послѣдовалъ потомъ въ Миланѣ, Тосканѣ и Римѣ холодной, коварной и эгоистической политикѣ Августа.

Въ Миланѣ, какъ и повсюду впрочемъ, Карлъ медлилъ только для того, чтобы ему выдали поскорѣе деньги, обѣщанныя ему съ цѣлью его выпроводить. Короновавшись въ этомъ городѣ, онъ отправился въ Тоскану съ небольшою суммою денегъ и подаренною ему костью св. Гвидо. Всѣ ожидали, что онъ накажетъ непокорную демократическую Флоренцію и отмститъ за оскорбленіе дѣда республикѣ, не хотѣвшей принять и его самого въ свои стѣны. Но онъ рѣшилъ этотъ вопросъ о чести какъ какое нибудь коммерческое дѣло, взявъ съ флорентинцевъ большія деньги и даровавъ имъ за

это всевозможныя льготы и указы, которые были имъ необходимы для того, чтобы упрочить за собой присвоенныя ими права. Въ Римѣ, куда онъ прибылъ невѣроятно скоро, онъ былъ коронованъ двумя папскими легатами и за тѣмъ, не обращая вниманія на просьбы и убѣжденія римлянъ, уѣхалъ въ Тоскану. Здѣсь онъ, казалось, намѣренъ былъ пробыть довольно долго; но насильственные поступки нѣмцевъ и его собственное корыстолюбіе, а въ особенности рабская покорность папѣ и легатамъ, возбудили сильнѣйшее неудовольствіе даже въ той партіи, которая искони была предана императорамъ и радостно встрѣтила его прибытіе. Эта партія питала наслѣдственную ненависть къ папистамъ, или, что одно и тоже, къ гвельфамъ. Особенно возмутилъ всѣхъ его поступокъ съ богатою, старинною, патріотическою и постоянно вѣрною императорамъ фамиліею Гамбакорта, въ Пизѣ. Лукка, зависѣвшая въ то время отъ Пизы, задумала освободиться съ помощью флорентинцевъ отъ этого подчиненія, и даже разнесся слухъ, будто самъ императоръ, имѣвшій безпрестанныя сношенія съ флорентинцами, намѣренъ продать Лукку. Это произвело въ Пизѣ возстаніе, во главѣ котораго стала фамилія Гамбакорта. Императоръ приговорилъ городъ къ уплатѣ четырнадцати тысячъ золотыхъ флориновъ пени и велѣлъ казнить старшихъ членовъ фамиліи Гамбакорта и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ фамилій, всегда выказывавшихъ ему преданность. Послѣ этого онъ продолжалъ путь далѣе, но встрѣчалъ повсюду такое раздраженіе, что только одна Кремона согласилась впустить его къ себѣ со всею свитою, и то потому, что онъ явился у воротъ ея внезапно. Всѣ остальные города впускали его къ себѣ только въ сопровожденіи самаго ограниченнаго числа людей. Въ началѣ іюля императоръ былъ уже въ Нюрнбергѣ.

Кратковременное появленіе императора въ Италіи не только не прекратило насилій, безпорядковъ и самоуправства, но еще увеличило ихъ до невѣроятной степени; въ выигрышѣ остались только флорентинская республика да папа, или вѣрнѣе его воин-

ственный кардиналъ-легатъ Альборносъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить взглядъ на событія въ итальянскихъ городахъ. Но прежде всего необходимо замѣтить, что и въ ту пору авантюристы и наемники, въ родѣ прежнихъ шаекъ Вернера, Вольфгарта и Фра Моріалиса (т. VIII. стр. 190), играли въ Италіи значительную роль. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ баварско-швабскій графъ Рудольфъ фонъ Ландау, котораго Карлъ назначилъ императорскимъ намѣстникомъ въ Пизѣ. Въ числѣ такихъ атамановъ разбойниковъ мы видимъ даже значительное духовное лицо, епископа аугсбургскаго, Маркварда, который былъ также назначенъ имперскимъ намѣстникомъ въ Пизѣ. И это никого не поражало: такъ низко упала церковь! До прибытія Карла въ Италію, графъ фонъ Ландау находился на службѣ у ломбардскаго союза, но во время похода въ Болонью былъ заподозрѣнъ въ томъ, что, подобно почти всѣмъ наемнымъ атаманамъ, находился на жалованьи у враговъ, и потому ломбардцы постарались отъ него избавиться. Тогда онъ отправился въ Неаполь, гдѣ продолжалъ свои разбои и грабежи. Туда же послѣдовалъ за нимъ и вѣрный товарищъ его Марквардъ со своею страшною шайкою. Опустошивъ неаполитанское королевство, они вмѣстѣ съ другимъ кондоттьеромъ, Гансомъ Михелемъ фонъ Баумгартеномъ, вступили на службу къ маркграфу монферратскому, воевавшему съ Галеаццо Висконти, и стали, какъ прежде того у болонцевъ, брать деньги съ друзей и недруговъ: съ первыхъ, за то что были на ихъ сторонѣ, а съ послѣднихъ, за то что не сражались, когда должны были сражаться. Поэтому маркграфъ былъ очень радъ, когда въ 1356 г. они были на голову разбиты миланцами, взявшими въ плѣнъ самого Маркварда. Вскорѣ послѣ того графъ фонъ Ландау нанялся къ Висконти и такъ стѣснилъ Альборноса, что тотъ долженъ былъ откупиться отъ него деньгами. За тѣмъ Ландау снова перешелъ къ врагамъ Висконти. По заключеніи между ними мира, онъ обратилъ вниманіе на Тоскану, наполненную нѣмецкими авантюристами, и отправился въ Германію, чтобы купить у Карла дипломъ намѣст-

ника Пизы. По возвращеніи его въ Италію, флорентинцы, уже вступившіе въ переговоры съ графомъ Буркардомъ, которому Ландау поручилъ на время своего отсутствія начальство надъ шайкою, умышленно завели его въ непроходимыя ущелья, населенныя дикими горцами. Онъ испыталъ тамъ страшное пораженіе, въ которомъ Буркардъ лишился жизни (1358 г.). Самъ Ландау, тяжело раненый, спасся въ Болонью и шайка его разсѣялась на нѣсколько отрядовъ. Съ той поры Ландау былъ до самой своей смерти (1363 г.) не болѣе какъ обыкновеннымъ вождемъ наемной дружины.

Теперь мы перейдемъ къ исторіи отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто должна занять Венеція. Во время перваго римскаго похода императора Карла, эта республика находилась въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ; съ одной стороны ее сильно тѣснила Венгрія, а съ другой,—Генуя, хотя и покоренная миланскимъ герцогомъ, но продолжавшая одерживать блистательныя морскія побѣды. Къ счастью, особенное положеніе города, его промышленность, торговля, мореплаваніе и въ особенности дьявольская хитрость и стойкость нравственно презрѣннаго, политически превосходнаго аристократическаго правительства постоянно спасали Венецію отъ бурь, губившихъ и деспотическія и демократическія государства среднихъ вѣковъ, раздираемыя анархіею.

Въ Венеціи народъ былъ постепенно удаленъ отъ участія въ законодательствѣ и управленіи, привилегій, которыми онъ еще пользовался въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ. Но искусственная система жестокаго, подозрительнаго, вѣроломнаго и въ то-же время умнаго, послѣдовательнаго, подобно коллегіи кардиналовъ державшагося нѣсколько вѣковъ и слѣдовавшаго однимъ и тѣмъ же принципамъ, аристократическаго венеціанскаго правительства, была завершена только въ началѣ четырнадцатаго вѣка. Слава окончательнаго усовершенствованія этой искусственной и сложной государственной системы, основанной на знатномъ происхожденіи и богатствѣ, шпіонствѣ и жестокости, принадле-

житъ дожу Піетро Градениго (1289—1311 г.). Онъ первый достигъ совершеннаго устраненія народа отъ участія въ законодательствѣ, занятіи государственныхъ должностей и въ правѣ избирательства на нихъ, предоставивъ все это только извѣстному числу знатныхъ фамилій, внесенныхъ въ такъ называемую золотую книгу. Только изъ этихъ фамилій могли избираться члены большаго совѣта, присвоившаго себѣ всѣ верховныя права народа. Этотъ совѣтъ заключалъ миръ и объявлялъ войну, назначалъ, или по крайней мѣрѣ утверждалъ всѣхъ должностныхъ лицъ, устанавливалъ налоги и неограниченно управлялъ народомъ, имѣя право однимъ словомъ уничтожать рѣшенія сената. Не смотря на то, члены этого совѣта, такъ же какъ и самъ дожъ, были полными рабами избраннаго изъ ихъ среды подозрительнаго правительственнаго мѣста или сената. Ограниченіе этого привилегированнаго кружка извѣстнымъ числомъ членовъ, или какъ говорилось, замкнутость большаго совѣта возбудила всеобщее неудовольствіе, особенно между знатными и богатыми фамиліями, имена которыхъ не попали въ золотую книгу. Это заставило даже Градениго учредить, въ 1310 г., такъ называемый Совѣтъ Десяти, страшное учрежденіе, которое, подобно инквизиціи папъ и доминиканцевъ, охранявшей церковь огнемъ и бичомъ, имѣло обязанность уничтожать въ Венеціи враговъ господствующей аристократіи. Чтобы сколько нибудь уравновѣсить власть этого страшнаго судилища, къ нему присоединили дожа и еще шесть членовъ. Впослѣдствіи вся власть совѣта десяти сосредоточилась въ рукахъ трехъ изъ его членовъ, которые могли заключать въ темницу, изгонять и казнить, не отдавая никому отчета, всѣхъ гражданъ безъ исключенія, отъ дожа до послѣдняго нищаго; кромѣ того, двое изъ нихъ могли безъ всякаго суда лишать жизни третьяго. Не мудрено, что эта правительственная инквизиція внушала такой ужасъ, что ее не смѣли даже называть по имени. Между тѣмъ всѣ единодушно превозносятъ творца этого учрежденія, вырвавшаго у дожа, хотя и мнимаго главы республики, всѣ существенныя права власти,

оставивъ за нимъ только внѣшніе ея признаки, а Макіавелли называетъ ее образцомъ государственной и правительственной реформы. Мы готовы сравнить Градениго съ Суллой (т. III. стр. 561), потому что Венеція, подъ управленіемъ Совѣта Десяти, то есть отъ Градениго до семнадцатаго вѣка, славилась тѣмъ же родомъ величія и политики, какимъ славился Римъ во время неограниченнаго владычества сената. Но учрежденія Градениго были долговѣчнѣе кровожаднаго господства римской аристократіи. Они продолжали развиваться по его смерти, и спустя полвѣка, были запечатлѣны казнью посѣдѣвшаго на высшихъ должностяхъ дожа Марино Фаліери.

Причиною казни этого дожа была, какъ говорятъ, его измѣна; онъ былъ глубоко оскорбленъ аристократическимъ правительствомъ, которое, при наказаніи одной нанесенной ему личной обиды, выказало потворство къ фамильнымъ связямъ обидчика, въ ущербъ достоинству дожа. Впрочемъ, дѣло Фаліери, какъ и вообще внутреннія дѣла Венеціи, покрыто непроницаемымъ мракомъ. Достовѣрно только, что дожъ, вступивъ въ заговоръ съ нѣкоторыми изъ предводителей черни, велъ себя безхарактерно, безразсудно и двусмысленно, и что его соучастники плебеи не имѣли ни способностей, ни большаго значенія и погубили сами себя неосторожностью. Все предпріятіе рушилось и дало аристократіи поводъ и случай еще болѣе упрочить свою страшную власть. Фаліери былъ обезглавленъ на той самой лѣстницѣ великановъ, гдѣ былъ коронованъ дожемъ; всѣ его соучастники изъ плебеевъ подверглись жесточайшему гоненію, вмѣстѣ съ родственниками и друзьями, но знатная фамилія Фаліери сохранила всѣ свои привилегіи.

Вскорѣ послѣ казни Фаліери, венеціанцы, подъ предводительствомъ Николо Пизани, были разбиты въ морскомъ сраженіи при Модонѣ генуезскимъ адмираломъ Паганини Доріа. Весь флотъ ихъ съ пятью тысячами человѣкъ войска достался въ руки генуезцевъ, которые, къ удивленію, сожгли взятые корабли (1354 г.). Въ то же самое время Венеція воевала съ Висконти, а съ другой

стороны, ей грозилъ венгерскій король Людовикъ, союзникъ Генуи; все это заставило наконецъ умныхъ правителей республики во чтобы то ни стало заключить миръ съ Генуею. Въ маѣ 1355 г. война была окончена, разумѣется, не слишкомъ почетнымъ и выгоднымъ образомъ для Венеціи, но по крайней мѣрѣ это развязало ей руки относительно венгерскаго короля. Венеціанцы давно уже спорили съ Венгріею за владѣніе Далмаціею; этотъ споръ возобновился съ утвержденіемъ въ Венгріи анжуйскаго дома, и Людовикъ Великій, сынъ Карла Роберта, не только снова подчинилъ себѣ сосѣднія съ Венгріею земли, но и объявилъ себя протекторомъ Польши. Генуэзцы еще до побѣды при Модонѣ вступили съ нимъ въ союзъ и только неожиданно вспыхнувшая война съ сербами помѣшала Людовику начать войну съ Венеціею. Стефанъ Душанъ Сильный, великій князь Сербіи, впервые принявшій титулъ короля или императора (1336—1356 г.), сильно расширилъ свое государство въ ущербъ византійской имперіи и поссорился за это съ баномъ, или княземъ Босніи, находившимся подъ покровительствомъ Венгріи. Людовикъ выступилъ въ походъ противъ сербовъ, но былъ разбитъ Стефаномъ. Эта война и походъ въ Литву помѣшали венгерскому королю принять участіе въ войнѣ генуезцевъ съ Венеціею. Обѣ республики заключили между тѣмъ миръ, и венеціанцы, пользуясь отсутствіемъ Людовика, снова простерли свои виды на Далмацію. Они купили у сербскаго короля два города, которыми онъ владѣлъ въ этой странѣ, и стали поддерживать недовольныхъ въ Венгріи. Это заставило Людовика начать войну съ венеціанцами и Душаномъ, но Душанъ, тѣснимый въ то же время греками, турками и кроатскимъ (хорватскимъ) баномъ, прибѣгнулъ къ искусной уловкѣ, чтобы избавиться на годъ отъ войны съ Сербіею. Онъ написалъ папѣ, что хочетъ перейти изъ православія въ католицизмъ, и папа удержалъ Людовика отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Сербіи. Венгерскій король не рѣшился ослушаться папы. Въ то же время и венеціанцы, неожиданно предоставленные самимъ себѣ, стали стараться отклонить отъ себя грозу, и императоръ Карлъ IV убѣ-

дилъ Людовика заключить съ ними перемиріе. Онъ, однако, продолжалъ вооруженія, готовясь, повидимому, къ войнѣ съ сербскимъ княземъ, который въ 1356 г. внезапно сбросилъ личину. Но оказалось, что Людовикъ имѣлъ въ виду венеціанцевъ. Онъ соединился противъ нихъ съ Альбрехтомъ II Австрійскимъ, императоромъ Карломъ, назначившимъ его имперскимъ намѣстникомъ, патріархомъ аквилейскимъ Николаемъ и многими изъ мелкихъ тиранновъ сѣверо-восточной Италіи и даже съ Франческо Каррарскимъ, который, незадолго передъ тѣмъ, заключилъ въ темницу своего дядю, правителя Падуи, и съ помощью венеціанцевъ овладѣлъ этимъ городомъ. Папа, съ своей стороны, сдѣлалъ венгерскаго короля гонфалоньеромъ (знаменосцемъ) римской церкви. Венгры опустошали Италію въ продолженіе двухъ лѣтъ (1356—1357 г.) и въ то же время съ успѣхомъ воевали въ Далмаціи, гдѣ грубые венеціанскіе матросы и солдаты давно уже успѣли возбудить ненависть къ республикѣ. Все это заставило венеціанцевъ искать мира, который и былъ заключенъ въ 1358 г. Республика уступила венгерскому королю всю Далмацію и дожъ ея сложилъ съ себя титулъ герцога Далмаціи и Кроаціи, а Людовикъ возвратилъ патриціямъ отнятыя имъ у нихъ земли въ Тревизо, Истріи и Фріулѣ.

Въ Кандіи венеціанцы были счастливѣе; они совершенно подчинили себѣ этотъ островъ; но за то и генуезцы, по заключеніи мира, возвратили себѣ полную независимость. Прежній генуэзскій дожъ Симонъ Бокканегра, содержавшійся въ Миланѣ заложникомъ, убѣдилъ Висконти отпустить его въ Геную, обѣщая служить тамъ его интересамъ. Но едва вернувшись на родину, онъ принялся подстрекать народъ къ изгнанію миланцевъ, призванныхъ патриціями, и возстановленію демократіи, душой которой онъ былъ. Народъ послѣдовалъ его внушеніямъ (1356 г.). Патриціи были изгнаны, Бокканегра, снова избранный дожемъ, соединился противъ Милана съ маркграфомъ монферратскимъ, и съ той поры Генуя снова сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ

итальянскихъ государствъ, а въ 1373 г. завоевала и островъ Кипръ.

Изъ остальныхъ итальянскихъ государствъ, Неаполь былъ занятъ незначительными, внутренними междоусобіями, а Флоренція долгое время тщетно добивалась подчинить себѣ Тоскану. Особеннаго вниманія заслуживаютъ только событія въ Миланѣ и Церковной области. По удаленіи изъ Италіи Карла IV, трое братьевъ Висконти очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Противъ нихъ вооружились ломбардскій союзъ и маркграфъ монферратскій, а вслѣдъ затѣмъ и Генуя; въ то же время, отъ нихъ отложился и ближайшій родственникъ ихъ, владѣтель Болоньи (т. VIII. стр. 200), Джіованни д'Оледжіо, когда Варнава составилъ противъ него заговоръ (1356 г.). Наглый развратъ старшаго изъ братьевъ Висконти, оскорблявшій знатнѣйшія миланскія фамиліи, увеличивалъ опасность, грозившую этому дому. Однако счастье, уже нѣсколько вѣковъ благопріятствовавшее фамиліи Висконти, и здѣсь не измѣнило ей. Венеціанцы сами очутились въ затруднительномъ положеніи; маркграфъ монферратскій отнявъ у Висконти, съ помощью графа фонъ Ландау, Новару, вовсе не былъ расположенъ продолжать противъ нихъ непріязненныя дѣйствія, а ломбардскому союзу не доставало единодушія и потому онъ заключилъ въ 1358 г. миръ съ Миланомъ. Но особенно счастливымъ событіемъ для Висконти была смерть ихъ брата Матвѣя въ 1355 г. Были ли виновниками ея его братья или его развратная жизнь, неизвѣстно, но послѣднее вѣроятнѣе. Двое оставшихся въ живыхъ братьевъ раздѣлили между собою владѣнія. По заключеніи мира съ Ломбардіею, одинъ изъ нихъ, Варнава, задумалъ подчинить себѣ Болонью, другой Галеаццо II — Павію. Предпріятіе неудалось: Джіованни д'Оледжіо, видя невозможность устоять, предпочелъ передать Болонью кардиналу Альборносу, чѣмъ уступить ее своему родственнику Варнавѣ (1360 г.). Галеаццо удалось покорить Павію и онъ до того запугалъ маркграфа, что тотъ поспѣшилъ въ Авиньонъ просить защиты у папы. Это случилось

въ то самое время, когда наемныя войска Эдуарда III и Іоанна Добраго, распущенныя послѣ мира въ Бретиньи, разсыпались по всей Франціи и разоряли ее, угрожая самому Авиньону. Чтобы удалить ихъ, Иннокентій VI заплатилъ имъ сто тысячъ экю, съ тѣмъ, чтобы они отправились въ Ломбардію съ маркграфомъ монферратскимъ. Такимъ образомъ въ 1360 г. французы, гасконцы и англичане наводнили Италію; между ними была особенно замѣчательна одна англійская дружина подъ начальствомъ Гауквуда, или Агуто; она играла въ Италіи такую же роль, какъ и нѣмецкая дружина графа фонъ Ландау. Съ той поры, дикіе пришельцы, продававшіе свои условія то той, то другой партіи, стали играть судьбою Италіи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи дѣлъ деньги, жестокость и вѣроломство помогли, сначала Висконти, а потомъ Венеціи, основать свое блистательное могущество.

Висконти владѣли богатѣйшею изъ европейскихъ странъ и правленіе ихъ, прославленное процвѣтаніемъ наукъ, искусствъ и поэзіи, было величаво въ самой своей жестокости; они сами открыто говорили, что правленіе ихъ военно-деспотическое и что они считаютъ жизнь и достояніе подданныхъ своею собственностью. Во всѣхъ случаяхъ они прибѣгали къ полицейскимъ и военнымъ мѣрамъ и устанавливали обременительные налоги совершенно произвольно. До насъ дошло постановленіе двухъ братьевъ Висконти о пыткахъ, какимъ въ продолженіе сорока дней подвергались въ темницахъ политическіе преступники. Хладнокровная жестокость, обнаруживающаяся въ этомъ распоряженіи, достаточно ясно говоритъ, какою дорогою цѣною покупались при Висконти спокойствіе, порядокъ и процвѣтаніе торговли, искусствъ и наукъ. Они явно смѣялись надъ отлученіемъ, которымъ поразилъ ихъ папа Иннокентій VI, установившій, чтобы въ каждый четвергъ передъ Троицей на Висконти изрекалось, съ высоты эшафота, страшное проклятіе; Варнава отвѣтилъ на это предписаніемъ своему духовенству проклинать папу съ высоты башни, при звукѣ трубъ.

Висконти слѣдовали тому принципу, что каждый владѣтель пользуется въ своей странѣ правами императора и папы, и всѣми мѣрами убѣждали въ этомъ сомнѣвающихся. Чтобы досадить папѣ и привлечь къ себѣ тысячи учащихся, стекавшихся въ Болонью, которою правилъ папскій легатъ, Галеаццо Висконти основалъ, въ 1361 г., павійскій университетъ, купивъ привилегію на это у императора, который такъ же, какъ и папа присвоивалъ себѣ исключительное право основывать университеты. Деньги на новое учрежденіе Галеаццо собралъ съ духовенства и основателей церквей, которые выказывали болѣе послушанія къ папѣ, чѣмъ къ нему, и созвалъ туда ученыхъ изъ всѣхъ городовъ, принадлежавшихъ ему самому или его брату. Чтобы придать своей тираніи видъ законности, Варнава купилъ у Карла IV такъ называемую грамату величества, которою императоръ назначилъ его имперскимъ намѣстникомъ въ Брешіи, Кремонѣ, Пармѣ и другихъ городахъ (1360 г.).

Богатство и блескъ двухъ миланскихъ тиранновъ были такъ велики, что одинъ изъ нихъ могъ купить родство съ французскимъ королемъ Іоанномъ Добрымъ и даже съ гордой династіей Плантагенетовъ, а другой съ двумя первыми царственными фамиліями Германіи. Чтобы добыть какимъ бы то ни было средствомъ огромный выкупъ, требуемый Эдуардомъ III, Іоаннъ Добрый продалъ Галеаццо за шестьсотъ тысячъ флориновъ свою несовершеннолѣтнюю дочь, съ тѣмъ чтобы тотъ воспиталъ ее какъ будущую жену своего сына, Іоанна. Такимъ образомъ Висконти упрочили себѣ покровительство Франціи и убѣжище въ ней, на случай надобности, такъ какъ этимъ союзомъ съ Франціею они пріобрѣли владѣнія въ Лангедокѣ, которыя впослѣдствіи они промѣняли на графство Вертю. Второй сынъ Эдуарда III, Ліонель, также поправилъ свое разстроенное состояніе, женясь на дочери богатаго Галеаццо. Черезъ четыре года, другой Висконти, Варнава, выдалъ одну изъ своихъ дочерей за сына австрійскаго герцога Альбрехта II, а другую въ 1369 г. за сына нижне-баварскаго герцога Стефана. Обѣ невѣсты получили въ приданое неслыханную для

того времени сумму денегъ и множество драгоцѣнностей. Бѣдная Германія съ изумленіемъ взирала на эти богатства, важно и подробно высчитываемыя ея мелочными историками. Гораздо важнѣе было то, что обѣ принцессы занесли къ неиспорченному еще народу итальянскіе правила и нравы.

Прежде чемъ перейти къ церковной области, бросимъ взглядъ на состояніе Тосканы и другихъ частей верхней Италіи. Тамъ еще держались могущественныя фамиліи делла Скала, Эсте, Гонзага, Каррара и множество мелкихъ владѣтельныхъ домовъ, подчинившихся впослѣдствіи Висконти или Венеціи. Владычество фамиліи Висконти простиралось отъ центра Тессинскаго кантона до границъ Болоньи и отъ Вероны до Пьемонта, а потомъ распространилось даже на Новару и Тортону. На западной границѣ владѣній Галеаццо, маркграфъ монферратскій основалъ новое государство. Ему помогли въ этомъ англійскія, французскія и нѣмецкія дружины, изъ которыхъ послѣдняя была подъ начальствомъ Оттона Брауншвейгскаго. Маркграфъ началъ съ Галеаццо войну, длившуюся до тѣхъ поръ, пока ихъ не примирилъ папа Урбанъ V, преемникъ Иннокентія (1364 г.). По заключеніи мира, наемныя дружины удалились къ своимъ товарищамъ въ Тоскану и нашли себѣ много занятій въ этой странѣ, раздираемой междоусобіями, въ то время какъ Генуя снова расцвѣтала, наслаждаясь миромъ. Наемныя дружины, подъ предводительствомъ фонъ Баумгартена и Гауквуда, жили въ Тосканѣ на счетъ флорентинцевъ и пизанцевъ, которые вели между собою вѣчную войну; по временамъ эти шайки нападали и на Церковную область, или опустошали какой нибудь изъ ломбардскихъ городовъ.

Въ Церковной области кардиналъ Альборносъ пріобрѣлъ себѣ вѣчную славу: церковь была обязана ему одному возстановленіемъ ея свѣтской власти и перенесеніемъ въ Италію резиденціи папъ. Мы видѣли, что попытка его овладѣть Римомъ съ помощью Ріенци не удалась и что надежды папы Иннокентія на римскій походъ Карла IV не оправдались; но вскорѣ потомъ Альборносъ подчинилъ папѣ Анкону, Сполето и мелкихъ владѣтелей Романьи,

21*

изъ фамилій Малатеста, Полента и Орделаффи (т. VII. стр. 353). Послѣдніе уже цѣлое столѣтіе навлекали на себя проклятіе человѣчества и Данте, еще за полвѣка до того, справедливо сказалъ въ своей поэмѣ, что эти мелкіе тиранны питали въ душѣ вражду и ненависть другъ къ другу, хотя и не были между собою въ открытой войнѣ. Малатеста приняли почетное прозвище Мастини, или бульдоговъ, потому что дѣйствительно впивались зубами въ своихъ подданныхъ. Они и Полента цѣлые полвѣка упражнялись въ самыхъ позорныхъ преступленіяхъ, смѣясь надъ папскимъ отлученіемъ, уже тридцать лѣтъ тяготѣвшимъ надъ ними; но вынужденные, въ 1355 г., покориться кардиналу Альборносу, были очень благосклонно возвращены въ нѣдра церкви, домогавшейся только свѣтской власти. Они уступили папѣ часть своихъ владѣній и дали ему ленную присягу на остальныя.

Въ слѣдующемъ году Альборносъ обратился противъ Франческо Орделаффо, который образовалъ себѣ княжество изъ городовъ Форли, Форлимпополи и Чезены. Этотъ тираннъ смѣялся не только надъ церковью, но и надъ всѣмъ возвышеннымъ и священнымъ; Иннокентій VI справедливо говорилъ о немъ, что у него человѣческаго только одно тѣло. Франческо Орделаффо велѣлъ публично сжечь изображенія папы и кардиналовъ, задушилъ семерыхъ священниковъ, соблюдавшихъ наложенный на него интердиктъ, велѣлъ содрать кожу съ семерыхъ другихъ и умертвилъ родныхъ сыновей за то, что они увѣщевали его отклонить отъ себя церковное отлученіе. Чтобы собрать достаточное число войскъ, Альборносъ объявилъ крестовый походъ противъ Орделаффо, обѣщая отпущеніе грѣховъ всякому, кто купитъ индульгенцію. На это особенно разорились флорентинскія женщины и дѣвушки, такъ что современный историкъ Виллани возстаетъ противъ этой эксплуатаціи слабыхъ душъ, почти такъ же рѣзко какъ Лютеръ, спустя полтораста лѣтъ. Альборносъ убѣдилъ папу назначить венгерскаго короля Людовика главнокомандующимъ крестоносцевъ и предоставить ему за это содѣйствіе церковную десятину съ Венгріи;

эта мѣра привлекла въ Италію грозныя толпы кроатовъ, мадьяровъ, пандуровъ, толпачей и босняковъ, которыя вымѣстили на жителяхъ Романьи вину ихъ тирановъ. Труднѣе всего было Альборносу одолѣть жену Орделаффо, Чію, слѣдовавшую принципамъ мужа. Чія прослыла героинею за мужественную защиту Чезены и, когда наконецъ этотъ городъ былъ взятъ, заперлась въ замкѣ и держалась тамъ до тѣхъ поръ, пока осаждающіе не зажгли деревянной башни замка; она попалась, со своими дѣтьми, въ плѣнъ къ кардиналу (1357 г.). Орделаффо обратился за помощью къ Варнавѣ Висконти и тотъ прислалъ къ нему графа фонъ Ландау съ его дружиною. Альборносъ счелъ за болѣе благоразумное удалить этихъ хищниковъ, заплативъ имъ пятьдесятъ тысячъ золотыхъ флориновъ, чѣмъ сражаться съ ними, тѣмъ болѣе, что сумма эта съ излишкомъ покрылась деньгами, вырученными во Флоренціи продажею индульгенцій. Но успѣхи папскаго дѣла въ Италіи были вскорѣ остановлены: Альборносъ имѣлъ въ Авиньонѣ множество враговъ, которые убѣдили папу отозвать его. Главнокомандующимъ былъ назначенъ на мѣсто его аббатъ Клюньи, обнаружившій вскорѣ такую неспособность, что папа въ слѣдующемъ же году возвратилъ начальство надъ войскомъ испанскому кардиналу. Чрезъ нѣсколько недѣль по возвращеніи Альборноса, Орделаффо, осожденный въ Форли, былъ принужденъ сдаться (1359 г.). Но этотъ безбожный противникъ папы былъ наказанъ не строже Малатесты и Поленты; признавъ надъ собою верховную власть папы, онъ примирился съ церковью, получилъ изъ плѣна свою семью и остался владѣтелемъ Форлимпополи и Кастрокаро.

Въ слѣдующемъ году, Джіованни д'Оледжіо, тѣснимый Варнавою Висконти, продалъ Болонью, какъ мы уже сказали выше, папскому легату и получилъ за это, кромѣ денегъ, въ пожизненное владѣніе другой городъ. Варнава продолжалъ осаждать Болонью и довелъ ея жителей до такой крайности, что Иннокентій долженъ былъ обратиться за помощью не только къ венгерскому королю, но и къ императору, Эдуарду III, и другимъ государямъ.

Онъ пожертвовалъ австрійскому герцогу Рудольфу IV, сыну Альбрехта II, двумя нѣмецкими епископами, съ которыми тотъ былъ въ ссорѣ, и получилъ отъ него обѣщаніе прислать въ Болонью сотню рыцарей. Изъ королей, одинъ Людовикъ Венгерскій оказался послушнымъ сыномъ церкви; но присланныя имъ орды совершали самыя неслыханныя буйства и сдѣлались такимъ же бременемъ для папскихъ подданныхъ, какъ и для подданныхъ Висконти. Съ своей стороны и Варнава набралъ многочисленное войско изъ нѣмецкихъ и французскихъ наемниковъ на деньги, собранныя съ миланскаго духовенства. Но это войско охотнѣе грабило чѣмъ сражалось, и въ слѣдующемъ же году (1361 г.) болонцы, сдѣлавъ вылазку, одержали полную побѣду надъ Варнавою. Конечно, у Варнавы было достаточно денегъ, чтобы набрать новое войско; въ солдатахъ не было недостатка, потому что Италія была наводнена авантюристами всѣхъ націй и одинъ маркграфъ монферратскій привелъ въ тотъ годъ изъ Франціи до десяти тысячъ солдатъ. Тщетно Альборносъ заводилъ переговоры съ могущественнымъ властителемъ Милана, тщетно вступалъ онъ въ союзъ съ фамиліями делла Скала, Каррара, Эсте и Гонзага, тревожимыми возраставшимъ могуществомъ Висконти. Гордый тираннъ былъ неустрашимъ и соглашался на миръ не иначе, какъ на самыхъ унизительныхъ для папы условіяхъ.

Положеніе Италіи было ужасно. Жестокіе тиранны и тысячи наемниковъ опустошали страну; только въ одной Венеціи сохранялась еще нѣкоторая законность и безопасность; въ Неаполѣ съ 1362 г. возникли продолжительныя волненія и къ дополненію всего на цѣломъ полуостровѣ, такъ же какъ и по всей Европѣ, свирѣпствовала уже нѣсколько лѣтъ страшная моровая язва, извѣстная въ русской исторіи подъ именемъ черной смерти. Однако, не смотря ни на что, этотъ періодъ времени былъ порою высочайшаго процвѣтанія Италіи; онъ начался съ того времени и, постепенно развиваясь, достигъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ, своего апогея. Анархія наскучила наконецъ даже римлянамъ, такъ что по смерти

папы Иннокентія, преемникъ его Урбанъ V могъ уже серьезно думать о перенесеніи резиденціи въ Римъ. По умерщвленіи Ріенци, римляне вновь подпали было подъ гнетъ аристократіи, но потомъ возстановили у себя демократическую республику, поставивъ во главѣ ея сапожника Покадору или Бонадору. Захвативъ въ свои руки диктатуру, онъ прогналъ патриціевъ, набралъ себѣ, подобно Ріенци, тѣлохранителей изъ нѣмецкихъ, венгерскихъ и римскихъ наемниковъ и образовалъ изъ гражданъ города національную гвардію въ двадцать двѣ тысячи человѣкъ. Но трусость тогдашнихъ римлянъ, гордыхъ славою своихъ предковъ, была такъ велика, что они, пользуясь выступленіемъ Покадоры въ походъ противъ Веллетри, призвали къ себѣ на помощь кардинала Альборноса. Это случилось въ самый годъ смерти папы Иннокентія. Новый папа находился во время своего избранія въ Италіи, куда былъ посланъ Иннокентіемъ къ неаполитанской королевѣ Іоаннѣ. Онъ сожалѣлъ о печальномъ положеніи страны, сознавалъ необходимость перенести въ Римъ резиденцію папъ, которые, живя въ Авиньонѣ, находились въ двойной зависимости у французскаго и англійскаго королей, и явно высказывалъ, во Флоренціи и другихъ городахъ, свое твердое намѣреніе осуществить этотъ планъ. Въ слѣдующемъ году обстоятельства сложились какъ нельзя благопріятнѣе для цѣли Урбана; то, чего Альборносъ не могъ достичь своими собственными средствами, удалось ему при содѣйствіи фамилій делла Скала, Эсте, Каррара и Гонзага: Варнава Висконти былъ разбитъ на голову союзниками подъ начальствомъ Фельтрино Гонзага и потерялъ не только значительную часть войска, но и множество своихъ приверженцевъ и друзей. Это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе для Висконти, что Урбанъ возобновилъ противъ него отлученіе, которымъ онъ былъ пораженъ еще при Иннокентіи, и свѣтъ приписалъ неудачу его оружія небесной карѣ. Урбанъ примирился и съ потомствомъ Людовика Баварскаго, отъ чего предшественникъ его постоянно отказывался подъ разными предлогами, и баварскій домъ обѣщалъ папѣ помощь противъ Варнавы.

Обѣщаніе это хотя и не было выполнено, но Германія все-таки приняла нѣкоторое участіе въ папской войнѣ. Продажа индульгенцій по ту сторону Альповъ выманила у простодушныхъ нѣмцевъ значительныя суммы, которыя были обращены Урбаномъ на плату безбожнымъ, нѣмецкимъ солдатамъ, воевавшимъ за него въ Италіи. За то во Франціи нельзя было ни продавать индульгенцій, ни проповѣдывать крестоваго похода противу Варнавы; папа былъ даже встревоженъ почти грознымъ ходатайствомъ короля Іоанна за Висконти, а въ Англіи всѣ подобныя папскія распоряженія давно уже были запрещены или затруднены юридическими формальностями. Побѣда папскаго оружія, успѣхи союзниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, опасеніе, чтобы новый папа не возстановилъ противъ нихъ всей Италіи, Германіи и Венгріи заставили наконецъ братьевъ Висконти просить мира, который и былъ заключенъ, весною 1364 г., на выгодныхъ условіяхъ для миланскихъ тиранновъ. Папа не могъ слишкомъ полагаться на обѣщанную ему помощь Германіи и Венгріи; поэтому съ Висконти было снято отлученіе и всѣ отнятыя у нихъ земли были возвращены имъ, за исключеніемъ Болоньи, за которую папа обязался платить извѣстную сумму денегъ.

Заключивъ этотъ миръ, Урбанъ V сталъ думать о приведеніи въ исполненіе своего плана перенести въ Римъ резиденцію папъ. Особенно побуждали его къ этому три обстоятельства. Во первыхъ, онъ проповѣдывалъ въ ту пору всеобщій крестовый походъ противъ османскихъ турокъ, подобный тому, который проповѣдывалъ противъ сельджуковъ Урбанъ II (т. VI. стр. 405), а предпріятіемъ такого рода необходимо было руководить изъ Италіи; во вторыхъ, онъ намѣревался привлечь къ католицизму грековъ, освободивъ ихъ, съ помощью запада, отъ ига османовъ; для этого ему также было удобнѣе дѣйствовать изъ Италіи; въ третьихъ, — и это было важнѣйшее, — бродившія по Франціи наемныя шайки грозили въ Авиньонѣ и новому папѣ, заставляя его даже опасаться за свою жизнь и желать во чтобы то ни стало укрыться отъ ихъ хищничества. Урбанъ V и вѣрный другъ его Петрарка обратились за помощью къ

императору Карлу IV, который былъ готовъ на все нетребовавшее никакихъ пожертвованій, самоотверженія, мужества и вдохновенія идеею. Папа скрывалъ свои намѣренія отъ французскаго короля и кардиналовъ, всѣми силами старавшихся удержать его въ Авиньонѣ, и, не рѣшаясь вести переговоровъ съ императоромъ письменно, попросилъ его пріѣхать въ Авиньонъ. Карлъ IV, охотникъ до путешествій, принялъ это приглашеніе и пріѣхалъ къ папѣ весною 1365 г. Намъ неизвѣстны результаты совѣщаній папы съ императоромъ относительно главнаго вопроса, достовѣрно только, что папа изложилъ ему свой планъ очищенія Франціи, Италіи и Испаніи отъ хищныхъ наемныхъ шаекъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы соединить эти дикія толпы въ одну армію и отправить ее, на счетъ христіанства, сражаться съ османами. Карлъ IV дѣйствовалъ и въ этомъ случаѣ сообразно принципамъ своей итальянско-славянской политики. Вначалѣ онъ, повидимому, согласился съ папою, но потомъ сталъ ему противодѣйствовать и положительно отрекся отъ своего слова, встрѣтивъ въ Германіи рѣшительный отказъ пропустить толпы хищниковъ. Итальянцамъ, которые убѣдительно просили папу избавить ихъ отъ этихъ бродячихъ шаекъ, онъ предложилъ то же самое средство. Такъ какъ отлученіе и интердиктъ не имѣли никакого дѣйствія на этотъ классъ людей, папа предложилъ итальянскимъ государствамъ собрать въ Болоньѣ конгрессъ и обсудить на немъ проектъ отправки наемныхъ дружинъ на счетъ христіанскихъ государствъ въ крестовый походъ противъ турокъ. Урбанъ V не пригласилъ къ участію въ конгрессѣ однихъ Висконти, вѣроятно зная, что они держали на жалованьи почти всѣхъ предводителей наемныхъ шаекъ для того, чтобы каждую минуту имѣть возможность собрать войско или разстроить предпріятія другихъ государствъ посредствомъ подкупныхъ предводителей ихъ войска.

Какъ софистъ и риторъ, Петрарка игралъ въ это время весьма значительную роль. Раздѣляя виды Урбана, онъ уже давно возвѣстилъ боготворимой имъ до смѣшнаго Италіи перенесеніе въ

Римъ папской столицы и возстановленіе древней славы этого города. Онъ писалъ императору поэтически-прозаическія письма, увѣщевая его ввести папу въ Римъ; писалъ такія же и папѣ, увѣряя, что его появленіе въ Римѣ заставитъ удалиться чужеземныхъ притѣснителей; онъ писалъ ихъ наконецъ всѣмъ, кто пользовался какимъ нибудь значеніемъ или вліяніемъ, стараясь своимъ цвѣтистымъ краснорѣчіемъ воодушевить всѣхъ къ освобожденію Италіи. Но въ то же время этотъ энтузіастъ свободы отправился въ Миланъ, ко двору безстыднѣйшаго изъ тиранновъ, потому что тотъ былъ его поклонникомъ и восхищался его манифестами. Въ дѣлѣ папы Карлъ IV показалъ себя достойнымъ ученикомъ Петрарки: онъ былъ щедръ на слова и скупъ на дѣло, увѣрялъ папу въ своей готовности ввести его въ Римъ, спрашивая долженъ ли онъ предшествовать ему, прокладывая дорогу, или слѣдовать за нимъ, уничтожая его враговъ, но въ дѣйствительности не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Онъ, правда, созвалъ во Франкфуртъ имперскій сеймъ (1366 г.), но это было сдѣлано только для того, чтобы до послѣдней минуты придавать дѣлу видъ твердаго намѣренія; этотъ сеймъ, какъ и всегда, имѣлъ результатомъ одни пышныя слова. Наконецъ папа потерялъ терпѣніе и рѣшился вступить въ Римъ одинъ. Чтобы задобрить Висконти и другихъ смертельныхъ враговъ гордаго кардинала Альборноса, Урбанъ V вѣжливо удалилъ его подъ предлогомъ посольства въ Неаполь. Убѣдившись въ рѣшимости папы оставить Авиньонъ, римляне пришли въ живѣйшую радость, и вся Италія, за исключеніемъ Висконти, предложила свои услуги первосвященнику; но французскій король и коллегія кардиналовъ до послѣдней минуты употребляли всѣ усилія, чтобы удержать папу въ Авиньонѣ. Но ни интриги Карла V, французскаго короля, ни слезы, вопли и укоры кардиналовъ, ни угрозы Висконти Генуѣ, предложившей папѣ флотъ, не заставили его измѣнить своего твердаго рѣшенія. Въ концѣ апрѣля 1367 г. онъ въ сопровожденіи кардиналовъ отправился въ Марсель, пробылъ тамъ до 22 мая и оттуда прибылъ 4 іюля въ Геную,

совершивъ переѣздъ на великолѣпномъ флотѣ, который прислали къ нему Пиза, Генуя, Венеція и неаполитанская королева. Изъ Генуи онъ переѣхалъ въ Витербо, гдѣ остался дожидать императора, который долженъ былъ ввести его въ Римъ. Но такъ какъ Карлъ не явился, а въ Витербо вспыхнуло возстаніе, которое съ трудомъ удалось подавить, то Урбанъ пріѣхалъ въ Римъ ранѣе чѣмъ располагалъ. Народъ съ восторгомъ встрѣтилъ вернувшагося къ нему папу, который и поселился въ возстановленномъ для него папскомъ дворцѣ.

IV. ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ

ОТЪ ПАДЕНІЯ ОМЕЯДОВЪ ДО ГЕНРИХА ТРАСТАМАРСКАГО.

---

1. До смерти кастильскаго короля Фердинанда Святаго.

Въ средніе вѣка Испанія представляла странную смѣсь германско-христіанской цивилизаціи съ персидско-арабско-индійскою культурою мухаммеданъ, а многія открытія, ремесла и науки, какъ напримѣръ: математика, астрономія, медицина и другія, перешли къ намъ изъ далекой Индіи черезъ Персію, Сирію, Египетъ, сѣверную Африку и Испанію. Это придаетъ особенное значеніе мухаммеданскимъ и христіанскимъ государствамъ Испаніи. Мы уже говорили, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находились первыя и какимъ образомъ возникли послѣднія (т. V. стр. 104 и 130). Въ началѣ одиннадцатаго вѣка, огромная мухаммеданская имперія Омеядовъ распалась на множество мелкихъ государствъ, имѣвшихъ столицами Кордову, Севилью, Гранаду, Малагу, Валенсію, Бадахосъ, Толедо, Сарагоссу и другіе города; напротивъ, христіанскія провинціи соединились, хотя и на короткое время, подъ скипетромъ Санчо Маіора, или Великаго, короля наваррскаго. Это

христіанское государство, въ свою очередь, распалось по смерти Санчо (1035 г.) и было раздѣлено, какъ уже выше сказано, между его четырьмя сыновьями (т. V. стр. 130). Одно изъ этихъ четырехъ государствъ исчезло спустя нѣсколько лѣтъ и мѣсто его заняло графство барселонское и каталонское, входившее нѣкогда въ составъ франкской имперіи (т. V. стр. 110 и 115) и сдѣлавшееся значительнымъ при Раймундѣ Беренгарѣ I (1035 — 1076 г.). Такимъ образомъ въ половинѣ одиннадцатаго вѣка въ Испаніи было четыре христіанскихъ государства: графство каталонское и королевства Наварра, Арагонія и Кастилія.

Кастилія досталась второму сыну Санчо Маіора, Фердинанду I. Въ 1038 г. къ ней присоединились Галлиція, Астурія и Леонъ; но по смерти Фердинанда (1067 г.) эти провинціи вновь отдѣлились, потому что и въ Испаніи, какъ въ Германіи, государства считались фамильнымъ достояніемъ государей. Фердинандъ раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, Санчо II, Альфонсомъ VI и Гарсіею, и сверхъ того далъ по особой провинціи двумъ дочерямъ, Уракѣ и Эльвирѣ. Санчо получилъ Кастилію, Альфонсъ — Леонъ и Астурію, Гарсія — Галлицію. Исторія Кастиліи, романтическая и кровавая какъ и исторія Арагоніи, Каталоніи и мавританскихъ государствъ, со временъ Санчо совершенно теряется въ области поэзіи. Къ этому времени относятся разсказы о героѣ Родриго Діасѣ, прозванномъ Кампеадоромъ, т. е. великимъ полководцемъ, или, какъ его обыкновенно называютъ, Сидѣ, т. е. вождѣ. Этотъ рыцарь, жившій до 1039 г., былъ для испанцевъ тѣмъ же, чѣмъ Ахиллесъ для древнихъ грековъ, т. е. главнымъ героемъ ихъ эпической поэзіи. Испанцы, до сихъ поръ предпочитающіе, подобно арабамъ, поэтическій вымыселъ голой истинѣ, прославили своего Сида въ безчисленныхъ романсахъ и поэмахъ, такъ что въ его исторіи трудно опредѣлить, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается фантазія. Сидъ помогъ Санчо изгнать другихъ сыновей Фердинанда изъ ихъ владѣній. Въ поэмахъ говорится, что Сидъ, побѣдивъ Альфонса,

взялъ его въ плѣнъ и постригъ въ монахи; но тотъ съ помощью сестры своей Ураки бѣжалъ къ маврамъ, въ Толедо. Гарсія также не устоялъ противъ Санчо и нашелъ защиту и убѣжище въ Севильи, у мавританскаго короля. Альфонсъ вскорѣ вернулся изъ изгнанія, а въ то же время Санчо былъ предательски умерщвленъ, вѣроятно при содѣйствіи Ураки (1072 г.). Альфонсъ не только получилъ обратно свои владѣнія, но и сдѣлался королемъ Кастиліи; впрочемъ сословія (кортесы) этого государства предварительно заставили его дать клятву въ томъ, что онъ не участвовалъ въ убійствѣ брата. Альфонсъ тотчасъ вступилъ въ борьбу съ полководцемъ своего брата, Сидомъ, борьбу, воспѣтую такимъ же множествомъ поэтовъ, какъ и троянская война, походы Александра Македонскаго, исторія Артура или подвиги паладиновъ Карла Великаго. Въ испанской поэмѣ, гнѣву Ахиллеса въ Иліадѣ соотвѣтствуетъ настойчивость Сида, вынуждающаго у короля очистительную клятву, которой никто не имѣлъ права требовать отъ него; Альфонсъ долженъ былъ даже принесть эту клятву гордому герою дважды и за то сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Изгнанный изъ Кастиліи, Сидъ отправился воевать съ невѣрными.

Исторія короля Альфонса VI имѣетъ точно такой же романическій оттѣнокъ, какъ и преданіе о Сидѣ. Альфонсъ началъ царствованіе съ того, что овладѣлъ, посредствомъ измѣны и обмана, своимъ братомъ Гарсіею, вернувшимся изъ Севильи, и бросилъ его въ темницу, гдѣ тотъ томился до самой смерти; вслѣдъ за тѣмъ онъ предпринялъ знаменитый крестовый походъ противъ Толедо, прославленный каталонскими и провансальскими поэтами. Этотъ походъ былъ прелюдіею перваго крестоваго похода. Въ лагерь его стеклись рыцари Наварры, Арагоніи, Франціи и даже Германіи, и древняя столица вестготовъ была наконецъ взята послѣ семилѣтней осады, въ 1085 г. Для поэтовъ и историковъ этотъ походъ былъ въ полномъ смыслѣ троянскою войною. Кромѣ Толедо, Альфонсъ покорилъ всю страну между Тахо и Гвадіаною.

Вообще исторія этого государя, какъ и вся исторія средневѣковой Испаніи, представляетъ непрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ и междоусобій. Знатные вассалы, почти независимо жившіе въ своихъ замкахъ, воюютъ то съ королемъ, то между собою, то съ своими мусульманскими и христіанскими сосѣдями. Земледѣліе и война были исключительными занятіями испанцевъ, у которыхъ, какъ и у римлянъ, миръ составлялъ исключеніе.

Вслѣдъ за покореніемъ Толедо, отношенія между христіанскимъ и мусульманскимъ населеніемъ Испаніи измѣнились вслѣдствіе появленія морабитовъ. Морабитами или морабетами, а также лемтунами, называлось одно арабское племя, кочевавшее на сѣверномъ берегу Африки; въ половинѣ одиннадцатаго вѣка, Абдалла бенъ Ясинъ обратилъ ихъ въ исламъ и воодушевилъ фанатическою ревностью къ распространенію этого ученія. Около тысячи человѣкъ отказались, вмѣстѣ съ Абдаллою, отъ всѣхъ земныхъ радостей и обязались служить своей вѣрѣ словомъ и оружіемъ. Въ то время, когда они не проповѣдывали и не сражались, они удалялись въ рабиты, или пещеры среди пустынь, отчего и получили прозваніе морабитовъ, или, какъ говорятъ европейцы, альморавидовъ. При Абдаллѣ бенъ Ясинѣ и его двухъ преемникахъ, Абу Бекрѣ бенъ Омарѣ и Юссуфѣ бенъ Ташфинѣ, морабиты распространились по всей странѣ отъ Танхера до Алжира и по западному берегу древней Мавританіи, а въ 1062 г. основали себѣ новую столицу, нынѣшній Марокко. Испанскіе мавры, тѣснимые Альфонсомъ VI, призвали къ себѣ своихъ храбрыхъ и счастливыхъ единовѣрцевъ морабитовъ, которые вняли ихъ призыву и въ 1086 г. отправились въ значительномъ числѣ въ Испанію подъ предводительствомъ Юссуфа бенъ Ташфина. Въ октябрѣ онъ встрѣтилъ на равнинѣ Салакѣ, близъ Бадахоса, войско кастильскаго короля, къ которому примкнуло множество авантюристовъ изъ Франціи, Бургундіи и другихъ странъ. Христіане были разбиты на голову въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, но морабиты не слишкомъ дѣятельно про-

должали войну, и въ слѣдующемъ году обратились даже противъ своихъ единовѣрцевъ. Подчинивъ себѣ многочисленныхъ мусульманскихъ государей Испаніи, Юссуфъ назвался главою правовѣрныхъ и сдѣлался до того могущественнымъ, что, по свидѣтельству одного арабскаго лѣтописца, за него молились въ тысячи семистахъ мечетяхъ.

Не смотря на пораженіе, христіане продолжали вести борьбу довольно успѣшно, пока за годъ до смерти Альфонса не были вторично разбиты въ большой битвѣ при Уклесѣ (1108 г.). Въ числѣ множества крестоносцевъ, явившихся къ нимъ на помощь во главѣ своихъ вассаловъ и авантюристовъ, находился графъ Генрихъ Бургундскій, младшій сынъ герцога Эвда Бургундскаго, отецъ котораго, капетингъ Робертъ, основалъ древнѣйшую линію бургундскихъ герцоговъ (т. VI. стр. 61). Чтобы удержать въ Испаніи этого героя, Альфонсъ VI выдалъ за него свою побочную дочь Терезу и далъ ему въ ленное владѣніе всю страну между Миньо и Дуэро, съ правомъ распространять свои завоеванія далѣе на югъ. Эта часть страны называлась Португаліею, отъ города Порто Кале (Опорто). Генрихъ оставался до смерти Альфонса вассаломъ Кастиліи, но потомъ объявилъ себя независимымъ, а сынъ его, Альфонсъ I, принялъ даже, въ 1139 г., королевскій титулъ. Этотъ второй португальскій государь установилъ на собраніи сословій въ Ламего (1143 г.) законы, опредѣлявшіе устройство и администрацію государства. Они принадлежали къ числу лучшихъ средневѣковыхъ законодательствъ, на сколько однако строго опредѣленныя учрежденія могли согласоваться съ тогдашнимъ порядкомъ вещей. Законы Кастиліи и Арагоніи не отдавали жизни и имущества гражданъ на произволъ государя и его министровъ, а ставили ихъ подъ покровительство лучшихъ и умнѣйшихъ людей націи. Черезъ четыре года послѣ сейма въ Ламего, Альфонсъ I завоевалъ съ помощью нижне-германскихъ и фламандскихъ крестоносцевъ городъ Лиссабонъ, гдѣ и основалъ свою резиденцію (т. VI. стр. 450). Альфонсу пришлось вести продол-

жительную войну съ кастильцами, не признававшими независимости португальскаго королевства. Враги избрали наконецъ судьею папу Александра III, который и рѣшилъ ихъ споръ въ пользу Португаліи, или скорѣе въ пользу римскаго престола (1179 г.). Португалія была объявлена независимою, но поставлена подъ особое покровительство папы, за которое должна была платить ему ежегодную дань.

Юссуфъ бенъ Ташфинъ умеръ въ 1106 г. ста лѣтъ отъ роду. Его сынъ и преемникъ, Али бенъ Юссуфъ, предоставилъ вначалѣ веденіе войны съ христіанами брату, но послѣ сраженія при Уклесѣ самъ явился въ Испанію, обозначая свой путь пожарами и опустошеніями. Между христіанами господствовали въ то время раздоры. Альфонсъ VI умеръ, не оставивъ сыновей, и ему наслѣдовалъ въ Кастиліи второй мужъ его дочери Ураки, Альфонсъ I, король Арагоніи и Наварры, давшій невѣрнымъ не менѣе тридцати девяти сраженій и прозванный за то своими подданными, высокопарными какъ жители востока, Батальядоромъ, или Бойцомъ. Въ Галлиціи былъ провозглашенъ королемъ Альфонсъ VII Раймундесъ, сынъ Ураки отъ перваго брака ея съ бургундскимъ графомъ Раймундомъ. Впослѣдствіи Урака перессорилась съ мужемъ и съ сыномъ и начала съ обоими войну. По ея смерти, въ 1126 г., сынъ ея былъ признанъ кастильскимъ королемъ, но ему пришлось оспаривать престолъ у отчима, который былъ однако принужденъ отказаться отъ своихъ притязаній. Въ войнѣ съ невѣрными Альфонсъ Батальядоръ былъ счастливѣе; онъ отнималъ у нихъ одинъ городъ за другимъ и овладѣлъ даже неприступною Сарагоссою, которая сдѣлалась съ той поры столицею арагонскихъ королей. Но послѣдній, безразсудный походъ Альфонса стоилъ ему жизни. Онъ сдѣлалъ двѣ непростительныя ошибки: во первыхъ, присвоилъ себѣ первенство надъ всѣми испанскими государями, назвавшись королемъ Испаніи, во вторыхъ, основалъ орденъ защитниковъ вѣры скорѣе въ духѣ ислама, чѣмъ въ духѣ христіанства. Титулъ свой онъ долженъ былъ впослѣд-

ствіи сложить, а орденъ также продолжалъ существовать очень недолго. Альфонсъ предоставилъ ему, по духовному завѣщанію, Арагонію и Наварру сообща съ орденами тампліеровъ и іоаннитовъ, возникшими въ то время въ Палестинѣ; онъ предполагалъ такимъ образомъ подчинить свои провинціи управленію военно-іерархической аристократіи, подобно тому, какъ была предоставлена впослѣдствіи тевтонскому ордену Пруссія (т. VI. стр. 428 и т. VIII. стр. 76). Но Арагонія и Наварра отвергли его распоряженіе. Наваррцы избрали въ короли потомка своихъ старинныхъ государей, Гарсію VI; арагонцы, брата Альфонса Батальядора, Рамиро II, который былъ уже постриженъ въ монахи и прожилъ сорокъ лѣтъ въ монастырѣ. Вступивъ на престолъ, онъ женился, прижилъ съ женою дочь Петронелью и снова удалился въ монастырь. Петронелья была помолвлена въ 1137 г. за Раймунда Беренгара IV, графа Барселоны и Каталоніи, который немедленно сдѣлался регентомъ наслѣдія своей невѣсты. Вслѣдствіе этого брака, Каталонія навсегда слилась съ Арагоніею.

Въ слѣдующемъ году, монархія испанскихъ морабитовъ снова раздѣлилась; ихъ распри благопріятствовали предпріятіямъ христіанъ, у которыхъ все государственное устройство было рыцарски-военнымъ. Въ 1147 г. кастильцы овладѣли важнымъ морскимъ портомъ Альмеріею, а арагонцы, черезъ два года, Тортосою, лежащею при устьи Эбро; и тѣ и другіе совершили эти завоеванія съ помощью генуезцевъ и пизанцевъ. Вскорѣ по смерти Раймунда Беренгара (1162 г.), которому наслѣдовалъ сынъ его, Альфонсъ II, арагонская династія пріобрѣла по наслѣдству и Провансъ. Но Провансъ не долго оставался въ соединеніи съ Арагоніею: Альфонсъ II отдалъ его второму сыну, который и основалъ въ немъ отдѣльную, провансальско-арагонскую династію (т. VII. стр. 288). Провансъ и Арагонія не имѣли ничего общаго: языкъ, нравы и законы ихъ были совершенно различны. Въ Кастиліи же, по смерти Альфонса VIII (1157 г.), отдѣлились другъ отъ друга провинціи, населеніе которыхъ составляло одинъ народъ. Старшій сынъ Альфонса,

Санчо III, получилъ Кастилію, а младшій, **Фердинандъ** II — Леонъ, Галлицію и Астурію. Слѣдствіемъ раздѣла были безпрестанныя войны между обоими сосѣдними государствами. Въ то же время Кастилія, Леонъ, Наварра и Арагонія были раздираемы междоусобіями и кровавыми жестокостями; особенно въ первомъ изъ этихъ государствъ, преждевременная смерть короля Санчо (1158 г.) и малолѣтство сына его **Альфонса** VIII послужили поводомъ къ величайшимъ безпорядкамъ и звѣрскимъ жестокостямъ. Кастильская знать, и безъ того не признававшая никакой власти, живя въ своихъ владѣніяхъ, раздѣлилась на конфедераціи, и двѣ фамиліи, **Лара** и **Кастро**, сильныя многочисленностью своихъ вассаловъ, оспаривали другъ у друга права опеки надъ королемъ. Сверхъ того въ Испаніи было еще много недовольныхъ орденами тампліеровъ и іоаннитовъ, имѣвшими тамъ богатыя владѣнія; гордые тампліеры позабывали среди роскоши о своей обязанности защищать страну, а рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго болѣе думали о Востокѣ, чѣмъ объ Испаніи. Это побудило испанцевъ учредить у себя, съ разрѣшенія папы, новые рыцарскіе ордена. Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, въ Кастиліи возникли ордена **Алькантары** и **Калатравы**, въ Галлиціи, орденъ св. **Іакова**, а въ Португаліи, орденъ рыцарей **Эворы**, или какъ ихъ назвали впослѣдствіи отъ ихъ главнаго за́мка, рыцарей **Ависа**. Эти воинственные союзы составляли, какъ и всѣ рыцарскіе ордена, родъ постояннаго войска, пополнявшагося на собственныя средства. Они имѣли тѣмъ болѣе важное вліяніе на судьбу христіанско-рыцарской Испаніи, что во время ихъ учрежденія, посреди раздоровъ между христіанами, на развалинахъ морабитской имперіи возникалъ новый, страшный союзъ фанатическихъ, африканскихъ племенъ.

Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, въ Сусѣ, принадлежавшемъ къ африканской имперіи морабитовъ, явился тамошній уроженецъ **Мухаммедъ бенъ Тумеръ**, и сталъ выдавать себя за Магади (т. V. стр. 135). Фанатизмъ и алчность доставили ему множе-

ство приверженцевъ, которые приняли названіе могадовъ или альмогадовъ, т. е. соединенныхъ. Самъ Мухаммедъ былъ только пророкомъ и фанатикомъ, но и у него, какъ у перваго пророка Мухаммеда, были свои Халеды, Абу Убейды и Амру, готовые поддерживать и распространять мечомъ его ученіе (т. V. стр. 31, 44 и 46). Эти вожди фанатическихъ ордъ мнимаго пророка Магади хлынули на имперію морабитовъ, разбили высланныя противъ нихъ войска и одержали наконецъ близь Марокко полную побѣду, рѣшившую судьбу морабитовъ. Магади вскорѣ умеръ и главою его неистовыхъ ордъ былъ избранъ одинъ изъ ихъ вождей, Абдельмуминъ. Тогдашнему повелителю морабитовъ, Али бенъ Юссуфу, удалось продержаться до самой смерти; но сынъ его, Ташфинъ бенъ Али, былъ черезъ два года убитъ могадами (1145 г.) и вся африканская имперія морабитовъ подпала подъ владычество новой, воинственной секты. Абдельмуминъ, принявшій уже въ 1133 г. титулъ главы правовѣрныхъ, равный императорскому, подчинилъ своей власти весь сѣверный берегъ Африки, до самаго Египта, и повелъ свои войска даже въ Испанію, гдѣ покорилъ Кордову, Гранаду, Севилью и другіе города и провинціи, а въ 1157 г. истребилъ на полуостровѣ послѣдніе слѣды владычества морабитовъ. Это подвергло большой опасности христіанскія государства, развившія свои силы въ продолженіе борьбы мусульманскихъ династій. Впрочемъ Абдельмуминъ вскорѣ умеръ (1162 г.), а второй сынъ его и преемникъ, Юссуфъ Абу Якубъ, долженъ былъ воевать то съ братьями, то съ племянниками и другими мятежниками, такъ что христіане снова имѣли нѣкоторый отдыхъ. Юссуфъ могъ явиться въ Испанію только черезъ восемь лѣтъ по смерти отца. Христіанскіе и мусульманскіе лѣтописцы изображаютъ намъ походы Юссуфа на христіанъ совершенно различно; впрочемъ, достовѣрно извѣстно, что у него былъ составленъ превосходный планъ для этихъ походовъ, которые онъ и началъ съ Португаліи; къ счастью для христіанъ, онъ нашелъ себѣ достойнаго соперника въ португальскомъ принцѣ Санчо I, который черезъ годъ наслѣдовалъ

Альфонсу I. Санчо разбилъ могадовъ въ кровопролитномъ сраженіи при Сантаремѣ, въ которомъ былъ смертельно раненъ самъ Юссуфъ (1184 г.).

Португальцы и кастильцы воспользовались смертью главы правовѣрныхъ и волненіями въ Африкѣ по поводу престолонаслѣдія, чтобы отмстить мусульманамъ за ихъ опустошенія. Предпріятіе это кончилось неудачно. Санчо I Португальскій долженъ былъ снова очистить покоренные имъ города и тысячи христіанъ отправились въ Африку въ неволю. Альфонсъ VIII Кастильскій ворвался было въ Андалузію и своею хвастливой насмѣшкой привелъ въ крайнее раздраженіе могущественнаго главу правовѣрныхъ, Якуба, сына Юссуфа; но былъ аттакованъ всѣмъ войскомъ могадовъ. Альфонсъ тщетно звалъ на помощь королей Леона, Наварры, Арагоніи и Португаліи. Врагами его предводительствовалъ Фердинандъ де Кастро, фамилія котораго должна была уступить первенство въ Кастиліи фамиліи Лара. Альфонсъ понесъ при Аларкосѣ (1195 г.) полнѣйшее пораженіе, какое только испытывали христіане съ самаго появленія мавровъ въ Испаніи; кастильское войско было истреблено; маврамъ досталась несмѣтная добыча и въ слѣдующемъ году они наводнили Старую Кастилію и Эстремадуру. Однако болѣзни и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ вскорѣ вынудили главу могадовъ прекратить опустошенія и заключить перемиріе. Альфонсъ началъ тогда войну съ Наваррою и Леономъ, не оказавшими ему помощи противъ невѣрныхъ, и разъединеніе между испанскими государствами было тогда такъ велико, что Наварра прибѣгла подъ защиту невѣрныхъ, не смотря на отлученіе отъ церкви, которымъ папа Целестинъ III грозилъ ей за союзъ съ ними. Когда Кастилія помирилась съ Леономъ, Альфонсъ Кастильскій, чтобы упрочить этотъ миръ, выдалъ за короля леонскаго Альфонса IX свою дочь Беренгарію (1197 г.). Но папа Целестинъ и преемникъ его Иннокентій III расторгли этотъ бракъ по поводу близкаго родства между обѣими фамиліями и потребовали, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, чтобы

счастливая чета была разведена. Они настаивали до тѣхъ поръ, пока Беренгарія не покинула любимаго мужа, чтобы избавиться отъ бремени церковнаго проклятія (1204 г.). Но по крайней мѣрѣ возвращеніе ея въ Кастилію принесло пользу, помиривъ отца ея съ мужемъ, которые возобновили было ожесточенную войну. Сынъ Беренгаріи, Фердинандъ Святой, еще до расторженія этого брака былъ признанъ леонскими кортесами будущимъ преемникомъ своего отца.

Между тѣмъ Могадъ Якубъ умеръ въ 1199 г., а сынъ его Мухаммедъ эль Насръ мало заботился объ Испаніи, пока звѣрства, совершаемыя рыцарями Калатравы во время ихъ набѣговъ на Андалузію, не вывели его изъ терпѣнія. Тогда Мухаммедъ собралъ такое многочисленное войско, что можно было предполагать въ немъ намѣреніе покорить всю Испанію. Съ своей стороны и христіанство приготовилось дать сильный отпоръ. Все испанское рыцарство вооружилось, Иннокентій III и многіе изъ французскихъ епископовъ возвѣстили крестовый походъ противъ мавровъ, вслѣдствіе чего изъ многихъ странъ Европы были посланы въ Испанію огромныя суммы денегъ и около ста тысячъ войска, въ томъ числѣ до десяти тысячъ всадниковъ. Но эти чужеземныя войска подобно крестоносцамъ, отправлявшимся въ Палестину, много повредили себѣ своею необузданною жестокостью; прежде всего эта жестокость обрушилась на евреевъ, которыхъ тогда въ Испаніи было множество, а потомъ и на самихъ христіанъ. Вспомнивъ какъ затруднительно даже въ наше время содержаніе большаго войска, мы легко поймемъ, что при тогдашнихъ нравахъ и бытѣ эти толпы крестоносныхъ рыцарей и простолюдиновъ были въ высшей степени обременительны для страны, къ которой они являлись на помощь. Не смотря на то, что у Мухаммеда было до полумилліона войска, онъ избѣгалъ вначалѣ сраженія съ христіанами въ открытомъ полѣ, очень вѣрно расчитывая, что чужеземные помощники вскорѣ покинутъ ихъ. Такъ и случилось. Взявъ два укрѣпленныхъ города, чужеземное рыцарство сочло свой обѣтъ выполненнымъ и верну-

лось домой. Тогда только Мухаммедъ рѣшился дать христіанамъ сраженіе, но и въ этомъ случаѣ ему пришлось имѣть дѣло со всѣми военными силами христіанской Испаніи. Это рѣшительное сраженіе произошло въ іюлѣ 1212 г. въ равнинѣ при Толосѣ (las Navas de Tolosa), у подошвы Сіерры Морены. Христіане одержали полную побѣду надъ маврами и владычество могадовъ окончательно пало. Впрочемъ, нужно быть испанцемъ, чтобы вѣрить нѣкоторымъ историкамъ побѣдившей стороны, утверждающимъ, что въ этой битвѣ погибло двѣсти тысячъ мусульманъ и только двадцать тысячъ христіанъ.

Въ слѣдующіе годы, какъ христіане, такъ и могады были заняты внутренними междоусобіями. Въ Кастиліи, Леонѣ, Арагоніи и Португаліи возникли сильныя распри по поводу престолонаслѣдія и регентства. Впрочемъ, эти безпрестанные безпорядки имѣли свою полезную сторону: они заставляли націи бодрствовать; каждый землевладѣлецъ, каждый зажиточный крестьянинъ былъ готовъ сдѣлаться воиномъ, и по этому, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, всегда легко было собрать войско противъ враговъ вѣры. Такія обстоятельства наступили именно въ описываемую нами эпоху; имперія могадовъ грозила распасться, или вѣрнѣе, окончательно рушиться, какъ почти всѣ обширныя, восточныя имперіи. Мухаммедъ эль Насръ умеръ въ 1213 году, отравленный собственными министрами, а сынъ его Юссуфъ эль Мостансеръ, испытавъ въ Испаніи пораженіе, вовсе удалился отъ занятій государственными дѣлами и умеръ преждевременно въ 1223 г. Такъ какъ онъ не оставилъ наслѣдниковъ мужскаго пола, то въ Африкѣ возникли безпорядки и кровопролитные споры за престолъ, окончившіеся тѣмъ, что власть перешла въ руки самаго жестокаго изъ могадовъ, Аламануна, а испанскіе намѣстники отказались повиноваться. Отпавъ отъ могадовъ, иные изъ нихъ искали защиты у христіанъ, а другіе, обвинивъ марокканцевъ въ ереси, прибѣгли подъ покровительство правовѣрнаго восточнаго халифа или аббасидовъ, сохранявшихъ тогда одинъ

призракъ своего прошлаго могущества. Въ числѣ обратившихся къ аббасидамъ, особенно извѣстенъ намѣстникъ Мурсіи и Андалузіи, Мухаммедъ бенъ Юссуфъ, происходившій отъ древней фамиліи Гудъ и потому называемый у христіанъ Абенгудомъ.

Въ Кастиліи, Альфонсу VIII наслѣдовалъ несовершеннолѣтній сынъ его Генрихъ I (1214 г.), а послѣ него, въ 1217 г., корона перешла къ его сестрѣ Беренгаріи, разведенной женѣ короля леонскаго, Альфонса IX, такъ какъ въ Кастиліи по смерти сыновей короля наслѣдовали его дочери. Но Беренгарія вскорѣ отреклась отъ престола въ пользу своего сына Фердинанда III Святаго, который былъ уже признанъ кортесами или сословіями Леона за будущаго преемника его отца, Альфонса IX. Отецъ и сынъ вели долголѣтнюю войну съ Абенгудомъ, потомъ перессорились между собою, и Альфонсъ назначилъ, передъ смертью, наслѣдницею Леона свою дочь (1230 г.). Но кортесы вручили корону Фердинанду, постановивъ закономъ, чтобы Кастилія и Леонъ составляли на вѣчныя времена нераздѣльное цѣлое, и чтобы власть только въ такомъ случаѣ переходила въ женское колѣно, если не останется ни одного наслѣдника мужскаго пола. Сдѣлавшись королемъ Кастиліи и Леона, Фердинандъ неутомимо принялся за осуществленіе своего плана очистить Испанію отъ мавровъ, или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ власть гранадскими горами. Мусульманская Испанія была раздроблена на три части: одна изъ нихъ, со столицею Севильей, еще принадлежала могадамъ; изъ остальнаго, значительно большею частію владѣлъ Абенгудъ, а меньшею другой приверженецъ Аббасидовъ. Воюя между собою, эти три государя поочередно призывали на помощь кастильцевъ, пока наконецъ раздраженный народъ не убилъ одного изъ нихъ, заставивъ двухъ остальныхъ соединиться, подъ предводительствомъ Абенгуда, противъ христіанъ. Мухаммеданское войско дало христіанамъ сраженіе при Хересѣ де ла Фронтера (1233 г.), въ которомъ христіане одержали блистательную побѣду. Христіанскіе историки и поэты украсили эту побѣду цвѣтами своей фантазіи: по словамъ

ихъ самъ апостолъ Іаковъ, на бѣломъ конѣ, принималъ участіе въ этой битвѣ, графъ Альваръ Пересъ дѣлалъ чудеса храбрости и побѣда стоила христіанамъ только одного человѣка. Фердинандъ Святой велъ потомъ до самой смерти безпрерывную войну съ невѣрными, одерживая побѣды надъ Абенгудомъ и его преемникомъ Абу Саидомъ. Мухаммедане кромѣ другихъ городовъ потеряли тогда Кордову, Хаэнъ и наконецъ даже Севилью, которая съ паденіемъ Кордовы сдѣлалась самымъ богатымъ и населеннымъ изъ испанскихъ городовъ. Христіане упрочили свое господство въ Андалузіи, и невѣрные держались еще только въ самой незначительной части Испаніи. Естественно, что при извѣстной склонности испанцевъ къ романтизму все царствованіе Фердинанда Святаго облечено ими въ поэтическую форму. Этотъ государь слѣдовалъ въ покоренныхъ имъ странахъ совершенно другой политикѣ, чѣмъ Альфонсъ VIII; Альфонсъ принялъ евреевъ и мавровъ подъ свое покровительство, даровалъ имъ свободу вѣроисповѣданія и этимъ сохранилъ въ странѣ населеніе, богатство и земледѣліе; Фердинандъ, напротивъ того, притѣснялъ, мучилъ и изгонялъ всѣхъ иновѣрцевъ. Нехристіанское населеніе покинуло страну и удалилось въ оставшуюся за мухаммеданами Гранаду, доставивъ ей этимъ избытокъ рукъ, тогда какъ христіанская часть страны обратилась въ пустыню. Трудолюбивыхъ и промышленныхъ евреевъ и арабовъ Фердинандъ замѣнилъ, при громкомъ одобреніи современниковъ, доминиканцами и другими монахами, которые разумѣется превознесли его за то до небесъ, а папы за тѣ же заслуги уже въ семнадцатомъ столѣтіи произнесли его святымъ.

Короли арагонскій и португальскій воспользовались также искусно и поспѣшно, какъ Фердинандъ, паденіемъ могущества могадовъ и раздорами мухаммеданскихъ государей въ Испаніи. Впрочемъ, арагонцамъ было труднѣе покорять невѣрныхъ и очищать отъ нихъ страну, потому что въ Арагоніи дворянство, городское и даже сельское сословіе пользовались большею свободою, чѣмъ въ другихъ монархическихъ странахъ, и короли ея были почти посто-

янно заняты внутренними волненіями. Въ покоренныхъ у мухаммеданъ провинціяхъ поводомъ къ безпорядкамъ служило еще то обстоятельство, что присоединенная къ Арагоніи Каталонія имѣла свои особенныя права и законы, и вслѣдствіе того между новыми христіанскими поселенцами нерѣдко возникали споры о томъ: какіе законы, каталонскіе или арагонскіе, слѣдовало прилагать къ частнымъ случаямъ. Раймунду Беренгару IV, который своимъ бракомъ съ Петронельей соединилъ Арагонію съ Каталоніею, наслѣдовали по очереди сынъ его Альфонсъ II (1162—1196 г.), внукъ Петръ II (1196 — 1213 г.) и правнукъ, Іаковъ I Завоеватель (1213 — 1276 г.). Въ царствованіе Іакова арагонцы покорили нѣсколько мухаммеданскихъ земель. Прежде всего Іаковъ завладѣлъ густо населенными балеарскими островами, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми арагонскими владѣніями во Франціи, составилъ впослѣдствіи новое королевство для своего младшаго сына Іакова, основавшаго новую линію арагонской династіи (т. VIII. стр. 265). Завоеваніе балеарскихъ острововъ было особенно полезно для каталонцевъ, такъ какъ ихъ значительная морская торговля сильно страдала отъ мухаммеданскихъ пиратовъ, населявшихъ Маіорку и Минорку. Имѣніями изгнанныхъ мавровъ Іаковъ надѣлилъ преимущественно каталонскихъ рыцарей и бароновъ. Покоривъ балеарскіе острова, онъ взялъ у мухаммеданъ Валенсію; но это пріобрѣтеніе стоило ему продолжительной и кровопролитной войны, въ которой принимали также участіе англійскіе, французскіе, гасконскіе и провансальскіе крестоносцы. Изъ Валенсіи, этой богатой и прекрасной страны, трудолюбивое мавританское населеніе было также изгнано и мѣсто его заступило новое, изъ арагонцевъ и каталонцевъ; образованность пострадала отъ этого столько-же сколько и въ покоренной кастильцами Андалузіи. Впрочемъ, въ Валенсіи вредъ былъ не такъ великъ, потому что въ ней поселилось множество промышленныхъ каталонцевъ.

Въ Португаліи король Альфонсъ I умеръ черезъ годъ послѣ битвы при Сантаремѣ, и ему наслѣдовалъ его храбрый сынъ

Санчо I (1185 г.). Онъ успѣлъ, подобно отцу, взять у мавровъ нѣсколько городовъ съ помощью сѣверныхъ крестоносцевъ, которые во времена Фридриха Барбароссы отправлялись моремъ въ Палестину (1189 г.). Но Санчо Португальскій не могъ удержать этихъ завоеваній. Важнѣшею заслугою его было возстановленіе разрушенныхъ во время войны мѣстечекъ и неусыпныя заботы его о земледѣліи и сельскомъ сословіи. Онъ заслужилъ этимъ прозвище, которое, къ сожалѣнію, менѣе льститъ государямъ, чѣмъ громкія прозванія, даваемыя имъ царедворцами и льстецами. Санчо называли земледѣльцемъ (lavrador). Онъ, такъ же какъ и отецъ его, пользовался христіанскимъ фанатизмомъ для расширенія своего государства, а іерархіею и ученіемъ вѣры для своихъ политическихъ видовъ. Блескъ и торжественность христіанскаго богослуженія, въ противоположность простымъ обрядамъ мухаммеданства, сильно дѣйствовали на пылкое воображеніе испанцевъ и португальцевъ, а безчисленные монахи и духовенство развивали въ населеніи фанатизмъ и національное чувство. Разумѣется, это имѣло результатомъ, что духовенство сдѣлалось богаче самого короля, а невѣжественный народъ впалъ въ такое суевѣріе, что считалъ папскихъ легатовъ и буллы посланными съ неба. При такомъ положеніи дѣлъ и особливо при современныхъ обстоятельствахъ въ Германіи, король Санчо I становится особенно замѣчателенъ для насъ своей счастливой борьбой съ церковью. Онъ силился ограничить у себя власть духовенства, и за это ему пришлось имѣть дѣло не только съ епископами своей страны, но и съ сильнѣйшимъ изъ папъ того времени, Иннокентіемъ III. Точно также и сынъ Санчо, **Альфонсъ II** (1211—1223 г.), выказалъ непоколебимую твердость въ борьбѣ съ духовенствомъ и со вступившимся за него папскимъ дворомъ. Онъ изгналъ изъ страны первыхъ духовныхъ лицъ и за это умеръ отлученный отъ церкви. Противъ мавровъ Альфонсъ не предпринималъ ничего важнаго, до тѣхъ поръ пока судьба въ третій разъ не привела къ португальцамъ нидерландцевъ, фламандцевъ и фрисландцевъ, которые содѣйствовали расширенію Португаліи. Съ помощью

этихъ моряковъ крестоносцевъ, отправившихся по призыву папы въ Египетъ (т. VII. стр. 184), Альфонсъ въ 1217 г. одержалъ надъ маврами блистательную побѣду и овладѣлъ Алькасеромъ, самымъ значительнымъ городомъ Альгарвіи.

Духовенству и папѣ удалось достичь цѣли только при Санчо II, сынѣ Альфонса II. Воспользовавшись затрудненіями, въ которыя онъ былъ поставленъ въ началѣ царствованія вслѣдствіе того, что отецъ его умеръ въ отлученіи отъ церкви, они принудили его къ уступкамъ. Санчо заключилъ съ духовенствомъ и Римомъ такъ называемый конкордатъ, или иначе сказать попалъ въ сѣти, разставленныя ему іерархіею, и сознаъ обманъ только тогда, когда уже было невозможно поправить дѣло. Признавъ однажды этимъ конкордатомъ власть іерархіи или аристократіи, надѣленной церковными имѣніями, Санчо II не оставилъ себѣ другаго средства дѣйствовать противъ нея, кромѣ насилія и несправедливости. Но духовенство умѣло постоять за себя. Оно заключило между собою формальный союзъ противъ короля, подало на него, въ 1243 г., жалобу папѣ, а въ 1245 г. вселенскому собору въ Ліонѣ, на которомъ былъ въ то же время осужденъ и развѣнчанъ императоръ Фридрихъ II (т. VII. стр. 279); точно такъ же какъ противъ Фридриха были употреблены въ Германіи духовные князья, такъ и противъ Санчо папа Иннокентій IV употребилъ роднаго брата его Альфонса III, объявивъ Санчо лишеннымъ королевскаго сана и передавъ правительственную власть Альфонсу, который при этомъ долженъ былъ признать себя вассаломъ папы и подчинить правительство церковной іерархіи и ея главѣ. Альфонсъ поспѣшилъ вернуться изъ Ліона въ Португалію, гдѣ чрезмѣрное вліяніе королевы на слабаго Санчо давно уже возбуждало всеобщее неудовольствіе. Санчо былъ немедленно покинутъ подданными и умеръ изгнанникомъ въ Кастиліи (1248 г.). Хотя завоеванія у мавровъ не прекращались и въ его царствованіе, но этого никакъ нельзя отнести къ его личной заслугѣ; все было дѣломъ фанатизма набожныхъ португальцевъ и чужеземцевъ, а въ

особенности рыцарскихъ орденовъ, которые сдѣлали въ то время для Португаліи тоже, что нѣмецкій орденъ для Пруссіи. Альфонсъ, какъ законный наслѣдникъ бездѣтнаго Санчо, имѣлъ благоразуміе принять королевскій титулъ только по смерти брата, чтобы не казаться обязаннымъ своею властью папѣ. Но уже сдѣлавшись разъ орудіемъ церкви, этотъ государь очутился въ ложномъ положеніи; такъ какъ онъ добровольно отказался отъ правъ своего предшественника, то борьба его съ іерархіею съ самаго начала получила характеръ борьбы насилія съ положительнымъ правомъ. Впрочемъ Альфонсъ еще до начатія этой борьбы успѣлъ оказать важныя услуги странѣ покореніемъ Альгарвіи (1250 г.) и преобразованіями въ законахъ и администраціи. Съ епископами онъ разошелся по двумъ вопросамъ: во первыхъ, онъ требовалъ, чтобы они признали надъ собою его верховный судъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, а во вторыхъ, подобно Карлу Мартеллу (т. V. стр. 346), хотѣлъ обращать матеріальныя средства церкви на потребности государства, когда оно въ томъ нуждалось. За это духовенство принесло на него жалобу папѣ Григорію X и Альфонсъ, разъигравшій въ началѣ притворную покорность, былъ наконецъ отлученъ отъ церкви. Но онъ нисколько не смутился этимъ, и его примѣръ, такъ же какъ и многихъ другихъ государей, очень ясно доказываетъ, что даже въ средніе вѣка отъ громовъ Ватикана загоралось лишь то, въ чемъ было много горючихъ веществъ. Альфонсъ примирился съ церковью только на смертномъ одрѣ и получилъ разрѣшеніе отъ проклятія, обязавшись буквально выполнять конкордатъ (1279 г.). Но сынъ его Діонисій (Динисъ), царствовавшій до начала слѣдующаго столѣтія, не счелъ себя связаннымъ обязательствами отца и возобновилъ борьбу. Онъ отказался платить десятину со своихъ собственныхъ имѣній, установилъ налогъ на монастырскія помѣстья, запретилъ посылать деньги въ Римъ и всѣми силами препятствовалъ накопленію недвижимыхъ имѣній въ рукахъ духовенства. Въ этомъ его энергически поддерживали свѣтскія сословія и законовѣды, но послѣ долгой борьбы ему все-таки пришлось подчиниться

конкордату (1289 г.). Впрочемъ, спустя два года, онъ искусно уклонился отъ выполненія одного изъ условій конкордата, обязывавшаго государя содѣйствовать увеличенію богатствъ церкви: въ 1291 г. онъ внушилъ кортесамъ необходимость изданія новаго закона, которымъ воспрещалось всѣмъ португальцамъ дарить или продавать духовенству земли.

2. Кастилія и Арагонія во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія.

Въ Кастиліи Фердинанду Святому наслѣдовалъ (1252 г.) сынъ его Альфонсъ X, царствовавшій до 1284 г. Его ученость, поэтическій талантъ и труды по части астрономіи, исторіи и вообще просвѣщенія и науки заслужили ему прозваніе Мудраго. Ученая дѣятельность и старанія усовершенствовать законодательство и національный языкъ составляютъ главную заслугу этого государя. Онъ издалъ подъ собственнымъ руководствомъ замѣчательныя астрономическія и историческія сочиненія, устроилъ обширныя обсерваторіи и уравнялъ кастильскій университетъ, переведенный отцомъ его изъ Валенсіи въ Саламанку, съ двумя главными европейскими университетами, парижскимъ и болонскимъ. При этомъ онъ имѣлъ въ виду дать свѣтскимъ людямъ образованіе выше требовавшагося для духовнаго сана. Вообще Альфонсъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ личностямъ, которыя еще до великихъ итальянцевъ четырнадцатаго вѣка положили начало новой эпохѣ и неизвѣстному дотолѣ среднимъ вѣкамъ научному образованію. Заботы о народномъ языкѣ также ставятъ Альфонса выше его современниковъ; въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ то, на что во Франціи рѣшились только въ шестнадцатомъ столѣтіи, и то съ большими затрудненіями: онъ первый велѣлъ писать законы и офиціальные документы на народномъ языкѣ, вмѣсто варварской

латини, и приказалъ даже перевести на этотъ языкъ библію. Въ изданіи законовъ, извѣстномъ подъ именемъ siete partidas, или семи отдѣловъ, которое Альфонсъ приказалъ составить и ввести въ дѣйствіе, уже проглядываетъ духъ новѣйшаго времени, которому суждено было измѣнить средневѣковыя учрежденія. Въ числѣ недостатковъ старинныхъ кастильскихъ учрежденій было то, что каждый округъ и каждый городъ имѣли свои особенные fueros (отъ латинскаго forum) или права и судопроизводство; Альфонсъ совершенно уничтожилъ это зло своимъ научно составленнымъ законоположеніемъ. Но то что выиграли государственное единство и наука, было выиграно въ ущербъ свободы. Только три кастильскихъ города сохранили свои особенные fueros, въ остальныхъ же были отмѣнены даже старинные вестготскіе законы, направленные не противъ народа, а на защиту гражданской независимости и свободы совѣсти.

Но какъ бы высоко ни цѣнились заслуги Альфонса, царствованіе его отличалось скорѣе восточнымъ, византійскимъ блескомъ, чѣмъ западною простотою и разумностью. Его чрезмѣрная любовь къ наукѣ влекла за собою чрезмѣрную роскошь и расточительность, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могло не быть обременительнымъ для Кастиліи. Ограниченныя средства и власть тогдашнихъ испанскихъ королей не дозволяли имъ окружать себя роскошью халифовъ. Альфонсу пришлось войти въ долги и увеличить налоги, что возбудило противъ него всѣ сословія и вызвало партіи и заговоры, въ которыхъ приняли участіе даже его родные братья. Одного изъ нихъ Альфонсъ казнилъ, а двое другихъ, Генрихъ и Фридрихъ, вступили противъ него въ союзъ съ мухаммеданами, но разбитые имъ, бѣжали въ Африку, откуда перешли впослѣдствіи въ Италію и приняли тамъ участіе въ борьбѣ Гогенштауфеновъ съ Карломъ Анжуйскимъ. Генрихъ попался въ плѣнъ, а Фридрихъ вернулся въ Кастилію, гдѣ былъ удушенъ по повелѣнію брата (т. VII. стр. 297—300). Неудовольствіе аристократіи поставило наконецъ короля въ зависимость отъ под-

данныхъ и помѣшало продолженію войны съ маврами, начатой имъ весьма удачно. Къ несчастію для Кастиліи и самого Альфонса, его тщеславіе, или пожалуй царственное честолюбіе не удовольствовалось славою покровителя наукъ и вовлекло его въ обширные планы, для которыхъ онъ пренебрегъ ближайшею пользою, заботами о внутреннемъ порядкѣ и объ огражденіи себя отъ опасныхъ мухаммеданскихъ сосѣдей. Еще до вступленія на престолъ, онъ изъявилъ притязанія на швабское герцогство, такъ какъ мать его была дочерью императора Филиппа Швабскаго, изъ дома Гогенштауфеновъ; это повело за собою дипломатическіе переговоры, стоившіе Альфонсу очень дорого. Потомъ, сдѣлавшись королемъ, онъ дозволилъ провести себя корыстолюбивымъ нѣмцамъ, купивъ у нихъ ничего не значившій титулъ германскаго императора, и даже послѣ избранія Рудольфа Габсбургскаго потратилъ большія суммы для того, чтобы удержать за собою этотъ титулъ (т. VII. стр. 388).

Восточный блескъ двора Альфонса X, огромныя издержки, которыхъ стоили ему честолюбивыя стремленія, и война съ маврами принудили и его принять тѣ же мѣры, къ какимъ прибѣгали французскіе короли четырнадцатаго вѣка въ своихъ (т. VIII. стр. 24) постоянныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ: начавъ чеканить монету низшаго достоинства, онъ не только подорвалъ торговлю, но и предалъ народъ на жертву ростовщикамъ и евреямъ. Пользуясь евреями, какъ орудіемъ, Альфонсъ предавалъ ихъ разнымъ истязаніямъ и заставлялъ расплачиваться за свои собственные грѣхи. Наконецъ своими распоряженіями относительно престолонаслѣдія Альфонсъ ввергнулъ Кастилію въ междоусобную войну. Старинный, испанскій законъ не признавалъ такъ называемаго права представительства старшаго принца, то есть въ Испаніи въ случаѣ смерти старшаго сына короля прежде отца, ближайшими наслѣдниками престола становились не дѣти умершаго, а слѣдующій за нимъ братъ. Альфонсъ измѣнилъ этотъ законъ, основываясь на римскомъ правѣ. Но такъ какъ при жизни онъ не давалъ полной

гласности своимъ новымъ постановленіямъ, то они и не могли имѣть законной силы по его смерти. Кортесы еще при жизни Альфонса назначили ему въ преемники втораго сына его Санчо IV, такъ какъ старшій, Фердинандъ де ла Серда, умеръ еще при жизни отца, оставивъ двухъ сыновей, Альфонса и Фердинанда, и Альфонсъ X торжественно обнародовалъ это назначеніе (1276 г.). Но тогда возникъ протестъ со стороны вдовы Фердинанда, Бланки, дочери французскаго короля Людовика Святаго, которая и прибѣгнула подъ покровительство своего брата Филиппа III Французскаго и арагонскаго короля Петра III, на сестрѣ котораго, Іолантѣ, былъ женатъ Альфонсъ X. Іоланта приняла такое участіе въ невѣсткѣ и ея дѣтяхъ, что поссорилась изъ за нихъ съ мужемъ и бѣжала къ брату вмѣстѣ съ Бланкою и двумя ея сыновьями. Но Петръ III, женатый на дочери Манфреда, уже имѣлъ виды на итальянскія владѣнія Гогенштауфеновъ (т. VII. стр. 305) и вслѣдствіе того желалъ скорѣе угодить своему ближайшему сосѣду Альфонсу Кастильскому, чѣмъ французскому королю, который былъ отдѣленъ отъ него англійскими владѣніями во Франціи. По этому онъ хотя и дозволилъ Бланкѣ удалиться къ своему брату Филиппу, но удержалъ ея сыновей, а Іоланту отправилъ обратно въ Кастилію. Французскій король энергически вступился за племянниковъ; онъ послалъ противъ Альфонса войско черезъ королевство наваррское, которое должно было достаться, посредствомъ брака, его сыну Филиппу IV, и на границахъ Наварры съ Кастиліею началась опустошительная война, длившаяся цѣлыя девять лѣтъ, не смотря на всѣ усилія папы прекратить ее. Въ продолженіе этой войны, Альфонсъ разошелся и со вторымъ сыномъ. Это оживило надежды принцевъ де ла Серда и Альфонсъ, чтобы возстановить миръ съ Франціей, согласился даже уступить старшему внуку Мурсію. Но Санчо созвалъ вельможъ и внушилъ имъ протестовать противъ всякаго отчужденія областей королевства, а потомъ, собравъ всѣхъ недовольныхъ, созвалъ кортесы въ Вальядолидѣ, куда явилась и королева Іоланта со всѣми принцами

крови. Въ этомъ собраніи Санчо былъ провозглашенъ правителемъ государства вмѣсто отца (1282 г.). Покинутый семьею и сословіями государства, Альфонсъ обратился къ невѣрнымъ и призвалъ на помощь марокскаго шерифа, а Санчо, съ своей стороны, вступилъ въ союзъ съ гранадскими маврами. Борьба между отцомъ и сыномъ продолжалась до самой смерти Альфонса, который уже давно проклялъ сына и передъ смертью завѣщалъ немногія остававшіяся за нимъ провинціи двумъ младшимъ сыновьямъ.

Междоусобія въ Кастиліи, разумѣется, были весьма выгодны мухаммеданамъ, съ которыми прежде Альфонсъ воевалъ удачно, хотя въ то же время имѣлъ на рукахъ войну съ новою мухаммеданскою династіею въ Африкѣ. Въ началѣ царствованія, задумавъ изгнать изъ Мурсіи всѣхъ остававшихся еще тамъ мухаммеданъ, онъ возбудилъ между ними возстаніе. За нихъ вступились не только владѣтель Гранады и эмиры мухаммеданскихъ городовъ южной Испаніи, но и глава племени меринитовъ въ Африкѣ, Абу Юссуфъ. Мериниты или мерины, кочевавшіе на востокъ и югъ отъ Седжельмессы, не составляли особой секты, подобно морабитамъ и могадамъ и когда въ половинѣ тринадцатаго вѣка владычество могадовъ въ Африкѣ совершенно пало, овладѣли всею Мавританіею. Мериниты явились на помощь тѣснимымъ испанскимъ маврамъ, которые должны были уступить имъ за это нѣсколько приморскихъ городовъ, и Альфонсъ X, не смотря на помощь арагонцевъ, не могъ держаться противъ соединенныхъ силъ мавровъ, пока враги не перессорились между собою. Гранадскій царь сталъ тяготиться африканскими союзниками, отнимавшими у него одинъ городъ за другимъ и наконецъ отступился отъ нихъ, признавъ надъ собою власть кастильскаго короля и предоставивъ своихъ единовѣрцевъ въ Мурсіи ихъ собственной участи. Альфонсъ снова покорилъ ихъ и принудилъ покинуть Мурсію, которая и была раздѣлена между каталонцами, арагонцами и кастильцами. Но спустя четыре года, ссора между Альфонсомъ

и вельможами дала гранадскому владѣтелю возможность снова отложиться отъ Кастиліи и даже расширить предѣлы государства, приставъ къ партіи враговъ короля. Когда Альфонсъ, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки, примирился съ подданными, владѣтель Гранады снова покорился ему (1274 г.), но въ слѣдующемъ же году соединился противъ него съ главою меринитовъ. Оба мухаммеданскіе владѣтели въ продолженіе двухъ лѣтъ вели съ Альфонсомъ ожесточенную войну и въ 1277 г. принудили его подписать мирный договоръ, до того невыгодный для Кастиліи, чт папа Николай III счелъ его не только позорнымъ, но даже преступнымъ и настоялъ на томъ, чтобы Альфонсъ нарушилъ его. За этимъ нарушеніемъ слова немедленно послѣдовало наказаніе: Санчо, поссорившись съ отцомъ, похитилъ деньги, предназначенныя для его младшаго брата Петра, который осаждалъ въ то время Альхесирасъ. Петръ испыталъ вслѣдствіе того значительное пораженіе, вынудившее Альфонса заключить невыгодное для него перемиріе. Мы уже говорили, что черезъ нѣсколько лѣтъ самъ Альфонсъ долженъ былъ обратиться къ меринитамъ за помощью противъ сына. Впослѣдствіи, вступивъ въ 1285 году на престолъ, Санчо заключилъ миръ съ главою меринитовъ, Абу Юссуфомъ; испанскіе лѣтописцы утверждаютъ, что миръ этотъ былъ весьма почетенъ для Санчо; мухаммеданскіе же историки говорятъ, что онъ былъ для него въ высшей степени позоренъ и унизителенъ.

Во время войны отца съ сыномъ, кастильская аристократія успѣла до того подчинить себѣ монархическій элементъ, что король, собирая войско, долженъ былъ давать дворянству огромныя преимущества въ ущербъ народу. Особенно двѣ фамиліи, Гаро и Лара, имѣя обширныя владѣнія и множество вассаловъ, давно уже могли соперничать съ королемъ своимъ могуществомъ и значеніемъ. Глава первой изъ этихъ фамилій, Лопесъ де Гаро, осыпанный милостями Санчо, когда тотъ сдѣлался королемъ, до такой степени раздражилъ своимъ высокомѣріемъ фамилію Лара, что

король, для того чтобы удержаться самому на престолѣ, былъ наконецъ вынужденъ изгнать любимца и возвысить враговъ его Лара. Лопесъ привлекъ на свою сторону брата Санчо, дона Хуана, выдавъ за него дочь, и вмѣстѣ съ нимъ взялся за оружіе противъ короля. Однако оба они, полагаясь на свою вооруженную свиту, явились въ 1288 году на собраніе кортесовъ. При свиданіи съ Санчо, Лопесъ не только позволилъ себѣ самыя грубыя ругательства, но даже обнажилъ мечъ противъ короля. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ съ умысломъ доведенъ до этого, чтобы дать поводъ королевской свитѣ умертвить его въ глазахъ Санчо. Такой же участи не миновать бы и инфанту дону Хуану, еслибы онъ не успѣлъ скрыться въ покояхъ королевы. Онъ былъ подвергнутъ на нѣкоторое время заключенію. Сынъ и братъ убитаго бѣжали въ Арагонію и, присоединившись тамъ къ партіи де ла Серда, стали напрягать всѣ усилія, чтобы низвергнуть Санчо.

Въ Арагоніи Петру III наслѣдовалъ въ 1285 г. сынъ его Альфонсъ III. Петръ III едва могъ устоять противъ папы и французскаго короля, державшихъ сторону его враговъ въ войнахъ за Сицилію (т. VII. стр. 307); папа передалъ арагонскую корону брату французскаго короля Карлу де Валуа и только величайшими усиліями городовъ и рыцарства она была сохранена за Петромъ III. Военныя издержки нерѣдко вынуждали его сильно притѣснять народъ и это заставило наконецъ арагонскую аристократію составить такъ называемую унію свободы. Петръ III согласился на ихъ требованія и удовлетворилъ каталонцевъ добровольными уступками. Но унія не распалась и представляя собою силу, уравновѣшивавшую могущество короля, грозила превратить конституціонную монархію арагонцевъ въ рыцарскую олигархію. По смерти Петра, вельможи (гранды) уже предписали его преемнику Альфонсу условія, на которыхъ соглашались признать его королемъ; они даже вступили потомъ въ переговоры съ внѣшними врагами и вынудили у короля, на сеймѣ въ Сарагоссѣ (1287 г.), двѣ новыя привилегіи, которыми унія была окончательно

признана чѣмъ-то въ родѣ особаго государства въ государствѣ, съ лишеніемъ короля значительной доли его власти, въ ущербъ остальнымъ сословіямъ. Ни одинъ изъ членовъ уніи не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, тѣлесному наказанію или смерти, пока такъ называемый хустисія, т. е. совершенно независимый верховный судья, разбиравшій въ Арагоніи всѣ споры между сословіями и королемъ, не предоставлялъ ему этого права съ согласія кортесовъ. Кромѣ того, въ случаѣ неисполненія королемъ принятыхъ обязательствъ, члены уніи заранѣе разрѣшались отъ присяги ему въ вѣрности и имѣли право избрать новаго короля. Имъ были предоставлены въ видѣ залога шестьнадцать замковъ, куда унія назначила своихъ комендантовъ, присягнувшихъ не королю, а ей. Вторая привилегія состояла въ томъ, что совѣтъ короля, то есть его министры, были назначаемы арагонскими сословіями, которыхъ онъ былъ обязанъ созывать каждый годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; эти министры должны были присягать сословіямъ, а не королю. При такомъ неслыханномъ ограниченіи королевской власти, члены кортесовъ, принадлежавшіе къ уніи, разумѣется, должны были имѣть перевѣсъ надъ остальными, а это возбудило неудовольствіе и сопротивленіе въ самихъ кортесахъ; но тѣмъ не менѣе, унія привела въ исполненіе всѣ выговоренныя ею условія, пользуясь тѣмъ, что король терпѣлъ пораженія и со стороны Франціи, и со стороны папы и анжуйскаго дома. Однако Альфонсъ не передалъ уніи замковъ, и потому гранды, не задолго до прибытія бѣжавшей изъ Кастиліи партіи де ла Серда и Гаро, снова взялись за оружіе.

Эта кастильская партія провозгласила королемъ старшаго сына Санчо IV, Альфонса де ла Серда, и арагонскій король обѣщалъ помочь ей возвести на престолъ этого короля. Между тѣмъ Санчо, уже возбудившій противъ себя и вліятельную фамилію Лара, былъ разбитъ своими соединившимися врагами (1289 г.) и находился въ весьма затруднительномъ положеніи, потому что, женясь на родственницѣ, нажилъ себѣ врага въ папѣ, который

сталъ удерживать французскаго короля отъ союза съ Кастиліею противъ Арагоніи. Война длилась до самой смерти короля Альфонса (1291 г.). Кортесы избрали въ преемники ему его старшаго брата, сицилійскаго короля Іакова II. Іаковъ не сталъ поддерживать кастильскихъ эмигрантовъ и отпустилъ принцевъ де ла Серда къ ихъ родственнику, французскому королю. Мы уже говорили выше о томъ, что Іаковъ отдалъ Сицилію своему брату Фридриху II и примирился съ папою и анжуйскимъ домомъ, ловко проведя обоихъ (т. VIII. стр. 327). Точно также, не смотря на миръ съ Кастиліею, онъ позволилъ кастильскимъ изгнанникамъ продолжать на свободѣ свои набѣги и разбои.

Кастильскій король Санчо IV былъ между тѣмъ вовлеченъ въ новую войну съ мухаммеданами. Союзъ его съ гранадскимъ владѣтелемъ и наемный генуезскій флотъ давали ему возможность въ продолженіе двухъ лѣтъ удачно отражать нападенія меринита Абу Якуба, наслѣдовавшаго въ 1286 г. своему отцу Абу Юссуфу, и даже овладѣть укрѣпленнымъ городомъ Тарифою, въ Андалузіи. На третій годъ (1293 г.), когда Абу Якубъ снова вступилъ съ войскомъ въ Испанію, къ нему присоединился братъ Санчо, донъ Хуанъ, который уже прежде поднялся противъ брата съ фамиліею Лара, но испыталъ полное пораженіе. Невѣрные, предводительствуемые донъ Хуаномъ, направили свои главныя силы противъ крѣпости Тарифы, которую защищалъ Альфонсъ Пересъ де Гусманъ. Во время осады, донъ Хуанъ показалъ себя дикимъ варваромъ, тогда какъ Гусманъ, по единодушному свидѣтельству и христіанскихъ, и мусульманскихъ историковъ, выказалъ истинно римскій патріотизмъ и твердость духа. Видя, что Гусманъ отражаетъ всѣ приступы къ городу, донъ Хуанъ сталъ грозить, что умертвитъ его плѣннаго сына передъ его глазами, если онъ немедленно не сдастъ города. Гусманъ не только не обратилъ вниманія на эту варварскую угрозу, но, какъ Муцій Сцевола или Регулъ, бросилъ со стѣнъ собственный мечъ, чтобы онъ служилъ орудіемъ убійства. По свидѣтельству христіанскихъ лѣтописцевъ,

донъ Хуанъ, раздраженный этимъ презрѣніемъ, дѣйствительно умертвилъ сына Гусмана передъ глазами отца, но мусульманскіе историки снимаютъ съ него обвиненіе въ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ. Какъ бы то ни было, мухаммедане отступили отъ города; глава меринитовъ вернулся въ Африку, примирившись предварительно съ гранадскимъ владѣтелемъ, который воевалъ потомъ съ Санчо до самой его смерти.

Санчо умеръ въ 1295 г. Смерть его была причиною страшныхъ безпорядковъ въ Кастиліи, такъ какъ сынъ его Фердинандъ IV былъ еще ребенокъ. Едва умеръ Санчо, какъ въ Кастилію явились донъ Хуанъ и содержавшійся въ Неаполѣ въ плѣну инфантъ Генрихъ; принцы де ла Серда вернулись изъ Франціи, а могущественныя фамиліи Гаро и Лара соединили свои силы, чтобы сообща дѣйствовать противъ короля. Папа также содѣйствовалъ безпорядкамъ въ Кастиліи, продолжая считать незаконнымъ бракъ покойнаго короля, и только черезъ шесть лѣтъ по смерти Санчо согласился признать новаго короля законнымъ. Къ счастію для Фердинанда, мать его, Марія де Молина, была умная, твердая и искусная женщина и превосходно правила государствомъ отъ имени сына. Положеніе правительницы было самое критическое, принцы де ла Серда и инфантъ донъ Хуанъ предъявляли свои притязанія на Кастилію, короли гранадскій, арагонскій и португальскій старались извлечь всевозможную выгоду изъ затруднительнаго положенія молодаго короля и казалось, что Кастилія будетъ разорвана на клочки.

Одинъ изъ инфантовъ, донъ Генрихъ, требовалъ регентства; другой, донъ Хуанъ, предъявлялъ права на Бискаію, Леонъ и даже на Кастилію. Генрихъ достигъ было своей цѣли, но выказалъ такую слабость и нерадѣніе, что мать короля снова пріобрѣла прежнее вліяніе. Донъ Хуанъ, отвергнутый бискайцами, вступилъ въ союзъ Альфонса де ла Серда и фамиліи Лара съ королями Арагоніи и Португаліи и съ мухаммеданскимъ владѣтелемъ Гранады. Этотъ союзъ могъ быть гибельнымъ для молодаго короля, если бы

Альфонсъ де ла Серда былъ человѣкомъ энергическимъ и способнымъ. Къ счастію, онъ вовсе не имѣлъ этихъ качествъ. Альфонсъ не съумѣлъ даже обратить въ свою пользу раздоръ между королевою и неспособнымъ регентомъ, и когда послѣднему пришлось уступить, то королева переманила на свою сторону, одного за другимъ, всѣхъ союзниковъ принца де ла Серда, обѣщая имъ разныя преимущества: особенно удачны были ея переговоры съ португальскимъ королемъ Діонисіемъ, который чистосердечно принялъ сторону молодаго короля за уступку пограничныхъ земель и за двойной брачный союзъ съ кастильскимъ домомъ. Молодой король былъ помолвленъ на его дочери, а старшій сынъ его на сестрѣ короля. Королева съумѣла расположить къ себѣ и народъ, отмѣнивъ тяжелый налогъ на хлѣбъ. Только арагонскій король Іаковъ II, подкупленный Франціею, остался вѣренъ принцамъ де ла Серда и соединился, въ 1301 г., съ владѣтелемъ Гранады, что бы общими силами завоевать кастильскую часть Мурсіи. Но для этой цѣли Іакову пришлось установить у себя чрезвычайные налоги, что возбудило противъ него арагонскую аристократію, которая заключила союзъ съ кастильскою королевою и принудила Іакова примириться съ нею.

3. Кастилія при Фердинандѣ IV и Альфонсѣ XI.

Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, Фердинандъ IV рѣшился освободиться изъ подъ руководства матери, подстрекаемый къ тому дядею его донъ Хуаномъ и главою фамиліи Лара, Хуаномъ Нуньесомъ. Эта рѣшимость короля повела къ безпорядкамъ и междоусобіямъ, которые вынудили не только партію королевы, но и самого дона Хуана съ Нуньесомъ обратиться къ арагонскому королю Іакову II, продолжавшему изъявлять притязанія на Мурсію. Къ счастію, къ этому времени умеръ внучатный дядя короля,

Генрихъ. Фердинандъ обратился за помощью къ тестю, королю португальскому Діонисію, и обѣ партіи согласились наконецъ, чтобы Діонисій вмѣстѣ съ донъ Хуаномъ и сарагосскимъ архіепископомъ постановили рѣшеніе относительно притязаній арагонскаго короля на Мурсію и потомъ, сообща съ послѣднимъ, опредѣлили права принцевъ де ла Серда. Этотъ третейскій судъ происходилъ въ городкѣ Кампильо, въ 1305 г. Іаковъ получилъ нѣсколько городовъ въ Мурсіи, что же касается принцевъ де ла Серда, то одному изъ нихъ, Фердинанду, была предоставлена обыкновенная цифра дохода испанскихъ инфантовъ, а старшему, Альфонсу, было отдано нѣсколько городовъ и леновъ, подъ условіемъ отказа отъ королевскаго титула, который онъ уже успѣлъ присвоить. Арагонскій король утвердилъ договоръ въ Кампильо, но Альфонсъ де ла Серда, недовольный его условіями и не желая подчиниться имъ, вернулся во Францію еще до обнародованія этого договора, и только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, старшій сынъ его, родоначальникъ герцогскаго дома Медина Сидонія, подчинился условіямъ, принятымъ въ Кампильо.

Едва успѣлъ уладиться этотъ споръ, какъ Фердинандъ, снова разсорившись съ дономъ Хуаномъ, съ Хуаномъ Нуньесомъ де Лара и Лопесомъ де Гара, долженъ былъ удовлетворить корыстолюбивымъ требованіямъ всѣхъ троихъ грандовъ. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ Іаковомъ Арагонскимъ началъ войну съ невѣрными (въ іюлѣ 1309 г.). Начало ея была весьма удачно; но счастье перемѣнилось, когда мавры возвели на гранадскій престолъ извѣстнаго астронома Мулея Назара, изгнавъ его неспособнаго брата. Мулей Назаръ принялъ начальство надъ войскомъ и оттѣснилъ арагонцевъ, осаждавшихъ Альмерію, а раздоры въ кастильскомъ лагерѣ заставили Фердинанда заключить миръ. Чтобы избавиться отъ него, Мулей согласился на выгодныя для кастильскаго короля условія и тогда арагонцы должны были вернуться домой. Раздоры между кастильцами возникли вслѣдствіе зависти дона Хуана къ Хуану Нуньесу де Лара и Лопесу де Гаро; донъ Хуанъ вскорѣ возобновилъ

притязанія на Бискаію и поставилъ этимъ короля Фердинанда въ такое затруднительное положеніе, что тотъ даже покусился предательски убить его. Но намѣреніе короля было открыто и возбудило противъ него всеобщую ненависть, тѣмъ болѣе, что онъ уже давно позволялъ себѣ нарушать всѣ божескіе и человѣческіе законы. Что бы выйти изъ этого непріятнаго положенія, король обвинилъ передъ папою своего дядю въ тайныхъ спошеніяхъ съ невѣрными. Папа поручилъ изслѣдовать это дѣло четыремъ испанскимъ епископамъ; но прежде чѣмъ они успѣли исполнить это порученіе, Фердинандъ внезапно умеръ (1312 г.). Его нашли мертвымъ въ постели и такова была жестокость этого человѣка, что смерть его приписали ничему иному, какъ мести, или по крайней мѣрѣ, связали ее сверхестественнымъ образомъ съ только что совершеннымъ имъ убійствомъ. Мавританскіе лѣтописцы прямо говорятъ, что онъ былъ умерщвленъ, но испанскіе разсказываютъ, что двое братьевъ Карвахаль, которыхъ король, незадолго до смерти, казнилъ безъ всякаго суда, предъ смертью призвали его на судъ божій, такъ же какъ Жакъ де Молэ (т. VIII. стр. 15) французскаго короля, и что онъ внезапно умеръ въ тотъ самый день, какой они назначили.

Сынъ и наслѣдникъ Фердинанда, Альфонсъ XI, остался послѣ отца двухлѣтнимъ ребенкомъ, а такъ какъ Фердинандъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно регентства, то смерть его дала новый поводъ къ жаркимъ спорамъ. Верховную власть захватили въ свои руки дядя молодаго короля донъ Педро и двоюродный дѣдъ его донъ Хуанъ, а заботы о его воспитаніи приняли на себя бабка его Марія и мать, Констанса, умершая въ слѣдующемъ году. Марія съ трудомъ могла защищать внука отъ жестокаго Хуана, который силился овладѣть имъ во что бы то ни стало, такъ что однажды, когда Альфонсъ былъ еще ребенкомъ, епископъ авильскій едва спасъ его отъ дѣда, спрятавъ его въ своемъ каѳедральномъ соборѣ, который, какъ и всѣ подобныя зданія, былъ въ то же время и крѣпостью. Въ борьбѣ за регентство приняли

участіе всѣ города, вся аристократія и всѣ родственники королевскаго дома, не исключая и младшаго принца де ла Серда, который, послѣ договора въ Кампильо, поселился въ Кастиліи и пользовался большимъ вліяніемъ. Между тѣмъ правительства не существовало, въ странѣ исчезъ всякій порядокъ; донъ Хуанъ воевалъ съ нономъ Педро, поддерживаемые каждый своею партіею; сословія и многіе города сохраняли нейтралитетъ и управлялись пока сами собою; государственные доходы попадали то въ тѣ, то въ другія руки и такъ какъ кортесы рѣдко утверждали новые налоги, то правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ, тогда какъ города, корпораціи и частныя лица богатѣли, дѣлались самостоятельными и въ своей свободѣ доходили до распущенности. Чтобы сколько нибудь возстановить порядокъ, было наконецъ рѣшено раздѣлить регентство между обоими инфантами такъ, чтобы каждый изъ нихъ правилъ въ той части страны, гдѣ имѣлъ наиболѣе приверженцевъ. Такимъ образомъ донъ Хуанъ получилъ сѣверъ и западъ Испаніи, а донъ Педро, какъ зять Іакова II, поддерживаемый Арагоніею, получилъ регентство на югѣ и востокѣ. Это странное распоряженіе было утверждено, въ 1315 г., кортесами, которые даже согласились установить для этого случая значительные налоги, что дало возможность дону Педро начать войну съ невѣрными, пользуясь ихъ внутренними междоусобіями. Мулей Назаръ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе, предоставивъ все управленіе ненавистному визирю и двумъ другимъ приближеннымъ; этимъ воспользовался племянникъ Мулея, Измаилъ, сынъ вали или князя Малаги, чтобы низвергнуть съ трона дядю. Разбитый Измаиломъ въ 1312 г. въ одномъ большомъ сраженіи, Мулей Назаръ обратился за помощью къ Фердинанду IV и обѣщалъ платить ему дань, какъ вассалъ. Фердинандъ умеръ, собираясь выступить въ этотъ походъ. Между тѣмъ Измаилъ одержалъ надъ дядею вторичную побѣду и принудилъ его сложить власть (1313 г.). Однако низверженный король остался союзникомъ кастильцевъ и, съ помощью дона Педро, продолжалъ воевать съ Измаиломъ. Не прекращая

этой войны и по смерти Назара (1314 г.), донъ Педро одержалъ надъ узурпаторомъ блистательную побѣду (1316 г.) и страшно опустошилъ его владѣнія. Донъ Хуанъ, примиренный папою съ дономъ Педро, сталъ помогать ему въ войнѣ съ невѣрными. Наконецъ, когда регенты стали проповѣдывать общій религіозный походъ противъ мавровъ, Измаилъ обратился за помощью къ владѣтелю Феца; за уступку нѣсколькихъ городовъ, африканскій владѣтель послалъ къ нему войско и Измаилъ далъ христіанамъ большое сраженіе при рѣкѣ Хенилѣ, въ которомъ кастильцы были разбиты и оба регента лишились жизни (іюнь 1319 г.).

Первымъ слѣдствіемъ этого пораженія были набѣги африканцевъ на пограничныя, кастильскія владѣнія и потеря завоеванныхъ передъ тѣмъ областей; вторымъ, и самымъ пагубнымъ, возобновленіе спора за регентство. На этотъ разъ, онъ возникъ между четырьмя инфантами: Филиппомъ, дядею несовершеннолѣтняго короля, Хуаномъ Маноэлемъ, племянникомъ Альфонса X, Хуаномъ Гиуснымъ, сыномъ убитаго дона Хуана, наслѣдовавшимъ по матери Бискаію, и Фердинандомъ, младшимъ изъ принцевъ де ла Серда, изъ которыхъ одинъ навсегда поселился во Францію. Правда, въ собраніи кортесовъ въ Бургосѣ (1320 г.), регентами были назначены два первые инфанта; но Хуанъ протестовалъ противъ этого, переманивъ на свою сторону и Фердинанда де ла Серда. Тщетно старая королева Марія, умершая спустя два года, старалась положить конецъ этой пагубной распрѣ, тщетно папа употреблялъ все свое духовное вліяніе, чтобы примирить инфантовъ: война продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду и кортесы рѣшились наконецъ прекратить ее тѣмъ, что объявили пятнадцатилѣтняго короля совершеннолѣтнимъ (1324 г.). Къ сожалѣнію, первоначальныя мѣры, принятыя руководителями неопытнаго юноши, далеко не были способны удовлетворить недовольныхъ. Управленіе финансами было поручено еврею, хотя, правда, въ то время денежныя дѣла были спеціальностью мавровъ и евреевъ, такъ какъ все

финансовое управленіе было заимствовано у арабовъ. Молодой король привлекъ на свою сторону Хуана Маноэля, посватавшись на его дочери Констансѣ, а потомъ, приманивъ къ своему двору Хуана Гнуснаго, велѣлъ умертвить его во время пира и отнялъ у его фамиліи наслѣдственныя земли; вслѣдъ затѣмъ онъ отказался отъ первой невѣсты, чтобы жениться на дочери португальскаго короля Альфонса IV, а Констансу удержалъ въ плѣну, чтобы заставить отца ея возвратить замки, отданные ему въ обезпеченіе предстоявшаго брака (1328 г.). Чтобы оправдаться въ убійствѣ Хуана, Альфонсъ XI торжественно объявилъ, что Хуанъ былъ измѣнникъ; но съ Хуаномъ Маноэлемъ ему пришлось вести продолжительную войну, чрезвычайно обременительную для страны. Оскорбленнаго инфанта поддерживалъ его ближайшій родственникъ, король арагонскій, но, къ счастью для Альфонса, дядя его, Филиппъ, вѣрный союзникъ Хуана Маноэля, умеръ въ самомъ началѣ войны, которая, впрочемъ, не прекратилась даже и по изгнаніи трехъ любимцевъ короля, Гарсилассо де ла Вега, Альвара Нуньеса Осоріо и альмохарифа, или министра финансовъ дона Хосе, которыхъ обвиняли во всемъ случившемся. Гарсилассо, которому преимущественно приписывали убійство Хуана и вѣроломную политику относительно Хуана Маноэля, возбудилъ ненависть дворянства и былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ сыномъ. Осоріо пріобрѣлъ всякими неправдами такое богатство и вліяніе, что, возбудивъ опасенія въ самомъ королѣ, вступилъ въ сношенія съ Хуаномъ Маноэлемъ, за что и былъ предательски убитъ по желанію и свѣдома Альфонса, который прибралъ потомъ къ своимъ рукамъ его владѣнія и богатства. Министръ финансовъ, донъ Хосе, ненавистный народу, какъ всѣ чиновники фиска въ средніе вѣка и сверхъ того, какъ еврей, былъ—къ великой радости народа — совершенно внезапно изгнанъ Альфонсомъ, который поступилъ съ нимъ точно такъ же, какъ поступаютъ и теперь на востокѣ съ разбогатѣвшими министрами. Хотя Альфонсъ овладѣлъ сокровищами кровопійцъ и сломилъ могущество, внушавшее ему опасенія, но не могъ подчи-

нить себѣ Хуана Маноэля, вступившаго въ тѣсный союзъ съ Фердинандомъ де ла Серда и Хуаномъ Нуньесомъ де Лара, который пріобрѣлъ по брачному союзу права на Бискаію. Соединенныя силы этихъ трехъ грандовъ были такъ велики, что Алфонсъ не рѣшился предпринять давно задуманнаго похода противъ гранадскихъ мавровъ, не примирившись на нѣкоторое время съ Хуаномъ Маноэлемъ чрезъ посредничество одного духовнаго лица.

Измаилъ, владѣтель Гранады, нѣсколько разъ посылалъ въ Кастилію своего полководца Османа или Осмина, который одерживалъ тамъ блистательныя побѣды, но наконецъ одна изъ такихъ побѣдъ стоила Измаилу трона и жизни. Однажды, въ числѣ плѣнныхъ, попалась одна христіанка рѣдкой красоты, на которую и изъявилъ притязанія Мухаммедъ, двоюродный братъ Измаила; но Измаилъ, не смотря на это, велѣлъ привести ее въ свой гаремъ, и былъ убитъ за то раздраженнымъ юношей. Османъ и великій визирь возвели на престолъ двѣнадцатилѣтняго сына Измаила, Мухаммеда, но потомъ перессорились между собою и визирь былъ принужденъ купить у Альфонса XI перемиріе. Вскорѣ Османъ поссорился съ сыновьями и визирь Редванъ, пріобрѣвшій неограниченное вліяніе на молодаго короля, возобновилъ войну съ Альфонсомъ, поддерживаемый африканскимъ султаномъ Абуль Гассаномъ Али и Хуаномъ Маноэлемъ съ его партіею (1332 г.). Ни Арагонія, ни Португалія не оказали помощи Альфонсу XI; первая была занята защитою отъ мавровъ Валенсіи и въ то же время войною съ генуэзцами, а португальскій король Альфонсъ IV былъ въ ссорѣ съ кастильскимъ за то, что тотъ совершенно подчинился своей любовницѣ Элеонорѣ де Гусманъ и предоставилъ ей всѣ права королевы, оскорбляя этимъ жену свою, дочь португальскаго короля. Однако, въ слѣдующемъ году, арагонцы оказали кастильскому королю сильную поддержку, такъ что гранадскій владѣтель, тревожимый внутренними безпорядками, долженъ былъ заключить перемиріе. Вскорѣ онъ былъ убитъ сыновьями Османа подъ предлогомъ измѣны вѣрѣ и единовѣрцамъ.

Великій визирь помогъ вступить на престолъ брату Мухаммеда, Абуль Гагіагу, который подтвердилъ заключенное прежде перемиріе. Раздоры съ сосѣдями заставили и Абуль Гассана Али вызвать изъ Испаніи свое войско.

Альфонсъ могъ наконецъ заняться истребленіемъ внутреннихъ враговъ и войною съ тестемъ, ихъ союзникомъ. Съ первыми, кастильскій король поступилъ совершенно по восточному, дѣйствуя противъ нихъ и оружіемъ, и милостью, и даже не колеблясь нарушалъ священнѣйшія клятвы и обѣщанія. Альфонсъ де ла Серда, возвратившійся изъ Франціи, удовольствовался предложеннымъ ему вознагражденіемъ и остался въ покоѣ. Хуанъ Нуньесъ де Лара, уже занявшій Бискаію и поддерживаемый Хуаномъ Маноэлемъ, Португаліею и даже арагонцами, не устоялъ противъ хитрости и оружія кастильскаго короля. Альфонсъ утвердилъ за бискайцами всѣ ихъ республиканскія привилегіи и тѣ присягнули ему подъ знаменитымъ дубомъ въ Гверникѣ, подъ которымъ происходили у нихъ съ незапамятныхъ временъ народныя собранія, такъ же какъ у восточныхъ фризовъ подъ дубами въ Упстальбоомѣ, близь Ауриха. Послѣ этого король сталъ брать у своихъ противниковъ одну крѣпость за другою; овладѣвъ наконецъ главною изъ нихъ, Лермою (1336 г.), онъ вступилъ въ тайные переговоры съ Нуньесомъ и отдалилъ его обѣщаніями отъ Хуана Маноэля. Для сохраненія внѣшности, Нуньесъ долженъ былъ срыть стѣны нѣсколькихъ городовъ и публично смириться передъ Альфонсомъ, но вслѣдъ затѣмъ былъ осыпанъ милостями и почестями и получилъ обратно Бискаію. Другой противникъ короля, Хуанъ Альфонсъ де Гаро, попался въ разставленныя ему сѣти и былъ казненъ. Наконецъ и самъ Хуанъ Маноэль примирился съ Альфонсомъ (1337 г.) черезъ посредничество Нуньеса, и съ той поры оставался вѣренъ королю. Одинъ португальскій король не хотѣлъ прекращать вражды, не смотря на усилія папы Бенедикта XII; кромѣ того, что онъ былъ оскорбленъ въ лицѣ дочери, Элеонора де Гусманъ отняла у сына королевы предоставленные ему земли и города и

старалась удалить его отъ престолонаслѣдія въ пользу своихъ родныхъ дѣтей. Наконецъ, когда мавры снова стали грозить опасностью всей христіанской Испаніи, жена Альфонса, перенесшая столько обидъ, убѣдила отца помириться съ ея мужемъ (1339 г.). Кастильскій король обязался удалить Элеонору, возвратить королевѣ ея права и выпустить изъ плѣна дочь Хуана Маноэля, невѣсту наслѣднаго принца португальскаго.

Окончивъ завоеванія въ Африкѣ, Абуль Гассанъ собралъ огромное войско и значительный флотъ и отправилъ ихъ въ Испанію. Тамъ къ нимъ присоединились войска гранадскаго владѣтеля Абуль Гагіага, который, впрочемъ, гораздо охотнѣе употреблялъ свои деньги на величественныя постройки и на основаніе разныхъ учрежденій. Короли Кастиліи и Арагоніи соединились противъ этой грозной опасности и всѣ гранды христіанской Испаніи явились къ нимъ со своими вассалами, привыкшими къ военному дѣлу въ постоянныхъ междоусобіяхъ. Первымъ плодомъ этого всеобщаго рвенія была блистательная побѣда, въ которой легло восемь тысячъ африканцевъ, въ томъ числѣ сынъ Абуль Гассана. Но вскорѣ Абуль Гассанъ явился въ Испанію съ новымъ еще болѣе многочисленнымъ войскомъ, уничтожилъ весь кастильскій флотъ, кромѣ пяти кораблей и вмѣстѣ съ гранадскимъ владѣтелемъ приступилъ къ осадѣ Тарифы. Тутъ только Альфонсъ IV Португальскій согласился на миръ съ Кастиліею и принялъ участіе въ войнѣ. Чтобы спасти Тарифу, три христіанскіе государя рѣшились дать маврамъ большое сраженіе, которое и произошло въ октябрѣ 1340 г. при Ріо Саладо (Rio Salado — Соленая рѣка); мавры потерпѣли въ немъ страшное пораженіе. Впрочемъ, увѣреніямъ испанскихъ лѣтописцевъ, утверждающимъ, что въ этой битвѣ пало двѣсти тысячъ невѣрныхъ и всего двадцать пять человѣкъ христіанъ, можетъ повѣрить только гасконецъ или житель пиренейскаго полуострова. Во всякомъ случаѣ для мавровъ битва при Саладо была несчастнѣе всѣхъ предшествовавшихъ сраженій, тѣмъ болѣе, что они, по восточному обычаю, привезли за собою изъ Африки огромный багажъ.

Кровопролитіе не могло не быть ужаснымъ, потому что у христіанъ рѣзня невѣрныхъ считалась заслугою и удовольствіемъ. Побѣдителямъ досталась богатѣйшая добыча, состоявшая въ драгоцѣнностяхъ, оружіи и разной утвари; ее раздѣлили между собою кастильскій и арагонскій короли, потому что король португальскій удовольствовался одною славою и отказался отъ всякаго участія въ добычѣ. Папѣ также достались блистательные трофеи этой побѣды въ благодарность за рвеніе, съ какимъ онъ возбуждалъ испанцевъ къ войнѣ буллами и проповѣдями, чрезъ своихъ легатовъ.

Единственнымъ прямымъ результатомъ этой побѣды было спасеніе Тарифы; португальцы и арагонцы тотчасъ же вернулись домой; кастильское рыцарство также разсѣялось, спѣша припрятать добычу, а Альфонсу XI нужно было думать о томъ, какъ достать отъ кортесовъ деньги на жалованье войску. Въ слѣдующемъ году кастильцы взяли нѣсколько городовъ и, съ помощью генуезскаго флота, одержали надъ маврами морскую побѣду, которою Альфонсъ воспользовался для того, чтобы напасть на Альхесирасъ. Осада этого города длилась два года, хотя и на этотъ разъ гранадскаго владѣтеля поддерживалъ Абуль Гассанъ; наконецъ, въ 1344 г. Альхесирасъ долженъ былъ сдаться и послѣ того враждующія стороны заключили перемиріе на десять лѣтъ. Взятіе Альхесираса придало царствованію Альфонса XI такую же славу, какимъ отличалось царствованіе Фердинанда III, хотя, съ другой стороны, эта удача подвергнула Кастилію неслыханно-тяжкому налогу, который удержался тамъ до настоящаго времени. Этотъ налогъ, какъ видно изъ самаго его названія алькавала, былъ заимствованъ у мавровъ и состоялъ въ пяти процентной пошлинѣ со всякаго товара. Онъ былъ установленъ единственно для войны съ невѣрными и долженъ былъ прекратиться по взятіи Альхесираса, но потомъ былъ сохраненъ, какъ весьма обильный источникъ дохода, и много повредилъ торговлѣ. Передъ смертью, Альфонсъ Кастильскій произвелъ нападеніе на Гибральтаръ и довелъ уже

этотъ городъ до послѣдней крайности, какъ былъ похищенъ чумою, распространившеюся съ востока почти по всей Европѣ (1350 г.).

4. Внутреннія событія въ Арагоніи при Альфонсѣ IV и при Петрѣ IV.

Мы уже видѣли, что Іаковъ II уступилъ Сицилію своему брату Фридриху II, основавшему тамъ новую династію; къ несчастью, Іаковъ отнялъ у пизанцевъ островъ Сардинію и вслѣдствіе того долженъ былъ расточать безполезно деньги и кровь подданныхъ. При сынѣ его, Альфонсѣ IV (1327—1336 г.), Арагонія истощала свои силы для удержанія за собой этого острова и должна была принимать участіе въ войнахъ итальянскихъ государствъ. Но еще болѣе тревожили Альфонса внутреннія междоусобія, почти не прекращавшіяся въ Арагоніи, благодаря свободному, почти республиканскому, государственному устройству, непокорности рыцарства, независимому духу горожанъ и поселянъ и стремленію государей къ деспотизму. Альфонсъ былъ женатъ первымъ бракомъ на графинѣ д'Урхель, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Петра IV и инфанта Іакова. Первый уже былъ признанъ кортесами наслѣдникомъ престола, когда отецъ его женился вторымъ бракомъ на кастильской принцессѣ Элеонорѣ. Кортесы совершенно основательно опасались, что Альфонсъ, не смотря на клятвенное подтвержденіе имъ государственнаго статута, по которому онъ не имѣлъ права отчуждать отъ государства ни одного короннаго лена или города, пожелаетъ обезпечить дѣтей своей второй жены въ ущербъ наслѣднику престола. Дѣйствительно, онъ въ первомъ же году послѣ женитьбы подарилъ королевѣ одинъ городъ, а потомъ, потребовавъ, по ея настоянію, разрѣшенія отъ данной клятвы, отдалъ своему сыну отъ Элеоноры значительную часть Валенсіи.

Населеніе этой страны приготовилось уже защищать свои права оружіемъ, но намѣстникъ Валенсіи успѣлъ во время убѣдить короля, что жена его привезла съ родины въ конституціонное государство совершенно ложныя понятія о монархическихъ правахъ. Альфонсъ возобновилъ присягу статуту, и арагонскій лѣтописецъ приписываетъ ему по этому случаю слова, въ которыхъ онъ съ гордостью противопоставляетъ свободу арагонцевъ рабству кастильцевъ. Когда Элеонора представляла ему, что ея братъ никогда не сталъ бы дѣйствовать въ Кастиліи, такъ какъ дѣйствуетъ ея мужъ, и снесъ бы голову всякому, кто покусился бы давать ему подобные совѣты, Альфонсъ отвѣтилъ ей, что Арагонія — не Кастилія.

Но вслѣдъ за тѣмъ Альфонсъ сталъ, повидимому, поступать совершенно наперекоръ этимъ словамъ; онъ началъ преслѣдовать тѣхъ, кто настаивалъ на отнятіи подаренныхъ имъ земель и казнилъ очень многихъ изъ нихъ. Недовольные подстрекнули инфанта Петра къ открытому возстанію противъ отца и его жены. Съ отцомъ инфантъ впослѣдствіи помирился, но всегда продолжалъ враждовать съ мачихой. Петръ имѣлъ явное намѣреніе возвратить коронѣ, по смерти отца, подаренныя имъ земли, и королева приняла мѣры, чтобы помѣшать этому, вступивъ въ заговоръ съ однимъ изъ грандовъ, Педро д'Эхерикою, и со своимъ братомъ кастильскимъ королемъ.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ вступилъ на престолъ, въ 1336 г., Петръ IV. Его продолжительное царствованіе (1336—1387 г.) было безпрерывнымъ рядомъ войнъ, которыми онъ съ энергіей и настойчивостью мрачнаго деспота старался подавить рыцарскій духъ свободнаго народа. Война эта началась съ нападенія на владѣнія вдовствующей королевы и сыновей ея, которыхъ защищали Педро д'Эхерика и кастильцы. Эта первая война продолжалась два года и продлилась бы долѣе, если бы Абуль Гассанъ не сталъ грозить христіанской Испаніи новою опасностью, расположившею деспотическаго короля къ уступкамъ. Между враждую-

щими сторонами былъ заключенъ договоръ, по которому Петръ не только уступилъ мачихѣ и сыновьямъ ея всѣ земли, подаренныя имъ его отцомъ, но даровалъ прощеніе Педро д'Эхерикѣ и освободилъ изъ заключенія всѣхъ друзей Элеоноры. Впрочемъ, онъ не охотно и не въ точности выполнилъ эти условія.

Послѣ этого король занялся войнами съ маврами и войною за Корсику и Сардинію, пока новые, семейные раздоры не возбудили сильныхъ волненій въ государствѣ. Вначалѣ Петръ, имѣя всего одну дочь, Констансу, старался отмѣнить въ ея пользу издавна установившійся въ Арагоніи законъ, по которому, за неимѣніемъ сыновей, корона переходила къ братьямъ, а не къ дочерямъ короля. Въ 1347 г., объявивъ Констансу своею наслѣдницею, Петръ потребовалъ, чтобы арагонцы присягнули ей и отставилъ всѣхъ высшихъ сановниковъ, отказавшихся исполнить его желаніе. Этотъ поступокъ короля былъ не только вопіющею несправедливостью относительно его брата Іакова, но и наглымъ нарушеніемъ правъ блюстителей закона. Впрочемъ инфантъ и его приверженцы нашли въ самыхъ учрежденіяхъ страны средство защитить себя отъ этого деспотическаго произвола. Арагонцы имѣли право заключать между собой союзы для защиты своихъ правъ, въ случаѣ посягательства на нихъ королей; противъ Петра образовался союзъ арагонскихъ грандовъ съ инфантомъ Іаковомъ. Примѣру ихъ немедленно послѣдовали бароны Валенсіи, хотя въ то же время Педро д'Эхерика составилъ тамъ конфедерацію въ пользу короля. Обѣ партіи противниковъ короля соединились въ одну унію, которая вступила въ переговоры съ королемъ, соблюдая всевозможныя внѣшнія формы преданности и уваженія, но оставаясь непреклонно-твердою къ своихъ требованіяхъ. Она настаивала на томъ, чтобы Петръ созвалъ кортесы въ Сарагоссѣ, предоставилъ уніи право назначать министровъ, удовлетворилъ всѣмъ ея требованіямъ и далъ ей въ залогъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, то есть торжественно призналъ ее равносильною себѣ. Только нужда вырвала у короля согласіе на эти требованія, а двое его

совѣтниковъ, архіепископъ Таррагоны и маіордомъ Бернардо де Кабрера, заранѣе дали ему мнимое право нарушить слово, объясняя, что, само собою разумѣется, только тѣ изъ обѣщаній короля могли считаться дѣйствительными, которыя были согласны съ монархическими учрежденіями и основными законами страны. Кабрерѣ удалось даже отдѣлить отъ уніи часть арагонскаго дворянства и составить изъ нея конфедерацію въ пользу короля. Къ этой новой партіи, ставшей на сторону монархіи противъ олигархіи, присталъ сильнѣйшій изъ арагонскихъ грандовъ, Лопесъ де Луна, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ существующія права и льготы арагонцевъ были буквально сохраняемы и чтобы даже по этому вопросу онъ имѣлъ право остаться членомъ уніи. Каталонцы также выказали королю свою преданность.

Петръ сталъ искать законнаго основанія для того, чтобы вооружить противъ уніи своихъ приверженцевъ, и единственно съ этою цѣлью поссорился въ собраніи арагонскихъ кортесовъ со своимъ братомъ Іаковомъ. Ссора эта могла бы кончиться кровопролитной дракой обѣихъ партій, если бы при этомъ не оказалось, что члены уніи не совсѣмъ довѣряли другъ другу. Кортесы были распущены весьма не милостиво, и Петръ отправился въ Барселону, чтобы возстановить каталонцевъ противъ уніи арагонцевъ и валенсійцевъ. Но едва успѣлъ онъ созвать каталонскіе кортесы, какъ въ собраніе ихъ явился инфантъ Іаковъ съ четырьмя уполномоченными уніи; впрочемъ инфантъ умеръ тотчасъ по пріѣздѣ и всѣ приписали эту внезапную смерть кознямъ короля. Многія данныя дѣйствительно подтверждаютъ тогдашніе слухи, будто Петръ велѣлъ отравить брата. Послѣ этого, во всѣхъ трехъ королевствахъ вспыхнула междоусобная война; каталонскіе кортесы очень охотно поддерживали монархическій принципъ, но за то король нашелъ сильную поддержку въ образовавшихся въ Валенсіи и Арагоніи монархическихъ партіяхъ. Противники его вызвали изъ Кастиліи старшаго сына Элеоноры, Фердинанда, чтобы противопоставить его, на мѣсто Іакова, дочери Петра. Убѣдившись, что

въ этой войнѣ счастье рѣшительно противъ него, король нашелся вынужденнымъ уступить арагонской и валенсійской уніи и даже признать Фердинанда наслѣдникомъ. Между тѣмъ унія королевскихъ приверженцевъ становилась все сильнѣе и продолжала борьбу съ перемѣннымъ счастіемъ. Король дѣлалъ видъ, что сохраняетъ нейтралитетъ между обѣими партіями, и выказалъ свои намѣренія только тогда, когда Лопесъ де Луна собралъ достаточныя силы. Лопесъ одержалъ въ 1348 г. побѣду при Эпилѣ, рѣшившую исходъ этой борьбы; страшное пораженіе, понесенное уніею, дало королю возможность расторгнуть союзъ противниковъ. Значительнѣйшіе члены уніи были схвачены, и самъ Фердинандъ попался въ руки вспомогательнаго войска, которое прислалъ Петру кастильскій король Альфонсъ XI; но Фердинанда немедленно отправили въ Кастилію, опасаясь, что жестокій Петръ не задумается умертвить своего своднаго брата.

Побѣда при Эпилѣ не только возстановила въ Арагоніи монархическую власть, но и содѣйствовала реформамъ въ государственномъ устройствѣ. Петръ составилъ судъ надъ мятежниками, и множество членовъ знатнѣйшихъ арагонскихъ фамилій были приговорены къ казни. Привилегіи уніи, которыя современемъ должны были водворить въ Арагоніи такую же рыцарскую анархію, какъ въ Венгріи и Польшѣ, были отмѣнены въ собраніи кортесовъ, и король собственноручно разорвалъ одну изъ этихъ грамать. Когда формально признанное за грандами право возстанія было такимъ образомъ уничтожено, король объявилъ всеобщую амнистію. Отношенія между нимъ и народомъ были опредѣлены законами и всѣ существенныя права націи клятвенно подтверждены королемъ, который присягнулъ кортесамъ въ томъ, что обязуется блюсти законы, уважать національные права и обычаи и не подвергать никого казнямъ или тюремному заключенію безъ правильнаго и законнаго суда. Кортесы постановили, съ согласія короля, чтобы всѣ будущіе правители и государственные сановники давали такую же присягу. Съ этого времени хустисія получила важное

значеніе въ Арагоніи и, какъ высшая судебная власть между королемъ и кортесами, стала наконецъ дѣйствительно охранять права и той и другой стороны, привилегіи націи и общественный порядокъ. Съ этого времени, какъ говоритъ историкъ Сурита, въ Арагоніи установилось то, до чего не могло дойти ни одно изъ европейскихъ средневѣковыхъ государствъ: законы и судебныя рѣшенія значили болѣе чѣмъ сила оружія.

Покончивъ дѣло съ арагонской уніей, Петръ обратился къ Валенсіи. Приверженцы валенсійской уніи также должны были покориться, не смотря на мужественное сопротивленіе, и столица Валенсіи сдалась королю безусловно. Жестокій тираннъ самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что еслибы не убѣжденія его совѣта, то онъ стеръ бы съ лица земли этотъ прекраснѣйшій изъ европейскихъ городовъ и посыпалъ бы почву ея солью, чтобы сдѣлать ее безплодною. Замѣчательно, что при вступленіи въ Валенсію Петръ (какъ это мы видимъ изъ тѣхъ же мемуаровъ) произноситъ въ соборной церкви длиннѣйшую рѣчь, въ которой распространяется о своемъ великодушіи и, вслѣдъ затѣмъ, съ утонченнымъ звѣрствомъ предаетъ казни множество членовъ уніи. Нѣкоторымъ изъ нихъ залили ротъ растопленнымъ металломъ того самаго колокола, которымъ сзывались въ собраніе члены уніи. Послѣ этого онъ дѣйствительно по собственному выраженію высказалъ великодушіе, но только потому, что по уничтоженіи уніи въ странѣ затихли волненія. Въ то же время Петръ пресѣкъ арагонскую династію, царствовавшую на островѣ Маіорки, казнивъ своего родственника Іакова II, о несчастной судьбѣ котораго уже было сказано выше (т. VIII. стр. 265) Сынъ его, Іаковъ III, принялъ оставленный имъ пустой королевскій титулъ и впослѣдствіи игралъ значительную роль въ Кастиліи и Неаполѣ.

5. Португалія, Кастилія и Арагонія до смерти Петра Жестокаго.

Около описываемаго нами времени, на судьбу Португаліи и Кастиліи стало оказывать огромное вліяніе многоженство, вошедшее въ такой же обычай при дворахъ этихъ государствъ, какъ и у бывшихъ мавританскихъ государей Испаніи или у меровинговъ (т. V. стр. 317), и сдѣлавшееся, какъ повсюду, поводомъ къ кровавымъ войнамъ. Діонисій Португальскій (т. VIII. стр. 349) поссорился со своимъ сыномъ Альфонсомъ IV за то, что постоянно отдавалъ преимущество передъ нимъ побочному сыну, Альфонсу Санчесу. Война между отцомъ и сыномъ возобновлялась два раза и Португалія распалась на двѣ части, изъ которыхъ одна признавала надъ собою власть Діонисія и Альфонса Санчеса, а другая—Альфонса IV. Хотя война эта кончалась оба раза примиреніемъ, но возгорѣлась бы снова, если бы Діонисій не умеръ въ 1325 г.

Вступивъ на престолъ Альфонсъ IV (1325—1357 г.), немедленно возобновилъ войну съ Санчесомъ; однако вдовствующей королевѣ удалось примирить братьевъ и Альфонсъ Санчесъ, умершій впрочемъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался даже любимцемъ короля. Давно была пора кончить всѣ эти междоусобія; нація одичала и находилась въ состояніи полнаго разложенія. Альфонсу стоило большаго труда отмѣнить кулачное право, господствовавшее въ Португаліи, какъ и въ Германіи. Успѣвъ наконецъ въ этомъ, король вступилъ въ двойной брачный союзъ съ Кастиліею, выдавъ дочь свою Марію за кастильскаго короля Альфонса XI и помолвивъ сына, Петра I, съ дочерью кастильскаго инфанта, Бланкою. Но этотъ двойной бракъ сдѣлался источникомъ непримиримой вражды между сосѣдними государствами. Альфонсъ Кастильскій, вступивъ

въ связь съ Элеонорою де Гусманъ, сталъ дурно обращаться съ женою, и раздраженный португальскій король отвергъ кастильскую принцессу, предназначенную для его сына, помолвивъ его съ Констансою, дочерью Хуана Маноэля, злѣйшаго врага Альфонса XI. Въ этотъ брачный договоръ включены были тѣ же условія, какія въ употребленіи на востокѣ, гдѣ господствуетъ многоженство, въ тѣхъ случаяхъ, когда восточные государи выдаютъ дочерей за своихъ подданныхъ: а именно, одной статьею договора Петру вмѣнялось въ обязанность не брать другой жены кромѣ Констансы и не предоставлять никому ея правъ. Мы уже сказали, что Альфонсъ XI долго не выпускалъ изъ Кастиліи невѣсту Петра; но наконецъ, послѣ дѣятельныхъ переговоровъ, въ которыхъ принималъ участіе и арагонскій король, договоръ о бракѣ съ Бланкой былъ уничтоженъ, и Констанса отправилась въ Португалію. Судьба ея была столь же печальна какъ и судьба кастильской королевы Маріи. Какъ послѣдняя терпѣла униженія отъ любовницы своего мужа Элеоноры де Гусманъ, такъ и Констанса, вскорѣ послѣ брака, встрѣтила себѣ соперницу въ одной изъ пріѣхавшихъ съ нею дамъ, Инесѣ де Кастро. Жребій португальской королевы былъ тѣмъ печальнѣе, что женщина, отравившая ея жизнь, была не только ей родственницею, но и подругою. Констанса кончила свою печальную жизнь, въ 1345 г., и таково было вліяніе фаворитокъ, что съ того времени вся исторія Португаліи становится, въ продолженіе двадцати лѣтъ, исторіею Инесы де Кастро. Точно также и кастильская исторія, при Альфонсѣ XI и его сынѣ Петрѣ Жестокомъ, связана съ судьбой королевскихъ любовницъ и дѣтей ихъ. Вообще, въ продолженіе многихъ лѣтъ, исторія Кастиліи, Португаліи и Арагоніи имѣетъ много сходства съ исторіею пелопидовъ и меровинговъ (т. I. стр. 179 и 206 и т. V. стр. 317).

Въ теченіе этого, повидимому, весьма печальнаго періода времени, кастильцы и португальцы соперничаютъ въ славѣ открытія и покоренія новыхъ странъ. Особенно послѣдніе отличались при Альфонсѣ IV предпріимчивостью и развитіемъ мореходства и

торговли, какимъ едва можно было бы повѣрить, если бы мы не имѣли положительныхъ свидѣтельствъ. Португальцы поссорились съ папою за то, что онъ еще заранѣе присвоивалъ себѣ власть надъ всѣми открываемыми ими языческими странами. Такъ, когда португальцы открыли, при Альфонсѣ, Канарскіе острова, то папѣ вздумалось подарить ихъ полу-французскому, полу-испанскому принцу Людовику Клермонскому, сыну знаменитаго претендента Альфонса де ла Серда. Но португальскій и кастильскій короли воспротивились произвольному распоряженію папы, и такъ какъ у Людовика не было ни денегъ, ни достаточнаго войска, чтобы покорить острова, то папскій подарокъ оказался въ дѣйствительности пуфомъ. Мы узнаемъ изъ арагонскихъ лѣтописей, что и португальцы заимствовали свои свѣдѣнія въ мореходствѣ у генуезцевъ, у которыхъ они нанимали корабли и адмираловъ.

Альфонсу XI наслѣдовалъ въ Кастиліи сынъ его Петръ Жестокій (1350 г.), которому тогда не было еще шестнадцати лѣтъ. Онъ началъ царствованіе вѣроломствомъ и преступленіями, и продолженіе его до самаго конца вполнѣ соотвѣтствовало началу, такъ что Петръ вполнѣ заслужилъ свое прозвище. Нельзя впрочемъ не согласиться съ испанскимъ историкомъ Маріаною, который замѣчаетъ относительно жестокости многихъ южно-европейскихъ государей, что въ Испаніи и Италіи не было инаго средства сдерживать своеволіе и буйство одичалаго рыцарства. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что исторія Петра написана въ царствованіе враждебной ему династіи и потому всѣ факты выставлены съ умысломъ въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ для того, чтобы возстановить противъ него читателя. Не смотря на всѣ эти оговорки, Петръ остается въ нашихъ глазахъ чудовищемъ жестокости. Первымъ дѣломъ его по вступленіи на престолъ было преслѣдованіе бывшей любовницы его отца Элеоноры де Гусманъ и дѣтей ея, которыхъ бывшій король осыпалъ титулами, владѣніями и богатствами. Впрочемъ гоненія на Элеонору слѣдуетъ приписать не столько молодому королю, сколько его матери, Маріи Порту-

гальской, которая съ яростью фуріи начала мучить и преслѣдовать соперницу. Удачно начатая Альфонсомъ XI осада Гибральтара была немедленно снята, чтобы дать возможность молодому королю отправиться въ Севилью и, выманивъ ненавистную Элеонору изъ убѣжища, привлечь ее ко двору, гдѣ можно было умертвить ее. Элеонора попалась въ разставленную ей сѣть и, заключенная въ темницу, была умерщвлена по наущенію мстительной королевы. Послѣ нея осталось семь сыновей и одна дочь; всѣ они были щедро надѣлены своимъ отцомъ, а старшій, Генрихъ, носилъ даже присвоенный королевскимъ принцамъ титулъ графа трастамарскаго. За убійствомъ Элеоноры послѣдовали другія злодѣйства и хотя вначалѣ ихъ приписывали не столько королю, сколько его матери и вѣрному другу ея Хуану Альфонсу д'Альбукерке, но вскорѣ оказалось, что Петръ безчеловѣченъ не только вслѣдствіе своего воспитанія, но и по самому характеру. Какъ ни велика была развращенность всѣхъ вообще испанскихъ государей того времени, но Петръ своей натурой тигра и жестокостями превзошелъ даже восточныхъ деспотовъ. Онъ совершалъ неслыханныя злодѣйства, преступалъ всѣ человѣческіе и божественные законы и, не смотря на все это, четырнадцать лѣтъ держался противъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ продержался бы и до конца, еслибы не былъ глухъ ко всякому разумному совѣту. Его исторія, подобно исторіи Висконти, служитъ яснымъ доказательствомъ, что папы, страшные для слабыхъ и набожныхъ государей, не могли защитить ни религіи, ни угнетеннаго человѣчества противъ могущественныхъ и безбожныхъ тиранновъ. Всѣ папскія угрозы, убѣжденія, интердикты разбивались о непреклонное упрямство Петра. Наконецъ, чтобы не увеличить зла, папѣ пришлось взять назадъ всѣ свои распоряженія и предать забвенію поступки короля, явно пренебрегавшаго папою и религіею.

Королева Марія и Хуанъ Альфонсъ д'Альбукерке, руководившіе первыми шагами Петра на пути преступленія, вскорѣ сами подорвали свое вліяніе попытками укрѣпить его. Марія, чтобы

упрочить свое положеніе союзомъ съ Франціей, убѣдила сына жениться на Бланкѣ, дочери герцога бурбонскаго; д'Альбукерке, замѣтивъ любовь короля къ Маріи де Падилья, дочери одного кастильскаго гранда, свелъ его съ нею, расчитывая утвердить чрезъ нее свое вліяніе. И тотъ, и другая ошиблись въ расчетѣ: король смертельно возненавидѣлъ мать за устроенный ею союзъ съ французскою принцессою, а д'Альбукерке былъ вскорѣ оттѣсненъ роднею Падильи. Петръ только съ отвращеніемъ согласился жениться на Бланкѣ, когда эта принцесса прождала уже четыре мѣсяца въ Вальядолидѣ, тогдашней столицѣ Кастиліи; все это время онъ съ умысломъ оставался на югѣ королевства и на другой же день брака, бросивъ жену, вернулся къ Падильѣ, а вскорѣ велѣлъ заключить Бланку въ темницу и держать ее тамъ подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что даже мать его не имѣла къ ней доступа. Оскорбленная такимъ дурнымъ обращеніемъ, эта принцесса сдѣлалась центромъ всѣхъ послѣдующихъ волненій въ государствѣ. Прежде всего несчастіемъ ея воспользовался д'Альбукерке, для того чтобы вернуть свое прежнее вліяніе, отнятое у него роднею Падильи и въ особенности ея дядею, Фернандо де Гинестросой. Д'Альбукерке вступилъ въ заговоръ съ гроссмейстеромъ ордена Калатравы и многими другими грандами. Цѣлью заговорщиковъ было принудить короля возстановить жену его во всѣхъ ея правахъ; но замыселъ былъ открытъ и король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прижать кастильскую знать. Д'Альбукерке и гроссмейстеру удалось однако бѣжать заграницу, но Петръ вымѣстилъ свою злобу на невинныхъ вассалахъ перваго, а послѣдняго убѣдилъ хитростью вернуться въ Кастилію. Тогда онъ велѣлъ бросить его въ темницу и мучить до тѣхъ поръ, пока тотъ не согласился сложить съ себя званіе гроссмейстера. Капитулу ордена было приказано передать этотъ санъ брату королевской любовницы, Діэго де Падильѣ. Новый гроссмейстеръ сдѣлался правителемъ государства вмѣстѣ съ своимъ дядею Гинестросою. Другой братъ Маріи, не смотря на свое незаконное про-

исхожденіе и на то что онъ былъ уже женатъ, слѣдовательно, по каноническимъ законамъ не могъ поступить въ орденъ, былъ избранъ по волѣ короля гроссмейстеромъ ордена св. Іакова, на мѣсто сына Элеоноры де Гусманъ, насильственно лишённаго этого званія.

Для Петра не существовало ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ. Это особенно ясно выказалось въ новой страсти, вспыхнувшей въ сердцѣ короля, когда Падилья, почувствовавъ дѣйствительное или притворное раскаяніе, прервала сношенія съ королемъ и удалилась въ монастырь. Предметомъ этой новой страсти была Іоанна де Кастро, молодая вдова бискайскаго владѣтеля Діэго де Гаро. Она не согласилась вступить съ королемъ въ незаконную связь и чтобы овладѣть ею, король предложилъ ей вступить въ формальное супружество, не смотря на то, что законная жена его Бланка была жива и что онъ, какъ самъ клятвенно увѣрялъ впослѣдствіи, былъ связанъ въ тайнѣ брачными узами съ Маріею де Падилья. Ослѣпленная Іоанна приняла это предложеніе, не пугаясь ни судьбы Бланки, ни характера короля. Онъ нашелъ двухъ епископовъ, которые, устрашенные ли его угрозами, или желая угодить ему, согласились объявить недѣйствительнымъ бракъ его съ Бланкой, а основываясь на этомъ, третье духовное лицо взялось обвѣнчать короля съ Іоанной. Узнавъ объ этомъ, папа Иннокентій VI послалъ королю и обоимъ епископамъ грозную буллу; но на Петра она произвела такое ничтожное дѣйствіе, что онъ тотчасъ же послѣ брака отказался отъ своей новой жены и вернулся къ Падильѣ, которая, повидимому, хотѣла только обмануть папу притворнымъ раскаяніемъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что король не задолго передъ тѣмъ еще возмутительнѣе обманулъ Иннокентія. Когда папа грозно потребовалъ, чтобы Петръ разорвалъ связь съ Падильей, король подговорилъ какого-то марокскаго принца притвориться желающимъ обратиться въ христіанскую вѣру и отправить письмо къ папѣ, а самъ Петръ, ссылаясь на это, просилъ у папы субсидій и присылки ему знамени римской церкви для

предпринимаемаго имъ большаго крестоваго похода съ цѣлью распространенія христіанской вѣры. Получивъ это лживое письмо, Иннокентій позабылъ вражду и не только Петру, но и плуту-мусульманину отвѣтилъ чрезвычайно ласковымъ образомъ, выказавъ при этомъ самую смѣшную радость. Разумѣется, обманъ вскорѣ открылся, и папа наложилъ на Петра интердиктъ; но сами кастильцы уже до того одичали и стали такими дурными христіанами, что Иннокентію пришлось дѣйствовать въ этомъ случаѣ чрезвычайно осмотрительно, чтобы не повредить окончательно церкви. Онъ уполномочилъ своего легата немедленно снять интердиктъ и даровать полное прощеніе, какъ только король и его любовница выкажутъ хотя наружное раскаяніе.

Но если папскій гнѣвъ не могъ болѣе устрашить безбожнаго тирана, за то его очень безпокоилъ новый заговоръ, возникшій въ государствѣ, послѣ того какъ онъ разошелся съ Іоанною де Кастро. Чтобы отмстить за безчестіе, нанесенное Іоаннѣ, и положить предѣлы необузданнымъ страстямъ короля, могущественныя фамиліи Гаро и Кастро вступили въ союзъ съ другими грандами и вернувшимся въ Кастилію д'Альбукерке. Во главѣ заговора стоялъ Генрихъ Трастамарскій. Къ этому союзу примкнули также такъ называемые свободные города Кастиліи, т. е. восемнадцать городовъ, пользовавшихся на собраніяхъ кортесовъ равными правами съ высшею аристократіею, а такъ какъ новая лига избрала своимъ знаменемъ дѣло Бланки, то къ ней примкнули и французскій король съ папою. Заговорщики требовали, съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы Петръ возстановилъ Бланку въ правахъ законной жены, а Падилью, со всею ея роднею, удалилъ отъ двора и всѣхъ должностей. Король гордо отвергнулъ эти требованія; но вскорѣ былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Бланка, содержавшаяся въ заключеніи въ Толедо, бѣжала изъ темницы въ одно священное убѣжище, гдѣ горожане приняли ее подъ свою защиту; двое инфантовъ, державшіе сторону короля, покинули его; вѣрный другъ его Гинестроса былъ взятъ въ плѣнъ, а

наконецъ и самъ Петръ, запертый въ одномъ изъ городовъ, былъ вынужденъ отправиться въ Торо къ инсургентамъ и вступить съ ними въ переговоры. Заговорщики объявили его плѣнникомъ и гибель короля казалась неизбѣжною; но и на этотъ разъ онъ выпутался изъ бѣды съ помощью своихъ обыкновенныхъ средствъ: притворства, жестокости и вѣроломства. Согласившись на всѣ требованія противниковъ и успокоивъ ихъ этимъ, онъ, чтобы расположить къ себѣ народъ и разстроить союзъ, задобрилъ папу торжественными обѣщаніями. Расчетъ его оказался вѣренъ; примѣру папы послѣдовала тетка Петра, Элеонора, вдовствовавшая королева арагонская, со своими сыновьями; собраніе кортесовъ было перенесено изъ Толедо въ Бургосъ, жители котораго ненавидѣли толедцевъ и были бы рады, если бы они почувствовали на себѣ гнѣвъ короля. Петръ еще до собранія кортесовъ успѣлъ во время охоты бѣжать отъ союзниковъ. Чтобы собрать солдатъ и приверженцевъ, королю необходимы были деньги, и онъ велѣлъ своему казначею, Симеону Леви, достать ихъ всѣми законными и незаконными средствами. Немногіе изъ заговорщиковъ рѣшились явиться въ собраніе кортесовъ; но тѣмъ въ большемъ числѣ пріѣхали туда приверженцы Петра, которые, взявъ съ него обѣщаніе возстановить Бланку въ ея правахъ, предоставили ему право собрать деньги и войска для усмиренія своихъ враговъ. Прежде всего Петръ направилъ свою месть на Толедо. Этотъ городъ не устоялъ передъ превосходными силами и былъ потопленъ въ крови. Несчастная Бланка была вырвана извергомъ изъ ея убѣжища, но, не осмѣлившись умертвить ее, послѣ только что даннаго въ Бургосѣ обѣщанія, онъ отправилъ ее въ Сигуенсу, гдѣ она оставалась нѣкоторое время въ заключеніи и потомъ была удушена въ темницѣ. Изъ Толедо, Петръ отправился къ Торо, гдѣ Генрихъ Трастамарскій собралъ главныя силы его противниковъ. Здѣсь король встрѣтилъ болѣе энергическое сопротивленіе; но однако и этотъ городъ долженъ былъ сдаться послѣ осады (1356 г.), длившейся болѣе года. Генрихъ бѣжалъ со своими

друзьями изъ Кастиліи, и тираннъ вскорѣ снова сдѣлался властелиномъ всего государства.

Кастильскій король былъ врагомъ Петра IV Арагонскаго, потому что поддерживалъ притязанія его побочнаго брата Фердинанда; вслѣдствіе этой непріязни, Генрихъ Трастамарскій и партія недовольныхъ нашли убѣжище въ Арагоніи. Такъ какъ Петръ IV былъ въ то же время замѣшанъ въ сицилійскую войну и враждовалъ съ генуезцами, то ему приходилось нѣсколько разъ просить перемирія, которымъ онъ каждый разъ пользовался для утвержденія рыцарской, военной власти. Наконецъ, одинъ случай, принятый кастильскимъ королемъ за личное оскорбленіе, вызвалъ рѣшительную войну. Французскій король, находясь въ войнѣ съ Англіею, выпросилъ у арагонскаго короля каталонскіе корабли и каталонскихъ моряковъ, которые считались самыми искусными въ Европѣ. Петръ IV послалъ къ нему небольшой флотъ, которому предстояло пройти чрезъ гибральтарскій проливъ къ устью Сены. Арагонскій адмиралъ, встрѣтивъ дорогою, въ одномъ изъ кастильскихъ флотовъ, два генуезскихъ купеческихъ корабля, объявилъ ихъ своею добычею, какъ суда враждебной націи. Это и еще нападеніе, сдѣланное тѣмъ же адмираломъ на сѣверный берегъ Испаніи, сильно оскорбили кастильскаго короля, который тотчасъ же наложилъ амбарго (запрещеніе) на всѣ находившіяся въ Кастиліи имущества арагонцевъ и каталонцевъ, потребовавъ, въ видѣ удовлетворенія, выдачи арагонскаго адмирала и когда ему въ этомъ было отказано, началъ войну, продолжавшуюся съ небольшими промежутками нѣсколько лѣтъ. Въ продолженіе этой войны, главными событіями въ исторіи Кастиліи, Арагоніи и Португаліи были жестокости, совершаемыя тремя могущественными тираннами, царствовавшими въ этихъ государствахъ. Мы разскажемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы показать нагляднѣе характеръ той эпохи, тѣхъ націй и государей. Начнемъ съ Кастиліи.

Послѣ покоренія Торо, Петръ Жестокій воспользовался плѣномъ своего своднаго брата Хуана, чтобы завладѣть его женою,

славившеюся красотой. Онъ послалъ сказать ей, что если она поспѣшитъ къ нему въ Севилью, то онъ освободитъ ея мужа, но въ то же время отправилъ гонца съ приказаніемъ умертвить Хуана и передать обманутой женѣ только трупъ его. Но та, предчувствуя намѣреніе короля, скрылась въ монастырѣ. Онъ не оставлялъ ее въ покоѣ и тамъ, и чтобы не сдѣлаться жертвой его сладострастія, она страшно обезобразила себя. Другаго своднаго брата своего, бывшаго гроссмейстера ордена св. Іакова, Петръ велѣлъ убить палками, обвинивъ его въ измѣнѣ, вмѣстѣ съ Хуаномъ Арагонскимъ, сыномъ бѣжавшей въ Кастилію мачихи Петра IV. Хуана Арагонскаго, также бѣжавшаго на родину, Петръ коварно заманилъ въ Кастилію и тамъ велѣлъ умертвить передъ своими глазами. Жену и мать его онъ заключилъ въ темницу и вскорѣ потомъ казнилъ. Трое другихъ сводныхъ братьевъ короля и старшій братъ умерщвленнаго Хуана бѣжали, съ толпою недовольныхъ, въ Арагонію. Собравъ тамъ войско, они ворвались въ Кастилію и разбили королевскія войска въ одномъ генеральномъ сраженіи. Въ числѣ убитыхъ остался Гинестроса, командовавшій войсками Петра (1359 г.). Король отистилъ за это пораженіе смертью двухъ младшихъ сводныхъ братьевъ, которыхъ онъ уже давно держалъ въ заключеніи. Одному изъ нихъ было всего четырнадцать лѣтъ, другому, восемнадцать. Несчастную Бланку онъ также велѣлъ умертвить въ 1361 г. За нѣсколько недѣль до того, Петръ казнилъ страшною казнью еврея Симеона Леви, который помогалъ ему выжимать изъ народа деньги. Прежде всего у Симеона Леви конфисковали пять милліоновъ піастровъ и множество драгоцѣнныхъ тканей и утвари; потомъ его предали жесточайшей пыткѣ, чтобы вынудить у него указаніе, гдѣ находились его остальныя сокровища; но онъ предпочелъ умереть подъ пыткою, чѣмъ дать эти свѣдѣнія. Гранадскаго владѣтеля Абу Саида, силою овладѣвшаго престоломъ и искавшаго у кастильцевъ защиты отъ своихъ подданныхъ, Петръ обманулъ торжественно заключеннымъ договоромъ. По приглашенію Петра, Абу Саидъ пріѣхалъ къ нему въ Севилью со своимъ

дворомъ и взявъ съ собою свои несмѣтныя сокровища; въ началѣ, онъ нашелъ тамъ радушный и дружескій пріемъ, но вскорѣ былъ умерщвленъ по приговору королевскаго совѣта; Петръ собственноручно нанесъ ему первый ударъ копьемъ. Это убійство доставило вѣроломному тирапну огромныя богатства, которыя онъ увеличилъ еще громадной суммою, взятою имъ съ законнаго гранадскаго владѣтеля, также бѣжавшаго въ Кастилію. Петръ помогъ ему снова овладѣть короною, заставивъ за это прислать вспомогательное войско для войны съ Арагоніею.

Всякій разъ, какъ этому варвару нужно было содѣйствіе папы, чтобы заключить перемиріе съ Арагоніею, онъ, при всѣхъ своихъ злодѣйствахъ и преступленіяхъ, прикидывался набожнымъ и покорнымъ сыномъ церкви, исполнялъ всѣ ея уставы и писалъ папѣ дружескія письма; но едва перевѣсъ оказывался на его сторонѣ, какъ онъ снова дѣлалъ что хотѣлъ, смѣясь надъ папою и его интердиктомъ. Изъ этихъ событій мы видимъ, что даже тѣ изъ церковныхъ лѣтописцевъ, которые силятся доказать самымъ очевиднымъ образомъ, посредствомъ историческихъ фактовъ, волю судьбы, сильно затрудняются объяснить почему судьба, по ихъ теоріи впослѣдствіи наказавшая тиранна рукою его роднаго брата, попустила, чтобы онъ погубилъ столько невинныхъ жертвъ. Петръ совершалъ злодѣйства и надъ духовенствомъ. Одного монаха онъ велѣлъ сжечь живымъ, за то что тотъ возвѣстилъ ему явленіе св. Діонисія; а другаго духовнаго Петръ велѣлъ умертвить за столомъ у гроссмейстера ордена Калатравы. Онъ покушался также убить толедскаго архіепископа, высшее духовное лицо въ королевствѣ, и, когда тому удалось счастливо избѣгнуть этой опасности, Петръ не только добился его отрѣшенія, но и далъ ему преемника по своему выбору.

Въ Португаліи совершались въ это время такія же жестокости какъ въ Кастиліи. Наслѣдникъ португальской короны, Петръ I, имѣлъ любовницею Инесу де Кастро, которая, вмѣстѣ съ братьями и пріѣхавшими съ нею кастильцами, овладѣла его

исключительнымъ расположеніемъ. Въ 1345 г., жена Петра, Констанса, скончалась, родивъ сына, впослѣдствіи короля Фердинанда, и послѣ ея смерти Инеса вступила во всѣ права умершей. Всѣ полагали, что Петръ былъ тайно обвѣнчанъ съ нею, но король Альфонсъ IV не хотѣлъ и слышать объ этомъ бракѣ. Инеса родила четверыхъ дѣтей, одного вскорѣ послѣ другаго. Опасаясь за участь государства и за права сына Констансы, король и его совѣтники рѣшились принять мѣры, грозившія опасностью жизни Инесы. Петръ укрылъ свою любовницу и ея дѣтей въ одномъ монастырѣ въ Коимбрѣ. Такое священное убѣжище защищало въ тѣ времена отъ преслѣдованій даже величайшихъ преступниковъ. Не смотря на то, король и его совѣтники рѣшились умертвить Инесу и положили сдѣлать это въ присутствіи самого короля, чтобы предохранить убійцъ отъ мести Петра. Пользуясь тѣмъ, что Петръ уѣхалъ на нѣсколько дней на охоту, Альфонсъ прибылъ въ Коимбру съ сообщниками и многочисленною свитою и отправился въ монастырь, гдѣ скрывалась Инеса. Потрясенный слезами несчастной женщины и видомъ своихъ внучатъ, онъ удалился изъ монастыря въ нерѣшимости и снова созвалъ свой совѣтъ. Совѣтники его, особенно Альваръ Нуньесъ, Педро Коэльо и Діего Пачеко, настояли на исполненіи задуманнаго убійства и король приказалъ наконецъ умертвить Инесу. Трое названныхъ лицъ взялись собственноручно исполнить это возмутительное порученіе (1355 г.). Вѣсть объ убійствѣ жены повергла Петра въ безпредѣльную горесть, обратившуюся, съ теченіемъ времени, въ родъ помѣшательства. Онъ началъ открытую войну съ отцомъ; братья Инесы и друзья Петра оказали ему такую дѣятельную поддержку, что послѣ нѣсколькихъ недѣль войны Альфонсу пришлось искать примиренія съ сыномъ. Миръ былъ утвержденъ договоромъ въ Каванезесѣ, по которому отецъ допустилъ сына къ участію въ управленіи, а сынъ обязался отказаться отъ мести убійцамъ Инесы и всѣмъ друзьямъ и совѣтникамъ короля. Но Альфонсъ вскорѣ убѣдился, что горесть и необузданный характеръ Петра помѣшаютъ ему сдержать слово. Черезъ два года

король, лежа на смертномъ одрѣ, посовѣтовалъ убійцамъ Инесы заблаговременно оставить страну и они, слѣдуя его совѣту, поспѣшно бѣжали въ Кастилію.

Петръ I началъ царствованіе (1357—1367 г.) тѣмъ, что заключилъ союзъ съ кастильскимъ королемъ Петромъ Жестокимъ. Это было сдѣлано собственно противъ Арагоніи, съ которою оба эти государя находились во враждѣ; дѣйствительно, Петръ послалъ своему союзнику флотъ для войны съ арагонцами. Тѣсный союзъ съ Португаліею подалъ жестокому кастильскому королю (1360 г.) мысль удовлетворить кровожадности и мстительности португальскаго короля съ тѣмъ, чтобы онъ, съ своей стороны, оказалъ ему такую же услугу. Петръ Жестокій предложилъ выдать трехъ убійцъ Инесы, которые, не смотря на союзный договоръ, продолжали скрываться въ Кастиліи; за это кастильскій король потребовалъ выдачи трехъ кастильскихъ грандовъ, бѣжавшихъ въ Португалію. Петръ Португальскій согласился на сдѣлку и выданные кастильцы были казнены въ Севильѣ; что касается убійцъ Инесы, то изъ нихъ только двое попались въ руки португальскаго короля; третьему, Пачеко, удалось бѣжать съ помощью одного нищаго, которому онъ часто подавалъ милостыню. Пачеко, переодѣтый, бѣжалъ во Францію, гдѣ его принялъ въ свою свиту Генрихъ Трастамарскій. Впослѣдствіи, португальскій король призналъ его невиннымъ и возвратилъ ему, при своей смерти, конфискованныя владѣнія. Съ двумя другими убійцами Петръ поступилъ ужаснымъ образомъ. Онъ велѣлъ замучить ихъ съ утонченнымъ варварствомъ и находя, что палачи не довольно жестоки, собственноручно помогалъ имъ истязать одну изъ жертвъ. Отмстивъ такимъ образомъ убійцамъ жены, онъ рѣшился почтить ея память въ ея дѣтяхъ, и присягнулъ вмѣстѣ съ нѣсколькими графами и однимъ епископомъ въ томъ, что Инеса была его законною женою; эта клятва и свидѣтельства были обнародованы на общемъ собраніи кортесовъ (1360 г.) и въ то же время дѣти Инесы были объявлены законными инфантами. Послѣ этого, Петръ устроилъ въ

честь Инесы возмутительное торжество, на которомъ всѣ ея враги и гонители должны были испытать самыя оскорбительныя униженія. Тѣло Инесы было вынуто изъ гроба, облечено въ пышныя одежды, увѣнчано короною и посажено на тронъ. Знатнѣйшіе гранды королевства должны были, по свидѣтельству многихъ, цѣловать холодную руку и край одежды покойницы. Вслѣдъ за тѣмъ, тѣло было перенесено, съ большою пышностью и торжествомъ, изъ Коимбры въ монастырь Аліобала, гдѣ покоились предки Петра. Вся дорога до монастыря была обставлена двумя рядами факельщиковъ; за погребальною колесницею шелъ безконечный рядъ знатнѣйшихъ придворныхъ и дамъ, такъ что вся португальская нація была нѣкоторымъ образомъ свидѣтельницею и участницею въ почестяхъ, воздадиныхъ убитой. Петръ поставилъ на ея могилѣ роскошный памятникъ изъ мрамора. Съ той поры жизнь короля сдѣлалась безпрерывнымъ рядомъ дикихъ и буйныхъ удовольствій, пышныхъ пировъ, безумной роскоши, наглаго насилія и неслыханныхъ злодѣйствъ.

Торжественность, съ которою португальскій король узаконилъ свой союзъ съ Инесою и дѣтей ея, навела, повидимому, и кастильскаго короля на мысль объявить умершую въ 1361 г. Марію де Падилья своею законною женою, а дѣтей ея законнорожденными инфантами. По крайней мѣрѣ, въ 1362 г. въ Кастиліи произошло совершенно то же самое, что и въ Португаліи. Петръ Жестокій публично и торжественно объявилъ, что онъ былъ обвѣнчанъ съ Падильею до брака съ Бланкою, и это объявленіе было подтверждено, подъ присягою, многими епископами и другими мнимыми свидѣтелями брака. Вслѣдъ за тѣмъ Петръ представилъ сына Падильи кортесамъ, которые не только признали его законнорожденнымъ инфантомъ и наслѣдникомъ престола, но и положили, что въ случаѣ, еслибы онъ умеръ прежде отца, право наслѣдія должно было перейти къ дочерямъ Падильи. Потомъ Петръ велѣлъ вынуть изъ могилы тѣло Падильи и перенести его въ Астудилью, гдѣ надъ нимъ соорудили часовню. Но сынъ Падильи, объ-

явленный наслѣдникомъ престола, умеръ черезъ годъ, и горесть Петра, послѣ этой потери, имѣла тотъ же характеръ страстности, какъ и его неистовая жестокость. Іезуитскій историкъ Маріана не стыдится называть этого безчеловѣчнаго тиранна набожнымъ и богобоязненнымъ, за то что онъ завѣщалъ положить себя, по смерти, въ монашеской одеждѣ, подлѣ жены и дѣтей; надо имѣть слѣпое суевѣріе того вѣка, чтобы согласиться съ этимъ, потому что всѣми нашими помыслами должна руководить религія, достойная этого названія, а ряса и лобызанія креста ни мало не возвышаютъ разбойника, убійцу, клятвопреступника и тиранна. По смерти инфанта, Петръ убѣдилъ кортесы объявить наслѣдницею престола старшую дочь Падильи, Беатрису. Во время новаго перемирія съ Арагоніею, эта инфанта была помолвлена за наслѣдника арагонской короны, а самъ Петръ посватался на арагонской принцессѣ, съ тѣмъ чтобы отнятыя имъ у Арагоніи города были отданы за нею въ приданое (1363 г.).

Но оба эти плана остались не осуществленными и самый миръ съ Арагоніею былъ вскорѣ нарушенъ; только одно тайное условіе договора было выполнено хотя на половину. Оно состояло въ томъ, чтобы Петръ IV Арагонскій обязался отправить на тотъ свѣтъ своего своднаго брата Фердинанда, единственнаго остававшагося въ живыхъ сына кастильской принцессы Элеоноры, и Генриха Трастамарскаго, который не задолго до того вернулся въ Арагонію и принималъ участіе въ войнѣ. Первый былъ наиболѣе опасенъ для Петра Жестокаго, такъ какъ всѣ недовольные, внутри и внѣ Кастиліи, видѣли въ этомъ принцѣ единственнаго законнаго наслѣдника кастильской короны, котораго можно было противопоставить дѣтямъ Падильи. Фердинандъ былъ, въ то же время, ненавистенъ и своему брату, арагонскому королю, постоянно измѣняя то ему, для Петра Жестокаго, то Петру Жестокому, для него. Обстоятельства смерти этого принца вполнѣ обнаруживаютъ восточный характеръ людей, страны и климата, о которыхъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе, что самый способъ убійства былъ обсужденъ и рѣшенъ

въ совѣтѣ министровъ арагонскаго короля. Въ убійствѣ принимали личное участіе не только графъ де Кабрера, первый вельможа государства, пользовавшійся долгое время довѣріемъ короля, а потомъ самъ безчеловѣчно казненный, но и Генрихъ Трастамарскій, для котораго гибель Фердинанда была средствомъ къ возвышенію. По смерти Фердинанда, всѣ враги Петра Жестокаго должны были пристать къ Генриху Трастамарскому, какъ къ претенденту. Арагонскій король дружески пригласилъ къ себѣ брата и принялъ его съ родственнымъ радушіемъ; но едва тотъ удалился въ отведенный ему покой, какъ къ нему посланъ былъ королевскій служитель арестовать его. Фердинандъ сталъ сопротивляться, ссылаясь на арагонскіе законы, но тогда явился вооруженный отрядъ, подъ начальствомъ Генриха Трастамарскаго. Инфантъ и друзья его храбро защищались, но наконецъ пали отъ рукъ убійцъ. Это братоубійство сдѣлало арагонскаго короля столь же ненавистнымъ его подданнымъ, какъ давно уже были ненавистны короли кастильскій и португальскій въ Кастиліи и Португаліи. Вслѣдъ затѣмъ Петръ Арагонскій и его союзникъ, наваррскій король Карлъ Злой, задумали умертвить и графа трастамарскаго, потому что Петръ Жестокій обѣщалъ, на этомъ условіи, возвратить Арагоніи всѣ отнятые у нея города. Петръ IV предполагалъ выполнить этотъ планъ во время пребыванія Генриха въ замкѣ дона Хуана Рамиреса; но при Генрихѣ было восемьсотъ человѣкъ кастильцевъ, и Хуанъ Рамиресъ принадлежалъ къ числу такихъ личностей, для которыхъ честь дороже денегъ и королевскихъ милостей. Вскорѣ послѣ того, общность интересовъ снова привела Генриха Трастамарскаго къ союзу съ двумя вѣроломными королями; но, согласившись на свиданіе съ ними, онъ принялъ всевозможныя предосторожности: онъ заставилъ Петра Арагонскаго дать ему священнѣйшія клятвы, потребовалъ у него залоговъ и заложниковъ, въ томъ числѣ даже его роднаго сына, а на личное совѣщаніе съ Карломъ Злымъ, Генрихъ согласился не прежде, какъ взявъ самыя священныя клятвы

и ручательства въ своей безопасности не только съ него самого, но и со всѣхъ значительныхъ лицъ его государства.

Цѣлью новаго союза двухъ королей съ Генрихомъ былъ раздѣлъ Кастиліи. Умнѣйшій государственный человѣкъ Арагоніи, графъ де Кабрера, находилъ этотъ планъ нелѣпымъ, но за него особенно горячо ухватилась арагонская королева, соединившаяся съ Карломъ Злымъ, Генрихомъ Трастамарскимъ и графомъ де Рибагорсою для низверженія Кабреры. Кабрера, не взирая на то, что онъ былъ воспитателемъ короля и спасъ его, во время лиги, отъ большой опасности, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, подвергнутъ жестокой пыткѣ и, не допущенный къ оправданію, казненъ по гласному приговору самого короля. Но противники его долго не могли выполнить задуманнаго ими плана относительно Кастиліи и рѣшились наконецъ употребить для этой цѣли такъ называемыя компаніи или дружины авантюристовъ, которые наводняли тогда Францію и Италію, занимаясь войною какъ ремесломъ. Это были воины храбрые, опытные, закаленные въ войнѣ, но одичалые отъ убійствъ и грабежа и не боявшіеся ни людей, ни Бога (т. VIII. стр. 192). Вожди ихъ, Бертранъ Дюгекленъ и маршалъ де Бусико, до сихъ поръ пользуются у французовъ громкою славою. Это войско состояло изъ французскаго рыцарства, изъ нѣмецкихъ, брабантскихъ, фландрскихъ и другихъ солдатъ, обогатившихся въ итальянской службѣ, и изъ англійскихъ и французскихъ наемниковъ, распущенныхъ послѣ мира въ Бретиньи. Нѣкоторыя этихъ шаекъ находились, въ 1364 г., на службѣ у французскаго короля Карла V, воевали подъ предводительствомъ Бертрана Дюгеклена противъ наваррскаго короля и отняли у него значительную часть его владѣній. Потомъ эти авантюристы были отправлены въ Бретань, для того чтобы поддерживать тамъ французскаго принца Карла де Блуа, противъ Жана де Монфора. Но на помощь къ Монфору подоспѣлъ знаменитый англійскій полководецъ Джонъ Чандосъ, съ гасконскими и англійскими авантюристами, и разбилъ на голову наемныя дру-

жины французскаго короля. На полѣ битвы остался самъ Карлъ де Блуа и цвѣтъ преданнаго ему и французскому королю нормандскаго и бретанскаго рыцарства, а Дюгекленъ попался въ плѣнъ. Это пораженіе повело къ миру между Наваррою и Франціею. Наемники Карла V, который болѣе не нуждался въ нихъ, перешли къ наваррскому королю и его союзникамъ, Петру Арагонскому и Генриху Трастамарскому, составившимъ планъ завоевать Кастилію. Они рѣшились выкупить изъ плѣна Дюгеклена, чтобы послать его съ этими дружинами въ Испанію. Джонъ Чандосъ потребовалъ за него весьма значительный выкупъ, двѣ трети котораго уплатили французскій король и Генрихъ Трастамарскій, а остальное внесъ папа Урбанъ V, усердно содѣйствовавшій этому предпріятію, считая его чѣмъ-то въ родѣ крестоваго похода противъ Петра Жестокаго. Хищные наемники со всѣхъ сторонъ собрались въ Италію, привлеченные именемъ Дюгеклена, подъ начальствомъ котораго они были увѣрены въ побѣдѣ, и огромными суммами денегъ, выданными ему французскимъ королемъ, чтобы только удалить ихъ изъ Франціи; къ нимъ присоединились подъ предводительствомъ Джона Каверлея даже многіе изъ ратныхъ товарищей Чорнаго Принца и Джона Чандоса, привлеченные предстоявшими подвигами, славою и добычею. По дорогѣ въ Испанію, Бертранъ провелъ свои дикія орды чрезъ Авиньонъ и другія мѣстности южной Франціи, чтобы доставить имъ случай поживиться на счетъ тамошняго населенія и папы. Вмѣсто потребованной ими огромной суммы денегъ, Урбанъ V предложилъ имъ разрѣшеніе церкви грабить, жечь и убивать; но хищники насмѣшливо отвѣтили ему, что безъ его разрѣшенія они обойдутся, а безъ денегъ, никакъ. Папа былъ вынужденъ уплатить имъ двѣсти тысячъ золотыхъ флориновъ и вознаградилъ себя за этотъ убытокъ налогомъ на французское духовенство. Изъ Авиньона, хищная толпа, къ которой пристало въ Тулузѣ множество знатныхъ и храбрыхъ рыцарей, направилась, съ огнемъ и мечомъ, чрезъ Лангедокъ и Руссильонъ въ Каталонію. По прибытіи туда Дюгекленъ имѣлъ

уже отъ десяти до двѣнадцати тысячъ искусныхъ солдатъ. Толпа эта обозначала свой путь пожарами и убійствами, не смотря на то, что онъ лежалъ чрезъ земли ихъ же союзниковъ.

Когда Генрихъ Трастамарскій, принявшій титулъ кастильскаго короля, явился въ Кастилію, народъ сталъ сбѣгаться къ нему со всѣхъ сторонъ: такъ велика была ненависть къ его брату. Не смотря на это, Петръ могъ бы удержаться на престолѣ, если бы не былъ ослѣпленъ своимъ прежнимъ счастьемъ. Ему совѣтовали обѣщать непріятельскому войску еще болѣе денегъ, чѣмъ могли дать Генрихъ и Петръ Арагонскій, но кастильскій король поскупился, хотя завоеванія, сдѣланныя имъ въ Арагоніи, могли бы вполнѣ вознаградить его за эту сумму. Эти завоеванія были отняты у него безъ боя; вся Кастилія встрѣтила Генриха какъ законнаго государя, и города, опираясь на принадлежавшее имъ еще со временъ вестготовъ право избирать королей, выбрали его на мѣсто Петра, который былъ вынужденъ бѣжать сначала въ Португалію, куда его не приняли, а потомъ въ Галлицію (1366 г.). Вначалѣ, дворянство этой провинціи изъявило готовность вступиться за Петра, но когда онъ велѣлъ умертвить галлиційскаго архіепископа и его декановъ, чтобы овладѣть ихъ сокровищами, его прогнали и изъ Галлиціи. Петръ бѣжалъ тогда моремъ въ Гіеннь къ Чорному Принцу. Его сопровождали братья Инесы де Кастро, единственные изъ кастильскихъ грандовъ, оставшіеся ему вѣрными. Онъ могъ захватить съ собою самую незначительную часть своихъ несмѣтныхъ сокровищъ; остальное онъ припряталъ въ Кастиліи, или перенесъ на корабли, которые передались потомъ его сводному брату.

Въ Гіенни Петръ нашелъ помощь и защиту, потому что уже давно былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ англичанами; Эдуардъ III заключилъ съ нимъ, съ 1362 г. три договора, по которымъ призналъ Петра законнымъ королемъ Кастиліи и обѣщалъ ему помощь. На основаніи договоровъ сынъ Эдуарда, Чорный Принцъ, угрозами удерживалъ гасконскихъ и англійскихъ вассаловъ отъ

присоединенія къ войску Бертрана и графа Трастамарскаго, обѣщалъ помочь изгнанному королю и для этой цѣли вызвалъ изъ Кастиліи всѣхъ своихъ солдатъ, послѣдовавшихъ за Бертраномъ. Они охотно послушались его, предвидя, что возстановленіе тиранна доставитъ имъ еще болѣе военной славы и денегъ, чѣмъ его низверженіе. Петръ обѣщалъ Чорному Принцу за его помощь пятьсотъ тысячъ флориновъ, всю Бискаію и нѣсколько другихъ провинцій, и англійскій принцъ заключилъ съ нимъ договоръ, забывъ, что Петръ никогда не держалъ своего слова. Петръ обѣщалъ также огромное жалованье всѣмъ рыцарямъ, баронамъ и наемникамъ, собравшимся подъ знамена Чорнаго Принца. Но на вѣрность уплаты нельзя было расчитывать, потому что Петръ, раздавъ, еще до начала кампаніи, всѣ наличныя деньги, долженъ былъ занять небольшую сумму у самого Чорнаго Принца. Наваррскій король Карлъ Злой также вступилъ въ союзъ съ Петромъ, покинувъ Генриха и Арагонію; но и въ этомъ случаѣ онъ выказалъ себя на столько же низкимъ и коварнымъ, на сколько Чорный Принцъ былъ всегда благороденъ и рыцарски великодушенъ. Карлъ потребовалъ огромныя деньги и нѣсколько бискайскихъ городовъ за свою вооруженную помощь и за дозволеніе англійскому войску пройти черезъ его владѣнія; въ то же время, онъ началъ переговоры и съ Генрихомъ Трастамарскимъ, обязываясь, за деньги и за уступку нѣсколькихъ пограничныхъ городовъ, преградить англійскому войску проходъ чрезъ его землю. Когда пришлось потомъ выполнять обѣщанія, Карлъ вывернулся изъ затрудненія посредствомъ новой низости. Въ этомъ дѣлѣ согласился служить ему орудіемъ двоюродный братъ Дюгеклена, Оливье де Манни, считавшійся образцомъ тогдашняго рыцарства. Оливье долженъ былъ схватить и задержать наваррскаго короля, чтобы тотъ, какъ плѣнникъ, могъ не брать на себя никакой отвѣтственности, а потомъ объявить себя въ пользу того или другаго изъ враговъ, смотря по обороту, какой приметъ война.

Войско, выступившее въ 1366 г. подъ предводительствомъ

Чорнаго Принца въ походъ противъ Кастиліи, чрезъ Ронсевальское дефиле, соединяло въ себѣ все, что славилось, въ четырнадцатомъ столѣтіи, храбростью, опытностью въ военномъ дѣлѣ и искусствомъ въ стратегіи. Это былъ цвѣтъ гіеннскаго и гасконскаго дворянства, храбрые воины Бретани и лучшее рыцарство Англіи, подъ предводительствомъ герцога ланкастерскаго, брата Чорнаго Принца. Генрихъ Трастамарскій могъ выставить противъ нихъ только двѣнадцать тысячъ ратниковъ изъ его приверженцевъ кастильцевъ, арагонцевъ графа де Рибагорсы и остатковъ дружинъ Дюгеклена. Изъ числа послѣднихъ, въ Кастиліи остались одни французы; остальные же были распущены по изгнаніи Петра, или удалились добровольно, по грозному призыву Чорнаго Принца, и присоединились къ англійскому войску для изгнанія того самого государя, котораго они, за полгода до того, возвели на престолъ. На обратномъ пути изъ Испаніи, они начали на французской территоріи формальную войну съ герцогомъ анжуйскимъ, запретившимъ имъ проходъ чрезъ свои владѣнія. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычкахъ герцогъ потерялъ плѣнными столькихъ изъ своихъ людей, что выкупъ за нихъ составилъ невѣроятную сумму. Но многіе изъ плѣнныхъ рыцарей, отпущенные на честное слово подъ условіемъ уплаты выкупа, были разрѣшены отъ этой клятвы папою и не заплатили ни копѣйки.

Въ войнѣ Генриха съ Чорнымъ Принцемъ, Бертранъ Дюгекленъ доказалъ, что онъ былъ не только рубакою, какъ большинство его современниковъ, но искуснымъ полководцемъ. Онъ энергически настаивалъ, чтобы Генрихъ избѣгалъ сраженія, потому что непріятельское войско должно было разстроиться само собою, вслѣдствіе недостатка денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Но это казалось постыднымъ рыцарской душѣ Генриха и, когда Чорный Принцъ перешелъ Эбро, Генрихъ расположился лагеремъ противъ непріятельскаго войска, при Нарехѣ, близь Витторіи и Наваретте. Здѣсь 3 апрѣля 1367 г. произошло рѣшительное сраженіе, передъ которымъ Генрихъ и Чорный Принцъ обмѣнялись пись-

мами, форма и содержаніе которыхъ даютъ намъ весьма выгодное понятіе о рыцарскихъ тонѣ, манерахъ и утонченной вѣжливости, господствовавшихъ въ Гіенни. Генрихъ проигралъ это сраженіе по винѣ своего брата дона Тельо, который посовѣтовалъ ему вступить въ битву; войско его было истреблено, разсѣяно или взято въ плѣнъ. Генрихъ самъ попался бы въ руки враговъ, благодаря тяжелой рыцарской сбруѣ своего боеваго коня, если бы кто-то изъ его свиты не пожертвовалъ собою, уступивъ ему лошадь. Генрихъ бѣжалъ во Францію; братъ его донъ Санчо, графъ де Рибагорса и Бертранъ Дюгекленъ были взяты въ плѣнъ. Петръ Жестокій высказалъ уже па самомъ полѣ битвы свои прежнія свойства, стараясь завладѣть плѣнными кастильцами, чтобы перерѣзать ихъ, но вначалѣ еще нѣсколько обуздывалъ себя, исполняя требованіе Чорнаго Принца не казнить никого безъ суда. Петръ дѣлалъ затрудненія и относительно выполненія другихъ условій. Такъ, когда у него потребовали расплаты, онъ отозвался невозможностью выполнить это требованіе немедленно, и Чорному Принцу пришлось истощить свою казну и обременить себя долгами для того, чтобы сдержать свое слово навербованнымъ имъ рыцарямъ. Петръ, правда, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для передачи Англіи Бискаіи; но, исполняя это, былъ вполнѣ увѣренъ, что бискайцы никогда не подчинятся англичанамъ. Чорный Принцъ, видя, что ему едва ли удастся достигнуть своей цѣли, вступилъ въ переговоры съ Арагоніею; въ договоръ, состоявшійся между ними, былъ включенъ впослѣдствіи и Петръ Жестокій. Арагонскій король обязался пропустить чрезъ свои земли возвращавшееся англійское войско и не пропускать чрезъ Арагонію и Каталонію Генриха Трастамарскаго, если бы онъ предпринялъ новое нападеніе на Кастилію. Однако пятая часть англійскаго войска не выдержала испанскаго климата и непривычнаго для него образа жизни; Чорный Принцъ самъ заболѣлъ такъ опасно, что никогда уже не могъ совершенно поправиться.

Кастильцы снова признали королемъ Петра Жестокаго, кото-

рый однако не сдѣлался лучше послѣ даннаго ему урока, хотя и не могъ уже болѣе расчитывать на помощь оскорбленнаго имъ Чорнаго Принца и на обманутыя чужеземныя дружины. Онъ снова принялся угнетать подданныхъ и вскорѣ довелъ ихъ до такого раздраженія, что отъ него стали отпадать не только города, но и цѣлыя провинціи. Это дало возможность Генриху Трастамарскому, не далѣе какъ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ битвы при Нарехѣ, сдѣлать новое нападеніе на Петра. Втайнѣ поддерживаемый французскимъ королемъ, Генрихъ въ сентябрѣ снова вступилъ на испанскую территорію, безпрепятственно прошелъ чрезъ арагонскія долины и ущелья и встрѣтилъ повсюду такой успѣхъ, что прежде чѣмъ Петръ получилъ въ Севильи извѣстіе о его приближеніи, онъ уже овладѣлъ городомъ Бургосомъ съ его замкомъ. Но часть страны оставалась еще покорной Петру и такъ какъ обѣ партіи сражались съ большимъ ожесточеніемъ, то участь страны оставалась нерѣшенною въ продолженіе полутора года. У обѣихъ партій были свои укрѣпленные пункты, о которые разбивались силы противника. Къ концу кампаніи, къ войску графа трастамарскаго присоединился и Дюгекленъ, съ пятью тысячами авантюристовъ. Какъ плѣнникъ Чорнаго Принца, Дюгекленъ былъ отправленъ въ Гіеннь, но впослѣдствіи получилъ свободу. Обстоятельства его освобожденія представляютъ намъ въ полномъ блескѣ рыцарскія чувства и храбрость Чорнаго Принца. Въ ту пору Англіи снова грозила война съ Франціей, и такъ какъ англичане отвергали до того времени выкупъ, предлагаемый имъ за Бертрана, то разнесся слухъ, что они поступаютъ такимъ образомъ изъ страха. Чтобы доказать, что онъ не боится никого въ мірѣ, Чорный Принцъ немедленно освободилъ его. При этомъ случаѣ, Бертранъ не уступилъ противнику въ хвастовствѣ и гордости, свойственныхъ жителямъ береговъ Гаронны: принцъ предложилъ ему-самому назначить за себя выкупъ и Бертранъ, чтобы перещеголять его въ гордости и великодушіи, назначилъ огромную сумму во сто тысячъ ливровъ, которую ссудили ему друзья его въ Бретани, вознагражденные

потомъ французскимъ королемъ Карломъ V. Тотчасъ послѣ освобожденія, Бертранъ вступилъ въ службу къ герцогу анжуйскому Людовику и отправился въ Провансъ, для того чтобы отнять эту провинцію у неаполитанской королевы Іоанны. Но предпріятіе не удалось и было вскорѣ пріостановлено. Это случилось въ то самое время, когда Генрихъ Трастамарскій нуждался въ помощи Дюгеклена. Герцогъ анжуйскій заплатилъ авантюристамъ, что бы удалить ихъ изъ Лангедока, и они отправились въ Кастилію, куда прибыли именно въ то время, когда Петръ намѣревался дать брату рѣшительное сраженіе.

Генрихъ Трастамарскій долго осаждалъ Толедо и довелъ наконецъ этотъ городъ до такой крайности, что онъ былъ вынужденъ сдаться зимою 1369 г. Въ то же время наваррскій король взялъ нѣсколько городовъ на верхнемъ Эбро, а братъ Генриха, донъ Тельо, угрожалъ Бискаіи. Петру оставалось прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Считая спасеніе Толедо вопросомъ чести и въ то же время понимая, что этотъ городъ составляетъ ключъ къ Кастиліи, онъ рѣшился, не смотря на малочисленность войска, помѣряться съ соперникомъ въ открытомъ полѣ. Это ускорило окончаніе войны. Скрывъ въ укрѣпленномъ замкѣ все, что ему было дорого и мило, онъ подступилъ къ Толедо. Генрихъ выступилъ къ нему на встрѣчу, оставивъ передъ городомъ только незначительную часть войска, и братья встрѣтились, со своими весьма неровными силами, близь Монтіеля (мартъ 1369 г.). Не смотря на личное мужество Петра Кастильскаго, войско его было разбито на голову и разсѣяно. Самъ онъ скрылся въ одномъ отдаленномъ замкѣ, который былъ плохо укрѣпленъ и защищаемъ. Чтобы запереть его совершенно, Генрихъ велѣлъ вывести вокругъ замка стѣну, но Петръ вступилъ въ переговоры съ Дюгекленомъ, въ намѣреніи подкупить его самого и другихъ предводителей наемниковъ, какъ подкупали тогда каждый день ихъ товарищей, итальянскихъ кондоттьеровъ. Генрихъ воспользовался этою попыткою, чтобы овладѣть братомъ, вовсе не думая тогда убить его. Бертранъ

сдѣлалъ видъ, что сдается на предложенія и потребовалъ, чтобы Петръ ночью, тайно явился къ нему въ палатку для переговоровъ. Обманутый тираннъ явился; Бертранъ хотя и не нарушилъ даннаго слова, но призвалъ Генриха и тотъ нанесъ брату ударъ кинжаломъ въ лицо. Петръ бросился на него и повалилъ его на землю. До сихъ поръ свидѣтельства объ этомъ возмутительномъ дѣлѣ согласны между собою, но окончаніе его разсказывается различно. Одни говорятъ, что Бертранъ помогъ Генриху подняться и тотъ пронзилъ тогда брата кинжаломъ: другіе утверждаютъ, что ударилъ Петра виконтъ де Роккабертн, чтобы спасти Генриха, и тогда уже графъ трастамарскій нанесъ послѣдній ударъ брату (23 марта 1369 г.). По смерти Петра, Генрихъ немедленно былъ признанъ королемъ подъ именемъ Генриха II и постарался своимъ мудрымъ правленіемъ смыть воспоминаніе о прошлой тиранніи и о своемъ братоубійствѣ.

Пока въ Кастиліи шла война между братьями, въ Португаліи умеръ король Петръ I. Португальцы и даже одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей называютъ благотворною строгостью позорное звѣрство этого государя. Преемникомъ его былъ Фердинандъ, единственный сынъ его отъ законнаго брака. Фердинандъ нашелъ Португалію въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, выражавшемся въ блескѣ двора, торговлѣ, промышленности, искусствахъ и земледѣліи, съ какимъ не могла сравниться тогда ни одна изъ европейскихъ странъ. Въ одной лиссабонской башнѣ хранилось восемьсотъ тысячъ червонцевъ и четыреста тысячъ серебряныхъ марокъ, кромѣ другихъ монетъ и драгоцѣнностей. Въ лиссабонскомъ портѣ нерѣдко бывало до четырехъ сотъ пятидесяти купеческихъ судовъ, и однажды осенью было нагружено на корабли двѣнадцать тысячъ бочекъ вина. Фердинандъ царствовавъ не долго (до 1383 г.), и послѣ него португальская корона, такъ же какъ и кастильская, была возложена на потомство королей отъ незаконныхъ браковъ. Исторія царствованія Фердинанда и его преемниковъ, такъ же какъ и кастильскаго короля Генриха II, тѣсно связана съ исторіею

Англіи при Ричардѣ II и потому мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи, а теперь укажемъ только на нить, связывавшую Кастилію съ Англіею. Старшая изъ дочерей Петра Жестокаго отъ Маріи де Падильи, Беатриса, умерла вскорѣ послѣ того, какъ разстроился предположенный бракъ ея съ наслѣдникомъ Арагоніи. Двѣ другія, Констанса и Изабелла, были взяты отцомъ въ Гіеннь и оставлены тамъ заложницами, когда онъ вернулся въ Кастилію, не расплатившись съ Чорнымъ Принцемъ. Ихъ отправили потомъ въ Англію и тамъ, старшая изъ нихъ, Констанса, вышла за мужъ за брата Чорнаго Принца, Іоанна Ланкастерскаго, а младшая, Изабелла, за другаго брата, Эдмунда, герцога іоркскаго. Оба принца получили за женами право на кастильскій престолъ, который, за недостаткомъ законныхъ наслѣдниковъ мужскаго пола, долженъ былъ перейти въ женскую линію.

V. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

---

1. Карлъ V Французскій и Эдуардъ III Англійскій.

Миръ въ Бретиньи (т. VIII. стр. 286) прервалъ только на нѣкоторое время войну между Англіею и Франціею, и даже въ этотъ короткій періодъ времени, такъ называемыя дружины, нормандскіе рыцари и промышлявшіе войною бретанскіе и лангедокскіе бароны продолжали набѣги на чужія земли. Война между Англіею и Франціею возобновилась вслѣдствіе похода въ Кастилію, предпринятаго Чорнымъ Принцемъ для возстановленія Петра Жестокаго. Этотъ походъ заставилъ принца войти въ издержки, далеко превосходившія его средства; Петръ не заплатилъ рыцарямъ за оказанную ему помощь, и принцъ, какъ всегда, честный и великодушный, уплатилъ все, пожертвовавъ для этого даже своею серебряною посудой. Онъ былъ вынужденъ при этомъ установить нѣкоторые налоги, сдѣлавшіеся поводомъ къ новой войнѣ съ Франціею, а именно, наложилъ тяжкую подать на англо-французскія владѣнія, предоставленныя ему почти въ полновластное распоряженіе его отцомъ, Эдуардомъ III. Гасконскіе вассалы возстали

противъ этого налога; но такъ какъ принцъ настаивалъ на немъ, то они обратились къ защитѣ своего бывшаго государя, французскаго короля. Извиненіе этому поступку они нашли въ томъ, что Эдуардъ, при своемъ формальномъ отреченіи отъ французскаго престола, не сообразовался съ однимъ изъ пунктовъ договора, заключеннаго въ Бретиньи. Они вывели изъ этого, что верховная власть надъ ними французскаго короля не прекратилась, потому что уничтоженіе ея было связано съ условленнымъ церемоніяломъ отреченія англійскаго короля. Впрочемъ французское населеніе англійскихъ владѣній было вызвано къ этому шагу не одною обременительностью налоговъ, а уже съ самаго начала было раздражено противъ англичанъ, которые и тогда отличались рѣзкостью и высокомѣріемъ, дѣлавшими ихъ недоступными ни для кого, кромѣ извѣстнаго сословія. Гасконскіе бароны и рыцари подали жалобу на Чорнаго Принца французскому парламенту, какъ высшему судебному мѣсту во Франціи (іюнь 1368 г.). Французскій король Карлъ V поступилъ въ этомъ случаѣ со свойственнымъ ему осмотрительнымъ коварствомъ, которое называли въ немъ мудростью. Онъ дѣлалъ нѣкоторое время видъ, что не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, стараясь между тѣмъ всѣми средствами возбуждать патріотическое чувство французовъ; потомъ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Генрихомъ Трастамарскаго, который велъ въ ту пору свою послѣднюю войну съ Петромъ Жестокимъ, наконецъ велѣлъ произвести, какъ будто сообразно съ законами, гнусное изслѣдованіе его обязательствъ относительно Англіи, и въ октябрѣ 1368 г. формально потребовалъ Чорнаго Принца къ своему суду. Принцъ отвѣтилъ послу его, что онъ явится, но съ войскомъ. Съ этой минуты непріязненныя дѣйствія между Англіею и Францію возобновились, но нѣкоторое время ограничивались вызовами и мелкими стычками между вассалами. Формальное объявленіе войны послѣдовало со стороны Карла только въ половинѣ слѣдующаго года (1369). Эдуардъ снова принялъ титулъ французскаго короля, а судъ французскихъ

пэровъ объявилъ его вмѣстѣ съ сыномъ лишенными права на французскіе лены.

Въ первомъ году война имѣла характеръ частной феодальной распри; обѣ стороны опустошали непріятельскія провинціи огнемъ и мечомъ, забирая въ плѣнъ тѣхъ, кто могъ представить за себя выкупъ и убивая остальныхъ. Особенно пострадали жители Лиможа, передавшіеся французамъ. Чорный Принцъ наказалъ ихъ за это съ неслыханною жестокостью, окончательно раздражившею населеніе противъ англичанъ: овладѣвъ этимъ городомъ, онъ отдалъ его на грабежъ и разрушеніе, причемъ было перебито въ одни сутки болѣе трехъ тысячъ жителей, безъ различія пола и возраста. Перевѣсъ постоянно оставался на сторонѣ французовъ, не смотря на то, что въ открытомъ полѣ побѣдителями большею частью были англичане; но противники ихъ находили поддержку въ населеніи, какъ въ своихъ соотечественникахъ, и брали города и провинціи одни за другими. Притомъ англичане потеряли въ одной изъ битвъ (1369 г.) своего полководца Джона Чандоса (т. VIII. стр. 275), король Эдуардъ былъ уже старъ, а Чорный Принцъ долженъ былъ покинуть войско вслѣдствіе болѣзни и уже въ началѣ 1371 г. удалиться въ Англію. Осенью 1370 г. Карлъ V назначилъ Дюгеклена коннетаблемъ и главнокомандующимъ всею французскою арміею. Генрихъ Кастильскій вступилъ въ союзъ французскаго короля противъ англичанъ, потому что герцогъ ланкастерскій, мужъ одной изъ дочерей Петра Жестокаго, предъявилъ притязанія на престолъ Кастиліи и принялъ даже титулъ короля. Генрихъ прислалъ Карлу флотъ, который превосходилъ флотъ англичанъ уже тѣмъ, что экипажъ его состоялъ преимущественно изъ опытныхъ, генуезскихъ моряковъ. Герцогъ бретанскій, Жанъ де Монфоръ, принялъ сторону Англіи и былъ вслѣдствіе того покинутъ подданными; Оливье дю Клиссонъ, ратный товарищъ Дюгеклена, отнялъ у Монфора почти все его герцогство и принудилъ его бѣжать въ Англію. Французы вели войну расчетливо, англичане— рыцарски, смѣло и упорно. Англичане овладѣвали цѣлыми про-

винціями, не встрѣчая сильнаго сопротивленія въ открытомъ полѣ, но въ то же время терпѣли нужду, потому что населеніе запиралось въ замкахъ и городахъ. Теряя множество людей и лошадей, англичане выслуживали только до окончанія срока, или до тѣхъ поръ, пока не истощались деньги, ассигнованныя имъ на жалованье, и потомъ спѣшили вернуться въ Англію. Тогда начинали свои подвиги французы и отнимали у враговъ одну мѣстность за другою. Такимъ образомъ въ началѣ 1374 г. за англичанами оставались только Кале, Бордо, Баіонна и нѣсколько мѣстечекъ на Дордони. Какъ ни неблагопріятно должно было быть для нихъ перемиріе при такихъ обстоятельствахъ, они принуждены были заключить его на весьма обременительныхъ и вовсе не почетныхъ для нихъ условіяхъ. Перемиріе это устроилъ папа Урбанъ V, желавшій организовать походъ противъ османскихъ турокъ и уже давно тщетно добивавшійся помирить Англію съ Франціею. Наконецъ ему удалось установить короткое перемиріе, которое было возобновлено на болѣе продолжительный срокъ и продолжено Эдуардомъ III до самой смерти.

Это перемиріе отняло у воинственнаго англійскаго короля не только всѣ пріобрѣтенныя имъ и его сыномъ преимущества во Франціи, но и заставило его отказаться отъ защиты правъ младшаго сына на кастильскую корону, и своего стараго союзника Монфора на бретанское герцогство. Въ то же время Карлъ V, совершенно лишенный военныхъ талантовъ, достигъ этимъ договоромъ цѣли всѣхъ своихъ самодержавныхъ стремленій. Патріотизмъ и національная гордость долго внушали французамъ чрезмѣрныя похвалы этому государю, но въ новѣйшее время одинъ изъ ихъ историковъ, Мабли, основываясь на документахъ, точно также черезъ мѣру хулитъ его. Изъ обвиненій, взводимыхъ Мабли на этого хитраго, коварнаго государя, особенно замѣчательны два, безспорно основательныя, такъ какъ они относятся къ весьма пагубнымъ для Франціи распоряженіямъ Карла. Мабли говоритъ о финансовыхъ операціяхъ Карла и о его поступкахъ съ генераль-

ными штатами. Относительно финансовъ Карлъ не прибѣгалъ ни къ насилію, какъ другіе государи его времени, ни къ пониженію внутренней цѣнности монеты, обычной мѣрѣ его предшественниковъ, но не прибѣгалъ потому, что, будучи слишкомъ расчетливъ, не нуждался въ подобныхъ средствахъ. За то онъ не упускалъ ни одного случая къ обогащенію и устанавливалъ налоги, не испрашивая разрѣшенія у штатовъ. Такъ какъ онъ не былъ скупъ, а даже, напротивъ, щедро употреблялъ накопленныя имъ суммы на хорошее и полезное, то подданные были довольны имъ, забывая, что все основанное на личности государя исчезаетъ вмѣстѣ съ этою личностью. Финансовыя мѣры Карла проистекали непосредственно изъ его отношеній въ генеральнымъ штатамъ; онъ позволялъ себѣ произвольныя дѣйствія собственно съ цѣлью устранить сословія отъ участія въ законодательствѣ и установленіи налоговъ, стараясь подорвать такимъ образомъ силу феодаловъ. Провинціальные штаты Карлъ собиралъ только тогда, когда ему предстояла нужда въ деньгахъ, а вмѣшательство ихъ онъ терпѣлъ лишь потому, что не могъ вполнѣ устранить его. Устрашенный печальнымъ опытомъ своего регентства, Карлъ явно старался сдѣлать изъ генеральныхъ штатовъ то, что въ настоящее время именуется въ Германіи Ständekammern (палаты сословій), но средневѣковая Европа была недостаточно цивилизована для подобнаго учрежденія и Карлъ, послѣ неудачной попытки, вовсе пересталъ созывать сословія. Съ одной стороны, это было ему извинительно, потому что для возстановленія національнаго единства во вновь присоединенныхъ провинціяхъ онъ необходимо долженъ былъ стремиться къ сосредоточенію власти, а для того, чтобы препятствовать внутреннимъ волненіямъ и не допускать нападеній извнѣ, ему нужна была военная сила; но съ другой стороны, онъ лишилъ этимъ прочности свои учрежденія, потому что въ тѣ времена государи не имѣли постояннаго войска. Изъ страха предъ штатами, онъ сдѣлалъ то, что часть законодательной власти перешла къ парламенту или королевскимъ судамъ, служившимъ ему

вначалѣ средствомъ придавать видъ законности королевскимъ повелѣніямъ. Эти повелѣнія были вносимы въ парламентскія книги и обнародываемы вмѣсто штатовъ парламентомъ. Даже извѣстный законъ 1375 г., которымъ Карлъ установилъ считать совершеннолѣтіе французскихъ королей съ четырнадцатилѣтняго возраста, былъ обнародованъ не штатами, а парламентами и впослѣдствіи они преимущественно ссылались на это обстоятельство, когда при ихъ сопротивленіи обременительнымъ требованіямъ имъ напоминали, что они не законодательныя, а только судебныя собранія. Конечно, во времена Карла никто не предвидѣлъ, какимъ пагубнымъ примѣромъ послужитъ потомству его самодержавіе, опиравшееся на авторитетъ высшихъ судебныхъ мѣстъ, потому что самъ Карлъ пользовался имъ преимущественно для того, чтобы защищать права угнетеннаго народа отъ сильныхъ феодаловъ.

Относительно послѣдняго Мабли не совсѣмъ справедливо порицаетъ Карла, обвиняя его въ томъ, что онъ воскресилъ и поддержалъ самую вредную сторону феодальной системы, именно воинственное и грозное положеніе рыцарства, вмѣсто того, чтобы подорвать и уничтожить его могущество, какъ и сдѣлалъ это впослѣдствіи Людовикъ XI; но Карлъ былъ связанъ требованіями времени и нуждою въ воинственномъ рыцарствѣ. Онъ требовалъ, чтобы каждый ленный владѣтель неутомимо упражнялъ своихъ людей въ военномъ искусствѣ, держа ихъ на готовѣ къ войнѣ; въ то же время, Карлъ поощрялъ безземельное рыцарство считать войну своимъ единственнымъ ремесломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ выгоднымъ, благодаря щедрымъ королевскимъ наградамъ. Карлъ сдѣлалъ, такимъ образомъ, изъ владѣтельной знати независимую отъ короля военную силу, имѣвшую наслѣдственныхъ вождей и всегда готовую воевать, какъ между собою, такъ и съ самимъ королемъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что дворянство, которое сопротивлялось королю, презирало гражданъ съ ихъ ремеслами и видѣло въ крестьянинѣ только вьючное животное, получило, благодаря Карлу, болѣе обезпеченное и прочное существованіе.

Какъ мало входило это въ расчеты Карла, видно уже изъ того, что онъ первый даровалъ многимъ изъ богатыхъ парижскихъ мѣщанъ право владѣнія дворянскими помѣстьями, уравнявъ ихъ такимъ образомъ съ рыцарствомъ. О мѣрахъ его относительно могущественныхъ вассаловъ можно довольно основательно сказать то же самое, что и о лучшихъ изъ его учрежденій: а именно, что онѣ, какъ и большая часть правительственныхъ мѣръ настоящаго времени, были приноровлены только къ временнымъ потребностямъ и исчезли вмѣстѣ съ ними. Карлу удалось снова подчинить пэровъ и владѣтельныхъ феодаловъ королевской власти; но послѣ него они сдѣлались сильнѣе и своевольнѣе прежняго, пока наконецъ правнукъ Карла, Людовикъ XI, не примѣнилъ къ нимъ такого же радикальнаго средства, какое въ наше время испыталъ султанъ Махмудъ надъ янычарами. Верховная власть королей надъ сильными феодалами была, какъ особенно ярко выказываютъ примѣры графовъ фландрскихъ и герцоговъ бретанскихъ, не болѣе какъ пустою политическою формою. Карлъ подчинилъ себѣ Лангедокъ, возстановилъ съ помощью своего брата, герцога анжуйскаго, королевскую власть во вновь присоединенныхъ провинціяхъ, воспользовался войною гасконскихъ вассаловъ съ Чорнымъ Принцемъ, чтобы присоединить къ коронѣ Орлеанъ, когда дядя его, герцогъ орлеанскій, умеръ бездѣтнымъ, и наказалъ бретанскаго герцога, приставшаго къ англичанамъ и нарушившаго свои ленныя обязанности. Все это, казалось, должно было упрочить королевскую власть; но Карлъ испортилъ все дѣло и далъ феодаламъ еще большее вліяніе на правительственныя дѣла, увеличивъ число пэровъ и утвердивъ за знатью захваченныя ею привилегія. Онъ уничтожилъ этимъ всѣ выгоды, которыя могли бы извлечь короли изъ вынужденнаго у сословій послѣ битвы при Пуатье объявленія всѣхъ коронныхъ земель неотчуждаемыми. Парламенты очень хорошо поняли впослѣдствіи, какую ошибку сдѣлалъ Карлъ и его преемники; впослѣдствіи они постоянно опирались не на тотъ законъ, который исходитъ изъ королевскаго кабинета, а на тотъ, который

выражается волею всей націи, и, основываясь на немъ, снова оттягивали въ пользу государства то, что короли легкомысленно мотали, а знать, особенно принцы, прибирали къ рукамъ.

Но какъ бы ни были достойны порицанія нѣкоторыя изъ распоряженій Карла и какъ ни непрочны были его учрежденія, нельзя, по крайней мѣрѣ, отнять у него той заслуги, что онъ съумѣлъ возвратить коронѣ все, что было утрачено ею во время его юности, и возстановить почти совершенно исчезнувшую королевскую власть. Англійскій король Эдуардъ III, напротивъ, лишился, въ концѣ жизни, всей славы, пріобрѣтенной имъ въ долголѣтнее царствованіе. Эдуардъ слишкомъ туго натянулъ свой лукъ, предпринимая болѣе, чѣмъ позволяли его средства. Этого не замѣчали, пока онъ самъ и сынъ его, Чорный Принцъ, блистали во главѣ рыцарства, ослѣпляя его своею славою, но за то замѣтили вдвойнѣ, когда король впалъ отъ старости въ дѣтство, старшій сынъ его заболѣлъ, а всѣ остальные члены семьи стали враждовать между собой. Чорный Принцъ влачилъ еще шесть лѣтъ свое хилое существованіе; по смерти его корона должна была перейти къ его сыну, Ричарду II, который былъ еще ребенкомъ, а времена были не таковы, чтобы могъ царствовать ребенокъ. Такое положеніе дѣлъ внушило младшему сыну Эдуарда, герцогу ланкастерскому, мысль овладѣть престоломъ. Къ счастью, это былъ человѣкъ не слишкомъ даровитый, но все-таки честолюбіе его вызвало интриги и раздоры, огорчившіе короля и волновавшіе государство до самой смерти Чорнаго Принца. Эти несчастныя шесть лѣтъ, такъ же какъ и все царствованіе Эдуарда, насильственное и притѣснительное, хотя въ то же время славное и энергическое, были справедливо названы впослѣдствіи счастливою порою, такъ какъ все, что было пагубно для тогдашняго настоящаго, обратилось на пользу потомства. Воинственный правитель, часто созывавшій парламенты для того, чтобы вынуждать у нихъ утвержденіе своихъ стѣснительныхъ мѣръ, придалъ такимъ образомъ англійскимъ учрежденіямъ болѣе прочности и значенія, чѣмъ царствовавшіе до него слабые короли — невольнымъ утвержденіемъ

постановленій своихъ предшественниковъ. Эти короли, если только не нуждались въ деньгахъ, по цѣлымъ годамъ не созывали парламента, и представительныя учрежденія страны приходили въ забвеніе; Эдуардъ, въ продолженіе пятидесятилѣтняго царствованія ежегодно нуждался въ значительныхъ суммахъ и по этому собиралъ парламентъ не менѣе семи разъ. Благодаря этому обстоятельству, онъ сдѣлался, наконецъ, постояннымъ учрежденіемъ. При началѣ царствованія Эдуарда парламентъ имѣлъ еще такъ мало значенія, что этотъ энергическій и деспотическій король позволялъ себѣ дѣйствовать чрезвычайно произвольно; но въ послѣдніе годы его царствованія парламентъ уже совершенно захватилъ въ свои руки правительственную власть. Поводомъ къ этому послужила ребяческая слабость короля и раздоры между принцами. Старый король совершенно подчинился чужому вліянію, особенно своей любовницѣ Алисѣ Перрерсъ. Эта женщина въ высшей степени злоупотребляла любовью къ ней короля и въ своемъ презрѣніи къ общественному мнѣнію пошла гораздо далѣе, чѣмъ даже нынѣшнія, столичныя дамы. Она заставила Эдуарда не только подарить ей всѣ наряды и драгоцѣнности его покойной жены, но и допустить къ участію въ правительственныхъ дѣлахъ; къ крайнему негодованію націи, эта женщина присутствовала въ верховныхъ судахъ и давала такое направленіе дѣламъ, какое хотѣла. Вліянію Алисы и планамъ герцога ланкастерскаго Чорный Принцъ противопоставилъ парламенты, получившіе, вслѣдствіе того, такую силу, какой они не имѣли при энергическихъ государяхъ ни до того, ни впослѣдствіи, до самаго семнадцатаго вѣка. Этотъ парламентъ былъ названъ добрымъ за свои смѣлыя мѣры противъ Алисы и королевскихъ чиновниковъ. Онъ сталъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ министровъ и управлявшихъ финансами и заставилъ герцога ланкастерскаго и любовницу короля покинуть дворъ. Наконецъ по внушенію Чорнаго Принца онъ приставилъ къ королю совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, то есть призналъ Эдуарда неспособнымъ царствовать и установилъ надъ нимъ родъ опеки.

Но по смерти Чорнаго Принца (1376 г.) былъ немедленно созванъ другой парламентъ, уничтожившій распоряженія своего предшественника. Герцогъ Ланкастерскій и Алиса Перерсъ вернулись ко двору; совѣтъ двѣнадцати былъ распущенъ и на мѣсто храбраго Петра де ла Марша, искусно направлявшаго прежній парламентъ, назначенъ былъ спикеромъ другой, креатура герцога. Не смотря на то, что и въ новомъ парламентѣ большинство было враждебно герцогу и Алисѣ, оно не могло препятствовать ихъ требованіямъ, выражаемымъ отъ имени короля, и даже нашлось вынужденнымъ разрѣшить новый налогъ. Однако, опасаясь честолюбія Ланкастера, парламентъ и нація неусыпно пеклись о молодомъ сынѣ Чорнаго Принца, Ричардѣ II. Ричардъ былъ еще при жизни дѣда названъ принцемъ уэльскимъ и слѣдовательно признанъ наслѣдникомъ престола. Когда Эдуардъ скончался въ Ричмондѣ, молодаго принца перевели оттуда въ безопасное мѣсто, въ Лондонъ, куда за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Такимъ образомъ величайшій изъ государей среднихъ вѣковъ, въ минуту своей смерти (іюнь, 1377 г.) былъ покинутъ всѣми, даже Алиса ушла отъ него, вмѣсто того чтобы закрыть глаза своему благодѣтелю, и, уходя, стащила кольца съ пальцевъ умиравшаго. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ созванъ новый парламентъ, составленный, большею частію, изъ членовъ бывшаго такъ называемаго добраго парламента, съ его прежнимъ спикеромъ, который сидѣлъ передъ тѣмъ въ тюрьмѣ. Новый парламентъ потребовалъ Алису Перерсъ къ суду, но какъ ни увѣрены были всѣ въ ея безстыдствѣ, корыстолюбіи и низости, однако ее не могли уличить въ такомъ преступленіи, которое подлежало бы судебному наказанію, и потому ограничились ея ссылкою и конфискаціей ея имущества. Новому королю, Ричарду II, было всего одиннадцать лѣтъ, и потому, между Ланкастеромъ, его братьями и парламентомъ возникъ споръ за регентство, поколебавшій единство и силу правительства. Между тѣмъ приближался конецъ перемирія съ Франціею и эта страна уже готовилась къ возобновленію

войны, тогда какъ Англія, занятая междоусобіями, и не думала объ оборонѣ. Но то что правительство утрачивало въ силѣ и энергіи, переходило къ парламенту. Въ послѣдующіе года король былъ слишкомъ молодъ, чтобы управлять самому, но слишкомъ взрослъ, чтобы подчиняться безусловному регентству если бы даже при немъ и былъ кто нибудь способный управлять государствомъ умно и искусно. Парламентъ находился подъ вліяніемъ то одного, то другаго изъ дядей короля и служилъ, по очереди, орудіемъ какъ этимъ принцамъ, такъ и другимъ вельможамъ въ ихъ интригахъ между собою или противъ правительства, пріобрѣтая такимъ образомъ все болѣе и болѣе вліянія. Наконецъ, онъ принялъ на себя совершенно новую роль и сталъ выражаться весьма рѣзко, какъ свидѣтельствуютъ его протоколы, впослѣдствіи напечатанные.

2. Франція въ концѣ царствованія Карла V и въ первые годы правленія Карла VI.

Французскій король Карлъ V давно уже принялъ всѣ мѣры, чтобы извлечь выгоду изъ перемѣны правительства въ Англіи, и возобновилъ войну съ нею чрезъ пять дней по смерти Эдуарда III, отправивъ флотъ для нападенія на южные берега острова. Въ то же время онъ сформировалъ пять отрядовъ войскъ, изъ которыхъ одни должны были отнять у англичанъ оставшіеся въ ихъ власти французскіе замки и города, а другіе напасть на ихъ союзниковъ, бретанскаго герцога и наваррскаго короля. Такъ какъ оба эти государя поддерживали герцога ланкастерскаго, принявшаго титулъ короля кастильскаго, то Карлъ немедленно пріобрѣлъ вѣрнаго союзника въ Генрихѣ II Кастильскомъ. Наваррскій король, Карлъ Злой, остался до самой смерти вѣренъ своему характеру и старался достичь измѣною, или даже ядомъ и кинжаломъ того, что

было недостижимо прямымъ путемъ. Находясь тогда въ дружескихъ отношеніяхъ съ французскимъ королемъ, онъ въ то же время заключилъ тайный договоръ съ Англіею и завелъ интриги при французскомъ дворѣ чрезъ лазутчиковъ, особенно чрезъ своего повѣреннаго Жака де ла Рю, котораго онъ отправилъ къ этому двору сопровождать наслѣднаго принца наваррскаго. Но предательскіе замыслы его были открыты и разрушены. Карлъ V, основываясь на дурной репутаціи наваррскаго короля и на бумагахъ, найденныхъ у его довѣренныхъ лицъ, назначилъ надъ нимъ уголовный судъ; но это ни къ чему не повело, потому что, хотя Карлъ Злой и дѣйствительно имѣлъ, какъ видно изъ актовъ процесса, преступныя намѣренія, но основательность главнаго обвиненія никогда не была доказана. Утверждали, что въ бумагахъ была найдена тайная переписка съ Англіею и что эта переписка, такъ же какъ и признанія, вынужденныя у арестованныхъ, свидѣтельствовали и намѣреніи Карла отравить французскаго короля. Обвиненные были казнены. Впрочемъ вся жизнь Карла Злаго доказываетъ возможность съ его стороны подобнаго замысла. Въ тоже самое время онъ старался погубить и кастильскаго короля, подкупивъ его главнокомандующаго. Вслѣдствіе этого кастильцы отняли у Карла часть наваррскаго королевства, а французы заняли его замки и владѣнія во Франціи. Въ этой крайности, онъ прибѣгнулъ къ Англіи, и та помогла ему, благодаря вліянію Ланкастера, съ которымъ Карлъ давно уже находился въ сношеніяхъ; но сами англичане такъ мало довѣряли ему, что требовали у него въ залогъ, на три года, значительный въ то время городъ Шербургъ, который остался за нимъ по послѣднему мирному договору (1378 г.).

Въ слѣдующемъ же году, этотъ городъ, послѣ славной защиты, перешелъ въ руки французовъ. При Карлѣ V счастье вообще неблагопріятствовало англичанамъ: они были вытѣснены не только изъ Нормандіи, но даже изъ Бретани. Карлъ лишился почти всѣхъ плодовъ этихъ удачъ, вслѣдствіе безразсудной

любви къ брату, герцогу анжуйскому, и своихъ поступковъ съ бретанскимъ герцогомъ; въ то же время, онъ далъ этимъ поводъ къ безпорядкамъ, раздиравшимъ Францію послѣ его смерти. Корыстолюбивый и деспотическій герцогъ анжуйскій, назначенный намѣстникомъ Лангедока, страшно злоупотреблялъ властью. Собравъ рыцарей, наводнявшихъ тогда всѣ государства и предлагавшихъ каждому свои услуги за деньги, герцогъ одержалъ на берегахъ Дордони значительныя побѣды надъ англичанами, но необходимыя для этой войны деньги были пріобрѣтены имъ самыми тяжелыми и беззаконными налогами. Въ Монпеллье вспыхнуло возстаніе, едва подавленное безчеловѣчною жестокостью и весь Лангедокъ послѣдовалъ бы примѣру Монпелльe, если бы король за нѣсколько времени до своей смерти не отозвалъ брата. Жанъ де Монфоръ герцогъ бретанскій бѣжалъ, какъ мы сказали, въ Англію, удержавъ изъ всего герцогства только одинъ городъ, Карлъ обвинилъ его въ измѣнѣ и потребовалъ къ суду пэровъ, но не исполнилъ при этомъ должныхъ формальностей, такъ что требованіе могло считаться не дѣйствительнымъ. На судъ собрались всѣ пэры, кромѣ графа фландрскаго, и король произнесъ длинную, обвинительную рѣчь, приготовленную его юристами. Судъ приговорилъ отнять у герцога Бретань и окончательно присоединить ее къ Франціи. Вслѣдъ за тѣмъ Карлъ потребовалъ отъ вассаловъ Монфора, уже недовольныхъ своимъ герцогомъ, сдачи занимаемыхъ ими замковъ и городовъ; но они отказались отъ повиновенія, не думая измѣнять герцогу ради чужихъ выгодъ. Они вовсе не желали мѣнять слабаго государя на слишкомъ могущественнаго и намѣревались сохраняя вѣрность своему наслѣдственному герцогу, поставить себя въ такія отношенія къ нему, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность найти противъ него защиту у своего верховнаго сюзерена, французскаго короля. Такимъ образомъ процессъ не кончился ни чѣмъ, за невозможностью привесть въ исполненіе судебный приговоръ. Вассалы герцога были призваны въ Парижъ для выслушанія этого пристрастнаго рѣшенія, и хотя при этомъ

протестовалъ противъ него только одинъ изъ нихъ, однако впослѣдствіи всѣ они соединились другъ съ другомъ, чтобы помѣшать занятію герцогства французскими войсками и соединенному съ нимъ введенію французскихъ налоговъ. Составивъ тѣсный союзъ между собою, мелкимъ рыцарствомъ и горожанами, вассалы герцога формально протестовали противъ рѣшенія пэровъ и отправили къ герцогу депутацію съ требованіемъ покинуть англичанъ, которые были причиною неповиновенія ему подданныхъ, и съ обѣщаніемъ, въ такомъ случаѣ, покорности и вооруженной помощи. Вся Бретань возстала поголовно; французскіе коммисары, присланные для занятія герцогства, были прогнаны и Жанъ де Монфоръ, вернувшись въ Бретань съ посланнымъ вмѣстѣ съ нимъ Робертомъ Нользомъ, прославившимся своею рыцарскою храбростью и военными дарованіями, былъ съ восторгомъ встрѣченъ подданными. Такимъ образомъ, задумавъ отнять у герцога его наслѣдіе, Карлъ V только помогъ ему снова вступить во владѣніе имъ. Въ слѣдующемъ году, незадолго до смерти Карла V, англичане прислали Монфору многочисленное вспомогательное войско, подъ начальствомъ младшаго изъ дядей короля Ричарда II, графа Букингэма, впослѣдствіи герцога глостерскаго; но появленіе этого войска скорѣе расположило бретонцевъ къ Франціи, такъ какъ они не хотѣли и слышать объ англичанахъ.

За два мѣсяца до кончины Карла V умеръ коннетабль его, Бертранъ Дюгекленъ. Послѣднимъ подвигомъ его было нападеніе на укрѣпленный замокъ Рандонъ, въ Лангедокѣ, который англичане защищали съ невѣроятнымъ мужествомъ. По романтическому преданію, повторяемому и донынѣ, англійскій гарнизонъ Рандона, чтобы почтить мужество Бертрана, положилъ ключи отъ замка на его могилу, а почтенный археологъ Вилларе называетъ этотъ поступокъ памятникомъ, достойнымъ героическихъ временъ; но нынѣ положительно доказано, что эта трогательная легенда столь же не достовѣрна, какъ и сотни другихъ: замокъ былъ сданъ францу-

замъ еще до смерти Бертрана. Званіе коннетабля перешло къ Оливье дю Клиссону, храброму ратному товарищу Бертрана.

По смерти Карла V (1380 г.), во Франціи возникли сильные безпорядки, вызванные распоряженіями короля, прозваннаго Мудрымъ, относительно несовершеннолѣтія своего наслѣдника Карла VI (1380—1422 г.). Карлъ уже заранѣе назначилъ регентство, такъ какъ ему объявили, что онъ отравленъ и умретъ какъ только закроется фистула, вторичнымъ открытіемъ которой уже спасъ его однажды лейбъ-медикъ императора Карла IV. Изъ двухъ сыновей короля, старшему не было еще двѣнадцати лѣтъ. Планъ регентства, составленный Карломъ V, былъ такъ же сложенъ и такъ хитро расчитанъ, что не было никакой возможности привести его въ исполненіе. Изъ трехъ дядей молодаго короля, главнымъ правителемъ долженъ былъ сдѣлаться старшій, Людовикъ Анжуйскій; второму, Іоанну Беррійскому, человѣку незначительному, предоставлялось неопредѣленное участіе въ дѣлахъ; а третьему, Филиппу Смѣлому, который получилъ отъ отца бургундское герцогство, присоединенное къ Франціи въ 1361 г., по пресѣченіи древней герцогской династіи было ввѣрено попеченіе объ особѣ короля. Къ нимъ былъ присоединенъ четвертый опекунъ, герцогъ Бурбонъ, славившійся своею воздержностью. Кромѣ того Карлъ назначилъ совѣтъ регентства изъ сорока одного члена, выбранныхъ изъ духовенства, сановниковъ королевства, членовъ парламента, рыцарей и гражданъ города Парижа. Принцы не имѣли права предпринимать что нибудь безъ разрѣшенія этого совѣта; но его никогда и не собирали. Людовикъ Анжуйскій только и думалъ о сборѣ денегъ для похода въ Неаполь, на который онъ имѣлъ притязанія. Карлъ при жизни скопилъ много золота и серебра и замуровалъ его въ стѣну; мѣсто это было извѣстно только одному казначею Савуази, но Карлъ V сдѣлалъ большой промахъ, предоставивъ корыстолюбивому герцогу почти неограниченную власть. Тотчасъ по смерти короля, Людовикъ подъ страхомъ немедленной казни потребовалъ отъ Савуази, чтобы онъ указалъ мѣсто, гдѣ храни-

лись сокровища и съ той поры, ни объ этихъ сокровищахъ, ни о другихъ королевскихъ деньгахъ, переданныхъ Людовику, не было и слуха. Властолюбивый регентъ, еще прежде коронаціи молодаго короля, поссорился съ герцогами беррійскимъ, бургундскимъ и Бурбономъ. Чтобы уладить это дѣло безъ войны, враги прибѣгнули къ парламенту, и тотъ заставилъ Людовика склониться передъ королевской властью. Чтобы удалить хотя одного изъ опекуновъ, Людовикъ въ то время, когда все зависѣло отъ личности, назначилъ неспособнаго герцога беррійскаго намѣстникомъ едва усмиреннаго Лангедока, вручивъ ему почти неограниченную власть. Герцогъ бургундскій не захотѣлъ оставаться назади и также получилъ весьма обширныя права въ назначенныхъ ему Карломъ V владѣніяхъ въ Нормандіи.

Имѣя въ виду единственно свое личное обогащеніе, Людовикъ Анжуйскій пересталъ платить жалованье наемнымъ дружинамъ авантюристовъ, къ которымъ былъ такъ щедръ покойный король. Наемники, какъ саранча напали на страну и принялись, какъ послѣ мира въ Бретиньи, грабить горожанъ и крестьянъ. Къ этому присоединилось еще бремя налоговъ; особенно способъ, какъ они взимались при Карлѣ V, довелъ страну до совершеннаго отчаянія, потому что, при такой системѣ взиманія, налогъ нерѣдко становился впятеро тяжеле. Теперь только,—когда выжатыя у народа деньги не употреблялись уже болѣе на нужды страны, — стали сознавать весь вредъ эгоистическаго властолюбія Карла, его малодушной боязни генеральныхъ штатовъ и покровительства кровопійцамъ и ихъ ремеслу. Неудовольствіе приняло такіе грозные размѣры, что побудило регента, по случаю вспыхнувшаго въ Парижѣ возстанія, опрометчиво отмѣнить всѣ налоги, учрежденные Карломъ V, безъ утвержденія штатовъ. Это, разумѣется, повело къ созванію штатовъ, которымъ регентъ чтобы задобрить ихъ предоставилъ всѣ прежнія права (1381 г.). Но утвержденный ими новый налогъ оказался недостаточнымъ и вскорѣ регентъ снова возстановилъ отмѣненныя подати; это распоряженіе, какъ мы увидимъ ниже, вызвало

сильныя волненія, такъ что герцогъ былъ вынужденъ снова созвать штаты; они отказались исполнить его требованія и герцогъ долженъ былъ начать борьбу съ большею частью націи.

Во внѣшнихъ, политическихъ дѣлахъ счастье до самаго неаполитанскаго похода продолжало благопріятствовать Людовику. Заключивъ весьма выгодный для Франціи договоръ съ Кастиліею, онъ обратилъ въ свою пользу войну Петра IV Арагонскаго съ сыномъ послѣдняго короля Маіорки, пытавшимся возвратить отцовское наслѣдіе и обратившимся за помощью къ французскому регенту. Людовикъ отказалъ ему въ ней, за сто тысячъ золотыхъ флориновъ, уплаченныхъ ему арагонскимъ королемъ и обогатилъ этимъ свою неаполитанскую казну. Наконецъ, счастливый случай помогъ ему заключить миръ съ бретанскимъ герцогомъ, который былъ принужденъ вассалами, не желавшими и слышать объ англичанахъ, вступить въ переговоры съ регентомъ и согласился, въ 1381 г., признать верховную власть французскаго короля; но подчиненіе совершилось на условіи, что всѣ права, учрежденія и обычаи Бретаньи останутся неприкосновенными. Вслѣдствіе такого условія, Бретань осталась по прежнему самостоятельнымъ государствомъ, только по формѣ присоединеннымъ къ Франціи: во всякомъ случаѣ французы выиграли то, что ихъ національный врагъ долженъ былъ, хотя на время, удалиться изъ Бретани и вернуться въ Англію. Это случилось какъ нельзя болѣе кстати для Франціи, потому что въ ней начались сильныя внутреннія волненія. Герцогъ беррійскій былъ назначенъ намѣстникомъ Лангедока, но населеніе этой провинціи много натерпѣлось при Людовикѣ Анжуйскомъ, который былъ долгое время ея намѣстникомъ, и вполнѣ довольное вступившимъ послѣ него въ эту должность графомъ де Фуа, воспротивилось назначенію герцога беррійскаго. Оно тѣмъ упорнѣе настаивало на удержаніи прежняго намѣстника, что Лангедокъ разоряли въ то время хищныя дружины, распущенныя регентомъ, и большинство ихъ было взято на службу графомъ д'Арманьякомъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ вассаловъ Лангедока и зятемъ новаго

намѣстника. Сословія этой провинціи собрались въ Тулузѣ и потребовали, чтобы графъ де Фуа остался на своемъ мѣстѣ, обѣщая ему поддержку. Вслѣдствіе этого, графъ, въ письмѣ къ регенту, выразилъ твердое намѣреніе, при всемъ своемъ уваженіи къ королю, не допускать въ Лангедокъ такого неограниченнаго властелина, какимъ долженъ былъ явиться, по его распоряженію, герцогъ беррійскій. Герцогъ прибылъ въ Лангедокъ съ войскомъ и потерпѣлъ полное пораженіе при Ревелѣ, но все таки продолжалъ войну и обѣ партіи, какъ королевская, такъ и партія графа де Фуа, долго разоряли несчастный край, пока папа не помирилъ ихъ въ декабрѣ 1381 г. Герцогъ беррійскій былъ утвержденъ въ своемъ намѣстничествѣ.

3. Волненія во Фландріи и во Франціи, вызванныя усиленіемъ буржуазіи и сопротивленіями духовному и свѣтскому игу.

Исторія волненій, вспыхнувшихъ въ Англіи, Франціи и Германіи въ концѣ четырнадцатаго вѣка, когда на ряду съ господствомъ рыцарства основывалась свобода городскаго сословія, и кровавая борьба въ Италіи, гдѣ, въ то же самое время, эта свобода погибала отъ произвола тиранновъ и наемныхъ солдатъ, одинаково доказываютъ справедливость словъ Данте, предсказавшаго, еще въ началѣ столѣтія, паденіе закона и порядка, какъ слѣдствіе ослабленія монархической власти въ церкви и государствѣ. Въ продолженіе всего этого періода, исторія Франціи и Англіи наполнена частными войнами между баронами и рыцарями, возстаніями противъ нихъ горожанъ, терпѣвшихъ всевозможныя притѣсненія, и примѣрами дикой ярости черни, совершенно порабощенной необузданными деспотами. Церковь также была потрясена въ обоихъ государствахъ; богатство и развратъ духовенства соз-

дали ему ожесточенныхъ враговъ, и даже іерархическое ученіе каноническихъ юристовъ вызвало энергическія опроверженія, особенно въ Англіи. Мы начинаемъ исторію этихъ волненій съ Фландріи.

Карлъ V старался обновить и укрѣпить узы, соединявшія Фландрію съ Франціею, женивъ своего брата, Филиппа Смѣлаго Бургундскаго, на единственной дочери и наслѣдницѣ графа фландрскаго, Людовика III. Но въ этой свободной странѣ государь пользовался меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ города, бывшіе тогда, вмѣстѣ съ итальянскими, самыми торговыми и населенными въ Европѣ. Каждый изъ этихъ городовъ составлялъ свободную республику, только по имени зависѣвшую отъ графа; поэтому Карлъ всячески старался привлечь ихъ къ себѣ и удержать отъ тѣснаго союза съ Англіею, къ которому были особенно расположены жители Гента, и съ этою цѣлью возвратилъ Фландріи Лилль, Дуэ и Орши, присоединенные къ Франціи. Вскорѣ потомъ, между Гентомъ и Брюгге вспыхнула война, въ которой графъ Людовикъ, со своимъ рыцарствомъ, приняли сторону послѣдняго. Эта война продолжалась и по смерти Карла V, но описаніе ея принадлежитъ къ частной исторіи Фландріи и потому мы ограничимся здѣсь только общимъ обзоромъ. Жители Гента, грозные своею многочисленностью, богатствомъ и вліяніемъ, выставляли сильныя и нерѣдко весьма искусныя войска, набранныя въ самомъ Гентѣ или въ другихъ большихъ фабричныхъ городахъ, населеніе которыхъ состояло изъ ткачей, пивоваровъ и другихъ рабочихъ. Война нѣсколько разъ прерывалась миромъ, но потомъ снова возгоралась и доходила до кровопролитныхъ сраженій; цѣлыя провинціи и города подвергались опустошеніямъ и даже пограничныя страны, Брабантъ, Люттихъ и Голландія, принимали болѣе или менѣе участія въ этой войнѣ. Съ января 1382 г. борьба Гента съ Брюгге и державшими сторону послѣдняго графомъ и рыцарствомъ приняла совершенно новый оборотъ: подъ знаменами Гента явился прежде совершенно неизвѣстный Филиппъ д'Артевелль, сынъ бывшаго

демагога, Жака д'Артевелля, и съ этой минуты фландрскія волненія приняли въ глазахъ Франціи демократическій характеръ, который она сочла до такой степени опаснымъ для себя, что выслала противъ своевольныхъ фламандцевъ самого короля, во главѣ французскаго рыцарства. Но чтобы вѣрнѣе опредѣлить фландрское движеніе, нужно вспомнить, что̀ происходило въ то же время въ другихъ странахъ. Въ Швейцаріи рыцарство и феодализмъ окончательно пали; на сѣверѣ Германіи Ганза, на югѣ союзъ прирейнскихъ, франконскихъ и швабскихъ городовъ одерживали верхъ надъ самимъ императоромъ и рыцарствомъ; на конецъ, въ самой Франціи, городское сословіе подняло голову и было усмирено только самою ужасною жестокостью. Это снова приводитъ насъ къ междоусобіямъ во Франціи и къ причинамъ, вызвавшимъ эти явленія.

Убѣдившись, что утвержденныхъ генеральными штатами налоговъ не достаточно, Людовикъ Анжуйскій вздумалъ возстановить опрометчиво уничтоженныя имъ старинныя подати и чтобы показать, что эта мѣра принимается съ разрѣшенія штатовъ, созвалъ къ себѣ во дворецъ нѣчто въ родѣ собранія нотаблей. Они не согласились на его предложеніе, но взамѣнъ того установили еще одинъ налогъ, который регентъ и предписалъ взимать по всему государству. Сборъ этого новаго налога возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ Парижѣ, Руанѣ, Аміенѣ и многихъ другихъ городахъ; сопротивленіе сдѣлалось наконецъ повсемѣстнымъ, и на сѣверѣ Франціи, особенно въ Руанѣ и Парижѣ, дѣло дошло до полнаго нарушенія общественнаго порядка. Чернь, подстрекаемая демагогами, рѣшилась свергнуть невыносимое иго рыцарства и монархической власти; населеніе взялось за оружіе, перебило и разогнало королевскихъ коммисаровъ, взимавшихъ налоги, напало на высшія сословія и совершало величайшія безчинства. Это возстаніе получило названіе войны мальотеновъ (бердышники, отъ слова maillet, бердышъ), потому что возставшая парижская чернь овладѣла хранившимся въ ратушѣ оружіемъ,

между которымъ было много тяжелыхъ, свинцовыхъ бердышей. Видя, что опасность увеличивается съ каждымъ днемъ, Людовикъ долженъ былъ отмѣнить новый налогъ, но, ссылаясь на войну съ Англіею и на происшедшее вслѣдствіе безпорядковъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ, созвалъ штаты сѣверной Франціи и потребовалъ у нихъ пособія (апрѣль 1382 г.). Штаты не хотѣли и слышать о новыхъ налогахъ и отговаривались тѣмъ, что не уполномочены разрѣшать ихъ. Когда, вскорѣ потомъ, онъ созвалъ ихъ вторично, большинство представителей не явилось, чтобы не быть вынужденными согласиться на его требованія. Необходимость заставила регента прибѣгнуть къ насилію, и это было отчасти извинительно, потому что штаты не хотѣли помочь государству въ крайности и у правительства не оставалось инаго средства, какъ дать погибнуть государству, или употребить всевозможныя мѣры къ его спасенію. Людовикъ собралъ вокругъ себя опытную въ войнѣ часть націи, хотя не столь многочисленную, но имѣвшую всѣ преимущества надъ грубою массою черни, и подъ предлогомъ возстановленія порядка взялъ съ народа огромныя суммы на издержки своего неаполитанскаго похода. Жестокое и безразсудное поведеніе черни облегчило ему достиженіе цѣли; всѣ предпочитали, конечно, привычное, систематическое иго новой, дикой анархіи. Регентъ вооружилъ рыцарство, поставивъ во главѣ его самого короля для того, чтобы никто не имѣлъ права отказать ему въ содѣйствіи. Первый ударъ былъ направленъ на Руанъ, который не могъ устоять противъ него. Феодалы и рыцари ворвались въ городъ, разрушили часть его и звѣрски обошлись съ горожанами (апрѣль 1382 г.). Потомъ Людовикъ позволилъ своимъ дикимъ наемникамъ и авантюристамъ свирѣпствовать, сначала въ окрестностяхъ Парижа, а потомъ и въ самомъ городѣ; они какъ и всегда произвели такое страшное опустошеніе и такъ безчеловѣчно поступали съ виновными и невинными, что парижане согласились наконецъ уплатить требуемые отъ нихъ сто тысячъ золотыхъ флориновъ (около милліона ста тысячъ франковъ на нынѣшнія деньги), что бы только

умилостивить короля и вернуть его снова въ столицу. Большая часть этой суммы, какъ и всѣхъ другихъ, перешла въ военную кассу герцога анжуйскаго, который могъ наконецъ приступить къ своему давно задуманному неаполитанскому походу (1382 г.). Съ удаленіемъ главы регентства, власть перешла въ руки герцога бургундскаго, Филиппа Смѣлаго, мужа будущей наслѣдницы Фландріи. Онъ точно также сталъ обирать Францію для осуществленія своихъ видовъ на Фландрію, какъ обиралъ ее Людовикъ Анжуйскій для неаполитанскаго похода.

На югѣ Франціи также свирѣпствовала анархія. Кромѣ возстанія городовъ, грозившаго государству распаденіемъ, южныя провинціи были раздираемы междоусобіями и хищничествомъ наемныхъ шаекъ. Шайки свирѣпствовали такъ жестоко, что графъ де Фуа, взявъ однажды въ плѣнъ четыреста человѣкъ этихъ разбойниковъ и приказавъ перевѣшать и перетопить всѣхъ ихъ, не только не возмутилъ никого этою бойнею, но даже заслужилъ всеобщую признательность. Однако ничто не помогало; дикія орды занимали множество замковъ и чувство мести внушило товарищамъ казненныхъ еще бо̀льшія жестокости. Если бы даже правительству и удалось разсѣять эти шайки, спокойствіе все-таки не было бы возстановлено. Многіе города и провинціи по прежнему отказывались признать герцога беррійскаго намѣстникомъ, а граждане Безье, одного изъ важнѣйшихъ, фабричныхъ городовъ южной Франціи, умертвили болѣе семнадцати королевскихъ коммисаровъ; городъ Нарбонна велъ въ продолженіе двухъ лѣтъ войну съ однимъ изъ окрестныхъ феодаловъ, и наконецъ одно изъ постановленій лангедокскихъ штатовъ вызвало на югѣ новую крестьянскую войну. Когда герцогъ беррійскій получилъ отъ нихъ разрѣшеніе собрать новый обременительный для народа налогъ, крестьяне взялись за оружіе разбрелись по странѣ, производя въ ней ужаснѣйшія опустошенія. Движеніе распространилось до Авиньона и поставило въ большую опасность самого папу. Французы назвали эту войну guerre

des coquins, или по провинціальному выраженію des tuchins, то есть войною оборванцевъ.

Въ то время какъ французское дворянство порабощало городское сословіе Парижа и Руана, демократія казалось совершенно погибала и во Фландріи. Жители Гента были доведены до крайности графомъ Людовикомъ и его рыцарствомъ; отрѣзавъ всякій подвозъ къ нимъ съѣстныхъ припасовъ, онъ могъ сказать навѣрное, въ какой день у этого многолюднаго города не останется средствъ къ продовольствію, и спокойно выжидалъ этого, расположившись съ войскомъ въ Брюгге. Но Людовикъ самъ лишилъ себя всѣхъ выгодъ, настаивая на безусловной сдачѣ и грозя жестокою местью, когда осажденные вступили съ нимъ въ переговоры. Въ этой крайности, жители Гента стали искать какого нибудь средства къ спасенію и нашли его въ томъ, что граждане Брюгге, поддерживавшіе до той поры графа, раздѣлились на двѣ партіи. На этомъ раздорѣ Филиппъ д'Артевелль основалъ свой планъ спасенія роднаго города. Выбравъ изъ жителей Гента пять тысячъ сильныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ человѣкъ, онъ поручилъ доминиканцамъ и францисканцамъ вдохновить ихъ вѣрою и патріотизмомъ и, публично поклявшись умереть или побѣдить, двинулся съ ними на Брюгге. Д'Артевелль внезапно явился со своимъ отрядомъ передъ этимъ городомъ и расположился лагеремъ подъ его стѣнами. Узнавъ объ этомъ, граждане Брюгге поспѣшно и въ безпорядкѣ выступили противъ враговъ. Къ этой безпорядочной толпѣ присоединился и Людовикъ съ своимъ рыцарствомъ. Встрѣча произошла при Бевергоутѣ, въ маѣ 1382 г.; исходъ ея легко было предъугадать. Д'Артевелль имѣлъ пять тысячъ опытнаго войска, тогда какъ войско города Брюгге, состоявшее изъ торговцевъ, ремесленниковъ и работниковъ, какъ и всякая національная гвардія, думала только о своемъ ремеслѣ: героизмъ былъ совершенно чуждъ этимъ торгашамъ. Не смотря на то, что войско Брюгге было всемеро многочисленнѣе своихъ враговъ, оно разбилось о плотные, дисциплинированные ряды гентцевъ и бѣжало, увлекши за собою

восемьсотъ рыцарей графа и помѣшавъ имъ примѣнить къ дѣлу свою рыцарскую тактику. Гентскія войска преслѣдовали бѣжавшихъ и безпрепятственно ворвались вмѣстѣ съ ними въ городъ. Здѣсь гентцы искусно воспользовались раздорами враговъ. Часть цеховъ пристала къ нимъ и произвела въ городѣ революцію; народъ бросился на приверженцевъ и рыцарей графа и перебилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ ихъ на улицахъ. Остальные спаслись какъ могли; самъ графъ, скрывавшійся нѣкоторое время въ одномъ частномъ домѣ, поспѣшно бѣжалъ въ Лилль. Вслѣдъ затѣмъ почти всѣ фландрскіе города пристали къ демократической республикѣ Артевелля.

Къ счастію для изгнаннаго графа, зять его, Филиппъ Бургундскій, сдѣлался вскорѣ регентомъ Франціи, на время отлучки въ Неаполь Людовика Анжуйскаго, а сверхъ того Артевелль оскорбилъ въ письмѣ къ Карлу VI французское рыцарство, только что усмирившее въ Парижѣ и Руанѣ глубоко презираемую имъ буржуазію. Французское правительство немедленно объявило походъ во Фландрію, и рыцарство стеклось со всѣхъ сторонъ, чтобы раздѣлить съ молодымъ королемъ его первые военные подвиги. Французскимъ войскомъ командовалъ храбрый коннетабль Оливье дю Клиссонъ. Нечего и говорить о превосходствѣ этого войска надъ необученными толпами Артевелля, тѣмъ болѣе что къ французамъ присоединилось все нидерландское дворянство. Тѣмъ не менѣе, фламандскіе демократы расположились ожидать враговъ при Роозебееке, близь Ипра, въ чрезвычайно удобной для французскаго войска мѣстности. Артевелль, вѣроятно, расчитывалъ, какъ и граждане Брюгге при Бевергоутѣ, на многочисленность своего неорганизованнаго войска. Но рыцари легко разсѣяли эти толпы, положивъ на мѣстѣ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ и самого Артевелля (27 ноября 1382 г.). Результатомъ этого пораженія было то, что города, передавшіеся гентцамъ, или взятые ими, открыли ворота побѣдителямъ. Но Гентъ, гдѣ на мѣсто Артевелля явился Аккерманъ, пригото-

вился дать энергическій отпоръ. Позднее время года, составъ французскаго войска и краткость срока обязательной службы вассаловъ не дозволили французамъ начать правильную осаду Гента, для которой пришлось бы задержать во Фландріи молодаго короля. Французы вернулись во свояси, и граждане Гента, чтобы имѣть возможность продолжать войну, вступили въ союзъ съ Англіею.

Филиппъ Бургундскій, Іоаннъ Беррійскій и другіе феодальные владѣтели, правившіе именемъ молодаго короля, воспользовались торжествомъ надъ фламандскою буржуазіею, чтобы отмстить французской. Они послали вернувшееся изъ Фландріи войско въ самые значительные города сѣверной Франціи, и горожане были такъ жестоко наказаны за свой демократическій духъ, что въ дядяхъ короля можно было предположить умышленное намѣреніе сдѣлать изъ него тиранна. Прежде всего молодаго короля отправили съ войскомъ противъ столицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что парижане продолжаютъ составлять заговоры и тайно сноситься съ фламандскими демократами. Жители Парижа не осмѣлились запереть воротъ передъ побѣдоноснымъ войскомъ, но, не смотря на то, оно вступило въ этотъ городъ такъ же, какъ вступило бы во взятый приступомъ Гентъ. Горожане пришли въ ужасъ и отчаяніе. Прежде всего были разрушены деревянные бастіоны городскихъ воротъ и сооруженныя на улицахъ баррикады; потомъ дѣло дошло до жителей. Триста самыхъ богатыхъ горожанъ были схвачены и посажены въ темницы, нѣкоторыхъ изъ нихъ предавали, отъ времени до времени, казни, чтобы устрашить остальныхъ и вынудить у нихъ все что можно; кромѣ того, всѣ должны были выдать оружіе. Тщетно ходатайствовали за парижанъ старая герцогиня орлеанская, сестра короля Іоанна, и весь парижскій университетъ: вмѣсто того, чтобы смягчиться, побѣдители становились съ каждымъ днемъ строже и свирѣпѣе. Но ужаснѣе всего было то, что все это налагалось на народъ въ родѣ пытки, которою у него хотѣли вынудить новые налоги; застращавъ его судебными преслѣ-

дованіями и казнями, правительство возстановило именемъ короля и безъ согласія штатовъ всѣ налоги, существовавшіе при Карлѣ V, и объявило напрямикъ, что установленіе ихъ зависитъ непосредственно отъ короля и съ участіемъ только парламентовъ. Такимъ образомъ народъ окончательно подпалъ игу, которое до тѣхъ поръ ему удавалось отклонять. Вслѣдъ затѣмъ было измѣнено общественное устройство Парижа и у гражданъ отнято право избранія должностныхъ лицъ. Но самое тяжкое испытаніе было еще впереди и показалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ торжественнѣе и необычайнѣе былъ способъ его обнародованія. Король созвалъ народъ и, по произнесеніи канцлеромъ рѣчи, повергнувшей всѣхъ въ смертельный страхъ, уцѣлѣвшимъ заключеннымъ была дарована жизнь. Впрочемъ это помилованіе показалось кровавою насмѣшкою даже современникамъ, такъ какъ плѣнники должны были поплатиться за освобожденіе всѣмъ своимъ состояніемъ. Кромѣ того, у многихъ богатыхъ гражданъ отняли все ихъ имущество и буквально пустили ихъ по міру. Однимъ словомъ, если бы монголы, турки, или арабы внезапно напали на Францію, то, вѣроятно, они не превзошли бы въ безчеловѣчіи короля и его дворянство. Не смотря на всѣ эти мѣры, королевская казна осталась почти пустою; большая часть выжитыхъ изъ народа денегъ пошла, по самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, на уплату жалованья хищнымъ наемникамъ, бывшимъ орудіями притѣсненія народа; но и здѣсь прибрали все къ своимъ рукамъ начальники, а солдаты снова принялись грабить страну.

Руанъ постигла одинаковая участь съ Парижемъ; но казна и при этомъ случаѣ осталась пуста: всѣ собранныя деньги раздѣлили между собою герцоги бургундскій и беррійскій. Всеобщее неудовольствіе было вскорѣ усилено новымъ обременительнымъ налогомъ. Королевскимъ указомъ была учреждена ежегодная подать со всѣхъ доходовъ и имущества податныхъ сословій, къ которымъ не принадлежали ни дворянство, ни духовенство. Разумѣется, всѣ эти мѣры только наружно подавили волненія, и регентство вселило

въ народъ ненависть къ себѣ и молодому королю. Правительство, считая спокойствіе возстановленнымъ, возобновило войну съ Англіею.

4. Испанія и Португалія по смерти Петра Жестокаго.

Генрихъ II Кастильскій своимъ мудрымъ правленіемъ вскорѣ загладилъ воспоминаніе о трагическомъ способѣ, какимъ онъ достигъ престола. Впослѣдствіи, всѣ единодушно сожалѣли, что царствованіе этого государя было столь кратковременно (1369—1379 г.), тогда какъ современникъ его, арагонскій тираннъ Петръ IV, царствовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Генриху съ самаго начала пришлось выдерживать трудную борьбу какъ со своими сосѣдями, арагонскимъ и португальскимъ королями, такъ и съ братомъ Эдуарда III, Іоанномъ Ланкастерскимъ, оспаривавшимъ у Генриха, какъ рожденнаго не въ законномъ бракѣ, права его на престолъ (т. VIII. стр. 397). Мы уже говорили, что этотъ англійскій принцъ былъ женатъ на старшей дочери Петра Жестокаго и, основывая на этомъ свои притязанія, тотчасъ по умерщвленіи Петра принялъ титулъ кастильскаго короля. Но положеніе дѣлъ въ Англіи не дозволило ему приступить немедленно къ поддержкѣ своихъ правъ. Съ своей стороны, и Фердинандъ Португальскій изъявлялъ притязанія на Кастилію, какъ внукъ кастильской принцессы, жены Альфонса IV, единственный прямой потомокъ мужскаго пола кастильской династіи. Для этого онъ еще въ 1369 г. вступилъ въ союзъ съ корыстолюбивымъ Петромъ Арагонскимъ и владѣтелемъ Гранады, Мухаммедомъ, пославшимъ на помощь къ бывшему кастильскому королю многочисленную, легкую конницу, которая послѣ его паденія бродила по Кастиліи, занимаясь грабежомъ. Но гранадскій владѣтель такъ мало вредилъ Генриху, что даже мавританскіе историки не могутъ привести почти ни одного блистательнаго

подвига своихъ соотечественниковъ во время этой войны. Фердинандъ Португальскій также велъ войну довольно вяло, а Петръ Арагонскій былъ отвлеченъ безполезною войною въ Сардиніи, которую онъ старался удержать за собою вопреки генуезцамъ и желаніямъ самихъ жителей острова. Противъ Петра Генрихъ нашелъ союзника, который могъ возбудить опасныя волненія въ самой Арагоніи: это былъ арагонскій принцъ Іаковъ III, сынъ послѣдняго, несчастнаго короля Маіорки. По смерти отца, казненнаго Петромъ IV, Іаковъ провелъ въ заключеніи четырнадцать лѣтъ, успѣлъ наконецъ бѣжать, принялъ титулъ короля Маіорки и сдѣлался потомъ (1363 г.) третьимъ мужемъ неаполитанской королевы Іоанны I. Но его необузданный, безпокойный характеръ не замедлилъ поссорить его съ женою, и онъ былъ вскорѣ вынужденъ оставить Неаполь. Іаковъ отправился оттуда въ Кастилію къ Петру Жестокому, чтобы съ его помощью овладѣть своимъ наслѣдіемъ, но попалъ въ плѣнъ къ Генриху II, когда тотъ ворвался, въ 1365 г., съ французскимъ войскомъ въ Кастилію. Іоанна выкупила его за сорокъ тысячъ дукатовъ, но Іаковъ вторично покинулъ ее и удалился во Францію, откуда съ содѣйствіемъ герцога анжуйскаго предпринялъ походъ въ Арагонію.

Въ войнѣ съ сосѣдями кастильскій король имѣлъ еще ту выгоду, что въ его руки перешли всѣ сокровища Петра Жестокаго. Присоединивъ къ нимъ значительныя суммы, назначенныя кортесами на государственные расходы, онъ успѣлъ раздѣлаться со всѣми своими обязательствами относительно Дюгеклена и его шаекъ и не только уплатилъ имъ сполна все жалованье, но даже выкупилъ всѣ города и земли, которые долженъ былъ уступить имъ по договору. Война съ Фердинандомъ Португальскимъ и Петромъ Арагонскимъ нисколько не тяготила Генриха; первый велъ ее такъ плохо, что, какъ говоритъ одинъ португальскій историкъ, лучше бы вовсе не начиналъ ее; а послѣдній разсорился со своимъ союзникомъ за то, что употреблялъ выдаваемыя ему Португаліей субсидіи на свои личныя нужды. Между тѣмъ, въ 1370 г. папа Урбанъ V постарался водворить

миръ на полуостровѣ. Въ средніе вѣка римскій дворъ направлялъ европейскую политику, точно такъ же, какъ руководятъ ею въ наше время нѣкоторыя изъ великихъ державъ; это давало папѣ важное, политическое значеніе, тѣмъ болѣе обширное, что оно, среди постоянныхъ войнъ, опиралось на одну нравственную силу. Дипломатическая дѣятельность Рима поддерживала сношенія между христіанскими государствами и не рѣдко предупреждала кровопролитіе. Урбанъ послалъ въ Испанію двухъ легатовъ и, кромѣ того, отправилъ увѣщевательныя буллы къ тремъ королямъ и женамъ королей кастильскаго и португальскаго. Все это не привело къ миру. Соглашеніе между Генрихомъ и Фердинандомъ послѣдовало уже по смерти папы и безъ посредничества легатовъ (1371 г.). Договоръ былъ заключенъ на условіи взаимнаго возвращенія всѣхъ взятыхъ городовъ и брака португальскаго короля съ дочерью Генриха Кастильскаго. Но миръ этотъ вскорѣ былъ нарушенъ, потому что Фердинандъ, такъ же какъ нѣкогда отецъ его Петръ I, сдѣлался рабомъ своихъ страстей (т. VIII. стр. 383). Это увлеченіе было поводомъ къ новой распрѣ, хотя Генрихъ, по просьбѣ Фердинанда, и уволилъ его отъ обязательства вступить въ бракъ съ его дочерью. Вскорѣ по заключеніи мира, Фердинандъ встрѣтился съ Элеонорою Тельесъ, женою одного изъ португальскихъ грандовъ, и страстно влюбился въ нее. Не привыкши обуздывать своихъ страстей никакими нравственными или религіозными принципами, онъ добился отъ Элеоноры желаемаго. Первый бракъ ея былъ разорванъ противъ воли духовенства, и король женился на ней, вопреки явному неудовольствію народа и духовенства.

Вслѣдъ за тѣмъ португальскій король соединился съ герцогомъ ланкастерскимъ и такимъ образомъ принудилъ Генриха вступить въ союзъ съ французами, которымъ флотъ его оказалъ важныя услуги во время войны съ Англіею. Договоръ между Португаліею и Англіею, обратившійся лѣтомъ 1372 г. въ оборонительный и наступательный союзъ, могъ только повредить Португаліи, потому

что англійскій король былъ слишкомъ занятъ войною съ Франціею, чтобы помышлять о Кастиліи. Генрихъ Кастильскій вступилъ съ войскомъ въ Португалію, и португальцы бѣжали передъ нимъ, оставляя въ рукахъ его одинъ городъ за другимъ. Мы должны указать на одинъ изъ эпизодовъ этого похода, дѣлающій честь испанцамъ, которые обыкновенно вели войну съ африканскою жестокостью. Вѣрный рыцарской любезности, свойственной испанской націи и вообще среднимъ вѣкамъ, Генрихъ не отступилъ отъ нея даже относительно ненавистной Элеоноры Тельесъ и измѣнилъ, въ угоду ей, планъ военныхъ дѣйствій. Собираясь произвести нападеніе на Коимбру, онъ узналъ, что въ ней поселилась Элеонора, и немедленно отступилъ, пославъ красавицѣ привѣтливый, кастильскій комплиментъ. Онъ пошелъ на Лиссабонъ и, дождавшись прибытія къ устью Таго кастильскаго флота, началъ осаду города. Она длилась цѣлый мѣсяцъ, и городъ начиналъ уже терпѣть нужду, когда наконецъ легату папы Григорія XI, преемника Урбана V, удалось возстановить миръ между Кастиліей и Португаліей (май 1373 г.). При этомъ Генрихъ II остался, какъ и всегда, вѣренъ своему рыцарскому духу: не смотря на то, что онъ уже занялъ почти всѣ владѣнія врага и угрожалъ его столицѣ, онъ предъявилъ такія же требованія, какъ и до начала войны. Онъ потребовалъ только, чтобы Фердинандъ воспретилъ пребываніе въ Португаліи кастильскимъ эмигрантамъ, не признававшимъ Генриха законнымъ королемъ и тревожившимъ его государство безпрестанными набѣгами. Фердинандъ обѣщалъ это и, отказавшись отъ союза съ Англіею, присталъ къ союзу Кастиліи съ Франціею. Оба короля соединились потомъ противъ Петра Арагонскаго, который занялъ пограничныя, кастильскія земли и возстановилъ противъ себя Фердинанда, обращая въ свою пользу выдаваемыя имъ субсидіи.

Арагонскій король находился въ самомъ стѣснительномъ положеніи: имѣя на рукахъ войну съ сардинцами и генуэзцами, онъ долженъ былъ защищаться въ то же время отъ нападенія кастиль-

цевъ и маіоркскаго претендента. Наконецъ ему пришлось искать мира съ Генрихомъ и уступить ему то, чего тотъ единственно добивался, т. е. отнятыя у него кастильскія земли. Кромѣ того, Петръ долженъ былъ уплатить извѣстную сумму за военныя издержки. Сынъ и наслѣдникъ Генриха, Іоаннъ I, былъ помолвленъ на дочери Петра. Іаковъ Маіоркскій сдѣлался жертвою этого мира. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ и не имѣя силъ бороться съ Арагоніею, онъ едва спасся отъ плѣна и бѣжалъ въ Кастилію, гдѣ вскорѣ и умеръ въ глубокой горести.

Возвративъ Кастиліи всѣ провинціи, утраченныя ею во время внутреннихъ междоусобій, Генрихъ присоединилъ къ ней по смерти брата и Бискаію, и присоединилъ ее нераздѣльно, не нарушивъ при этомъ ничьихъ правъ. Онъ сдѣлалъ изъ этой страны кастильскую провинцію и объявилъ дочери Фердинанда де ла Серда, вышедшей замужъ во Франціи за герцога алансонскаго и изъявлявшей притязанія на Бискаію, какъ на законное наслѣдіе своихъ дѣтей, что онъ дастъ имъ эту провинцію въ ленное владѣніе, если они вернутся въ Испанію. Онъ предвидѣлъ, что сыновья герцога алансонскаго не откажутся отъ Франціи, чтобы сдѣлаться испанцами, и что онъ будетъ такимъ образомъ въ правѣ присоединить Бискаію къ Кастиліи. Относительно жителей Бискаіи, Генрихъ также не нарушилъ требованій справедливости и умѣренности, предоставивъ имъ всѣ ихъ старинныя права. Отнявъ у наваррскаго короля города, которыми тотъ владѣлъ въ Бискаіи, Генрихъ вознаградилъ его деньгами за издержки, которыхъ стоило ему ихъ укрѣпленіе. Вообще этотъ государь берегъ кровь подданныхъ и всегда старался откупаться отъ войны деньгами. Но эта политика заставляла и его прибѣгать къ несчастному средству, столь обыкновенному въ средніе вѣка и замѣняемому у насъ государственными займами а именно — къ пониженію внутренней цѣнности монеты. Кромѣ того, Генрихъ слишкомъ щедро, чтобы не сказать легкомысленно, дарилъ своихъ приверженцевъ землями, замками и городами, составлявшими собственность короны. Но историкъ Маріана весьма справедливо

объясняетъ это чрезмѣрное великодушіе Генриха политическими видами. Генрихъ сознавалъ, что онъ долженъ ставить насущную необходимость выше соображеній о будущей участи своихъ преемниковъ, и по этому, лежа на смертномъ одрѣ, указалъ своему наслѣднику, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы безъ шума возвратить коронѣ всѣ отчужденныя отъ нея герцогства и провинціи; онъ предписалъ въ своемъ завѣщаніи, чтобы подаренныя имъ земли переходили по наслѣдству не иначе какъ къ дѣтямъ владѣльцевъ, а отнюдь не въ боковыя линіи ихъ фамилій.

Сынъ Генриха, Іоаннъ I (1379 — 1390 г.), подобно отцу заслужилъ любовь кастильцевъ кротостью, великодушіемъ и справедливостью; но онъ былъ не безъ слабостей и растратилъ много денегъ на безполезныя войны. Вскорѣ по вступленіи на тронъ, онъ поссорился съ Португаліею, что дало герцогу ланкастерскому возможность заявить, наконецъ, на дѣлѣ притязанія своей жены на кастильскую корону. У Фердинанда Португальскаго была всего одна дочь отъ законнаго брака, Беатриса, и ни одного сына, что подавало Іоанну надежду на близкое соединеніе Португаліи съ Кастиліею; для этого онъ старался помолвить Беатрису за своего сына Генриха, хотя последнему былъ всего одинъ годъ. Іоаннъ достигъ цѣли; но вскорѣ послѣ того португальскій король, вопреки этому смѣшному договору, вступилъ въ союзъ съ двумя англійскими принцами, женатыми на дочеряхъ Петра Жестокаго. Фердинандъ заключилъ съ ними два договора, на условіяхъ: воевать сообща противъ Іоанна I, признать права герцога ланкастерскаго на кастильскую корону и помолвить наслѣдницу Португаліи съ сыномъ принца Эдмунда и младшей дочери Петра Жестокаго (1380 г.). Узнавъ объ этомъ договорѣ, Іоаннъ Кастильскій вступилъ въ Португалію, разбилъ португальскій флотъ и овладѣлъ крѣпостью Альмейдою. Вскорѣ послѣ того явилось англійское войско, подъ предводительствомъ Эдмунда, и вмѣстѣ съ португальцами ворвалось въ Кастилію; но англичане, по обыкновенію, поступали такъ грубо и съ друзьями,

и съ недругами, что черезъ два года Фердинандъ сталъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ нихъ и снова сблизиться съ кастильскимъ королемъ. Онъ заключилъ съ нимъ миръ на условіи помолвить наслѣдницу Португаліи съ кастильскимъ принцемъ, — но не съ Генрихомъ, а съ младшимъ братомъ его Фердинандомъ, чтобы не присоединять Португалію къ Кастиліи. Эдмундъ не могъ продолжать войны съ одними собственными средствами и вернулся въ Англію. Вскорѣ послѣ того король Іоаннъ овдовѣлъ и договоръ съ Португаліею былъ измѣненъ такимъ образомъ, что на португальской принцессѣ женился вмѣсто сына самъ король. По новому условію, корона Португаліи должна была достаться сыну отъ этого брака; но въ случаѣ, если бы Беатриса не имѣла дѣтей и вторая дочь Фердинанда не оставила потомства, то Португалію долженъ былъ наслѣдовать Іоаннъ.

Этотъ договоръ благопріятствовалъ не столько цѣлямъ кастильскаго короля, сколько честолюбію Элеоноры Тельесъ, игравшей роль королевы, хотя бракъ ея съ Фердинандомъ никогда не былъ признаваемъ законнымъ. Видя шаткое здоровье мужа и предъугадывая его близкую кончину, Элеонора старалась удалить отъ престолонаслѣдія братьевъ короля, Іоанна и Діонисія, и получить съ помощью кастильскаго короля регентство. Элеонора была изъ числа тѣхъ ужасныхъ женщинъ, съ которыми, къ счастію, у насъ на сѣверѣ, мы знакомимся только изъ судебныхъ процессовъ и, чтобы не усомниться въ человѣческой а въ особенности въ женской натурѣ, считаемъ исключительными, несчастно-сложившимися характерами. Послѣ измѣны законному мужу, Элеонора совершила цѣлый рядъ преступленій. Она съумѣла самымъ безчеловѣчнымъ образомъ сдѣлать безвреднымъ для себя инфанта Іоанна, женатаго на ея сестрѣ, оклеветавъ его жену и подавъ ему надежду, что если онъ освободится отъ нея, то можетъ получить руку Беатрисы и съ нею право на корону. Іоаннъ дался въ обманъ, собственноручно убилъ жену и за это преступленіе долженъ былъ бѣжать изъ страны. Онъ нашелъ пріютъ и защиту въ

Кастиліи, гдѣ еще царствовалъ Генрихъ II; но Іоаннъ I, считая инфанта Іоанна своимъ соперникомъ, велѣлъ заключить его въ темницу и, пользуясь его плѣномъ, вступилъ въ тайный заговоръ съ Элеонорою, хотя приближенные и предупреждали его противъ этой интригантки, указывая ему, на какой шаткой почвѣ онъ строитъ свои планы. Элеонора обѣщала Іоанну I провозгласить жену его, Беатрису, наслѣдницею престола, тотчасъ по смерти Фердинанда; въ благодарность за это Іоаннъ обѣщалъ предоставить Элеонорѣ регентство до тѣхъ поръ, пока ожидаемый отъ Беатрисы сынъ не достигнетъ совершеннолѣтія. Этотъ договоръ былъ заключенъ еще до брака кастильскаго короля. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, португальскій король скончался (1383 г.).

Элеонора немедленно провозгласила властителями Португаліи кастильскую королеву и ея мужа, и приняла регентство; но португальскій народъ разрушилъ всѣ ея планы. Интриги ея были всѣмъ извѣстны; народъ ненавидѣлъ ее и ея любовника Авейро, съ которымъ она стала жить въ явной связи, и отказался повиноваться ей. Единственные законные наслѣдники престола, инфанты Іоаннъ и Діонисій, находились въ плѣну, въ Кастиліи, куда уже давно бѣжалъ и послѣдній; но у Элеоноры нашелся другой опасный соперникъ, великій магистръ ордена Ависъ, побочный сынъ короля Петра I, Іоаннъ, который рѣшился воспользоваться обстоятельствами, чтобы забрать въ руки власть, а если можно и корону. Умертвивъ собственноручно во дворцѣ Элеоноры ея ненавистнаго любовника, Іоаннъ явился передъ народомъ, имѣвшимъ совершенно различныя съ нашими понятія о чести и убійствѣ, мстителемъ чести покойнаго брата и защитникомъ національныхъ правъ. Принудивъ королеву бѣжать изъ страны, онъ черезъ три мѣсяца по смерти Фердинанда былъ шумно провозглашенъ регентомъ государства, сначала народомъ, а потомъ и дворянствомъ. Особенно благопріятствовалъ Іоанну союзъ Элеоноры съ кастильскимъ королемъ, такъ какъ португальцы, видя, что дѣло идетъ о спасеніи своей національности, почти единодушно приняли его

сторону. Впрочемъ регентъ выдавалъ себя сначала только за намѣстника будущаго сына Беатрисы, но вскорѣ хитростью проложилъ себѣ путь и къ престолу. Правленіе его началось съ убійства, а власть его была упрочена тѣмъ, что онъ отставилъ и нишилъ имущества всѣхъ друзей королевы и законныхъ наслѣдниковъ, замѣстивъ ихъ своими приверженцами. Іоаннъ послѣдовалъ совѣту одного португальца, который сказалъ ему: „Я готовъ стоять за васъ, и вотъ вамъ мой совѣтъ: отдавайте то, что вамъ не принадлежитъ, обѣщайте то, чего у васъ нѣтъ и прощайте тѣмъ, кого не можете наказать!“ Такимъ образомъ Іоаннъ пріобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ, и португальцы, подобно французамъ въ новѣйшее время, подчинились тяжкимъ налогамъ, лишь бы помочь призванному націею основателю новой династіи утвердиться на упраздненномъ престолѣ.

Главною опорою регента были народъ и городское сословіе. Дворянство, или, что одно и тоже, войско, вначалѣ не было расположено подчиняться новому правительству; но грозившее присоединеніе къ Кастиліи пробудило къ борьбѣ за національную независимость нѣсколькихъ героевъ, а такъ какъ отъ кастильскаго короля нельзя было ожидать подарковъ, какъ отъ регента, то къ Іоанну пристало вскорѣ и дворянство, склонявшееся вначалѣ на сторону Кастиліи. Элеонора настоятельно призывала къ себѣ на помощь кастильскаго короля и вначалѣ слѣдующаго года (1384 г.) онъ явился, вмѣстѣ съ женою, въ Португалію. Но при первой же встрѣчѣ съ Элеонорою Іоаннъ, справедливо или нѣтъ, обвинилъ ее въ заговорѣ и отправилъ плѣнницею въ Кастилію. Такимъ образомъ вся королевская фамилія была въ его рукахъ; это, конечно, не могло расположить къ нему португальцевъ и послужило только къ выгодѣ регента. Однако, не смотря на упорство, съ какимъ эта нація отстаивала свою родину, она не могла бороться съ кастильцами. Іоаннъ разбилъ португальскій флотъ и осадилъ Лиссабонъ съ моря и съ суши. Кастильцы уже взяли одну изъ близь-лежащихъ крѣпостей и, отрѣзавъ подвозъ припасовъ въ городъ, довели его

до крайности; но внезапно распространившаяся зараза произвела такое страшное опустошеніе въ войскѣ Іоанна, что ему пришлось какъ можно поспѣшнѣе вернуться въ Кастилію. Опасность, въ какую былъ поставленъ Лиссабонъ и все государство, внушили націи желаніе обезпечить свою независимость отъ чужеземца, и регентъ обратилъ это желаніе въ свою пользу. До той поры онъ утверждалъ, что управляетъ страною отъ имени ожидаемаго наслѣдника Беатрисы и сражается противъ однихъ кастильцевъ; коменданты крѣпостей и часть знати также признавали наслѣдникомъ престола только будущаго сына Беатрисы, или одного изъ инфантовъ, находившихся въ плѣну въ Кастиліи. Въ мартѣ 1385 г. регентъ созвалъ въ Коимбрѣ кортесы, чтобы предъявить имъ свои права на признательность націи. Не трудно было предугадать цѣль этого собранія и достиженіе ея не представляло большихъ затрудненій. Народъ преслѣдовалъ всякаго, кто былъ противъ регента, а знаменитый португальскій законовѣдъ, Іоаннъ дасъ Реграсъ, ученикъ Бартола (т. VIII. стр. 221), употребилъ все свое краснорѣчіе и ученость, чтобы доказать неосновательность притязаній Беатрисы и двухъ инфантовъ и право націи избирать короля по собственному усмотрѣнію. Регентъ, съ своей стороны, дѣлалъ все необходимое въ подобныхъ случаяхъ, и въ заключеніе разъигралъ еще роль безкорыстнаго, притворно отказываясь отъ престола. Чрезъ нѣсколько недѣль вся эта комедія была окончена, и 6-го апрѣля регентъ былъ безъ всякихъ возраженій избранъ въ короли.

Еще во время осады Лиссабона новый король Іоаннъ I заключилъ договоръ съ Англіею, или вѣрнѣе съ герцогомъ ланкастерскимъ, за которымъ онъ призналъ право на кастильскій престолъ. Когда потомъ Іоаннъ Кастильскій, поддерживаемый французами, ворвался въ Португалію, герцогъ ланкастерскій прислалъ пятьсотъ человѣкъ войска, состоявшаго большею частью изъ знаменитыхъ англійскихъ стрѣлковъ, считавшихся тогда искуснѣйшими въ Европѣ. Оно явилось въ Португалію въ ту самую минуту, когда храбрый

и смѣлый Іоаннъ I рѣшился не ждать враговъ въ Лиссабонѣ, а выступить къ нимъ на встрѣчу, въ открытое поле, хотя войско его было вчетверо малочисленнѣе кастильскаго. Рѣшительное сраженіе произошло въ августѣ 1385 г. при Альжубаротѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Лиссабона. Эта битва положила начало той славѣ и могуществу, которыми въ пятнадцатомъ вѣкѣ отличалась маленькая португальская нація при королѣ Іоаннѣ и его преемникахъ. Поэтому, блистательная побѣда при Альжубаротѣ надолго сохранилась въ памяти народа, и ежегодно праздновалась, даже въ прошедшемъ столѣтіи, какъ начало возстановленія національной независимости. Разбитые кастильцы совершенно очистили Португалію. Іоаннъ I Португальскій отложилъ дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ до прибытія герцога ланкастерскаго и занялся пока осадою крѣпостей, которыя еще были заняты врагами, во имя Беатрисы. Потомъ, вмѣстѣ съ герцогомъ ланкастерскимъ онъ предпринялъ походъ противъ кастильскаго короля, скрѣпивъ союзъ съ англичанами бракомъ съ дочерью герцога отъ перваго супружества, Филиппою. Но предпріятіе португальцевъ и англичанъ было неудачно, потому что кастильцы выказали точно такую же твердость и единодушіе въ защитѣ своей родины, какъ и португальцы. Кастильцы были даже единодушнѣе, потому что ни одинъ городъ не отворилъ воротъ пришельцу, ни одинъ изъ феодаловъ не присталъ къ претенденту, который долженъ былъ поспѣшно отступить въ Португалію. Онъ началъ наконецъ переговоры съ противникомъ и заключилъ съ нимъ (1387 г.) въ Баіоннѣ мирный договоръ, предоставивъ своего союзника, португальскаго короля, его собственной участи. По этому договору герцогъ ланкастерскій помолвилъ дочь свою, Каталину, рожденную имъ отъ брака съ кастильскою принцессою, за Генриха III, сына и наслѣдника кастильскаго короля, передавъ ей права ея матери на кастильскую корону. Взамѣнъ этой уступки онъ получилъ вознагражденіе за военныя издержки, а женѣ его, какъ инфантѣ испанской, назначена была ежегодная пенсія въ сорокъ

тысячъ золотыхъ флориновъ и кромѣ того отданы, въ вознагражденіе за утрату наслѣдственныхъ правъ, нѣсколько городовъ и помѣстій. Инфантъ Генрихъ III принялъ титулъ принца астурійскаго, который и носили потомъ наслѣдники престола въ Испаніи.

Однако война между Португаліею и Кастиліею продолжалась еще, какъ частная феодальная вражда, и послѣ баіоннскаго мира; эти безполезныя и разорительныя драки, обогащавшія одно рыцарство, утомили наконецъ оба государства и они заключили въ 1389 г. перемиріе, которое было вскорѣ нарушено, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возобновлено на три года, а потомъ продолжено еще на пятнадцать лѣтъ. Іоаннъ Кастильскій умеръ въ 1390 г., но португальскій король Іоаннъ I жилъ еще долго и въ слѣдующемъ столѣтіи.

5. Внутренніе безпорядки въ Англіи во время несовершеннолѣтія короля Ричарда II.

По смерти Эдуарда III, положившей начало новому періоду исторіи Англіи, характеръ молодаго короля, честолюбіе и алчность его дядей грозили этой странѣ точно такими же бѣдствіями, какимъ подвергли Францію поступки ея принцевъ. Внутреннія волненія вызвали и въ Англіи, какъ во Франціи, полнѣйшую анархію. Причиною этихъ безпорядковъ были отчасти молодость и слабость короля Ричарда II и личныя свойства его дядей, а отчасти то, что низшій классъ народа былъ исключенъ изъ участія въ политическихъ правахъ, предоставленныхъ учрежденіями страны среднему сословію, и терпѣлъ ужасныя притѣсненія отъ дворянства и духовенства. Два первыя сословія одинаково злоупотребляли своею силою и потому угнетенный народъ, въ своемъ стремленіи свергнуть съ себя иго, яростно возсталъ на нихъ обоихъ. Къ тому

же свѣтъ просвѣщенія разлился въ этомъ столѣтіи на всѣ государства, находившіяся въ сношеніяхъ съ Италіею, или по крайней мѣрѣ почерпавшія научныя знанія и образованіе въ ея училищахъ, сочиненіяхъ писателей, создавшихъ новѣйшую науку и поэзію. Эти волненія имѣли и политическій, и религіозный характеръ. Ложное пониманіе народомъ библейскаго ученія и неспособность учившаго его духовенства толковать, какъ слѣдуетъ, это ученіе увлекли возставшія массы къ величайшимъ безчинствамъ, такъ что тѣсно соединившимся духовенству и рыцарству было легко не только подавить подобныя движенія, но и еще болѣе поработить потомъ крестьянъ.

Пробудившееся стремленіе къ изученію древности, всеобщее броженіе въ Италіи, вызванное постепеннымъ упадкомъ средневѣковыхъ обычаевъ и учрежденій, и уже совершившійся тамъ переходъ къ новѣйшей эпохѣ распространились, въ концѣ четырнадцатаго вѣка болѣе или менѣе по всей Европѣ, такъ что и въ Англіи нашлось много смѣлыхъ противниковъ іерархіи, проповѣдывавшихъ то же самое, что пѣлъ Данте и даже Петрарка, когда онъ бывалъ недоволенъ римскимъ дворомъ. Эти люди возставали не только противъ извращенія первобытнаго, апостолическаго устройства церкви и противъ упадка нравовъ въ духовенствѣ, но нападали и на самые догматы. Они возставали, въ то же время, и на несообразные, дурно распредѣленные и взимаемые налоги, истощавшіе низшія сословія, не доставляя богатства правительству. Рыцарство упражнялось въ турнирахъ, пѣло, плясало, блистало и роскошествовало, воюя между собою и разоряя крестьянъ, жившихъ вокругъ ихъ замковъ въ избушкахъ, походившихъ скорѣе на хлѣвы, чѣмъ на человѣческія жилища. Духовенство дѣлало, въ своемъ родѣ, то же самое; при Эдуардѣ III безчинство монаховъ дошло до такой степени, что этотъ энергическій государь нерѣдко бывалъ вынуждаемъ конфисковать и налагать запрещеніе на имущества церкви, для того чтобы принудить епископовъ и церковныя власти преслѣдовать хотя наиболѣе вопіющія преступленія духо-

венства. Мы видимъ изъ одного манифеста Эдуарда (1371 г.), что капитулъ лондонской церкви св. Петра формально превратилъ ее въ таверну, или даже въ нѣчто худшее, и что король принялъ противъ этого самыя строгія мѣры. Духовенство, утопая въ роскоши, строя церкви и пышно расписывая стѣнѣ ихъ картинами неба и ада, превращало въ адъ земную жизнь своей паствы. Это вызвало новыхъ пророковъ, которые въ утѣшеніе страждущей братіи нерѣдко объясняли библію совершенно произвольно и ложно, стараясь противопоставить ее догматамъ и обрядамъ господствовавшей церкви.

Послѣднее относится въ особенности къ проповѣдямъ монаха Джона Болля, отличавшагося скорѣе фанатическимъ рвеніемъ, чѣмъ познаніями. Подобно нынѣшнимъ методистамъ, онъ съ 1356 г. путешествовалъ по разнымъ мѣстностямъ, проповѣдуя божественное слово утѣшенія собиравшимся вокругъ него бѣднякамъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ принадлежалъ къ францисканскому ордену, начальники котораго оказали столь важныя услуги Людовику Баварскому противъ папы (т. VIII. стр. 137). Особенно рѣзко возставалъ Джонъ Болль на монашествующее и свѣтское духовенство, на рыцарей и богачей, выставляя народу свободу и равенство, какъ основаніе христіанскаго откровенія и характеристическую черту исторіи іудейскаго народа и первыхъ христіанъ съ апостолами. Это видно уже изъ одной поговорки, которая сложилась у крестьянъ, слушавшихъ его проповѣди:

„Гдѣ былъ дворянинъ, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла?“

Въ одно время съ Джономъ Боллемъ (съ 1360 г.) вмѣсто богословскихъ теорій проповѣдывалъ апостольское евангеліе Джонъ Уиклефъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ оксфордскаго университета. Но и личныя свойства и общественное положеніе обоихъ проповѣдниковъ были весьма различны: Джонъ Болль былъ простой, ревностный и неученый монахъ; Джонъ Уиклефъ уважаемый проповѣдникъ и ученый, дѣйствовавшій осторожно и хитро, могъ, какъ человѣкъ свѣдущій въ діалектикѣ и схоластикѣ

тогдашнихъ школъ, вступать въ состязаніе съ кѣмъ угодно на ученыхъ поединкахъ, или такъ называемыхъ диспутахъ. Вначалѣ Уиклефъ направлялъ свои проповѣди исключительно противъ злоупотребленій церковною властью, противъ богатства и роскоши свѣтскаго духовенства и разврата монашества. Но впослѣдствіи онъ напалъ съ научной и философской точки зрѣнія и на важные догматы, особенно на ученіе о пресуществленіи хлѣба въ св. причастіи, и образовалъ родъ монашескаго ордена, такъ называемое общество бѣднаго духовенства, проповѣдывавшее свое ученіе во всѣхъ графствахъ Англіи. Эти странствующіе проповѣдники боролись повсюду съ суевѣріемъ и монашествомъ и въ то же время распространяли переводъ нѣкоторыхъ главъ библіи, сдѣланный Уиклефомъ, который перевелъ впослѣдствіи и все священное писаніе для того, чтобы противопоставить его такъ называемому священному преданію. Къ этому обществу присталъ и Джонъ Болль, какъ скоро глава его, Уиклефъ, пріобрѣлъ вліяніе, послѣдователей и учениковъ.

Положеніе Англіи какъ нельзя болѣе благопріятствовало въ ту пору проповѣди реформаціи, потому что Іоаннъ Ланкастерскій покровительствовалъ враждебному римской церкви духовенству, и даже самъ парламентъ сообразовался въ своихъ дѣйствіяхъ съ его ученіемъ. Іерархія, какъ мы уже имѣли случай видѣть, могла быть обуздываема только въ одной Англіи, гдѣ король, дѣйствуя за одно съ націею, былъ весьма могуществен, а папа и духовенство были безсильны безъ поддержки народа. Тщетно Григорій XI издалъ грозную буллу противъ Уиклефа и его ученія, тщетно онъ предавалъ его, въ 1377 г., церковному суду; первыя лица Англіи, герцогъ ланкастерскій и графъ Перси Нортомберлендскій, вырвали осужденнаго Уиклефа изъ рукъ раздраженнаго духовенства и фанатиковъ. Но кромѣ этого покровительства, Уиклефа спасло еще и то, что онъ оплелъ свое ученіе цѣлою сѣтью исключеній, оговорокъ и объясненій, которыя какъ будто оставляли неприкосновенною самую сущность католицизма. Уиклефъ оставлялъ на второмъ

планѣ ту часть своего ученія, въ которой онъ сходился съ Джономъ Боллемъ, а именно: что наслѣдственная власть и наслѣдственное владѣніе землею не согласны съ апостольскимъ ученіемъ. Но за то онъ положительно утверждалъ, что духовенство не должно пользоваться ни землею, ни свѣтскою властію. Такое ученіе было какъ нельзя болѣе по душѣ феодаламъ, въ родѣ Перси и Ланкастера, рыцарству и землевладѣльцамъ; оно давало каноническія и научныя основанія насиліямъ, которыя они позволяли себѣ надъ духовенствомъ, и постояннымъ стремленіямъ ихъ ограничить власть папы и іерархіи. Обстоятельства сдѣлались еще благопріятнѣе для Уиклефа и позволили ему заговорить совсѣмъ другимъ языкомъ, когда парламентъ учредилъ родъ регентства при молодомъ королѣ Ричардѣ II и въ то же время по смерти Григорія XI (1378 г.) на его мѣсто были избраны двое враждебныхъ другъ другу папъ, которые, чтобы пріобрѣсть средства для взаимной борьбы, безсовѣстно злоупотребляли вѣрою народа въ святость церковной власти и механическіе религіозные обряды. Расколъ въ западной церкви повлекъ за собою въ Англіи установленіе чрезмѣрныхъ налоговъ и на церковныя имущества, возбудившее неудовольствіе аристократіи, младшіе сыновья которой жили, большею частью, доходами съ церковныхъ приходовъ; въ то же время, страшный для короля Ланкастеръ явно покровительствовалъ ученію, которымъ Уиклефъ хотѣлъ усовершенствовать догматы, нравы и іерархію церкви. Съ своей стороны и парламентъ принималъ рѣшительныя мѣры противъ злоупотребленій, которыя позволяли себѣ въ Англіи папа и духовенство (1380 г.). Онъ выслалъ всѣхъ чужеземныхъ монаховъ, проповѣдывавшихъ понятія, совершенно противныя идеямъ, которыя каждый англичанинъ всасывалъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Онъ издалъ, сверхъ того, актъ, отнимавшій у папы право раздавать иностранцамъ англійскіе приходы; но такъ какъ англійскій парламентъ не могъ приказывать главѣ церкви, то къ этому акту присоединено было постановленіе, которымъ отнималась у иностранцевъ, получавшихъ отъ папы приходы въ Англіи, всякая

возможность пользоваться ими, а англичанамъ формально воспрещалось брать въ аренду у иностранцевъ церковныя земли, или управлять ими.

Вліятельному, ученому и искусному Уиклефу удалось, благодаря покровительству вельможъ, счастливо избѣгнуть преслѣдованія, а простой, шумливый монахъ Джонъ Болль попалъ въ руки церковнаго судилища за то, что, какъ говорится нынѣ, проповѣдывалъ коммунизмъ и нажилъ себѣ враговъ въ духовенствѣ и богатыхъ классахъ. Онъ былъ потребованъ къ допросу, и такъ какъ ему никто не покровительствовалъ, то по распоряженію архіепископа его посадили въ тюрьму, откуда онъ никогда не вышелъ бы, еслибы не вспыхнуло новое всеобщее возстаніе. Это возстаніе началось вслѣдствіе того, что аристократія и духовенство, ни чѣмъ несдерживаемыя во время регентства своими угнетеніями довели до отчаянія крѣпостное населеніе. Первымъ поводомъ къ возстанію было жалкое состояніе финансовъ при несовершеннолѣтнемъ королѣ, Ричардѣ II. Чтобы вывести правительство изъ затрудненія, парламентъ согласился на новую подушную подать; но и этотъ налогъ, какъ обыкновенно бывало въ средніе вѣка, взимался такъ произвольно, что отъ него обогащались только откупщики и сборщики податей, а казна оставалась пустой. Для покрытія дефицита былъ установленъ новый налогъ, еще болѣе обременительный, и народъ, видя, что правительство стакнулось съ откупщиками и сборщиками податей на разореніе бѣдняковъ, потерялъ наконецъ всякое терпѣніе. Но и на этотъ разъ имъ удалось усмирить его и обмануть правительство; вмѣсто того, чтобы потребовать ихъ къ суду, король сталъ торговаться съ ними о суммѣ, которую они соглашались уплатить казнѣ, и устроилъ выгодную для себя сдѣлку съ народными кровопійцами. Они постарались вознаградить себя за этотъ убытокъ на крестьянахъ, поступая съ ними съ неслыханнымъ безчеловѣчіемъ и безсовѣстностью. Вся страна пришла въ волненіе; наконецъ, тяжелое оскорбленіе, нанесенное сборщиками податей въ Кентѣ семейству одного кровельщика, Уальтера, или

какъ его обыкновенно называли потомъ Уата Тайлера, сдѣлалось поводомъ къ возстанію (1381 г.). Уатъ Тайлеръ выгналъ оскорбившихъ его сборщиковъ и призвалъ народъ къ вооруженному сопротивленію. Вскорѣ возстаніе распространилось по всей Англіи, и Уатъ Тайлеръ сдѣлался предводителемъ цѣлой толпы собравшихся вокругъ него поселянъ, ремесленниковъ и рабочихъ. Они рѣшились итти въ Лондонъ и потребовать отъ короля отмѣны всей существовавшей системы налоговъ. На пути они освободили Джона Болля, и онъ сталъ проповѣдывать въ томъ же духѣ, въ какомъ проповѣдывалъ, въ наше время, у французовъ Ламенне; Джонъ Болль настаивалъ на совершенномъ измѣненіи существующаго порядка, отмѣнѣ всѣхъ налоговъ, раздѣлѣ собственности и истребленіи богатыхъ и знатныхъ. Раздраженныя толпы не замедлили приложить къ дѣлу эти теоріи: онѣ грабили имѣнія дворянства, жгли ленныя граматы и безжалостно убивали чиновниковъ. Противъ короля они не имѣли никакихъ замысловъ и желали только воспользоваться его вліяніемъ для достиженія своихъ цѣлей, но за то были страшно раздражены противъ настоящаго правителя, герцога ланкастерскаго. Подступивъ къ Лондону, подъ предводительствомъ Уата Тайлера, Джона Болля и еще одного священника, Джэка Строу, мятежники расположились лагеремъ на высотахъ Блэкгита и отправили депутацію звать къ себѣ короля. Съ Ричардомъ было очень немного рыцарей, ненавистный архіепископъ кентерберійскій и коммисаръ по сбору податей, изобрѣтатель послѣдняго обременительнаго налога. Король рѣшился послѣдовать приглашенію и отправился къ нимъ внизъ по Темзѣ, но, приблизясь къ мятежникамъ, не рѣшился выйти на берегъ и повернулъ назадъ. Раздраженныя толпы немедленно направились къ Лондону (12 іюня 1381 г.).

Лондонскій магистратъ хотѣлъ было запереть передъ мятежниками ворота, но чернь не допустила его до этого и присоединилась къ пришельцамъ, которые, въ продолженіе двухъ дней, неистовствовали въ городѣ, грабя, разоряя и убивая. Король со своимъ

совѣтомъ скрылся въ Тоуэрѣ, гдѣ и былъ осажденъ народомъ. У Ричарда не хватило энергіи послушаться совѣта лорда-мэра Уольуорта и напасть на чернь во главѣ рыцарей и лондонской буржуазіи, готовой защищать свою собственность, и поэтому, черезъ три дня, былъ вынужденъ вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ обѣщать мятежникамъ повсемѣстную отмѣну подушной подати и уничтоженіе крѣпостнаго права и барщины. Онъ долженъ былъ выдать ему даже своихъ вѣрныхъ друзей: нѣсколько сотъ человѣкъ вооруженныхъ пиками и дубинами, или вовсе не вооруженные, ворвались въ Тоуэръ и умертвили архіепископа и коммисара. Наконецъ мятежники потребовали отъ короля письменнаго засвидѣтельствованія сдѣланныхъ имъ уступокъ, и кромѣ того еще новыхъ льготъ, какъ-то: отмѣны права охоты и рыбной ловли, и не расходились до тѣхъ поръ пока обо всемъ этомъ не были составлены королевскіе указы. По совѣту окружающихъ, Ричардъ вышелъ со всею свитою, 15 іюня, изъ Тоуэра, чтобы предъ лицомъ всего народа заключить условія съ предводителями возстанія. Онъ остановился въ отдаленіи отъ толпы и къ нему, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился приблизиться Уатъ Тайлеръ. Нѣсколько храбрецовъ въ свитѣ короля воспользовались этимъ случаемъ, чтобы лишить возставшій народъ единственнаго человѣка, который не только пользовался неограниченнымъ вліяніемъ надъ нимъ, но и умѣлъ руководить военными дѣйствіями, привыкнувъ къ войнѣ въ французско-англійскую кампанію. Едва Уатъ Тайлеръ приблизился къ королю, какъ лордъ-мэръ Уольуортъ пронзилъ ему горло, и онъ палъ подъ ударами другихъ рыцарей. Это убійство оправдывали тѣмъ, что будто Уатъ Тайлеръ грозилъ королю своимъ короткимъ мечомъ. Узнавъ о гибели своего предводителя, народъ пришелъ въ ярость; но Ричардъ спасъ себя и своихъ несвойственнымъ ему присутствіемъ духа. Онъ тотчасъ же подъѣхалъ къ шумѣвшей толпѣ и сталъ увѣщевать ее, говоря, что самъ желаетъ быть ея вождемъ, на мѣсто убитаго, котораго онъ называлъ измѣнникомъ и разбойникомъ. Массы машинально послѣдовали за нимъ и онъ

вывелъ ихъ за городъ, гдѣ войску было удобно напасть на нихъ. Это войско немедленно составилось изъ привычной къ военному дѣлу буржуазіи, подъ предводительствомъ Уольуорта, а въ то же время подоспѣлъ съ конницею величайшій англійскій полководецъ того времени, Робертъ Ноллъзъ. Хотя королевскій отрядъ былъ весьма незначителенъ, но горсть хорошо вооруженнаго и опытнаго войска, какъ всегда, взяла верхъ надъ безпорядочною массою народа. Она была разбита въ нѣсколько мгновеній и разсѣялась такъ же быстро какъ собралась. Король тотчасъ взялъ назадъ свои уступки; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ верховный судья Трезиліенъ, по обыкновенію множества юристовъ всѣхъ эпохъ и государствъ, воспользовался своею ученостью не для спасенія, а для угнетенія невинности и сдѣлалъ изъ судейской власти топоръ палача, изъ Өемиды — Фурію... Въ числѣ первыхъ казненныхъ были Джонъ Болль и Джэкъ Строу. Бѣдный народъ подпалъ подъ прежнее иго, и отъ возстанія выиграли только одни вельможи, составлявшіе большинство парламента.

Король просилъ парламентъ облегчить бремя поселянъ и уничтожить стѣснительныя привилегіи землевладѣльцевъ; но парламентъ состоялъ, большею частію, изъ людей, которые теряли отъ этихъ реформъ, и потому точно такъ же противился уничтоженію привилегій, вызвавшихъ возстаніе, какъ противилась нынѣшняя англійская аристократія отмѣнѣ законовъ о хлѣбѣ. Они, впрочемъ, старались скрыть свою враждебность къ интересамъ народа, и сваливая всю вину съ землевладѣльцевъ на правительство, воспользовались обстоятельствами, чтобы освободиться отъ нѣкоторыхъ обязанностей, соединенныхъ съ владѣніемъ землею. Парламентъ утверждалъ, что причины народныхъ волненій кроются не въ тѣхъ обстоятельствахъ, какимъ приписываетъ ихъ правительство, а въ безпрестанныхъ требованіяхъ новыхъ налоговъ, расточительности двора и придворныхъ и терпимыхъ правительствомъ безчинствахъ наемнаго войска. Парламентъ настоялъ на уничтоженіи всѣхъ этихъ

злоупотребленій, отклонилъ новые налоги и принудилъ правительство не только согласиться на всѣ его требованія, но дать торжественное обязательство въ этомъ. Къ несчастью, правительство состоявшее изъ людей, избранныхъ случайно, или изъ любимцевъ короля, было лишено всякой энергіи; поэтому парламентъ получилъ огромное значеніе, которое до 1688 г. сохранялъ только при слабыхъ государяхъ. Англія, сдѣлавшаяся чисто аристократической въ концѣ семнадцатаго вѣка, не переставала быть вполнѣ монархическою, когда въ ней царствовали энергическіе государи. Во все царствованіе Ричарда II мы видимъ, что парламентъ, вмѣсто того чтобы давать совѣты и законы, постоянно грозитъ и порицаетъ правительство, а не рѣдко и буквально управляетъ дѣлами. Это случилось именно послѣ возстанія, когда лица, покровительствуемыя королемъ и правительствомъ, не смотря на всѣ данныя обѣщанія продолжали дѣйствовать по старому; вслѣдствіе этого, парламентъ не только воспротивился всѣмъ правительственнымъ мѣрамъ, но даже захватилъ на время въ свои руки все управленіе страной. Къ довершенію всего этотъ разрывъ между парламентомъ и правительстомъ произошелъ именно въ то время, когда и англійской церкви сталъ грозить расколъ.

Мы говорили, что Уиклефъ спасся отъ церковнаго суда, благодаря покровительству друхъ знатнѣйшихъ лицъ Англіи и уступкамъ, которыя онъ сдѣлалъ въ своемъ ученіи католицизму. Число его послѣдователей, или какъ ихъ обыкновенно называютъ, Лоллардовъ, стало сильно возрастать, и Уиклефъ сдѣлался смѣлѣе, расчитывая на раздраженіе народа противъ духовенства, пользовавшагося землями и десятинами. Онъ проповѣдывалъ также противъ ученія о св. причастіи и о чудесномъ дѣйствіи пастырскаго разрѣшенія отъ грѣховъ; наконецъ, такой же случай, какой впослѣдствіи сдѣлалъ реформаторомъ Лютера, доставилъ ему множество приверженцевъ. Незадолго до возстанія, папа прислалъ въ Англію легата для совершенія бракосочетанія короля Ричарда II съ одною изъ дочерей императора Карла IV, но преимущественно для того,

чтобы собрать въ Англіи какъ можно болѣе денегъ продажею индульгенцій. Легатъ должно быть исполнялъ возложенное на него порученіе весьма усердно, потому что даже враждебный Уиклефу историкъ, монахъ Уольсингэмъ, не находитъ словъ для выраженія наглости и безсовѣстности папскихъ спекуляцій. Подобное злоупотребленіе іерархическою властью было весьма выгодно для Уиклефа и этимъ объясняется, что, не взирая на преслѣдованіе Джона Болля и другихъ, проповѣди его о необходимости церковной реформы сдѣлались гораздо смѣлѣе именно въ то время, когда неудалась государственная реформа. На то же самое указываетъ и Уольсингэмъ, приписывая возстаніе Уата Тайлера и распространившееся по всей Англіи народное волненіе проповѣдямъ Уиклефа, какъ приписываютъ французскую революцію философамъ восемнадцатаго вѣка, или сопротивленіе германскихъ народовъ своимъ правительствамъ—такъ называемымъ раціоналистамъ. Уиклефъ обнародовалъ тогда семь предложеній (тезисовъ), направленныхъ противъ злоупотребленій римской церкви, раздачи иностранцамъ и кардиналамъ англійскихъ приходовъ, противъ папскихъ налоговъ, индульгенцій и всякаго вывоза денегъ изъ Англіи. Благороднѣйшіе изъ англичанъ, справедливо гордившіеся человѣческимъ достоинствомъ и національными правами, немедленно признали эти предложенія выраженіемъ ихъ собственныхъ мнѣній и стали смотрѣть на Уиклефа, какъ на защитника ихъ правъ противъ притязаній папы и клерикаловъ. Слабому правительству и духовнымъ судамъ было опасно въ такихъ обстоятельствахъ возбуждать преслѣдованіемъ любимаго проповѣдника народъ, и безъ того сильно раздраженный противъ духовенства. Кромѣ того, ученіе Уиклефа защищали канцлеръ оксфордскаго университета, Николай Гертфордъ, и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ канониковъ въ Лейстерѣ, утверждавшіе, что оно основано на библіи, которую Уиклефъ, подобно Лютеру, перевелъ и распространилъ въ народѣ. Лондонскій епископъ покусился было нарядить судъ надъ еретикомъ, но по настоянію буржуазіи преслѣдованіе было

тотчасъ же прекращено лордомъ-мэромъ. Архіепископъ кентербёрійскій также былъ публично осмѣянъ, когда вздумалъ прибѣгнуть къ высшей духовной власти, и городская полиція жестоко отмстила духовенству, арестовавъ его любовницъ и выставивъ ихъ на позоръ, какъ публичныхъ женщинъ. Наконецъ духовенству пришлось призвать на помощь парламентъ, въ которомъ оно пользовалось огромнымъ вліяніемъ. Парламентъ, единственно изъ ненависти къ Ланкастеру, издалъ въ 1382 г. актъ, которымъ приказывалъ свѣтскимъ судебнымъ мѣстамъ оказывать возможное содѣйствіе судамъ духовнымъ; но друзья Ланкастера ввели въ этотъ законъ такое множество ограниченій, что обвиненному было не трудно прикрыться мнимою покорностью церкви и облечь прямой смыслъ своего ученія покровомъ схоластическихъ тонкостей. Судьба двухъ ученѣйшихъ поборниковъ библіи противъ ученія церкви показываетъ намъ, какъ велика была ненависть духовенства противъ проповѣдниковъ евангельскаго ученія и какъ сильно было покровительство, оказываемое имъ Ланкастеромъ. До Уиклефа не добрались, потому что онъ умеръ (1384 г.) прежде, чѣмъ Ланкастеръ уѣхалъ изъ Англіи для предъявленія своихъ правъ на Кастилію; но Николай Гертфордъ, уже спасенный однажды Ланкастеромъ, былъ схваченъ въ его отсутствіе и, по приговору суда, заключенъ въ тюрьму, откуда уже не вышелъ. Библейское ученіе и новый переводъ библіи распространились, къ негодованію папистовъ, по всей странѣ; расколъ сдѣлался явнымъ и число лоллардовъ, среди безпрестанныхъ раздоровъ парламента съ правительствомъ, возрастало тысячами.

Въ пораженіи крестьянъ передъ Лондономъ королю была предоставлена главная роль. Это доставило несовершеннолѣтнему и неспособному Ричарду возможность раздавать своимъ любимцамъ помѣстья и должности и назначать самому министровъ, которые обыкновенно были назначаемы парламентомъ и составляли всегда родъ олигархіи. Произволъ короля вызвалъ между нимъ и парламентомъ столкновенія и безконечныя распри по вопросамъ администраціи

и государственнаго устройства, стоившія народу многихъ бѣдствій, но въ то же время содѣйствовавшія основанію законной свободы. Вслѣдствіе этихъ раздоровъ, партіямъ пришлось принимать въ члены парламентскихъ коммисій, учреждаемыхъ по различнымъ поводамъ, представителей средняго сословія, которые прежде не допускались въ нихъ; среди этихъ смутъ установилась отвѣтственность министровъ, не на однихъ только словахъ, а законнымъ порядкомъ, посредствомъ уголовнаго процесса.

Каждая парламентская сессія вызывала новые раздоры, все равно, король ли или парламентъ назначалъ кабинетъ, состоявшій изъ канцлера, лорда казначейства, хранителя печати, оберкаммергера и оберъ-гофмейстера, потому что, въ обоихъ случаяхъ, управленіе шло дурно. Молодой король утопалъ въ пышности и роскоши; дворъ его, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ на одной кухнѣ были заняты нѣсколько сотъ человѣкъ, отличался восточнымъ блескомъ и истощалъ казну. Слабый и расточительный Ричардъ былъ къ тому же опрометчивъ и имѣлъ неосторожность поссориться со своими дядями, Іоанномъ Ланкастерскимъ и Томасомъ Бокингэмомъ. Впрочемъ, первый вскорѣ послѣ того уѣхалъ на время изъ Англіи, для предъявленія своихъ правъ на Кастилію (т. VIII. стр. 441). Наконецъ король возстановилъ противъ себя всѣхъ чрезмѣрнымъ покровительствомъ двумъ любимцамъ, Роберту де Виру и Михаилу де ла Поль. Эти молодые люди были ненавистны англійской аристократіи уже по одному тому, что не принадлежали къ знати и даже не имѣли связей въ рыцарскомъ сословіи. Перваго Ричардъ сдѣлалъ маркизомъ дублинскимъ (1385 г.), а вслѣдъ затѣмъ герцогомъ ирландскимъ и предоставилъ ему за небольшую дань всѣ доходы съ этого острова. Второго, который былъ уже канцлеромъ, Ричардъ возвелъ въ достоинство графа Суффолька и назначилъ ему значительную пенсію изъ казны. Чтобы прикрыть чѣмъ нибудь это пристрастіе, король сдѣлалъ въ то же время своихъ дядей: Томаса Бокингэма — герцогомъ глостерскимъ и графа Эдмунда Кембриджскаго,

герцогомъ іоркскимъ, а сына Ланкастера, Генриха Болингброка, графомъ Дерби. Все это не принесло пользы ни королю, ни его любимцамъ, потому что канцлеръ Михаилъ де ла Поль сдѣлалъ грубую политическую ошибку, отказавъ гражданамъ Гента въ обѣщанной имъ помощи противъ Франціи для того, чтобы имѣть возможность обращать въ свою пользу казенныя деньги, и принудивъ ихъ покориться врагамъ. Самой Англіи грозила непріятельская высадка, потому что война съ Франціею велась очень дурно; кромѣ того, на сѣверѣ, шотландцы производили опустошительные набѣги на англійскія земли, а въ Ирландіи правительство утратило все вліяніе, благодаря легкомысленному расточенію мѣстныхъ средствъ. Все это вызвало въ 1386 г. возстаніе противъ министерства герцога глостерскаго. Парламентъ потребовалъ распущенія министерства и рѣшился даже обвинить графа Суффолька предъ судомъ верхней палаты. Упрямый король съ гордостью отвѣтилъ на это требованіе, что онъ не отрѣшилъ бы въ угоду парламенту даже послѣдняго своего поваренка и скорѣе помирится съ французскимъ королемъ и попроситъ у него вспомогательнаго войска для утвержденія своей власти, чѣмъ подчинится предписаніямъ парламента. Но парламентъ настаивалъ на своемъ и Ричарду пришлось наконецъ уступить, потому что, въ средніе вѣка, у государей не было постоянныхъ войскъ, повиновавшихся бы, подобно современнымъ арміямъ, одному государю и вполнѣ отъ него зависѣвшимъ.

Графъ Суффолькъ былъ отрѣшенъ отъ должности и приговоренъ къ денежной пенѣ, а король долженъ былъ согласиться на учрежденіе изъ членовъ парламента коммисіи, которая на цѣлый годъ взяла въ свои руки правительственную власть съ правомъ обсуживать и отмѣнять, по своему усмотрѣнію, всѣ награды, назначенія къ должностямъ и даже судебные приговоры по дѣламъ, касавшимся интересовъ государственнаго казначейства. Тогда король и его любимцы рѣшились прибѣгнуть къ ученому юристу Трезиліену, оказавшему послѣ крестьянскаго возстанія столь

важныя услуги монархической власти. Ричардъ отправился вмѣстѣ съ нимъ и другими своими друзьями въ Ноттингэмъ и тайно перезвалъ къ себѣ англійскихъ судей, которые, повинуясь убѣжденіямъ Трезиліена, выразили мнѣніе, что поступки парламента противны основнымъ законамъ страны (августъ 1387 г.). Ричардъ желалъ обнародовать это мнѣніе не прежде, какъ по арестованіи и преданіи суду виновниковъ парламентскаго постановленія, вырвавшаго у него правительственную власть. Но Глостеръ, узнавъ о томъ, что затѣвалось, явился съ войскомъ въ Лондонъ, куда уже вернулся король, и принудилъ его объявить подлежащими суду всѣхъ, кто содѣйствовалъ составленію или приведенію въ исполненіе поданнаго въ Ноттингэмѣ мнѣнія. Всѣ эти лица успѣли однако бѣжать изъ Лондона и король втайнѣ поручилъ имъ собрать войско для его освобожденія. Герцогу ирландскому удалось собрать пять тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ и подступилъ къ Лондону, но это войско было разбито и разсѣяно удачнымъ маневромъ графа Дерби, Генриха Болингброка. Дѣло приверженцевъ короля было потеряно. Трое изъ нихъ, герцогъ ирландскій, графъ Суффолькъ и архіепископъ іоркскій, успѣли бѣжать изъ Англіи и не возвращались въ нее никогда; безчеловѣчнаго Трезиліена постигла вполнѣ заслуженная имъ участь: онъ былъ казненъ по повелѣнію парламента, или вѣрнѣе, вліятельныхъ лицъ, руководившихъ парламентомъ и захватившихъ въ свои руки правленіе. Таже участь постигла и многихъ другихъ. Заключенія, конфискаціи, казни безпрерывно слѣдовали другъ за другомъ, даже верховные судьи Англіи подверглись аресту; однимъ словомъ, аристократія неистовствовала точно такъ же какъ, не задолго передъ тѣмъ, демократія, въ лицѣ Джона Болля и его радикаловъ. Парламентъ снова учредилъ надъ королемъ опеку и, присвоивъ себѣ законодательную, судебную и административную власть, дѣйствовалъ съ такимъ деспотизмомъ и жестокостью, что заслужилъ у потомства прозвище *немилосердаго*. По распущеніи парламента, настоящимъ правителемъ сдѣлался Глостеръ, такъ какъ учрежденная

парламентомъ правительственная коммисія находилась совершенно подъ его вліяніемъ. Наконецъ, черезъ годъ, король предпринялъ рѣшительный шагъ. Замѣтивъ вскорѣ, что нація вовсе недовольна правленіемъ принцевъ и аристократіи, Ричардъ рѣшился по достиженіи совершеннолѣтія освободиться изъ подъ опеки. Онъ созвалъ, въ маѣ 1389 г., торжественный сеймъ и объявивъ на немъ, что по достиженіи наконецъ законнаго возраста принимаетъ въ свои руки правительственную власть, распустилъ регентство и назначенное парламентомъ министерство. Этотъ поступокъ былъ для всѣхъ такою неожиданностью, что никто не осмѣлился возражать, хотя всѣ имѣли поводъ опасаться, что, управляя страною, Ричардъ будетъ сообразоваться не съ желаніями, потребностями, законами и обычаями націи, а только съ своими личными прихотями.

6. Франція и Фландрія послѣ битвы при Роозебееке.

Послѣ блистательной побѣды французскаго рыцарства надъ гражданами Гента и варварскаго наказанія Парижа и Руана (т. VIII. стр. 425), какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Франціи были установлены налоги, распредѣлявшіеся и взимавшіеся не уполномоченными отъ штатовъ, какъ дѣлалось до того времени, а королевскими коммисарами. Это возмутило все народонаселеніе южной Франціи, но оно все-таки должно было склониться подъ тѣмъ же игомъ, изъ подъ котораго тщетно старались высвободиться сѣверныя провинціи королевства. Правительство воспользовалось только что потушеннымъ возстаніемъ оборванцевъ и усмиреніемъ волненій въ городахъ южной Франціи, походившихъ на прежніе имперскіе города Германіи (т. VIII. стр. 423), чтобы, грозя участью Парижа и Руана, вынудить у нихъ деньги.

Въ то время, какъ во Франціи среднее сословіе снова смирялось предъ королевскою властью и буйнымъ дворянствомъ, фла-

мандцы продолжали упорно сопротивляться. По удаленіи французскаго войска, жители Гента обратились къ Англіи за помощью и нашли ее, благодаря двумъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Просьба ихъ пришла въ то самое время, когда воинственная англійская аристократія, покончивъ съ крестьянскимъ возстаніемъ, искала себѣ другаго занятія, а расколъ въ церкви далъ поводъ епископу норвичскому, Генриху Спенсеру, призвать дворянство къ крестовому походу на французовъ. Мы говорили, что римскую тіару оспаривали въ то время другъ у друга двое папъ: одинъ изъ нихъ, Урбанъ VI, былъ признанъ Англіею, а другой, Климентъ VII — Франціею. Въ 1383 г. оба противника стали проповѣдывать другъ противъ друга крестовый походъ. Въ Англіи составилось войско крестоносцевъ, въ которое, кромѣ безчисленной толпы черни, всегда состоявшей въ распоряженіи средневѣковыхъ феодаловъ, вошло нѣсколько тысячъ человѣкъ отборнаго рыцарства. Во главѣ его въ качествѣ гонфалоньера или знаменосца церкви, сталъ Генрихъ Спенсеръ. Но вмѣсто того, чтобы направиться во Францію, эти крестоносцы вступили во Фландрію, не столько для того чтобы поддерживать Гентъ противъ графа и французовъ, сколько въ надеждѣ поживиться легкою добычею (май 1383 г.). Они при первой же встрѣчѣ разбили графа фландрскаго Людовика, который снова обратился за помощью къ своему сюзерену Карлу VI Французскому. Карлъ немедленно собралъ войско и вассалы его тѣмъ охотнѣе явились на этотъ зовъ, что дѣло шло о крестовомъ походѣ на защиту ихъ папы. Французское войско далеко превосходило численностью небольшой отрядъ англичанъ. Однако англичане рѣшились сразиться съ нимъ, полагаясь на обѣщаніе своего короля выступить вслѣдъ за ними со всѣмъ государственнымъ ополченіемъ. Ричардъ, впрочемъ, не сдержалъ слова, а послалъ во Фландрію только своего дядю Ланкастера для переговоровъ о мирѣ или перемиріи. Этотъ миръ былъ заключенъ, въ 1384 г., въ мѣстечкѣ Лолингенѣ, чрезъ нѣсколько дней по смерти графа фландрскаго, и простирался на союзниковъ обѣихъ державъ, то есть на шот-

ландцевъ и кастильцевъ съ одной, и гражданъ Гента съ другой стороны. Обстоятельства смерти графа Людовика замѣчательны потому, что рисуютъ намъ нравы этого рыцарскаго времени и обычаи знатнѣйшихъ французскихъ феодаловъ. Людовикъ поссорился однажды съ герцогомъ беррійскимъ, дядею французскаго короля, по поводу ленной зависимости булонскаго графства отъ Фландріи, и герцогъ съ такою яростью пустилъ въ него ножомъ, что Людовикъ умеръ на мѣстѣ. Не смотря на перемиріе, война продолжалась и во Фландріи и на шотландскихъ границахъ, такъ какъ республиканцы Гента не соглашались подчиниться условіямъ, утвержденнымъ за нихъ англичанами, а шотландскіе феодалы и рыцари, для которыхъ война была ремесломъ, не прекращали набѣговъ на Англію. Противъ шотландцевъ герцогъ ланкастерскій предпринялъ неудачный и разорительный походъ и по этому поводу поссорился съ Генрихомъ Перси, графомъ Нортемберлендскимъ, прозваннымъ за свою рыцарскую доблесть Готспёромъ (Hotspur — Горячая Шпора). Перси не былъ въ состояніи защитить отъ шотландцевъ пограничной крѣпости Бервика, и Ланкастеръ потребовалъ его къ суду пэровъ, которые объявили его лишеннымъ лена и чести. Впослѣдствіи онъ отбилъ эту крѣпость и былъ помилованъ, но все-таки остался смертельнымъ врагомъ Ланкастера. Во Фландріи, граждане Гента отказались подчиниться герцогу Филиппу Бургундскому, предъявившему свои права на Фландрію, въ качествѣ зятя покойнаго Людовика III. Съ помощью своего союзника, графа геннегаускаго, республиканцы распространили свое вліяніе по всей Фландріи, и глава ихъ, Аккерманъ, сдѣлался могущественнѣе многихъ государей того времени.

Когда кончился срокъ перемирія между Англіею и Франціею (1385 г.), Карлъ VI отвергъ всѣ попытки продлить его и сталъ немедленно готовиться къ высадкѣ въ Англію. Снарядивъ флотъ подъ командою адмирала Жана де Віенна, онъ отправилъ на немъ въ Шотландію толпу авантюристовъ подъ начальствомъ Ангерана де Куси. Этотъ флотъ прибылъ къ берегамъ Шотландіи

уже послѣ того какъ англичане, мстя своимъ сосѣдямъ за ихъ набѣги, обратили въ пустыню всю обработанную землю и даже лѣсистую часть южной Шотландіи. Французы, высадившись на берегъ, вскорѣ стали терпѣть нужду и поссорились съ самими шотландцами. Однако союзники сдѣлали общій набѣгъ на Англію и такъ страшно свирѣпствовали въ ней, что противъ нихъ созвали, наконецъ, всѣ военныя силы Англіи. Французы вернулись къ себѣ прежде, чѣмъ это войско прибыло въ Шотландію, а шотландскій король удалился во внутренность королевства, чтобы выждать тамъ окончанія срока ленной службы англійскихъ вассаловъ. Англичане проникли до самаго Эдинбурга, опустошивъ на пути всю страну. Но едва стало расходиться англійское войско, какъ по пятамъ его двинулись въ Англію толпы шотландскихъ авантюристовъ, получившихъ денежную помощь отъ французовъ. Грозная высадка французовъ неудалась по многимъ причинамъ, а въ особенности потому, что Филиппъ Бургундскій думалъ употребить французскія войска противъ Гента, чтобы, или овладѣть своимъ наслѣдіемъ, Фландріею, или принудить ее къ заключенію мира. Король лично предводительствовалъ войскомъ въ эту кампанію и началъ ее взятіемъ только что завоеваннаго гентцами городъ Дамма. Филиппу чрезъ посредство своихъ приверженцевъ удалось доставить перевѣсъ въ Гентѣ противникамъ англичанъ и добиться того, что Аккерману и двумъ другимъ расположеннымъ къ новому графу гражданамъ поручено было вступить въ переговоры. Онъ нашелъ средство связать свою честь, или вѣрнѣе, честь своей жены съ выгодами почти независимыхъ фландрскихъ городовъ и добился наконецъ мира (осенью 1385 г.). За Филиппомъ были признаны права графа фландрскаго надъ свободными городами, равнявшіяся правамъ германскаго императора надъ имперскими, а Филиппъ, съ своей стороны, не только утвердилъ за гражданами Гента и другихъ союзныхъ съ нимъ городовъ всѣ ихъ прежнія льготы, но и увеличилъ ихъ еще новыми уступками.

Послѣ этого французы возобновили приготовленія къ высадкѣ

въ Англію, снарядивъ еще съ бо́льшими противъ прежняго издержками новое войско и флотъ (1386 г.). Но это предпріятіе не осуществилось, потому что герцогъ беррійскій пріѣхалъ къ войску тогда только, когда позднее, осеннее время не позволяло уже и думать о переправѣ. Вслѣдствіе этой задержки французы лишились весьма многаго, потому что въ это самое время въ Англіи возобновились волненія, а шотландцы втройнѣ отмстили сосѣдямъ за разореніе родины новымъ вторженіемъ въ Англію, ознаменовавъ его безпощаднымъ опустошеніемъ и блистательными побѣдами, доставившими имъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, Перси Нортомберлендскаго. Въ слѣдующемъ году, коннетабль Оливье дю Клиссонъ пристыдилъ французскаго короля и его дядей, предпринявъ на свой счетъ походъ въ Англію съ тремя тысячами солдатъ. Къ счастью, ему помѣшалъ исполнить этотъ планъ бретанскій герцогъ Жанъ де Монфоръ, который хотя и былъ ленникомъ Франціи, но смотрѣлъ на свои обязанности къ французскому королю точно такъ же, какъ германскіе герцоги и маркграфы смотрѣли на свои отношенія къ императору. Не смотря на участіе во фландрскомъ походѣ, Монфоръ находился въ тѣсномъ союзѣ съ Ланкастеромъ и ненавидѣлъ коннетабля, къ которому были нерасположены и герцоги беррійскій и бургундскій. Монфоръ велѣлъ предательски схватить коннетабля, который былъ его вассаломъ, и заключить его въ темницу, надѣвъ на него тройныя оковы. Тамъ ему каждый день грозили смертью, пока наконецъ онъ, по требованію герцога, не согласился отдать ему нѣсколько за́мковъ и уплатить сто тысячъ франковъ золотомъ. Это, разумѣется, разрушило всѣ планы дю Клиссона и ему пришлось распустить войска. Вслѣдствіе интригъ герцоговъ, коннетабль получилъ удовлетвореніе лишь въ слѣдующемъ году и то на половину: бретанскаго герцога заставили только возвратить ему за́мки и уплатить взятыя у него деньги, по частямъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Въ 1388 г. съ Англіею было заключено перемиріе, которое впослѣдствіи было еще продолжено.

Но если французское правительство, какъ показываетъ поступокъ Жана де Монфора, и было слишкомъ слабо, чтобы защитить слабаго подданнаго отъ сильнаго вассала, то оно было достаточно сильно, чтобы отнимать собственность у тѣхъ, кто не могъ защищать ее. Такимъ образомъ оно обобрало Карла III, сына и наслѣдника наваррскаго короля Карла Злаго, который, не смотря на всѣ преступленія, удержалъ за собою до самой смерти (1387 г.) свои французскія владѣнія. Правители Франціи воспользовались его смертью, чтобы поступить съ невиннымъ сыномъ такъ, какъ они не посмѣли поступить съ виновнымъ отцомъ. Планъ ихъ былъ составленъ самымъ коварнымъ образомъ: притворившись, что имъ ничего неизвѣстно о смерти Карла Злаго, они предали его суду за множество преступленій, постановили надъ нимъ приговоръ и лишили его, повидимому вполнѣ законно, всѣхъ его владѣній, которыхъ иначе не могли бы отнять у его невиннаго сына.

Французскій король былъ совершеннолѣтнимъ только по имени, управленіе же находилось по прежнему въ рукахъ герцоговъ Бурбона, беррійскаго и бургундскаго. Двое послѣднихъ пользовались именемъ короля только для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, жертвуя для нихъ всѣмъ остальнымъ. Впрочемъ, главнымъ правителемъ былъ Филиппъ Бургундскій; герцогъ беррійскій только по временамъ являлся ко двору, оставаясь большею частью въ лангедокскомъ намѣстничествѣ, гдѣ, подобно своему предшественнику, Людовику Анжуйскому, наживалъ деньги. Разоривъ въ конецъ эту страну, онъ довелъ ее до того, что Карлъ былъ вынужденъ отрѣшить его отъ званія намѣстника (1389 г.). Положеніе Лангедока при этомъ правительствѣ походило на положеніе многихъ германскихъ государствъ. Своими притѣсненіями герцогъ довелъ жителей до отчаянія и до мысли о выселеніи изъ страны; каждый зàмокъ сдѣлался гнѣздомъ хищниковъ; авантюристы бродили по намѣстничеству, опустошая всю страну; англичане, владѣвшіе зàмками въ Лимузенѣ, Оверни и Керси, грабили эти провинціи,

а герцогъ, вмѣсто того, чтобы сражаться съ ними, продалъ имъ эти области за сто пятьдесятъ тысячъ франковъ золотомъ.

За годъ до удаленія герцога беррійскаго, Карлу VI пришла та же мысль, какъ и Ричарду II. Онъ единовременно съ нимъ рѣшился взять въ свои руки управленіе государствомъ, оставивъ при себѣ, изъ трехъ своихъ опекуновъ, только одного герцога Бурбона и удаливъ остальныхъ двухъ отъ дѣлъ и отъ двора (1388 г.). Этотъ рѣшительный шагъ, по обыкновенію радостно привѣтствованный народомъ, имѣлъ послѣдствіемъ удаленіе всѣхъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ двумя бывшими регентами, и составленіе новаго, государственнаго совѣта.

VI. ИТАЛІЯ И ГЕРМАНІЯ ОТЪ ПАПЫ УРБАНА V

ДО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА ВЪ ПИЗѢ.

---

1. Неаполь и Сицилія.

Вскорѣ послѣ неудачнаго предпріятія Іоанны I и мужа ея, Людовика Тарентскаго, противъ Сициліи (т. VIII. стр. 189) въ неаполитанскомъ королевствѣ начались внутреннія волненія. Одинъ изъ братьевъ короля стремился захватить въ свои руки непринадлежавшую ему власть; бароны враждовали между собою, а двоюродный братъ короля, Людовикъ Дураццо, возмутился за то, что ему не придавали должнаго, по его мнѣнію, значенія; родовое владѣніе Іоанны, Провансъ, давно уже было предано на жертву наемнымъ шайкамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ умеръ Людовикъ Тарентскій (1362 г.). Людовикъ строго обуздывалъ мотовство жены, ограничилъ ея вліяніе на государственныя дѣла и даже подвергалъ её тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ простую женщину. Поэтому, избирая третьяго мужа, Іоанна искала человѣка, котораго бы она могла подчинить себѣ точно такъ же, какъ была подчинена сама Людовику. Она полагала, что нашла его въ извѣстномъ намъ изъ испанской исторіи принцѣ маіоркскомъ, Іаковѣ III (т. VIII. стр. 436). Вдвойнѣ тяготясь бѣдностью при

своемъ желаніи овладѣть Маіоркою, Іаковъ не только принялъ предложеніе королевы, красота которой уже давно отцвѣла, но согласился и на всѣ ея условія. Ему не предоставлялось ни титула неаполитанскаго короля, ни участія въ управленіи. Но, поселившись въ Неаполѣ, онъ тотчасъ же поссорился съ женою и ея родственниками и въ слѣдующемъ же году вернулся въ Кастилію добиваться Маіорки; тамъ онъ попалъ въ плѣнъ къ Генриху Трастамарскому. Іоанна выкупила его за сорокъ тысячъ дукатовъ, но онъ и тогда не оставилъ своего плана, не смотря на происходившія изъ-за того неудовольствія съ женою, съ которою онъ жилъ въ постоянной ссорѣ. Чтобы вылечить его отъ неугомоннаго честолюбія, Іоанна прибѣгла къ средству, совершенно подобному тому, которое примѣнялъ къ ней самой ея второй мужъ, чтобы обуздать ея чувственность, и болѣе полугода продержала Іакова въ заточеніи. Результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ же: ни Людовикъ Тарентскій не исправилъ побоями своей жены, ни Іоанна не исправила заключеніемъ неугомонной натуры Іакова. Удалившись во Францію, онъ предпринялъ оттуда новый походъ въ Арагонію и послѣ этого неудавшагося предпріятія умеръ въ Кастиліи въ 1374 г.

Возвращеніе въ Римъ расположеннаго къ Іоаннѣ папы Урбана V (1367 г.) дало ей новую опору; но почти въ то же время ей стала угрожать новая опасность. Амвросій Висконти, побочный сынъ миланскаго герцога Варнавы, призвалъ къ себѣ дружину Гауквуда (т. VIII. стр. 321) и, страшно опустошивъ съ нею Тоскану и церковную область, ворвался въ неаполитанское королевство. Іоанна соединилась противъ этихъ разбойниковъ съ Урбаномъ V; папа нанялъ множество авантюристовъ, а Іоанна призвала къ оружію своихъ вассаловъ. Соединенныя папскія и неаполитанскія войска одержали, въ 1369 г., рѣшительную побѣду надъ Амвросіемъ. Шайка его разсѣялась и самъ онъ попался въ плѣнъ. Но освобожденный вскорѣ Іоанной, онъ снова сталъ играть главную роль въ опустошительныхъ вой-

нахъ верхней Италіи. Что касается до папы, то онъ казнилъ частью на мѣстѣ, а частью впослѣдствіи, до шести сотъ плѣнныхъ солдатъ Амвросія. Для обезпеченія своего спокойствія, и папа, и неаполитанская королева должны были нанять другія подобныя дружины. Это привлекло въ Италію новыя толпы авантюристовъ со всѣхъ концовъ Европы, гдѣ военное ремесло было неразрывно связано съ грабежомъ. Старый папа былъ, наконецъ, до того стѣсненъ и утомленъ вѣчными безпорядками и тревогами, которымъ подвергался въ Римѣ, что незадолго до кончины сдался на убѣдительныя настоянія французскихъ кардиналовъ и вернулся въ Авиньонъ (1370 г.). Впрочемъ тамъ, особенно въ Провансѣ, было еще хуже чѣмъ въ Италіи: Іоанна была слишкомъ занята въ Неаполѣ, чтобы думать о Провансѣ, и потому эта страна была предана на жертву полной анархіи, грабежу и разоренію, такъ что провансіе штаты были вынуждены въ 1367 г. перевесть поселянъ въ укрѣпленныя мѣста и сжечь всѣ деревни, не защищенныя стѣнами или замками.

Съ пораженіемъ Амвросія, въ неаполитанскомъ королевствѣ водворилось на нѣкоторое время спокойствіе. Іоанна положила даже конецъ непріязненнымъ отношеніямъ къ Сициліи. Сицилійскій король Фридрихъ III (т. VIII. стр. 192), человѣкъ слабый, болѣзненный и слабоумный, имѣлъ много хлопотъ и внутри государства; власть его держалась только множествомъ каталонскихъ авантюристовъ (т. VIII. стр. 106), поселившихся на островѣ и постоянно враждовавшихъ съ сицилійскою знатью, особенно съ фамиліею Кіарамонти. Въ этихъ распряхъ обѣ стороны занимались разбоемъ. По этому Фридрихъ согласился въ 1372 г. заключить миръ съ Іоанною. Онъ не только призналъ за нею верховную власть надъ Сициліею и согласился уступить ей титулъ сицилійской королевы, принявъ самъ титулъ короля Тринакріи, но и объявилъ себя вассаломъ Неаполя и римскаго престола, обязавшись уплачивать и тому и другому ежегодную дань. Папа Григорій XI, преемникъ Урбана V, разумѣется, утвердилъ этотъ договоръ и

снялъ долго тяготѣвшее надъ Сициліею отлученіе отъ церкви (т. VII. стр. 307). Но въ то же время онъ постановилъ такія тяжкія условія относительно замѣщенія духовныхъ должностей и распоряженія церковными имѣніями и доходами, что Фридрихъ III рѣшился только черезъ два года придать законную силу этому договору, обнародовавъ его.

Старинный врагъ Іоанны, венгерскій король Людовикъ Великій (т. VIII. стр. 181), ухватился за этотъ мирный договоръ, чтобы снова начать съ нею споръ. Онъ упорно отказывался признать Фридриха сицилійскимъ королемъ и требовалъ отъ Іоанны уступки Прованса и другихъ земель. Чтобы смягчить его, Іоанна, не имѣвшая дѣтей, назначила наслѣдникомъ одного изъ принцевъ своей фамиліи, къ которому Людовикъ былъ весьма расположенъ и котораго онъ, повидимому, самъ прочилъ себѣ въ преемники. Это былъ Карлъ Малый, племянникъ зятя Іоанны, Карла Дураццо, женившійся не задолго до того на его дочери и наслѣдницѣ венгерскаго короля Маргаритѣ. Хотя Людовикъ и отказался послѣ того отъ своихъ требованій, но королева, не довѣря ни ему, ни принцу Карлу, вернувшемуся въ Венгрію, рѣшилась искать себѣ поддержки въ четвертомъ супружествѣ и выбрать мужемъ храбраго человѣка, который пользовался бы вліяніемъ на авантюристовъ, составлявшихъ въ ту эпоху итальянскія войска, и могъ бы, въ случаѣ надобности, легко собрать военную силу и принять надъ ней начальство. Королевѣ рекомендовали извѣстнаго въ то время рубаку, принца Оттона Брауншвейгскаго, который былъ вначалѣ рыцаремъ тевтонскаго ордена, потомъ подвизался въ Парижѣ, при королѣ Іоаннѣ, и, наконецъ, служилъ папѣ и маркграфу монферратскому въ качествѣ предводителя итальянскихъ кондотьеровъ (т. VIII. стр. 323). Іоанна и ему, какъ несчастному королю Маіорки, предложила свою руку безъ королевской власти, и хотя такое предложеніе со стороны пятидесятилѣтней женщины было не слишкомъ заманчиво, Оттонъ принялъ его. Онъ женился, въ 1376 г., на

Іоаннѣ, получилъ титулъ герцога тарентскаго и, не имѣя ничего кромѣ своего меча, былъ обезпеченъ этимъ и другими ленами.

Черезъ два года (1378 г.), по смерти папы Григорія XI, возникъ въ западной церкви расколъ, взволновавшій всю Европу и имѣвшій непосредственное вліяніе на судьбу неаполитанскаго королевства. Кардиналы, въ томъ числѣ одиннадцать французовъ, избрали папою Урбана VI; но едва вступивъ на престолъ, этотъ папа своими насильственными поступками оскорбилъ большинство кардиналовъ, неаполитанскую королеву и римскій народъ. Двѣнадцать кардиналовъ вступили въ заговоръ съ Іоанною, которой грозили войной тѣсныя сношенія папы съ Карломъ Малымъ и венгерскимъ королемъ, и избрали, въ Ананьи, новаго папу, Климента VII, который, съѣздивъ на время въ Неаполь, поселился потомъ въ Авиньонѣ. Оба папы немедленно поразили другъ друга отлученіемъ, и Урбанъ VI направилъ свою месть на неаполитанскую королеву. Онъ отлучилъ ее отъ церкви, возвѣстилъ противъ нее крестовый походъ и нанялъ дружины кондоттьеровъ, для того чтобъ сначала покорить себѣ всю церковную область, гдѣ его не хотѣли признавать, а потомъ направиться на Неаполь. Въ то же время онъ возстановилъ противъ Іоанны и венгерскаго короля, убѣдивъ его послать въ Неаполь войско, подъ предводительствомъ Карла Малаго. Этому помѣшала вначалѣ война Людовика съ венеціанцами; но въ 1381 г. онъ заключилъ съ ними мирный договоръ, и Карлъ Малый отправился съ войскомъ въ нижнюю Италію, зайдя на дорогѣ въ Римъ, гдѣ Урбанъ VI торжественно вручилъ ему Неаполь въ ленное владѣніе. Оттонъ Брауншвейгскій, озабоченный въ одно и то же время и неаполитанскими дѣлами, и маркграфствомъ монферратскимъ, молодой владѣтель котораго состоялъ подъ его опекою, не зналъ какъ раздѣлиться со своими дружинами. Онъ однако помогалъ женѣ, какъ могъ, но встрѣтилъ неодолимое препятствіе въ низости и вѣроломствѣ неаполитанцевъ. Іоанна однимъ опрометчивымъ шагомъ сама ускорила свое паденіе. Узнавъ о приготовленіяхъ венгерскаго короля, она немедленно

усыновила извѣстнаго намъ изъ французской исторіи герцога анжуйскаго (т. VIII. стр. 425) и этимъ нажила себѣ непримиримаго врага въ Карлѣ Маломъ. Новый наслѣдникъ былъ удержанъ во Франціи обязанностями регента, въ то самое время, когда онъ могъ бы быть наиболѣе полезенъ въ Неаполѣ. Между тѣмъ Іоанна, объявивъ его, въ 1380 г., своимъ наслѣдникомъ, вдвойнѣ оскорбила принца Карла, такъ какъ не только онъ самъ, но и жена его, происходя изъ рода брата Людовика Святаго, Карла I, основателя старшей линіи анжуйскаго дома, соединяли въ себѣ всѣ права этого дома на неаполитанскій престолъ.

Когда Карлъ, поддерживаемый папою и венгерскимъ королемъ, вступилъ въ Неаполь, неаполитанцы точно такъ же предательски измѣнили Оттону и вѣрной ему дружинѣ, какъ измѣняли въ минуту опасности всѣмъ своимъ королямъ, начиная съ Манфреда. Оттонъ и его питомецъ, маркграфъ монферратскій, покинутые неаполитанцами и подвергаясь опасности быть окруженными непріятелемъ, должны были поспѣшно отступить отъ храбро защищаемыхъ ими границъ. Въ самой столицѣ также обнаружилась измѣна. Оттонъ и Іоаннъ Монферратскій хотѣли защищать Неаполь, но тѣ же самые люди отперли врагамъ городскіе ворота (іюль, 1381 г.). Храбрые защитники королевы отступили съ войскомъ въ Аверсу, а Іоанна скрылась въ замкѣ Кастель Нуово, который былъ немедленно осажденъ Карломъ. Королева ожидала спасенія отъ провансальскаго флота, который она уже вызвала въ Неаполь, но онъ опоздалъ, а всѣ попытки Оттона выручить замокъ остались безплодными. Королева была вынуждена положить оружіе. Она условилась съ Карломъ сдаться въ назначенный день, если до тѣхъ поръ никто не явится къ ней на выручку. Оттонъ еще разъ попытался спасти жену и въ послѣдній день срока сдѣлалъ отчаянное нападеніе на Карла. Въ этомъ сраженіи маркграфъ Іоаннъ былъ убитъ, а самъ Оттонъ, тяжело раненый, былъ вѣроятно выданъ какимъ нибудь неаполитанцемъ и взятъ въ плѣнъ солдатами Карла. Защитники королевы послѣ того бѣжали и на слѣдующій день она

была вынуждена сдаться. Долго и тоскливо ожидаемый ею провансальскій флотъ явился только черезъ четыре дня послѣ сдачи замка. Оттонъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну у Карла, а Іоанна была умерщвлена врагами въ 1382 г., когда Людовикъ Анжуйскій прибылъ, наконецъ, съ войскомъ въ Италію. Лѣтописцы передаютъ обстоятельства ея смерти различно. Одни говорятъ, что ее удавили, другіе, что ее удушили подушками. Карлъ самъ сознался въ этомъ убійствѣ, оправдываясь положительною волею венгерскаго короля, приказавшаго ему лишить жизни всѣхъ участниковъ въ убійствѣ Андрея (т. VIII. стр. 187). Это позднее наказаніе постигло королеву Іоанну именно въ то время, когда она обратила свое образованіе къ болѣе полезнымъ цѣлямъ, чѣмъ въ прежніе годы. По смерти втораго мужа, Людовика Тарентскаго, она стала управлять государствомъ съ благоразуміемъ и умѣренностью и обошлась дружелюбно даже съ Карломъ Малымъ, отпустивъ къ нему его жену и двухъ дѣтей, Владислава и Іоанну II, въ то время, какъ онъ уже пріѣхалъ въ Римъ съ явно враждебными намѣреніями. Съ своей стороны, и Карлъ обращался съ нею весьма хорошо во время ея плѣна, но королева не была этимъ обманута и когда къ ней явились въ темницу начальники опоздавшаго провансальскаго флота, она прямо говорила имъ, что ее ожидаетъ печальная участь. Но не смотря на это, ее никакъ не могли убѣдить уничтожить свои распоряженія въ пользу герцога анжуйскаго.

Обобравъ Францію, Людовикъ Анжуйскій нанялъ толпы авантюристовъ и привезъ съ собою въ Италію, какъ когда-то Ричардъ Корнваллійскій въ Германію (т. VII. стр. 379), цѣлые возы золота. Въ то время съ деньгами можно было повсюду, а тѣмъ болѣе въ Италіи, найти себѣ ревностныхъ слугъ. Когда Людовикъ, поддерживаемый папою Климентомъ VII, перешелъ, въ 1381 г., Альпы и вступилъ въ Италію, войско его расло какъ лавина и сдѣлалось, по крайней мѣрѣ, втрое многочисленнѣе войска Карла Малаго. Въ храбрости и военномъ искусствѣ у этихъ солдатъ также не было недостатка. Но за то самъ Людовикъ былъ такимъ же

плохимъ полководцемъ, какъ и правителемъ, тогда какъ Карлъ былъ весьма опытенъ въ военномъ дѣлѣ. Къ тому же, узнавъ о приближеніи Людовика, Карлъ немедленно нанялъ лучшія дружины и храбрѣйшихъ вождей въ Италіи: Альберика да Барбіано, предводителя итальянской дружины, и Гауквуда, знаменитаго вождя англійскихъ авантюристовъ.

Когда Людовикъ Анжуйскій, перейдя Абруццы, вступилъ въ неаполитанское королевство, къ нему присоединилось множество неаполитанскихъ вельможъ, которые уже сожалѣли о своей королевѣ, простивъ ей за ея позднѣйшія заслуги слабости ея пола и пороки ея молодости. Состояніе финансовъ обоихъ противниковъ заставляло ихъ желать скорѣйшаго исхода войны; но Карлъ послушался Альберика и Гауквуда, совѣтовавшихъ ему медлить. Они такъ умно выбрали мѣстность и такъ искусно соображали свои движенія, что Людовикъ, просидѣвъ полтора года (съ осени 1382 до весны 1384 г.) въ прибрежныхъ провинціяхъ Капитанатѣ и Терра ди Бари и въ пограничныхъ горахъ Кампаньи, не только истощилъ свою съ трудомъ накопленную казну, но и лишился множества лошадей и лучшихъ всадниковъ, застигнутыхъ въ горахъ зимними холодами и недостаткомъ продовольствія. Когда въ апрѣлѣ 1384 г. обѣ арміи встрѣтились при Барлеттѣ, войска Людовика уже значительно уменьшились, такъ что бой въ открытомъ полѣ неминуемо грозилъ рѣшиться въ пользу его противника. Однако, Альберико и Гауквудъ и на этотъ разъ отсовѣтовали Карлу вступать въ рѣшительное сраженіе, предпочитая, по правилу кондоттьеровъ, вѣрное дѣйствіе выжиданія невѣрной славѣ сраженія. Этотъ совѣтъ поставилъ въ крайнее затрудненіе короля Карла, который, по обычаю того времени, уже сдѣлалъ вызовъ противнику, и онъ рѣшился призвать на совѣтъ третьяго знаменитаго вождя, Оттона Брауншвейгскаго, котораго нарочно для этого привезли изъ тюрьмы въ венгерскій лагерь. Обозрѣвъ мѣстность и войско, Оттонъ подтвердилъ совѣтъ кондоттьеровъ, прибавивъ, что французы столь же несомнѣнно останутся побѣдите-

лями въ большомъ сраженіи, какъ несомнѣнно то, что, при выжиданіи, войско ихъ разстроится и разойдется. Совѣтъ этотъ оказался справедливымъ, когда Карлъ, съ небольшимъ отрядомъ своего войска, далъ сраженіе французамъ: послѣдніе остались побѣдителями. Съ той минуты Карлъ уже избѣгалъ рѣшительнаго боя и велъ войну по старой методѣ. Для болѣе удобнаго продовольствованія войска, Людовикъ долженъ былъ расположить его по разнымъ провинціямъ, и война длилась все лѣто, безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ. Наконецъ огорченія, нездоровый климатъ и трудности войны разрушили здоровье герцога анжуйскаго, и осенью того же года онъ скончался. Многіе, какъ это бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, приписываютъ смерть его яду, другіе утверждаютъ, что онъ умеръ отъ чумы (сентябрь 1384 г.). Наслѣдниками своихъ правъ на Неаполь и на Провансъ онъ назначилъ двухъ сыновей своихъ, Людовика II Анжуйскаго и Карла Мэнскаго, но въ то время имъ нельзя было и думать о первомъ изъ этихъ государствъ, потому что по смерти герцога войско его разошлось и его приверженцы успѣли удержать за собою лишь нѣсколько крѣпостей. За Провансъ имъ также нужно было вести войну съ партіею Карла, который имѣлъ законныя права и на эту страну, происходя отъ Карла I, основателя неаполитанско-провансальской линіи анжуйскаго дома.

По смерти Людовика, Карлъ Малый, или король Карлъ III былъ съ восторгомъ встрѣченъ неаполитанцами. Сознавая самъ, что обязанъ трономъ доброму совѣту Оттона Брауншвейгскаго, онъ освободилъ его безъ всякаго выкупа, но за то поссорился съ папою Урбаномъ VI, который также много содѣйствовалъ его успѣху: причины этой ссоры мы приведемъ ниже въ исторіи папъ той эпохи. Урбанъ VI отлучилъ Карла, вмѣстѣ съ женою, отъ церкви и это дало хищнымъ дружинамъ возможность грабить Неаполь, подъ предлогомъ служенія наслѣдникамъ Людовика, или папѣ. Но Карлъ, прельщенный перспективою венгерской короны,

вскорѣ покинулъ страну, которая, по своей отдаленности, была предоставлена имъ на жертву внутреннимъ и внѣшнихъ врагамъ. Въ 1385 г., оставивъ жену, сына и дочь въ Неаполѣ, онъ въ сопровожденіи Альберика да Барбіано и своихъ друзей отправился моремъ въ Далмацію и Кроацію, гдѣ еще прежде успѣлъ расположить къ себѣ населеніе, управляя этимъ краемъ въ качествѣ бана, или князя.

Король Людовикъ Великій, соединившій подъ своимъ скипетромъ Венгрію и Польшу, умеръ въ 1382 г., оставивъ двухъ дочерей, Марію и Ядвигу (Гедвигу). Первая была помолвлена за Сигизмунда Чешскаго, впослѣдствіи германскаго императора, а вторая осталась послѣ него еще несовершеннолѣтнею. Ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ не существовало прочнаго закона о престолонаслѣдіи, заключенный же Людовикомъ незадолго до смерти договоръ съ нѣсколькими магнатами обоихъ королевствъ былъ обязателенъ только для тѣхъ, кто принималъ въ немъ участіе. По этому условію обѣ короны должны были достаться старшей дочери Людовика, Маріи, а вдова его Елисавета объявлялась правительницей на первое время. Но поляки потребовали для себя младшую дочь Людовика Ядвигу и ни за что не хотѣли признавать Марію, ставя непремѣннымъ условіемъ, чтобы королева вмѣстѣ съ мужемъ поселилась у нихъ. Послѣ долгаго сопротивленія, Елисавета должна была отпустить Ядвигу въ Польшу, гдѣ въ 1382 г. ее обвѣнчали противъ воли съ дикимъ и страшнымъ наружностью великимъ княземъ литовскимъ Ягелло, для того чтобы обезпечить себя этимъ союзомъ отъ буйныхъ сосѣдей. Но для вступленія въ бракъ, Ягелло долженъ былъ принять христіанство по обрядамъ римской церкви и привести въ нее всѣхъ литовцевъ, хотя кромѣ поляковъ всѣ сосѣди ихъ были православные. Такимъ образомъ Литва соединилась съ Польшею (1386 г.) и надъ обоими воцарилась династія могущественныхъ королей, называвшаяся ягеллонами, по имени своего родоначальника Ягеллона. Въ Венгріи завѣщаніе Людовика Великаго было сначала выполнено въ точности: Марія

была провозглашена королевою, или, точнѣе по венгерскому обычаю, королемъ, женихъ ея Сигизмундъ протекторомъ королевства, а Елисавета — регентшей. Но правительница была женщина безъ всякихъ правилъ и характера, дочь ея Марія—еще ребенокъ, а Сигизмундъ, дурно образованный, неопытный юноша, какъ чужеземецъ не внушалъ подданнымъ довѣрія къ себѣ. Палатинъ королевства, Николай Гара, стоявшій во главѣ правленія, имѣлъ противъ себя сильную партію, потому что, происходя изъ мелкаго дворянства, былъ сдѣланъ магнатомъ и возвысился до высшихъ государственныхъ степеней, благодаря однимъ милостямъ Елисаветы.

Въ то время явился въ Далмацію Карлъ Малый, ближайшій родственникъ, въ мужскомъ колѣнѣ, Людовика Великаго, который даже прочилъ его въ преемники себѣ. Обстоятельства, какъ мы видимъ, вполнѣ благопріятствовали честолюбивымъ планамъ Карла, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ находился въ отсутствіи, въ Богеміи, куда отправился за помощью. Карлъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Елисаветою и Маріею, и въ то же время, съ враждебною имъ партіею, хотѣвшею противопоставить его двумъ королевамъ. Подготовивъ все, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ отправился въ Буду. Обѣ стороны хотѣли перехитрить другъ друга. Королевы выѣхали къ нему на встрѣчу и вмѣстѣ съ нимъ торжественно вступили въ городъ. Но онъ тутъ же далъ имъ понять свои намѣренія, отказавшись остановиться во дворцѣ. На слѣдующій день онъ былъ провозглашенъ своими приверженцами губернаторомъ королевства и уже въ этомъ качествѣ, а не какъ гость королевы, поселился во дворцѣ, занявъ его итальянцами и кроатами. Съ этой минуты обѣ королевы сдѣлались какъ бы его плѣнницами. Не успѣвъ въ своихъ стараніяхъ убѣдить Марію отказаться отъ короны, онъ созвалъ сеймъ, на которомъ его партія провозгласила его королемъ (31 декабря 1385 г.). Карлъ не позволилъ себѣ никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ двухъ женщинъ и позволилъ имъ жить во дворцѣ со своими при-

дворными, оставивъ при нихъ даже вѣрную ихъ стражу. Но, пользуясь этимъ, Елисавета, вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Николаемъ Гара, задумала убить короля. Планъ и выполненіе этого убійства вполнѣ согласовались съ характеромъ босняцкаго племени, къ которому принадлежали вдовствующая королева и палатинъ. У Карла испросили однажды дозволенія впустить въ замокъ Николая съ нѣсколькими человѣками его свиты, подъ предлогомъ желанія обѣихъ королевъ проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ. Въ то же самое время Карла заманили хитростью въ покои королевъ и когда онъ пришелъ туда, въ сопровожденіи Альберика да Барбіана и одного венгерскаго князя, въ комнату неожиданно вошелъ Николай съ нѣсколькими изъ своихъ людей и одинъ изъ нихъ нанесъ королю такой страшный ударъ по головѣ, что обѣ королевы были съ головы до ногъ обрызганы кровью. Спутники Карла бросились защищать его и дали ему возможность спастись на свою половину; комнаты Карла охраняли одни кроаты, а солдаты Альберика были разсѣяны по городу. Кроаты не устояли и Карлъ былъ взятъ въ плѣнъ. Николай велѣлъ бросить тяжело раненаго короля въ тюрьму, а потомъ перевести въ крѣпость Вышеградъ, гдѣ его умертвили, послѣ двухъ недѣльнаго, суроваго заточенія (февраль, 1386 г.). Часть итальянскихъ наемниковъ Карла была перебита, но большинство вмѣстѣ съ Альберикомъ спаслось въ Далмацію. Тѣло убитаго короля долгое время оставалось безъ погребенія, такъ какъ онъ умеръ, находясь въ отлученіи отъ церкви.

Въ Неаполѣ и Провансѣ вдовѣ Карла, Маргаритѣ, приходилось бороться съ ужасными трудностями. По смерти мужа, она приняла регентство за своего десятилѣтняго сына Владислава, имѣя противъ себя многочисленную партію и обоихъ папъ. Одинъ изъ нихъ, Урбанъ, давно уже былъ заклятымъ врагомъ ея мужа, а Климентъ VII употреблялъ всѣ усилія, чтобы вооружить друзей и приверженцевъ Людовика Анжуйскаго въ пользу его сына, Людовика II. Провансъ окончательно подпалъ власти сторонниковъ

младшей линіи анжуйскаго дома; въ Неаполѣ, дѣло молодаго Владислава также казалось потеряннымъ, потому что во главѣ партіи Людовика стала могущественная фамилія Сансеверино. Мать Людовика, Марія де Блуа, управлявшая изъ Прованса приверженцами сына, приняла къ себѣ на службу Оттона Брауншвейгскаго и отправила его съ войскомъ въ Неаполь. Положеніе дѣлъ въ Неаполѣ до такой степени благопріятствовало Людовику, что сторонники его могли уже учредить правительственную коммисію, подъ предсѣдательствомъ Ѳомы Сансеверино; при появленіи Оттона, Маргарита и сынъ ея должны были бѣжать изъ крѣпости, гдѣ они еще держались, и искать убѣжища въ Гаэтѣ. Точно также и въ Провансѣ должны были покориться Людовику всѣ города, остававшіеся еще вѣрными Маргаритѣ и ея сыну. Но вскорѣ сама Марія однимъ неосторожнымъ шагомъ испортила все, что успѣли сдѣлать въ ея пользу друзья ея фамиліи въ Неаполѣ. Назначивъ намѣстникомъ Неаполя де Монжуа, она смертельно оскорбила Оттона Брауншвейгскаго и фамилію Сансеверино. Оттонъ немедленно перешелъ со всею нѣмецкою конницею къ Владиславу, а Сансеверино удалились въ свои владѣнія въ Калабріи и продолжали вести оттуда войну лично за себя, не заботясь вовсе о претендентахъ. Между тѣмъ Маргарита и сынъ ея, терпѣвшіе въ Гаэтѣ недостатокъ въ деньгахъ, не позволявшій имъ нанять войска, выпутались изъ этого затрудненія позорнымъ способомъ. Молодаго Владислава обвѣнчали съ Констанціею, дочерью богатѣйшаго изъ сицилійскихъ вельможъ, и на деньги, взятыя за нею въ приданое, наняли дружины Гауквуда, Альберика да Барбіано и Оттона Брауншвейгскаго. Когда же деньги Констанціи были истрачены, Владиславъ не только развелся съ нею, но заставилъ ее силою выйти за графа капуанскаго.

Счастье благопріятствовало попеременно то одной, то другой линіи анжуйскаго дома, смотря по состоянію ихъ финансовъ, пока наконецъ смерть папы Урбана VI (1389 г.) не дала дѣлу рѣшительнаго оборота. Избранный въ папы, на мѣсто Урбана, неапо-

литанецъ Бонифацій IX, столько же неспособный управлять церковью, сколько опытный въ войнѣ и политикѣ, открыто принялъ сторону Владислава, и снявъ отлученіе, наложенное на него его предшественникомъ, послалъ въ Гаэту вспомогательное войско. Владиславъ продолжалъ бороться еще нѣсколько лѣтъ со своимъ соперникомъ Людовикомъ II, который пріѣхалъ, въ 1390 г., въ Неаполь; но Бонифацій своими дѣйствіями привлекалъ на сторону Владислава все болѣе и болѣе неаполитанской знати. Помиривъ съ нимъ фамилію Сансеверино, онъ устроилъ такъ, что по смерти Оттона Брауншвейгскаго герцогство тарентское снова перешло къ коронѣ и, пожалованное одному изъ сильнѣйшихъ приверженцевъ анжуйскаго дома, переманило его на противную сторону. Владиславъ овладѣлъ наконецъ столицею королевства (1399 или 1400 г.). Безстыдный народъ, выманивъ у Людовика Анжуйскаго послѣднюю копѣйку, перешелъ вмѣстѣ съ остальною знатью на сторону того, кто имѣлъ деньги и успѣхъ. Хотя впослѣдствіи война и возобновилась, но кончилась все-таки торжествомъ Владислава. Эта война имѣетъ особенную важность для всей позднѣйшей исторіи Неаполя до новѣйшаго времени, потому что въ то время были возобновлены и упрочены особыми граматами безчисленныя и пагубныя для всей страны права неаполитанскихъ бароновъ.

Сицилія въ послѣднее двадцатипятилѣтіе четырнадцатаго столѣтія терпѣла не менѣе Неаполя отъ волненій и междоусобій. Слабый умомъ и тѣломъ, король Фридрихъ III умеръ въ 1377 году вскорѣ по заключеніи мирнаго договора, по которому Неаполь и Римъ признали его права на сицилійскій престолъ. Онъ оставилъ послѣ себя малолѣтнюю дочь Марію, которой завѣщалъ корону, но подъ условіемъ, что въ случаѣ, если она умретъ бездѣтною, корона должна перейти къ его побочному сыну Вильгельму, а если бы и тотъ не оставилъ потомства, то къ королю арагонскому. Но король арагонскій, какъ ближайшій родственникъ умершаго короля, по мужескому колѣну, считалъ себя имѣющимъ болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Марія, и сициліанская знать вскорѣ доставила

ему случай предъявить ихъ. Королевская власть въ Сициліи сдѣлалась пустымъ призракомъ; каждый городъ повиновался своему феодальному владѣтелю или намѣстнику изъ бароновъ, а бароны раздѣлялись на партіи, во главѣ которыхъ стояли богатѣйшія фамиліи страны. По смерти Фридриха образовались три главныя партіи: регента дона Арталя д'Алагопа, Вильгельма, побочнаго сына покойнаго короля, и Манфреда изъ фамиліи Клермонъ. Каждая изъ этихъ партій, почти равныхъ силою, добивалась руки молодой принцессы для своего предводителя, для того чтобы, обязавъ новаго короля, пользоваться исключительно его милостями. Петръ IV Арагонскій поспѣшилъ предупредить всѣхъ и пріобрѣсти для своего дома государство, законнымъ наслѣдникомъ котораго онъ считалъ себя. Онъ подарилъ его, въ 1380 г., своему второму сыну Мартину де Монблану, который немедленно передалъ его своему сыну Мартину Младшему. Донъ Арталь, желая силою выдать Марію за Висконти, хотѣлъ увезти ее въ Миланъ, но она была спасена арагонцами и увезена, въ 1382 г., въ Испанію. Тамъ она была, въ томъ же году, по смерти Петра IV, обвѣнчана съ Мартиномъ Младшимъ, и французскій папа Климентъ VII короновалъ ея мужа королемъ Сициліи. Мартинъ Старшій снарядилъ въ Арагоніи флотъ, чтобы послать его въ Сицилію для поддержанія правъ сына и невѣстки, но отправленіе флота замедлилось до 1392 г. Въ продолженіе этого времени, въ Сициліи исчезли послѣдніе слѣды монархической власти; четыре могущественныхъ бароновъ, поддерживаемые Бонифаціемъ IX, захватили власть въ свои руки и заключили, въ 1391 г., союзъ, какъ будто для поддержанія правъ молодой принцессы, но въ дѣйствительности для того чтобы не допускать на островъ ея мужа и свекра, поддерживаемыхъ французскимъ папою.

Могущество этого олигархическаго союза основывалось на опасеніи, которое внушало Сициліи такъ называемое тамъ каталонское вліяніе и каталонское владычество. Однако Мартинъ де Монбланъ явился на островъ съ многочисленнымъ войскомъ и уже

заранѣе переманилъ на свою сторону нѣкоторыхъ изъ сицилійскихъ бароновъ. Арагонскіе гранды и рыцари охотно послѣдовали за Мартиномъ, потому что братъ его, король Іоаннъ I, не былъ особенно предпріимчивъ, а сицилійцевъ Мартинъ переманилъ на свою сторону, пославъ къ нимъ заранѣе нѣсколько довѣренныхъ лицъ, которыя объяснили имъ, что сынъ Мартина обратился отъ незаконнаго, по ихъ мнѣнію, французскаго папы, къ римскому, власть котораго они признавали. Высадившись въ Сицилію, арагонцы быстро покорили весь островъ, и осенью 1392 г. Марія и мужъ ея были повсемѣстно признаны государями. Но едва флотъ и войско отплыли въ Сардинію для возстановленія тамъ арагонскаго владычества, какъ въ Сициліи вспыхнуло всеобщее возстаніе. Графъ де Монбланъ, оставшійся въ Сициліи, тотчасъ же по завоеваніи острова сбросилъ маску и снова объявилъ себя за французскаго папу. Это придало новую силу побѣжденной партіи, и Мартинъ въ короткое время былъ изгнанъ изо всѣхъ городовъ, кромѣ Мессины, Сиракузъ и Катаніи; къ несчастью, и братъ его, арагонскій король, не хотѣлъ, или не могъ помочь ему, потому что въ то же время отъ него отпала Сардинія и ему угрожала война съ Гранадою. Но Мартинъ въ этой крайности нашелъ помощь у одного изъ своихъ друзей, Бернардо де Кабреры, который, получивъ отъ нѣсколькихъ торговыхъ домовъ, подъ залогъ своихъ каталонскихъ помѣстій, громадную для того времени сумму полтораста тысячъ золотыхъ флориновъ, нанялъ на эти деньги войско и въ концѣ 1393 г. привелъ его въ Сицилію. На островѣ началась кровопролитная война, въ которой арагонцы жестоко отмстили баронамъ; въ слѣдующемъ году въ ней принялъ участіе и арагонскій флотъ. Но жестокость только вызывала на сопротивленіе, и Кабрерѣ пришлось бороться съ страшными затрудненіями прежде чѣмъ кончилась война (1396 г.). Островъ можетъ быть не покорился бы и тогда, если бы Мартинъ де Монбланъ не сдѣлался по смерти своего брата арагонскимъ королемъ, и жена его не прислала ему немедленно изъ Арагоніи флотъ и войско. Тогда сицилійскіе ба-

роны упали духомъ и стали стараться, каждый для себя, помириться съ Мартиномъ на выгодныхъ условіяхъ.

Мартинъ вернулся въ Арагонію въ декабрѣ 1396 г., учредивъ въ Сициліи при своемъ сынѣ и женѣ его особый совѣтъ регентства. Президентомъ его онъ назначилъ своего вѣрнаго вассала Рамона де Монкадо, присоединивъ къ нему епископа Катаніи и нѣсколькихъ арагонцевъ и каталонцевъ. Королева Марія умерла въ 1402 г., а по смерти ея мужа, послѣдовавшей въ 1409 г., Сицилія перешла къ его отцу и соединилась съ Арагоніей.

2. Исторія верхней и средней Италіи по возвращеніи въ Римъ папы Урбана V до папы Бонифація XI и начала великаго раскола западной церкви.

Въ то время какъ въ средней Италіи возрастало могущество Флоренціи и падали сила и значеніе Пизы, въ Ломбардіи все болѣе и болѣе распространялось господство фамиліи Висконти. Въ началѣ второй половины четырнадцатаго вѣка, двое членовъ этого дома, Варнава и Галеаццо II, слѣдуя безбожной и безчеловѣчной политикѣ, благодаря той желѣзной послѣдовательности, которую Макіавелли называетъ истинною государственною мудростью, утвердили свое могущество, съ помощью наемниковъ, которымъ они заплатили пòтомъ своихъ угнетенныхъ подданныхъ (т. VIII. стр. 320). Оба тиранна были въ постоянной враждѣ съ церковью. Помирившись съ нею на время въ 1364 г., они вслѣдъ затѣмъ опять стали грозить ей, такъ что, въ 1367 г., папскій главнокомандующій Альборносъ, еще до прибытія Урбана V изъ Витербо въ Римъ, составилъ союзъ изъ враговъ Висконти, а въ слѣдующемъ году Урбанъ снова поразилъ тиранновъ безсильными громами церкви. Въ союзъ противъ Висконти вступили: Урбанъ V, императоръ Карлъ IV, венгерскій король Людовикъ Великій и фамиліи Каррара, Эсте и Гонзага. Карлъ обязался снова явиться

съ войскомъ въ Италію, но былъ удержанъ по сю сторону Альповъ осуществленіемъ своего завѣтнаго плана основать, для своего потомства, великое славянско-германское государство на восточной границѣ Германіи. Онъ постоянно стремился къ тому, чтобы посредствомъ договоровъ съ другими владѣтельными домами о взаимномъ наслѣдованіи, покупкою и обмѣномъ имѣній обогатить своего сына Венцеслава, котораго онъ еще ребенкомъ сдѣлалъ королемъ чешскимъ. Въ Италію императоръ отправился не прежде, какъ пріобрѣтя для своего дома верхнюю и нижнюю Лузацію, большую часть Силезіи и множество другихъ земель въ разныхъ частяхъ имперіи. Онъ откладывалъ бы свой второй римскій походъ еще долѣе, еслибы владѣтели Милана не вступили въ новые союзы и не обнаружили опасныхъ завоевательныхъ стремленій. Галеаццо пригласилъ въ Италію англійскаго принца Ліонеля (т. VIII. стр. 322), который, впрочемъ, вскорѣ умеръ, и женилъ его на своей дочери, а Варнава грозилъ Реджіо и Мантуѣ и видимо благопріятствовалъ предпріятію своего побочнаго сына Амвросія, который, съ восемью тысячами человѣкъ опустошилъ Тоскану и церковную область и ворвался въ неаполитанское королевство, гдѣ однако былъ разбитъ на голову соединенными силами папы и королевы Іоанны.

Наконецъ въ апрѣлѣ 1368 г. императоръ вступилъ въ Италію и началъ слѣдовать той же самой политикѣ, какъ и въ первый походъ, т. е. сражаться дипломатическимъ оружіемъ, выжимать деньги у своихъ приверженцевъ и позволять подкупать себя врагамъ. Другъ его, платоникъ и риторъ Петрарка, точно также велъ себя по старому. Висконти, желая воспользоваться для своихъ политическихъ видовъ этимъ искуснымъ царедворцемъ, польстили его тщеславію неслыханными почестями и отправили его, въ іюнѣ, вести переговоры съ императоромъ и папою. Но на этотъ разъ тщеславный поэтъ обманулся въ впечатлѣніи, которое производила на всѣхъ его мистическая, мечтательная личность; ни папа, ни императоръ не согласились на его доводы: Карлъ уже на пути чрезъ Верону внушилъ итальянцамъ презрѣніе къ себѣ,

а потомъ такъ долго оставался въ расположенномъ къ нему городѣ Мантуѣ, что совершенно истощилъ его средства. Въ Мантуѣ онъ заключилъ перемиріе съ Висконти, взявъ съ нихъ деньги. На дальнѣйшемъ пути черезъ Пизу, Лукку и другіе города онъ бралъ повсюду небольшія суммы денегъ, и не смотря на то, заложилъ свою корону одному флорентинскому купцу за тысячу шестьсотъ золотыхъ флориновъ, что̀ показалось весьма неприличнымъ въ невѣроятно богатой въ ту пору Италіи. Впослѣдствіи эту корону выкупилъ городъ Сіена, для того чтобы выпроводить поскорѣе Карла изъ Италіи. На всемъ своемъ пути онъ сыпалъ граматами; но его требованіямъ покорялись только на словахъ, а въ дѣйствительности анархія не только продолжалась по прежнему, но еще усилилась. Кто желаетъ удостовѣриться, что и въ средніе вѣка, какъ въ наше время, исторія, основанная на буквѣ дипломатическихъ и офиціальныхъ документовъ, не имѣла ничего общаго съ дѣйствительностью, тому стоитъ только сличить итальянскія лѣтописи съ письмами и пространными почетными мирными договорами, которые Карлъ присылалъ въ Германію.

Въ Римѣ, куда Карлъ прибылъ въ октябрѣ, онъ только и помышлялъ о церемоніяхъ и внѣшнемъ почетѣ. Папа сильно обрадовался, увидавъ пристрастіе императора къ церковнымъ обрядамъ, доходившее до такой степени, что, напримѣръ, во время литургіи, Карлъ усердно исправлялъ должность иподіакона. Въ дѣйствительности, всѣ его требованія ограничивались только коронованіемъ его жены, чего онъ и добился. Въ декабрѣ онъ уѣхалъ изъ Рима и на обратномъ пути по средней и верхней Италіи поступалъ точно такъ же, какъ при въѣздѣ. Въ Сіенѣ онъ попробовалъ возстановить миръ между жителями, но едва не погибъ самъ во время бунта; впрочемъ, онъ простилъ бунтовщиковъ, получивъ съ нихъ значительную сумму денегъ. Гражданамъ Лукки, освободившимся, наконецъ, отъ долговременнаго господства пизанцевъ, онъ помогъ упрочить свою независимость, за что городъ воздвигъ ему монументъ и вычеканилъ на своей монетѣ его

изображеніе, какъ возстановителя своей независимости, но уѣзжая, императоръ передалъ этотъ городъ кардиналу Гвидо де Монфору, въ видѣ залога за пятьдесятъ тысячъ золотыхъ флориновъ, ссуженыхъ ему папою, и кардиналъ до тѣхъ поръ не освобождалъ Лукки, пока жители не откупились отъ него гораздо большею суммою. Когда, во время пребыванія въ Луккѣ, императоръ сдѣлалъ видъ, что намѣренъ дѣятельно вступиться за папу, Висконти поспѣшили начать съ тѣмъ и съ другимъ переговоры и заключить миръ (1369 г.), чтобы снова нарушить его по удаленіи императора. Дѣйствительно, едва Карлъ выѣхалъ изъ Италіи (августъ 1369 г.), какъ Варнава, смѣясь надъ религіей, церковью и международнымъ правомъ, послалъ противъ Флоренціи войско, подъ начальствомъ Гауквуда. Это навлекло на него новое отлученіе отъ церкви, но онъ, по обыкновенію, смѣялся надъ духовнымъ оружіемъ папы; впрочемъ весьма сомнительно, чтобы онъ, какъ говорятъ, заставилъ кардиналовъ, привезшихъ ему буллу объ отлученіи, разорвать ее въ глазахъ цѣлаго народа. Этотъ разсказъ приводится весьма недостовѣрнымъ историкомъ.

Черезъ годъ по отъѣздѣ императора изъ Италіи, папа рѣшился вернуться въ Авиньонъ, потому что, какъ мы видѣли, присутствіе Карла ни сколько не улучшило печальнаго состоянія этой страны. Въ Италіи папѣ грозили, съ одной стороны, венгерскій король, со своими дикими ордами; съ другой, Варнава, съ шайками авантюристовъ. Чтобы держаться противъ нихъ, папѣ необходимо было наемное войско, но это войско столь же тяготило друзей, какъ и враговъ. Въ Авиньонѣ папа и кардиналы жили спокойнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ Римѣ; по этому Урбанъ V сдался на убѣжденія французскихъ кардиналовъ и вернулся, осенью 1370 г., въ Авиньонъ, гдѣ и умеръ въ концѣ того же года.

Преемникъ его, Григорій XI, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій южной Франціи, былъ весьма свѣдущъ въ богословіи и римскомъ правѣ. Въ 1372 г., между Висконти, которые были злѣйшими врагами новаго папы, и итальянскими союз-

никами его снова возгорѣлась война. Деньги, собранныя Григоріемъ XI для крестоваго похода противъ османскихъ турокъ, пошли на наемъ дружинъ Гауквуда и Оттона Брауншвейгскаго. Миланскіе тираны были снова поражены интердиктомъ и отлученіемъ отъ церкви, а кардиналы стали во главѣ хищныхъ дружинъ. Но Варнава и Галеаццо смѣялись и надъ духовнымъ, и надъ свѣтскимъ оружіемъ папы; хотя ему и удалось, какъ увѣряютъ папскіе лѣтописцы, овладѣть нѣсколькими замками, но все же, въ результатѣ, онъ ничего не добился отъ Висконти. Замѣчательно, что уже во время этой войны, то есть прежде раскола въ западной церкви, въ лучшей части народа господствовало настроеніе, сильно враждебное іерархіи. Это направленіе обнаруживалось не только въ современныхъ, сатирическихъ стихотвореніяхъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, но даже въ одной піаченцской лѣтописи авторъ ея, принадлежащій по своему слогу и языку къ народу, прямо приписываетъ всѣ тогдашнія бѣдствія стремленію папъ къ пріобрѣтенію свѣтской власти и говоритъ, что Висконти заслужили постигшія ихъ впослѣдствіи неудачи тѣмъ, что помогали когда-то папамъ расширять свою власть.

Въ 1375 году поступки легатовъ, буйствовавшихъ въ покоренныхъ земляхъ хуже кондоттьеровъ и самихъ Висконти, придали дѣламъ неблагопріятное для папы направленіе. Одинъ изъ легатовъ, пользуясь обстоятельствами, вздумалъ прибрать къ своимъ рукамъ нѣсколько городовъ, издавна принадлежавшихъ флорентинцамъ. Опасаясь за свою независимость, флорентинцы вступили въ союзъ съ миланскими тиранами, провозгласили по всѣмъ своимъ городамъ и владѣніямъ господство демократіи, соединились съ сильными и богатыми республиками Сіеною, Луккою, Ареццо и Пизою и подкупили Гауквуда и другихъ начальниковъ папскихъ войскъ, такъ что тѣ вначалѣ медлили, подъ всевозможными предлогами, исполнять свои обязанности, а потомъ явно перешли на службу къ врагамъ папы. Наконецъ вся Романья, Мархіи, герцогство Сполето, римская Кампанья и даже Болонья отпали отъ деспотической

власти легатовъ, предоставлявшихъ на жертву хищныхъ наемниковъ собственность вассаловъ римскаго престола, и присоединились къ флорентинскому союзу. Среди этихъ грустныхъ сценъ измѣнъ, жестокостей и кровопролитій, можно съ утѣшеніемъ остановить свои взоры на одномъ мѣстѣ только что приведенной нами лѣтописи, которое показываетъ намъ энтузіазмъ къ свободѣ, дѣятельность, мужественную самостоятельность, однимъ словомъ, движеніе, жизнь и энергію народа когда-то свободнаго, а теперь питающагося подаяніемъ монаховъ и богачей, воровствомъ и щедростью путешественниковъ и представляющаго собою зрѣлище нищеты, суевѣрія, рабства и нравственной смерти. Вообще, умственному развитію и свободѣ благопріятны, повидимому, только тѣ времена, когда правительство оказывается несостоятельнымъ, содержаніе полиціи и постояннаго войска невозможнымъ, а угнетеніе вызываетъ сопротивленіе и энтузіазмъ разжигаетъ страсти. То же самое было въ древней Греціи и повторилось въ Ломбардіи, которую деспотизмъ Висконти держалъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, споспѣшествуя порядку, дисциплинѣ, благосостоянію, промышленности, искусствамъ и наукамъ. Висконти поощряли земледѣліе, проводили каналы, устроивали водоемы, сооружали дворцы, памятники, забавляли народъ зрѣлищами, праздниками, ристаніями, раздавали дорогіе призы, но при всемъ томъ правительство ихъ не имѣло ни стыда, ни нравственныхъ принциповъ, такъ что исторія, преимущественно занимающаяся личностью правителей и окружающими ихъ, сохранила въ своей памяти только одни позорныя дѣла этой эпохи. То же самое можно сказать и о другихъ владѣтельныхъ фамиліяхъ и, между прочимъ, о делла Скала, въ Веронѣ. Въ тотъ самый годъ, когда флорентинцы заключили свой великій союзъ свободы, умирающій Канъ делла Скала отдалъ приказаніе умертвить своего томившагося въ заключеніи брата, опасаясь, что онъ погубитъ двухъ его побочныхъ сыновей, а для того, чтобы никто не распустилъ потомъ слуха, что убитый живъ, Канъ велѣлъ публично выставить тѣло брата. Послѣ этого,

онъ причастился св. тайнъ и умеръ, по собственному своему мнѣнію и по мнѣнію своихъ современниковъ, какъ праведникъ. Такъ глубоко пало въ ту эпоху западное христіанство!

Чтобы снова покорить отпавшіе города и въ особенности Болонью, папа Григорій XI нанялъ новое войско и поручилъ начальство надъ нимъ кардиналу Роберту Женевскому, который сдѣлался потомъ во время раскола первымъ антипапою, подъ именемъ Климента VII. Поступки этой хищной орды и война ея за Болонью (1376 г.) ясно показываютъ намъ, что происходило въ ту пору въ Италіи и какимъ образомъ дѣйствовали и Висконти, и безбожники, называвшіеся представителями церкви. Варнава, подъ предлогомъ желанія помочь Болоньѣ, составилъ планъ овладѣть этимъ городомъ — и съ этою цѣлью вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ гражданъ; но измѣна была открыта, коварно предложенная помощь отвергнута и множество знатнѣйшихъ гражданъ обезглавлены или изгнаны. Между тѣмъ войско Роберта, опустошивъ Ломбардію, уже достигло Болоньи. Безпощадная жестокость и буйство наемниковъ, разграбившихъ окрестности Болоньи и Тоскану, вызвали наконецъ всеобщее раздраженіе противъ свѣтской власти папы, такъ что Григорій XI былъ принужденъ вернуться въ Италію, чтобы предупредить присоединеніе всѣхъ подданныхъ римской церкви къ свободному союзу флорентинцевъ. Но папа еще до этого излилъ всю свою ярость на Флоренцію. Ненависть его къ флорентинцамъ и ихъ союзу была такъ велика, что онъ, для того, чтобы вѣрнѣе побѣдить ихъ, рѣшился даже примириться съ безбожнѣйшимъ изъ тиранновъ и заключилъ договоръ съ Висконти, снявъ съ нихъ отлученіе, уступивъ имъ Верчелли и болѣе ста замковъ въ окрестностяхъ Піаченцы, Павіи и Новары и получивъ за это двѣсти тысячъ золотыхъ флориновъ наличными деньгами. Потомъ онъ употребилъ противъ нихъ то же самое духовное средство, которое такъ удачно примѣнилъ къ венеціанцамъ его предшественникъ (т. VIII. стр. 130), но флорентинскіе демократы выказали болѣе твердости и мужества, чѣмъ венеціанскіе

аристократы. Григорій поразилъ ихъ отлученіемъ отъ церкви, возвѣстивъ его по всему міру, а особенно въ южной Франціи, гдѣ находилось множество флорентинцевъ, и не только предоставилъ на произволъ всякаго ихъ личность и собственность, но объявилъ какъ ихъ самихъ, такъ и потомство ихъ лишенными чести и всѣхъ гражданскихъ правъ. Мало того, намѣстникъ Христа требовалъ, чтобы христіане нарушали относительно несчастныхъ гонимыхъ первый долгъ человѣколюбія; въ той же самой буллѣ онъ грозилъ наказаніемъ всѣмъ государствамъ и каждому частному лицу, которыя упустятъ случай овладѣть флорентинцами и ихъ достояніемъ. Во многихъ странахъ, особенно въ Англіи, папскій декретъ послужилъ поводомъ къ разбоямъ и насиліямъ надъ флорентинцами. Но Пиза и Генуя отказались нарушить долгъ гостепріимства и, въ угожденіе папѣ, изгнать самыхъ значительныхъ купцовъ; оба города подверглись за это отлученію отъ церкви. Мудрено ли, что, видя такіе поступки папы съ флорентинцами и неслыханныя жестокости, совершавшіяся въ глазахъ всѣхъ папскими солдатами, нерѣдко вслѣдствіе положительнаго приказанія свирѣпаго кардинала Роберта, избраннаго по смерти Григорія въ намѣстники Христа, — весь свѣтъ заговорилъ объ упадкѣ церкви и сталъ помышлять о томъ, какъ бы вернуться отъ папизма къ чистому христіанству.

Наемники Роберта совершали такія неслыханныя звѣрства, что даже папы и лѣтописцы, преданные церкви, не находили для нихъ оправданій. Но всѣ мѣры папы противъ флорентинцевъ оказались недѣйствительными, союзъ ихъ продолжалъ развиваться и свобода снова возраждалась подъ развалинами, дымившимися кровью. Ее защищали за деньги тѣ самые наемники, которые за деньги же угнетали ее. Изумительна при этомъ дѣятельность и энергія жителей средней Италіи, погруженныхъ нынѣ въ лѣность и рабство. Самый Римъ пробудился; верховная власть папы надъ этимъ городомъ стала однимъ призракомъ, а управленіе городомъ перешло въ руки двѣнадцати гражданъ, которые по возвращеніи папы Гри-

горія изъ Франціи не пускали его къ себѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не утвердилъ за римлянами нѣкоторой независимости. Это правительство, увѣренное, что отъ папы можно добиться всего, что нужно, отклонило предложеніе флорентинцевъ прислать въ Римъ часть ихъ войска. Григорій понялъ наконецъ, что ему не слѣдуетъ мѣшкать, если онъ хочетъ спасти остатки свѣтской власти церкви, и вопреки всѣмъ убѣжденіямъ французскихъ кардиналовъ рѣшился немедленно вернуться въ Италію. Въ сентябрѣ 1376 г. онъ выѣхалъ изъ Марсели моремъ и въ январѣ прибылъ въ Римъ. Не смотря на пышную и восторженную встрѣчу, Григорій вскорѣ убѣдился, что власть его въ Римѣ весьма ограничена, и подъ предлогомъ перемѣны воздуха сталъ проводить большую часть года въ Ананьи. Поселившись тамъ, онъ старался привлечь на свою сторону мелкія династіи средней Италіи, которыя, подобно турецкимъ пашамъ, сдѣлались изъ папскихъ намѣстниковъ независимыми владѣтелями. Въ томъ же году ему удалось поставить въ зависимость отъ себя префекта Вико. Болонцы послѣ долгихъ переговоровъ также подчинились папѣ, но признали его государемъ, только выговоривъ себѣ полную самостоятельность. Между тѣмъ папскіе наемники, подъ начальствомъ кардинала Роберта, поступили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ съ гражданами Чезены, осмѣлившимися сопротивляться ихъ разбоямъ. Эти дикія, кровожадныя орды перерѣзали до четырехъ тысячъ человѣкъ, изгнали восемь тысячъ гражданъ, ограбили церкви и частные дома и позволили себѣ неслыханныя звѣрства надъ жителями, безъ различія пола и возраста. Эта война была такъ гибельна для странъ, въ которыхъ она происходила, и содержаніе буйныхъ наемниковъ стоило такъ дорого, что даже Варнава Висконти желалъ мира и старался примирить съ папою флорентинскій союзъ. Ему удалось, наконецъ, устроить между ними переговоры; но едва они начались, какъ были внезапно прерваны смертью Григорія XI (мартъ 1378 г.).

Со смерти этого папы начался, такъ называемый, великій расколъ (схизма) западной церкви, или продолжительное раздвоеніе

папской власти, имѣвшее столь важное вліяніе на судьбу западной церкви. Когда умеръ Григорій, въ Авиньонѣ оставались шесть кардиналовъ, отказавшихся послѣдовать за нимъ въ Римъ. Изъ остальныхъ одиннадцать были французы, одинъ испанецъ и четверо итальянцевъ. Эти шестнадцать кардиналовъ собрались для избранія новаго папы, которое, при подобныхъ обстоятельствахъ, грозило быть весьма затруднительнымъ и бурнымъ. Римляне грозно требовали, чтобы папой былъ непремѣнно избранъ римлянинъ. Угрожающее положеніе народа заставило шестерыхъ кардиналовъ искать спасенія въ за̀мкѣ св. Ангела, а остальные приступили къ избранію и выбрали, хотя не римлянина, но итальянца, калабрійца Приньяно, назвавшагося Урбаномъ VI. Этимъ выборомъ остались недовольны и римляне, желавшіе, чтобы онъ палъ на кого нибудь изъ ихъ духовенства, и французы, которымъ хотѣлось видѣть папою француза. Не смотря на неправильность выбора, спокойствіе не было нарушено. Кардиналы вышли изъ за̀мка св. Ангела и присоединились къ остальнымъ, занявъ однако за̀мокъ своею партіею; авиньонскіе кардиналы также прислали свое согласіе. Но вскорѣ Урбанъ VI, оскорбивъ французскихъ кардиловъ, сдѣлался виновникомъ раскола въ церкви. Новый папа покровительствовалъ римскому народу, рѣзко и даже грубо обращался съ кардиналами и объявилъ, въ самомъ началѣ, что намѣренъ возстановить ослабѣвшую съ вѣками дисциплину духовенства, составлявшаго папскій дворъ, а принятыя имъ мѣры заставляли предугадывать неумолимую строгость въ осуществленіи этого плана. Въ то же время онъ оскорбилъ присланныхъ поздравить его со вступленіемъ на престолъ пословъ неаполитанской королевы, Іоанны I, между которыми находился и мужъ-ея, Оттонъ Брауншвейгскій. Оскорбленная королева вступила въ сношенія съ раздраженными французскими кардиналами, занимавшими за̀мокъ св. Ангела и увѣренными, что при первомъ рѣшительномъ шагѣ ихъ противъ папы, французскій король окажетъ имъ содѣйствіе. Двѣнадцать кардиналовъ удалились изъ Рима, подъ предлогомъ жаровъ,

захвативъ съ собою папскія драгоцѣнности и тройную тіару, и отправились въ Ананьи, откуда начали съ папою переписку, скромно выражая въ ней сомнѣнія относительно правильности его избранія; затѣмъ они предприняли формальное изслѣдованіе этого дѣла, и, въ то же время, наняли войско. Наконецъ, когда Урбанъ чтобы предупредить грозящій разрывъ, послалъ къ нимъ оставшихся при немъ кардиналовъ, недовольные рѣшились сдѣлать послѣдній шагъ и объявили избраніе Урбана недѣйствительнымъ. Вслѣдъ затѣмъ они отправились къ графу ди Фонди, обѣщавшему имъ свою защиту, и приступили къ избранію новаго папы. Выборъ ихъ палъ (20 сентября 1378 г.) на прославившагося кровожадностью и жестокостью кардинала Роберта Женевскаго, который и принялъ имя Климента VII. Этотъ поступокъ возбудилъ страшную ярость Урбана противъ новоизбраннаго папы и жестокое преслѣдованіе въ Римѣ иностранцевъ папою и римлянами. Римъ сдѣлался театромъ побоища; граждане убивали друзей кардиналовъ и иностранное духовенство, щадя нѣсколько однихъ нѣмцевъ. Оба папы взаимно предали своихъ противниковъ отлученію, а Урбанъ немедленно составилъ себѣ новую коллегію кардиналовъ. Климентъ оставался, первое время, въ Фонди; его признали только Неаполь, Испанія и Франція; остальная Европа стояла за Урбана. Папы, доказывая свои права духовнымъ оружіемъ и учеными юридическими трактатами, составляемыми по ихъ повелѣнію, набирали въ то же время войска.

Тѣ изъ итальянскихъ городовъ, которые не страдали отъ волненій и войнъ, причиненныхъ великимъ расколомъ въ церкви, терпѣли отъ войны двухъ главныхъ итальянскихъ республикъ, Венеціи и Генуи. Война, возникшая изъ распри между ними и называвшаяся кіоджійской войной, продолжалась съ 1378 г. до 1381 г. и привела венеціянскую республику на край погибели. Причинъ ея слѣдуетъ искать въ постоянномъ соперничествѣ двухъ республикъ на морѣ, но кромѣ ихъ, въ эту войну вмѣшались Франческо Каррарскій, владѣтель Падуи, Людовикъ Венгерскій,

патріархъ аквилейскій, владѣтели Вероны делла Скала, австрійскій герцогъ Леопольдъ II, получившій, при раздѣлѣ съ братьями, пограничныя съ венеціанскими владѣніями земли, и Варнава Висконти. Первые были союзниками Генуи, а послѣдній — Венеціи. На сушѣ войну вели наемные солдаты и дикія орды венгерскаго короля, и верхняя Италія была снова предана на жертву варварамъ въ то время, какъ въ средней сражались наемныя войска обоихъ папъ, а въ нижней также наемныя войска защищали неаполитанскую королеву. На морѣ счастье благопріятствовало, въ въ первомъ году, венеціанцамъ; но зимою генуезцы стали дѣлать громадныя приготовленія, чтобы напасть на враговъ въ ихъ лагунахъ. Къ несчастью, венеціанская аристократія отвергла совѣтъ своего адмирала Витторіо Пизани, располагавшаго вернуться, осенью, въ Венецію. Ему было велѣно остаться въ морѣ и прозимовать въ Полѣ. На него напалъ тамъ, весною, генуезскій флотъ и между этими двумя морскими силами произошло нѣсколько кровопролитныхъ битвъ, рѣшившихъ войну и доставившихъ безсмертную славу тремъ членамъ генуезской фамиліи Доріа. Въ маѣ 1379 г. на флотъ Пизани напалъ, при Полѣ, Лучіано Доріа, но былъ убитъ, и адмиральскій корабль его былъ взятъ венеціанцами. Въ ту минуту, когда битва уже рѣшалась въ пользу венеціянцевъ, подоспѣлъ съ подкрѣпленіемъ братъ Лучіано, Амвросій Доріа, и одержалъ полную побѣду надъ врагами. Пизани успѣлъ уйти съ семью галерами; генуезцы взяли въ плѣнъ двѣ тысячи человѣкъ и двадцать четыре члена венеціанскаго совѣта. Большая часть этихъ плѣнныхъ была хладнокровно перебита, въ отмщеніе за смерть генуезскаго адмирала. Вслѣдъ затѣмъ, передъ Венеціею явился Доріа Піетро съ новымъ флотомъ, и, поддерживаемый съ суши Франческо Каррарскимъ, овладѣлъ Кіоджею, считавшеюся оплотомъ Венеціи. Онъ взялъ штурмомъ это укрѣпленное мѣстечко, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а потомъ изгналъ венеціанцевъ изъ Маламокко. Венеціанскій сенатъ смирился и униженно просилъ о мирѣ, но получилъ презри-

тельный отвѣтъ. Генуезцы опозорили свою побѣду безразсудной заносчивостью, и сами лишили себя всѣхъ ея выгодъ. Они обѣщали владѣтелю Падуи уступить ему Кіоджію, но ослѣпленные счастьемъ, не сдержали слова, надѣясь сами удержаться въ этомъ мѣстѣ, что было совершенно невозможно. Сосѣдство ненавистныхъ враговъ и соперниковъ воодушевило венеціанцевъ и они сдѣлали невѣроятныя усилія, чтобы освободиться отъ него. Война затянулась и генуезцы были, наконецъ, изгнаны изъ Кіоджіи и всѣхъ занятыхъ ими мѣстностей. Но война продолжалась и послѣ того; для переговоровъ о мирѣ, въ Чіуделлѣ дважды собирались конгрессы, и только на послѣднемъ изъ нихъ, въ 1381 г., былъ заключенъ миръ.

Между тѣмъ, нанятый Урбаномъ VI Альберико да Барбіано разбилъ на голову войска Климента VII (1379 г.), а замокъ св. Ангела, все еще находившійся во власти французскихъ кардиналовъ, сдался, наконецъ, римскому папѣ. Не считая себя въ безопасности въ Фонди, Климентъ VII искалъ убѣжища въ Неаполѣ; но неаполитанскій народъ, расположенный къ Урбану, окружилъ дворецъ, гдѣ находился антипапа и угрожалъ ему смертью. Буйная чернь принудила саму королеву принять сторону Урбана, и Климентъ долженъ былъ вернуться въ Фонди, откуда поспѣшилъ переѣхать въ Авиньонъ, гдѣ и основалъ свое постоянное мѣстопребываніе. Вообще онъ жилъ тамъ спокойнѣе, чѣмъ его соперникъ въ Римѣ, навлекавшій на себя одну бѣду за другою; Урбанъ былъ такъ горячъ, суровъ и жестокъ, что во всѣхъ его дѣйствіяхъ можно узнать истаго калабрійца. Прежде всего, угрожало въ самомъ Римѣ войско неаполитанской королевы, но онъ отмстилъ за это, поразивъ ее отлученіемъ отъ церкви и вооруживъ противъ нея Карла Малаго (т. VIII. стр. 468). Потомъ, онъ поссорился и съ Карломъ за то, что тотъ не захотѣлъ наградить, согласно обѣщанію, титулами и землями двухъ племянниковъ Урбана, отличавшихся только буйствомъ и развратомъ. Въ то же время, у этого папы возникла распря съ кардиналами,

которые отказались даже повиноваться ему, когда онъ, вопреки ихъ совѣту, уѣхалъ изъ Рима и странствовалъ по Италіи. Окончательно раздраженный противорѣчіемъ кардиналовъ, Урбанъ составилъ противъ нихъ обвинительные акты, въ которыхъ обнародовалъ о каждомъ самыя возмутительныя вещи, какъ будто высшее духовенство и безъ того уже не было довольно презираемо своей паствой. Къ еще большей досадѣ Карла Малаго, Урбанъ пріѣхалъ осенью 1383 г., въ Неаполь. Карлъ встрѣтилъ его съ наружнымъ радушіемъ, но потомъ удержалъ у себя плѣнникомъ, пока за него не вступились кардиналы. Наконецъ Карлъ не только освободилъ отъ наказанія племянника папы, Франческо Бутилло, приговореннаго за страшныя преступленія къ смертной казни, но и даровалъ ему обѣщанныя помѣстья, потому что нуждался тогда въ папѣ, опасаясь еще Людовика Анжуйскаго и его партіи. Урбанъ вручилъ королю знамя церкви, потому что Людовикъ, какъ покровительствуемый антипапою, былъ уже прежде отлученъ имъ отъ церкви. Но въ то время какъ неаполитанскій король находился въ походѣ, папа, считая Неаполь леномъ римской церкви, вздумалъ разъигрывать въ немъ роль верховнаго владыки, сталъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и зашелъ такъ далеко въ своихъ притязаніяхъ, что жена Карла заперла его въ Ночерѣ и окружила наемными войсками. Даже въ этомъ положеніи Урбанъ не измѣнялъ своего суроваго и жестокаго обращенія съ кардиналами и духовенствомъ. Одинъ изъ духовныхъ подстрекнулъ знаменитаго каноника Бартолино изъ Піаченцы объявить, что упрямаго, презирающаго всякій совѣтъ папу можно предавать суду. Это еще болѣе раздражило Урбана. Подозрѣвая пятерыхъ кардиналовъ въ подписаніи этого мнѣнія, онъ велѣлъ бросить ихъ сначала въ глубокую цистерну, а потомъ въ тѣсную темницу, въ которой они не могли даже расправить своихъ членовъ, и нѣсколько разъ подвергалъ ихъ жестокой пыткѣ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе въ винѣ. Та же участь постигла и епископа аквильскаго. Тщетно остальные кардиналы и секретарь Урбана, честный нѣмецъ

Дитрихъ фонъ Нимъ, который сообщаетъ всѣ эти факты, старались смягчить варвара; у него, какъ выражается Дитрихъ, было сердце Фараона и онъ, какъ левъ, не выпускалъ изъ пасти добычи. Наконецъ между ними и Карломъ произошелъ совершенный разрывъ; Карлъ осадилъ его въ Ночерѣ и сталъ день и ночь громить его пушками; папа, съ своей стороны, каждый день громилъ его проклятіями. Но всѣ эти скандальныя исторіи не производили никакого впечатлѣнія на непоколебимую вѣру народа, и одинъ неаполитанскій лѣтописецъ пятнадцатаго столѣтія подробно разсказываетъ намъ весь ходъ этихъ событій, не находя въ нихъ ровно ничего поразительнаго. Послѣ пяти мѣсячной осады, Урбанъ былъ, наконецъ, освобожденъ партіею младшей линіи анжуйскаго дома и перевезенъ въ Салерно (сентябрь, 1385 г.). Онъ увезъ за собою, въ цѣпяхъ, несчастныхъ кардиналовъ и, когда измученный пыткою епископъ аквильскій не могъ выдержать быстрой ѣзды, Урбанъ, нисколько не колеблясь, велѣлъ умертвить на дорогѣ.

Изъ Салерно Урбанъ отправился въ Геную на корабляхъ, отданныхъ въ его распоряженіе генуезскимъ дожемъ, Антоніотто Адорно, которымъ руководили въ этомъ случаѣ одинъ расчетъ и политика. Онъ расчитывалъ, что стеченіе народа на поклоненіе главѣ церкви доставитъ Генуѣ огромныя выгоды и надѣялся, что, имѣя въ рукахъ папу, признаннаго полъ Европою, будетъ въ состояніи водворить въ церкви единство. Послѣдняя надежда быстро рушилась, потому что державы, съ которыми онъ вошелъ въ переговоры по этому предмету, не согласились на его предложенія; корыстолюбивый расчетъ его также оказался невѣренъ, потому что результатъ не оправдалъ ожиданій генуезцевъ. За то они, какъ настоящіе торгаши, подали папѣ огромный счетъ за его морской переѣздъ и получили отъ него, въ залогъ уплаты, нѣсколько городовъ. Плѣнныхъ кардиналовъ Урбанъ продолжалъ мучить въ Генуѣ, пока, наконецъ, окончательно не сжилъ ихъ со свѣта. Тщетно другіе кардиналы старались освободить ихъ. Они даже отложились вслѣдствіе того отъ Урбана, и пробовали, хотя

безуспѣшно, завести съ нимъ процессъ; впрочемъ, сами они были не многимъ лучше Урбана. Одинъ изъ нихъ, Пилео ди Прато, епископъ равеннскій, покинулъ итальянскаго папу только изъ личнаго расчета. Въ бытность свою въ Германіи, онъ собралъ тамъ, въ качествѣ папскаго легата, огромную сумму денегъ и, чтобы присвоить ихъ себѣ, перешелъ на сторону Климента VII. Сдѣлавшись кардиналомъ французскаго папы, онъ собралъ новыя богатства и, когда по смерти Урбана, преемникъ его принялся торговать церковными приходами и индульгенціями, Пилео снова вернулся къ римскому папѣ и вторично отправился, въ качествѣ его легата, въ Германію. Въ наше время такіе поступки кажутся удивительными, но тогда на нихъ смотрѣли совершенно иначе. Чтобы ни дѣлали Урбанъ и его кардиналы,—въ глазахъ современниковъ, не принадлежавшихъ въ партіи французскаго папы, все было прикрыто именемъ Христа; они видѣли въ Урбанѣ и его кардиналахъ истинныхъ преемниковъ и намѣстниковъ апостоловъ и никто не смѣлъ усомниться въ томъ, что всякій, кто рѣшился бы не признавать ихъ за таковыхъ, или извлечь изъ св. писанія какое нибудь понятіе о божествѣ, религіи и церкви, не сообразное съ господствующими, былъ достоинъ жесточайшей казни. Такъ устроено человѣчество: оно, или бродитъ во мглѣ, или злоупотребляетъ свѣтомъ.

Урбанъ поссорился и съ Антоніотто Адорно, своимъ бывшимъ покровителемъ, и въ декабрѣ 1386 г. долженъ былъ покинуть Генную. Изгнанный изъ Генуи, онъ постоянно странствовалъ, изъ одного города въ другой, потому что хотя передъ нимъ и не запирали воротъ, но за то нигдѣ не соглашались подчиняться его власти, а, напротивъ, требовали, чтобы онъ самъ подчинялся мѣстнымъ властямъ. То же самое было и въ Генуѣ. Въ то время, какъ итальянцы поступали такъ съ папой, добродушные нѣмцы переносили отъ него все. Для успокоенія совѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы держать подалѣе отъ себя злаго итальянца, они давали ему деньги, на которыя онъ нанималъ солдатъ. Наконецъ,

они прислали къ нему депутацію князей и прелатовъ, съ самыми пышными обѣщаніями, если онъ согласится положить конецъ расколу, и ни мало не оскорбились тѣмъ, что онъ съ презрѣніемъ отослалъ обратно это посольство. Ничто, впрочемъ, не обрисовываетъ такъ хорошо личности Урбана, какъ то, что послѣ изгнанія изъ Генуи, онъ сталъ домогаться неаполитанской короны для своего племянника Франческо Бутилло, запятнаннаго всевозможными преступленіями и въ то самое время едва не забитаго до смерти, въ Перуджіи, во время одной грязной ссоры. Вдова Карла Малаго, Маргарита, употребляла всѣ усилія, чтобы смягчить папу, или, по крайней мѣрѣ, добиться отъ него разрѣшенія предать землѣ все еще остававшееся не погребеннымъ тѣло ея мужа, на которомъ тяготѣло церковное проклятіе. Для этого она даже даровала свободу его племяннику, который за свои преступленія былъ лишенъ владѣній и заключенъ въ темницу, и послала его къ дядѣ. Но суровый Урбанъ не смягчился. Онъ собралъ войско, и самъ повелъ его на Неаполь, но, заболѣвъ въ самомъ началѣ похода вслѣдствіе опаснаго паденія, долженъ былъ оставить свой планъ и распустить войска. Униженный и совершенно больной явился онъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ октябрѣ 1389 г., на радость всему христіанскому міру. Такъ какъ уже давно всѣ единогласно требовали низверженія Урбана и собранія вселенскаго собора для устраненія пагубнаго раскола, то римскіе кардиналы поспѣшили избрать новаго папу, прежде чѣмъ католическія державы успѣли отвѣтить на извѣстіе о смерти Урбана. Черезъ двѣ недѣли выборъ ихъ палъ на одного неаполитанца, принявшаго имя Бонифація IX.

3. Верхняя и средняя Италія въ первое время послѣ Кіоджійской войны.

При Бонифаціи IX римская іерархія пала еще ниже чѣмъ при Урбанѣ VI, потому что новый папа явно и безъ стыда тор-

говалъ священными предметами и употреблялъ суммы, пріобрѣтенныя такимъ способомъ, или открытымъ обманомъ, на возстановленіе свѣтской власти римскаго престола. Дитрихъ фонъ Нимъ наполнилъ цѣлыя двѣнадцать главъ своей исторіи исчисленіемъ тѣхъ невѣроятно наглыхъ средствъ, посредствомъ которыхъ Бонифацій, въ продолженіе многихъ лѣтъ, обиралъ материкъ Европы. Даже корыстолюбивая мать и братья папы промышляли продажею духовныхъ должностей, приходовъ, почетныхъ мѣстъ и индульгенцій. Одинъ нѣмецкій лѣтописецъ того времени говоритъ, указывая преимущественно на Германію, что такое неслыханное злоупотребленіе папскою властью унизило значеніе папы и что и безъ того уже презираемое духовенство совершенно пало въ общественномъ мнѣніи. Но простодушіе вѣрующихъ, хорошо централизованная система церкви и множество монаховъ и священниковъ, напущенныхъ Римомъ на Европу, сломили все, что противопоставлялъ имъ мѣстами здравый человѣческій разумъ, и Бонифацій достигъ цѣли. Ему удалось снова покорить церковную область и овладѣть въ самомъ Римѣ верховной властью.

Когда такимъ образомъ папа и флорентинцы подчиняли себѣ среднюю Италію, въ верхней продолжало возрастать могущество миланскихъ тиранновъ и хитрой Венеціи, потому что ни императоръ Карлъ IV, ни сынъ и преемникъ его Венцеславъ не вступались за города и мелкихъ владѣтелей. Фамиліи делла Скала въ Веронѣ, и Каррара въ Падуѣ, сохранявшія равновѣсіе въ продолженіе цѣлаго столѣтія, совершенно пали или утратили всякое значеніе. Эти фамиліи, такъ же какъ и Висконти, маркграфы монферратскіе, графы савойскіе и другіе владѣтельныя итальянскія династіи были сильны только наемными войсками, наводнявшими весь полуостровъ. По происхожденію, одна только фамилія Эсте имѣла право на княжеское достоинство; знатность происхожденія всегда имѣла огромное значеніе у народовъ германскаго племени, а потому Варнава и Галеаццо Висконти старались придать себѣ значеніе законной династіи посредствомъ брачныхъ союзовъ съ германскими,

французскими и англійскими владѣтельными домами (т. VIII. стр. 332). Фамилія делла Скала пала вслѣдствіе своего безразсудства и ослѣпленія; она была обязана своимъ могуществомъ одному изъ лучшихъ феодаловъ, сдѣлавшихся при Рудольфѣ Габсбургскомъ могущественными владѣтелями, въ качествѣ вассаловъ германскаго императора. Честный и побѣдоносный Канъ делла Скала, справедливо прославленный Данте (т. VIII. стр. 233 и т. VII. стр. 367), основалъ на сѣверо-востокѣ Ломбардіи родъ королевства и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1329 г., распространивъ господство Вероны до Фельтре и Чіудале. По смерти его, власть перешла къ двумъ его племянникамъ, Мастино и Альберту, а когда первый умеръ въ 1351 г., къ его сыну Кану Гранде, женатому на дочери Людовика Баварскаго. У Кана было еще два брата, Канъ Синьоре и Павелъ Альбоинъ, которыхъ онъ лишилъ участія въ правленіи, за что и былъ убитъ первымъ изъ нихъ на улицѣ, въ 1356 г. Канъ Синьоре управлялъ нѣкоторое время Вероной вмѣстѣ съ братомъ, но потомъ заключилъ его въ темницу, за дѣйствительное участіе въ одномъ заговорѣ, или только подъ этимъ предлогомъ. Впослѣдствіи, какъ мы уже видѣли, Канъ, лежа на смертномъ одрѣ, совершилъ второе братоубійство (т. VIII. стр. 483). Онъ оставилъ двухъ побочныхъ сыновей, Антоніо и Бартоломео, которые по его смерти раздѣлили между собой владѣнія. Старшій изъ нихъ пошелъ по слѣдамъ отца и въ 1381 г. велѣлъ умертвить брата, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ, даже умертвилъ его собственноручно. Этимъ поступкомъ онъ нажилъ себѣ смертельнаго врага въ Франческо Каррарскомъ, владѣтелѣ Падуи, публично обвинившимъ его въ этомъ преступленіи. Ихъ ссорой, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, воспользовались Висконти, чтобы погубить обѣ фамиліи делла Скала и Каррара. Въ это время, въ Мантуѣ царствовали такіе же злодѣи. Гвидо Гонзага еще при жизни передалъ власть старшему изъ трехъ своихъ сыновей Уголино. Уголино управлялъ государствомъ превосходно, но былъ убитъ двумя младшими братьями, Людовикомъ и Франческо, завладѣвшими послѣ того верховной

властью. Говорятъ, что это убійство повергло въ страшную горесть стараго отца ихъ, но другіе утверждаютъ, что оно было совершено съ его согласія (1362 г.).

Военное и совершенно восточное правленіе двухъ Висконти было, въ то же время, вполнѣ національнымъ. Судя по результатамъ, можно предположить, что для этихъ странъ, такъ же какъ и для Востока, правительство такого рода было самое полезное. Варнава и Галеаццо II правили подобно могущественнымъ восточнымъ тираннамъ, покровительствуя цивилизаціи, которая могла быть имъ полезна, но враждуя съ нравственностью и свободою, не уживавшимися съ ихъ эгоизмомъ. Поэтому, науки, искусства, земледѣліе, промышленность и торговля достигли при нихъ высокой степени развитія. Тираннамъ нечего было бояться своихъ подданныхъ. Жители городовъ и сельское населеніе Ломбардіи впали въ изнѣженность и уже привыкли, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, предоставлять веденіе войны тѣмъ, для кого она сдѣлалась исключительнымъ ремесломъ, и служили главною опорою двухъ тиранновъ. Граждане и крестьяне всегда были слабѣе постояннаго войска, хотя и малочисленнаго, но хорошо вооруженнаго и привыкшаго побѣждать, подъ начальствомъ своихъ вождей, опытныхъ въ стратегіи и тактикѣ. Варнава и Галеаццо не прекращали своихъ жестокостей даже и тогда, когда уже избавились отъ всѣхъ друзей свободы. Такъ, напримѣръ, Галеаццо нагло отнялъ однажды землю у одного изъ подданныхъ, чтобы устроить себѣ на томъ мѣстѣ обширный паркъ, а когда обиженный покусился отмстить ему, то онъ велѣлъ разорвать его на части лошадьми и изгнать изъ Милана его семейство. Варнава держалъ свору изъ пяти тысячъ гончихъ, размѣщенныхъ у всѣхъ богатыхъ гражданъ города; убившій птицу, или звѣря, или только заподозрѣнный въ этомъ, подвергался пыткѣ и увѣчьямъ, но за то убивать людей было позволено всѣмъ безъ исключенія подъ условіемъ уплаты тысячи золотыхъ флориновъ. Галеаццо умеръ естественною смертью, въ 1378 г.; но Варнава кончилъ точно такъ же какъ

Альбоинъ и Бартоломео делла Скала и Уголино Гонзага: онъ умеръ отъ руки своего ближайшаго родственника. Галеаццо наслѣдовалъ сынъ его, Іоаннъ Галеаццо, сдѣланный графомъ Вертю, послѣ женитьбы его на дочери французскаго короля. Онъ съ самаго начала сталъ помышлять объ устраненіи отъ власти своего дяди и четырехъ его сыновей. Къ тому же самому стремился и Варнава въ ущербъ племяннику. Прежде всего, онъ думалъ обмануть его и привлечь къ себѣ двойнымъ брачнымъ союзомъ, на который и получилъ разрѣшеніе отъ папы Урбана VI. Варнава выдалъ за Іоанна свою дочь Катарину, а сына, Людовика, женилъ на его сестрѣ Віолантѣ. Съ этой минуты онъ сталъ смотрѣть на племянника, какъ на вѣрную добычу, но тотъ своимъ пронырствомъ и коварствомъ перехитрилъ жестокаго и вспыльчиваго дядю. Прикинувшись подозрительнымъ и трусливымъ, онъ не выходилъ изъ дворца безъ хорошо вооруженной стражи и не пріѣзжалъ въ Миланъ, который, при раздѣлѣ между Галеаццо и Варнавою, остался общимъ достояніемъ братьевъ. Іоаннъ не противорѣчилъ, когда дядя вмѣшивался въ его дѣла и, прикрываясь суевѣріемъ и набожностью, ходилъ на богомолье ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершались чудеса или были особенно чтимыя иконы. Наконецъ онъ рѣшился нанесть Варнавѣ и его сыновьямъ давно задуманный ударъ. Отправляясь однажды на мнимое богомолье въ одно мѣстечко вблизи Милана, онъ взялъ съ собою сильный отрядъ тѣлохранителей. Это никого не удивило, потому что Іоаннъ поступалъ всегда такимъ образомъ; но на этотъ разъ онъ взялъ съ собой четыреста отборныхъ копейщиковъ, заранѣе условившись на счетъ всего съ ихъ начальниками. Планъ его основывался на томъ вѣрномъ расчетѣ, что Варнава и сыновья его, зная его трусость и чтобы не внушить ему опасенія, выѣдутъ на встрѣчу съ малочисленною свитою. Хитрость удалась вполнѣ. Варнава, выѣхавшій къ воротамъ Милана на встрѣчу племяннику, былъ схваченъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями (май 1385 г.). Двое остальныхъ бѣжали, но не могли удержаться нигдѣ, потому что всѣ города, давно

уже рѣшившіеся освободиться отъ варварскаго ига Варнавы, съ радостью передались Іоанну. Одинъ изъ бѣглецовъ, Карлъ, нашелъ пріютъ у своего зятя, герцога Леопольда II Австрійскаго; а другой, Мастино, десятилѣтній ребенокъ, былъ нѣкоторое время защищаемъ въ Брешіи друзьями отца и послѣ сдачи города отпущенъ въ Венецію съ ежегодной пенсіей въ тысячу золотыхъ флориновъ. Съ Варнавою Іоаннъ Галеаццо началъ родъ процесса и изложилъ всѣ его преступленія въ особомъ актѣ; тираннъ былъ казненъ въ темницѣ послѣ семимѣсячнаго строгаго заключенія, и никто, во всѣхъ миланскихъ владѣніяхъ, не нашелъ предосудительнымъ образа дѣйствій новаго правителя. Союзъ его съ Франціею скрѣпился новымъ бракомъ: дочь Галеаццо отъ перваго брака, Валентина, была помолвлена, черезъ два года, за несовершеннолѣтняго брата французскаго короля Карла VI, Людвика Туренскаго, игравшаго потомъ такую замѣчательную роль во французской исторіи. Этотъ союзъ получилъ важное политическое значеніе въ началѣ шестнадцатаго вѣка, когда, по пресѣченіи фамиліи Висконти и потомства Карла VI, на французскій престолъ вступилъ внукъ Валентины.

Вслѣдъ за паденіемъ жестокаго Варнавы палъ въ Веронѣ домъ делла Скала. Въ 1385 г. Антоніо делла Скала, котораго не любили въ Веронѣ и считали даже подмѣненнымъ сыномъ Кана Синьоре, подстрекаемый венеціанцами, началъ войну съ Франческо Каррарскимъ, правителемъ Падуи, не предчувствуя, что сдѣлается жертвою коварной, венеціанской аристократіи. Франческо не за долго до того отнялъ у Леопольда Австрійскаго нѣсколько городовъ въ тревизской мархіи и произвелъ въ 1385 г. нападеніе на патріарха аквилейскаго и маленькую республику Удине. Послѣдняя обратилась къ венеціанцамъ, и тѣ обѣщаніями и деньгами склонили Антоніо делла Скала подать помощь угнетеннымъ. Франческо Каррарскій, посѣдѣлый въ дѣлахъ политики и вѣрный своему обычному образу дѣйствій, первый протянулъ руку для примиренія, хотя молодой и пылкій Антоніо, играя именемъ отца и дѣда (Can—собака),

послалъ сказать ему, что молодая веронская собака скоро выгонитъ изъ норы старую падуанскую лисицу. Интриги венеціанцевъ помѣшали примиренію. Нападеніе со стороны Антоніо поставило владѣтеля Падуи въ большое затрудненіе, потому что ему пришлось вести войну разомъ на двухъ оконечностяхъ государства. Въ слѣдующемъ году веронскія войска разбили падуанскую милицію и подступили къ самой столицѣ; но тутъ Франческо Каррарскій созвалъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ наемныя дружины и однимъ ударомъ разрушилъ всѣ надежды Антоніо, который уже расчитывалъ на покореніе Падуи. Даже послѣ этой блистательной побѣды Франческо вторично предложилъ ему миръ; но паденіе Антоніо было какъ будто бы предопредѣлено: онъ отвергнулъ предложенія противника, хотя Франческо соглашался принять на себя всѣ издержки и убытки войны. Тогда владѣтель Падуи снова призвалъ дружины Гауквуда и другихъ кондоттьеровъ и переманилъ къ себѣ нѣмецкаго вождя, находившагося на службѣ Антоніо. Соединенныя дружины наемниковъ одержали надъ веронцами вторую столь же блистательную побѣду, но Франческо и на этотъ разъ остался вѣренъ своимъ правиламъ, убѣжденный въ томъ, что безъ помощи Галеаццо, ему не одолѣть правителя Вероны, и что, въ такомъ случаѣ, онъ, какъ слабѣйшій, непремѣнно будетъ обманутъ а побѣда, одержанная съ помощью Галеаццо, будетъ причиною его собственной гибели. По этому онъ возобновилъ мирныя предложенія веронскому владѣтелю; но ослѣпленный юноша, подстрекаемый венеціанцами, продолжалъ упорствовать. Тогда Франческо поручилъ напомнить ему басню Эзопа о лягушкѣ и о кротѣ, которые враждовали между собою до тѣхъ поръ, пока оба не сдѣлались добычею ястреба. Но все было тщетно и Франческо вступилъ, наконецъ, въ переговоры съ Галеаццо, который только того и ждалъ, давно уже замышляя обмануть и Антоніо, и Франческо. Съ первымъ онъ до той поры поддерживалъ самыя дружественныя сношенія, но венеціанцы удерживали не подозрѣвавшаго ихъ замысловъ Антоніо отъ тѣснаго союза съ Галеаццо. Молодой человѣкъ открылъ глаза только тогда, когда

узналъ о договорѣ между Франческо Каррарскимъ и миланскимъ тиранномъ. Это извѣстіе привело его въ отчаяніе, и онъ сталъ обвинять во всемъ венеціанцевъ. Тутъ только онъ предугадалъ то, что дѣйствительно случилось впослѣдствіи: онъ догадался, что Венеція замышляла погубить его для того, чтобы потомъ въ союзѣ съ Висконти низвергнуть и Франческо. Антоніо обратился за помощью къ германскому императору Венцеславу, но тотъ вмѣсто войска прислалъ ему своего уполномоченнаго. Однако и это дипломатическое вмѣшательство поставило Галеаццо въ большое затрудненіе, потому что Антоніо передалъ императорскому уполномоченному Верону съ ея цитаделью; но хитрый Іоаннъ нашелся и въ этомъ случаѣ. Онъ завелъ тайныя сношенія съ однимъ изъ веронскихъ гражданъ Бевилаквою, который взялся взорвать давно подготовленную мину. Прежде чѣмъ Антоніо успѣлъ передать Верону императору, Бевилаква произвелъ въ этомъ городѣ возстаніе и открылъ миланцамъ ворота. Антоніо бѣжалъ въ Венецію, но долженъ былъ покинуть этотъ городъ, когда венеціанцы заключили тѣсный союзъ съ Висконти. Тогда делла Скала удалился въ Романью, гдѣ и умеръ, въ слѣдующемъ году (1388), отъ руки убійцы. Предавъ Верону, Бевилаква поспѣшилъ въ Виченцу, которая по договору, заключенному между Франческо и Галеаццо, должна была достаться первому. Измѣннику не трудно было убѣдить жителей города передаться Іоанну Галеаццо, потому что они уже по одной сосѣдской враждѣ предпочитали миланское владычество падуанскому. Висконти сдѣлалъ впрочемъ видъ, что желаетъ согласно договору передать Виченцу Франческо, и завелъ съ нимъ по этому поводу переговоры, но въ то же время объявилъ, что граждане Виченцы не хотятъ и слышать о подчиненіи Падуи, и что жена его, дочь Варнавы и тетки послѣдняго делла Скала, отъ имени которой онъ и занялъ Виченцу, настаиваетъ на сохраненіи своего наслѣдственнаго права. Эти политическіе софизмы Галеаццо не уступали ни въ чемъ тѣмъ, которые мы нерѣдко читаемъ въ современныхъ намъ газетахъ; двое сыновей Варнавы

были еще живы, и потому наслѣдственныя права фамиліи делла Скала принадлежали прежде всего имъ. Но въ то самое время, какъ Галеаццо увѣрялъ Франческо въ готовности передать ему Виченцу, онъ внушилъ ея жителямъ объявить, черезъ особую депутацію, что городъ желаетъ остаться вѣренъ его женѣ и не признаетъ никакой другой власти.

Старый Франческо Каррарскій покорился обстоятельствамъ, которыя онъ давно предвидѣлъ, и былъ такъ благоразуменъ, что не раздражалъ сильнаго врага. Давно грозившая ему бѣда и безъ того скоро обрушилась на него. Чтобы спасти себя, онъ старался примириться съ республикою Удине и патріархомъ аквилейскимъ; посредничество между ними принялъ на себя маркграфъ Альбертъ д'Эсте и въ январѣ 1388 г. собрался конгрессъ, на которомъ дѣло уже готово было уладиться; но Бевилаква, присланный туда Іоанномъ Галеаццо, предложилъ собравшимся на конгрессъ представителямъ договаривавшихся державъ раздѣлить падуанскія владѣнія, и предложеніе его было принято. Іоаннъ Галеаццо, Венеція, Гонзага Мантуанскій, республика Удине и маркграфъ д'Эсте заключили между собою договоръ о раздѣлѣ, и дѣло Франческо Каррарскаго было потеряно. Съ падуанцами онъ обращался такимъ образомъ, что могъ скорѣе опасаться ихъ, чѣмъ положиться на нихъ въ этомъ случаѣ, а Галеаццо успѣлъ уже вступить съ ними въ тайныя сношенія чрезъ пословъ, которыхъ онъ присылалъ въ Падую для переговоровъ о Виченцѣ. Друзья Франческо измѣнили ему въ минуту опасности, такъ же какъ и онъ самъ всегда измѣнялъ своимъ друзьямъ. Повѣренные его совѣтовали даже его сыну, Франческо Новелло, заключить въ темницу своего ненавистнаго всѣмъ отца и овладѣть властью; но тотъ съ негодованіемъ отвергнулъ этотъ совѣтъ. Не имѣя ни денегъ, ни союзниковъ, ни войска, Франческо счелъ за лучшее удалиться въ Тревизо, на признательность которой имѣлъ нѣкоторое право расчитывать, и передалъ правленіе сыну, къ которому падуанцы были повидимому расположены. Но и эта мѣра не имѣла успѣха. Измѣна окружала самого Фран-

ческо Каррарскаго, въ Тревизо, и сына его, въ Падуѣ, а крѣпости переходили одна за другою въ руки миланцевъ: приближеніе враговъ вынудило наконецъ стараго Франческо удалиться въ тревизскій замокъ, а сынъ его въ ту же осень долженъ былъ сдаться Іоанну Галеацдо на капитуляцію. Вскорѣ послѣ того старый Франческо уступилъ ему по договору всѣ оставшіяся еще за нимъ владѣнія. Хотя и отецъ и сынъ сдались на извѣстныхъ условіяхъ, но хитрый миланецъ поступилъ съ ними по своему обыкновенію. Онъ не нарушилъ открыто заключенныхъ съ ними условій, но и не выполнилъ ихъ. Въ первые годы плѣна онъ предоставлялъ старому Франческо нѣкоторую свободу, но потомъ сталъ все болѣе и болѣе стѣснять ее и, наконецъ, заключилъ въ одинъ нагорный замокъ, гдѣ онъ и прожилъ до самой смерти (1394 г.). Сыну его Іоаннъ назначилъ въ пользованіе замокъ и значительные доходы, чтобы тѣмъ вѣрнѣе держать его въ своихъ сѣтяхъ. Но молодой человѣкъ вскорѣ догадался, что Іоаннъ имѣетъ намѣреніе отдѣлаться отъ него втихомолку, и успѣлъ во время бѣжать.

Между тѣмъ трусливый владѣтель Милана неутомимо трудился въ своей столицѣ Павіи надъ расширеніемъ государства. Не довѣряя ни кому, онъ никогда не выходилъ изъ своихъ покоевъ безъ многочисленной стражи, а помѣщеніе его, особливо спальня, были такъ же неусыпно охраняемы, какъ и дворецъ Діонисія Старшаго (т. III. 317.). Іоаннъ никогда не предводительствовалъ войскомъ лично, но всегда побѣждалъ хитростью и, чтобы прежде всего удовлетворить венеціанцевъ, отдалъ слѣдовавшіе имъ по договору тревизскіе города. Послѣ того онъ обратилъ все свое вниманіе на Флоренцію и Болонью, съ покореніемъ которыхъ ему уже не стоило бы большаго труда завоевать всю Италію. Для этой цѣли онъ воспользовался низостью членовъ владѣтельнаго дома д'Эсте и положеніемъ дѣлъ въ Романьи. По совѣту Галеаццо, Альбертъ д'Эсте умертвилъ по смерти своего брата Николая все его семейство, запятнавъ этимъ злодѣйствомъ древнѣйшую изъ ломбардскихъ владѣтельныхъ фамилій. Ненавидимый подданными за

это преступленіе, онъ былъ вынужденъ держаться Іоанна Галеаццо, паденіе котораго должно было увлечь и его. Равеннская владѣтельная фамилія Полента также была ненавидима всѣми за свою жестокость, а въ Перуджіи дворянство позволяло себѣ неслыханные поступки съ горожанами. По этому Іоаннъ Галеаццо, желая воспользоваться неудовольствіями въ этихъ двухъ городахъ, набралъ войско и при этомъ случаѣ сдѣлалъ даже попытку овладѣть Болоньею; впрочемъ эта попытка не удалась вслѣдствіе одного случайнаго обстоятельства. Главною цѣлью интригъ Галеаццо была Флоренція. Онъ уже успѣлъ составить себѣ въ Тосканѣ партію, но Франческо Новелло разстроилъ всѣ его планы.

Послѣ многихъ приключеній, Франческо, счастливо бѣжавшій отъ миланскаго деспота, явился къ пизанцамъ, которые приняли его радушно, но, опасаясь Галеаццо, не могли дать ему у себя безопаснаго убѣжища. Франческо отправился оттуда во Флоренцію, куда пріѣхала къ нему и вся его многочисленная семья съ остатками богатствъ (апрѣль, 1389 г.). Отецъ прислалъ къ нему гонца съ просьбою во что бы то ни стало овладѣть Падуею, не заботясь о его судьбѣ. Гонецъ вручилъ Франческо три рубина, цѣною въ полтораста тысячъ дукатовъ, — единственную драгоцѣнность, которую старику удалось спасти отъ рукъ Галеаццо. Вначалѣ флорентинцы приняли бѣглеца холодно, потому что въ то время, подобно Болоньи, вели съ Галеаццо переговоры о союзѣ; но вскорѣ, узнавъ о его планахъ, они вмѣстѣ съ Болоньею рѣшились поддерживать Франческо, для того чтобы отвлечь отъ себя вниманіе миланскаго тиранна. По совѣту этихъ городовъ, Франческо отправился къ герцогу Стефану Баварскому, женатому на дочери Варнавы Висконти и имѣвшему по этому особенное основаніе быть союзникомъ враговъ Іоанна. Стефанъ обѣщалъ прислать войско, если Флоренція и Болонья примутъ его на свое содержаніе. Но прежде чѣмъ результатъ переговоровъ со Стефаномъ сдѣлался извѣстенъ флорентинцамъ и болонцамъ, о немъ узналъ Іоаннъ Галеаццо и поспѣшилъ заключить союзный дого-

воръ съ послами двухъ городовъ, уже полгода ожидавшими этого въ Миланѣ. Болонья и Флоренція дали знать объ этомъ Франческо Новелло, который между тѣмъ пріѣхалъ въ Каринтію, чтобы набрать тамъ союзниковъ и собрать нужныя свѣдѣнія для нападенія на падуанскую область со стороны Фріуля. Планы его, казалось, совершенно разстроились, потому что безъ денегъ нельзя было и думать о баварской помощи, а съ однѣми собственными силами онъ не могъ бороться противъ Галеаццо. Но вскорѣ Галеаццо самъ вывелъ его изъ затрудненія. Узнавъ, что Флоренція и Болонья, полагаясь на заключенный съ нимъ союзъ, отказались отъ баварской помощи, онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя маску и, поддерживаемый своими приверженцами въ Романьѣ и Тосканѣ, напалъ на оба эти города. Болонья и Флоренція поспѣшно дали знать Франческо и поручили ему возобновить договоръ со Стефаномъ. Герцогъ обѣщалъ явиться въ Италію въ маѣ; но Франческо, зная, что на него нельзя полагаться, отправился, не ожидая его, съ небольшимъ отрядомъ во Фріуль, гдѣ друзья его собрали втайнѣ нѣсколько сотъ наемниковъ. Ему благопріятствовало то, что всѣ силы и вниманіе миланскаго тиранна были направлены тогда на южныя границы его государства. Но едва Франческо вступилъ на итальянскую землю, какъ встрѣтилъ новое и неожиданное препятствіе. Патріархъ аквилейскій прислалъ сказать ему, что при всей своей доброй волѣ не можетъ пропустить его чрезъ свои владѣнія безъ разрѣшенія Венеціи. Франческо послалъ просить объ этомъ республику; болонцы и флорентинцы поддерживали его просьбу; но въ то же время прислалъ въ Венецію пословъ и Галеаццо. Венеціанцы, давно уже перемѣнившіе свою политику и желавшіе тогда удалить изъ своего сосѣдства миланскаго властителя, сдѣлали однако видъ, что намѣрены сохранять нейтралитетъ и разрѣшили обѣимъ воюющимъ сторонамъ проходъ по своей территоріи.

Наконецъ для Франческо открылся путь въ Падую, но чтобы имѣть возможность угрожать своему врагу и со стороны Вероны,

онъ предварительно вступилъ въ переговоры съ партіею сына Антоніо делла Скала, шестилѣтняго Канъ Франческо, жившаго въ Романьѣ и перевезеннаго тогда въ Венецію. Едва онъ приблизился къ своимъ бывшимъ владѣніямъ, какъ за него поднялась вся масса сельскаго населенія, такъ что наемники Галеаццо, чтобы не быть отрѣзанными, должны были укрыться въ укрѣпленной Падуѣ. Но въ іюнѣ 1390 г. и она перешла во власть Франческо. Остальныя незначительныя крѣпости также передались ему и вся страна признала его своимъ государемъ. Венеція, Флоренція и Болонья заключили съ нимъ союзъ. Пятьсотъ человѣкъ опытнаго войска, присланные миланскимъ тиранномъ на помощь падуанскому гарнизону, явились слишкомъ поздно, но, по крайней мѣрѣ, сохранили для Галеаццо Верону, гдѣ населеніе уже возстало въ пользу молодаго Кана Франческо. Возстановивъ съ неслыханной жестокостью владычество тиранна въ Веронѣ, войска его двинулись на Падую, гдѣ во власти миланцевъ оставались еще два зàмка; но болонцы и флорентинцы прислали Франческо своихъ наемниковъ, въ которыхъ болѣе не нуждались, потому что вниманіе Іоанна Галеаццо было отвлечено Падуею и Вероной. Въ то же время подоспѣлъ на помощь и Стефанъ Баварскій. Миланскій гарнизонъ долженъ былъ, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, очистить падуанскія крѣпости, Франческо удержался въ своихъ владѣніяхъ и равновѣсіе въ верхней и средней Италіи, нарушенное возрастающею властью Милана, было снова возстановлено.

4. Послѣдніе годы царствованія Карла IV.

Императоръ Карлъ IV видѣлъ въ германской имперіи только средство, а не цѣль, и заслуживаетъ, относительно Италіи, всѣ упреки, которыми Данте несправедливо осыпаетъ Рудольфа Габсбургскаго и его сына Альбрехта. Послѣдній римскій походъ Карла не принесъ ему другой чести, кромѣ церемоніи коронаціи его

жены. Въ Германіи онъ только усилилъ анархію и безконечныя феодальныя распри, отдавая въ залогъ имперскіе или вольные города и сыпля граматами, надъ составленіемъ которыхъ неутомимо работала его канцелярія.

Чтобы дать понятіе о повсемѣстной анархіи, не прибѣгая къ избитымъ описаніямъ и пышнымъ фразамъ, достаточно бросить взглядъ на тогдашнее состояніе бранденбургскаго маркграфства и положеніе дѣлъ въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ. Въ Бранденбургѣ и Мекленбургѣ, рыцари, или вѣрнѣе, разбойники, называвшіеся синицами (т. VIII. стр. 292), грабили по большимъ дорогамъ, отнимали у купцовъ товары и обирали сосѣдей; бранденбургскій маркграфъ Оттонъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ по смерти брата, Людовика Римскаго (1365 г.), все маркграфство (т. VIII. стр. 298), былъ до такой степени безсиленъ противъ этого зла, что мекленбургскіе герцоги и граждане города Любека приняли на себя полицейскій надзоръ и отправленіе уголовнаго суда въ его владѣніяхъ; они разрушили въ одной части маркграфства рыцарскіе зàмки, сдѣлавшіеся настоящими притонами хищниковъ, и казнили владѣльцевъ ихъ какъ простыхъ воровъ; но это, разумѣется, не уняло разбоевъ и грабежей остальнаго рыцарства; въ то же время, пользуясь безсиліемъ Оттона, Бранденбургъ опустошали сосѣдніе, нижне-саксонскіе рыцари и поляки, а померанскіе герцоги вели съ нимъ войну до самаго 1372 г. Таково было положеніе и другихъ частей имперіи. Повсемѣстные безпорядки и возраставшая путанница общественныхъ отношеній усиливались еще возникавшимъ значеніемъ городовъ. Значеніе такъ называемыхъ имперскихъ городовъ расло вмѣстѣ съ ихъ богатствомъ; города эти пріобрѣли самостоятельность, потому что могли защищаться собственными силами, и ихъ вооруженная буржуазія замѣняла тяжелыми пищалями то, чего ей недоставало со стороны военнаго искусства и опытности. Однако, большинство городовъ, по крайней мѣрѣ въ верхней Германіи, находилось въ исключительномъ положеніи, потому что въ нихъ образовалось сословіе патриціевъ, принадлежавшихъ или

къ рыцарству и владѣвшихъ, какъ итальянскіе патриціи, землями и княжествами, или включенныхъ въ сословіе гражданъ и обязанныхъ городу всѣмъ своимъ значеніемъ. Кромѣ того, во многихъ городахъ отдѣльные кварталы, дома и лица, состоявшіе подъ вѣдомствомъ какого нибудь епископа, или, наконецъ, находившіеся въ стѣнахъ города монастыри и другія подобныя учрежденія нерѣдко представляли собою настоящія государства въ государствѣ, а граница между республиканскою и муниципальною свободою была опредѣлена не довольно точно. Послѣднее сдѣлалось особенно замѣтнымъ, когда Карлъ IV сталъ эксплуатировать города, добровольно признавшіе надъ собою его власть, назначая въ нихъ намѣстниками именно тѣхъ феодаловъ, отъ которыхъ они думали укрыться подъ его защиту, или даже занимая деньги подъ залогъ ихъ. Еще запутаннѣе были отношенія между рыцарствомъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ имперіи и рыцарствомъ, подчиненнымъ имперскимъ князьямъ, но состоявшимъ въ родствѣ или въ союзѣ съ феодалами; и то, и другое по древности своего происхожденія нисколько не уступало большинству владѣтельныхъ князей, постепенно возвышавшихся изъ ихъ же среды. Рыцарство имѣло такое же право какъ и князья рѣшать свои споры мечомъ и копьемъ и, соединившись между собою, не только равнялось имъ силою, но даже превосходило ихъ, тѣмъ болѣе, что войско князей состояло изъ того же самаго рыцарства. Слѣдуя примѣру городовъ и князей, оно старалось достичь соединенными силами того, чего не могло добиться отъ императора и имперскихъ судовъ, то есть законнаго порядка и точнаго выполненія судебныхъ приговоровъ. Однимъ союзамъ оно противопоставляло другіе и поддерживало такимъ образомъ кулачное право.

Союзы заключались между отдѣльными рыцарскими домами или областями, а иногда и между отдаленными провинціями. Они существовали подъ различными наименованіями въ Мекленбургѣ, Саксоніи, Бранденбургѣ, Вестфаліи, Тюрингіи, Гессенѣ, на Рейнѣ и, въ особенности, въ Швабіи, гдѣ не было значительныхъ

феодаловъ, пока между ними не достигъ преобладанія, посредствомъ грабежа и убійства, графъ вюртембергскій. Въ Гессенѣ существовалъ союзъ Звѣзды, въ который вступило болѣе трехсотъ пятидесяти владѣтелей замковъ, а въ цѣломъ, болѣе двухъ тысячъ рыцарей Гессена, Вестфаліи, Франконіи и Веттерау. Этотъ союзъ избралъ своей эмблемой звѣзду изъ герба своего начальника, графа фонъ Цигенгайна. Въ Вестфаліи возникъ, такъ же какъ и въ Швабіи, союзъ рыцарей Булавы, принявшихъ своей эмблемой изображеніе маленькой булавы; въ Брейзгау, на Рейнѣ и въ Веттерау были рыцари Льва; въ Швабіи,—рыцари щитовъ св. Вильгельма и св. Георгія и т. д. Всѣ эти союзы считали грабежъ, наравнѣ съ охотой, привилегіею рыцарства и имѣли исключительною цѣлью войну съ городами, также вступавшими между собою въ союзы для охраны своей гражданской свободы, промышленности и торговли. Все это привело наконецъ имперію въ такое же состояніе, въ какомъ мы видимъ нынѣ Курдистанъ, Аравію и другія, подобныя страны.

Карлъ IV слѣдовалъ въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ, политикѣ, господствовавшей въ ту пору въ Италіи, или, иными словами, руководился принципомъ нашего времени: всегда примѣняться къ обстоятельствамъ. Онъ то дружился съ городами, покровительствовалъ ихъ союзамъ и освобождалъ ихъ изъ подъ залога и власти намѣстниковъ; то снова обезпечивалъ своихъ кредиторовъ достояніемъ бережливыхъ и трудолюбивыхъ горожанъ, и назначалъ фогтами въ города именно тѣхъ феодаловъ, которые были наиболѣе враждебны имъ. Злѣйшимъ врагомъ городовъ былъ въ то время Эбергардъ Плакса Вюртембергскій, а послѣ смерти Карла IV, Леопольдъ II Австрійскій. Карлъ, какъ мы уже говорили выше (т. VIII. стр. 298), употреблялъ сначала Эбергарда, какъ орудіе противъ городовъ и сдѣлалъ его имперскимъ намѣстникомъ Швабіи, а потомъ принялъ противъ него сторону городовъ. Впослѣдствіи Эбергардъ снова попалъ къ нему въ такую милость, что даже первый изъ германскихъ князей пріобрѣлъ

право не подлежать никакому суду кромѣ верховнаго суда императора, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ обратно намѣстничество. Въ Швабіи нельзя было и думать тогда о мирѣ. Вскорѣ послѣ примиренія съ императоромъ Эбергардъ началъ войну съ рыцарями Булавы, которые едва не взяли его въ плѣнъ, напавъ ночью на маленькій городокъ Вильдбадъ. Въ этой войнѣ Эбергардъ вступилъ въ союзъ съ городами, но вскорѣ послѣ того снова сдѣлался ихъ врагомъ, когда города, въ числѣ тридцати одного, соединились противъ рыцарства. При этомъ онъ вытребовалъ у нихъ огромныя суммы, заранѣе увѣренный, что императоръ не будетъ этому прекословить, потому что самъ поручилъ Эбергарду взимать съ городовъ налоги. Города взволновались еще болѣе, когда въ 1376 г. Карлъ, расположивъ къ себѣ князей и рыцарство деньгами и пирами, убѣдилъ ихъ избрать его наслѣдникомъ сына его, Венцеслава, и для покрытія этихъ расходовъ заложилъ Эбергарду, за сорокъ тысячъ гульденовъ, швабскіе города Вейль, Эсслингенъ и Гмюндъ, съ нѣкоторыми деревнями въ Роттвейлѣ. Восемнадцать городовъ соединились для общаго сопротивленія такому наглому произволу, и императоръ повелъ войско усмирять ихъ. Но при Ульмѣ его постигла такая же неудача, какъ нѣкогда при Цюрихѣ (т. VIII. стр. 303). Честь его была спасена только благодаря посредничеству баварскихъ герцоговъ. Послѣ того онъ пригласилъ города прислать депутатовъ въ Нюрнбергъ, какъ будто за тѣмъ, чтобы рѣшить споръ законнымъ путемъ, но въ дѣйствительности для того, чтобы оставить все по старому. Города продолжали настаивать на своемъ. Наконецъ междоусобія и безпорядки превысили всякую мѣру, такъ что Карлъ послалъ въ Германію сына Венцеслава, для того чтобы его именемъ произвести судъ и расправу между рыцарями и городами. Это первое и единственное появленіе Венцеслава въ Германіи, имѣвшее цѣлью собственно устройство внутреннихъ дѣлъ, не имѣло блистательнаго результата. Онъ остановился не надолго въ Ротенбургѣ на Тауберѣ и успѣлъ водворить такъ называемый земскій миръ во

Франконія, Баварія, южной Швабіи и средне-рейнскихъ провинціяхъ (апрѣль, 1377 г.); но война продолжала свирѣпствовать въ сѣверной Швабіи, и императорскій намѣстникъ Эбергардъ выказалъ себя въ ней самымъ лютымъ и хищнымъ изъ разбойниковъ рыцарей. Одинъ особенно счастливый случай доставилъ наконецъ городамъ нѣкоторый отдыхъ: сынъ Эбергарда, Ульрихъ, испыталъ при нападеніи на Рейтлингенъ такое страшное пораженіе, что рыцарство должно было прекратить войну, чтобы оправиться отъ неудачи. Это расположило императора къ городамъ. Видя, что перевѣсъ оказался на сторонѣ городовъ, Карлъ постарался, передъ смертью, расположить ихъ въ пользу сына. Отнявъ (1378 г.) намѣстничество у Эбергарда Плаксы, онъ передалъ его другу и союзнику городовъ, герцогу Фридриху Баварскому, намѣстнику Эльзаса, и выкупилъ у Эбергарда самые большіе изъ швабскихъ городовъ, оставивъ у него въ залогѣ незначительныя мѣстечки.

Имперію раздирали волненія и безпорядки, а Карлъ помышлялъ только о расширеніи и обогащеніи Богеміи. Послѣ втораго римскаго похода, онъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы присоединить къ Богеміи Силезію и остатокъ Бранденбурга. Зять его, Оттонъ Бранденбургскій, не пользовался почти никакимъ значеніемъ; легкомысленный и расточительный, онъ безпрестанно занималъ у Карла деньги, доставляя ему этимъ легкій способъ прибирать къ рукамъ одинъ бранденбургскій городъ за другимъ. Наконецъ, Оттонъ поссорился съ тестемъ и, помирившись съ братомъ Стефаномъ Баварскимъ и двоюродными братьями графами пфальцскими, принялъ мѣры, чтобы по его смерти бранденбургское маркграфство возвратилось въ его фамилію. Вначалѣ Карлъ не мѣшалъ ему, не считая благоразумнымъ ссориться съ нимъ пока это было еще не безопасно. Онъ располагалъ приняться за это, когда ему удастся привлечь на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, поссорить съ Баваріею своего врага и союзника баварскаго дома, Людовика Венгерскаго. Въ 1373 г., заключивъ съ венгерскимъ

королемъ перемиріе на два года, Карлъ вступилъ въ маркграфство съ небольшимъ отрядомъ войска. Оттонъ и племянникъ его Фридрихъ, котораго многіе города признали наслѣдникомъ маркграфства, не имѣя возможности сопротивляться, должны были заключить съ императоромъ мирный договоръ, въ императорскомъ лагерѣ, при Фюрстенвальдѣ: старинныя, наслѣдственныя права Карла на Бранденбургъ, были возстановлены, а у Оттона было отнято все, даже титулъ и права курфирста, и оставлена только небольшая, ежегодная пенсія и сумма денегъ, занятая у него подъ залогъ четырехъ имперскихъ городовъ. Стефанъ, разумѣется, былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и принялся грабить и опустошать Богемію; но Карлъ отплатилъ ему за это, примѣнивъ право сильнаго и къ Баваріи, такъ что въ октябрѣ 1373 г. Стефанъ былъ вынужденъ признать договоръ, заключенный въ Фюрстенвальдѣ. Старанія удержать курфиршеское достоинство ввели слабаго Оттона въ большія издержки, не соотвѣтствовавшія его средствамъ; онъ удалился, наконецъ, въ замокъ Вольфштейнъ, въ Баваріи, гдѣ и прожилъ остатки своихъ дней въ любовной связи съ одной мельничихою. Онъ умеръ въ 1379 г., обремененный долгами, и еще за долго до смерти отказался отъ курфиршескаго достоинства въ пользу императора, сохранивъ изъ всѣхъ бывшихъ правъ только избирательный голосъ. Вначалѣ Карлъ присоединилъ бранденбургское маркграфство къ Богеміи, но потомъ снова отдѣлилъ его и отдалъ второму сыну, Сигизмунду. Сигизмондъ

Въ то самое время, какъ Карлъ оставлялъ германскіе города на жертву хищному рыцарству или, какъ доказываютъ его поступки въ Швабіи и фюрстенвальдскій договоръ, закладывалъ ихъ для удовлетворенія своимъ личнымъ нуждамъ, въ Богеміи онъ тщательно заботился о народномъ благосостояніи, безопасности страны, просвѣщеніи и законахъ. Онъ поднялъ этимъ богемскіе города и подчинилъ своей власти непокорныхъ феодаловъ и рыцарей. Богемія наслаждалась при немъ счастьемъ, но оно продолжалось только пока онъ былъ живъ; по его смерти и въ Богеміи, какъ повсюду,

дѣла пошли еще хуже прежняго. Карлъ старался развивать въ этой странѣ науки и искусства, о которыхъ, такъ же какъ о торговлѣ и промышленности, онъ получилъ въ Италіи совершенно иныя понятія, чѣмъ его воинственные соотечественники, и желая сдѣлать изъ пражскаго университета средоточіе процвѣтавшихъ въ Италіи наукъ, призвалъ въ Богемію итальянскихъ художниковъ. Для развитія богемской и бранденбургской торговли Карлъ хотѣлъ воспользоваться Эльбою и доставить своему государству, чрезъ посредство Любека, участіе во всемірной торговлѣ. Произведенія Богеміи и Бранденбурга должны были быть отправляемы по Эльбѣ чрезъ Магдебургъ и Любекъ въ Балтійское и Сѣверное моря, а тѣсный союзъ Карла съ маркграфомъ мейсенскимъ былъ порукою въ томъ, что судамъ его всегда будетъ открытъ путь между этими двумя странами. Избравъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Тангермюнде въ Бранденбургѣ и устроивъ все, какъ слѣдуетъ, онъ отправился, въ октябрѣ 1375 г., въ Любекъ. Сдѣлавъ туда, по своему обычаю, торжественный въѣздъ, онъ публично и гласно призналъ городъ Любекъ одною изъ пяти главныхъ республикъ тогдашняго міра, поставивъ его на ряду съ Римомъ, Венеціею, Флоренціею и Пизою и признавъ за его сенаторами достоинство, котораго никто не покушался оспаривать у сенаторовъ Венеціи и Флоренціи. Онъ назвалъ любекскаго бургомистра и членовъ совѣта господами, объявивъ во всеуслышаніе, что этотъ титулъ принадлежитъ имъ по праву, потому что Любекъ одинъ изъ пяти главныхъ городовъ римской имперіи.

Чтобы покрыть издержки на всѣ эти путешествія и содержаніе блистательнаго двора, Карлъ торговалъ въ Германіи своими императорскими правами, закладывалъ зависѣвшіе отъ него города или продавалъ въ нихъ мѣста намѣстниковъ и злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ при замѣщеніи духовныхъ должностей. Относительно послѣдняго, лучшимъ примѣромъ можетъ служить споръ за епископство майнцское, показывающій къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводило неестественное сліяніе чисто-прав-

ственной религіи съ политикою и свѣтсткою властью. При выборѣ новаго епископа, майнцскіе каноники раздѣлились на двѣ партіи: одна избрала епископа шпейерскаго, Адольфа Нассаускаго, а другая епископа бамбергскаго, Людовика Тюрингскаго, брата ландграфа мейссенскаго и тюрингскаго. Трудно рѣшить, который изъ нихъ былъ менѣе достоинъ этого званія, потому что оба они были равно безнравственны. Адольфъ, какъ подозрѣваютъ, отравилъ своего предшественника; но если это и не доказано, то нельзя съ другой стороны опровергнуть того, что онъ былъ отъявленнымъ разбойникомъ и впослѣдствіи вооружилъ противъ себя Венцеслава, учредивъ безъ его позволенія двѣ таможни. Людовикъ былъ извѣстенъ какъ охотникъ, пьяница и танцоръ и въ этомъ качествѣ пріобрѣлъ такую репутацію, что когда наконецъ сломалъ себѣ шею во время безумной карнавальной потѣхи, всѣ приписали его смерть дѣлу дьявола. Такъ какъ имъ обоимъ не доставало полнаго числа голосовъ, чтобы сдѣлаться епископами, то они могли достичь этого сана только съ согласія папы или императора. Они обратились къ Карлу и къ Григорію XI. Первый, руководимый болѣе политикою и суевѣріемъ, чѣмъ добросовѣстностью, принялъ сторону Людовика, который могъ быть болѣе полезенъ ему при избраніи его сына Венцеслава въ римскіе короли. Императоръ убѣдилъ папу назначить въ епископы Людовика (1374 г.). Но Адольфъ уже занялъ большую частъ майнцской епархіи и, поддерживаемый рыцарствомъ Рейна и Веттерау, взялся за оружіе, не обращая вниманія ни на императорское повелѣніе, ни на отлученіе отъ церкви. Таково было то время, когда кулакъ рѣшалъ на чьей сторонѣ было право. Опустошительное вліяніе войны, вспыхнувшей вслѣдствіе этого спора, распространялось на всю мѣстность отъ Рейна до Тюрингіи, такъ какъ Людовика поддерживали его братья и рыцарство Тюрингіи и Мейссена.

Въ слѣдующемъ году императоръ устроилъ сдѣлку, упрочившую за Венцеславомъ голосъ Людовика, отложивъ окончаніе борьбы и принеся въ жертву интересы Майнца; каждый изъ двухъ претен-

дентовъ получилъ право на титулъ архіепископа и на занятую имъ часть эпархіи, но съ условіемъ чтобы Людовикъ не пользовался противъ Адольфа интердиктомъ.

Въ слѣдующемъ году Карлъ безъ труда добился избранія сына въ римскіе короли (1376 г.). Въ голосѣ бранденбургскаго курфирста онъ былъ увѣренъ, какъ въ своемъ собственномъ, благодаря зависимости, въ какую былъ поставленъ имъ Оттонъ; за майнцскаго курфирста подавалъ голосъ епископъ Людовикъ; саксонскій герцогъ былъ лучшимъ другомъ императора, а остальные курфирсты были подкуплены деньгами и землями, которыя съ тѣхъ поръ никогда уже не возвращались къ имперіи. Карлъ задобрилъ и папу въ ущербъ германской націи, издавъ отъ имени сына манифестъ, главнымъ содержаніемъ котораго было косвенное признаніе зависимости имперіи отъ римскаго престола. Венцеславъ былъ избранъ и коронованъ въ Ахенѣ съ величайшею пышностью. Чтобы успокоить добрыхъ нѣмцевъ относительно того, что государство ихъ не будетъ снова предано въ жертву интересамъ Богеміи, Карлъ изложилъ имъ въ собственноручномъ посланіи, какія всестороннія познанія пріобрѣлъ сынъ его Венцеславъ отъ учителей и какъ онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ отца въ занятіяхъ имперской канцеляріи, гдѣ дѣйствительно весьма много писали и прикладывали печатей. Но послѣдствія показали, что Венцеславъ среди скучныхъ учителей и канцелярской пыли помышлялъ только объ удовольствіяхъ охоты и веселыхъ попойкахъ. Огромныя издержки, которыхъ стоило избраніе и коронація, обрушились на города; но мы уже видѣли, что они рѣшились сопротивляться, и потому императоръ долженъ былъ отказаться отъ своихъ требованій.

Не смотря на подагру и другія болѣзни, одолѣвавшія Карла, онъ предпринялъ въ концѣ 1377 г. путешествіе въ Парижъ, въ сопровожденіи Венцеслава. Тщеславію французскаго короля Карла V было лестно имѣть императора судьею въ распрѣ съ Англіею, или вѣрнѣе, воспользоваться имъ, какъ авторитетомъ для рѣшенія англо-французскаго вопроса. Это путешествіе было затруднительно

для императора и стоило ему большихъ издержекъ, но онъ утѣшился пышными церемоніями, почетомъ и поклоненіемъ св. мощамъ, которыя онъ могъ посѣщать дорогою. Однако, издержки эти истощили императорскую казну, наполненную посредствомъ всякихъ не всегда чистыхъ продѣлокъ, и едвали Венцеславъ наслѣдовалъ отъ него большія сокровища, какъ полагаютъ нѣкоторые. По распоряженію французскаго короля, Карлъ былъ осыпанъ всевозможными почестями, при чемъ однако французы остерегались подать ему поводъ считать европейскихъ государей зависимыми отъ римскаго императора. Такъ, напримѣръ, въ германскіе города императоръ въѣзжалъ всегда на бѣлой лошади: при въѣздѣ же во французскіе города ему съ умысломъ давали всегда вороную. Всѣ должностныя лица, встрѣчавшія императора, въ своихъ рѣчахъ должны были ясно давать ему чувствовать, что они дѣйствуютъ не по сознанію своей обязанности относительно его, а по волѣ и отъ имени своего государя; имъ было предписано кончать всегда свои рѣчи словами: „такова воля нашего короля и повелителя.“ Впрочемъ Карлъ переступилъ французскую границу уже послѣ рождества, вѣроятно не пожелавъ упустить случая исполнять должность иподіакона, то есть читать, съ мечомъ въ рукѣ, евангеліе. Онъ до такой степени дорожилъ этою византійскою привилегіею, что во все царствованіе только однажды, по болѣзни, упустилъ случай воспользоваться ею. Описаніе всѣхъ оказанныхъ ему во Франціи почестей, данныхъ въ честь его праздниковъ и всѣхъ совершенныхъ имъ дорогою поклоненій мощамъ, наполняютъ, во французскихъ лѣтописяхъ, цѣлый томъ; но мы только скажемъ, какимъ образомъ французскій король сдѣлалъ императора орудіемъ своихъ цѣлей. Карлъ V собралъ французскихъ и нѣмецкихъ вельможъ, прибывшихъ въ Парижъ съ императоромъ, и составилъ для рѣшенія своихъ споровъ съ Англіею родъ суда, въ которомъ председательствовали онъ самъ и императоръ. Здѣсь по обыкновенію была разыграна комедія безпристрастнаго суда. Французскій король представилъ разные документы и въ продолженіе

двухъ часовъ говорилъ рѣчь, которую императоръ, полу-французъ по воспитанію и происхожденію, перевелъ своимъ нѣмцамъ. Послѣ того императору былъ предложенъ вопросъ: находитъ ли онъ правымъ французскаго короля и сдѣлалъ ли тотъ съ своей стороны все для предупрежденія кровопролитія. Императоръ обвинилъ англичанъ, объявивъ, что Франція сдѣлала даже слишкомъ много для предотвращенія войны и затѣмъ собралъ голоса присутствовавшихъ нѣмцевъ, которые, разумѣется, поддакивали своему государю. Эта странная сцена имѣла дѣйствіе нынѣшнихъ дипломатическихъ нотъ: нѣмцамъ это чрезвычайно польстило, и гласный приговоръ ихъ замѣнилъ манифестъ.

На пасхѣ 1378 г. императоръ вернулся въ Германію, а въ ноябрѣ того же года умеръ отъ давно мучившей его болѣзни. Послѣднею заботою его былъ раздѣлъ своихъ наслѣдственныхъ или пріобрѣтенныхъ провинцій. Старшій сынъ его, Венцеславъ, получилъ Богемію, Силезію и Оберпфальцъ; второму, Сигизмунду, еще ранѣе былъ предоставленъ во владѣніе Бранденбургъ, вмѣстѣ съ курфиршескимъ достоинствомъ, а младшій, Іоаннъ, наслѣдовалъ нижнюю Лузацію, съ Яуеромъ, Шведницомъ и Гёрлицомъ. Двумъ сыновьямъ своего умершаго брата Іоанна Генриха, Іодоку или Іобсту и Прокопію, Карлъ оставилъ маркграфство Моравію, а другой братъ его, Венцеславъ остался владѣтелемъ давно уже уступленнаго ему родоваго семейнаго владѣнія Люксембурга.

5. Германская имперія при Венцеславѣ до учрежденія миланскаго герцогства (1395 г.).

Въ ноябрѣ 1378 г. на императорскій престолъ вступилъ восемнадцатилѣтній Венцеславъ. Дѣла находились въ самомъ запутанномъ положеніи. Необходимо было рѣшить или уладить споры между германскими городами и феодалами и положить наконецъ пре-

дѣлы разбоямъ рыцарства; въ то же время расколъ въ церкви грозилъ окончательно разорвать связь между Франціею и люксембургской династіи, потому что французскій король объявилъ себя за папу Климента VII, а Венцеславъ и германскія сословія оставались вѣрными его противнику, Урбану VI, котораго Карлъ IV незадолго до смерти призналъ законнымъ папою. Впрочемъ, церковныя дѣла не тревожили Германіи до конца столѣтія, когда этотъ вопросъ былъ затронутъ Франціей и только въ слѣдующемъ столѣтіи повели къ кровавымъ распрямъ. Вначалѣ для Германіи было даже выгодно, что онѣ возникли и тамъ по поводу рѣшенія спора о майнцской эпархіи, не совсѣмъ оконченнаго Карломъ IV. Это было тѣсно связано съ первыми правительственными мѣрами молодаго императора.

Изъ германскихъ князей одинъ Рупрехтъ I Пфальцскій не высказался еще ни за одного изъ папъ; сторону Климента VII приняли Адольфъ Нассаускій, удержавшій за собою большую часть майнцской эпархіи, и австрійскій герцогъ Леопольдъ II. Оба они отличались хищничествомъ и распутствомъ и оба высказались за папу, непризнаннаго имперіею, единственно для того, чтобы вынудить императора къ нѣкоторымъ уступкамъ. Опаснѣйшимъ изъ нихъ былъ Леопольдъ. По обычаю габсбургскаго дома, онъ владѣлъ австрійскими землями сообща съ братомъ Альбрехтомъ III, но получилъ въ свое исключительное владѣніе большую часть страны. Эти, собственно ему принадлежавшія, земли лежали въ Эльзасѣ, Швабіи и Швейцаріи; къ нимъ были присоединены Каринтія, Крайна и другія пограничныя съ Италіею мѣстности. Стараясь извлечь возможно большую выгоду изъ раздора папъ, Леопольдъ заключилъ нѣсколько договоровъ съ Климентомъ VII, тогда какъ честный и миролюбивый Альбрехтъ, которому Леопольдъ отравлялъ всю жизнь, принялъ сторону папы, признаннаго имперіею. Но Леопольдъ не могъ приносить въ Германіи большой пользы французскому папѣ, будучи слишкомъ занятъ собственными дѣлами съ Венеціею и швабскими городами, а въ особенности, съ ордою француз-

скихъ, англійскихъ и гасконскихъ авантюристовъ. Эти авантюристы ворвались, въ 1374 г., въ Бургундію, или нынѣшнюю французскую Швейцарію, подъ предводительствомъ знаменитаго французскаго полководца, Ангерана де Куси (т. VIII. стр. 459), которому нужно было рѣшить тамъ частный споръ о наслѣдствѣ. Они проникли до самаго Люцерна, гдѣ къ нимъ пристали, изъ ненависти къ Леопольду, графы фонъ Нидау и фонъ Кибургъ. Но гасконцы испытали тамъ кровавыя пораженія: одно въ Энтлибухѣ, и два въ окрестностяхъ Берна, такъ что Ангеранъ долженъ былъ, съ большою потерею, удалиться въ Савоію, а главный отрядъ его авантюристовъ бросился въ Эльзасъ и долго еще продолжалъ воевать тамъ съ Леопольдомъ. Чтобы переманить герцога на сторону итальянскаго папы, Венцеславъ предоставилъ ему, за сорокъ тысячъ золотыхъ гульденовъ, званіе фогта верхней и нижней Швабіи. Хотя Леопольдъ и послѣ того не разорвалъ союза съ Климентомъ, но союзъ этотъ не приносилъ никакой пользы французскому папѣ, потому что императоръ съумѣлъ привлечь на сторону Урбана Адольфа Майнцскаго и Рупрехта Пфальцскаго. Рупрехтъ легко склонился на это, видя, что всѣ остальные имперскіе князья не хотятъ признавать иного папы, кромѣ Урбана VI. Адольфъ Нассаускій покинулъ Климента, потому что Венцеславъ убѣдилъ Людовика Тюрингскаго уступить Адольфу всю майнцскую эпархію и курфиршеское достоинство, а взамѣнъ того принять магдебургскую эпархію. Разумѣется, это было плохимъ исходомъ дѣла для германской церкви, такъ какъ примасомъ ея сдѣлался буйный разбойникъ, а первостепенная эпархія сѣверной Германіи досталась развратнѣйшему изъ прелатовъ. Венцеславъ не желалъ совершеннаго разрыва съ Франціей, хотя она и признавала антипапу, однако долженъ былъ сблизиться съ Англіею, которая, подобно Германіи, была на сторонѣ Урбана VI. Онъ заключилъ въ 1381 г. тѣсный союзъ съ Ричардомъ II противъ враговъ римскаго папы, или такъ называемыхъ схизматиковъ, и выдалъ за англійскаго короля сестру свою Анну. Императоръ взялъ за этотъ союзъ весьма

значительную сумму, потому что нуждался въ деньгахъ и не зналъ, гдѣ добыть ихъ. Венцеславъ вообще не выказывалъ ни того почтенія къ духовенству, ни того суевѣрія, какими отличался его отецъ. Въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ онъ нерѣдко обращался съ духовенствомъ съ военнымъ деспотизмомъ, по славянски, и въ дѣлахъ религіи покровительствовалъ людямъ, которые послѣ брака сестры императора съ англійскимъ королемъ занесли въ Богемію ученіе Уиклефа и стали проповѣдывать его съ пражскихъ каѳедръ.

Относительно городовъ Венцеславъ намѣревался, повидимому, покинуть систему, принятую передъ смертью его отцомъ. Новый императоръ перешелъ на сторону князей и подъ предлогомъ сбора государственныхъ податей отдалъ имъ на жертву города. Это видно изъ того, что онъ отнялъ званіе намѣстника Швабіи у герцога Фридриха, покровительствовавшаго городамъ, и передалъ его отъявленному врагу ихъ, герцогу Леопольду Австрійскому. Къ счастію, Леопольдъ былъ слишкомъ занятъ тогда венеціанцами и остатками шаекъ Ангерана. Для защиты отъ него, швабскіе города вступили между собою въ союзъ, и это подало Эбергарду Вюртембергскому мысль соединить въ одно цѣлое рыцарскіе союзы, составившіеся для поддержанія кулачнаго права. Но тогда къ швабскому городскому союзу пристали не только часть прирейнскихъ городовъ, но самъ пфальцграфъ, баварскіе герцоги, маркграфъ баденскій и многіе другіе миролюбивые владѣтели, желавшіе, при совершенномъ безсиліи императора и сеймовъ, оградить себя хотя этимъ (1381 г.). Такимъ образомъ въ Швабіи, Эльзасѣ и на Рейнѣ образовалась огромная конфедерація, состоявшая большею частью изъ городовъ и пользовавшаяся такимъ же могуществомъ на югѣ, какъ ганзейскій союзъ на сѣверѣ. Къ несчастью, города стали злоупотреблять этимъ, вначалѣ чисто оборонительнымъ, союзомъ и превратили его въ наступательный; самоувѣренность ихъ страшно возрасла, а ихъ войска стали позволять себѣ такія же насилія, какъ наемники итальянскихъ республикъ. Князья,

графы и владѣтели также стали соединяться другъ съ другомъ и междоусобія дошли до того, что вся южная и средняя Германія была залита кровью. Наконецъ Эбергарду Вюртембергскому, воевавшему до тѣхъ поръ съ союзомъ городовъ, пришла въ голову мысль соединить его съ союзомъ рыцарства, такъ чтобы споры между ними рѣшались болѣе не самоуправствомъ, а закономъ и безпристрастными судьями. По его убѣжденію, города и рыцарство заключили въ 1382 г. въ Эхингенѣ союзъ и условились рѣшать всѣ споры между собой общимъ союзнымъ судомъ, или по приговорамъ избранныхъ спорящими сторонами третейскихъ судей. Хотя вначалѣ союзъ этотъ былъ заключенъ всего на одинъ годъ, въ родѣ перемирія, но впослѣдствіи онъ сдѣлался исходной точкой переворота, который, не остановленный во время, могъ бы поколебать монархическій принципъ въ Германіи и доставить перевѣсъ республиканскому вліянію городовъ. Въ доказательство основательности этого положенія, стоитъ только назвать нѣкоторые отдаленные отъ Швабіи города, принадлежавшіе къ союзу; мы видимъ между ними Майнцъ, Франкфуртъ, Вецларъ, Кобургъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Мюнхенъ, Базель, Страсбургъ и т. д.

Опасность, со стороны городовъ, испугала не только князей, но и самого Венцеслава, совершенно позабывавшаго о государственныхъ дѣлахъ на охотѣ и попойкахъ. Онъ пробудился отъ своего усыпленія и въ концѣ того же года поспѣшилъ въ Германію, прежде, чѣмъ оба союза успѣли совершенно слиться. Онъ имѣлъ въ виду водворить всеобщій миръ императорскимъ авторитетомъ, а не способомъ, придуманнымъ Эбергардомъ, и съ этою цѣлью созвалъ въ Нюрнбергѣ сеймъ, на которомъ, въ февралѣ 1383 г., былъ заключенъ всеобщій миръ, на два года; чтобы упрочить его, имперію раздѣлили на четыре округа и въ каждый изъ нихъ назначили особаго начальника. Читая грамату, составленную въ Нюрнбергѣ, мы видимъ въ каждомъ пунктѣ ея здравый, практическій смыслъ умнаго, прямодушнаго поколѣнія, но тѣмъ не менѣе, грамата эта не принесла никакой

пользы, потому что была составлена такимъ образомъ, что необходима должна была возбудить недовѣріе городовъ. Въ обсужденіи ея принимали участіе только феодалы, потому что на нюрнбергскомъ сеймѣ присутствовало весьма немного представителей городовъ; предложеніе Венцеслава было принято одними князьями и князья же были поставлены блюстителями закона, порядка и выполненія граматы въ четырехъ округахъ имперіи. Еще болѣе недовѣрія внушало то обстоятельство, что первыми приняли нюрнбергскія мирныя условія Эбергардъ и Леопольдъ, злѣйшіе враги городовъ; можно даже предполагать, что и самимъ существованіемъ своимъ эта грамата была обязана собственно имъ. Самъ Венцеславъ далъ вскорѣ понять городамъ, что̀ ихъ ожидаетъ, если они подчинятся нюрнбергскому имперскому союзу и такимъ образомъ отдадутъ себя на произволъ князей: императоръ утвердилъ за Леопольдомъ Австрійскимъ званіе намѣстника Швабіи и въ угоду майнцскому епископу и каноникамъ уничтожилъ дарованныя, за три года передъ тѣмъ, городу Майнцу льготныя граматы. Вслѣдствіе всего этого, города отказались принять нюрнбергскій договоръ, а вскорѣ отмѣнилъ его и самъ Венцеславъ, вѣроятно потому, что ему объяснили, что новый уставъ предоставляетъ слишкомъ много власти четыремъ окружнымъ князьямъ. Въ слѣдующемъ году императоръ вторично пріѣхалъ въ Германію и созвалъ сеймъ въ Гейдельбергѣ, для установленія земскаго мира (іюль, 1384 г.). На этотъ разъ онъ созвалъ множество представителей городовъ для того, чтобы составить новый, выгодный для нихъ договоръ. Эту перемѣну приписываютъ вліянію престарѣлаго и умнаго курфирста пфальцскаго Рупрехта I. Въ Гейдельбергѣ былъ составленъ новый уставъ земскаго мира, который, не нарушая заключенныхъ передъ тѣмъ договоровъ, долженъ былъ быть соблюдаемъ съ іюля 1384 г. до слѣдующаго Духова дня и, сверхъ того, еще три года; городамъ было не только разрѣшено сохранить свой союзъ, но и принимать участіе въ дѣлахъ окружнаго управленія и судопроизводства. Но союзъ ихъ съ князьями и рыцарствомъ остался на

прежнихъ условіяхъ; союзный судъ долженъ былъ соблюдать прежніе уставы и прежній порядокъ отношеній; налоги должны были уплачиваться по прежнему и Леопольдъ остался намѣстникомъ. Города тѣмъ менѣе могли и желали подчиниться этимъ условіямъ, что, соединенные между собою, составляли сильнѣйшую партію. Кончилось тѣмъ, что планъ всеобщаго мира послужилъ только поводомъ ко всеобщей войнѣ. Леопольдъ Австрійскій, покончивъ дѣла съ Франческо Каррарскимъ за тревизскую мархію (т. VIII. стр. 498), обратился со всѣми силами противъ городовъ. Тѣ заключили въ Констанцѣ (1385 г.) союзъ со многими другими городами крайняго юга Швабіи, или нынѣшней Швейцаріи, которые еще принадлежали тогда къ имперіи, но не останавливались на этомъ, когда дѣло касалось ихъ интересовъ. Эти города, соединенные съ древнѣйшими кантонами Швейцаріи, были Цугъ, Цюрихъ, Бернъ, Золотурнъ и Люцернъ; они также вели безпрестанныя войны съ сосѣдними феодалами, особенно съ главою и представителемъ ихъ Леопольдомъ Австрійскимъ. При союзѣ швейцарскихъ городовъ съ швабскими, всѣ выгоды были явно на сторонѣ первыхъ, потому что швабскіе города обязались подавать имъ помощь повсюду, тогда какъ швейцарскіе ограничили для себя эту обязанность весьма тѣснымъ кругомъ. Но даже и въ этомъ кругѣ они уже нѣсколько разъ по заключеніи констанцскаго договора не отвѣчали на призывъ швабскихъ городовъ, всегда находя какой нибудь предлогъ для нарушенія своихъ обязательствъ. По этому германскіе города и съ ними Бернъ расчитали, что для нихъ выгоднѣе примириться съ Леопольдомъ, который, съ своей стороны, охотно протянулъ имъ руку, считая распаденіе констанцскаго союза дѣломъ первой важности для своихъ интересовъ.

Это случилось въ то самое время, когда Леопольдъ былъ вынужденъ начать войну съ четырьмя кантонами, безпрестанно оттягивавшими у него доходы и подданныхъ. Рыцарство и въ Швейцаріи, какъ въ Германіи, угнетало вассаловъ барщиною и поборами; поэтому граждане Люцерна въ послѣднее время не рѣдко

разрушали учреждаемыя на границахъ ихъ таможни и давали у себя право гражданства вассаламъ рыцарей. Вслѣдствіе того возникали войны, въ которыхъ весь швейцарскій союзъ поддерживалъ Люцернъ. Единодушіе всегда доставляло имъ побѣду, тогда какъ германская имперія, обязанная защищать своихъ членовъ, казалась однимъ призракомъ. Такимъ образомъ Леопольдъ и лучшіе друзья его испытали уже много потерь. Наконецъ разрушеніе одного укрѣпленнаго городка, который жители Люцерна совершенно срыли изъ ненависти къ феодаламъ, побудили рыцарей и вождя ихъ Леопольда дать имъ отпоръ соединенными силами; но это предпріятіе, безразсудно начатое, кончилось гибелью самого рыцарства и снова заставило всю Европу трепетать передъ именемъ швейцарцевъ. Леопольдъ созвалъ все рыцарство сѣверной Швейцаріи и съ толпою жалкихъ ландскнехтовъ повелъ его на швейцарцевъ. Встрѣча произошла при З е м п а х ѣ, въ іюлѣ 1386 г. Рыцарство, по обыкновенію, начало битву съ необузданной пылкостью, не сообразивъ, что мѣстность, въ которой закованной въ тяжелую броню кавалеріи невозможно было повернуться, напротивъ, какъ нельзя болѣе благопріятствовала искусной, превосходно вооруженной пѣхотѣ швейцарцевъ, защищавшихъ родные очаги. Исходъ битвы не могъ быть сомнительнымъ, хотя противъ войска Леопольда сражалось всего полторы тысячи швейцарцевъ. Это былъ отборный отрядъ, имѣвшій передъ своими врагами не только преимущество мѣстности и вооруженія, но и численности, потому что жалкая толпа мужиковъ, приведенная Леопольдомъ, не заслуживала и названія войска. Кромѣ того, битва происходила въ самое жаркое время года, и стоило только сбить съ ногъ спѣшившихся рыцарей, чтобы они не могли уже болѣе подняться и задохнулись подъ тяжестью собственнаго вооруженія. Что въ этой битвѣ погибло двѣ тысячи бѣдныхъ крестьянъ, не представляетъ еще ничего особенно замѣчательнаго и не служитъ доказательствомъ храбрости швейцарцевъ; но для исторіи рыцарства и всѣхъ подчиненныхъ ему странъ было замѣчательно то, что въ этой битвѣ

легло шестьсотъ пятьдесятъ представителей знатнѣйшихъ фамилій Германіи, и въ томъ числѣ самъ герцогъ Леопольдъ. Конфедераты приписали свою побѣду римскому героизму Арнольда фонъ Винкельрида, который, какъ разсказываютъ, захватилъ въ охапку сколько могъ устремленныхъ впередъ копій рыцарей и направилъ ихъ на свою грудь, проложивъ такимъ образомъ своимъ соотечественникамъ дорогу въ желѣзные сомкнутые ряды враговъ. Изслѣдовать правдоподобность этого факта было бы столь же безполезно, сколько и несправедливо. Война, побѣды и покупки земель увеличили союзъ швейцарцевъ; кромѣ того къ нимъ пристало множество феодальныхъ владѣтелей, рыцарей и мѣстечекъ, для того, чтобы пользоваться защитою кантоновъ или раздѣлять ихъ славу и получаемое ими отъ итальянскихъ республикъ жалованье. Бернъ снова отдѣлился отъ Германіи и присталъ къ швейцарскому союзу. Однако рыцарство еще разъ собралось съ силами; но, потерявъ при Земпахѣ лучшихъ своихъ воиновъ и въ Леопольдѣ своего храбрѣйшаго предводителя, оно черезъ два года, въ апрѣлѣ 1388 г., испытало отъ жителей кантона Гларуса новое, страшное пораженіе при Нефельсѣ. Это была уже третья побѣда надъ тяжело вооруженнымъ рыцарствомъ, доставившая швейцарской пѣхотѣ репутацію непобѣдимости.

Битва при Земпахѣ была полезна и для германскихъ городовъ, потому что избавила ихъ отъ Леопольда. Вмѣсто него, Венцеславъ назначилъ намѣстникомъ Швабіи простаго дворянина, у котораго не было княжества, а слѣдовательно и заботъ о сохраненіи и расширеніи его. Императоръ обѣщалъ кромѣ того (1387 г.) никогда не назначать къ нимъ въ намѣстники князей. Впрочемъ распри между городами и феодалами не прекращались, и Германія оставалась въ томъ же положеніи. Венцеславъ до того предавался охотѣ, что уже вовсе не заботился о государственныхъ дѣлахъ, и его нельзя было иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца убѣдить подписать какую нибудь бумагу. Въ два года (1385 — 1387 г.) онъ ни разу не заглянулъ въ Германію, хотя гейдель-

бергскій миръ долженъ былъ кончиться въ 1388 г., и продленіе его зависѣло отъ стараній императора. Императоръ раздавалъ только граматы и привилегіи депутаціямъ отдѣльныхъ городовъ, являвшимся къ нему въ Богемію. Эти привилегіи, расточаемыя безъ предварительныхъ изслѣдованій, нерѣдко находились въ противорѣчіи съ другими и только увеличивали всеобщую неурядицу. Наконецъ, германскіе князья и въ особенности Рупрехтъ I Пфальцскій убѣдились, что при такомъ полномъ отсутствіи національнаго единодушія и всякаго законнаго порядка имперія неминуемо должна пасть, и чтобы предотвратить это рѣшились принять двѣ мѣры для возстановленія княжескаго и императорскаго значенія (1386 г.). Во первыхъ, князья и феодалы заключили между собою оборонительный союзъ для защиты своей власти и привилегій отъ произвола и, въ особенности, отъ городовъ съ ихъ наемными дружинами; этотъ княжескій союзъ принялъ названіе Фемгерихта, т. е. собственно вестфальскаго тайнаго судилища, напоминавшаго собой правосудіе ассасиновъ. Оно было учреждено на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вестфальское, и, составляя, какъ и все остальное, аномалію, считало судебное убійство средствомъ для возстановленія права, закона и порядка (т. VIII. стр. 143). Члены этого судилища, при которомъ императоръ могъ сдѣлаться совершенно излишнимъ, отправили къ Венцеславу депутацію съ порученіемъ просить его пріѣхать въ Германію и, вѣроятно въ то же время, намекнуть ему, что если онъ не думаетъ о подданныхъ, то можетъ лишиться престола.

Слѣдующею весною Венцеславъ пріѣхалъ (1387 г.) въ Нюрнбергъ и тотчасъ же далъ понять, что не слишкомъ довѣряетъ княжескому союзу. Онъ выказалъ большое благоволеніе къ городамъ, успокоилъ ихъ, какъ уже выше сказано, относительно намѣстниковъ и обезпечилъ для тридцати девяти городовъ продолженіе гейдельбергскаго земскаго мира, за что тѣ съ своей стороны обѣщали ему поддержку въ случаѣ, если бы князья сдѣлали покушеніе низложить его. Самонадѣянность купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ,

составлявшихъ населеніе городовъ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ, въ видѣ аристократіи, рыцарствомъ, еще болѣе возрасла; къ бывшимъ имперскимъ городамъ то и дѣло присоединялись новыя поселенія, и городская демократія стала наконецъ угрожать существованію всей феодальной системы. Съ обѣихъ сторонъ начались приготовленія къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что конецъ гейдельбергскаго мира былъ уже близокъ. Чтобы продлить его, Венцеславъ созвалъ, осенью, сеймъ въ Мергентгеймѣ, на который однако лично не явился, а прислалъ трехъ уполномоченныхъ. На этомъ сеймѣ былъ заключенъ новый всеобщій миръ до 1390 г., на основаніи прежняго гейдельбергскаго договора. Но этотъ договоръ былъ черезъ двѣ недѣли нарушенъ, и между городами и феодалами вспыхнула открытая война. Герцогъ Фридрихъ Баварско-Ландсгутскій, находившійся во враждѣ съ архіепископомъ Пильгримомъ Зальцбургскимъ, предательски взялъ въ плѣнъ противника, когда тотъ явился по приглашенію для переговоровъ о мирѣ. Архіепископъ былъ союзникомъ городовъ, которые немедленно вступились за него, тѣмъ болѣе, что баварскіе герцоги стали грабить товары ихъ, провозимые чрезъ баварскія владѣнія. Война сдѣлалась неизбѣжною. Венцеславъ письменно отказался отъ герцога Фридриха и поручилъ городамъ отстаивать условія мирнаго договора, приславъ имъ даже (впрочемъ, это не достовѣрно) вспомогательное войско изъ Богеміи, но не принялъ личнаго участія въ возникшей вслѣдъ за тѣмъ войнѣ между его подданными.

Въ апрѣлѣ 1388 г. собрался конгрессъ представителей швабскихъ, франкскихъ и прирейнскихъ городовъ и отъ имени всѣхъ ихъ объявилъ войну феодальнымъ владѣтелямъ. Такимъ образомъ въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ вспыхнула кровопролитная война, въ которой обѣ стороны, т. е. и рыцарство, и города, грабили, жгли и убивали наперерывъ другъ передъ другомъ. Города поручили веденіе этой войны наемнымъ дружинамъ, отъ которыхъ страшно терпѣли бѣдные вассалы феодаловъ и вообще все сельское сословіе; въ одной Швабіи было разорено въ этотъ

годъ около тысячи двухсотъ деревень и мѣстечекъ. Города въ высшей степени ожесточили этимъ своихъ противниковъ, и, вообще не слишкомъ единодушные между собою, феодалы соединились на этотъ разъ въ самый тѣсный союзъ противъ республиканской дерзости городовъ. Перевѣсъ съ самаго начала оказался на сторонѣ князей, которые разомъ напали на своихъ враговъ; горожане были не такъ привычны къ военному дѣлу, какъ рыцарство, для котораго война и охота составляли ежедневныя занятія. Хотя у горожанъ и было много вооруженныхъ людей, но въ этомъ числѣ весьма мало вполнѣ обученныхъ военному дѣлу, такъ что, напримѣръ, въ одномъ изъ главныхъ сраженій этой войны были вполнѣ вооружены только восемдесять два ульмца, семьдесятъ базельцевъ, семьдесятъ два нюрнберца и всего двое ратниковъ изъ Линдау. Города Франконіи покорились безъ рѣшительной битвы бургграфу нюрнбергскому, которому прислали помощь маркграфъ тюрингскій и мейссенскій. Эбергардъ Вюртембергскій разбилъ однимъ ударомъ, при Дёффингенѣ, ополченія швабскихъ городовъ (августъ 1388 г.), которыя предприняли опустошительный набѣгъ на владѣнія его и его союзниковъ и осадили укрѣпленное кладбище Дёффингенъ, куда несчастное населеніе деревень снесло все свое имущество; но Эбергардъ и сынъ его Ульрихъ подоспѣли на помощь осажденнымъ и отмстили врагамъ. Войско швабскихъ городовъ, состоявшее изъ четырехъ тысячъ опытныхъ солдатъ, кромѣ тысячи человѣкъ всякаго сброда, не имѣвшаго никакого оружія и слѣдовавшаго за первыми только для грабежа, оказало упорное сопротивленіе и положило на мѣстѣ до шестисотъ враговъ, въ томъ числѣ Ульриха; тѣмъ не менѣе Эбергардъ одержалъ блистательную побѣду. Со стороны городовъ пало полторы тысячи всадниковъ; ихъ вожди и рыцари попались въ плѣнъ или были перебиты и только немногіе спаслись бѣгствомъ. Черезъ три мѣсяца и прирейнскіе города потерпѣли страшное пораженіе въ графствѣ пфальцскомъ, на которое они напали съ своими наемными войсками. Рупрехтъ I далъ имъ при Вормсѣ такой урокъ, что изъ войска ихъ

спаслось всего сто человѣкъ. Та же самая участь постигла и франкфуртцевъ. Сначала они, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, разбили рыцарей Таунуса; но на помощь къ послѣднимъ явился Рупрехтъ и далъ франкфуртцамъ при Кроненбургѣ рѣшительное сраженіе, въ которомъ они потеряли шестьдесятъ человѣкъ убитыми и болѣе четырехъ сотъ плѣнными. Такимъ образомъ города повсюду уступали князьямъ и рыцарямъ. Между тѣмъ Германія представляла такое же зрѣлище, какъ нынѣшняя Африка или Курдистанъ. Лѣтописцы разсказываютъ намъ самымъ одобрительнымъ тономъ, что наслѣдственный врагъ Эбергарда, Вольфъ фонъ Вуннештейнъ, только потому сражался рядомъ съ нимъ, при Дёффингенѣ, что ненавидѣлъ города еще болѣе чѣмъ Эбергарда; но за то тотчасъ послѣ сраженія Вольфъ, почти передъ глазами Эбергарда, ограбилъ его бѣдныхъ крестьянъ. Кромѣ того лѣтописи сообщаютъ, какъ нѣчто весьма обыкновенное, что за войскомъ швабскихъ городовъ слѣдовала, какъ на востокѣ вороны, толпа всякой сволочи, искавшей единственно добычи, и что въ войскѣ прирейнскихъ городовъ служило шестьдесятъ извѣстныхъ воровъ и разбойниковъ, которыхъ пфальцграфъ велѣлъ за живо бросить въ печь, то есть придумалъ для нихъ казнь, вполнѣ соотвѣтствовавшую ихъ злодѣйствамъ.

Въ этой войнѣ города потеряли цвѣтъ своихъ гражданъ и потратили огромныя суммы на выкупъ плѣнныхъ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они, къ довершенію всего, были покинуты союзнымъ съ ними рыцарствомъ и въ этой крайности обратились къ императору. Въ то же время отправили къ Венцеславу депутатовъ и князья, съ требованіемъ, что бы онъ разорвалъ союзъ побѣжденныхъ городовъ и вернулся въ Германію для довершенія того, что они такъ счастливо начали. Венцеславъ былъ поставленъ этими требованіями въ крайне затруднительное положеніе и уже думалъ сложить съ себя германскую корону. Онъ рѣзко отвѣтилъ депутатамъ князей, что не намѣренъ подобно своему отцу и дѣду тратить богемскія деньги на поѣздки въ Германію, и вслѣдъ затѣмъ въ октябрѣ 1389 г. созвалъ сеймъ въ Эгерѣ. Передъ откры-

тіемъ сейма къ Венцеславу пріѣхалъ герцогъ Фридрихъ Баварскій и успѣлъ возстановить его противъ горожанъ. Со стороны городовъ на сеймъ явилось мало депутатовъ, а всѣ собравшіеся на него князья и епископы были отъявленными врагами гражданской свободы и такого городскаго устройства, которое вывело бы города изъ непосредственной зависимости отъ императорскихъ намѣстниковъ. Не мудрено, что Венцеславъ еще до составленія новаго имперскаго положенія отмѣнилъ особымъ декретомъ союзъ городовъ, не упоминая вовсе о лигѣ между князьями и рыцарствомъ. Но декретъ этотъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, и въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Эгерѣ, были воспрещены всѣ союзы безъ исключенія. Въ томъ же договорѣ были установлены третейскіе суды и указаны мѣры къ приведенію въ исполненіе ихъ приговоровъ. Всѣ эти постановленія, какъ и многія подобныя имъ, остались только на бумагѣ; многіе города положительно объявили, что, не смотря на рѣшеніе сейма, сохранятъ свой союзъ: то-же сдѣлало и большинство рыцарства. Замѣчательнѣе всего въ новомъ эгерскомъ соглашеніи та степень значенія, на которую, не смотря на недавнее пораженіе, впервые поставлены были города, Эгерскій договоръ начинается слѣдующей статьей: „курфирсты, князья, господа и города обязаны содѣйствовать другъ другу въ соблюденіи закона, на основаніяхъ мирнаго договора“; а далѣе, по поводу учрежденія третейскихъ судовъ, говорится, что въ нихъ должны назначать отъ себя по четыре человѣка, съ одной стороны, города, а съ другой — курфирсты, князья и феодалы. Такимъ образомъ города впервые являются здѣсь самостоятельнымъ государственнымъ сословіемъ, на ряду съ феодальными владѣтелями и князьями. Вотъ какіе успѣхи сдѣлали въ Германіи торговля и промышленность, составлявшія исключительное занятіе буржуазіи; даже рыцарскіе миннезенгеры обратились въ мѣщанскихъ мейстерзенгеровъ, и въ слѣдующемъ же столѣтіи поэзія исключительно поселилась въ городахъ.

Въ наше время, когда Валленштейнъ возведенъ въ герои, а

Наполеонъ въ боги, Венецеславъ, такъ же какъ и датскій король Христіанъ II, нашелъ себѣ ревностныхъ защитниковъ. Что касается насъ, то мы вовсе не намѣрены доказывать софизмами, что вещь бѣла, когда она очевидно черна для всякаго здраваго глаза; но тѣмъ не менѣе, мы готовы признать въ Венцеславѣ много хорошихъ качествъ и согласиться, что положеніе его было весьма затруднительно, потому что онъ долженъ былъ управлять въ Богеміи по славянскимъ, а въ Германіи по германскимъ обычаямъ. Къ несчастью, отецъ воспитывалъ его педантически и цѣлые дни держалъ его за скучными, канцелярскими занятіями, такъ что Венцеславъ, вырвавшись на волю, страстно предался охотѣ, а потомъ, вслѣдствіе болѣзни, пьянству, и падалъ все ниже и ниже. Его нельзя было назвать человѣкомъ буйнаго нрава; напротивъ, онъ былъ образованъ, ласковъ въ обращеніи, уменъ, справедливъ и отъ природы остроуменъ, а между его министрами было не мало людей проницательныхъ и энергическихъ. Но несчастная страсть къ вину и охотѣ не рѣдко доводила его до состоянія какого-то звѣрскаго бѣшенства. Понятно, что о такомъ человѣкѣ можно сказать много и дурнаго, и хорошаго. Когда онъ, какъ говоритъ одинъ лично знавшій его лѣтописецъ, былъ слегка выпивши, умъ его оживлялся и блисталъ остроуміемъ и веселостью; но если онъ переступалъ извѣстную мѣру, или, бросивъ благоразумныхъ совѣтниковъ, удалялся съ товарищами своихъ оргій въ зàмки и лѣса, — имъ овладѣвало кровожадное неистовство, свойственное отчаяннымъ пьяницамъ и обыкновенно приводящее ихъ къ тупоумію, или положительному безумію. Въ такомъ состояніи онъ совершалъ неслыханныя звѣрства, или безразсудства, въ которыхъ протрезвившись самъ раскаявался. Эти пьяныя или безумныя выходки Венцеслава, разумѣется, разсказывались съ прикрасами или преувеличеніями, но мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Онъ держалъ огромныхъ собакъ, изъ которыхъ одна всегда лежала ночью у его постели. Одна изъ нихъ разорвала на части его первую жену (1386 г.), другая — его вѣрнаго друга. Самъ Венцеславъ совер-

шенно хладнокровно застрѣлилъ на охотѣ монаха. Въ свитѣ императора постоянно находился палачъ, что впрочемъ едва ли кто найдетъ удивительнымъ, прочитавъ слѣдующій разсказъ, показывающій, какимъ образомъ чешскій король, даже въ трезвомъ состояніи, творилъ, а можетъ быть и долженъ былъ творить судъ и расправу. Однажды Венцеславъ, въ пьяномъ видѣ, совершенно серьезно приказалъ палачу отрубить голову ему самому; палачъ, разумѣется, принялъ это за шутку и только прикоснулся мечомъ къ его затылку; но Венцеславъ немедленно велѣлъ обезглавить его самого. Впрочемъ, эти анекдоты не совсѣмъ правдоподобны, потому что они, такъ же какъ и смерть королевы, относятся къ первымъ, лучшимъ годамъ Венцеслава, а разсказаны человѣкомъ, пріѣхавшимъ въ Богемію уже въ 1412 г., когда Венцеславъ совершенно палъ нравственно. Мы покажемъ лучше чешское правосудіе Венцеслава, выразившееся въ совершенно достовѣрномъ событіи первыхъ годовъ его царствованія. Пражскій университетъ, въ которомъ нѣмецкимъ студентамъ и профессорамъ были даны такія огромныя преимущества передъ чешскими, имѣлъ совершенно такое же устройство какъ и англійскіе университеты; различныя университетскія корпораціи считали въ числѣ своихъ членовъ самыхъ значительныхъ лицъ какъ въ самой Прагѣ, такъ и внѣ ея, такимъ образомъ, что тысячи ученыхъ, принадлежавшихъ къ университету, заключали въ себѣ представителей всѣхъ классовъ и сословій. Привилегіи нѣмецкихъ студентовъ нерѣдко вызывали раздоры, въ которыхъ дѣло рѣшалось самоуправствомъ, при чемъ огромныя гостинницы Праги обращались въ казармы и крѣпости студентовъ. Когда однажды, при подобной ссорѣ, чешскіе студенты собрались въ двухъ гостинницахъ, чтобы двинуться оттуда противъ нѣмецкихъ, Венцеславъ приказалъ схватить хозяевъ этихъ гостинницъ и отрубить имъ головы единственно за то, что они допустили у себя подобныя сборища.

Съ городскимъ сословіемъ и въ Германіи, и въ Богеміи Венцеславъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Его любило и низшее

сословіе, языкъ и нравы котораго онъ себѣ усвоилъ, тѣмъ болѣе, что большинство слугъ и окружавшихъ его принадлежало къ этому сословію. Но съ феодалами и духовенствомъ онъ находился почти въ постоянной враждѣ. Главною причиною этой вражды былъ вѣчный недостатокъ въ деньгахъ, который Венцеславъ долженъ былъ терпѣть собственно потому, что большинство коронныхъ имѣній перешло въ руки духовенства и рыцарей. Одинъ пражскій архіепископъ владѣлъ восемью городами и помѣстьями и семью укрѣпленными мѣстечками, принадлежавшими когда-то коронѣ. Венцеславъ рѣшился отнять у феодаловъ бывшія коронныя владѣнія и, сдѣлавъ безуспѣшную попытку добиться этого мирнымъ путемъ, прибѣгнулъ къ насильственнымъ и кровавымъ мѣрамъ. Въ 1389 г. онъ представилъ сейму, что расходы его не соразмѣрны съ доходами оставшихся у него имѣній, и просилъ ихъ покрыть этотъ дефицитъ. Когда сословія послѣ долгихъ совѣщаній отвергли его просьбу, онъ прибѣгнулъ къ совершенно турецкому способу. Собравъ войско и созвавъ въ лагерь феодаловъ, онъ размѣстилъ ихъ по отдѣльнымъ палаткамъ. За тѣмъ, требуя ихъ къ себѣ по очереди, онъ приказывалъ имъ объявлять, какую сумму ссудили они при полученіи короннаго имѣнія и какой доходъ оно принесло имъ съ тѣхъ поръ. Тѣхъ, кто отказывался дать эти свѣдѣнія уводили въ особую палатку и предавали казни на мѣстѣ.

Съ духовенствомъ, которое, подобно рыцарству, требовало освобожденія отъ податей и владѣло большею частію недвижимыхъ имѣній, Венцеславъ поступалъ такъ, какъ оно заслуживало своею безнравственностью и корыстолюбіемъ. Онъ встрѣтилъ въ этомъ случаѣ полное одобреніе со стороны городскихъ властей, и духовные феодалы, видя твердость принятаго имъ рѣшенія, покорились безпрекословно. Тоже самое мы видимъ въ началѣ его царствованія (1381 г.), когда соборный капитулъ въ Бреславлѣ позволилъ себѣ злоупотреблять духовною властью. Когда деканъ вопреки стѣснительному уставу о городскихъ и цеховыхъ пошлинахъ провезъ въ Бреславль иностранное пиво, магистратъ ото-

бралъ эту контрабанду, а духовенство отлучило за то отъ церкви весь городъ и прекратило отправленіе всѣхъ требъ. Венцеславъ вступился за городъ, изгналъ оттуда на два года соборный капитулъ, конфисковалъ его имѣнія и наконецъ заставилъ духовенство подчиниться его волѣ. Впрочемъ Венцеславъ могъ поступить съ нимъ такимъ образомъ, потому что въ Богеміи духовенство вовсе не пользовалось общимъ уваженіемъ, а расколъ въ церкви не позволялъ римскимъ папамъ ссориться съ императоромъ. Венцеславъ былъ далекъ отъ ребяческаго суевѣрія его отца, придававшаго такое значеніе механическимъ обрядамъ. Относительно церковной дисциплины у Венцеслава также были свои особенныя понятія; онъ, напримѣръ, не хотѣлъ и слышать о постахъ, проводя цѣлые мѣсяцы на охотѣ, въ густыхъ лѣсахъ, и папскій легатъ, какъ ни возставало противъ этого все духовенство, долженъ былъ разрѣшить отъ соблюденія ихъ и его, и весь его дворъ. У него были свои особенныя понятія о религіи, и онъ желалъ распространить ихъ и въ народѣ. Случалось, впрочемъ, что онъ по царски награждалъ достойныхъ священниковъ и даже монастыри, но требовалъ, чтобы они проповѣдывали чисто библейское ученіе, которое въ сочиненіяхъ Уиклефа перешло изъ Англіи въ Богемію; при этомъ Венцеславъ указывалъ на необходимость обучать религіи на народномъ языкѣ. Между прочимъ, онъ явно отвергалъ ученіе о чистилищѣ, и когда двое богатыхъ горожанъ соорудили въ Прагѣ Виѳлеемскую церковь, гдѣ предлагалось народу вмѣсто церковныхъ обрядовъ одна проповѣдь слова Божія на народномъ языкѣ, Венцеславъ не только утвердилъ это учрежденіе, но и объявилъ, что одно такое богослуженіе и можетъ считаться истиннымъ и плодотворнымъ. Впослѣдствіи эта Виѳлеемская церковь была прославлена проповѣдями Гусса. Венцеславъ обращалъ строгое вниманіе на нравственность духовенства и самъ наблюдалъ за исполненіемъ предписываемыхъ имъ по этому предмету мѣръ. Такъ, онъ вытребовалъ однажды всѣхъ любовницъ пражскаго духовенства и выставилъ ихъ, вмѣстѣ со священниками,

у которыхъ онѣ жили, къ позорному столбу; то же самое, какъ мы видѣли, было сдѣлано въ это время и въ Лондонѣ городскимъ совѣтомъ. Эти мѣры никого не возмущали, такъ что Венцеславъ могъ, безъ всякой опасности для себя, совершить вопіющую несправедливость надъ архіепископомъ Праги, Іоанномъ фонъ Іенштейномъ, который поссорился съ гофмаршаломъ за право рыбной ловли въ Эльбѣ и разрушилъ сооруженную имъ плотину. Этотъ насильственный поступокъ возбудилъ ярость Венцеслава и онъ велѣлъ запереть архіепископа въ замокъ Карльштейнъ, а чтобы внушить повиновеніе какъ ему, такъ и пражскому соборному капитулу, позволилъ всѣмъ грабить имущества духовенства въ городѣ. Онъ вполнѣ достигъ цѣли, потому что въ людяхъ, готовыхъ поживиться на счетъ духовенства, не было недостатка. Въ другомъ подобномъ спорѣ съ соборнымъ капитуломъ, императоръ хотя и согласился дѣйствовать судебнымъ порядкомъ, но потомъ постарался обезпечить свои права особымъ указомъ, постановивъ, чтобы на будущее время богемскіе приходы раздавались не по усмотрѣнію духовенства или папы, а исключительно его придворнымъ священникамъ и правительственнымъ лицамъ, которые въ ту пору, такъ же какъ и врачи, избирались изъ среды духовенства.

Необузданный нравъ Венцеслава заставилъ его совершить въ 1393 г. варварскіе поступки съ высшимъ духовенствомъ Праги, доставившіе ему въ Европѣ репутацію какого-то нравственнаго чудовища, чѣмъ онъ вовсе не былъ въ дѣйствительности. Пражскій архіепископъ имѣлъ много основаній быть его врагомъ; между прочимъ онъ принадлежалъ къ числу феодаловъ, обогатившихся на счетъ короны: не мудрено, что отъ него Венцеславъ былъ менѣе всего склоненъ выносить противорѣчіе или сопротивленіе своимъ мѣрамъ. Государственный казначей, то есть высшее правительственное лицо въ Богеміи, Сигизмундъ Гулеръ, поссорился по вопросу свѣтской и духовной подсудности съ пражскимъ архіепископомъ, который не обращая вниманія на его званіе, отлучилъ его отъ церкви и даже потребовалъ его къ духовному суду,

чрезъ консисторіальнаго судью Николая Пухника и его викарія, Іоанна Помука или Непомука. По обычаю духовенства, архіепископъ страшно неистовствовалъ противъ своихъ враговъ; такъ, напримѣръ, онъ подалъ королю жалобу на гофмаршала и другихъ придворныхъ, называя ихъ въ ней злѣйшими врагами Бога и церкви, орудіями дьявола и посланниками антихриста. Венцеславъ пришелъ въ величайшую ярость, когда его первые сановники явились къ нему въ Беттлернъ, гдѣ онъ тогда находился, съ жалобами на своеволіе архіепископа. Императоръ немедленно явился въ Прагу и потребовалъ его къ себѣ. Но архіепископъ успѣлъ уже скрыться изъ города вмѣстѣ съ двумя названными членами консисторіи. Венцеславъ послалъ ему вслѣдъ записку слѣдующаго содержанія: „Возврати мнѣ Раудницъ и другіе зàмки, и убирайся изъ моей Богеміи; а если ты затѣешь что нибудь противъ меня и моихъ приближенныхъ, то я покончу споръ съ тобою тѣмъ, что велю тебя утопить. Пріѣзжай въ Прагу!“ Изъ этого страннаго посланія ясно видно, что Венцеславъ былъ больше всего озлобленъ на архіепископа изъ за коронныхъ имѣній. Едва архіепископъ вернулся въ Прагу, какъ Венцеславъ велѣлъ заключить въ тюрьму консисторіальнаго судью, его викарія и другихъ членовъ духовенства; архіепископъ успѣлъ укрыться въ своемъ укрѣпленномъ дворцѣ, охранявшемся многочисленною стражею. Съ заключенными Венцеславъ поступилъ по своему обыкновенію. Грозя утопить членовъ консисторіи и прибивъ собственноручно одного изъ канониковъ, онъ потребовалъ, чтобы они подписали бумагу, въ которой признали бы надъ собою власть императора и отреклись отъ архіепископа. Но изъ нихъ только двое согласились на это требованіе; Пухникъ и Помукъ съ твердостью отказались подписать этотъ актъ, не смотря на то, что ихъ предали пыткѣ и Венцеславъ самъ вырвалъ у палача факелъ, чтобы сжечь ихъ своими руками. Упорство ихъ привело императора въ бѣшенство. Онъ велѣлъ предать Пухника жестокимъ мученіямъ, а Помука связать и бросить съ моста въ Молдаву. Но вслѣдъ затѣмъ Венцеславъ раскаялся въ своей

горячности и первый протянулъ руку архіепископу, который помирился какъ съ нимъ, такъ и съ казначеемъ. Съ Гулеромъ, Венцеславъ поступилъ потомъ точно такъ же какъ съ канониками, приказавъ отрубить ему голову въ той самой ратушѣ, гдѣ мучили его противниковъ. Пухникъ былъ потомъ (1402 г.) вознагражденъ саномъ пражскаго архіепископа. Впродолженіе борьбы императора съ архіепископомъ, монахи и духовенство старались расположить къ себѣ народъ всевозможными процессіями и торжествами, т. е. тѣми самыми средствами, какими, четыреста лѣтъ спустя, французскіе демократы старались возбудить его противъ нихъ. Архіепископъ ожидалъ щедраго вознагражденія; но, ошибившись въ расчетѣ, принялъ участіе въ тайномъ заговорѣ противъ императора. Это повело къ возобновленію вражды, однако Венцеславъ удержалъ за собой свои державныя права. Архіепископъ отправился въ Римъ, но Бонифацій IX не принялъ участія въ его судьбѣ, не желая брать на себя, относительно Венцеслава, роли Григорія VII или Иннокентія III. Наконецъ, въ 1396 г. братъ Венцеслава, Іоаннъ Гёрлицкій, вѣрный помощникъ императора, убѣдилъ архіепископа добровольно отказаться отъ эпархіи.

Какъ ни опасна была для Венцеслава борьба съ архіепископомъ, но еще опаснѣе были для него козни его брата Сигизмунда и двоюродныхъ братьевъ Іобста и Прокопія, которые заплатили ему черною неблагодарностью за все добро, которое онъ сдѣлалъ имъ въ продолженіе своего царствованія. Они менѣе всѣхъ имѣли право жаловаться на него, потому что, если и не были достойны порицанія въ частной жизни, но за то управляли ввѣренными имъ провинціями хуже Венцеслава. Правда, они не были пьяницами, какъ онъ, но за то были развратны, въ чемъ несправедливо было бы упрекать Венцеслава. Сигизмундъ былъ, какъ сказано выше (т. VIII. стр. 469), помолвленъ на Маріи, наслѣдницѣ венгерской короны. Вскорѣ послѣ насильственной смерти венгерскаго антикороля, Карла III Неаполитанскаго, грубые магнаты, подъ предводительствомъ фамиліи Хорвати, удушили мать Маріи, а самую ее заключили въ тем-

ницу. Сигизмундъ освободилъ невѣсту, съ помощью Венцеслава (1387 г.), и, обвѣнчавшись съ нею, пріобрѣлъ, наконецъ, венгерскій престолъ. Но это не увеличило его значенія, а, напротивъ, поставило его въ еще болѣе затруднительное положеніе, такъ какъ онъ уже успѣлъ заложить наслѣдственныя владѣнія, а въ Венгріи не могъ ни собирать податей, ни расчитывать на вѣрность магнатовъ. Отношенія Сигизмунда къ Венгріи, вовлекшія его во множество распрей, были особенно пагубны для бранденбургскаго маркграфства. При Карлѣ IV, эта страна наслаждалась нѣкоторое время миромъ и спокойствіемъ, но при Сигизмундѣ въ ней снова возникли безпорядки и волненія. Борясь со всевозможными затрудненіями въ Бранденбургѣ и Венгріи и, въ то же время, замѣшанный въ польскія дѣла, Сигизмундъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Въ 1388 г. онъ былъ вынужденъ заложить бранденбургское маркграфство двоюроднымъ братьямъ Іобсту и Прокопію Моравскимъ. Въ союзѣ съ Іобстомъ, который ссудилъ ему наибольшую сумму денегъ, Сигизмундъ старался потомъ извлечь для себя выгоды изъ затруднительнаго положенія Венцеслава. За то двое другихъ ближайшихъ родственниковъ императора, Іоаннъ Гёрлицкій и Прокопій, постоянно держали его сторону. Іобстъ вступилъ въ явныя сношенія съ недовольными чешскими феодалами, которыхъ Сигизмундъ втайнѣ поддерживалъ, а въ 1390 г. оба они заключили весьма подозрительный договоръ съ герцогомъ австрійскимъ Альбрехтомъ III, врагомъ Венцеслава. Наконецъ, въ 1393 г. означенный договоръ былъ обращенъ въ оборонительный и наступательный союзъ, также направленный противъ императора. Въ связи съ этимъ союзомъ и происками Іобста находилось сдѣланное многими изъ чешскихъ феодаловъ покушеніе на жизнь императора.

Нѣкоторые изъ феодаловъ составили планъ тайно овладѣть императоромъ и держать его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратитъ отнятыхъ у нихъ помѣстій и не сдѣлаетъ всевозможныхъ уступокъ въ пользу своего двоюроднаго брата Іобста. Они исполнили это въ маѣ 1394 г., подъ личнымъ руководствомъ самого

Іобста. Напавъ дорогою на Венцеслава, они взяли его въ плѣнъ и отвезли въ пражскій зáмокъ. Венцеславъ въ продолженіе двадцати шести дней не соглашался на безстыдныя требованія двоюроднаго брата и феодаловъ; но тщетно ожидалъ онъ помощи: плѣнъ его сохраняли въ такой глубокой тайнѣ, что даже жители Праги ничего не знали о немъ, и потому ни преданные ему города, ни братъ его Іоаннъ не спѣшили къ нему на выручку. Онъ былъ, наконецъ, вынужденъ уступить врагамъ и издать манифестъ, которымъ возвратилъ феодаламъ отнятыя у нихъ земли и назначилъ Іобста намѣстникомъ Богеміи, или другими словами своимъ опекуномъ. Онъ долженъ былъ объявить, что дѣлаетъ эти вынужденныя уступки добровольно, но, разумѣется, и послѣ того не былъ освобожденъ изъ заключенія. Вѣсть о случившемся въ Прагѣ дошла наконецъ до его брата Іоанна, который немедленно поспѣшилъ на помощь съ небольшимъ отрядомъ войска. Онъ имѣлъ и личныя побужденія дѣйствовать такимъ образомъ: послѣ отреченія Сигизмунда Венцеславъ назначилъ его наслѣдникомъ чешскаго престола, и потому заговоръ противъ императора грозилъ личнымъ интересамъ Іоанна. Но онъ опоздалъ съ своею помощью: узнавъ о его приближеніи, заговорщики перевезли плѣнника въ австрійскія владѣнія. Между тѣмъ вся Богемія пришла въ волненіе; жители Праги провозгласили намѣстникомъ Іоанна; Прокопій также приближался съ войскомъ на помощь къ Венцеславу и германскіе князья, оскорбленные въ особѣ императора, прислали въ Богемію, для освобожденія его, сына Рупрехта II Пфальцскаго. Все это такъ напугало чешскихъ феодаловъ и австрійскаго герцога, что они послѣ трехъ мѣсячнаго заключенія освободили наконецъ Венцеслава.

Этотъ плѣнъ до того поколебалъ значеніе императора, что онъ уже былъ потомъ не въ силахъ попрежнему творить строгій судъ, охранять безопасность большихъ дорогъ и обуздывать дерзость духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ; но съ упадкомъ законной власти строгость и жестокость его возрасла еще болѣе. Получивъ свободу, онъ малодушно и жестоко отмстилъ бургомистру и нѣкоторымъ изъ

совѣтниковъ старой Праги, знавшимъ по всѣмъ вѣроятіямъ о его плѣнѣ болѣе, чѣмъ они показывали. Венцеславъ призвалъ ихъ въ свой замокъ и безъ всякаго суда велѣлъ отрубить имъ головы. Тѣмъ же самымъ грозилъ онъ и чешскимъ феодаламъ, такъ что черезъ мѣсяцъ послѣ казни членовъ пражскаго совѣта они снова заключили союзъ съ Іобстомъ и Альбрехтомъ Австрійскимъ. Венцеславъ былъ вынужденъ подчиниться унизительнымъ для него условіямъ и даже дозволить Сигизмунду, по всѣмъ вѣроятіямъ тайному союзнику заговорщиковъ, пріѣхать въ Богемію. По смерти другаго брата, Іоанна, Венцеславъ назначилъ его своимъ наслѣдникомъ (1396 г.). Буйный Іобстъ, на нѣкоторое время заключенный императоромъ въ темницу за разбои, получилъ не только герцогство люксембургское, наслѣдственное владѣніе богемской династіи, но и намѣстничество Эльзаса, принадлежавшаго къ имперіи. Хуже всего было то, что онъ далъ поводъ германскимъ князьямъ, давно уже тяготившимся его призрачною властью, обвинить его въ нарушеніи законовъ имперіи и, опираясь на основной законъ, изданный его отцомъ, потребовать его къ суду. Венцеславъ, сдѣлавшій изверга и разбойника намѣстникомъ Эльзаса, продалъ въ то же время ненавистному миланскому тирану, Іоанну Галеаццо, званіе первостепеннаго имперскаго князя, не спрашивая на это разрѣшенія имперскихъ сословій. Этотъ поступокъ и послѣдовавшее чрезъ нѣсколько лѣтъ отреченіе Венцеслава находятся въ тѣсной связи съ исторіею Италіи и папъ.

6. Италія и папы отъ смерти Урбана VI до учрежденія миланскаго герцогства.

Въ дѣлахъ Италіи и раскола церкви, Венцеславъ, руководимый благоразумными совѣтниками, слѣдовалъ политикѣ, которую современные дипломаты считаютъ высочайшею мудростью, но которая въ тѣ времена была порицаема всѣми: она состояла въ томъ,

чтобы ничѣмъ не рисковать, ничего не рѣшать и извлекать изъ запутанныхъ обстоятельствахъ возможно бо́льшую для себя выгоду. Урбанъ VI нѣсколько разъ убѣждалъ его предпринять походъ въ Римъ, но Венцеславъ постоянно извинялся недостаткомъ въ деньгахъ; когда же папа разрѣшилъ ему установить для этой цѣли чрезвычайный налогъ на богатое чешское духовенство, Венцеславъ хотя и не упустилъ этого случая, но все-таки не отправился въ Италію. Точно также поступалъ онъ и съ итальянскими государствами, которыя обращались къ нему за помощью. Когда, напримѣръ, послѣдній делла Скала просилъ его покровительства (т. VIII. стр. 499), Венцеславъ хотя и послалъ въ Италію уполномоченнаго, но въ то же время остался въ лучшихъ отношеніяхъ съ миланскимъ тиранномъ, а его уполномоченный, взявъ деньги съ гонителя и гонимаго, бросилъ послѣдняго на жертву первому. Потомъ, когда по смерти Урбана итальянскіе кардиналы поспѣшно избрали новаго энергическаго папу (т. VIII. стр. 493), Венцеславъ совершенно отстранился отъ вмѣшательства въ итальянскія и церковныя дѣла, хотя отъ него, какъ отъ римскаго короля, вся Европа ожидала дѣятельнаго участія въ нихъ.

Преемнику Урбана, Бонифацію IX, былъ сорокъ пять лѣтъ, а по другимъ показаніямъ, всего тридцать четыре года; это былъ человѣкъ высокій ростомъ, осанистый, сильный, дѣятельный и опытный политикъ. Религія и нравственность не сходили у него съ языка, но въ душѣ онъ придавалъ гораздо болѣе значенія оружію и деньгамъ, которыми вѣрнѣе всего можно было проложить себѣ дорогу въ жизни. Пользуясь всеобщимъ вѣрованіемъ, что папа намѣстникъ Христа, Бонифацій собиралъ деньги и нанималъ солдатъ для того, чтобы войною и кровопролитіемъ возстановить въ Италіи пагубное господство духовенства. Онъ торговалъ церковными мѣстами и доходами, приговорами въ процессахъ, подлежавшихъ рѣшенію папы, разрѣшеніями и индульгенціями и прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ весьма нечистымъ продѣлкамъ, которыя показались бы невѣроятными, безъ положительныхъ фактовъ, приводимыхъ совре-

менникомъ и очевидцемъ, Дитрихомъ фонъ Нимомъ. Напримѣръ, онъ отъ шести до восьми разъ отдавалъ различнымъ лицамъ одно и то же мѣсто, или одинъ и тотъ же приходъ. Впрочемъ, Бонифацій могъ поступать такимъ образомъ потому, что въ то время вся сила духовенства и прочность его огромнаго богатства опирались на папу. Вся Европа была раздражена противъ духовенства, потому что въ его руки перешли самыя доходныя имѣнія и отъ четвертой до восьмой части всей національной собственности. Съ войсками, нанятыми на деньги христіанъ, Бонифацію удалось снова подчинить своей власти большую часть церковной области.

Участь свѣтскихъ государствъ Италіи находилась въ рукахъ кондоттьеровъ. Значеніе какого нибудь Альберика да Барбіано, Гауквуда и другихъ, почти равнялось значенію самихъ тиранновъ, вся сила которыхъ опиралась на наемныя войска. Правители этихъ государствъ, выставлявшіе другъ противъ друга шайки хищниковъ, не отступали ни предъ какою измѣною, ложью и злодѣйствомъ, когда дѣло шло о достиженіи ихъ политической цѣли. Софистика, называемая нынѣ дипломатическою или государственною мудростью, оправдывала всякое преступленіе, когда дѣло шло о выгодѣ; нравственное чувство совершенно исчезло и слово „религія" служило только орудіемъ свѣтскаго и церковнаго деспотизма. Въ Мантуѣ, напримѣръ, Франческо Гонзага казнилъ, какъ будто изъ ревности, но въ дѣйствительности изъ политическихъ видовъ, свою жену, дочь Варнавы Висконти, а публицисты Іоанна Галеаццо нашли въ этомъ поводъ къ войнѣ съ Мантуею, забывая, что властелинъ ихъ умертвилъ самого Варнаву и двухъ его сыновей. Политика же заставила и Франческо Новелло оставить престарѣлаго отца до самой смерти въ рукахъ миланскаго тиранна, потому что Іоаннъ Галеаццо чрезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Падуи къ каррарскому дому (т. VIII. стр. 504) согласился заключить съ нимъ миръ на этомъ условіи. Владѣтель Пизы, Гамбакорта, былъ низвергнутъ своимъ другомъ Джакопо Аппіано, котораго онъ осы-

палъ благодѣяніями, а союзникъ его Іоаннъ Галеаццо оказалъ помощь Аппіано, расчитывая управлять Пизою его именемъ.

Вырвавъ власть у своего дяди, Іоаннъ Галеаццо заперся, какъ въ тюрьмѣ, въ своемъ миланскомъ дворцѣ, руководя всѣми предпріятіями и превосходя политическимъ вѣроломствомъ всѣхъ своихъ враговъ. Полководецъ его Джакопо да Верме, не уступалъ въ военномъ искусствѣ ни одному изъ кондоттьеровъ, служившихъ подъ непріятельскими знаменами. Флорентинцы отпустили домой Стефана Баварскаго (т. VIII. сур. 503), съ которымъ плохо ладили, и снова приняли на службу Гауквуда. Вскорѣ они выставили противъ да Верме еще одного знаменитаго вождя англійскихъ, гасконскихъ и французскихъ авантюристовъ, призваннаго ими въ Италію. Это былъ графъ Іоаннъ III д'Арманьякъ, зять герцога беррійскаго, одного изъ дядей французскаго короля Карла VI. Арманьякъ пользовался блистательной репутаціей у французскихъ наемныхъ дружинъ, которыми онъ предводительствовалъ во Франціи и Кастиліи; по этому, когда флорентинцы пригласили его къ себѣ за большія деньги, ему было очень легко собрать значительное войско. Къ тому же онъ имѣлъ личныя побужденія отвѣтить на ихъ зовъ. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ сыновей Варнавы (т. VIII. стр. 498), Карлъ Висконти, былъ женатъ на дочери Іоанна д'Арманьяка, а одна изъ сестеръ Варнавы была замужемъ за братомъ Іоанна, Бернаромъ. Вѣроятно и французскій папа Климентъ VII благопріятствовалъ походу графа д'Арманьяка, предвидя, въ какое затрудненіе поставитъ его противника, Бонифація, появленіе въ Италіи многочисленнаго войска подъ предводительствомъ одного изъ приверженцевъ французскаго папы. Но надежда его весьма скоро рушилась, точно такъ же, какъ и надежды флорентинцевъ. Полководцы Іоанна Галеаццо съумѣли задержать графа д'Арманьяка, вступившаго въ Италію съ семью тысячами человѣкъ войска, и помѣшали такимъ образомъ его соединенію съ другимъ флорентинскимъ кондоттьеромъ, Гауквудомъ; потомъ миланцы, обманувъ графа притворнымъ бѣгствомъ, заманили его

къ Алессандріи, въ стѣнахъ которой ожидало его непріятельское войско. Здѣсь погибъ цвѣтъ французскихъ дружинъ, а самъ Арманьякъ, тяжело раненый, попался въ плѣнъ и вскорѣ умеръ; остатки его войска были разсѣяны и преслѣдуемы да Верме, который всѣхъ ихъ перебилъ или взялъ въ плѣнъ. Это поставило флорентинцевъ въ весьма опасное положеніе. Единственною опорою ихъ остался Гауквудъ, спасшій мастерскимъ отступленіемъ свое войско; Пиза и Сіена находились уже въ рукахъ Іоанна Галеаццо и въ самой Тосканѣ стояло болѣе двадцати тысячъ миланскаго войска. Къ счастью, Іоаннъ, угрожаемый съ тыла Падуею, Мантуею и Феррарою, не могъ сосредоточить всѣхъ своихъ силъ по ту сторону Апенниновъ и только отрѣзалъ подвозъ къ Флоренціи товаровъ и припасовъ. Но такой способъ войны былъ слишкомъ невыгоденъ для него самого; онъ желалъ прекратить ее продолжительнымъ перемиріемъ, которое было заключено на тридцать пять лѣтъ, въ январѣ 1392 г., и доставило миланскому тирану возможность, безъ ущерба для своего могущества, уволить изъ своей службы нѣсколько тысячъ человѣкъ пѣхоты и около восьми тысячъ конницы: орды эти бросились на Тоскану и Церковную область, оставаясь во всякое время подъ рукою у Галеаццо.

Спустя мѣсяца два по заключеніи этого перемирія, всѣ итальянскія государства составили между собою союзъ противъ опасности, грозившей имъ со стороны Милана. Такимъ образомъ едва кончилась всеобщая война въ средней и верхней Италіи, какъ готовилась новая, возгорѣвшаяся въ слѣдующемъ году. Іоаннъ Галеаццо не допустилъ напасть на себя врасплохъ; расчитывая на поддержку Франціи, онъ вступилъ съ ней въ переговоры и выкупилъ изъ неаполитанскаго плѣна Альберика да Барбіано, чтобы воспользоваться его услугами. Флорентинцы, между тѣмъ, лишились Гауквуда, умершаго въ 1394 г. Въ то же время умеръ единственный честный человѣкъ изъ числа тогдашнихъ итальянскихъ князей, маркграфъ Альбертъ д'Эсте, владѣвшій Феррарой, Ровиго, Комаккіо и Моденой. Онъ оставилъ послѣ себя побочнаго сына, Николая, съ

матерью котораго обвѣнчался передъ самою смертью, чтобы дать сыну право наслѣдства. Альбертъ уже заранѣе выхлопоталъ признаніе за нимъ правъ законнаго сына у императора Венцеслава и папы Бонифація, отъ которыхъ зависѣло въ то время узаконеніе браковъ и дѣтей владѣтельныхъ лицъ. Для того, чтобы имѣть возможность ловить рыбу въ мутной водѣ, Іоаннъ Галеаццо противопоставилъ этому девятилѣтнему наслѣднику Феррары другаго претендента, подстрекнувъ Аццо, сына одного изгнаннаго изъ Феррары законнаго потомка фамиліи Эсте, изъявить притязанія на наслѣдіе Альберта и поручилъ одному изъ своихъ кондоттьеровъ втайнѣ поддерживать этого претендента. Но составившійся противъ Іоанна союзъ, къ которому принадлежалъ и Альбертъ, принялъ подъ свою защиту права его малолѣтняго наслѣдника.

Воспользовавшись временемъ, когда всѣ верхнеитальянскія государства были заняты борьбою за Феррару, Іоаннъ Галеаццо вступилъ въ переговоры съ императоромъ Венцеславомъ, чтобы при его содѣйствіи обратить въ наслѣдственное княженіе власть фамиліи Висконти въ верхней Италіи, имѣвшую до той поры только значеніе имперскаго намѣстничества, и причислить это новое княжество къ первостепеннымъ ленамъ германской имперіи. Галеаццо хорошо зналъ, что Венцеславъ, тѣснимый своими чехами, распоряжался имперскими правами и владѣніями точно такъ же, какъ папа Бонифацій — церковными; онъ зналъ еще, что послѣ своего освобожденія Венцеславъ терпѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ. Миланскій тираннъ повелъ дѣло такъ искусно, что императоръ не только отказалъ флорентинцамъ, намѣревавшимся купить у него декретъ противъ своего врага, но даровалъ ему, за сто тысячъ золотыхъ флориновъ, герцогскій титулъ (1395 г.). Въ слѣдующемъ же году Венцеславъ торжественною граматою утвердилъ человѣка, умертвившаго своихъ ближайшихъ родственниковъ, имперскимъ княземъ и законнымъ государемъ страны, пріобрѣтенной имъ насиліемъ и убійствомъ. Въ оправданіе императора говорятъ, что Миланъ, не смотря на эту грамату, остался въ составѣ германской

имперіи; но уже одни блистательныя празднества, которыми Галеаццо ознаменовалъ свое возвышеніе, свидѣтельствуютъ, что онъ смотрѣлъ на эту грамату точно такъ же, какъ смотрѣли индійскіе набобы и англичане на граматы монгольскихъ властителей Индіи. Впрочемъ дѣло было не въ пустомъ герцогскомъ титулѣ, а въ томъ, что Галеаццо и его потомство были признаны законною династіею и причислены къ первостепеннымъ германскимъ князьямъ, какъ нѣкогда гвельфскій домъ, для котораго Фридрихъ II, чтобы покончить долголѣтнюю борьбу его съ Гогенштауфенами, образовалъ имперскій ленъ изъ Брауншвейга и Люнебурга (т. VII. стр. 269). Но между обоими этими случаями есть значительная разница: императоръ Фридрихъ спросилъ предварительно согласія у имперіи; Венцеславъ же не сдѣлалъ этого, и она имѣла полное право вмѣнить ему этотъ произволъ въ преступленіе. Имперія не могла позволить императору произвольно распоряжаться для своихъ личныхъ выгодъ національными правами и привилегіями, о которыхъ онъ, въ другихъ случаяхъ, никогда не заботился. Конечно, Венцеславъ не нарушилъ выгодъ имперіи, потому что наложилъ на новыхъ имперскихъ князей такія же обязательства, какія лежали и на прежнихъ; но онъ нарушилъ права націи, преступилъ свою присягу и своею граматою призналъ законными грабежъ, измѣну, убійство и обманъ. Люди, оправдывающіе его тѣмъ, что онъ продалъ только часть того, что уже давно было потеряно для имперіи, забываютъ, что честь государей, представителей великой націи, никогда не должна быть товаромъ, иначе нація утратитъ свое нравственное достоинство. Но какъ бы то ни было, а Іоаннъ Галеаццо отпраздновалъ блистательнымъ образомъ свое вступленіе въ число имперскихъ князей и придалъ своему герцогскому титулу въ глазахъ Европы значеніе королевскаго достоинства.

7. Германія, Венгрія, Италія и римская церковь въ концѣ царствованія Венцеслава.

Германія, въ которой снова начались разбои и войны, давно уже призывала къ себѣ императора, или по крайней мѣрѣ его намѣстника, облеченнаго властью, достаточною для возстановленія порядка. Венцеславъ назначилъ въ 1396 г. намѣстникомъ своего брата Сигизмунда. Но эта мѣра принесла мало пользы нѣмцамъ и даже имѣла видъ насмѣшки, потому что Сигизмундъ былъ занятъ въ ту пору своими венгерскими дѣлами.

Сигизмундъ запятналъ начало своего царствованія въ Венгріи безчеловѣчною казнью преслѣдователя его жены и убійцы его свекрови. Подстрекаемый мстительною Маріею, онъ велѣлъ привязать Іоанна Хорвати, главу враждебной ему партіи, къ лошадиному хвосту и протащить по улицамъ Фюнфкирхена, потомъ щипать его калеными щипцами и четвертовать. Обстоятельства, среди которыхъ Сигизмундъ вступилъ на венгерскій престолъ, были бы не подъ силу даже энергическому и способному человѣку; финансы его, уже и безъ того недостаточные, были окончательно истощены, когда онъ пришелъ, въ 1391 г., въ непосредственныя столкновенія съ турками. Турки впервые появились въ Венгріи при Сигизмундѣ и начали съ нею безконечную войну, длившуюся цѣлыя столѣтія. Способъ, какимъ началъ ее Сигизмундъ, былъ для венгровъ весьма плохимъ предзнаменованіемъ. Турки, подъ предводительствомъ султана Мурада I, который первый перенесъ свою резиденцію въ Европу, напали, въ 1389 г., на соединенныя силы сербовъ, босняковъ, болгаръ, валаховъ и албанцевъ, и разбили ихъ на голову при Коссовѣ, въ Сербіи. Въ этой битвѣ съ обѣихъ сторонъ пали знаменитые герои: храбрый, сербскій князь Лазарь былъ убитъ въ битвѣ, или взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ въ отмщеніе за убитаго султана; смерть Мурада описывается различно: одни говорятъ, что онъ былъ убитъ еще до окончанія битвы од-

нимъ раненымъ сербомъ, а другіе, что этотъ сербъ умертвилъ его, явившись къ нему подъ видомъ перебѣжчика. Мураду наслѣдовалъ Баезидъ I. При этомъ султанѣ, у турокъ произошло первое непосредственное столкновеніе съ Венгріею. Воспользовавшись тѣмъ, что Сигизмундъ былъ занятъ съ литовцами и босняками, Баезидъ покорилъ сербовъ, болгаръ и валаховъ. Сигизмундъ отправилъ къ туркамъ посольство, чтобы выручить изъ плѣна болгарскаго царя или князя; но Баезидъ отослалъ назадъ пословъ и объявилъ войну самой Венгріи; въ 1391 г. турки ворвались въ Сирмію, но были отражены Іоанномъ Маротомъ. Въ слѣдующемъ году противъ нихъ предпринялъ походъ самъ Сигизмундъ. Онъ вступилъ съ сильнымъ войскомъ въ Болгарію и завоевалъ Малый Никополь, но, узнавъ о приближеніи турецкаго войска, позорно бѣжалъ и вернулся въ Венгрію. Когда Баезидъ, окончательно покоривъ болгаръ, сталъ тревожить Боснію и западныя провинціи Венгріи, Сигизмундъ обратился ко всему христіанскому міру съ просьбами помочь ему устроить крестовый походъ противъ турокъ для спасенія Венгріи и Босніи и защиты христіанской вѣры и освобожденія византійскаго императора, сохранявшаго одну тѣнь власти и почти постояннаго осаждаемаго турками въ Константинополѣ. Но въ 1395 г. умерла жена Сигизмунда, и ему пришлось позаботиться прежде всего о сохраненіи за собой Венгріи, которую оспаривалъ у него зять его, король польскій, и усмирять феодаловъ, возставшихъ на югѣ королевства. По окончаніи этихъ дѣлъ, онъ былъ вызванъ въ Богемію Венцеславомъ, который, какъ мы уже видѣли, рѣшился назначить его имперскимъ намѣстникомъ въ Германію; денежныя средства Сигизмунда были тогда такъ скудны, что братъ долженъ былъ самъ выслать ему деньги на путешествіе изъ Венгріи въ Богемію и обратно.

Въ Венгрію, между тѣмъ, съѣхалось изъ Франціи и южной Германіи множество храбрыхъ рыцарей, князей и бароновъ, желавшихъ отправиться, подъ начальствомъ Сигизмунда, заглаживать свои грѣхи войною съ невѣрными. Французское войско со-

стояло изъ шести тысячъ пѣшихъ и конныхъ наемниковъ и двухъ тысячъ рыцарей; въ числѣ ихъ находился молодой сынъ герцога Филиппа Бургундскаго, Іоаннъ Неверскій, многіе другіе члены королевской фамиліи, маршалъ де Бусико, графъ д'Э, коннетабль Франціи, гроссмейстеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго Филиппъ де Нальякъ, съ пятью стами рыцарей, адмиралъ Жанъ де Віеннъ и знаменитый Ангеранъ де Куси, участвовавшій во всѣхъ рыцарскихъ походахъ своихъ соотечественниковъ. Въ числѣ нѣмцевъ, принявшихъ участіе въ этомъ походѣ, называютъ, какъ наиболѣе замѣчательныхъ, великаго пріора тевтонскаго ордена, Фридриха фонъ Гогенцоллерна, графа фонъ Мюмпельгарда, бургграфа нюрнбергскаго, графа Германа фонъ Цилли, предводителя штирійскаго рыцарства, и сына пфальцграфа Рупрехта III. Къ этому войску, не знавшему ни дисциплины, ни порядка и неимѣвшему одного общаго вождя, присоединилось множество венгровъ, босняковъ и всякаго сброда. Въ цѣломъ, все это походило скорѣе на какую нибудь странствующую орду эпохи переселенія народовъ, чѣмъ на правильно организованное военное предпріятіе. Читая описаніе этого похода, думаешь, что дѣло идетъ о первомъ крестовомъ походѣ; къ тому же Сигизмундъ не болѣе Петра Пустынника, или Вальтера Голяка годился въ предводители этого разноплеменнаго войска. (т. VI. стр. 404 и 407). Но переходъ его черезъ Дунай имѣлъ, по крайней мѣрѣ, одинъ результатъ: Константинополь былъ освобожденъ. Баезидъ счелъ благоразумнымъ стянуть къ себѣ войска, расположенныя вокругъ Константинополя, и сосредоточить ихъ въ Адріанополѣ. Христіане безъ сопротивленія проникли въ Валахію и осадили Большой Никополь на Дунаѣ, прежде чѣмъ турецкія войска успѣли дойти отъ Адріанополя до Дуная. Однако турки вскорѣ подоспѣли на помощь осажденному городу, и 28 сентября 1396 г. при Никополѣ произошла рѣшительная битва. Силы обѣихъ сторонъ были почти равны, такъ какъ показываемое число (200,000) турецкихъ войскъ и другихъ присоединившихся къ нимъ племенъ, вѣроятно, сильно преувеличено; обѣ стороны вели

за собою толпу ни къ чему не годнаго сброда. Но туркамъ не грозила та опасность со стороны ихъ собственнаго войска, какъ христіанамъ, которыхъ съ самаго начала погубила необузданная запальчивость французскаго и нѣмецкаго рыцарства, знакомаго менѣе венгровъ съ турецкимъ способомъ веденія войны; къ тому же христіане расположили свои войска, не принявъ въ соображеніе особенныхъ свойствъ своихъ собственныхъ и непріятельскихъ солдатъ. Французское рыцарство, составлявшее авангардъ, пріобрѣло, съ самаго начала, рѣшительный перевѣсъ, чего и слѣдовало ожидать при его искусствѣ и вооруженіи; но успѣхъ увлекъ его до опрометчивости, а Сигизмундъ, при всей своей личной храбрости, не былъ способенъ предупредить или исправить ошибку. По этому исходъ сраженія былъ весьма не благопріятенъ для христіанъ. Войско ихъ было перебито или взято въ плѣнъ, во время битвы, или тогда, когда оно обратилось въ бѣгство, преслѣдуемое легко вооруженными и неумолимыми врагами. Остатку христіанскаго войска нечего было и думать спасаться сухимъ путемъ, тѣмъ болѣе, что венгерскій мятежникъ Стефанъ Лацковичъ и валахскій воевода, со своимъ отрядомъ, передались туркамъ. Въ числѣ немногихъ спасшихся на судахъ внизъ по Дунаю былъ и Сигизмундъ. Ему попались, при устьяхъ Дуная, венеціанскія галеры, которыя съ большою опасностью привезли его въ Рагузу. Турки между тѣмъ опустошили часть Венгріи, въ которой Лацковичъ и другіе измѣнники, въ соединеніи съ приверженцами Карла III, произвели возстаніе и замышляли взять въ плѣнъ возвращавшагося Сигизмунда. Съ величайшимъ трудомъ и опасностями удалось венгерскому королю добраться изъ Далмаціи до Буды, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, борясь съ волненіями, раздиравшими страну, и только усиливая ихъ своею жестокостью. Главная причина этихъ волненій заключалась въ его собственномъ легкомысліи и расточительности. Это помѣшало ему принять, по волѣ императора, намѣстничество Германіи, и нѣмцы должны были, наконецъ, взяться за

дѣло сами и избавиться отъ государя, управлявшаго ими чрезъ посредство своей канцеляріи.

Пока Сигизмундъ былъ занятъ съ турками и венграми, Венцеславъ продолжалъ ронять себя въ общественномъ мнѣніи своею варварскою методою творить судъ и расправу; вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ, подобно брату, велъ безстыдный торгъ граматами и привилегіями. Правда, Венцеславъ былъ нравственнѣе, образованнѣе и способнѣе Сигизмунда, но за то не такъ дѣятеленъ и энергиченъ, какъ тотъ, и къ тому же горькій пьяница. Послѣ своего освобожденія, Венцеславъ не умѣлъ поладить ни съ недовольнымъ чешскимъ войскомъ, ни съ безпокойнымъ маркграфомъ Іобстомъ; неспособный ни къ полнымъ уступкамъ, ни къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для утвержденія своей власти, онъ только бросался изъ одной крайности въ другую. Въ первые два года императоръ расправлялся со своими врагами по методѣ турокъ, для которыхъ произволъ государя составляетъ законъ. Это было совершенно основательно поставлено ему въ вину нѣмецкими князьями, послѣ его низложенія, потому что своими дѣйствіями онъ нарушалъ основной политическій принципъ германскихъ народовъ, что законъ выше воли государя и народа и устанавливается съ взаимнаго согласія того и другаго. Въ началѣ 1396 г. Венцеславъ разъѣзжалъ въ сопровожденіи палача по улицамъ Праги и приказывалъ казнить на порогѣ ихъ собственныхъ домовъ всѣхъ, кого по дошедшимъ до него поверхностнымъ свѣдѣніямъ считалъ за участниковъ въ послѣднемъ мятежѣ. Но въ слѣдующемъ же году противъ него составился новый заговоръ, и Венцеславъ съ большимъ трудомъ избѣжалъ новыхъ униженій и плѣна. Послѣ этого, поддерживаемый Прокопіемъ, онъ втайнѣ принялъ свои мѣры, что бы избавиться отъ четырехъ мнимыхъ виновниковъ этого заговора, не имѣя возможности примѣнить въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ уголовныхъ законовъ. Орудіями въ этомъ дѣлѣ, которое въ Турціи было бы возложено на нѣмыхъ рабовъ, послужили ему одинъ нѣмецкій князь и нѣсколько чешскихъ вельможъ. Императоръ со-

звалъ въ Карльштейнъ совѣтъ чешскихъ феодаловъ, въ числѣ которыхъ находились и четверо заподозрѣнныхъ. Въ этомъ совѣтѣ былъ предложенъ вопросъ о поѣздкѣ Венцеслава въ Германію. Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній, герцогъ Іоаннъ Троппаускій удалился съ тремя благомыслящими членами совѣта въ смежную комнату, куда были позваны и четверо осужденныхъ. При входѣ ихъ, герцогъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они постоянно удерживаютъ императора отъ поѣздки въ Германію, вслѣдствіе чего онъ рискуетъ потерять имперію, и, обнаживъ съ этими словами мечъ, собственноручно заколелъ одного изъ заподозрѣнныхъ. Остальные пали подъ ударами сопровождавшихъ Іоанна чеховъ. Послѣ этой ужасной сцены, Венцеславъ велѣлъ своему двоюродному брату Іобсту, повидимому главному зачинщику заговора, оставить Прагу и уѣхать въ Моравію. Въ оправданіе этой безчеловѣчной расправы, Прокопій издалъ, отъ имени императора, манифестъ ко всѣмъ имперскимъ князьямъ, вассаламъ и городамъ. Въ награду за содѣйствіе, онъ получилъ на время отлучки Венцеслава въ Германію титулъ вице-короля Богеміи; Іоаннъ Троппаускій также не остался съ пустыми руками.

Всѣ эти жестокости возбудили въ Богеміи ненависть къ Венцеславу, заставивъ и Германію стыдиться своего императора. Въ первые два года послѣ своего освобожденія Венцеславъ еще болѣе раздражилъ нѣмцевъ нарушеніемъ общественныхъ правъ, посягательствомъ на частную собственность и оставленіемъ безъ вниманія настоятельныхъ просьбъ германскихъ князей о созваніи законодательнаго собранія и водвореніи новаго земскаго мира. Императоръ, или вѣрнѣе его канцелярія сыпала дипломами, не сносясь съ германскими князьями; отъ императора можно было даже получать бланки, то-есть дипломы, на которыхъ находились только печать и подпись императора, готовыя утвердить все, чего захочетъ владѣтель бланка. Впрочемъ, утверждая послѣднее, мы полагаемся только на слова нѣмецкихъ князей, потому что, разумѣется, этого невозможно провѣрить, если грамата уже однажды

наполнена. Во всякомъ случаѣ, упорство, съ какимъ Венцеславъ медлилъ поѣздкой въ Германію, гдѣ присутствіе его было необходимо для возстановленія мира, можетъ быть вполнѣ справедливо названо нарушеніемъ его долга въ отношеніи къ странѣ, гдѣ дѣйствія государя подлежали контролю князей избирателей. Наконецъ осенью 1397 г. Венцеславъ внялъ зову нѣмецкихъ князей.

Императора призывали въ Германію не только для того, чтобы возстановить законнымъ порядкомъ окончившійся уже земскій миръ, но въ особенности потому, что во Франціи, Англіи, Кастиліи и Наваррѣ былъ поднятъ вопросъ о церковномъ расколѣ, и Германія была приглашена содѣйствовать возстановленію единства въ церкви. Парижскій университетъ и въ особенности трое изъ его членовъ, ученый и энергическій канцлеръ Жерсонъ, и прославившіеся своими познаніями и способностями, а еще болѣе защитою католицизма противъ папства, богословы Николай де Клеманжи и Петръ д'Алльи представили въ 1394 г. французскому королю Карлу VI свои соображенія относительно положенія церкви и внушили ему намѣреніе принудить къ отреченію двухъ соперничествовавшихъ папъ, Климента VII и Бонифація IX, а кардиналовъ ихъ убѣдить избрать сообща новаго главу церкви. Съ этою цѣлью французскій король вступилъ въ переговоры съ Климентомъ VII; но тотъ послалъ въ Парижъ искуснаго каноника Петра де Луну, который снова привлекъ короля на сторону Климента. Тогда университетъ отправилъ свое мнѣніе въ Авиньонъ, подкрѣпивъ его двумя рѣзкими и угрожающими письмами. Вскорѣ послѣ того Климентъ VII умеръ. Внезапную смерть его обыкновенно приписываютъ впечатлѣнію, произведенному на него этими письмами, хотя Климентъ, и какъ кардиналъ Робертъ Женевскій, и какъ папа Климентъ VII, не показывалъ признаковъ подобной слабости нервовъ. Университетъ настоялъ наконецъ на томъ, что король запретилъ авиньонскимъ кардиналамъ приступать къ избранію новаго папы, но не смотря на то они избрали вернувшагося изъ Парижа Петра де Луну, который обѣщалъ университету убѣ-

дить Климента принять поданное имъ мнѣніе. Кардиналы, хотя и подписали, передъ избраніемъ, оговорку, сообразную съ мнѣніемъ университета, но она была составлена въ самыхъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, и Петръ, сдѣлавшись папою, подъ именемъ Бенедикта XIII, сталъ давать университету уклончивые отвѣты. Въ слѣдующемъ году, когда французскій король повторилъ свои предложенія, Бенедиктъ снова отклонилъ ихъ подъ различными предлогами. Впрочемъ, какъ король съ университетомъ, такъ и оба папы были согласны въ томъ, что единственнымъ средствомъ къ уничтоженію зла, воцарившагося въ церкви, было удаленіе одного изъ папъ, потому что корень этого зла лежалъ въ личныхъ отношеніяхъ между папами и ихъ кардиналами, но дѣло останавливалось за тѣмъ, что каждый хотѣлъ примѣнить это средство по своему. Король и университетъ стояли на томъ, что оба папы должны сложить съ себя свой санъ, а кардиналы ихъ избрать всѣ вмѣстѣ новаго папу; Бенедиктъ, напротивъ, предлагалъ, чтобы обѣ стороны избрали третейскихъ судей, которые рѣшили бы, кому оставаться папою—ему, или Бонифацію; наконецъ Бонифацій требовалъ созванія вселенскаго собора. Но трое ученыхъ, говорившихъ и дѣйствовавшихъ именемъ парижскаго университета, очень хорошо понимали, что оба папы съ умысломъ предлагали для прекращенія раскола такія мѣры, которыя оставляли каждому изъ нихъ надежду избѣжать окончательнаго рѣшенія спора; по этому они твердо держались предложеннаго ими компромисса. Французскій король созвалъ, въ Парижѣ, въ февралѣ 1395 г., національный соборъ, вполнѣ согласившійся съ университетомъ, и сообщилъ мнѣніе этого собора въ Авиньонъ, поручивъ депутаціи изъ трехъ принцевъ настоятельно убѣждать Бенедикта принять это мнѣніе. Но всѣ усилія французскаго короля были тщетны. Наконецъ рѣшено было просить содѣйствія Арагоніи, Кастиліи, Наварры и Англіи. Арагонскій король, которому Бенедиктъ былъ соотечественникомъ, подданнымъ, другомъ и дальнимъ родственникомъ, настаивалъ, подобно ему, на третейскомъ судѣ, очень

хорошо понимая, что эта мѣра не будетъ имѣть никакихъ результатовъ; но кастильскій и наваррскій короли соглашались съ Франціею и требовали низложенія обоихъ папъ и назначенія вмѣсто ихъ новаго. Къ тому же мнѣнію присталъ относительно признаннаго Англіею папы Бонифація IX и оксфордскій университетъ, подстрекаемый парижскими богословами, а англійскій король Ричардъ соглашался съ его мнѣніемъ. Всѣ четыре государства поручили своимъ уполномоченнымъ предложить обоимъ папамъ извѣстный срокъ для добровольнаго отреченія, грозя отказаться отъ повиновенія имъ, по истеченіи этого срока. Съ той минуты, во Франціи и Кастиліи король и духовенство приняли угрожающее положеніе относительно папской власти, а ученые богословы обоихъ государствъ стали даже напоминать о свободной церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Наконецъ въ 1398 г. четыре государства западной Европы дѣйствительно отказались повиноваться папамъ.

Прежде еще чѣмъ дѣло дошло до этого, къ участію въ рѣшеніи церковнаго вопроса была призвана и Германія. Въ то самое время, какъ всѣ другія націи старались освободиться отъ папскаго произвола и угнетеній, Бонифацій самымъ безстыднымъ образомъ поступалъ съ Германіей, продавая тамъ индульгенціи, приходы, духовныя должности, судебные приговоры, разрѣшенія, права на преемничество должностей; послѣднія онъ продавалъ иногда разомъ пятерымъ лицамъ, что влекло за собой распри и убійства. Это безстыдное торгашество было особенно гибельно для Германіи, гдѣ многіе аббаты и всѣ епископы были имперскими князьями, а Венцеславъ и не думалъ слѣдовать примѣру другихъ государствъ и созывать сеймы, или національные соборы, для противодѣйствія произволу римскаго папы. Нищенствующіе монахи продавали, по Германіи, папскія индульгенціи; епископы Кёльна и Майнца допускали это безъ всякихъ возраженій и только прилагали къ свидѣтельствамъ, выданнымъ монахамъ на этотъ торгъ, свою подпись, требуя за это извѣстныхъ процентовъ; когда папа уклонялся отъ этого, они мѣшали ему обманывать народъ до тѣхъ поръ, пока

римскій дворъ не предоставлялъ имъ участія въ барышахъ. Въ 1399 г. Бонифацій продалъ даже одному ломбардцу, ни слова не говорившему по нѣмецки, германскую эпархію Падерборнъ, хотя это было совершенно противно законамъ страны, гдѣ духовный санъ епископа былъ нераздѣленъ со свѣтской властью. Рыцарство этой эпархіи отказалось повиноваться чужеземному епископу, и это повело къ кровопролитнымъ стычкамъ, которыя прекратились только тѣмъ, что восемнадцатилѣтній сынъ герцога бергскаго, избранный рыцарствомъ въ князья и епископы, купилъ папское утвержденіе, послѣ чего ломбардецъ былъ отозванъ Бонифаціемъ. Въ Майнцѣ, въ 1395 г., по смерти архіепископа, соборный капитулъ избралъ на его мѣсто значительнымъ большинствомъ голосовъ одного достойнаго человѣка, графа Готтфрида фонъ Лейнингена, и выборъ этотъ былъ утвержденъ императоромъ; но Іоаннъ Нассаускій купилъ у Бонифація за большія деньги эту эпархію, осадилъ со своимъ хищнымъ рыцарствомъ Майнцъ и утвердился въ немъ, вопреки императору и капитулу.

Подобные поступки римскаго папы съ нѣмцами подавали державамъ, соединившимся для водворенія единства въ церкви, надежду, что Венцеславъ и имперскія сословія окажутъ имъ содѣйствіе въ низверженіи Бонифація; но императоръ и сословія никакъ не могли согласиться въ средствахъ къ прекращенію раскола. Германскіе князья собрались во Франкфуртѣ (апрѣль 1397 г.) и послѣ долгихъ совѣщаній положили отправить въ Римъ депутацію, которая должна была энергически поддерживать представленія другихъ державъ. Но императоръ, или, вѣрнѣе, его министры раздѣляли мнѣніе пражскихъ канониковъ, воспитанныхъ въ правилахъ Уиклефа и совѣтовавшихъ ему послѣдовать методѣ Іоанна фонъ Іандуна и Марсилія Падуанскаго (т. VIII. стр. 140), которые предоставляли папѣ право духовнаго владычества, но подъ условіемъ отказа отъ всякой свѣтской власти надъ духовенствомъ, князьями и феодалами, какъ принадлежавшей одному императору. По этому Венцеславъ потребовалъ къ суду обоихъ

папъ, думая своимъ императорскимъ приговоромъ положить конецъ расколу. Противъ германскихъ имперскихъ сословій Бонифацій употребилъ весьма обыкновенное въ новѣйшее время средство. Онъ обманулъ ожиданія Германіи посредствомъ самихъ уполномоченныхъ ея, точно такъ же какъ правительства нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствъ уже нѣсколько разъ обманывали ожиданія подданныхъ. Бонифацій подкупилъ нѣмецкихъ уполномоченныхъ, предоставивъ имъ разныя личныя преимущества, и тѣ перестали настаивать на требованіяхъ, съ которыми были присланы. Что касается до намѣренія императора, или, вѣрнѣе, его канцеляріи, призвать папу къ суду, то оно было какъ нельзя болѣе по душѣ Бонифацію, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что въ дѣйствительности Венцеславъ никогда не рѣшился бы сдѣлать этого, а если бы рѣшился, то другія державы никогда не согласились бы на это.

Въ Германіи, куда Венцеславъ пріѣхалъ осенью 1397 г., противъ него составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе верховный судья имперіи Рупрехтъ II Пфальцскій и государственный канцлеръ Іоаннъ Майнцскій. Главнымъ двигателемъ заговора былъ Бонифацій IX. Можно даже предполагать, что Венцеславъ поѣхалъ въ Германію, послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ нея, единственно по совѣту лицъ, желавшихъ предупредить этотъ папистскій заговоръ. Іоаннъ Майнцскій былъ слѣпымъ орудіемъ папы Бонифація, за котораго долженъ былъ стоять уже по одному тому, что купилъ у него свою эпархію. Безсовѣстный архіепископъ препятствовалъ усмиренію хищнаго рыцарства, помогавшаго ему расширять его владѣнія, и способствовалъ римскому папѣ выманивать разными средствами деньги у нѣмцевъ, получая извѣстную долю въ добычѣ. Самъ императоръ, вопреки тому, чего слѣдовало ожидать отъ его характера, выказалъ въ первые два года своего пребыванія въ Германіи величайшую дѣятельность и, слѣдуя мнѣнію своихъ лучшихъ совѣтниковъ, принялъ многія благоразумныя мѣры относительно раскола церкви и установленія земскаго мира. Въ

январѣ 1398 г. онъ созвалъ во Франкфуртѣ сеймъ, на которомъ, со свойственною нѣмцамъ разсудительностью и практичностью людей, занимавшихся въ тѣ времена подобными дѣлами, былъ установленъ новый земскій миръ, положившій предѣлъ буйству рыцарей и постояннымъ междоусобіямъ, называвшихся тогда законными войнами. Но хищный майнцскій архіепископъ успѣлъ ограничить продолженіе этого мира пятью годами, вмѣсто установленныхъ вначалѣ десяти лѣтъ. Одно изъ постановленій этого сейма показываетъ намъ, какъ низко пало уже въ то время когда-то столь значительное сословіе свободныхъ простолюдиновъ и какимъ образомъ его вытѣснили изъ рядовъ рыцарства въ ряды оруженосцевъ и пѣхотинцевъ. Этимъ постановленіемъ воспрещалось носить рыцарское вооруженіе тѣмъ, кто не принадлежалъ, по происхожденію, къ высшему сословію, или, другими словами, имъ воспрещалось вмѣшиваться въ ряды конныхъ латниковъ. Впрочемъ, постановленія сейма и на этотъ разъ не имѣли никакой силы, какъ это видно изъ событія, случившагося вскорѣ послѣ того во Франконіи. Съ помощью тюрингскаго рыцарства, вюрцбургскій епископъ, графъ шварцбургскій, до такой степени угнеталъ свою эпархію, что жители городовъ возмутились противъ него еще до прибытія въ Германію Венцеслава. Вюрцбургъ рѣшился совершенно освободиться изъ подъ власти епископа и послалъ въ Богемію деньги для покупки себѣ льготъ и привилегій имперскаго города. Прибывъ въ Германію, Венцеславъ хотѣлъ, проѣздомъ черезъ Вюрцбургъ, исполнить его желаніе, но остановился, испуганный грознымъ письмомъ собравшихся на франкфуртскій сеймъ князей, написаннымъ подъ вліяніемъ майнцскаго епископа и Рупрехта III, сына умершаго не задолго передъ тѣмъ Рупрехта II. Война городовъ съ вюрцбургскимъ епископомъ продолжалась три года. Горожане были наконецъ совершенно побѣждены (1400 г.), и епископъ принялся съ такимъ варварствомъ искоренять между ними демократическія идеи, что подобные поступки со стороны христіанскаго священника показались бы намъ совершенно невѣроятными, еслибы свѣ-

дѣнія о нихъ не были сообщены однимъ весьма честнымъ вюрцбургскимъ аббатомъ, жившимъ спустя сто лѣтъ. По приказанію епископа, горожанъ колесовали, вѣшали, четвертовали и затаскивали до смерти по землѣ; однимъ словомъ, епископъ неистовствовалъ противъ своихъ побѣжденныхъ подданныхъ какъ какой нибудь турецкій паша.

Между тѣмъ короли кастильскій и французскій продолжали неутомимо трудиться надъ прекращеніемъ раскола, стараясь побудить германскаго императора къ принятію такихъ же мѣръ противъ Бонифація, какія сами они приняли противъ Бенедикта. Оба государства не только отказали папѣ въ повиновеніи, но войско французскаго короля даже заперло его въ Авиньонѣ, и Бенедиктъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе удовлетворить требованіямъ французскаго и кастильскаго королей и духовенства. Впрочемъ, выпутавшись изъ затрудненій, онъ объявилъ эту клятву вынужденною и недѣйствительною. Французскій король пригласилъ Венцеслава пріѣхать въ Реймсъ для личныхъ переговоровъ по дѣламъ церкви. Не имѣя права дѣйствовать безъ согласія сейма, императоръ обратился съ вопросомъ къ пражскому университету, какъ хранителю правъ духовенства, и пфальцграфу Рупрехту III, какъ блюстителю законовъ имперіи. Университетъ настоятельно требовалъ, чтобы императоръ дѣйствовалъ за одно съ Франціею; пфальцграфъ, напротивъ, отговаривалъ его, въ длинномъ письмѣ, отъ поѣздки въ Реймсъ, предупреждая его противъ сѣтей французовъ и исчисляя всѣ оскорбленія, нанесенныя ими имперіи. Изъ этого мы видимъ, что еще въ то время были люди, выдававшіе смѣшную ненависть къ французамъ за германскій патріотизмъ и вводившіе народъ въ заблужденіе пустыми фразами, въ видахъ личной выгоды или изъ угожденія такимъ людямъ, какъ епископъ майнцскій. Въ то же время Рупрехтъ доказывалъ въ своемъ письмѣ, что единственнымъ законнымъ папою былъ Бонифацій, и что императоръ долженъ сохранить ему вѣрность, если не желаетъ утратить права на имперію; онъ даже очень рѣзко грозилъ Венцеславу мятежомъ и отложе-

ніемъ. Послѣдняя угроза ясно доказываетъ, что уже въ то время множество князей сговорились съ папою низвергнуть императора не для выгоды имперіи, какъ они говорили впослѣдствіи, а въ пользу папы, вредившаго религіи и государству, и еще болѣе для своихъ личныхъ выгодъ. Уже одинъ тонъ этого письма долженъ былъ не отклонить, а побудить императора къ поѣздкѣ въ Реймсъ. Дѣйствительно, получивъ его, Венцеславъ немедленно собрался въ путь. Въ Реймсѣ его встрѣтилъ король Карлъ VI съ герцогами бургундскимъ, беррійскимъ и орлеанскимъ, которые управляли Франціей послѣ перваго случившагося съ королемъ припадка помѣшательства. Къ несчастью, по недостатку въ деньгахъ, Венцеславъ былъ вынужденъ занять у французскихъ принцевъ тридцать тысячъ франковъ, что дало его врагамъ, повидимому, основательный поводъ утверждать потомъ, что онъ былъ подкупленъ французами. Въ Реймсѣ императоръ дѣйствительно вступилъ въ тѣсный союзъ съ французскимъ и кастильскимъ королями, но и этимъ двумъ государямъ далъ впослѣдствіи право жаловаться на обманъ съ его стороны. Онъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ Бонифація, и когда приверженцы этого папы составили противъ него въ Германіи заговоръ, онъ послалъ туда самаго плохаго дѣльца, какого только можно было выбрать, а именно кардинала Пилео ди Прато (т. VIII. стр. 492), съ неограниченнымъ полномочіемъ защищать его передъ Бонифаціемъ, признавъ такимъ образомъ этого папу своимъ судьею, и далъ рѣзкій отвѣтъ французскому посольству, напоминавшему ему о данномъ словѣ.

Въ это самое время Венцеславъ совершилъ преступленіе, побудившее нѣмцевъ низвергнуть его съ престола; но это преступленіе было совершено противоположно тому, въ которомъ обвиняли его соучастники папскаго заговора. Своимъ бездѣйствіемъ онъ далъ возможность примасу германской церкви и рейнскому пфальцграфу продать права этой церкви, вмѣсто того чтобы отстаивать ихъ. На обратномъ пути изъ Реймса въ Богемію, Венцеславъ поссорился съ Рупрехтомъ за дерзости, которыя тотъ позво-

лилъ себѣ въ своемъ письмѣ; это поощрило приверженцевъ Бонифація, враждебныхъ истиннымъ интересамъ Германіи, и чтобы предупредить опасность, грозившую ему съ этой стороны, императоръ не только отказался отъ мѣръ, предположенныхъ въ Реймсѣ, но даже дозволилъ Бонифацію попрать права германской церкви и его собственныя. Такимъ образомъ Германія, покинутая своимъ государемъ и преданная высшимъ духовенствомъ, становилась все болѣе и болѣе рабою римской церкви, въ то самое время какъ Франція, опираясь на короля и ученѣйшихъ богослововъ, впервые провозгласила права и привилегіи своей церкви и положила прочныя границы деспотизму папъ. Единовременно съ отказомъ въ повиновеніи французы издали декларацію, извѣстную подъ названіемъ „прагматической санкціи." Впрочемъ эта декларація была впослѣдствіи нѣсколько разъ отмѣняема и снова приводима въ дѣйствіе. Между прочимъ она предоставляла свѣтскому правительству право замѣщать духовныя должности лицами, по своему назначенію помимо папы.

Повидимому Венцеславъ старался посредствомъ недостойныхъ уступокъ примириться и съ Рупрехтомъ; онъ простилъ ему оскорбленіе, потребовавъ отъ него только письменнаго извиненія и изъявленія покорности. Этотъ ничтожный документъ ясно показываетъ какого рода тактикѣ слѣдовали подстрекаемые и поддерживаемые Бонифаціемъ германскіе князья. Папа постоянно настраивалъ ихъ заходить впередъ до извѣстной черты и снова дѣлать нѣсколько шаговъ назадъ. Какъ онъ, такъ и князья употребляли другъ друга орудіемъ своихъ цѣлей. Курфирсты, поддерживаемые папою, пользовались неудовольствіемъ націи, для того чтобы держать въ страхѣ императора и поддерживать анархію, дававшую имъ возможность ловить въ мутной водѣ рыбу, а папа пользовался этимъ страхомъ, чтобы удерживать Венцеслава отъ союза съ Франціею и заманивать въ Римъ. Такъ какъ коронованіе въ Римѣ было для Венцеслава средствомъ удержать отъ отпаденія Германію, то папа, самъ едва державшійся на престолѣ, старался хитростью убѣдить

его принять въ Римѣ императорскую корону и тѣмъ неразрывно связать свою участь съ участью римскаго папы. Іоаннъ Майнцскій и Рупрехтъ Пфальцскій, бросившіе Германію и ея церковь на жертву римскому папѣ, пользовались въ тоже время милостями Венцеслава, который нарушалъ для этого интересы государства. Добившись этихъ милостей разными происками, они не стыдились обвинять его, когда онъ дѣлалъ то же самое для другихъ. Іоаннъ выхлопоталъ у него разрѣшеніе учредить двѣ новыя таможни за мѣсяцъ до того, какъ созвалъ приготовительное собраніе для обсужденія вопроса о низверженіи Венцеслава. Собраніе это состоялось въ Марбургѣ, въ іюнѣ 1399 г. На немъ присутствовали четыре курфирста: Іоаннъ Майнцскій, Фридрихъ Кёльнскій, Рудольфъ Саксонскій и Рупрехтъ III Пфальцскій, а также ландграфъ Германъ Гессенскій. Чрезъ посредство Іоанна въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и папа Бонифацій IX. Князья заключили въ Марбургѣ формальный союзъ противъ Венцеслава и въ сентябрѣ вторично собрались въ Майнцѣ, куда явилось много другихъ германскихъ феодаловъ, и въ томъ числѣ третій духовный курфирстъ. Города оставались вѣрными императору и не принимали никакого участія въ этомъ заговорѣ. При этомъ призрачномъ императорѣ они пріобрѣли значительное республиканское могущество; Венцеславъ, нуждаясь въ ихъ поддержкѣ такъ же какъ и его отецъ, постоянно принималъ ихъ сторону противъ духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ; монархическая власть нисколько не стѣсняла ихъ, потому что внутри своихъ стѣнъ они имѣли свое самостоятельное управленіе, а внѣ—придерживались кулачнаго права такъ же какъ и рыцарство. Къ тому же въ дѣйствіяхъ князей и ихъ руководителя они видѣли заговоръ противъ Бога и его помазанника. Сатирическія стихотворенія мейстерзенгеровъ ясно показываютъ намъ, до какой степени были ненавистны и презрѣнны въ глазахъ горожанъ клерикалы.

Въ Майнцѣ князья постановили низложить Венцеслава, но опредѣлили обсудить этотъ вопросъ еще на третьемъ сеймѣ. Прежде

всего они условились исключить при новомъ избраніи короля принцевъ люксембургскаго и габсбургскаго домовъ. Это условіе, въ которомъ ясно проглядывали ихъ эгоистическія побужденія, было совершенно противно установленному порядку и обычаю. Бонифацій немедленно воспользовался этимъ, чтобы застращать Венцеслава и Сигизмунда и побудить перваго, для предупрежденія замысла курфирстовъ, короноваться въ Римѣ и соединить такимъ образомъ дѣло римскаго папы съ своимъ собственнымъ. Это однако не состоялось, не потому, впрочемъ, что Венцеславъ имѣлъ въ виду свое достоинство, или пользу государства, а единственно потому, что былъ слишкомъ безпеченъ. Онъ не могъ даже собраться на два сейма, которые созывалъ самъ, желая противопоставить ихъ сборищамъ своихъ враговъ. Такая безпечность и рѣзкое различіе между низкимъ поведеніемъ Венцеслава относительно Бонифація и серьезною ролью, принятою на себя другими государями и націями относительно Бенедикта, должны были возбудить противъ Венцеслава даже тяжелые умы нѣмцевъ, сдѣлавшихся предметомъ посмѣянія и презрѣнія для всей Европы, но не имѣвшихъ возможности дѣйствовать помимо своего государя. Все это послужило въ пользу майнцскаго архіепископа и его союзниковъ. Въ маѣ 1400 г. они созвали во Франкфуртѣ собраніе, на которое съѣхалось множество лицъ, и въ томъ числѣ явились наконецъ представители городовъ. Собраніе рѣшило пригласить Венцеслава въ Оберланштейнъ для того, чтобы согласно постановленіямъ золотой буллы предстать на судъ курфирстовъ. Но во Франкфуртѣ князья перессорились между собой, и курфирстъ Рудольфъ Саксонскій еще до конца совѣщаній уѣхалъ домой, со своимъ зятемъ, герцогомъ Фридрихомъ Брауншвейгскимъ. Они противопоставили эгоистичнымъ проискамъ майнцскаго курфирста сильную партію своихъ сторонниковъ и вслѣдствіе того окончательно поссорились съ нимъ. Дорогою, близь Фрицлара, на этихъ двухъ князей неожиданно напалъ сильный отрядъ вооруженныхъ людей, въ числѣ которыхъ находились графъ Генрихъ Вальдекскій,

зять Іоанна и управитель майнцскихъ владѣній въ Гессенѣ, и много другихъ майнцскихъ должностныхъ лицъ и вассаловъ. Фридрихъ Брауншвейгскій былъ убитъ Генрихомъ, а саксонскій курфирстъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Вальдекъ, откуда черезъ мѣсяцъ его отпустили. Въ этомъ нападеніи всѣ единогласно, но положительно несправедливо, обвиняли майнцскаго курфирста. Графъ вальдекскій наслѣдовалъ отъ своей бабки значительный долгъ на брауншвейгскомъ домѣ и вначалѣ требовалъ его судебнымъ порядкомъ, но никогда не могъ получить удовлетворенія, потому что въ то время въ Германіи для сильныхъ не существовало закона. Тогда Вальдекъ рѣшился, по рыцарскому обычаю, овладѣть герцогомъ и задержать его въ плѣну до тѣхъ поръ, пока онъ не расплатится; но въ пылу сраженія Фридрихъ былъ убитъ, вопреки желанію его врага.

На франкфуртскомъ сеймѣ города по прежнему стояли за Венцеслава. До вестфальскаго мира, они, какъ извѣстно, не имѣли рѣшительнаго голоса на сеймахъ; поэтому депутаты ихъ, не участвовавшіе въ совѣщаніяхъ и получившіе сообщеніе о ихъ результатѣ только тогда, когда уже было принято окончательное рѣшеніе, въ своемъ отвѣтѣ князьямъ ясно дали понять, что эта необычайная мѣра противъ главы государства клонилась къ нарушенію свободы городовъ и притѣсненію гражданъ въ угоду князьямъ и рыцарству. Между тѣмъ Венцеславъ, беззаботно прогуливавшійся по Богеміи, своими сношеніями съ Бонифаціемъ унизилъ себя и Сигизмунда въ глазахъ честнѣйшихъ и преданнѣйшихъ изъ своихъ германскихъ друзей, ненавидѣвшихъ алчнаго римскаго папу. Въ іюнѣ 1400 г. Венцеславъ послалъ Сигизмунда къ Бонифацію, рѣшившись сдѣлать ему всѣ уступки, какихъ онъ пожелаетъ, и такимъ образомъ призналъ папу своимъ законнымъ судьею. Но Бонифацій продолжалъ медлить, ведя переговоры съ Венцеславомъ и его врагами, такъ что, впослѣдствіи, при низложеніи императора, Іоаннъ Майнцскій сослался на согласіе папы. Курфирсты майнцскій, трирскій, кёльнскій и пфальцскій собрались, въ августѣ, въ Оберлан-

штейнѣ, для суда надъ императоромъ. 20 августа, они заочно постановили надъ нимъ приговоръ, не выслушавъ его оправданій; отъ него потребовали отреченія отъ короны, не соблюдя при этомъ законныхъ формъ и не назначивъ извѣстныхъ сроковъ для приведенія приговора въ исполненіе. Майнцскій курфирстъ прочелъ этотъ приговоръ и основанія, на которыхъ онъ былъ постановленъ, собравшемуся у воротъ города народу. Но какъ ни шатки были эти основанія и какъ ни явно проглядывали въ нихъ происки двухъ курфирстовъ, нельзя не сознаться, что рѣдко какая нибудь нація имѣла столько поводовъ низложить избраннаго ею правителя, какъ въ этомъ случаѣ нѣмцы. Впрочемъ, на сколько были законны въ этомъ дѣлѣ дѣйствія курфирстовъ, мы предоставляемъ судить законовѣдамъ; что касается насъ, то мы видимъ въ этомъ судѣ, такъ же какъ и въ подобныхъ процессахъ новѣйшаго времени, одну комедію, считавшуюся необходимою для народа, комедію, нуждавшуюся въ поддержкѣ оружія для того, чтобы пріобрѣсти какое нибудь значеніе. Это видно изъ того, что приговоръ былъ подписанъ одними курфирстами и ихъ родственниками, вассалами, канониками и чиновниками и что, вмѣсто депутатовъ отъ городскаго сословія, въ свидѣтели были призваны бѣдные рейнскіе поселяне, точно такъ же какъ за семьдесять лѣтъ до нашего времени, въ Парижѣ, такъ называемые санкюлоты. Между прочимъ, въ приговорѣ Венцеслава были приведены слѣдующіе обвинительные пункты: уступка Милана фамиліи Висконти и Генуи французамъ, овладѣвшимъ этимъ городомъ въ 1396 г., по случаю происходившихъ тамъ безпорядковъ и сохранившимъ свою власть надъ нимъ до 1409 г.; далѣе, упомянутая выше раздача бланковъ, несоблюденіе своихъ обязанностей относительно поддержанія земскаго мира, противозаконные поступки въ Богеміи, невниманіе къ нѣсколько разъ повторенному приглашенію пріѣхать въ Германію и наконецъ, нерадѣніе о церкви. Въ этомъ актѣ, составленномъ майнцскимъ курфирстомъ, кромѣ лицемѣрнаго и площаднаго тона, въ какомъ онъ написанъ, замѣчательно еще то обстоятельство, что такой разбойникъ, какъ

Іоаннъ, обвинялъ императора въ нерадѣніи о поддержаніи земскаго мира, который такъ часто нарушалъ самъ.

На другой же день по низложеніи Венцеслава, курфирсты избрали на его мѣсто Рупрехта III Пфальцскаго, а на третій, провозгласили его германскимъ королемъ, подъ условіемъ отмѣнить незаконныя пошлины, присоединить снова Миланъ къ германской имперіи и возстановить порядокъ въ церкви. Рупрехтъ немедленно отправился во Франкфуртъ, но этотъ городъ до тѣхъ поръ не впускалъ его, пока, по принятому обычаю, онъ не прождалъ шесть недѣль своего противника передъ стѣнами. Ахенъ вовсе не открылъ ему своихъ воротъ, и Рупрехтъ былъ вынужденъ короноваться въ Кёльнѣ (январь 1401 г.). Папа Бонифацій, благопріятствовавшій избранію Рупрехта, остался, тѣмъ не менѣе, въ тѣсномъ союзѣ съ Венцеславомъ, которому написалъ, въ самое время его низложенія, письмо, гдѣ положительно обѣщалъ ему свою защиту.

8. Германія, Италія и римская церковь отъ низложенія Венцеслава до собора въ Пизѣ.

Избранный на мѣсто Венцеслава Рупрехтъ былъ, по свидѣтельству всѣхъ лѣтописцевъ, кротокъ, справедливъ, набоженъ, добръ и храбръ; къ тому же онъ былъ энергичнѣе Венцеслава. По мнѣнію одного духовнаго лица, Рупрехтъ былъ ученѣйшимъ государемъ своего вѣка. Чтобы показать отеческія чувства этого короля и его нерасположеніе къ придворнымъ, желавшимъ управлять народомъ посредствомъ палокъ, мы приведемъ здѣсь одинъ примѣръ. Свобода пѣсни была въ то время для Германіи тѣмъ же самымъ, чѣмъ нынѣ свобода печати: однажды высокородный придворный полицеймейстеръ Рупрехта велѣлъ наказать палочными ударами гейдельбергскую молодежь, когда та, по возвращеніи императора изъ Италіи, высказала въ своихъ пѣсняхъ относительно

его нѣкоторыя истины; но Рупрехтъ запретилъ ему мѣшать молодежи пѣть сатирическія пѣсни противъ короля. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, этотъ государь имѣлъ успѣхъ только въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ; все что онъ ни предпринималъ относительно имперіи, оказывалось неудачнымъ. Вначалѣ, онъ хотѣлъ силою принудить Венцеслава признать его власть и въ апрѣлѣ 1401 г. вторгнулся въ Богемію, но, не будучи въ состояніи проникнуть туда, вступилъ въ союзъ съ Іобстомъ и Прокопіемъ, которые думали извлечь для себя пользу изъ затруднительнаго положенія Венцеслава и Сигизмунда. Несчастный походъ противъ турокъ нисколько не исправилъ Сигизмунда; онъ остался также жестокъ, легкомысленъ и расточителенъ, какъ былъ, и постоянно нуждался даже въ самыхъ ничтожныхъ деньгахъ; поэтому его постигла въ Венгріи почти такая же участь, какъ его брата въ Германіи. Вначалѣ онъ находилъ себѣ поддержку въ палатинѣ Николаѣ Гара, сынѣ уже упомянутаго нами убійцы короля Карла III (т. VIII. стр. 471), но потомъ поссорился съ нимъ, и въ Венгріи образовалась, при содѣйствіи Бонифація, сильная партія приверженцевъ неаполитанскаго короля Владислава (т. VIII. стр. 472). Въ 1401 г. Сигизмундъ, обвиненный сеймомъ въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, былъ посаженъ въ темницу, а на мѣсто его призванъ Владиславъ. Къ счастью для Сигизмунда, первые два года молодой Владиславъ не могъ явиться на этотъ зовъ. Пока Сигизмундъ сидѣлъ въ темницѣ, въ Богемію вступило войско Рупрехта подъ предводительствомъ его сына Людовика III и двоюродныхъ братьевъ Венцеслава, Іобста и Прокопія. Къ нимъ тотчасъ же пристало множество сильныхъ феодаловъ, возбужденныхъ противъ Венцеслава его двоюродными братьями. Запертый въ Прагѣ, Венцеславъ спасся только тѣмъ, что согласился на всѣ требованія мятежныхъ вассаловъ. У него отняли власть, какъ у слабоумнаго, и назначили для управленія страною совѣтъ изъ четырехъ чешскихъ феодаловъ. Регентомъ былъ назначенъ отсутствовавшій Сигизмундъ. Достигнувъ цѣли своихъ желаній, чехи обратились соединенными

силами противъ ворвавшихся къ нимъ нѣмцевъ, и тѣ должны были удалиться, не добившись никакихъ результатовъ. Іобстъ поспѣшилъ къ границамъ Венгріи, чтобы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ и другаго двоюроднаго брата. Съ помощью Прокопія, онъ отнялъ у Венгріи нѣсколько мѣстечекъ, но этимъ помогъ только освобожденію Сигизмунда; графъ фонъ Цилли успѣлъ уже, съ своей стороны, побудить къ этому палатина Николая Гара, которому Сигизмундъ былъ отданъ подъ надзоръ. Гара имѣлъ и другія побужденія согласиться на освобожденіе Сигизмунда, потому что не могъ допустить, чтобы венгерскимъ королемъ сдѣлался Владиславъ, отецъ котораго былъ убитъ его отцомъ. Всѣ три феодала, содѣйствовавшіе освобожденію Сигизмунда, потребовали себѣ награды. Іобстъ за походъ въ Венгрію и отпаденіе отъ Рупрехта получилъ отъ Венцеслава Лузацію. Николаю Гара было возвращено отнятое у него Сигизмундомъ званіе палатина и онъ былъ, сверхъ того, щедро награжденъ Венцеславомъ; наконецъ, Германъ фонъ Цилли сдѣлался зятемъ венгерскаго короля черезъ бракъ своей дочери съ Сигизмундомъ. Устроивъ дѣла въ Венгріи, Сигизмундъ поспѣшилъ, съ нѣсколькими тысячами венгерскихъ рыцарей, въ Богемію, гдѣ Венцеславъ передалъ ему правительственную власть (въ концѣ 1401 г.).

Рупрехтъ не предпринималъ ничего болѣе противъ Богеміи. Онъ рѣшился прежде всего короноваться въ Римѣ императорской короной, а потомъ уже утвердить свою власть въ Германіи. Мы видѣли, что курфирсты заставили его объявить войну миланскому герцогу Іоанну Галеаццо; къ тому же самому призывали его папа Бонифацій, все еще колебавшійся между Венцеславомъ и Рупрехтомъ, флорентинцы и Франческо Новелло Падуанскій. Папа уже послалъ въ Германію одного искуснаго юриста, чтобы вывѣдать сильна ли партія Рупрехта и открытъ ли для него походъ въ Италію чрезъ Альпы. Флорентинцы, притѣсняемые миланскимъ герцогомъ, способствовали даже, по свидѣтельству одной лѣтописи, низложенію Венцеслава и обязались въ договорѣ съ Рупрехтомъ

уплатить ему огромную сумму денегъ. Франческо Новелло также призывалъ его въ Италію и привелъ къ нему, когда онъ вступилъ туда, двѣ тысячи человѣкъ отборной конницы. Для того чтобы проникнуть въ Италію черезъ Тироль, Рупрехту необходимо было пріобрѣсти дружбу и содѣйствіе австрійскаго герцога Леопольда III, который, по смерти отца, убитаго при Земпахѣ, владѣлъ всею страною по берегамъ Адижа и Инна и по ту сторону Арльберга. Этотъ принцъ оставался союзникомъ другихъ австрійскихъ герцоговъ, стоявшихъ за люксембургскій домъ, а также союзникомъ Венцеслава и Сигизмунда, но, не смотря на то, еще до низложенія Венцеслава, заключилъ договоръ съ Рупрехтомъ. Впрочемъ, въ этомъ договорѣ было оговорено для формы, что онъ не имѣетъ силы противъ императора. По поводу этого, одинъ австрійскій историкъ нашего времени весьма дѣльно замѣчаетъ, что это была одна изъ общеупотребительныхъ въ то время канцелярскихъ формъ, уже потерявшихъ всякое связанное съ ними значеніе. Прославленная нѣмецкая вѣрность давно уже не существовала. Тотъ же самый герцогъ Леопольдъ, не задумавшись, подписалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ договоръ, которымъ Іоаннъ Галеаццо старался обезпечить себя отъ послѣдствій союза между Рупрехтомъ и Леопольдомъ, а вслѣдъ за тѣмъ заключилъ договоръ и съ Рупрехтомъ, который за дозволеніе пройти чрезъ Тироль обѣщалъ ему сто тысячъ дукатовъ, а въ залогъ ихъ нѣсколько городовъ и замковъ, которые онъ намѣревался отнять у миланскаго герцога. Въ третьемъ договорѣ съ Рупрехтомъ Леопольдъ обязался присоединиться къ его войску со своими вассалами.

Сдѣлавъ необходимый денежный заемъ въ Венеціи, Рупрехтъ въ сентябрѣ 1401 г. отправился въ Италію, соединивъ подъ своими знаменами баварскія и пфальцскія войска и нѣсколько отрядовъ, приведенныхъ нюрнбергскимъ бургграфомъ и тремя или четырьмя германскими епископами. Въ Тріентѣ къ нему присоединились и другія обѣщанныя ему войска. Назначивъ Франческо Новелло главнокомандующимъ всею своею арміею, Рупрехтъ направился

прямо на миланскій городъ Брешію, гдѣ 21 октября далъ миланцамъ рѣшительное сраженіе. Іоаннъ Галеаццо выставилъ противъ него лучшихъ полководцевъ того времени и цвѣтъ итальянской конницы, считавшейся первою въ Европѣ. Сверхъ того миланцы имѣли на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности. Безразсудная пылкость нюрнбергскаго бургграфа помѣшала благоразумнымъ распоряженіямъ Франческо Новелло — и войско Рупрехта было совершенно разбито. Отъ него не осталось бы и слѣда, если бы Джакопо Каррарскій, сынъ Франческо Новелло, посредствомъ искуснаго стратегическаго маневра, сообразнаго съ итальянскою военною тактикою того времени, не далъ ему возможности отступить. Герцогъ Леопольдъ былъ взятъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ битвы, и войска его, какъ бы по данному знаку, тотчасъ же разсѣялись. Черезъ три дня Леопольдъ благополучно вернулся изъ плѣна въ лагерь Рупрехта, ясно доказавъ этимъ, что какъ онъ, такъ и кёльнскій архіепископъ, достойный другъ архіепископа майнцскаго, были подкуплены миланскими деньгами. Оба они поспѣшили восвояси, когда Рупрехтъ потребовалъ ихъ къ суду. Оставшись безъ денегъ и безъ надеждъ, германскій король распустилъ остальныя войска и удалился въ Падую, къ Франческо Новелло. Отсюда онъ обратился къ флорентинцамъ, требуя обѣщанныхъ денегъ и войска, но тѣ прислали ему всего шестьдесятъ пять тысячъ флориновъ, на которые онъ ничего не могъ предпринять. Поэтому въ апрѣлѣ 1402 г. онъ вернулся въ Германію. Быть можетъ Рупрехтъ передъ отъѣздомъ короновался бы въ Римѣ, если бы врожденное чувство благородства и патріотизма не воспретило ему купить императорскую корону цѣною низкихъ уступокъ, такъ какъ за это папа требовалъ отъ него обѣщанія не вмѣшиваться въ дѣла церкви.

По удаленіи Рупрехта изъ Италіи, Іоаннъ Галеаццо направилъ всѣ свои силы противъ владѣтеля Болоньи, Джіованни Бентиволье, котораго поддерживали въ этой борьбѣ только Франческо Новелло и флорентинцы. При этомъ Бентиволье грозила еще враждебная партія внутри его собственныхъ владѣній. Но не смотря на

затруднительность своего положенія, онъ въ продолженіе почти цѣлаго года отстаивалъ Болонью противъ лучшихъ итальянскихъ наемниковъ, пока не потерялъ наконецъ рѣшительнаго сраженія вблизи Болоньи. Черезъ два дня послѣ того онъ былъ убитъ своими подданными (іюнь 1402 г.), и Іоаннъ Галеаццо занялъ Болонью. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ покореніе этого города повлекло бы за собою покореніе Флоренціи и, быть можетъ, Галеаццо сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ власть надъ всею Италіею, если бы смерть не похитила его неожиданно въ ту минуту, когда онъ уже былъ близокъ къ цѣли стремленій всей своей жизни. Смерть его въ сентябрѣ 1402 г. совершенно измѣнила положеніе дѣлъ. Онъ оставилъ двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Согласно его завѣщанію, старшій изъ нихъ, Іоаннъ Марія, наслѣдовалъ Миланъ и герцогскій титулъ, а младшій, Филиппъ Марія, графъ павійскій, получилъ въ удѣлъ Павію съ небольшою областью. Своему побочному сыну, Габріелю, Галеаццо завѣщалъ Пизу и нѣсколько мелкихъ городовъ. Регентшею ихъ онъ назначилъ жену свою Катарину, дочь суроваго Варнавы, приставивъ къ ней въ руководители старинныхъ совѣтниковъ фамиліи Висконти — предводителей кондоттьеровъ. Но едва умеръ Галеаццо, въ его владѣніяхъ возникли междоусобія, вызванныя несовершеннолѣтіемъ наслѣдника, честолюбіемъ кондоттьеровъ, властолюбіемъ предводителей партій въ нѣкоторыхъ, прежде республиканскихъ, городахъ и интригами Катарины. Сосѣднія государства воспользовались этими смутами, чтобы со всѣхъ сторонъ напасть на Миланъ. Правительство было прежде всего вынуждено примириться съ папою Бонифаціемъ (1403 г.), уступивъ ему Перуджію, Болонью и Ассисси, гдѣ буйный кардиналъ Бальтазаръ Косса кровавыми мѣрами возстановилъ папское господство. Поладивъ съ Бонифаціемъ, миланцы рѣшились отдѣлаться отъ интригантки Катарины; она была заключена въ темницу (1404 г.) и потомъ отравлена, по всѣмъ вѣроятіямъ, не безъ участія Іоанна Маріи. Пиза, въ которой Габріель не могъ удержаться, была продана имъ флорентинцамъ; городъ

освободился было отъ этого новаго ига, но, будучи слишкомъ бѣденъ, не нашелъ возможности выставить достаточнаго числа солдатъ противъ войска сильной и богатой Флоренціи и потому вторично подпалъ подъ ея иго, проданный на этотъ разъ своимъ собственнымъ дожемъ (1406 г.).

Франческо Новелло также расчитывалъ поживиться на счетъ фамиліи Висконти, но этимъ онъ, самъ того не предчувствуя, подготовилъ паденіе своей династіи и свое собственное. Франческо отнялъ уже у Висконти Верону, но они купили помощь венеціянцевъ, уступивъ имъ Виченцу и Верону, а вслѣдъ затѣмъ пристали къ врагамъ каррарскаго дома Франческо Гонзага Мантуанскій и даже зять Франческо Новелло, Николай д'Эсте Феррарскій. Старшій сынъ Франческо Новелло, Джакопо Каррарскій, въ самомъ началѣ войны попался въ руки венеціянцевъ и былъ заключенъ ими въ темницу. Отецъ его сдался въ августѣ 1405 г. Выдержавъ въ Падуѣ долговременную осаду, онъ обѣщалъ своимъ врагамъ, за освобожденіе сына, сдать Падую и другія крѣпости и выплатить значительную сумму денегъ, но отрекся отъ этихъ условій, получивъ надежду на помощь флорентинцевъ и генуезцевъ. Венеціянцы отмстили за это самымъ жестокимъ образомъ. Ожидаемая помощь не явилась, и въ ноябрѣ Падуя была взята. Франческо Новелло и сынъ его Джакопо были посажены въ темницу, преданы продолжительной пыткѣ и наконецъ удушены, по распоряженію совѣта десяти, знаменитая политика котораго, попиравшая всѣ нравственные законы, возвела Венецію на такую высокую степень могущества (т. VIII. стр. 316). Изъ двухъ младшихъ сыновей Франческо Новелло, находившихся во время войны во Флоренціи со своимъ воспитателемъ, одинъ умеръ отъ болѣзни, а другой сдѣлалъ въ 1435 г. попытку явиться въ окрестностяхъ Падуи, но былъ открытъ, привезенъ въ Венецію, преданъ пыткѣ и публично обезглавленъ. Съ согласія миланскаго правительства, нуждавшагося въ дружбѣ Венеціи, Падуя подобно Веронѣ, Виченцѣ и другимъ городамъ была присоединена къ венеціанскимъ владѣніямъ. Чрезъ

нѣсколько лѣтъ эта республика пріобрѣла также островъ Корфу, благодаря положенію дѣлъ въ Венгріи, гдѣ Владиславъ Неаполитанскій продолжалъ оспаривать престолъ у Сигизмунда, который однако постоянно вытѣснялъ его. Предпринимая въ 1410 г. послѣдній походъ въ Венгрію, Владиславъ продалъ Корфу венеціянцамъ.

Освободившись изъ плѣна, Сигизмундъ отправился въ Богемію (декабрь 1401 г.), принялъ въ свои руки управленіе и раздѣлался со своими двоюродными братьями Іобстомъ и Прокопіемъ. Но онъ со своими венграми такъ буйствовалъ въ Богеміи, что чехи, убѣдившись вскорѣ, что при немъ было не только не лучше, но едва ли не хуже, чѣмъ при его братѣ, возмутились противъ него въ маѣ 1402 г. Тогда Сигизмундъ выгналъ Іобста изъ Богеміи и, овладѣвъ Прокопіемъ и Венцеславомъ, заключилъ перваго изъ нихъ въ Пресбургъ, а втораго отправилъ въ Вѣну, поручивъ его тамъ надзору Альбрехта IV Австрійскаго, съ которымъ уже передъ тѣмъ заключилъ союзъ. Чтобы объяснить насильственное удаленіе короля изъ Богеміи, Сигизмундъ объявилъ, что Венцеслава везутъ въ Римъ, чтобы короновать его императоромъ, и несчастный провелъ полтора года въ заключеніи у Альбрехта. Чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ австрійскаго герцога, Сигизмундъ заключилъ съ нимъ договоръ о правѣ взаимнаго наслѣдованія другъ послѣ друга между луксембургскимъ и австрійскимъ домами, въ ущербъ правамъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Осенью 1402 г. Сигизмундъ вернулся въ Венгрію. Въ слѣдующемъ году онъ снова было отправился въ Богемію, но въ Венгріи опять потребовалось его присутствіе. Въ 1403 г. Владиславъ предпринялъ наконецъ свой давно задуманный походъ въ Венгрію; онъ высадился въ Далмаціи и былъ коронованъ папскимъ легатомъ, въ присутствіи венгерскаго примаса. Половина государства приняла его сторону. Но едва Сигизмундъ вернулся въ Венгрію, какъ въ октябрѣ Владиславъ уже долженъ былъ удалиться въ Неаполь, хотя часть венгерскихъ прибрежныхъ провинцій оставалась ему вѣрна. Въ слѣ-

дующіе года Сигизмундъ занялся устройствомъ внутреннихъ дѣлъ Венгріи и впервые оказалъ истинныя услуги этому государству, возстановивъ въ немъ спокойствіе и порядокъ и издавъ, при содѣйствіи сейма, много дѣльныхъ постановленій. Онъ отнялъ бы у своего противника и прибрежные города, если бы не былъ вскорѣ послѣ того вынужденъ снова уѣхать изъ Венгріи. Въ ноябрѣ 1403 г. Венцеславу удалось, наконецъ, бѣжать изъ Вѣны въ Богемію, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ и немедленно изгналъ всѣхъ правительственныхъ лицъ, назначенныхъ Сигизмундомъ, и венгерскіе гарнизоны. Нуждаясь въ опекѣ, Венцеславъ призвалъ къ себѣ Іобста, а слѣдующею весною явился къ нему и Прокопій, освобожденный Сигизмундомъ. Возвратившись въ Моравію, Прокопій сдѣлалъ изъ города Цнайма притонъ разбойниковъ и сталъ производить оттуда набѣги то на Венгрію, то на Австрію. Сигизмундъ и Альбрехтъ выступили противъ него соединенными силами, но при осадѣ Цнайма оба они захворали, и Прокопія обвиняютъ въ томъ, что онъ отравилъ ихъ. Альбрехтъ вскорѣ умеръ; но Сигизмундъ успѣлъ посредствомъ измѣны овладѣть Прокопіемъ. Онъ убѣдилъ его, самыми священными клятвами, явиться на свиданіе съ нимъ. Прокопій явился, но былъ схваченъ и заключенъ въ темницу (іюнь 1404 г.). Онъ умеръ тамъ черезъ три мѣсяца и всѣ остались убѣждены, что Сигизмундъ отравилъ его или уморилъ голодомъ.

Около этого времени для прекращенія раскола въ церкви въ Венгріи и Богеміи были приняты такія же мѣры, какъ и во всѣхъ европейскихъ странахъ, за исключеніемъ Германіи. Мы уже видѣли, что папа Бонифацій провозгласилъ венгерскимъ королемъ противника Сигизмунда, Владислава, а потомъ, въ 1403 г., столь же торжественно призналъ римскимъ королемъ Рупрехта, противника Венцеслава. Послѣднее было важною политическою ошибкою со стороны обыкновенно столь осмотрительнаго папы, и объясняется только тѣмъ, что онъ не ожидалъ, чтобы Венцеславу удалось освободиться изъ австрійскаго плѣна. Венцеславъ немедленно

сталъ побуждать какъ Богемію такъ и Венгрію отложиться отъ римскаго папы. Въ апрѣлѣ 1404 г. венгры однимъ знаменитымъ закономъ положили такія же границы притязаніямъ римскаго папы, какія уже давно были положены имъ въ Англіи. Сеймъ постановилъ, что замѣщеніе духовныхъ должностей и раздача приходовъ въ Венгріи зависятъ непосредственно отъ короля, безъ утвержденія котораго ни одна папская булла не должна имѣть силы въ государствѣ. Замѣчательно, что Венгрія возстала не противъ личности и поступковъ Бонифація, а собственно противъ господствовавшихъ въ средніе вѣка понятій о папской власти. Въ Богеміи этого не было; но тамъ противъ римской церкви выступили нѣкоторые проповѣдники, терпимые Венцеславомъ, и библейское ученіе ихъ не такъ быстро пришло въ забвеніе, какъ венгерскіе законы противъ злоупотребленій папъ, отмѣненные вскорѣ Сигизмундомъ, подкупленнымъ іерархіею. Вся чешская нація была возмущена и оскорблена тѣмъ, что Бонифацій, въ продолженіе трехъ лѣтъ ободрявшій и обманывавшій Венцеслава, призналъ, наконецъ, германскимъ королемъ его противника; всѣ съ жадностью слушали проповѣди, раздававшіяся на чешскомъ языкѣ въ Виѳлеемской церкви (т. VIII. стр. 533), и съ восторгомъ привѣтствовали ученіе Уиклефа, принесенное изъ Англіи на пражскія кафедры. Іоаннъ Гусъ, или Іоаннъ изъ Гусинца, бывшій профессоромъ пражскаго университета въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, а съ 1402 г. проповѣдникомъ и настоятелемъ Виѳлеемской церкви, нашелъ поддержку не только въ Венцеславѣ и всѣхъ свободно мыслящихъ чехахъ, но даже въ фанатическомъ, пражскомъ архіепископѣ Сбинко, который сдѣлался черезъ пять лѣтъ его жесточайшимъ гонителемъ. Гусъ проповѣдывалъ реформу въ церкви и ученіе его пустило глубокіе корни.

Въ Германіи Рупрехтъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы поддержать свое императорское значеніе. По возвращеніи изъ Италіи онъ очень строго наказалъ Ахенъ за сопротивленіе, выказанное ему этимъ городомъ, и принудилъ подчиниться имперскому суду маркграфа

баденскаго Бернгарда, который вмѣсто того, чтобы явиться, по требованію короля, дать отвѣтъ въ своихъ разбояхъ, искалъ защиты Франціи. Рупрехтъ усмирилъ и Вильгельма, герцога бергскаго, который еще наглѣе Бернгарда нарушалъ гражданскіе законы и даже священнѣйшіе законы природы. Гессенскіе, тюрингскіе и швабскіе города, товары которыхъ грабили по большимъ дорогамъ безчисленные рыцари-разбойники, прибѣгли подъ защиту Рупрехта. Король тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы упрочить въ странѣ безопасность. Онъ уже разрушилъ шесть разбойничьихъ притоновъ, или рыцарскихъ замковъ въ Веттерау, когда врагъ всякаго порядка, Іоаннъ Майнцскій, составилъ заговоръ противъ него, какъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ противъ Венцеслава, и остановилъ правильное отправленіе правосудія, за которое энергически принялся Рупрехтъ. Іоанну не трудно было образовать противъ короля союзъ, потому что маркграфъ баденскій, соглашаясь явиться на судъ, требовалъ, чтобы часть взведенныхъ на него обвиненій была отдана на обсужденіе духовныхъ курфирстовъ, а Эбергардъ III Вюртембергскій чувствовалъ себя, подобно Іоанну Майнцскому, сильнымъ только благодаря хищничеству союзнаго съ нимъ рыцарства и съ завистью глядѣлъ на возраставшее могущество короля, бывшаго рейнскаго пфальцграфа. Трое названныхъ князей и депутаты города Страсбурга и семнадцати другихъ швабскихъ городовъ заключили между собою (сентябрь 1405 г.) въ Марбахѣ, въ Вюртембергѣ, на пять лѣтъ, оборонительный союзъ, который былъ явно направленъ противъ Рупрехта, не смотря на то, что, по установленной формѣ, императоръ и имперія исключались изъ круга дѣйствій союза. Но и безъ того могущество такого союза, превосходившее силу обоихъ императоровъ и ихъ владѣній, необходимо должно было препятствовать всякой мѣрѣ, предпринимаемой въ духѣ безпристрастнаго правосудія. Рупрехтъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы уничтожить марбахскій союзъ; онъ предлагалъ даже представить всѣ взводимыя противъ него обвиненія на разсмотрѣніе третейскаго суда, въ которомъ самъ Эбергардъ

занималъ бы мѣсто судьи; но все было тщетно. Союзъ удержался и сдѣлался еще сильнѣе и опаснѣе, когда въ 1407 г. въ него вступили герцогъ Людовикъ Баварскій и города Вормсъ, Шпейеръ и Аугсбургъ. Такимъ образомъ почти вся юго-западная Германія возстала противъ Рупрехта, а восточныя и сѣверныя княжества ея еще не признавали его императоромъ. Казалось, что двѣ превозносимыя въ средніе вѣка монархіи, воспѣтыя Данте (т. VII. стр. 127 и т. VIII. стр. 234), какъ божественныя силы, поставленныя для поддержанія правосудія и любви среди грѣшнаго человѣчества, — свѣтская, или императорская, какъ представительница закона и правосудія, и духовная, или папская, какъ представительница любви и милосердія, должны были обратиться въ кровавую анархію. Мы увидимъ это въ слѣдующихъ событіяхъ исторіи папства до созванія собора въ Пизѣ.

Мы видѣли, что Франція и другія государства, признававшія авиньонскаго папу, отказались отъ повиновенія ему, такъ же какъ и Англія отказалась отъ повиновенія признаваемому ею Бонифацію IX; но когда германская нація не только не сдѣлала попытки низложить своего папу, а еще признала утвержденнаго имъ императора, политика потребовала, чтобы и первыя государства возстановили власть своего папы. Это и произошло, со всѣми формальностями, въ 1403 г. Франція, Кастилія, Португалія и Сицилія снова признали Бенедикта (Арагонія всегда оставалась ему вѣрна) законнымъ папою, потребовавъ отъ него только ради формы обѣщаніе сложить съ себя папское достоинство, какъ скоро сдѣлаетъ то же самое его противникъ въ Римѣ. Онъ согласился на это и даже послалъ въ Римъ двухъ епископовъ съ порученіемъ убѣдить, отъ его имени, Бонифація сложить съ себя папскую тіару. Бонифацій отклонилъ его предложеніе, но вскорѣ потомъ умеръ (1 октября 1404 г.). Римскіе кардиналы немедленно избрали новаго папу, но избрали такимъ образомъ, что это избраніе не могло служить помѣхою къ возстановленію единства въ церкви. Они подписали въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей актъ, въ ко-

торомъ тотъ изъ нихъ, на кого падетъ выборъ, обязывался самыми священными клятвами не отступать ни предъ какими жертвами для водворенія единства въ церкви, даже пожертвовать своимъ папскимъ саномъ, а послѣ избранія обязаться подобнымъ же актомъ не назначать впредь новыхъ кардиналовъ, или, если бы въ томъ настояла необходимость, возложить на нихъ такія же обязанности, какія онъ принималъ на себя самъ. Такимъ образомъ вся вина въ продолженіи раскола обращалась на будущее время на одного Бенедикта. Новый выборъ палъ 17 октября на ученаго, достойнаго и уважаемаго человѣка, принявшаго имя Иннокентія VII. Къ сожалѣнію, у новаго папы былъ племянникъ, Лодовико Мильорати, человѣкъ алчный и властолюбивый, старавшійся захватить свѣтскую власть въ свои руки. Впрочемъ церковными и учеными дѣлами завѣдывалъ секретарь Иннокентія, знаменитый знатокъ древне-классической литературы, Аретинъ, и если бы Иннокентій прожилъ долѣе, то Италія была бы обязана секретарю его учрежденіемъ одного изъ университетовъ, которые упрочили за нею славу возстановительницы падшаго классическаго образованія.

Вскорѣ по избраніи Иннокентія, стремленіе къ свободѣ и анархіи, овладѣвшее, послѣ смерти Іоанна Галеаццо, всѣми верхне-итальянскими государствами, увлекло и римлянъ. Съ помощью наемнаго войска, Бонифацій установилъ въ Римѣ такое же монархическое правленіе, какъ Галеаццо Висконти въ своемъ герцогствѣ. Но едва умеръ этотъ папа, какъ римляне вновь учредили у себя республику, съ семью выборными судьями, и знатныя римскія фамиліи начали по обыкновенію злоупотреблять въ свою пользу именемъ народа и свободы. Къ несчастью, черезъ два дня по избраніи новаго папы, пріѣхалъ въ Римъ неаполитанскій король Владиславъ, назначенный въ римскіе сенаторы своимъ покровителемъ, Бонифаціемъ. Онъ явился съ цѣлью воспользоваться господствовавшимъ въ Римѣ волненіемъ. Опасаясь, что Иннокентій, изъ желанія задобрить Францію, станетъ покровительствовать младшей

линіи анжуйскаго дома, Владиславъ пробылъ въ Римѣ цѣлый мѣсяцъ, вступилъ въ союзъ съ семью судьями республики и привлекъ на свою сторону родственника бывшаго папы, коменданта замка св. Ангела, который отказался отъ повиновенія новому папѣ. Наконецъ, Владиславъ принудилъ Иннокентія заключить договоръ, по которому власть была раздѣлена между имъ, папою и народомъ. Этотъ договоръ сдѣлалъ Владислава могущественнѣе самого папы. Въ началѣ слѣдующаго года, когда Владиславъ уѣхалъ, безпорядки въ Римѣ превзошли всякую мѣру, такъ что въ августѣ Иннокентій былъ вынужденъ бѣжать оттуда, не смотря на то, что изъ угожденія римлянамъ всѣ одиннадцать кардиналовъ, назначенныхъ имъ въ первомъ году его папства, были избраны имъ изъ природныхъ римлянъ. Виною этого несчастія былъ его грубый племянникъ, Лодовико Мильорати, приказавшій арестовать одиннадцать гражданъ, избранныхъ римлянами для переговоровъ съ папою, и отрубивъ имъ головы, выбросить ихъ въ окно на улицу. Это было сигналомъ всеобщаго возстанія: народъ съ яростью бросился на папскихъ приверженцевъ, грозя имъ смертью. Самому Иннокентію едва удалось скрыться изъ города. Онъ бѣжалъ въ Витербо, но долженъ былъ такъ спѣшить, что дорогою до тридцати человѣкъ изъ его свиты умерли отъ жажды и самъ онъ остался еле живъ. Въ продолженіе семимѣсячнаго пребыванія въ Витербо Иннокентій находился въ самомъ опасномъ положеніи; папское войско, расположенное въ Болоньѣ, было постоянно тревожимо мелкими владѣтелями Романьи и Альберикомъ да Барбіано, а французскій папа Бенедиктъ пріѣхалъ въ занятую французами Геную, съ цѣлью отвлечь флорентинцевъ отъ Иннокентія. Къ счастію, римляне сами вывели изъ затрудненія своего папу. Владиславъ прислалъ войско, чтобы овладѣть Римомъ; но жители взялись за оружіе, оттѣснили неаполитанцевъ и назначили, на мѣсто семи судей, передавшихся врагу, новое правительство изъ трехъ консуловъ, а въ февралѣ 1406 г. призвали назадъ Иннокентія.

Въ теченіе семи мѣсяцевъ, проведенныхъ Иннокентіемъ въ

Витербо, онъ не прекращалъ переговоровъ съ Бенедиктомъ относительно ихъ обоюднаго отреченія. Но ни тотъ, ни другой не смотрѣли серьезно на эти переговоры. Одни французы, особенно парижскій университетъ, продолжали съ искреннимъ и неутомимымъ рвеніемъ стремиться къ рѣшенію церковнаго вопроса. Правительство ихъ дважды писало убѣдительныя письма къ Иннокентію, грозя въ то же время, вмѣстѣ съ университетомъ и духовенствомъ, отказаться отъ повиновенія и своему папѣ. Въ ноябрѣ 1406 г. Иннокентій умеръ. Французское посольство въ Римѣ употребило всѣ усилія, чтобы отклонить кардиналовъ отъ избранія новаго папы. Они долго колебались, искренно желая прекращенія раскола, но тѣмъ не менѣе приступили наконецъ къ избранію. Кардиналы снова подписали такой же актъ какъ и при предшествовавшихъ выборахъ, но на этотъ разъ онъ былъ составленъ еще въ болѣе сильныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ; его подписалъ и избранный потомъ въ папы венеціанскій епископъ. Новый папа, избранный 30 ноября 1406 г. подъ именемъ Григорія XII, слылъ за умнаго, набожнаго и ученаго человѣка; но это былъ уже семидесятилѣтній старикъ, слабый и упрямый отъ старости. Еще до своего коронованія (въ декабрѣ) онъ писалъ къ Бенедикту, убѣждая его согласиться на свиданіе и объявляя, что отъ всего сердца готовъ принять предложенный Франціею способъ положить конецъ расколу. Бенедиктъ былъ поставленъ въ затрудненіе, потому что терпѣніе французовъ уже истощилось, и они грозили папѣ вторично отречься отъ него. Въ февралѣ 1407 г. въ Парижѣ собрался новый національный соборъ, на которомъ былъ прочтенъ энергическій протестъ парижскаго университета противъ дѣйствій французскаго папы, — протестъ, хотя не утвержденный, но и не опровергнутый положительно соборомъ. Въ этомъ актѣ было исчислено сколько разъ Бенедиктъ обманывалъ французовъ, которыхъ презрительно называлъ французиками (Galliculos), и упомянуто, что онъ деспотически нарушилъ, въ одиннадцати важныхъ случаяхъ, приви-

легіи галликанской церкви, уклонясь, посредствомъ хитрыхъ уловокъ, отъ всѣхъ попытокъ къ прекращенію раскола. Въ заключеніе парижскій университетъ отказывался отъ повиновенія папѣ и требовалъ надъ нимъ суда вселенскаго собора. Къ тому же самому заключенію пришелъ и александрійскій патріархъ Симонъ, которому парижскій соборъ поручилъ разсмотрѣніе этого дѣла; одинъ вселенскій соборъ могъ совершить то, чего ни одинъ изъ папъ не могъ, или не хотѣлъ сдѣлать. Созваніе собора еще не было пока рѣшено и на парижскомъ соборѣ было только объявлено, что терпѣніе французскаго народа истощилось. У папы было отнято право распоряжаться церковными должностями; папскіе доходы, или аннаты (т. VIII. стр. 158), и всѣ другія средства выжимать у народа деньги были отмѣнены; наконецъ, король обнародовалъ девять постановленій, въ которыхъ принималъ предложеніе Григорія и обѣщалъ, въ случаѣ отказа кардиналовъ Бенедикта, приступить къ избранію новаго папы сообща съ римскими кардиналами и предоставить избраніе однимъ послѣднимъ.

Видя, что дѣло начинаетъ принимать серьезный оборотъ, Бенедиктъ снова сдѣлалъ видъ, что готовъ пожертвовать для блага церкви своимъ честолюбіемъ. Онъ написалъ Григорію о своемъ согласіи и послалъ уполномоченныхъ договориться съ уполномоченными римскаго папы относительно свиданія обоихъ папъ и ихъ кардиналовъ. Договоръ объ этомъ былъ заключенъ въ апрѣлѣ 1407 г. и мѣстомъ свиданія избрана Савона. Но тутъ завязалась новая сѣть интригъ, потому что оба папы всячески старались устранить это свиданіе. Къ тому же Григорій имѣлъ множество племянниковъ духовнаго и свѣтскаго званія, злоупотреблявшихъ властью своего дяди. Онъ потребовалъ чрезвычайной дани со всего міра для покрытія издержекъ путешествія въ Савону, которое вовсе не былъ намѣренъ предпринять, и обобралъ всѣ римскіе монастыри и церкви, чтобы поддержать въ Савонѣ блескъ своего двора и доставить возможность своимъ племянникамъ безпутно сорить деньгами. Между тѣмъ Владиславъ, вѣроятно по наущенію племянниковъ папы,

возбудилъ въ Римѣ возстаніе и послалъ туда войска для того, чтобы воспрепятствовать примиренію римскаго папы съ французами; впрочемъ римляне прогнали его солдатъ вмѣстѣ съ дружественною Владиславу фамиліею Колонна, и Григорій не могъ уже долѣе откладывать свою поѣздку въ Савону. Въ іюнѣ онъ выѣхалъ изъ Рима, но, придумавъ дорогою различныя препятствія, прибылъ въ Лукку только въ январѣ 1408 г. Противникъ его находился уже въ Специи, такъ что папамъ оставалось всего нѣсколько часовъ пути, чтобы съѣхаться; но здѣсь Григорій изобрѣлъ новыя затрудненія и далъ пройти времени, назначенному для свиданія. Во время своего продолжительнаго путешествія, онъ поссорился даже съ кардиналами, потому что вопреки присягѣ назначилъ множество новыхъ кардиналовъ и даже возвелъ въ это званіе нѣкоторыхъ изъ своихъ племянниковъ. Во время ссоры онъ предложилъ кардиналамъ сложить папское достоинство за уступку его племянникамъ значительныхъ владѣній и доходовъ, но кардиналы не сочли себя вправѣ принять подобную сдѣлку. На пасхѣ 1408 г. Григорій окончательно разошелся съ прежними кардиналами, которые наконецъ покинули его и объявили себя въ пользу вселенскаго собора, который долженъ былъ быть созванъ обѣими коллегіями кардиналовъ. Ихъ поддерживали въ этомъ намѣреніи Флоренція и Болонья, гдѣ Балтазаръ Косса принялъ ихъ сторону, а Владиславъ Неаполитанскій, призванный племянниками папы, занялъ Римъ и почти всю церковную область.

Въ свою очередь и Бенедиктъ поссорился со своими кардиналами. Въ январѣ 1408 г. французскій король рѣшился на мѣру, принять которую давно уже убѣждалъ его парижскій университетъ: онъ объявилъ папѣ, что окончательно откажется отъ повиновенія ему, если тотъ до 24 мая не согласится съ противникомъ. Чтобы предупредить это, Бенедиктъ прибѣгнулъ къ средству, которое, вмѣсто того чтобы отвратить предстоявшую грозу, только приблизило и усилило ее. Въ самый день, назначенный французскимъ королемъ, Бенедиктъ послалъ ему буллу, въ

которой, не приводя именъ, предавалъ отлученію отъ церкви всѣхъ отказывавшихся отъ повиновенія ему. Тогда буря разразилась. Парижскій университетъ объявилъ Бенедикта еретикомъ и схизматикомъ; французскій король поручилъ парламенту обнародовать это объявленіе, приказалъ позорно разорвать папскую буллу, разрѣшилъ всѣхъ отъ повиновенія папѣ и такъ какъ расколъ еще продолжался, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для управленія церковью во Франціи, до того времени пока тамъ не будетъ признанъ новый папа. Бенедиктъ находился тогда въ Генуѣ, и шестеро изъ его кардиналовъ, пріѣхавшіе въ Ливорно для переговоровъ съ римскою партіею, согласились съ кардиналами, отпавшими отъ Григорія, созвать вселенскій соборъ отъ имени обѣихъ коллегій. Но Бенедиктъ не призналъ за своими кардиналами права созывать вселенскій соборъ и предписалъ къ 1-му ноября всеобщее собраніе духовенства въ Перпиньянѣ, откуда, не смѣя вернуться въ Авиньонъ, отправился на свою родину Арагонію, король которой постоянно оставался его другомъ. Кардиналы Бенедикта съѣхались съ римскими кардиналами, отпавшими отъ Григорія, и обѣ коллегіи постановили созвать соборъ въ Пизѣ, въ маѣ 1409 г. Григорій, съ своей стороны, созвалъ соборъ въ Удине. Изъ этихъ трехъ соборовъ, послѣдній былъ запрещенъ венеціанцами и городскими властями Удине и назначенъ потомъ въ Фріулѣ, куда съѣхалось весьма немного народу; соборъ въ Перпиньянѣ состоялся подъ покровительствомъ Арагоніи; одинъ только соборъ въ Пизѣ былъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, признанъ всѣми, но и тотъ не достигъ цѣли: вслѣдствіе его необдуманныхъ дѣйствій церковь получила еще третьяго папу.

Конецъ 8-го тома.